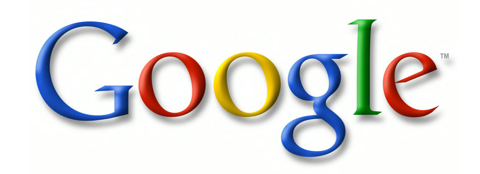
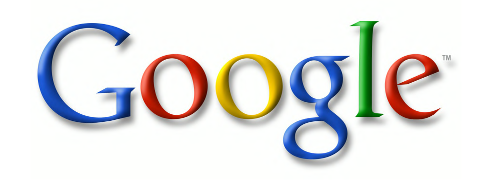
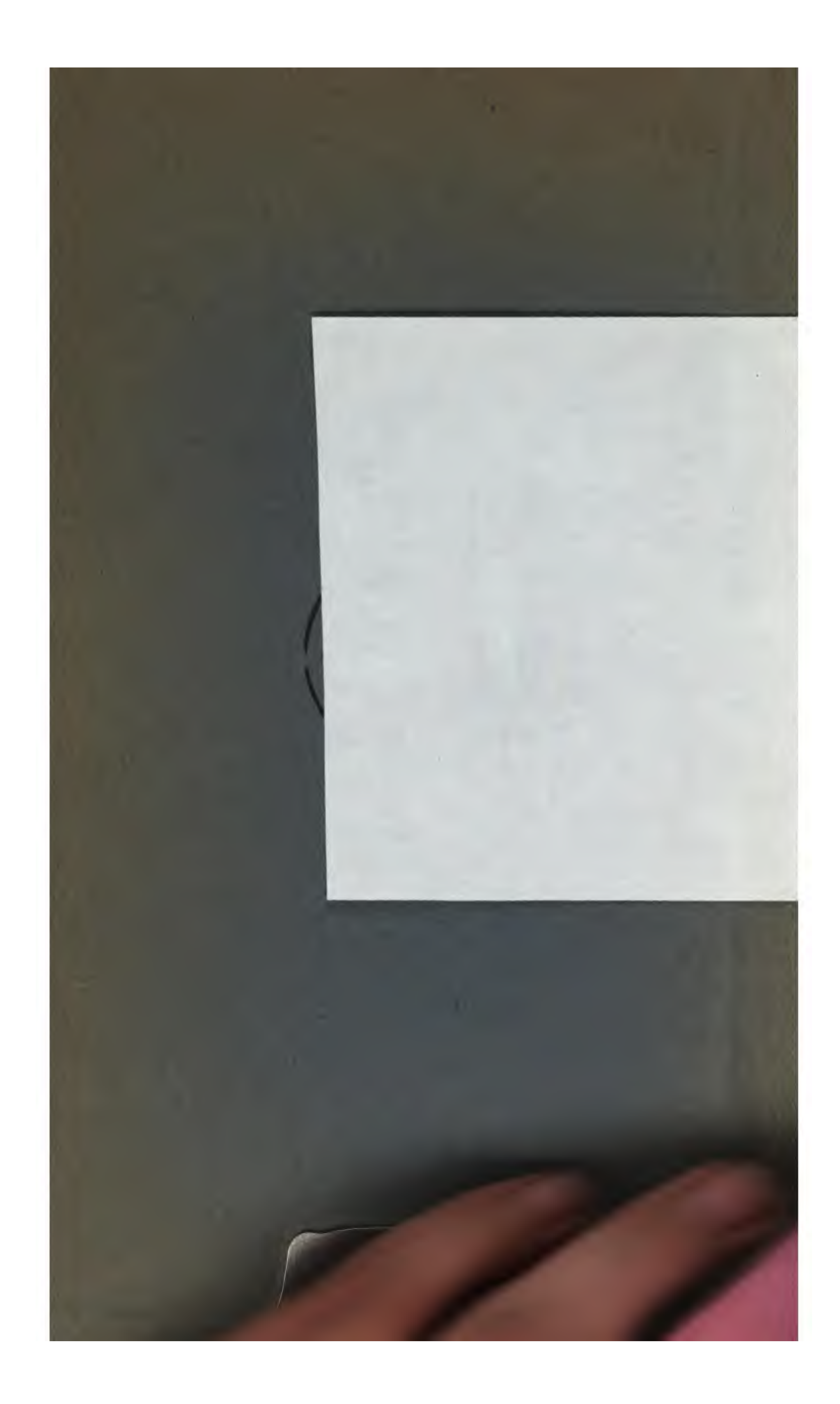

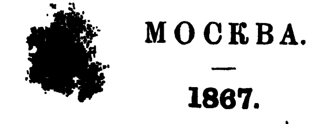
ВСЕРОССІЙСКАЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА

И

СЛАВЯНСКІЙ СЪѢЗДЪ

ВЪ МАѢ 1867 ГОДА.

МОСКВА.

1867.

ВСЕРОССІЙСКАЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА

И

СЛАВЯНСКІЙ СЪѢЗДЪ

ВЪ МАѢ 1867 ГОДА.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°.),
на Страстномъ бульварѣ.
1867.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Первыя четыре главы составлены по бумагамъ, доставленнымъ изъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія; остальныя же какъ на основаніи русскихъ и славянскихъ газетъ, такъ и частныхъ сообщеній.

Первыя четыре главы составлены по бумагамъ, доставленнымъ изъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія; остальныя же какъ на основаніи русскихъ и славянскихъ ґазетъ, такъ и частныхъ сообщеній.

I.

„Въ наше время міръ привыкъ видѣть такъ много изобрѣтеній, нововведеній и открытій, водворенныхъ человѣческимъ умомъ во всѣхъ отрасляхъ науки, что надо уже дѣйствительно нѣчто весьма великое, дабы произвести не мимолетное впечатлѣніе на человѣчество, сдѣлавшееся ко всему равнодушнымъ."

„Такимъ необыкновеннымъ явленіемъ во всякомъ случаѣ должна казаться этнографическая выставка, которая создана въ Москвѣ обществомъ ученыхъ людей и не давно открыта; ибо благодаря дѣятельному участію въ ней Славянъ, ученымъ людямъ всего міра будетъ доставленъ достаточный матеріялъ для изученія, на основаніи котораго они получатъ возможность отвѣчать на многіе предлагаемые имъ вопросы."

„Неоспоримо, что въ настоящее время въ народахъ сильно возбужденъ интересъ къ вопросу о ихъ происхожденіи и что это ведетъ къ развитію симпатій и антипатій, имѣющихъ иногда вліяніе на политику правительствъ, особенно въ тѣхъ государствахъ, гдѣ составъ населенія разноплеменный; а потому возникло неудержимое стремленіе къ серіознымъ изысканіямъ по вопросу о племенныхъ отношеніяхъ, получившихъ столь важное значеніе."

„Очень вѣроятно, что именно это обстоятельство подало поводъ къ появленію многихъ превосходныхъ монографій

о различныхъ племенахъ и народахъ, къ учрежденію разныхъ обществъ для этнографическихъ изысканій, обществъ, изъ которыхъ парижское (Société éthnographique), нью-йоркское (Ethnological Society) и лондонское (Ethnological Society) издали замѣчательные труды, а также къ устройству большихъ этнографическихъ музеевъ. Но все это оказывается чрезвычайно малымъ въ сравненіи съ величіемъ програмы, предложенной для этнографической выставки изъ Москвы."

„Можно сказать, что эта программа, которая, несмотря на свою обширность, при общемъ участіи Славянъ всего міра, можетъ быть исполнена со временемъ во всемъ объемѣ своемъ, сообщитъ этнографіи, какъ наукѣ, плоть и видимость, и этою заслугой мы будемъ обязаны русскимъ ученымъ, начавшимъ въ упомянутой наукѣ новую эру."

Такими словами привѣтствовалъ Московскую этнографическую выставку одинъ изъ славянскихъ гостей, не только посѣтившій ее, но и не мало содѣйствовавшій ея успѣхамъ *). Ниже читатели увидятъ, что выше приведенное привѣтствіе не было единственнымъ со стороны Славянъ.

Посмотримъ же теперь, при какихъ условіяхъ и въ какой средѣ возникла мысль объ этнографической выставкѣ и какими путями выработана была та программа, по которой устроена была самая выставка? Еще въ началѣ 1864 года основано было при Московскомъ Университетѣ новое ученое общество, подъ названіемъ „Общества Любителей Естествознанія;" а въ концѣ того же года нѣкоторые изъ членовъ, основавшихъ это общество, предложили въ засѣданіи 9-го декабря того же года слѣдующее мнѣніе:

„Ни одна часть естествовѣдѣнія не заслуживаетъ бóльшихъ усилій со стороны Общества для распространенія основательныхъ свѣдѣній въ массѣ публики, какъ антропологія. Никто, вѣроятно, не станетъ спорить съ тѣмъ,

---

*) См. *Народный бытъ въ Славоніи*. Записка, составленная экспонентомъ и жертвователемъ на этнографической выставкѣ въ Москвѣ, фабрикантомъ изъ города Осека (Essegg) Феликсомъ Лаемъ. Москва, 1867; стр. 3—5.

что публика болѣе знакома хотя съ главнѣйшими особенностями племенъ Африки и Австраліи, чѣмъ съ племенами, населяющими Россію. Поэтому ничто не можетъ такъ подходить къ цѣли нашего Общества, какъ серьёзное ознакомленіе массы съ этими племенами. Кромѣ того, ни одно государство въ свѣтѣ не представляетъ такого научнаго интереса въ изученіи череповъ различныхъ племенъ, какъ Россія, на что уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ указано было нашимъ знаменитымъ Почетнымъ Членомъ К. М. Бэромъ. Желательно было бы, вслѣдствіе того, чтобы Общество устроило антропологическую и краніологическую коллекцію, доступную публикѣ и могущую служить ей самою поучительною книгой. Уже съ самаго перваго основанія своего Общество наше постановило это своею цѣлію и потому вопросъ можетъ быть только о томъ пути, по которому возможно достигнуть этой цѣли.“

„Мы думаемъ, что этого достигнуть можно устройствомъ антропологической выставки преимущественно русскихъ племенъ по той программѣ или, лучше сказать, въ томъ видѣ, какъ устроено антропологическое отдѣленіе въ Сиденгамскомъ хрустальномъ дворцѣ. Опытъ показалъ, что ни публичныя лекціи, ни популярныя сочиненія не могутъ такъ ознакомить публику съ главнѣйшими антропологическими данными и заинтересовать ее антропологическими свѣдѣніями, какъ подобныя наглядныя и изящныя коллекціи. Поэтому желательно было бы устроить въ Московскомъ экзерциргаузѣ подобную выставку, раздѣливъ ее на два отдѣленія: собственно антропологическое и этнографическое. На такой выставкѣ представители главнѣйшихъ племенъ должны быть размѣщены по возможности въ ихъ естественной обстановкѣ, съ аттрибутами ихъ домашняго быта, и каждая группа должна быть размѣщена такъ, чтобы она выражала какую-нибудь характеристическую черту этого послѣдняго. Группы племенъ должны быть размѣщены въ ихъ географической послѣдовательности, такъ чтобы зритель, начавши съ обитателей полярныхъ странъ и постепенно переходя къ тропическимъ, могъ составить себѣ понятіе о размѣщеніи племенъ на земномъ шарѣ.

Группы различныхъ племенъ могутъ быть окружены типическими растеніями и животными тѣхъ же мѣстностей.“

„Безспорно такая выставка, сопровождаемая публичнымъ курсомъ антропологіи, который бы служилъ пополненіемъ и объясненіемъ ея, при изящной и удовлетворительной обстановкѣ, вызоветъ полное вниманіе публики и заинтересуетъ ее. Новизна и интересъ самаго предмета могутъ положительно ручаться за это.“

„Для устройства такой выставки, по приблизительнымъ разсчетамъ, необходимо двадцать тысячъ рублей серебромъ. такъ какъ составленіе коллекцій русскихъ племенъ и череповъ потребуетъ отправленія особыхъ экспедицій изъ двухъ спеціалистовъ и двухъ художниковъ на сѣверъ и югъ Россіи, которые должны будутъ снять вѣрные бюсты съ представителей этихъ племенъ, запастись костюмами и различными домашними принадлежностями. Типы американскихъ, африканскихъ и другихъ племенъ могутъ быть копіями съ группъ Сидэнгамскаго дворца.“

„Плата за входъ отъ посѣтителей выставки и публичныхъ лекцій, основываясь на примѣрѣ прошлыхъ выставокъ, наиболѣе удавшихся, вѣроятно достигнетъ пятнадцати тысячъ рублей серебромъ. Если такую же выставку повторить затѣмъ въ Петербургѣ, то можно съ увѣренностью сказать, что вся сумма, имѣющая быть издержанною на устройство выставки, возвратится. Но если бы даже былъ недочетъ отъ 6 до 8 тысячъ руб. сереб., то учредители выставки всегда могутъ разчитывать, что хорошо составленная коллекція племенъ, преимущественно русскихъ, будетъ пріобрѣтена или какимъ-нибудь государственнымъ учрежденіемъ, или же въ крайнемъ случаѣ, чего не желательно, можетъ быть продана за границу. Но во всякомъ случаѣ, если даже Комитетъ выставки будетъ поставленъ въ необходимость продать большую часть коллекціи, то Общество, кромѣ заслуги ознакомленія публики со многими антропологическими данными, имѣло бы еще ту выгоду, что вся краніологическая коллекція, составленная для этой выставки, а также и часть группъ племенъ, остались бы въ полную собственность Общества.“

„12. Комитетъ, по усмотрѣнію своему, выдаетъ лицу назначенную сумму сполна или по частямъ, пересылая ее на мѣсто нахожденія."

„13. Комитетъ имѣетъ право отозвать лицо, назначенное въ экспедицію, если онъ обнаружитъ, что довѣренное имъ лицо злоупотребляетъ возложеннымъ на него уполномочіемъ."

„14. Лицо, назначенное въ экспедицію, не имѣетъ права уклонять свою дѣятельность отъ указанной ему Комитетомъ цѣли и только съ разрѣшенія Комитета можетъ принимать на себя постороннія порученія, обязательства и труды, но и то лишь тогда, когда главная задача его поѣздки уже будетъ достаточно выполнена."

„15. Лицо, избранное въ экспедицію, долж но имѣть въ виду всевозможное сокращеніе расходовъ, изысканіе средствъ пріобрѣтать предметы безплатно или административнымъ путемъ и во всякомъ случаѣ заботиться, чтобъ абсолютная цѣнность пріобрѣтеній экспедиціи превышала сумму расходовъ."

„16. Лицо, назначенное въ экспедицію, отвѣчаетъ передъ Комитетомъ въ точномъ соблюденіи данныхъ ему инструкцій и, взявши на себя порученіе, не можетъ отказаться безъ особенной на то законной причины."

Въ слѣдующія два засѣданія (27-го января и 3-го марта 1865 года), Комитетъ занимался подробнымъ обсужденіемъ программы выставки. Но средствъ для ея осуществленія все еще не было. Наконецъ въ третьемъ засѣданіи (мая 10-го) прочтено было предложеніе В. А. Дашкова, начинавшееся такимъ заявленіемъ:

„При открытіи въ Москвѣ публичнаго Музея, устройство котораго возложено было вмѣстѣ съ другими лицами и на меня, я тогда же убѣдился, что въ Музеумѣ этомъ не достаетъ чрезвычайно интереснаго и полезнаго отдѣла этнографическаго, и что отдѣлъ этотъ, не говоря о несомнѣнной пользѣ его въ научномъ отношеніи, представлялъ бы самый живой интересъ для публики. Изыскивая способы къ устройству этнографическаго музея, я увидѣлъ, что устройство это потребуетъ, кромѣ усилія лицъ спеціально

вляетъ предварительную работу, основанную на существующихъ источникахъ, путешествіяхъ и проч., о которой представляется особый подробный докладъ."

„3. Для сокращенія количества мѣстностей, назначенныхъ для посѣщенія экспедиціями, Комитетъ сначала изыскиваетъ средства пріобрѣтать всѣ нужные предметы прямыми сношеніями съ лицами, могущими быть въ этомъ отношеніи ему полезными."

„4. Экспедиціи назначаются Комитетомъ, когда онъ придетъ къ убѣжденію, что другими способами нѣтъ надежды пріобрѣтать предметы."

„5. Комитетъ считаетъ удобнымъ, чтобы тѣ изъ спеціалистовъ, которые заранѣе будутъ избраны членами экспедицій занялись фотографіей и искусствомъ дѣлать слѣпки и снимки съ живыхъ людей. Тогда каждая экспедиція можетъ быть поручена одному лицу."

„6. Лицо, избранное въ экспедицію, получаетъ открытый листъ, которымъ пользуется лишь въ крайнихъ случаяхъ".

„7. Лицо, избранное въ экспедицію, обязуется представлять Комитету строгій и подробный отчетъ какъ въ суммахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ."

„8. Отчетъ о суммахъ, ассигнованныхъ на экспедицію, долженъ представить слѣдующія рубрики:

1) *Расходы по поѣздкѣ*, за прогоны, за продовольствіе, за постой, за перевозку клади и проч.

2) *Расходы по закупкамъ* костюмовъ, предметовъ домохозяйства и проч.

3) *Расходы на матеріалы:* фотографическіе, скульптурные и проч."

„9. Статьи расходовъ должны записываться подробно въ особой шнуровой, расходной книгѣ, которую выдаетъ Комитетъ лицу, избранному въ экспедицію."

„10. Продолжительность экспедицій опредѣляется приблизительно Комитетомъ."

„11. Лицо, назначенное въ экспедицію, доставляетъ Комитету ежемѣсячные отчеты о своихъ дѣйствіяхъ, или даже сообщаетъ свѣдѣнія каждыя двѣ недѣли, чтобы доставить возможность Комитету слѣдить за ходомъ дѣйствій."

„12. Комитетъ, по усмотрѣнію своему, выдаетъ лицу назначенную сумму сполна или по частямъ, пересылая ее на мѣсто нахожденія.“

„13. Комитетъ имѣетъ право отозвать лицо, назначенное въ экспедицію, если онъ обнаружитъ, что довѣренное имъ лицо злоупотребляетъ возложеннымъ на него уполномочіемъ.“

„14. Лицо, назначенное въ экспедицію, не имѣетъ права уклонять свою дѣятельность отъ указанной ему Комитетомъ цѣли и только съ разрѣшенія Комитета можетъ принимать на себя постороннія порученія, обязательства и труды, но и то лишь тогда, когда главная задача его поѣздки уже будетъ достаточно выполнена.“

„15. Лицо, избранное въ экспедицію, долж но имѣть въ виду всевозможное сокращеніе расходовъ, изысканіе средствъ пріобрѣтать предметы безплатно или административнымъ путемъ и во всякомъ случаѣ заботиться, чтобъ абсолютная цѣнность пріобрѣтеній экспедиціи превышала сумму расходовъ.“

„16. Лицо, назначенное въ экспедицію, отвѣчаетъ пере дъ Комитетомъ въ точномъ соблюденіи данныхъ ему инстру кцій и, взявши на себя порученіе, не можетъ отказать ся безъ особенной на то законной причины.“

Въ слѣдующія два засѣданія (27-го января и 3-го марта 1865 года), Комитетъ занимался подробнымъ обсужденіемъ программы выставки. Но средствъ для ея осуществленія все еще не было. Наконецъ въ третьемъ засѣданіи (мая 10-го) прочтено было предложеніе В. А. Дашкова, начинавшееся такимъ заявленіемъ:

„При открытіи въ Москвѣ публичнаго Музея, устройство котораго возложено было вмѣстѣ съ другими лицами и на меня, я тогда же убѣдился, что въ Музеумѣ этомъ не достаетъ чрезвычайно интереснаго и полезнаго отдѣла этнографическаго, и что отдѣлъ этотъ, не говоря о несомнѣнной пользѣ его въ научномъ отношеніи, представлялъ бы самый живой интересъ для публики. Изыскивая способы къ устройству этнографическаго музея, я увидѣлъ, что устройство это потребуетъ, кромѣ усилія лицъ спеціально

знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, еще и значительныхъ издержекъ, и что на покрытіе этихъ издержекъ ни публичный музей, ни здѣшній университетъ не имѣютъ достаточныхъ средствъ.“

„Между тѣмъ Общество любителей естествознанія, руководясь подобною же мыслію, пришло къ счастливому предположенію открыть въ Москвѣ русскую этнографическую выставку, разсчитывая, что выставка эта обойдется не дороже 20.000 рублей.

„Находя устройство выставки однимъ изъ наилучшихъ способовъ къ осуществленію высказанной мною выше мысли объ открытіи въ Москвѣ Этнографическаго Музея, я имѣю честь предложить Комитету готовность мою содѣйствовать этому прекрасному дѣлу.“

Главнымъ условіемъ со стороны В. А. Дашкова было слѣдующее: „по окончаніи выставки предметы этнографическіе поступаютъ въ собственность Московскаго публичнаго Музея съ тѣмъ, что коллекціи ихъ должны быть доступны гг. членамъ Общества для научныхъ работъ, а коллекція антропологическая на такихъ же условіяхъ въ зоологическій Музей здѣшняго университета.“

Комитетъ единогласно принялъ условія В. А. Дашкова и передалъ ихъ въ Общество, которое послѣ этого исходатайствовало у Государя Императора соизволеніе на открытіе этнографической выставки весной 1867 года и на принятіе, по окончаніи этой выставки, ея этнографическихъ собраній въ собственность Московскаго публичнаго Музея подъ именемъ: *„Дашковскаго этнографическаго музея, устроеннаго при содѣйствіи Общества любителей естествознанія при Московскомъ Университетѣ.“* Соизволеніе это послѣдовало 15-го іюня 1865 года. Думаемъ, что всѣхъ этихъ данныхъ достаточно для того, чтобъ опровергнуть подозрѣнія европейской, преимущественно австрійской, журналистики, утверждавшей, что учредители русской этнографической выставки имѣли въ виду политическія, а не ученыя цѣли.

Получивъ прочное основаніе для своей дѣятельности, Комитетъ сталъ собираться чаще въ засѣданія и немед-

ленно издалъ составленныя профессоромъ А. П. Богдановымъ „*Инструкціи собиранія предметовъ для русской этнографической выставки и русскаго Музея, устраиваемыхъ Обществомъ любителей естествознанія.*“ Затѣмъ въ газетахъ было напечатано приглашеніе ко всѣмъ желающимъ содѣйствовать успѣху выставки. Кромѣ того опредѣлено было обратиться съ просьбой о содѣйствіи къ Совѣту Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, выразивъ ему, что экспедиціями, назначаемыми отъ Общества и отдѣловъ его, оно можетъ значительно помочь успѣху выставки. Вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ рѣшилъ, отъ времени до времени печатать въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* списокъ тѣхъ пожертвованій и предметовъ, которые поступаютъ въ Комитетъ. Затѣмъ комитетомъ изданы были: „*Инструкція для художниковъ,*“ — „*Объявленіе отъ фотографической Коммиссіи,*“ и „*Правила для экспонентовъ русской этнографической выставки.*“

Такъ какъ эти документы имѣютъ важное значеніе не только для исторіи выставки, но и для ея оцѣнки, то мы также приведемъ ихъ здѣсь.

Инструкція для художниковъ. „Распорядительный Комитетъ по устройству русской этнографической выставки, приглашая къ участію гг. скульпторовъ и художниковъ въ своихъ трудахъ, счелъ нужнымъ выяснить нѣкоторыя условія, которыя необходимы для руководствованія при выполненіи художественныхъ работъ. Комитетъ имѣетъ при этомъ въ виду удовлетворить двумъ главнымъ требованіямъ, а именно: чтобы выполненіе работъ соотвѣтствовало общему плану выставки и съ другой стороны, чтобъ оно подчинялось однимъ и тѣмъ же правиламъ, такъ какъ работы будутъ распредѣлены между нѣсколькими художниками. Комитетъ вполнѣ сознаетъ, что участіе нѣсколькихъ художниковъ въ дѣлѣ устройства выставки принесетъ существенную пользу предпріятію, потому что во 1-хъ, обширный трудъ, будучи раздѣленъ между нѣсколькими лицами, не сдѣлается обременительнымъ заказомъ и можетъ быть выполненъ отчетливо и добросовѣстно; во 2-хъ, заказы могутъ быть распредѣлены сообразно тѣмъ спеціальностямъ,

въ области которыхъ заявили себя участвующіе въ выполненіи художники, и въ 3-хъ, такимъ образомъ Комитетъ не будетъ вынужденъ поспѣшно переходить отъ выполненія одной группы къ выполненію другой и будетъ имѣть время собрать для группъ достаточный матеріалъ и обсудить заранѣе каждую группу. Принимая во вниманіе эти соображенія, Комитетъ постоянно выражалъ мысль о раздѣленіи художественнаго труда и, получивъ въ настоящее время значительное число заявленій со стороны гг. художниковъ, находитъ весьма умѣстнымъ опредѣлить въ болѣе точной формѣ свои желанія относительно исполненія фигуръ для выставки. Общій планъ выставки, лежащій въ основѣ всѣхъ частныхъ племенныхъ группъ, достаточно выясненъ уже въ инструкціяхъ, напечатанныхъ Обществомъ, и потому Комитетъ не считаетъ нужнымъ повторять здѣсь тѣ же подробности, а позволяетъ себѣ прямо перейдти къ частнымъ группамъ. Каждая группа, какъ извѣстно, должна состоятъ изъ нѣсколькихъ фигуръ, для большинства случаевъ не болѣе трехъ; эти фигуры должны представлять собою мущинъ и женщинъ или дѣвушекъ, а гдѣ возможно также и дѣтей, даннаго населенія и въ размѣщеніи ихъ должна быть выражена какая-нибудь сцена изъ ихъ домашняго быта; при этомъ, разумѣется, желательно, что избранная сцена была болѣе или менѣе характеристична для фигуръ, участвующихъ въ нихъ, и соотвѣтствовала бы дѣйствительнымъ условіямъ быта того племени, которое выражено ими. Въ подобныхъ сценахъ желательно, чтобы художникъ воспользовался тѣми предметами изъ принадлежностей домашняго быта различныхъ племенъ, которые представляютъ для даннаго племени какую-либо рѣзкую особенность, такъ напр. группу Калмыковъ не разлучалъ бы отъ ихъ походной кибитки, въ компонировкѣ группъ обращалъ бы также вниманіе и на тѣ промыслы, ремесла и пр., которыми занимаются данныя племена.

„Вообще Комитетъ желаетъ, чтобы компонировка каждой группы производилась со всевозможной тщательностію какъ на основаніи тѣхъ научныхъ свѣдѣній о племени, которыми Комитетъ можетъ снабдить художника, такъ и въ услові-

яхъ художественности. Поэтому Комитетъ считаетъ однимъ изъ самыхъ существенныхъ условій старательное исполненіе эскизовъ и строгое обсужденіе ихъ прежде, чѣмъ будетъ приступлено къ выполненію фигуръ, и полагаетъ необходимымъ принять общую мѣру, чтобы каждая группа имѣла первоначально свой эскизъ, который могъ бы быть подвергнутъ обсужденію Комитета и въ которомъ Комитетъ имѣлъ бы право дѣлать необходимыя измѣненія по соглашенію съ художникомъ, представившимъ эскизъ. Общій планъ эскиза опредѣляется предварительно по соглашенію между художникомъ и Комитетомъ. По выполненію экскиза художникомъ, Комитетъ предоставляетъ себѣ право измѣненій въ эскизахъ на тѣхъ основаніяхъ, что во 1-хъ, онъ располагаетъ научными матеріалами, необходимыми для охарактеризованія группъ; во 2-хъ, онъ въ чисто художественныхъ вопросахъ всегда имѣетъ возможность обратиться за совѣтомъ къ спеціалистамъ, приглашеннымъ въ Комитетъ. Такимъ образомъ разсмотрѣвши и обсудивши эскизъ, представленный художникомъ и предложивши въ немъ сдѣлать, въ случаѣ надобности, необходимыя измѣненія, Комитетъ утверждаетъ его и предоставляетъ художнику выполнить данную группу, не отступая отъ принятыхъ положеній и условій. Выполненіе фигуръ по эскизамъ необходимо должно подчиняться нѣсколькимъ общимъ правиламъ и Комитетъ считаетъ нужнымъ обратить вниманіе гг. художниковъ на слѣдующія условія:

„1. Фигуры по большей части будутъ костюмированы, такъ, что только голова и руки будутъ составлять въ каждой фигурѣ главную задачу художника. Что же касается до торса и вообще до остальныхъ скрытыхъ частей фигуры, то Комитетъ предоставляетъ художнику войдти въ Комитетъ съ заявленіемъ объ избранномъ имъ способѣ выполненія, который обсуждается и утверждается Комитетомъ.

„2. Головы, выполняемыя художникомъ для фигуръ, должны представлять вѣрные портреты лицъ, характеристическихъ для даннаго племени. Въ удовлетвореніе этого условія они должны быть вылѣплены по маскамъ, снятымъ съ

представителей племени, или же по фотографіямъ, которыя съ этою цѣлію должны представлять каждое лицо въ фасъ и въ профиль. Комитетъ по возможности доставляетъ эти матеріалы.

„3. Головы должны быть сдѣланы изъ папье-маше; исключенія изъ этого правила могутъ быть допущены только въ томъ случаѣ, если другая масса, предлагаемая художникомъ, не будетъ отличаться отъ папье-маше по внѣшнему виду и вмѣстѣ съ тѣмъ, если она будетъ достаточно плотна и не хрупка, — условіе весьма важное для переноски фигуръ.

„4. Въ отношеніи отдѣльныхъ частностей Комитетъ полагаетъ необходимымъ, чтобы глаза у фигуръ были стеклянные, чтобы на вѣкахъ по возможности находились рѣсницы, чтобы волосы, тамъ гдѣ они нужны, т. е. гдѣ голова остается непокрытой или гдѣ необходимо будетъ сдѣлать лицо съ бородой или усами, употреблялись настоящіе, наконецъ чтобы цвѣтъ лица представлялъ естественный оттѣнокъ племени и не имѣлъ бы непріятнаго для глазъ блеска. Кромѣ того Комитетъ желалъ бы, чтобы фигуры могли быть предохранены отъ вліянія сырости.

„5. Въ отношеніи выраженія лица Комитетъ полагаетъ нужнымъ замѣтить, что ему желательно правдивое, соотвѣтствующее дѣйствительнымъ условіямъ характера племени выраженіе, въ которомъ художникъ не украшалъ бы естественныя черты даннаго лица и не уклонялся бы отъ типичности.

„6. Комитетъ полагаетъ при этомъ, что для нѣкоторыхъ немногихъ фигуръ представится необходимымъ дополнить голову шеей и плечами.

„7. Комитетъ считаетъ нужнымъ обратить вниманіе художниковъ также на то обстоятельство, что фигуры и группы съ выставки поступятъ въ постоянный музей.

„8. Драпировки костюмовъ на манекенахъ и окончательную позировку фигуръ Комитетъ считаетъ нужнымъ поручить также тѣмъ художникамъ, которыми будутъ выполнены самыя фигуры. Свѣдѣнія для распространенія частей костюма доставляетъ Комитетъ.

„9. Комитетъ полагаетъ наконецъ, что декоративные и и архитектурныя аксесуары группъ должны быть также выполнены по указаніямъ художника, выполняющаго фигуры группы, такъ какъ эти аксессуары должны необходимо войдти въ составъ эскизовъ группъ.

„Указавъ всѣ эти условія выполненія группы, Комитетъ предоставляетъ себѣ право слѣдить за ходомъ работъ, обращать вниманіе художника на нѣкоторыя частности, могущія имѣть болѣе или менѣе важное научное значеніе, а также и приглашать спеціалистовъ-художниковъ при обсужденіи выполняемыхъ фигуръ. По выполненіи фигура представляется на окончательное разсмотрѣніе Комитета, который при этомъ совершенно въ правѣ требовать, чтобы представленная фигура была строгимъ исполненіемъ эскиза, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, гдѣ Комитетъ лично послѣ утвержденія эскиза предлагалъ художнику дѣлать измѣненія, согласныя съ заявленными Комитетомъ желаніями.

„Изложенными данными опредѣляется, по мнѣнію Комитета, задача художниковъ, взявшихъ на себя трудъ содѣйствовать устройству выставки въ скульптурномъ отношеніи. Что же касается до декорацій, то исполненіе ихъ не можетъ осложнить вопроса, потому что большихъ декорацій предполагается только четыре: эти четыре декораціи могутъ быть поручены или одному художнику или нѣсколькимъ, такъ какъ каждая изъ нихъ имѣетъ свой самостоятельный характеръ и выполненіе ихъ нисколько не пострадаетъ, если его возьмутъ на себя нѣсколько лицъ спеціальныхъ въ этомъ дѣлѣ.

„Комитету остается только поэтому опредѣлить тѣ данныя, которыми онъ желалъ бы пользоваться при заявленіяхъ гг. художниковъ о желаніи ихъ участвовать въ скульптурныхъ работахъ по устройству выставки. Чтобъ имѣть основанія для сравнительной оцѣнки произведеній гг. художниковъ, Комитетъ полагаетъ необходимымъ:

„1. Чтобы художникъ, заявившій свои предложенія, представилъ Комитету образецъ своей работы, а именно голову для какой-либо фигуры, избранной по назначенію Ко-

митета. Этотъ образецъ долженъ быть выполненъ согласно съ изложенными выше правилами такъ, чтобъ онъ могъ поступить въ коллекцію Комитета, быть дополненъ манекеномъ и войдти въ составъ предполагаемой группы. Если Комитетъ найдетъ удовлетворительнымъ представленный образецъ, то онъ оплачиваетъ его вмѣстѣ съ прочими фигурами, исполненными художникомъ по послѣдующимъ заказамъ; въ противномъ же случаѣ уплаты Комитетъ на себя не принимаетъ.

„2. Чтобы художникъ вмѣстѣ съ образцомъ представилъ также и эскизъ той группы, въ составъ которой должна войдти образцовая фигура, въ случаѣ если Комитетъ не въ состояніи доставить художнику уже готоваго экскиза, и

„3. Чтобы художникъ одновременно съ этимъ представилъ Комитету удостовѣреніе въ соблюденіи изложенныхъ Комитетомъ правилъ".

Въ послѣдствіи состоялось дополнительное постановленіе о срокахъ заказовъ и исполненія ихъ художниками, такого содержанія:

„1. Гг. художники получаютъ отъ Комитета заказы на каждую отдѣльную группу.

„2. При полученіи заказа художникъ обязуется выполнять всѣ правила, установленныя Комитетомъ и указанныя въ его инструкціяхъ для гг. художниковъ.

„3. Комитетъ по соглашенію съ художникомъ назначаетъ срокъ для представленія ему выполненнаго заказа.

„4. Въ случаѣ, если художникъ не представитъ къ назначенному сроку выполненной имъ группы, то подвергается денежному вычету, въ видѣ неустойки, соразмѣрному $1/3$ цѣны всего заказа.

„5. Гг. художники, принимающіе заказы, обязуются подпиской этого постановленія".

Объявленіе отъ фотографической коммиссіи. „Такъ какъ нѣкоторые гг. фотографы обратились въ Распорядительный Комитетъ по устройству русской этнографической выставки за разъясненіемъ требованій его, то фотографическая коммиссія Комитета считаетъ долгомъ обратить вниманіе на слѣдующія условія:

„Коллекціи фотографическихъ портретовъ большаго размѣра и въ числѣ не менѣе 50 съ какого-либо племени даютъ право на присужденіе золотой медали въ томъ случаѣ, если онѣ будутъ представлены въ даръ для выставки и музея и будутъ признаны достойными награды экспертами выставки.

„*Примѣчаніе.* 1) Портреты должны быть сняты съ каждаго лица въ двухъ положеніяхъ, въ фасъ и въ профиль. Такимъ образомъ съ 50 лицъ должно быть представлено 50 портретовъ въ профиль и 50 портретовъ въ фасъ для полученія установленной награды.

„2) Большимъ размѣромъ коммиссія называетъ величину во всю пластинку, отъ 5 до 6 вершковъ.

„3) Портреты должны быть преимущественно поясные, такъ какъ весьма важно, чтобы лицо было значительной величины (отъ ½ вершка до вершка и болѣе).

„При выборѣ лицъ для снятія фотографическихъ портретовъ должно руководствоваться типичностью ихъ, понимая подъ этимъ такія лица, которыя въ данномъ племени и въ данной мѣстности встрѣчаются чаще другихъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ художникъ затрудняется выборомъ лицъ, то было бы желательно, чтобы преимущественно онъ пользовался лицами крестьянскаго и купеческаго сословія и сельскаго духовенства.

„Крайній срокъ для представленія такихъ коллекцій портретовъ на выставку назначается 1-го января 1867 года.

„Независимо отъ приглашенія представлять на выставку означенныя коллекціи фотографическихъ портретовъ Комитетъ, имѣя въ виду необходимость получить изъ разныхъ мѣстностей портреты, которые могли бы служить скульпторамъ оригиналами при выполненіи головъ для манекеновъ, обращался къ гг. фотографамъ съ просьбою, не пожелаетъ ли кто-либо изъ нихъ представить безвозмездно или за предварительно условленную плату такіе портреты съ лицъ мѣстнаго населенія въ возможно скорѣйшемъ времени.

„Въ этомъ случаѣ Комитетъ, разумѣется, не нуждается въ полной коллекціи, состоящей изъ 100 портретовъ, а до-

вольствуется и меньшимъ числомъ, лишь бы они были ему доставлены въ непродолжительномъ времени. Такъ какъ при этомъ Комитетъ не можетъ опредѣлить на заказъ фотографій значительной денежной суммы, то онъ полагаетъ достаточнымъ, если гг. фотографы, требующіе уплаты за снятые ими портреты, доставятъ ему 2 портрета мущины и женщины (наиболѣе типичныхъ) въ 4 экземплярахъ (въ фасъ и въ профиль).

„*Примѣчаніе*. При представленіи портретовъ для указанной цѣли, т. е. чтобы по нимъ скульпторы могли выполнять головы для манекеновъ, должно оставлять ихъ безъ ретуши.

„Въ заключеніе всего сказаннаго Комитетъ обращается къ тѣмъ изъ гг. фотографовъ, которые намѣрены представить безвозмедно коллекціи портретовъ къ наградѣ на выставку, съ покорнѣйшею просьбой, не найдутъ ли они возможнымъ хоть нѣкоторую часть приготовляемой ими коллекціи выслать на имя Комитета въ настоящее время".

Правила для экспонентовъ русской этнографической выставки. „Распорядительный Комитетъ по устройству русской этнографической выставки уже имѣлъ случай заявить печатно (№ 30 „Сѣв. Почты") о своемъ желаніи видѣть на выставкѣ предметы, представленные частными лицами на правахъ экспонентовъ. Участіе экпонентовъ должно сдѣлать выставку дѣломъ публики и несомнѣнно способствовать разнообразію и полнотѣ выставки. Имѣя въ виду осуществленіе такого желанія, Комитетъ призналъ необходимымъ кромѣ отдѣла этнографическихъ группъ и антропологическаго отдѣла, открыть особое отдѣленіе, въ которое будутъ принимаемы отъ гг. экспонентовъ предметы, не могущіе войдти въ составъ другихъ отдѣловъ. Комитетъ руководствовался при этомъ тѣмъ убѣжденіемъ, что многія лица, не имѣя возможности представить полные костюмы со всѣми принадлежностями быта для составленія цѣлой группы, согласно плану выставки, пожелаютъ, можетъ быть, вмѣсто того выставить нѣкоторые отдѣльные этнографическіе предметы или коллекціи ихъ, сохраняя притомъ на эти вещи право собственности.

„Вслѣдствіе этого Комитетъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе публики на слѣдующія условія:

„1) Кромѣ полныхъ мѣстныхъ и типическихъ костюмовъ со всѣми принадлежностями мѣстнаго быта и въ сопровожденіи фотографическихъ портретовъ съ типичныхъ лицъ мѣстнаго населенія, необходимыхъ для составленія этнографическихъ группъ выставки, могутъ быть приняты и помѣщены въ особомъ отдѣлѣ отдѣльные предметы или коллекціи ихъ, относящіяся къ слѣдующимъ разрядамъ: а) *предметы, входящіе въ составъ костюма*, какъ-то: головные уборы, нижнее и верхнее платье, шитье, обувь, украшенія и проч.; б) *предметы убранства горницъ*; в) *посуда домашняя и столовая*; г) *инструменты домашніе*; д) *инструменты музыкальные*; е) *мебель*; ж) *игрушки и дѣтскія вещи*; з) *предметы домашнихъ и общественныхъ обрядовъ* (въ особенности идолы, какъ предметы во многихъ идолопоклонническихъ мѣстностяхъ быстро истребляемые); и) *земледѣльческія и промысловыя орудія*; і) *модели судовъ и ихъ принадлежностей*; к) *модели жилищъ*; л) *снаряды для мѣры, вѣса и счета*; м) *шкуры домашнихъ животныхъ*, характеристичныхъ для данной мѣстности (шкуры должны быть сняты, по возможности осторожно).

„Кромѣ всѣхъ этихъ предметовъ желательно также, чтобы были представлены *древнія орудія* каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ, которыя могли бы составить по возможности полную коллекцію того, что̀ изъ этихъ вещей было найдено въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Поэтому Комитетъ покорнѣйше просилъ бы всѣ учрежденія и лица, въ распоряженіи коихъ находятся подобные предметы, не отказать въ представленіи ихъ на выставку на правахъ экспонентовъ.

„2) Заявленія о представленіи на выставку исчисленныхъ выше предметовъ принимаются Комитетомъ до 1-го января 1867 года, и при этомъ для вещей, допущенныхъ экспертами на выставку, отводится по выбору экспонента опредѣленное мѣсто въ особомъ отдѣлѣ. Для тѣхъ предметовъ, которые будутъ заявлены по истеченіи означеннаго срока,

Комитетъ будетъ вынужденъ отводить только тѣ мѣста, которыя останутся не занятыми.

„3) Комитетъ приметъ всѣ возможныя для него мѣры къ охраненію предметовъ на выставкѣ; но онъ считаетъ своимъ долгомъ покорнѣйше просить тѣ лица, которыя пожелаютъ представить на выставку особенно цѣнные предметы или богатыя коллекціи, поручать охраненіе и отвѣтственность за цѣлость ихъ довѣреннымъ отъ нихъ людямъ, которые могли бы находиться на выставкѣ при вещахъ.

„4) Коллекціи предметовъ, наиболѣе замѣчательныя въ этомъ общемъ отдѣлѣ, удостоиваются наградъ по опредѣленію экспертовъ.

„5) Если экспоненты пожелаютъ назначить выставленные ими предметы къ продажѣ, то они благоволятъ обозначить на нихъ цѣну. Въ случаѣ состоявшейся продажи, покупателю будетъ выдана отъ Комитета квитанція на полученіе по окончаніи выставки пріобрѣтенныхъ имъ предметовъ и такая же квитанція, на полученіе вырученной суммы также по окончаніи выставки, будетъ выдана экспоненту.

„*Примѣчаніе.* Комитетъ не желалъ бы отказывать и себѣ въ правѣ пріобрѣтать покупкою для этнографическаго музея предметы, выставленные гг. экспонентами, если на то будетъ выражено ихъ согласіе. Съ этою цѣлію особая коммиссія экспертовъ будетъ производить оцѣнку подобныхъ предметовъ и о своихъ заключеніяхъ сообщать гг. экспонентамъ.

„6) Предметы, назначаемые на выставку, гг. экспоненты благоволятъ доставить на имя *Распорядительнаго Комитета по устройству русской этнографической выставки, въ Московскій Университетъ.* Доставка вещей въ Москву можетъ производиться чрезъ губернскіе Статистическіе Комитеты, если посылки не громоздки, въ противномъ случаѣ— съ транспортами. Въ полученіи вещей Комитетомъ будетъ выдаваться надлежащая квитанція.

„7) По окончаніи выставки предметы будутъ возвращены или лично гг. экспонентамъ или же ихъ доверреннымъ въ

Москвѣ, причемъ должна быть предъявлена выданная Комитетомъ квитанція.

„8) Обратную пересылку вещей по окончаніи выставки Комитетъ на себя не принимаетъ, но въ случаяхъ доставленія на выставку особенно важныхъ предметовъ Комитету было бы весьма желательно, чтобъ экспоненты входили съ нимъ предварительно въ соглашеніе о способѣ доставки предметовъ на выставку и полученіи ихъ обратно.“

Не менѣе важное значеніе имѣетъ для оцѣнки выставки и представленный въ свое время въ Комитетъ:

Докладъ Ботанической Коммиссіи. „Ботаническая Коммиссія Комитета по устройству выставки имѣетъ честь сообщить Комитету результаты своихъ подготовительныхъ занятій по устройству ботаническаго отдѣла.

„1) Коммиссіей былъ составленъ подробный списокъ растеній, служащихъ для характеристики растительности тѣхъ странъ, обитатели коихъ будутъ выставлены на выставкѣ. При этомъ коммиссія имѣла въ виду не одни только дикорастущія, но и культурныя растенія. Всѣ эти растенія предполагается размѣстить въ томъ видѣ, въ какомъ они встрѣчаются въ самой природѣ.

„2) Значительное число необходимыхъ для выставки растеній принадлежитъ къ числу часто встрѣчающихся въ культурѣ. По предложенію коммиссіи изъявилъ согласіе на поставку всего надлежащаго количества этихъ растеній нашъ извѣстный торговецъ растеній Н. Д. Фоминъ. Онъ изъявилъ также готовность принять самое живое участіе въ устройствѣ декоративной части выставки. На поставку означенныхъ растеній, по поставленной Н. Д. Фоминымъ смѣтѣ, потребуется 2000 рублей.

3) Сверхъ этихъ растеній для выставки потребуются и такія, которыя не встрѣчаются въ обыкновенныхъ садовыхъ заведеніяхъ, а могутъ быть найдены только въ ботаническихъ садахъ и притомъ по преимуществу въ Петербургскомъ. Вслѣдствіе того коммиссія считаетъ необходимымъ снестись съ дирекціею этого сада и просить ее выслать въ Комитетъ заблаговременно всѣ эти растенія. Разведеніемъ и выгонкою ихъ къ надлежащему сроку объ-

щали заняться Н. Д. Фоминъ и Московскій ботаническій садъ. Такъ какъ большая часть присланныхъ изъ Петербурга растеній вѣроятно должна будетъ быть возвращена Петербургскому саду, то Комитету придется взять на себя издержки по перевозкѣ растеній не только изъ Петербурга въ Москву, но и обратно.

„4) Къ третьему роду растеній, необходимыхъ для выставки, принадлежатъ многія изъ нашихъ дикорастущихъ растеній, вовсе не встрѣчающихся въ культурѣ. Заготовленіе къ выставкѣ этихъ растеній коммиссія думаетъ предложить Московскому ботаническому саду и просить Комитетъ войдти въ сношеніе по этому предмету съ Московскимъ Университетомъ. По собраннымъ коммиссіею свѣдѣніямъ Московскій ботаническій садъ только въ такомъ случаѣ можетъ взять на себя разведеніе означенныхъ растеній, если для помѣщенія ихъ будетъ нѣсколько расширена и исправлена находящаяся въ настоящее время въ этомъ саду не большая ветхая оранжерея и если, сверхъ того, Комитетъ возьметъ на себя всѣ издержки по уходу за назначенными для выставки растеніями. На все это, по мнѣнію коммиссіи, потребуется не болѣе 500 рублей.

„Имѣя въ виду не только всѣ означенные выше расходы, но и другія непредвиденныя издержки, ботаническая коммиссія пришла къ заключенію, что на устройство сполна всего ботаническаго отдѣла выставки потребуется около 3000 рублей.“

Дѣятельность Комитета, трудившагося надъ собираніемъ матеріаловъ для выставки, росла такимъ образомъ съ каждымъ днемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялась и программа, усвоенная имъ въ началѣ дѣятельности. Комитетъ отказался отъ мысли посылать экспедиціи по разнымъ концамъ Россіи: за то онъ встрѣтилъ содѣйствіе въ губернскихъ статистическихъ Комитетахъ и поддержку въ лицахъ, управлявшихъ отдѣльными вѣдомствами. Частныя лица также начинали высылать въ Комитетъ собранныя ими вещи. Осуществленіе плана выставки становилось все болѣе и болѣе возможнымъ. О ней стали говорить уже за границей и въ одномъ изъ засѣданій Общества Любителей Естествознанія,

бывшихъ въ сентябрѣ 1865 года, прочтено было слѣдующее отношеніе, поступившее на имя В. А. Дашкова отъ предсѣдателя Высочайшей учрежденной коммиссіи по участію Россіи въ Парижской всемірной выставкѣ А. И. Бутовскаго отъ 13-го сентября (за № 42):

„Генеральный Коммиссаръ всемірной Парижской выставки, Членъ Государственнаго Совѣта г. Лепле, обратился ко мнѣ съ заявленіемъ своихъ опасеній относительно неудобства, могущаго возникнуть отъ совпаденія съ Парижскою всемірною выставкой 1867 года этнографической выставки, которую, какъ говорятъ, предполагается назначить на тотъ же 1867 годъ въ Москвѣ. Съ моей стороны я не могу также не имѣть опасенія, что одновременность помянутыхъ выставокъ можетъ лишить русскій отдѣлъ Парижской всемірной выставки многихъ предметовъ, которые заняли бы въ немъ весьма почетное мѣсто. По симъ уваженіямъ имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство почтить меня увѣдомленіемъ: дѣйствительно ли предполагается открытіе въ Москвѣ этнографической выставки и не предстоитъ ли возможности устранить вышеупомянутое неудобство отсрочкою сей выставки до 1868 или же назначеніемъ ея открытія въ будущемъ 1866 году. Послѣдняя мѣра казалась бы предпочтительнѣе, ибо тогда представилась бы возможность изъ собранныхъ на Московской этнографической выставкѣ предметовъ избрать наиболѣе замѣчательные для Парижской всемірной выставки."

По обсужденію предложенія г-на Бутовскаго Общество опредѣлило:

„1. Выставка не можетъ быть отложена ни до 1866, ни до 1868. Она непремѣнно должна быть весною 1867 года потому что Общество уже печатно заявило объ этомъ терминѣ публикѣ, извѣстило объ немъ русскія и иностранныя ученыя общества, съ коими находится въ сношеніяхъ, и Комитетъ распредѣлилъ всѣ свои работы и заказы въ предложеніи этого срока. Кромѣ того этотъ терминъ, по ходатайству Общества и по всеподданнѣйшему докладу г-на управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, получилъ Высочайшее утвержденіе.

„2. По мнѣнію Общества измѣненіе срока не можетъ имѣть мѣста также потому, что оно, какъ видно изъ документовъ, уже съ 1862 году, опредѣлило свой терминъ въ 1867 г., т.-е. задумало и назначило приступить къ осуществленію русской этнографической выставки еще тогда, когда мысль о Парижской выставкѣ печатно не была заявлена.

„3. Вполнѣ сочувствуя успѣху Парижской выставки, Общество однако же полагаетъ, что для насъ, Русскихъ, на первомъ мѣстѣ должны стоять заботы объ успѣхѣ нашей первой русской этнографической выставки въ Москвѣ, имѣющей послужить основаніемъ русскаго этнографическаго музея. По этому Общество полагаетъ, что г. Предсѣдатель Высочайше учрежденной Коммиссіи по участію Россіи въ Парижской всемірной выставкѣ сочтетъ справедливымъ принять также мѣры къ тому, чтобы и Парижская выставка не повредила въ какомъ бы то ни было отношеніи нашей русской. Обществу съ его частными средствами конечно не возможно будетъ конкуррировать съ тѣми административными средствами, которыя находятся въ распоряженіи Высочайше учрежденной Коммиссіи.

„Общество надѣется поэтому, что оно найдетъ въ г. Предсѣдателѣ Коммиссіи, А. И. Бутовскомъ, также охранителя и интересовъ Московской выставки, какъ первой общерусской, чего ему достигнуть тѣмъ легче, что, на сколько извѣстна Обществу программа Парижской выставки, существенный характеръ этой послѣдней отличается отъ характера Московской.“

Послѣ того въ другомъ засѣданіи Общества Любителей Естествознанія (отъ 24-го ноября 1865 года) А. П. Богдановъ представилъ Обществу слѣдующее мнѣніе Профессора Московскаго Университета Н. А. Попова, за годъ передъ тѣмъ возвратившагося изъ путешествія по славянскимъ землямъ:

„Получивъ нѣсколько запросовъ отъ славянскихъ ученыхъ о предполагаемой Обществомъ въ 1867 году этнографической выставкѣ и желая сообщить имъ вѣрныя и точныя свѣдѣнія о цѣли и средствахъ помянутой выставки

честь имѣю обратиться къ Обществу съ нижеслѣдующими предложеніями:

„Предположенная выставка имѣетъ въ виду преимущественно Россію и ея населеніе, какъ славянскаго, такъ и инородческаго происхожденія. Если при такой задачѣ желательно возможно большее собраніе предметовъ, относящихся къ быту инородцевъ, населяющихъ Россію, то не менѣе желательно видѣть на выставкѣ и предметы, касающіеся вообще славянской этнографіи: во 1-хъ, потому что Славяне должны служить въ этомъ случаѣ предметомъ перваго и ближайшаго сравненія при изученіи русской народности, какъ родственныя ей племена, во 2-хъ, потому что въ самой Россіи изъ западныхъ Славянъ живутъ Поляки, а изъ южныхъ—Сербы и Болгары. Къ этому можно прибавить, что въ качествѣ временныхъ жителей Россіи не рѣдко встрѣчаются и Словаки, странствующіе по всей Европѣ какъ продавцы издѣлій дротарнаго промысла. Такимъ образомъ въ этнографическомъ составѣ главнаго населенія Россіи заключается необходимость допустить на выставкѣ Славянскій отдѣлъ, исполненіе котораго не можетъ встрѣтиться въ настоящее время съ большими препятствіями.

„Въ послѣднія 50 лѣтъ труды большинства славянскихъ ученыхъ обращены были преимущественно на изученіе этнографіи, археологіи и исторіи славянскихъ племенъ всѣхъ наименованій. Эта ученая дѣятельность сопровождалась собраніемъ всевозможныхъ предметовъ полезныхъ, какъ пособіе для нея. Въ главныхъ городахъ западныхъ и южныхъ Славянъ, живущихъ въ Австріи, образовались весьма замѣчательные публичные музеи, въ которыхъ этнографическое отдѣленіе заняло не послѣднее мѣсто. Примѣръ этихъ публичныхъ собраній вызывалъ во многихъ мѣстностяхъ подражаніе себѣ. Покупкою и собраніемъ археологическихъ и этнографическихъ предметовъ занимаются въ настоящее время многіе частные люди между Славянами. Производство различныхъ образцовъ городскихъ и сельскихъ одѣяній, домашней и хозяйственной утвари, фотографическихъ снимковъ типическихъ лицъ нынѣ живущаго поколѣнія и

копированіе остатковъ прошлой жизни славянскихъ племенъ, — всѣ эти занятія достаточно распространены между любителями славянской этнографіи. Запросы, сдѣланные мнѣ о предполагаемой Обществомъ выставкѣ, идутъ именно отъ этого рода людей. Я, съ своей стороны, сдѣлалъ только то, что могъ, т. е. послалъ имъ объявленіе Общества о выставкѣ въ русскомъ подлинникѣ и чешскомъ переводѣ; но такъ какъ запросы ихъ не ограничивались только объемомъ и характеромъ будущей выставки, а касались также средствъ и способовъ пересылки предметовъ на выставку условій преобрѣтенія ихъ какъ Обществомъ, такъ и публикою, то я счелъ нужнымъ обратиться къ Обществу за разъясненіемъ всѣхъ этихъ вопросовъ.

„Съ своей стороны я считаю не безполезнымъ обратить вниманіе Общества на тѣ учрежденія и лица, которыя могли бы содѣйствовать устройству славянскаго отдѣла на Этнографической выставкѣ. Обществу необходимо обратиться къ редакціямъ наиболѣе распространенныхъ славянскихъ газетъ для напечатанія въ нихъ своего объявленія, во всѣ такъ называемыя славянскія Матицы и ученыя Общества для приглашенія ихъ къ участію въ выставкѣ и наконецъ къ нѣкоторымъ изъ славянскихъ ученыхъ и любителей этнографіи, поручивъ ихъ вниманію дѣло русской выставки. Списокъ всѣхъ этихъ учрежденій и лицъ я берусь доставить Обществу, если оно изъявитъ на то свое желаніе.“ *)

По выслушаніи мнѣнія Н. А. Попова и по обсужденіи того значенія, которое будетъ имѣть на выставкѣ Славянскій отдѣлъ, Общество опредѣлило передать это мнѣніе на разсмотрѣніе Распредѣлительнаго Комитета по устройству Русской Этнографической Выставки, при чемъ предложило Комитету обратить вниманіе на важность Славянскаго отдѣла на выставкѣ и, въ виду успѣшнаго осуществленія этого отдѣла, пригласить Н. А. Попова къ участію въ трудахъ Комитета.

---

*) См. *Извѣст. Общества Любителей Естествознанія,* т. III выпускъ 1, стр. 174—175.

Согласно предложенію Общества, Комитетъ въ девятомъ своемъ засѣданіи (30-го декабря 1865 года), поручилъ Н. А. Попову вступить отъ имени Комитета въ сношенія съ учеными обществами и частными лицами въ славянскихъ земляхъ, и принять на себя устройство Славянскаго отдѣленія на выставкѣ. Въ слѣдующемъ засѣданіи (23-го января 1866 года), опредѣлена была Комитетомъ та сумма денегъ, которая должна была покрыть издержки на пріобрѣтеніе и пересылку изъ-за границы этнографическихъ предметовъ для Славянскаго отдѣла выстакки. Сумма эта взята была изъ тѣхъ денегъ, которыя первоначально предназначались на устройство тропическаго отдѣленія; ибо Комитетъ долженъ былъ отказаться отъ этой мысли вслѣдствіе неблагопріятнаго отвѣта, полученнаго имъ изъ Лондона отъ Совѣта Директоровъ Кристальнаго Сидэнгамскаго дворца, къ которому Комитетъ обращался съ запросами о тропическомъ отдѣленіи. Расходованіе этой суммы Н. А. Поповъ предложилъ поручить извѣстному всему славянскому міру своими заслугами, священнику при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ М. Ф. Раевскому, на что Комитетъ и согласился. М. Ф. Раевскій принялъ на себя всѣ сношенія съ славянскими учеными, проживающими въ австрійскихъ земляхъ. На долю Комитета остались сношенія съ славянами, проживающими въ Пруссіи, Саксоніи и Турціи. Число приглашеній, разосланныхъ какъ Комитетомъ, такъ и М. Ф. Раевскимъ въ славянскія земли, было болѣе трехъ сотъ. Кромѣ того М. Ф. Раевскому принадлежитъ весь трудъ частныхъ и постоянныхъ сношеній съ отдѣльными лицами, которыя изъявили желаніе содѣйствовать успѣху Славянскаго отдѣленія выставки. Сношенія съ турецкими Славянами были значительно облегчены для Комитета, благодаря содѣйствію нѣкоторыхъ изъ русскихъ консуловъ. Приглашенія Комитета къ участію въ выставкѣ и самыя инструкціи для собиранія этнографическихъ предметовъ были напечатаны вполнѣ, или въ извлеченіи въ большей части славянскихъ газетъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ посвящены были выставкѣ особыя руководящія статьи. Кромѣ того М. Ф. Раевскій издалъ брошюру на нѣмецкомъ языкѣ подъ

заглавіемъ: *Die Russische Ethnografische Ausstellung in Moskau.* (Wien 1866, S. 14).

Заграничные Славяне приняли столь же дѣятельное участіе въ усцѣхъ Московской выставки, какъ и наши соотечественники. Такъ напримѣръ, Общество для изученія южнославянской исторіи и языка въ Загребѣ, приняло программу Московскаго Общества при составленіи этнографическаго музея для земель Тріединаго королевства (Славоніи, Хорватіи и Далмаціи), и учредило особый Комитетъ для собиранія этнографическихъ предметовъ въ этихъ земляхъ. Галицко-Русская Матица и Русскій Народный Домъ во Львовѣ назначили особыя суммы и особую коммиссію для собиранія таковыхъ же предметовъ въ выставочной Галиціи. Сербское Ученое Общество въ Бѣлградѣ также избрало изъ своей среды особый комитетъ для собиранія этнографическихъ предметовъ въ княжествѣ Сербіи, на что княземъ Михаиломъ Обреновичемъ III и сербскимъ правительствомъ назначено было 400 дукатовъ. Черногорскій князь Николай I и вдовствующая княгиня Даринка, также принесли не малыя пожертвованія въ пользу Московской этнографической выставки и Дашковскаго этнографическаго Музея. Къ сожалѣнію, прошлогодняя война Австріи съ Пруссіей и Италіей долго служила значительной помѣхой для собиранія этнографическихъ предметовъ въ Саксоніи у Лужицкихъ Сербовъ, въ Чешскихъ земляхъ и въ Далмаціи. Еще болѣе затрудненій долженъ былъ встрѣтить Комитетъ при собраніи необходимыхъ для выставки предметовъ въ земляхъ турецкихъ Славянъ; прекрасная и сравнительно съ другими весьма богатая коллекція болгарскихъ одѣяній и вещей получена была уже по открытіи выставки. Отъ собранія этнографическихъ предметовъ въ земляхъ Кашубовъ, Комитетъ долженъ былъ отказаться и передать это Дашковскому этнографическому музею, при чемъ обѣщали свое содѣйствіе: извѣстный кашубскій писатель, посѣтившій Московскую выставку, докторъ Цейнова, и бывшій профессоръ Берлинскаго университета, проживающій нынѣ въ Гданскѣ (Danzig), докторъ Маннгартъ. Послѣдній

встрѣтилъ мысль о Московской выставкѣ съ особеннымъ сочувствіемъ: „Эта выставка, писалъ онъ одному изъ членовъ Комитета, представитъ *статистическую картину теперешняго* состоянія славянскихъ народовъ; она сразу поставитъ на видъ на какой—высокой или низкой—степени образованія, зависящей отъ внѣшнихъ условій жизни и отъ историческаго развитія, они находятся; она ясно покажетъ, чтò сталось изъ отдѣльныхъ частей Славянства въ теченіи ихъ исторіи, подъ вліяніемъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствъ времени; какъ далеко каждая отрасль Славянства приблизилась къ образцу человѣческой нравственности, выступивъ отъ общихъ всѣмъ имъ началамъ. Я думаю, что, можетъ быть, это будетъ картина величественная, хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ мрачная.“

Въ портфеляхъ Комитета выставки хранится теперь зна чительная переписка, которая, будучи со временемъ обнародована вполнѣ, покажетъ русскимъ читателямъ, какихъ усилій и трудовъ стоило собираніе этнографическихъ предметовъ въ Славянскихъ земляхъ людямъ, вызвавшимся содѣйствовать успѣху Московской выставки. То же самое можно сказать и о трудахъ по собиранію этнографическихъ вещей, не только въ отдаленныхъ окраинахъ Россіи, лежащихъ за Волгою и Ураломъ, но даже и во внутреннихъ губерніяхъ ея. Въ свое время Комитетъ не однократно публиковалъ въ газетахъ имена лицъ, содѣйствовавшихъ въ самой Россіи собиранію различныхъ предметовъ для Московской выставки, печаталъ списки этихъ предметовъ и время отъ времени издавалъ не большіе отчеты о своей дѣятельности; а къ открытію выставки издалъ ея „Указатель“.

Изъ этихъ изданій наши читатели могутъ видѣть, какія учрежденія и лица въ самой Россіи наиболѣе содѣйствовали успѣху выставки. Что же касается трудовъ самаго Комитета, то его общія приготовительныя засѣданія (всего 45) окончились съ послѣдними днями 1866 года, и съ тѣхъ поръ начались труды отдѣльныхъ коммиссій и каждаго члена Комитета, направленные на какую-либо спеціальную сторону выставки. Впродолженіи трехъ мѣсяцевъ эти труды

были ежедневные и не было никакой возможности вести какое либо описаніе ихъ *).

Наконецъ, оставаясь вѣрнымъ заранѣе предположенной цѣли — сохранить за выставкою научный характеръ, Общество Любителей Естествознанія устроило цѣлый рядъ публичныхъ лекцій, которыя не смотря на все разнообразіе своего содержанія находились въ тѣсной связи между собой, отвѣчая прямо или косвенно на тѣ или другіе вопросы изъ области этнографіи и антропологіи. Лекціи эти читались въ продолженіи всего марта и первыхъ чиселъ апрѣля, въ слѣдующемъ порядкѣ:

В. Н. Лешковъ. Человѣкъ въ области права.

Ч. Об. Н. А. Поповъ. Сто лѣтъ русской жизни подъ чужимъ владычествомъ. (Изъ исторіи Галиціи.)

Ч. Об. Н. А. Любимовъ. Вращеніе земли.

М. Н. Капустинъ. Этнографическая школа въ правѣ.

П. Д. Юркевичъ. Совершенства и недостатки душевной жизни въ зависимости отъ особенностей тѣлесной организаціи.

Ч. Об. П. И. Медвѣдевъ. Вліяніе климата на организмъ и на развитіе въ немъ болѣзней.

Ч. Об. И. М. Соколовъ. Значеніе анатоміи и бальзамированія.

Ф. И. Буслаевъ. Этнографическіе вымыслы нашихъ предковъ.

Ч. Об. А. С. Владимірскій. О физическихъ основаніяхъ музыкальной гармоніи и о музыкальныхъ инструментахъ, доставленныхъ на этнографическую выставку.

Ч. Об. И. Д. Бѣляевъ. О великорусскомъ племени.

---

*) Болѣе или менѣе подробная исторія приготовительныхъ трудовъ по устройству этнографической выставки, а равно и нѣкоторыя изъ нижепоименованныхъ лекцій, по всей вѣроятности, войдутъ въ особое изданіе, которое предпринимаетъ нынѣшній директоръ Московскаго Публичнаго Музея, почетный членъ Общества Любителей Естествознанія, бывшій президентъ выставки В. А. Дашковъ. Ниже читатели встрѣтятъ краткій очеркъ трудовъ Комитета въ рѣчи, сказанной В. А. Дашковымъ 23-го апрѣля при открытіи выставки.

С. М. Соловьевъ. Объ историческомъ движенiи русскаго народонаселенiя *).

Ч. Об. Я. И. Вейнбрегъ. Влiянiе физическихъ свойствъ земной поверхности и очертанiя материковъ на умственное развитiе человѣка.

Ч. Об. А. Ю. Давидовъ. О среднемъ человѣкѣ.

Ч. Об. М. Я. Киттары. О женскомъ трудѣ при машинной работѣ.

М. П. Погодинъ. О славянскихъ племенахъ **).

Ч. Об. А. П. Богдановъ. О значенiи краніологiи.

П. К. Щебальскiй. Потемкинъ и заселенiе Новороссiйскаго края.

Ч. Об. А. С Петровскiй. Влiянiе растительнаго царства на культуру человѣка.

Ч. Об. Н. Д. Никитинъ. Объ общихъ покровахъ и влiянiи на нихъ расы и климата.

И. К. Бабстъ. Влiянiе племеннаго характера на народное хозяйство.

Ч. Об. К. К. Герцъ. Погребальные обряды различныхъ древнихъ народовъ.

Ч. Об. В. Н. Ветчинкинъ. Объ атмосферныхъ осадкахъ въ Москвѣ, за послѣднiя 12 лѣтъ. — О магнитномъ наклоненiи въ Москвѣ и ея окрестностяхъ.

Къ концу апрѣля, Русская Этнографическая Выставка была открыта въ обширномъ зданiи такъ называемаго „экзерциргауза" или манежа, стоящемъ между Кремлевскимъ или Александровскимъ садомъ и Университетомъ.

Выставка распадалась на три главные отдѣла:

1. *Отдѣлъ группъ, изображавшихъ племена, населяющiя Россiю и сосѣднiя съ нею славянскiя земли.*

Въ составъ этого отдѣла входили двѣ части: племена инородческiя (116 фигуръ) и племена славянскiя — восточныя (118 фигуръ), западныя и южныя (66 фигуръ).

2. *Отдѣлъ общiй этнографическiй,* въ которомъ помѣща-

*) Была потомъ напечатана въ *Русскомъ Инвалидѣ*, № 130 и отдѣльнымъ оттискомъ.

**) Была потомъ напечатана въ газетѣ *Русскiй*, № 9.

лись костюмы и части ихъ (155), предметы домашняго быта, какъ то: орудія, посуда, музыкальные инструменты и проч. (567), модели построекъ (69) и модели орудій (205); тутъ же находились различныя собранія, имѣвшія этнографическій интересъ, какъ то: собраніе пѣсенъ, собраніе лубочныхъ кртинъ, альбомы, рисунки, фотографіи (болѣе двухъ тысячъ нумеровъ).

3. *Отдѣлъ антропологическій и археологическій*, въ составъ котораго входили: коллекція череповъ и костяковъ, какъ современныхъ, такъ и древнихъ, коллекція анатомическихъ препаратовъ, антропологическіе снаряды (всего 632 нумера), собраніе древностей изъ кургановъ и собраніе каменныхъ древнихъ орудій (318 нумеровъ).

II.

Апрѣля 23-го происходило торжественное открытіе выставки. Въ два часа пополудни на входной платформѣ выставки, собрались всѣ лица, приглашенныя распорядительнымъ комитетомъ къ этому торжеству: тутъ находились члены Общества Любителей Естествознанія, профессоры Московскаго университета, депутаты отъ ученыхъ учрежденій и обществъ, Московскій градской голова, старшины городскихъ сословій, гласные думы и многочисленные посѣтители.

По прибытіи почетнаго президента выставки, Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Владиміра Александровича, началось молебствіе, которое совершалъ преосвященный Игнатій, епископъ Можайскій, съ многочисленнымъ духовенствомъ.

Передъ окончаніемъ молебствія протоіерей Н. А. Сергіевскій произнесъ слѣдующее слово:

„Божіе благословеніе благому дѣлу!"

„Какому дѣлу? Неужели дѣлу наслажденія, какое будутъ почерпать изъ разсматриванія воспроизведенныхъ здѣсь различныхъ образовъ племенъ и народовъ, и естественнаго окруженія ихъ мѣстной жизни? Если наслажденіе, не со-

единенное ни съ чѣмъ грѣховнымъ, испытывается какъ тихій отдыхъ для успокоенія отъ строгой жизненной борьбы и заботы, то и наслажденіе можетъ быть благословенно. Да будетъ оно мирно и безгрѣшно!"

„Но ужели такому дѣлу подобаетъ нарочито торжественное благословеніе, и неужели трудившіеся здѣсь просвѣщеннымъ и терпѣливымъ трудомъ, трудились лишь для того, чтобы доставить другимъ отдыхъ наслажденія, хотя и невинный? Конечно, нѣтъ! Сѣмя труда здѣсь сѣялось въ чаяніи плодовъ серьезнаго наученія. „*Обходяй страны умножитъ вѣдѣнія*," говоритъ мудрый. Здѣсь, различныя страны нашего обширнаго отечества и даже страны родственныхъ намъ племенъ, разумнымъ искусствомъ уменьшенныя, сведены и помѣщены на такомъ удобообходимомъ пространствѣ, что его можно, не утруждая себя многостранствіемъ, не одинъ разъ обойдти и пріумножить себѣ вѣдѣніе. Это уже не отдыхъ только невинный, но настоящее дѣло, разумное дѣло: такое дѣло, по истинѣ, достойно благословенія и нарочито-торжественнаго благословенія. Благословеніе благому дѣлу!"

„Но одно ли здѣсь дѣло познанія? Нѣтъ ли еще здѣсь хотя зачатковъ *дѣла жизни*? Конечно, есть; ибо истинное познаніе жизненно. Но зачатки всякой жизни для внѣшняго взгляда, говорятъ, однообразны, и по нимъ судить нельзя, что подъ конецъ выработаетъ изъ нихъ зиждительная сила. Въ предлежащихъ здѣсь зачаткахъ между прочимъ примѣчательно то движеніе жизни, по которому сами единоплеменники наши—Славяне, внутреннимъ сродствомъ нудимые, во множествѣ влекутся сюда въ Россію, въ Москву на эту выставку, какъ бы для того, чтобы для насъ оживить нѣмые образы ихъ міра живыми лицами своихъ народныхъ представителей и самимъ оживиться лицезрѣніемъ братьевъ. Что это значитъ? Конечно, уже не то, что здѣсь видятъ большіе глаза страха нашихъ завистниковъ,—чего и тѣни нѣтъ въ нашемъ преднамѣреніи. Что же изъ этого выйдетъ? Единому Богу вѣдомы Его совѣты; выйдетъ то, что угодно Его благому Промышленію о насъ".

„Одно намъ вѣдомо въ путяхъ Промысла, ибо это откры-

то намъ любовью Божьяго же откровенія. Весь ходъ исторіи міра изначала направляется къ осуществленію Царства Божья во Христѣ, Царства Его славы, и мира и благоволенія между человѣками. Христіанскому взору уже открылось, какъ вся исторія до Христа была уготованіемъ путей Господу, все измѣняющееся движеніе міровыхъ царствъ, со всѣми ихъ какъ бы случайностями, незримо, но вѣрно управлялось къ верховной цѣли обновленія міра, направлялось къ Царству Божію, Царству вѣчной, святой, блаженной жизни человѣчества. Такъ, *се есть животъ вѣчный человѣкамъ, да знаютъ единаго, истиннаго Бога и Его же посланъ онъ—Іисуса Христа.* Вотъ и самое жизненное познаніе, и—настоящее *дѣло жизни*".

„Царство Божіе пришло, но еще не во всей силѣ, — не по недостатку Божьяго всемогущества, но по нашей немощи; ибо Царство Божіе приходитъ въ насъ *чрезъ насъ.* Потому мы еще молимся, и будемъ молиться съ крѣпкимъ упованіемъ: *Отче небесный, да пріидетъ Царствіе Твое, да вси познаютъ Тебе единаго, истиннаго Бога и посланнаго Тобою Іисуса Христа.*

„Въ этомъ высокомъ молитвенномъ помыслѣ, да обънимемъ христіанскими сердцами племена и народы, промысломъ Божьимъ сопоставленные съ нами — паче всего для внутренняго духовнаго взаимообращенія, общенія вѣры, надежды и любви".

„Вознесемся духомъ отъ видимыхъ образовъ къ незримымъ здѣсь живымъ лицамъ и душамъ, особенно тѣхъ нашихъ братій, которые, вѣдая Царствіе Христово, окружены однако множествомъ препонъ къ болѣе глубокому его усвоенію и болѣе достойному его прославленію: поможемъ имъ дѣятельною любовью!"

„Возревнуемъ еще объ участи тѣхъ народовъ нашего отечества, которые доселѣ не вѣдаютъ единаго, истиннаго Бога и единаго истиннаго Спасителя человѣчества. Поможемъ имъ въ этомъ спасительномъ познаніи, кто чѣмъ можетъ, сообразно его званію и состоянію."

„Наконецъ, не только созерцая не живые образы, но и ожидая срѣтить лицомъ къ лицу единоплеменниковъ на-

шихъ, влекомыхъ къ намъ любовью изъ-за предѣловъ нашего отечества,—главное, что да будетъ у насъ на сердцѣ въ отношеніи къ нимъ: да увидятъ они въ насъ истинныхъ чтителей истиннаго Бога и Его же послалъ Онъ Іисуса Христа, — свято пребывающихъ въ Его Царствіи, въ святой православной церкви, да увидятъ и прословятъ Бога и его царствіе—и на земли, *яко небесное*".

„Что же уготовано Господомъ въ Его незримомъ, благомъ о насъ совѣтѣ, быть-можетъ, и чрезъ сіе дѣло рукъ нашихъ, о томъ да не дерзаемъ гадать болѣе того, что намъ открыто: *Любящимъ Бога Онъ вся споспѣшествуетъ во благое*—къ силѣ и славѣ Его вѣчнаго и для насъ блаженнаго царствія. *Очистимъ чувствія и узримъ!* Станемъ на стражѣ Его истины и Его закона, и получимъ *благодать возблагодать*."

Такіе помыслы, такія расположенія, такой подвигъ,—какихъ еще лучшихъ плодовъ можетъ ожидать себѣ какое-либо человѣческое совершеніе? Въ этомъ разумѣ, да изліется на это, зримое нами совершеніе, въ изобиліи Божіе благословеніе."

„Блаженный духъ святаго равноапостольнаго князя Владиміра, осіявшаго Россію свѣтомъ Христова царствія, да наитствуетъ духу тезоименитаго Ему благовѣрнаго Великаго Князя Владиміра Александровича, нынѣ споспѣшествующаго сему благому совершенію, полному святыхъ надеждъ для отечества. Аминь."

Затѣмъ по окончаніи молебствія Его Императорское Высочество почетный предсѣдатель выставки, въ сопровожденіи распорядителей и всѣхъ присутствовавшихъ лицъ, осматривалъ выставку и обошелъ всѣ группы ея, получая объясненія отъ лицъ занимавшихся устройствомъ разныхъ отдѣловъ выставки.

Вслѣдъ за открытіемъ выставки въ 3 часа пополудни происходило въ актовой залѣ Московскаго университета засѣданіе Общества Любителей Естествознанія, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича.

Засѣданіе открылъ президентъ Общества Г. Е. Щуров-

скій чтеніемъ отношенія г. попечителя Московскаго учебнаго округа, слѣдующаго содержанія:

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія о заслугахъ, оказанныхъ Обществомъ Любителей Естествознанія, состоящимъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, отечественной наукѣ, въ особенности же устройствомъ первой этнографической выставки въ Москвѣ, всемилостивѣйше соизволилъ, въ 27 день марта сего года, даровать сему Обществу, въ знакъ особаго монаршаго благоволенія, право именоваться „*Императорскимъ*" съ тѣмъ, чтобъ объ этой монаршей милости объявлено было Обществу въ день открытія помянутой выставки".

Окончивъ чтеніе этого отношенія, профессоръ Г. Е. Щуровскій обратился съ слѣдующими словами къ Государю Великому Князю: „Вашему Императорскому Высочеству благоугодно было сдѣдать намъ честь принять на себя званіе почетнаго предсѣдателя выставки, устроенной Обществомъ Любителей Естествознанія и обратившей на себя милостивое вниманіе Государя Императора. Пользуясь присутствіемъ и участіемъ Вашего Высочества въ нынѣшнемъ засѣданіи, я беру смѣлость отъ имени Общества усерднѣйше просить васъ передать Его Императорскому Величеству ту благоговѣйную признательность, съ которою оно принимаетъ новый титулъ, дарованный ему за постоянные научные труды. Всѣ старанія Общества будутъ направлены къ тому, чтобъ оправдать на самомъ дѣлѣ, какъ высоко цѣнитъ оно этотъ новый знакъ монаршаго благоволенія".

Затѣмъ г. президентъ продолжалъ:

„Ваше Императорское Высочество

и Милостивые Государи!

„Открывая русскую этнографическую выставку, и съ тѣмъ вмѣстѣ основывая русскій этнографическій музей въ Москвѣ, Общество почитаетъ долгомъ объяснить: почему въ настоящее время оно нашло наиболѣе полезнымъ обратить свое вниманіе на устройство этихъ двухъ учрежденій.

„Кому не извѣстно, что русскіе люди, еще не такъ давно, почти единственно ограничивались изученіемъ того, что относится къ Западной Европѣ. Рѣдкому изъ нихъ приходило на мысль, что Россія въ научномъ отношеніи представляетъ столько же, или еще болѣе интереса, чѣмъ западныя страны. Но въ послѣднее время, къ общей радости, мы замѣчаемъ поворотъ отъ запада къ востоку, замѣчаемъ тотъ живой интересъ, который начинаетъ проявляться у насъ ко всему касающемуся Россіи, или, что еще болѣе, начинаютъ сознавать, что изученіе чужаго или другихъ странъ должно быть только дополненіемъ къ изученію своего или отечественнаго. Явленіе самое отрадное! При этомъ невольно испытываетъ такое же чувство, какое испытываетъ всякій, когда видитъ своего соотечественника, долго странствовавшаго по чужбинѣ, снова возвратившимся на родину, и обнимаетъ его съ самымъ радостнымъ чувствомъ.

„Интересъ къ изученію Россіи, это новое явленіе, обнаружившись въ нашей публикѣ, не налагаетъ ли на ученыя общества и учрежденія обязанности помогать этому интересу, и стараться, чтобъ онъ изъ простой любознательнасти перешелъ въ серьезное изученіе, и сталъ необходимостію каждаго образованнаго Русскаго.

„Однимъ изъ средствъ къ достиженію этой цѣли, по мнѣнію Общества Любителей Естествознанія, могутъ служить выставки и музеи. Этотъ предметъ былъ уже излагаемъ Обществомъ въ одномъ изъ повременныхъ изданій. Въ настоящую минуту я припомню его въ самыхъ общихъ чертахъ.

„Дѣйствительно, выставки и музеи принадлежатъ къ числу самыхъ могучихъ средствъ для народнаго образованія. Представляя сначала только одну привлекательную сторону предмета, и удовлетворяя любознательность безъ всякаго труда, выставки и музеи стоятъ на уровнѣ каждаго, всѣмъ по плечу; онѣ столько же интересны для спеціалиста, какъ и для неученаго человѣка, хотя каждый изъ нихъ, понятно, будетъ обращать вниманіе въ этихъ учрежденіяхъ не на однѣ и тѣ же стороны предмета, будетъ интересоваться не однимъ и тѣмъ же даже въ одномъ

и томъ же предметѣ. Выставки и музеи служатъ дополненіемъ одни другихъ; успѣхи тѣхъ и другихъ находятся въ тѣсной связи между собою, и ведутъ къ одной и той же цѣли, но не одинаковымъ образомъ. Музеи, какъ учрежденія постоянныя, годами устраиваемыя, имѣютъ за собою то преимущество, что могутъ быть болѣе строго-научными и систематичными. Дѣйствіе музеевъ на публику также постоянное и болѣе прочное. Выставки не имѣютъ этихъ достоинствъ: ихъ интересъ преходящій, но за то и болѣе живой для времени своего существованія. Человѣкъ скоро приглядывается къ вещамъ, постоянно его окружающимъ, постоянно доступнымъ для него, какъ бы вещи ни были сами по себѣ интересны, и какое бы значеніе онѣ ни имѣли.

„Выставки будятъ этотъ интересъ, обновляютъ его новыми вопросами, вносятъ въ музеи то, что въ данное время особенно интересно и особенно ново. Выставки—это свѣжій дождь знанія, освѣжающій застоявшуюся атмосферу притупленнаго долгимъ однообразіемъ интереса. Потому-то выставки не теряютъ своего значенія и при имѣющихся уже отличныхъ музеяхъ; но еще большее значеніе получаютъ онѣ тамъ, гдѣ такіе музеи должны только что появиться, въ тѣхъ отрасляхъ знанія, любовь къ которымъ должна быть возбуждена въ народѣ.

„Интересъ къ знанію въ народѣ есть залогъ того, что и серьезная наука явится и сдѣлается необходимостью каждаго. Главное—возбудить интересъ къ знанію и поддерживать его, а само знаніе необходимо прійдетъ за тѣмъ.

„Смѣемъ надѣяться, что Общество не ошиблось въ своихъ ожиданіяхъ, задумавъ устроить русскую этнографическую выставку при настоящихъ обстоятельствахъ. Повидимому, она принялась какъ нельзя лучше ко времени. Это неоспоримо доказывается тѣмъ чрезвычайнымъ сочувствіемъ, какое встрѣтила она во всей Россіи, начиная отъ ступеней трона до послѣдняго крестьянина. Столь же сочувственно отозвались на нее и всѣ соплеменные намъ народы. Какъ будто всѣ чувствовали необходимость подобнаго предпріятія, и на долю Общества выпала только за-

видная участь болѣе осязательно понять эту необходимость, болѣе опредѣленно выразить ее и привести въ возможное исполненіе.

„Справедливость сказаннаго мною будетъ еще очевиднѣе изъ того отчета, который сію минуту будетъ представленъ предсѣдателемъ выставки В. А. Дашковымъ.

„Обращаюсь къ вамъ, гг. депутаты, Общество поручило мнѣ выразить искреннѣйшую признательность тѣмъ ученымъ учрежденіямъ, которыя почли его выставку своимъ сочувствіемъ, и прислали на ея открытіе своихъ депутатовъ. Въ настоящемъ засѣданіи присутствуютъ депутаты:

Отъ Императорской Академіи Наукъ — академики В. П. Безобразовъ и Вельяминовъ-Зерновъ.

Отъ С.-Петербургскаго Университета — Ректоръ Воскресенскій и профессоръ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

Отъ Харьковскаго Университета — профессоръ П. А. Лавровскій.

Отъ Казанскаго Университета — профессоръ Фирсовъ и профессоръ М. П. Петровскій *).

Отъ Дерптскаго Университета — профессоръ Ширренъ.

Отъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ — полковникъ Бекъ.

Отъ ученыхъ обществъ:

Императорскаго Русскаго Географическаго Общества—предсѣдатель этнографическаго отдѣленія В. И. Ламанскій, секретарь отдѣленія Майковъ и членъ Совѣта В. В. Григорьевъ.

Императорскаго Археологическаго Общества — предсѣдатель князь Г. Г. Гагаринъ и членъ академикъ Полѣновъ.

Императорскаго Минералогическаго Общества— инженеръ-подполковникъ Барботъ-де-Марни.

Императорскаго Общества Испытателей природы — вице-президентъ А. Г. Фишеръ фонъ-Валдгеймъ, секретари К. Н. Ренаръ и И. Б. Ауэрбахъ.

Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства — президентъ І. Н. Шатиловъ, вице-президентъ И. И. Масловъ и членъ Совѣта графъ Толь.

Отъ Комитета Шелководства Общества Сельскаго Хозяй-

*) Позднѣе прибылъ депутатъ *Одесскаго Университета* профессоръ В. И. Григоровичъ.

ства — предсѣдатель С. А. Масловъ, члены Н. П. Шишковъ и А. В. Краснопѣвковъ.

Отъ Россійскаго Общества Любителей Садоводства президентъ Ахшарумовъ, вицепрезидентъ Доммесъ, и членъ баронъ Майдель.

Отъ Общества Любителей Древне-русскаго искусства — дѣйствительные члены: Соболевскій и Большаковъ.

Отъ Математическаго Общества—дѣйствительный членъ Лѣтниковъ.

Отъ Юридическаго Общества — предсѣдатель В. Н. Лешковъ, члены: Роговичъ, Рюминъ, Селивановъ, Еропкинъ, Сумбулъ, Рихтеръ, Марецкій, Петровъ, Шиллингъ, Фальковскій, Шайкевичъ и Харламповичъ.

Отъ Общества для изслѣдованія Ярославской губерніи въ естественно-историческомъ отношеніи — предсѣдатель А. С. Петровскій, вице-предсѣдатеь Н. П. Петровъ, дѣйствительный членъ Кокуевъ.

Отъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ:

Новгородскаго — секретарь іерей Богословскій.

Тверскаго — Тверской предводитель дворянства князь Мещерскій, городской голова Головинскій и секретарь Н. И. Рубцовъ.

Нижегородскаго — секретарь Дахновичъ-Гацисскій и Овсянниковъ.

Гродненскаго — капитанъ Щербовъ и г. Лопушинскій.

Олонецкаго — профессоръ Барсовъ.

Витебскаго — секретарь Семеновскій-Курилло и М. Ф. Кусцинскій.

Донскаго войсковаго — секретарь Савельевъ. *)

„Я не говорю о Московскомъ Университетѣ, который здѣсь въ полномъ составѣ. Самая выставка собственно принадлежитъ Московскому Университету. Общество Любителей Естествознанія, устроивши эту выставку, имѣетъ счастіе быть однимъ изъ органовъ Московскаго Университета, и рѣшаетъ съ нимъ одну задачу. Обществу весьма

*) Кромѣ того получено было нѣсколько поздравительныхъ телеграммъ; въ томъ числѣ одна отъ Феликса Лая, комиссара по австрійскому отдѣлу парижской выставки.

пріятно заявить, что всѣ ученыя учрежденія съ полною готовностію помогали ему въ осуществованіи задуманнаго имъ предпріятія. Оно надѣется, что гг. депутаты и въ настоящее время не откажутся помочь ему своимъ совѣтомъ. Намъ желательно, чтобы, осмотрѣвъ выставку, вы сообщили намъ свои замѣчанія на слабыя ея стороны или пробѣлы. Такихъ пробѣловъ, вѣроятно, найдется довольно, какъ это обыкновенно бываетъ съ каждымъ новымъ предпріятіемъ, особенно если оно представляетъ столь сложную задачу, какъ Русская этнографическая выставка. Съ этою надеждою я оканчиваю мое слово."

Вслѣдъ за президентомъ Общества, взошелъ на каѳедру предсѣдатель Комитета по устройству Русской этнографической выставки В. А. Дашковъ и прочелъ слѣдующую рѣчь, въ которой изложенъ въ главныхъ чертахъ ходъ дѣятельности Комитета:

„Ваше Императорское Высочество,

и милостивые государи!

Съ понятнымъ и естественнымъ чувствомъ радости, но также робости, беру я слово въ нынѣшній день, въ эту торжественную минуту, въ которую на вашъ судъ и судъ публики выходятъ результаты нашихъ двухлѣтнихъ трудовъ, нашихъ тяжелыхъ, неустанныхъ усилій. Я естественно исполненъ самаго радостнаго чувства, видя олицетвореніе и осуществленіе въ дѣйствительности той мысли, которою главнымъ образомъ жило наше Общество и во главѣ исполненія которой оно поставило меня. Но самое значеніе, которое получило наша выставка, тѣ надежды, которыя связали съ нею наше Общество, и мы исполнители жившіе послѣднее время только выставкою и музеемъ, все это естественно вызываетъ въ насъ и тревожитъ чувство. Мы положили всѣхъ насъ на задуманное дѣло, но на сколько успѣли мы осуществить нашу задачу, на сколько наши средства, матеріальныя и нравственныя, были достаточны для ея осуществленія? здѣсь мы не судьи, мы ждемъ вашего приговора и потому понятно наше волненіе, волненіе не за насъ самихъ, но за наше дѣло, за успѣхъ его.

„На мнѣ, какъ на предсѣдателѣ Комитета по устройству выставки, лежитъ обязанность указать въ главныхъ чертахъ тотъ путь, которымъ мы шли въ осуществленіи задачи Общества; уяснить, на сколько возможно, тѣ средства, которыми мы пользовались; опредѣлить тотъ планъ дѣйствій, который руководилъ Комитетомъ. Безъ уясненія всего этого не совсѣмъ ясенъ будетъ и полученный нами результатъ, не будутъ ясны и тѣ границы, въ которыхъ мы передаемъ вамъ осуществленіе нашей задачи. Всякое предпріятіе можетъ быть вполнѣ оцѣнено лишь тогда, когда принята въ соображеніе не только мысль и цѣль его, но и средства выполненія, равно какъ и тѣ трудности, которыми сопровождалось это послѣднее. Поэтому въ настоящую минуту я считаю нужнымъ представить передъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ и вами, милостивые государи, главнѣйшіе факты изъ нашей дѣятельности, какъ касающіеся развитія ея, такъ и служившія ей препятствіемъ.

„Этихъ послѣднихъ было не мало и въ особенности богато ими было первое время нашей дѣятельности. При самомъ началѣ работъ по Комитету главнѣйшимъ препятствіемъ было общее равнодушіе. Мало кто вѣрилъ въ серьезность и возможность его исполненія, въ его значеніе; на него смотрѣли, какъ на одинъ изъ тѣхъ несбыточныхъ плановъ, которые въ видѣ метеора появлялись часто въ послѣднее время, и которые нашумѣвъ и блеснувъ давали въ результатѣ только сожалѣніе о томъ, что они появлялись; не только безполезнымъ, но даже вреднымъ явленіемъ считали сначала выставку, вреднымъ по той безплодной агитаціи въ умахъ, которую будто бы должна была вызвать наша выставка съ ея антропологическими тенденціями, съ ея куклами и игрушечною обстановкою, по словамъ нашихъ строгихъ цѣнителей. Журналы долго ни слова не говорили о выставкѣ, считая ее явленіемъ мало интереснымъ и не совсѣмъ надежнымъ. Не для упрека напоминаю я эти обстоятельства, теперь когда Общество Любителей Естествознанія съ благодарностію можетъ заявить какъ о сочувствіи ученыхъ, такъ учрежденій и всей публики; теперь эти упреки были бы болѣе чѣмъ неумѣстны.

„Общество, взятое въ своемъ обширномъ смыслѣ, естественно сочувствуетъ тому, въ пользѣ чего оно убѣдится опытомъ, пользу чего докажетъ время и жизнь; оно вправѣ относиться съ критикою и осторожностію къ новымъ планамъ, потому что часто эти планы вводили ее въ разочарованіе. Если я упоминаю объ этомъ тяжеломъ періодѣ нашего труда, періодѣ довольно продолжительномъ, то только для того, чтобы показать фактъ, на который комитетъ долженъ былъ тратить много энергіи и много силъ и долгое время съ весьма медленнымъ результатомъ. Я упоминаю объ этомъ и для того, чтобы выяснить тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя первыя подкрѣпили насъ своею помощію, своимъ сочувствіемъ, какъ мы дорого цѣнимъ ихъ содѣйствіе въ первыя трудныя минуты и съ какою благодарностію мы всегда будемъ вспоминать о нихъ.

„Громадная переписка заведенная Комитетомъ, десятки тысячъ нашихъ брошюръ, доброе слово нѣкоторыхъ спеціалистовъ, учрежденій и лицъ сочувственно отнесшихся къ выставкѣ, наконецъ наши неугомонныя усилія нѣсколько улучшили нашу участь. Сочувствіе высказанное намъ почти съ самаго начала нѣкоторыми правительственными учрежденіями и лицами, укрѣпили почву подъ нашимъ предпріятіемъ, дали намъ увѣренность, что мы не останемся только съ нашими, такъ сказать, личными средствами: къ намъ стали поступать заявленія о содѣйствіи; учредились мѣстныя коммиссіи для собиранія предметовъ, и тогда мы отъ теоретическихъ трудностей перешли къ практическимъ. Эти трудности состояли въ томъ, что мы знали навѣрно, что получимъ изъ разныхъ мѣстъ предметы, но какіе и когда, это оставалось для насъ неизвѣстнымъ. Вслѣдствіе заявленій о присылкѣ изъ какой-либо мѣстности, Комитетъ былъ спокоенъ, что край не останется безъ представительства на выставкѣ, но что̀ будетъ прислано и когда, это часто было неизвѣстно мѣсяцы. Комитетъ долго не могъ систематически вести свои заказы и работы, и часто чтобы не упустить время, долженъ былъ лучшему ожидаемому предпочитать менѣе удовлетворительное, но находящееся въ его распоряженіи. Большая масса предме-

товъ доставлена была намъ за самое короткое время до открытія выставки и Комитетъ несмотря на свои усилія былъ поставленъ въ физическую невозможность вполнѣ успѣшно воспользоваться такимъ матеріаломъ и долженъ былъ его оставить въ сыромъ видѣ.

„И такъ дѣло Комитета было не безъ затрудненій, какъ нравственныхъ, такъ и матеріальныхъ; я смѣло заявляю, что путь осуществленія выставки и музея было часто тернистымъ путемъ для главнѣйшихъ дѣятелей и они могутъ съ спокойною совѣстію сказать, *что все возможное, при данныхъ условіяхъ времени и средствъ*, было сдѣлано ими. Но на этомъ пути были у Комитета и свѣтлые дни: однимъ изъ самыхъ дорогихъ, было вниманіе къ нашему дѣлу Тѣхъ, которыхъ русскій народъ всегда привыкъ видѣть во главѣ всего благаго и великаго для него.

„Государю Императору благоугодно было признать мысль Общества полезною и оказать Высочайшее содѣйствіе къ ея осуществленію. Щедрые дары Государыни Императрицы, Государя Наслѣдника, Ихъ Высочествъ Великихъ Князей Владиміра Александровича и Алексѣя Александровича были первыми положившими твердое начало нашимъ коллекціямъ, Великаго князя намѣстника Кавказскаго, которому благоугодно было оказать свое содѣйствіе выставкѣ учрежденіемъ мѣстнаго кавказскаго Комитета.

„Комитетъ съ глубокою признательностію вспоминаетъ здѣсь и заноситъ въ лѣтопись нашего Общества эти постоянные и всегда отрадные для русской науки факты, которые наконецъ завѣнчались тѣмъ, что съ соизволенія Государя Императора, во главѣ нашего дѣла соблаговолилъ стать Августѣйшій членъ Его семьи, Его Императорское Высочество нашъ почетный предсѣдатель.

„Мы не можемъ не вспомнить съ благодарностію и другихъ дѣятелей правительственныхъ и общественныхъ, которые подкрѣпили наши первые робкіе шаги: коллекціи Императорскаго Географическаго Общества, Ташкентское собраніе, собраніе изъ Оренбургскаго края и изъ Царства Польскаго были первыми, по своему высокому ученому значенію и численности, краеугольными камнями нашей вы-

ставки. Коллекціи эти, составленныя спеціалистами вполнѣ знакомыми съ дѣломъ, одушевленными сочувствіемъ къ нашему общерусскому предпріятію — суть дорогія пріобрѣтенія для науки. По этому здѣсь, говоря о нашихъ особенно радостныхъ дняхъ, я не могу не упомянуть о дорогихъ для насъ именахъ Императорскаго Географическаго Общества и гг. Черняева, Крыжановскаго, князя Черкасскаго.

„Ходъ предварительныхъ работъ для осуществленія выставки, частные вопросы, вызываемые ею, составятъ предметъ особыхъ докладовъ спеціалистовъ, т.-е. предсѣдателей отдѣленій и членовъ экспертныхъ коммиссій. Моя задача ограничивается только изложеніемъ Вашему Императорскому Высочеству и вамъ, милостивые государи, того общаго развитія, которому слѣдовала мысль о выставкѣ. Наша основная мысль была и есть ознакомить русскую публику съ населеніемъ Россіи въ антропологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Наше Общество, какъ Общество Любителей Естествознанія, въ особенности стремилось и стремится къ тому, чтобы содѣйствовать распространенію естественно-историческихъ или антропологическихъ свѣдѣній о племенахъ. Этой своей цѣли Общество полагало достигнуть всего легче начавъ съ выставки антропологическихъ типовъ племенъ преимущественно русскихъ.

„Но при самомъ первомъ зачаткѣ своей мысли о выставкѣ, Общество неограничило планъ ея только костяками и черепами, анатомическими препаратами и снарядами, т.-е. тѣмъ, что составляетъ содержаніе антропологіи, какъ науки разсматривающей исключительно естественно — историческую сторону человѣка, былъ виденъ и самъ человѣкъ, какъ верховное существо природы во всей своей человѣческой обстановкѣ, въ его человѣческой дѣятельности. Отсюда соединеніе группъ племенъ въ ихъ естественной обстановкѣ, въ естественно-историческомъ, этнографическомъ и культурномъ отношеніи, отсюда не случайное, а органическое соединеніе антропологическаго отдѣленія съ этнографическимъ на нашей выставкѣ.

„Такова была коренная мысль о выставкѣ и Общество

сохранило ея, признавъ ея вѣрною. Но опытъ и тщательное изученіе вопроса привели къ нѣкоторымъ улучшеніямъ, придавшимъ еще большую цѣльность и законченность нашему дѣлу. Общество сначала предполагало полезнымъ, вмѣстѣ съ полною картиною населенія — Россіи, представить по возможности и главнѣйшіе типы обитателей другихъ странъ; оно полагало присоединить къ своему собранію особое тропическое отдѣленіе при антропологическомъ отдѣлѣ. Сдѣланы были попытки получить копіи съ Сиденгамскаго собранія, но попытки эти были безуспѣшны. Этотъ не успѣхъ послужилъ Обществу въ пользу; на выставкѣ теперь нѣтъ ничего, чтобы было копіею съ иностраннаго, чтобы было сдѣлано ими. Все задумано и сдѣлано Русскими, сдѣлано при ихъ исключительномъ содѣйствіи и исключительно для нихъ.

„Одному изъ главныхъ дѣятелей по устройству выставки обязана она существеннымъ дополненіемъ, именно Славянскимъ отдѣломъ, съ которымъ наша выставка получила общеславянскій интересъ. Нашему Обществу было заявлено спеціалистомъ своего дѣла, что изученіе Русскихъ безъ изученія Славянъ немыслимо и будетъ только отрывочнымъ. Чтобъ ученый результатъ выставки и музея, ея конечной цѣли, былъ существенъ, необходимо установить въ ней Славянскій отдѣлъ. Это дополненіе было такъ осязательно полезно, что Обществу и Комитету оставалось только энергически приняться за осуществленіе этой мысли. Осуществленіе это возможно было при участіи только самихъ Славянъ и Общество ни на минуту не усумнилось въ томъ, какъ будетъ принята ими эта мысль, оно безусловно вѣровало въ ихъ сочувствіе, и эта вѣра, какъ и всякая вѣра во все высокое и благотворное осуществилась вполнѣ. Не словами желаемъ мы доказать дорогимъ родственнымъ намъ дѣятелямъ, отозвавшимся на нашъ призывъ, нашу благодарность, а той сердечной симпатіей, которую мы будемъ свято хранить и лѣлѣять въ нашемъ Обществѣ.

„Изъ сказаннаго вы изволите усмотрѣть, какова была основная мысль Общества Любителей Естествознанія.

„Съ самаго начала зарожденія мысли о выставкѣ цѣль была и есть чистонаучная: распространить въ массѣ свѣдѣнія по изученію человѣка; познакомить ее съ представителями разнообразнаго населенія Россіи и родственныхъ ей странъ; возбудить интересъ къ изученію ихъ населенія и быта, и сдѣлать это изученіе возможнымъ и нагляднымъ съ помощію музея. Много говорили иностранные журналы, въ особенности не сочувствующіе Россіи о демонстративномъ значеніи нашей выставки, о ея не научныхъ цѣляхъ. Не привыкать намъ видѣть во всякомъ нашемъ добромъ движеніи и желаніи служить наукѣ своего отечества, подозрѣніе и укоръ отъ народовъ западныхъ и ихъ кліентовъ. На все это русскій человѣкъ привыкъ отвѣчать дѣломъ и спокойнымъ сознаніемъ своей правды. Что наука и притомъ наука русская была исключительна цѣлію нашихъ трудовъ и усилій, что нами руководило не только желаніе усилить матеріалъ для спеціальнаго изученія антропологіи и этнографіи Россіи, но также и стремленіе популяризовать уже добытые результаты такого изученія — это подтверждается и планомъ и составомъ выставки, и тѣми подготовительными мѣрами, которыя были приняты для осуществленія ея. Если можно назвать нашу выставку демонстраціей въ какомъ-либо смыслѣ, то именно въ томъ, что мы дѣйствительно сильно желали сдѣлать, на сколько это было возможно, самую серьезную демонстрацію въ пользу большаго обобщенія и большаго распространенія интереса къ этнографіи, и въ особенности къ антропологіи. Эта основная цѣль наша наглядно выразилась и выяснилась изъ ряда тѣхъ публичныхъ лекцій, которыя предшествовали выставкѣ, и которыми наше Общество по преимуществу обязано профессорамъ Московскаго университета. Они сочувственно отозвались на наше желаніе уяснить публикѣ тотъ многоразличный ученый интересъ, который связывается съ изученіемъ человѣка въ его бытовой и естественно-исторической сторонѣ, и рядъ нашихъ лекцій сдѣлался не только ученымъ введеніемъ къ уясненію задачи выставки и музея, но и общимъ введеніемъ къ спеціальному изученію антропологіи и этнографіи Россіи. Ког-

да бытовое и естественно-историческое изученіе человѣка найдетъ себѣ законное мѣсто въ стѣнахъ высшихъ представителей знанія — университетахъ, а мы глубоко убѣждены, что это будетъ скоро, тогда наука вѣроятно не забудетъ и той нравственной поддержки, которою оказали антропологіи и этнографіи профессора Московскаго Университета и наше Общество Любителей Естествознанія.

„Первый періодъ нашихъ трудовъ оконченъ. Выставка какъ могучее средство популяризаціи науки осуществлена и она отдается на судъ Вашъ. Преодолѣніе тѣхъ трудностей, которыми сопровождалось ее выполненіе, и сочувствіе выраженное къ ней, доказываютъ всего лучше, что наше Общество угадало потребность времени, что въ основу его стремленій была положена вѣрная мысль. Но выставка есть только начало, есть только средство къ тому, что̀ должно быть еще сдѣлано: *музею*, изслѣдованіямъ и преподованію — принадлежитъ выростить плодъ отъ тѣхъ стволовъ, корнями котораго является выставка. До этого конечнаго результата нужно много еще трудовъ, усилій, пожертвованій и путь до него — путь тяжелый. Безъ общаго сочувствія, безъ нравственной поддержки, достиженіе результата не мыслимо и едвали возможно. Но мы спокойно смотримъ на будущее, какіе труды не представляло бы оно намъ: когда мы видимъ, что Ваше Императорское Высочество осѣнили своимъ сочувствіемъ новое дѣло и стали во главѣ его; когда мы вспомнимъ то сочувствіе, которое мы встрѣтили во всѣхъ слояхъ общества и въ особенности въ представителяхъ старѣйшаго изъ нашихъ Университетовъ, тогда всякая боязнь, за будущее нашего дѣла, была бы только мнительностію. Вдохновляемые этими путеводными звѣздами, мы смѣло пойдемъ на борьбу съ неизбѣжными препятствіями, и когда наши силы изнемогутъ, когда поколеблется минутно наша твердость, то мы обратимъ наши воспоминанія къ этой торжественной минутѣ присутствія Вашего Императорскаго Высочества среди насъ и въ главѣ нашего дѣла, мы снова станемъ крѣпкими и задача станетъ для насъ легкою“.

Вице-президентъ Общества А. Ю. Давидовъ прочелъ по-

становленія Общества Любителей Естествознанія, состоявшіяся въ засѣданіи его 5-го марта 1867 года.

„Принимая въ соображеніе заслуги, оказанныя предсѣдателемъ Комитета Василіемъ Андреевичемъ Дашковымъ, а именно: 1) въ уваженіе мысли осуществленія русскаго этнографическаго музея въ Москвѣ, ученыхъ премій отъ общества и мысли объ ученомъ описаніи выставки и музея; 2) въ уваженіе матеріяльныхъ средствъ, доставленныхъ для осуществленія главнѣйшихъ предпріятій Общества, и 3) въ уваженіе почтенныхъ личныхъ трудовъ по Обществу и по приведенію въ исполненіе его начинаній, избрать Василія Андреевича Дашкова *въ почетные члены Общества*".

„Принимая въ соображеніе заслуги, оказанныя Анатоліемъ Петровичемъ Богдановымъ: 1) какъ основателемъ Общества и главнымъ дѣятелемъ въ его ученыхъ предпріятіяхъ; 2) какъ основателемъ русской этнографической выставки, выработавшимъ общій планъ и програму и постоянно трудившимся по ихъ осуществленію, 3) какъ основателемъ антропологическаго отдѣленія Общества, оказавшимъ русской антропологіи весьма важныя услуги: a) составленіемъ московской курганной коллекціи; b) устройствомъ при Обществѣ университетскаго краніологическаго собранія; c) спеціальнымъ описаніемъ курганнаго племени, и d) значительными матеріальными пожертвованіями для осуществленія этихъ предпріятій, постановило поднести Анатолію Петровичу Богданову *адресъ* и назначить *большую золотую медаль*".

„Принимая въ соображеніе заслуги, оказанныя дѣйствительнымъ членомъ Общества Ниломъ Александровичемъ Поповымъ, а именно: 1) въ уваженіе мысли о Славянскомъ отдѣлѣ выставки и музея, придавшей этимъ предпріятіямъ общественный характеръ, усилившей ихъ научное значеніе и возбудившей всеобщій интересъ; 2) въ уваженіе напряженныхъ и продолжительныхъ трудовъ по осуществленію этого отдѣла и описанію его въ вполнѣ удовлетворительной формѣ, 3) за инціативу учрежденія при Обществѣ Этнографическаго отдѣленія, на которое Общество по спра-

ведливости можетъ полагать большія надежды, присудить Нилу Александровичу Попову *золотую медаль* и выразить ему *особую благодарность Общества*".

„Принимая въ соображеніе заслуги, оказанныя членомъ основателемъ и секретаремъ Общества Николаемъ Карловичемъ Зенгеромъ, а именно: 1) въ уваженіе продолжительныхъ и серьезныхъ услугъ, оказанныхъ по веденію корреспонденціи Общеста и Комитета; 2) въ уваженіе постоянныхъ, непрерывныхъ трудовъ по приготовленію самой выставки и по работамъ въ этнографической коммисіи, 3) въ уваженіи работы по составленію указателя выставки и трудамъ по обстановкѣ труппъ, присудить Николаю Карловичу Зенгеру *золотую медаль*".

„Принимая въ соображеніе заслуги, оказанныя членомъ совѣта Николаемъ Николаевичемъ Кауфманомъ, а именно: 1) въ уваженіе мысли объ ученой ботанической обстановкѣ группъ на выставкѣ, и 2) въ уваженіе трудовъ, предпринятыхъ для осуществленія этой мысли — присудить Николаю Николаевичу Кауфману *золотую медаль*".

„Принимая въ соображеніе заслуги, оказанныя членомъ совѣта Николаемъ Григорьевичемъ Керцелли, а именно: 1) въ уваженіе трудовъ по приведенію въ порядокъ и сохраненію коллекцій, и 2) въ уваженіе трудовъ по составленію ихъ каталага — присудить Николаю Григорьевичу Керцелли *серебряную медаль*".

„Наконецъ, принимая во вниманіе заслуги всѣхъ прочихъ гг. членовъ Комитета, трудившихся энергически въ сферѣ своей дѣятельности и своихъ обязанностей, присудить каждому изъ гг. членовъ Комитета по *бронзовой медали* и выразить благодарность Общества."

Затѣмъ, ректоръ Московскаго Университета, С. И. Баршевъ обратился къ присутствующимъ съ слѣдующею рѣчью.

„Ваше Императорское Высочество,

и милостивые государи!

„Не случайно собрались мы сегодня здѣсь въ этомъ университетскомъ залѣ. Настоящимъ собраніемъ нашимъ совершается открытіе выставки, устроенной Обществомъ

Любителей Естествознанія, которое состоитъ въ самой тѣсной внутренней и внѣшней связи съ нашимъ Университетомъ: оно разработываетъ предметы, прямо входящіе въ кругъ ученой Университетской дѣятельности; находится потому при Университетѣ, считаетъ между своими членами многихъ профессоровъ его и имѣетъ своимъ президентомъ глубокоуважаемаго всѣми нами сочлена нашего; да и лицо, которое самымъ дѣйствительнымъ образомъ способствовало къ осуществленію идеи выставки, всецѣло принадлежитъ Университету по воспитанію, по служебной дѣятельности и по горячему сочувствію къ его пользамъ. Настоящее собраніе наше, есть поэтому торжественный актъ не Общества только, но и всего Университета.

„И Университетъ присутствуетъ на этомъ актѣ, принимаетъ самое живое участіе во всемъ, что происходитъ на немъ, и радуясь отъ всего сердца блестящему успѣху родственнаго ему Общества, которое едва возникнувъ, уже удостоилось за свою полезную дѣятельность и самой лестной Высочайшей награды — титула Общества Императорскаго и величайшей чести отъ Вашего Императорскаго Высочества, соизволившаго принять званіе почетнаго предсѣдателя выставки, громко заявляетъ свою радость и о томъ, что по случаю настоящаго собранія онъ имѣетъ счастіе видѣть въ стѣнахъ своихъ и во главѣ этого собранія Члена обожаемой имъ Царской Семьи. Высоко цѣнимъ мы это счастіе; съ благоговѣйною признательностью къ Вашему Императорскому Высочеству будемъ вспоминать о присутствіи Вашемъ между нами и занесемъ и въ нашу Университетскую лѣтопись нынѣшній день, какъ ознаменованный и для Университета особенною царскою милостью.“

Въ отвѣтъ на произнесенныя рѣчи Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ изволилъ сказать:

„Какъ почетному предсѣдателю позвольте мнѣ благодарить васъ, г. Президентъ, и васъ Василій Андреевичъ, также какъ и всѣхъ гг. членовъ, за труды, которые вы понесли по этому дѣлу. Благодарю васъ также за честь, которую вы мнѣ сдѣлали желаніемъ имѣть меня своимъ почетнымъ пред-

сѣдателемъ, честь, которой я до сихъ поръ ничѣмъ не заслужилъ. Постараюсь доказать самымъ дѣломъ, какъ высоко цѣню я эту честь.“

III.

24-го апрѣля утромъ, предсѣдатель Комитета по устройству Русской этнографической выставки былъ извѣщенъ о томъ, что въ 12½ часовъ Государь Императоръ, Государыня Цесаревна, Государь Цесаревичъ и Великій Князь, Почетный Предсѣдатель выставки, удостоятъ выставку посѣщеніемъ. Немедленно было дано знать объ этомъ членамъ Комитета и къ назначенному времени успѣли собраться въ манежѣ, президентъ Общества, предсѣдатель Комитета, ректоръ Университета, московскій городской голова, члены, завѣдывающіе различными отдѣлами выставки, нѣкоторые изъ гг. депутатовъ, членовъ Общества и приглашенныхъ лицъ.

Ровно въ 12½ часовъ, прибылъ великій князь Владиміръ Александровичъ, почетный предсѣдатель выставки, въ сопровожденіи графа Б. А. Перовскаго, чтобы во главѣ собравшихся лицъ встрѣтить Августѣйшихъ посѣтителей. Вскорѣ прибылъ Его Императорское Величество Государь Императоръ и былъ встрѣченъ у входа Почетнымъ Предсѣдателемъ выставки, предсѣдателемъ Комитета, президентомъ Общества, ректоромъ и городскимъ головою. По пріѣздѣ Государь изволилъ сказать, что вслѣдъ за нимъ прибудутъ Государь Цесаревичъ и Государыня Цесаревна. Спросивъ у предсѣдателя Комитета, откуда начнется осмотръ группъ, Его Величество обратился потомъ къ вошедшимъ въ это время и встрѣченнымъ у входа Государю Наслѣднику съ Августѣйшей супругой его.

По прибытіи Ихъ Высочествъ начался осмотръ группъ, расположенныхъ съ правой стороны отъ царской бесѣдки; эти группы были объясняемы Августѣйшимъ посѣтителямъ— секретаремъ Общества Н. К. Зенгеромъ. Первая группа Уральскихъ Казаковъ, находящаяся рядомъ съ бесѣдкой—

обратила на себя вниманіе Государя—костюмами и головными уборами. На объясненіе, что эти костюмы старинные, вышедшіе изъ употребленія еще съ начала нынѣшняго столѣтія, Государь обратился къ сопровождавшему его графу Б. А. Перовскому и припомнилъ, что ему были представлены уральскія казачки въ подобныхъ костюмахъ, когда онъ посѣщалъ Уральскъ. Государю угодно было остановиться затѣмъ у отдѣльно стоящей фигуры казака-баграчея, держащаго въ одной рукѣ пешню, которою пробиваетъ прорубь; при объясненіи этой фигуры было указано на орудія и снаряды рыболовства, которые помѣщены возлѣ манекена. Затѣмъ Его Величеству и Ихъ Высочествамъ были объяснены фигура донской казачки, группа Мордвы и Чувашъ. У слѣдующей затѣмъ группы Черемисъ, Государь обратилъ вниманіе на богатый костюмъ казанской Татарки и спросилъ: „тотъ ли это костюмъ, который вы получили отъ насъ?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ, Его Величеству угодно было замѣтить, что онъ находитъ головы манекеновъ, нѣсколько большими въ сравненіи съ туловищемъ, фигуру крестьянки пермской губерніи, находящуюся въ той же группѣ, Государь нашелъ весьма удовлетворительной. Затѣмъ Государь осматривалъ фигуры минусинской Татарки, манекенъ и костюмъ коей принесены въ даръ Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, Зырянина и обдорскихъ Остяковъ, при этомъ Его Величеству угодно было обратить вниманіе на винтовку, находящуюся въ рукахъ у этого вологодскаго охотника; въ отношеніи Остяковъ Государь замѣтилъ объ оригинальности ихъ костюма.

Переходя къ Тунгусамъ и Алеутамъ, Государь изволилъ спросить: „типичны-ли ихъ лица,“ на что было отвѣчено, что они исполнены по фотографіямъ и рисункамъ, находившимся въ распоряженіи Комитета. Его Величество интересовался костюмами Алеутовъ, сшитыми изъ китовыхъ кишекъ и украшенными искуснымъ шитьемъ; указывая на байдарку, Государь обратился къ Цесаревнѣ и замѣтилъ Ея Высочеству, что она вѣроятно видѣла такую алеутскую лодку въ Царскомъ Селѣ. Вниманіе Августѣйшихъ по-

сѣтителей обратилъ на себя также манекенъ Колоша, жителя Сѣверной Америки, и Его Величеству угодно было спросить объ существующемъ у Колошей обычаѣ раскрашивать лицо разными красками. При объясненіи группы Сѣверо-американскихъ жителей, было упомянуто о томъ, что растенія, находящіяся въ группѣ, принадлежатъ къ мѣстной флорѣ. Въ слѣдующей за тѣмъ группѣ Чукчей, племени, живущаго близь Чукотскаго носа, Государь изволилъ обратить вниманіе на винтовку якутской работы, находящуюся въ рукахъ у Чукчи мужчины.

Въ группѣ Якутовъ были объяснены фигура Якута-шамана, ударяющаго въ бубенъ и главнѣйшія принадлежности шаманства; тутъ же были указаны Государю Императору тѣ манекены, на коихъ надѣты мужской и женскій костюмы Якутовъ, пожалованные для выставки и музея Ея Императорскимъ Величествомъ Государынею Императрицей. Стоя у этой группы, Его Величество обратилъ вниманіе Государыни Цесаревны на заднюю декорацію, изображающую снѣговой, сѣверный ландшафтъ. Осматривая слѣдующую за тѣмъ группу Самоѣдовъ, Государю угодно было выслушать объясненіе фигуры тадибея (жреца), представленнаго во время богослуженія, съ пензеромъ и ладуранцемъ въ рукахъ, и припомнить, что два самоѣдскихъ костюма, мужской и женскій, были пожалованы Государыней Императрицей. „Это очень интересно" сказалъ Государь и указалъ при этомъ Великой Княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ на нарты, которыя употребляются сѣверными народами для ѣзды на оленяхъ и собакахъ. Осмотрѣвъ группу, представляющую Лопарку возлѣ вѣжи и Финку, Его Величество и ихъ Высочества перешли къ западнымъ инородческимъ группамъ, для объясненія коихъ членъ Комитета Н. П. Муромцевъ замѣнилъ Н. К. Зенгера.

Подходя къ группѣ Эстовъ, Государь нашелъ фигуры ихъ очень естественными и весьма типичными и пожелалъ узнать имя художника, исполнившаго манекены. Также одобрительно изволилъ отозваться Его Величество о Литовцахъ и Евреяхъ. Обозрѣвъ означенныя группы инородческаго отдѣла, Августѣйшіе посѣтители перешли къ отдѣлу

восточныхъ Славянъ, начавъ его съ группы Бѣлоруссовъ. Осматривая эту группу, Его Величество обратилъ вниманіе на лодки-душегубки, находящіяся въ употребленіи у бѣлорусскихъ крестьянъ.

За Бѣлоруссами слѣдовали Великоруссы.

Великорусская изба крестьянина-промышленника, какъ представительница быта болѣе зажиточнаго, была объяснена Его Величеству Государю Императору и ихъ Высочествамъ профессоромъ Киттары. Государю Императору было угодно прежде всего взглянуть во внутренность избы. Вслѣдъ за Его Величествомъ вошли Государыня Цесаревна и Государь Цесаревичъ. Профессоръ Киттары объяснялъ, что изба имѣетъ одну невѣрность, она тѣсновата и, вмѣсто 5 или 7 оконныхъ и часто двухэтажныхъ избъ, она представляетъ только 7 аршинную и 3 оконную избу. Государь замѣтилъ, что она дѣйствительно не велика, но что въ ней вѣрно выраженъ характеръ избы крестьянина; затѣмъ Его Величество обратилъ вниманіе Цесаревны на лубочныя изображенія, всѣ священнаго содержанія, наклеенныя на стѣнахъ избы и разсматривая нѣкоторыя сказалъ: „это старой работы". Профессоръ Киттары объяснилъ, что коллекція лубочныхъ изображеній дѣйствительно замѣчательна по времени и указалъ на пять небольшихъ изображеній окружающихъ божницу, а именно: изображенія Распятія, ярославскихъ угодниковъ, Николая Чудотворца, Казанской Божіей Матери и Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы принадлежащихъ XVII вѣку, также и то, что всѣ остальныя не имѣютъ ценсуры, слѣдовательно предшествуютъ 1825 году.

„Откуда же вы достали ихъ?" спросилъ Государь. Отвѣтомъ было, что выставка обязана этимъ интереснымъ собраніемъ старыхъ лубочныхъ изображеній профессору Московскаго Университета Тихонравову.

Далѣе Государь осмотрѣлъ постель, стоявшую въ другомъ углу, раздвинулъ занавѣсь и снова замѣтивъ, что характеръ соблюденъ весьма вѣрно, обратилъ вниманіе Цесаревны на одѣяло сшитое изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ ситцевыхъ и шелковыхъ. Государыня Цесаревна съ любо-

пытствомъ разсматривала это одѣяло. Государь отходя отъ постели прибавилъ: „и здѣсь то же лубочныя изображенія?"

Пр. Киттары объяснилъ, что они тѣ самыя, которыми крестьяне окружаютъ свою постель, сбоку молитва отца нашего преподобнаго Алексѣя человѣка Божія и житіе и страданіе св. мучениковъ Кирика и Улиты, въ головѣ надъ подушками Изображеніе о явленіи 132 чудотворныхъ иконъ Пресвятыя Богородицы, въ коихъ мѣсяца и числа бываютъ празднества, въ народѣ же просто называемыя 132 Богородицы. Государь, заинтересовавшись подошелъ къ постели, отодвинулъ сполна боковую занавѣску и нѣсколько секундъ смотрѣлъ на изображеніе, потомъ вновь сказалъ: „очень вѣрно и характерно". Затѣмъ Государь вышелъ изъ избы.

Государыня Цесаревна, видимо весьма заинтересованная, осталась на нѣсколько минутъ, осмотрѣла 132 изображенія Божіей Матери, подошла къ столу, поглядѣла жбанъ, солоницу, ложки, Государь Цесаревичъ объяснялъ каждый предметъ. По выходѣ изъ избы, Государь Императоръ остановился передъ манекеномъ русскаго крестьянина дворника съ желѣзнымъ четверикомъ въ рукѣ, съ ключемъ на поясѣ, какъ бы только что продавшаго овесъ изъ подлѣ стоявшаго куля.

Манекенъ былъ одинъ изъ удачныхъ по выставкѣ и вызвалъ полное одобреніе какъ Его Величества, такъ и ихъ Высочествъ.

Проф. Киттары пригласилъ Государя Императора войти въ дворъ избы и осмотрѣть тамъ расположенные предметы: станъ колесъ, подготовленную новую телегу; рогожи, вѣники, представители стульнаго мастерства, были представлены какъ изображатели нашей лѣсной промышленности. (Угольныя ямы, дрова и др. осмотрѣны были ранѣе.)

За симъ Его Величеству были представлены образцы всѣхъ издѣлій ткачества нашихъ крестьянъ: фламское полотно, равентухъ, рубашка всѣхъ сортовъ, межеумокъ, холстъ подкладочный, хрящъ. При выходѣ изъ двора великорусской избы, Государю были представлены образцы *охры*, *грунта* (краски) и *трепеля*, добываемыхъ подъ Мо-

сквою (въ дер. Котлахъ и Кожуховѣ) и составляющихъ промышленность крестьянскую. По выходѣ изъ двора избы, Государь подошелъ къ пристроенной къ ней лавочкѣ — проф. Киттары изложилъ Его Величеству, что внутренность ея (легко обозрѣваемая снаружи), изображаетъ обыденные предметы житейскаго крестьянскаго потребленія, и не представляетъ того интереса, котораго заслуживаетъ фасъ лавочки, гдѣ собрана разнообразная коллекція, конечно не всего, но нѣкоторыхъ типовъ того, что производятъ крестьяне, преимущественно Московской губерніи, и что составляетъ источникъ ихъ благосостоянія. Эта коллекція дѣйствительно содержала въ себѣ сборъ того, что вырабатывается крестьянами изъ льна, бумаги, шерсти, шелки, кожи, рога, дерева, стекла и металловъ (мѣдныхъ и оловянныхъ сплавовъ). Его Величество особенно заинтересовался коллекціей нагрудныхъ крестьянскихъ крестовъ, литыхъ мѣдныхъ, простыхъ и финифтяныхъ, изготовляемыхъ крестьянами Московской губерніи, доставляемыхъ въ игольной рядъ Московскаго госпитальнаго двора и оттуда уже распространяемыхъ въ самые отдаленные концы Россіи — и на Донъ, и въ Малороссію, и въ отдаленную Сибирь. Профессоромъ Киттары были послѣдовательно представлены образцы этихъ крестовъ, и объяснено, что въ народѣ, большинство котораго неграмотно, они различаются по внѣшнимъ признакамъ—формѣ, числу длинныхъ строчекъ молитвы на оборотѣ креста и числу нарѣзокъ на ушкѣ. Первыми представлены кресты православные, отличающіеся четырьмя длинными строчками молитвы на оборотѣ — и обращено вниманіе на типическое различіе, креста женскаго отъ мужскаго. Первый съ формами болѣе округленными, второй остроконечными. Финифтяные кресты, той же формы, выражали плохое современное искусство обращаться съ одной синеголубой финифтью. Второй типъ представляли кресты хохлацкіе, вообще болѣе крупные и притомъ рѣзко иной плоской и расширенной формы оконечностей креста. Третій типъ представляли кресты войска донскаго, старообрядческіе, удлиненные тонкіе. Кресты старообрядческіе сибирскіе, рѣзко отличаются прибавкою въ перекрестѣ еще четырехъ

остроконечностей и составляютъ четвертый типъ. Старообрядческіе кресты съ надписями молитвы въ двѣ строчки и совершенно сходные въ остальномъ съ крестами православными были пятымъ типомъ. Шестой типъ, плоскіе и широкіе кресты съ прямыми углами, безъ всякой молитвы на оборотѣ, были представителями такъ-называемаго Спасова согласія (распространеннаго въ Нижегородской и Симбирской губерніяхъ). Послѣдній седьмой типъ, представляли кресты поморскаго согласія, непремѣнно обязанные имѣть три нарѣзки на ушкѣ и три длинныя строчки молитвы на оборотѣ креста, весьма распространеннаго въ Саратовской губерніи.

Коллекція крестовъ заканчивалась, маленькими складными образками извѣстными подъ названіемъ *рекрутское благословеніе.* Оптовая цѣна этихъ крестовъ въ ряду игольномъ отъ 80 копѣекъ за 100 штукъ, доходитъ до 11 рублей 70 копѣекъ. На интереснѣйшія изъ этихъ объясненій Государь Императоръ обращалъ вниманіе Государыни Цесаревны. Затѣмъ были представлены Его Величеству типы русскихъ серегъ носимыхъ нашими крестьянками и производимыя изъ стекла въ Дмитровскомъ уѣздѣ, а оправы въ Звенигородскомъ, а также серьги работаемыя въ Калужской и Костромской губерніяхъ, причемъ была объяснена и крайняя дешевизна этихъ издѣлій, дешевѣйшія изъ которыхъ за 1000 паръ представляли оптовую стоимость, въ московскихъ оптовыхъ же лавкахъ, 7 руб., а самыя дорогія не превышали 15 р. за 100 паръ, т.-е. по 15 к. за пару. Государь Императоръ обратилъ вниманіе Цесаревны на эту дешевизну и Ея Императорское Высочество выразила свое удивленіе словами: „какъ это дешево."

Проф. Киттары были представлены наши простонародныя зеркала, дешевизны неимовѣрной, разные шнуры и тесьмы, игрушки, работаемыя крестьянами и наконецъ очки, по виду въ серебряной оправѣ, продаваемыя по 1 руб. 20 коп. за дюжину. Государь Императоръ улыбаясь замѣтилъ: „не платятся ли глазами покупатели за такіе очки?"

Слѣдуетъ сказать, что великорусская изба вызвала полное вниманіе Августѣйшихъ Посѣтителей, хотя и бѣдная по

числу манекеновъ, но богатая по той обстановкѣ, которая уясняетъ жизнь крестьянина-промышленника.

Отъ Великорусской избы Высочайшія Особы направились къ средней группѣ, изображающей ярмарочныя сцены, и здѣсь сопровождалъ ихъ членъ Комитета профессоръ И. Д. Бѣляевъ. Осматривая эту группу, Государь Императоръ обращалъ вниманіе на многіе костюмы, спрашивалъ откуда они, изъ какой губерніи и уѣзда; многіе изъ нихъ были знакомы Его Величеству, и онъ называлъ тѣ мѣстности, въ которыхъ они употребительны; въ отношеніи нѣкоторыхъ городскихъ костюмовъ Государь изволилъ замѣтить, что хотя они и вышли теперь изъ общаго употребленія, но изрѣдка еще встрѣчаются. „Вотъ этотъ костюмъ видно уже поношенный", сказалъ Государь, указавъ на костюмъ Рязанской губерніи, Спасскаго уѣзда.

Вообще впечатлѣніемъ всей Великорусской группы Его Величество изволилъ остаться доволенъ, замѣтивъ только, что лица женщинъ могли бы быть красивѣе,— „еслибъ сдѣлать строгій выборъ," прибавилъ Онъ при этомъ. При осмотрѣ группы Государь Императоръ нѣсколько разъ обращался къ Государынѣ Цесаревнѣ и самъ объяснялъ ей какіе костюмы — какой мѣстности.

При входѣ въ великорусскую избу черноземной полосы, Его Величеству были представлены предсѣдателемъ выставки В. А. Дашковымъ—президентъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства І. Н. Шатиловъ и депутатъ Комитета Шелководства, извѣстный сельскій хозяинъ Н. П. Шишковъ, котораго Государь удостоилъ при этомъ особымъ милостивымъ вниманіемъ своимъ. За симъ въ сопровожденіи Великой Княгини и Великихъ Князей, Государь вошелъ на дворъ крестьянской избы, внимательно осматривалъ сельско-хозяйственныя орудія, расположенныя тамъ, и самую избу. При входѣ въ избу на указаніе члена, устроивавшаго группу, І. Н. Шатилова, что эта изба курная, безъ трубы,—Его Величество изволилъ замѣтить, что „къ сожалѣнію такихъ избъ еще весьма много въ Россіи." Вслѣдъ затѣмъ Государь пригласилъ Великую Княгиню осмотрѣть внутренность избы и обратилъ внима-

ніе Ея Высочества на устройство печи и на скромную обстановку этаго жилища, послѣ чего еще разъ обошедши дворъ, изволилъ перейдти къ обзору группъ, представляющихъ западныхъ и южныхъ Славянъ, возлѣ которыхъ встрѣтилъ Его Величество и Ихъ Высочества членъ Комитета, профессоръ Н. А. Поповъ. Связью между этими группами и великорусскимъ отдѣленіемъ служили 17 фигуръ, изображающіе Русскихъ, населяющихъ Буковину, восточную Венецію, восточную Галицію и Холмскую епархію въ Царствѣ Польскомъ. Здѣсь особенное вниманіе Его Величества обратили на себя группы Венгерскихъ Русскихъ и Галицкихъ Гуцуловъ, Лемковъ и Бойковъ. При осмотрѣ отдѣла, представляющаго польское племя, Государь Императоръ изволилъ выразить свое удовольствіе по поводу удачнаго выполненія типовъ великопольскаго и мазурскаго. По поводу Мазуровъ Государь Императоръ изволилъ сказать Наслѣднику Цесаревичу: „Точно бывшіе у насъ депутаты." При обзорѣ чешско-словацкаго племени фигуры, изображающія Ходовъ или Булаковъ, живущихъ по границамъ Богеміи и Моравіи, вызвали также одобреніе Его Величества. Затѣмъ въ осенней группѣ венгерскихъ Славянъ особенное вниманіе Его Величества обратила на себѣ фигура русскаго старосты деревни Орябиной изъ Спишскаго комитата Ивана Зозули; общая обстановка группы, изображающей Словенскую или Вендскую свадьбу изъ Зильской долины въ Каринтіи, фигура Хорвата-Граничара, стоящаго на стражѣ въ такъ называемомъ чардакѣ и нѣкоторыя фигуры въ группѣ Сербовъ, слушающихъ подлѣ монастырской стѣны слѣпаго пѣвца, заслужили лестную похвалу Его Высочества. Столь же милостиво отозвался Государь о группахъ Черногорцевъ и Болгаръ, освѣдомившись при этомъ, кто были жертвователи костюмовъ въ Черногорской группѣ.

Отъ группы Болгаръ Августѣйшіе посѣтители перешли къ инородческимъ группамъ южной Россіи, которыя были объяснены секретаремъ Н. К. Зенгеромъ. Въ этихъ группахъ Его Величество изволилъ одобрительно отозваться о

художественномъ исполненіи фигуръ чебана, цыганки съ ребенкомъ за спиной, молдаванъ и нѣмецкихъ колонистовъ.

Затѣмъ Его Величество остановился передъ группой огнепоклонниковъ, исполненныхъ съ картины князя Г. Г. Гагарина. Когда находившійся возлѣ этой группы П. К. Щебальскій началъ говорить о мѣстѣ, гдѣ жили въ Закавказіи эти Индусы, Государь изволилъ замѣтить: „Я зняю, Я былъ въ Баку; ихъ всего было тогда три человѣка.“ На это Его Величеству было объяснено, что газеты утверждаютъ, что въ настоящее время умеръ и послѣдній изъ Гвебровъ.

Отъ группы Гвебровъ Высочайшія особы перешли въ общій этнографическій отдѣлъ, гдѣ были встрѣчены завѣдующимъ этимъ отдѣломъ членомъ Комитета Н. Г. Керцелли. Въ этомъ отдѣлѣ Его Величество и Ихъ Высочества осматривали костюмы, развѣшанные въ шкафахъ и различные предметы домашняго быта, помѣщенные въ витринахъ. Изъ костюмовъ они изволили преимущественно обратить вниманіе на одѣянія Алеутовъ, замѣчательныя по своей отдѣлкѣ, накидку Колошей изъ шерсти горныхъ барановъ, на костюмы и женскій головной уборъ Сибирскихъ Киргизовъ, на грузинскій костюмъ временъ царицы Тамары и на одежду Некрасовцевъ, Русскихъ выходцевъ, живущихъ въ Добруджѣ. Государь Наслѣдникъ и Великій Князь — почетный предсѣдатель выставки пожелали видѣть тѣ костюмы Караимовъ, которые были ими пожертвованы не за долго до открытія выставки. При разсмотрѣніи этихъ костюмовъ, вниманіе Высокихъ Посѣтителей было обращено въ особенности на молитвенное облаченіе (чичитъ) этихъ евреевъ и на головной уборъ караимской невѣсты. Государыня Цесаревна изволила въ тоже время внимательно разсматривать женскіе головные уборы, образцы шитыхъ полотенецъ, различныя женскія украшенія и предметы домашняго быта, которые были объяснены Ея Высочеству секретаремъ Н. К. Зенгеръ. Членъ Совѣта А. С. Владимірскій объяснялъ затѣмъ Великой Княгинѣ музыкальные инструменты, употребляемые у различныхъ племенъ, обративъ вниманіе Ея на тѣ инструменты, которые употребля-

ются при буддійскомъ богослуженіи. Цесаревну въ особенности заинтересовали: алеутскій кастаньетъ сдѣланный изъ клювовъ, птицъ, топорикъ и простонародныя глиняныя свисталки. Изъ другихъ предметовъ, помѣщенныхъ въ этомъ отдѣлѣ и объясненныхъ Н. Г. Керцелли, Ея Высочество изволила обратить вниманіе на рѣзные кресты изъ восточной Галиціи Станиславскаго округа, на калачи изъ сыра оттудаже и наконецъ на Черногорскій женскій поясъ, доставленный для выставки вдовствующею Княгиней Черногорской Даринкою. Государынѣ Цесаревнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы Черногорскія женщины могли носить столь тяжелыя и массивныя поясныя украшенія. Точно также заинтересовали Ея Высочество и деревянные башмаки (клупясъ), которые носятъ Литовцы въ Сувалкской губерніи.

Въ то время пока Великая Княгиня еще разсматривала коллекціи общаго этнографическаго отдѣла, Его Величество Государь Императоръ и Ихъ Высочества Великія Князья перешли въ отдѣлъ моделей, помѣщающійся на хорахъ задней платформы.

Въ отдѣлѣ моделей построекъ, сельско-хозяйственныхъ орудій и предметовъ домашняго быта, которыя объяснялъ Его Величеству профессоръ Н. А. Поповъ, а Государынѣ Цесаревнѣ профессоръ А. С. Петровскій, обратила на себя особенное вниманіе Его Величества модель раскольнической молельни изъ Олонецкой губерніи, по точности и изяществу отдѣлки, двѣ модели построекъ изъ прибалтійскаго края, о. Езеля и изъ окрестностей г. Либавы, модель полнаго сербскаго хозяйства изъ южной Венгріи, образцы хорватскихъ заборовъ и плетней, модели Лопарской вежи, бѣлорусскихъ построекъ и нѣкоторыя изъ мелкихъ вещей.

Затѣмъ осмотрѣвъ собраніе печатныхъ изданій Славянскихъ пѣсенъ П. А. Безсонова, Государь Императоръ изволилъ обозрѣвать коллекцію древностей члена Комитета Д. П. Сонцова и пожелалъ узнать: гдѣ и долго ли составлялъ онъ это собраніе? При разсмотрѣніи различныхъ предметовъ коллекціи Государь Наслѣдникъ обратилъ вниманіе Его Величества на рѣзной изъ кости образокъ съ изображеніемъ Божіей Матери и Св. Николая. Великіе

Князья, подробно осматривая собраніе, обратили вниманіе на мѣдные кресты и складни; между послѣдними Государь Наслѣдникъ нашелъ складни, покрытые по рельефу финифтью. Государыня Цесаревна точно также интересовалась этой коллекціей и обратила особенное вниманіе на панагіи съ византійской эмалью, на рѣзной образокъ изъ слоновой кости, браслеты, перстни, кресты изъ яшмы (въ серебрѣ и съ драгоцѣнными каменьями) на шейную Черниговскую гривну и первыя русскія монеты. Ея Высочество предлагала вопросы о разныхъ древностяхъ и благосклонно выслушивала археологическія поясненія.

Изъ собраній древностей, помѣщенныхъ въ томъ же отдѣлѣ, Государь Императоръ удостоилъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ еще коллекцію крестовъ выставленную г. Подклюшниковымъ. Обозрѣвая ее, Его Величество пожелалъ узнать имя составителя.

Спустившись съ верху Государь Императоръ изволилъ остановиться у коллекціи фотографическихъ портретовъ, представленной г. Барро. Великіе Князья, разсматривая эту коллекцію, узнали между портретами снимки съ тѣхъ крестьянокъ, которыя были представлены Ихъ Высочествамъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Затѣмъ Государь осматривалъ краніологическую и курганную коллекціи, остановился у разложенныхъ курганныхъ и славянскихъ скелетовъ и спрашивалъ о происхожденіи ихъ; переходя къ витринамъ, въ которыхъ помѣщено собраніе древностей Его Величество изволилъ освѣдомиться — кому принадлежитъ коллекція, обратилъ вниманіе на курганныя вещи, найденныя въ Московской, Минской губерніяхъ и въ городѣ Муромѣ, спрашивалъ о значеніи и употребленіи нѣкоторыхъ вещей и о времени, къ которому онѣ относятся. Объясненія на вопросы, предложенные Государемъ Императоромъ, давалъ профессоръ И. Д. Бѣляевъ. Государь Наслѣдникъ также осматривалъ внимательно курганныя вещи, спрашивалъ гдѣ онѣ найдены и обратилъ вниманіе на одинъ бронзовый крестикъ, пренадлежащій къ древнѣйшимъ крестамъ въ здѣшнемъ краѣ. Послѣ того Государь изволилъ осматривать анатомическіе рисунки и препараты, которые объяснялъ Его Ве-

личеству профессоръ И. М. Соколовъ. Объясняя одинъ изъ препаратовъ инъекцій, профессоръ Соколовъ представилъ Государю Императору прозектора Балашевскаго, трудившагося надъ исполненіемъ этого препарата четырнадцать мѣсяцевъ. Его Величество благосклонно спрашивалъ К. М. Балашевскаго о его трудахъ, Великій Князь Владиміръ Александровичъ разсматривалъ въ тоже время антропологическіе снаряды, спрашивалъ о кефалометрѣ Антельма и краніометрѣ Брока, и обращался къ г. Балашевскому за объясненіями о находящихся на выставкѣ муміяхъ египетскихъ и современныхъ, приготовленныхъ профессоромъ Соколовымъ.

Изъ антропологическаго отдѣла выставки, Государь Императоръ и Великіе Князья прошли снова въ общій этнографическій отдѣлъ, куда сошла изъ отдѣла моделей и древностей также и Государыня Цесаревна. Августѣйшіе посѣтители остановились у собранія фотографическихъ снимковъ Русской фотографіи и портретовъ. Членъ Комитета Н. М. Аласинъ доложилъ Государю Императору, что это собраніе фотографическихъ портретовъ составляетъ этнографическій альбомъ Общества Любителей Естествознанія, который онъ издаетъ по предложенію Общества. Графъ Б. А. Перовскій представилъ находящагося тутъ же члена Комитета М. А. Зыкова Ихъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ, причемъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ выразилъ ему желаніе, чтобы были сдѣланы фотографическіе снимки съ различныхъ частей выставки. „Государыня Императрица не можетъ быть на выставкѣ и Ей пріятно будетъ видѣть фотографіи“, прибавилъ Онъ.

Во время пребыванія Высочайшихъ особъ въ общемъ этнографическомъ отдѣлѣ, экспонентъ Н. О. Бородаевскій имѣлъ честь испросить у Его Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича чрезъ графа Б. А. Перовскаго дозволеніе поднести Его Высочеству ружье работы тульскаго мастера Ильи Салищева, 1746 года. На этомъ ружьѣ по всему стволу вычеканены разныя изящныя изображенія и славянская надпись и на вопросъ Государя Наслѣдника „какое это ружье?“ Н. О. Бородаевскій далъ подробное объ-

ясненіе и вручилъ ружье Его Высочеству. Государь Наслѣдникъ, взявши въ руки ружье, изволилъ долго его разсматривать, замѣтилъ, что это большая рѣдкость, и благодарилъ Н. О. Бородаевскаго, который объяснилъ Его Высочеству, что онъ осмѣлился поднести Ему это ружье, такъ какъ такого нѣтъ въ коллекціяхъ Оружейной палаты и просилъ принять эту вещь на память посѣщенія русской этнографической выставки.

Изъ общаго этнографическаго отдѣла Августѣйшіе Посѣтители изволили перейдти къ осмотру малороссійской группы, возлѣ которой ихъ встрѣтилъ членъ Комитета И. Я. Ковалевскій. Государь Императоръ изволилъ внимательно осматривать всю группу, остановился передъ фигурой старика-малоросса, стоящаго у входа въ мазанку, одобрительно отозвался о группѣ чумака съ волами и обратилъ вниманіе на колодезь съ журавлемъ. Государь Наслѣдникъ и Августѣйшая супруга его подробно разспрашивали объ обстановкѣ группы. Его Высочество обратилъ между прочимъ вниманіе на курильницу и на обычай курить ладономъ.

От Малороссіи Его Величество и Ихъ Высочества перешли къ кавказской группѣ. Объяснявшій эту группу П. К. Щебальскій назвалъ Курдовъ и указалъ на ихъ мѣсто жительства въ Россіи. Потомъ онъ указалъ на Хевсуровъ, перешелъ къ группѣ около духана и указалъ на замѣчательную въ типическомъ отношеніи физіономію Грузина. По поводу женщины, стоящей близь Грузина, было объяснено, что подобная одежда усвоена вообще женщинами всего сѣвернаго Кавказа; потомъ указанъ былъ Аджарецъ и замѣчено о мѣстѣ нахожденія аджарскихъ горъ, вообще мало извѣстныхъ, при этомъ указано также на Армянина изъ Ахалцыхскаго уѣзда, въ которомъ Армяне составляютъ не городское, какъ у насъ, а сельское народонаселеніе, сильно потуреченное, что и замѣтно по одеждѣ и вооруженію выставленнаго экземпляра. Потомъ было обращено вниманіе Его Величества на Армянина въ духанѣ и на самый духанъ, около котораго сосредоточена жизнь массъ на Кавказѣ и особенно за Кавказомъ. Этотъ духанъ съ большою

точностію представляетъ духаны мѣстные. Изъ предметовъ находящихся въ немъ были указаны бурдюкъ, нитка сейвы, мѣстное вино и мѣстная форма бѣлаго хлѣба.

Переходя къ шатру, Государь самъ изволилъ замѣтить и назвать Черкеса. Въ шатрѣ было обращено вниманіе Его Величества на одинъ изъ ковровъ, принадлежавшій по семейному преданію, послѣднему изъ грузинскихъ царей. Государынѣ Цесаревнѣ была указана грузинская подушка, оружіе и утварь, находящіяся въ шатрѣ. Ея Высочество Великая Княгиня изволила съ любопытствомъ осматривать азарнетъ, кулу, турій рогъ и кувшинъ, причемъ Ей было объяснено ихъ употребленіе. Указано на изящную форму кувшина, на его отдѣлку и на древность его, доказываемую явными слѣдами долгаго употребленія. Государю угодно было также обратить вниманіе на бѣлую бурку, весьма мягкую и легкую, —качества, которыя, вмѣстѣ съ ея цвѣтами, дѣлаютъ ее предметомъ довольно цѣннымъ.

Отъ Кавказской группы Его Величество и Ихъ Высочества перешли къ осмотру послѣдняго отдѣла восточныхъ инородцевъ, который былъ объясненъ секретаремъ Н. К. Зенгеромъ. Государь Императоръ изволилъ обратить вниманіе на фигуру Туркменки и на обычай женщинъ этого племени носить серьгу въ носу. Переходя къ калмыцкимъ группамъ, Его Величество нашелъ очень красивымъ костюмъ Калмычки (№ 77), причемъ Государю Императору было доложено, что этотъ костюмъ пожалованъ Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ; Великій Князь, осмотрѣвъ его, изволилъ припомнить этотъ даръ свой и время, когда онъ былъ имъ пожалованъ. Затѣмъ Государь обозрѣвалъ внутреннее устройство калмыцкой кибитки принесенной въ даръ Церень-Убуши Дугаровымъ. Его Величеству была объяснена вся обстановка жилища, указана кровать съ ея убранствомъ, пологомъ, постелью; сундуки русской работы, находящіеся въ употребленіи у Калмыковъ; предметы ихъ богослуженія—изображеніе бурхана, рѣзной столикъ работы калмыцкихъ духовныхъ лицъ; сосуды, размѣщенные на немъ; благовонныя свѣчи; посуда употребляемая Калмыками и проч. При

обозрѣніи слѣдующихъ затѣмъ группъ Киргизовъ оренбургскихъ и сибирскихъ, Его Величество обратилъ вниманіе и указывалъ Государынѣ Цесаревнѣ на высокіе свадебные головные уборы (саукале), употребляемые киргизскими женщинами и на свадебное убранство лошади. Его Величеству угодно было пройдти также къ большой киргизской кибиткѣ и осмотрѣть ея внутреннее устройство. Изъ предметовъ, въ ней находящихся, было указано Его Величеству на орудія, упряжь и разныя принадлежности домашняго быта, развѣшенныя по рѣшеткамъ, и на игру (тогусъ-кумалакъ) и косточки, лежащія на полу на кошмѣ. У входа въ большую киргизскую кибитку Н. К. Зенгеръ представилъ Государю Императору Киргизовъ Саукенбаева и Сарымсакова, привезшихъ въ Москву какъ кибитку, такъ и всю киргизскую коллекцію, принесенныя въ даръ г. полковникомъ Валихановымъ. Государь удостоилъ ихъ своего благосклоннаго вниманія и изволилъ спросить „говорятъ ли они по-русски?“ Когда Его Величеству было доложено, что они оба понимаютъ языкъ, но говоритъ по-русски только одинъ изъ нихъ — Сарымсаковъ, Государь милостиво обратился къ нему съ вопросомъ: „Въ первый разъ ты въ Москвѣ или бывалъ уже прежде?“ Киргизъ былъ смущенъ благосклонностью Государя и едва могъ выговорить односложное „нѣтъ.“ Его Величеству было доложено, что Киргизы пріѣхали въ первый разъ въ Москву. Когда Государь отошелъ отъ нихъ, оба Киргиза въ поясъ поклонились всѣмъ слѣдовавшимъ за нимъ лицамъ въ знакъ благодарности за доставленную имъ возможность видѣть Государя Императора. Вслѣдъ за тѣмъ Его Величество изволилъ осматривать киргизскую кибитку, принесенную въ даръ султаномъ Арынгазой Ханхожинымъ. Великій Князь Владиміръ Александровичъ обратилъ вниманіе Государя на внутреннее убранство этой юрты, отличающееся богатствомъ. Осмотръ группъ окончился группою Башкиръ, расположенныхъ около ихъ кибитки. Здѣсь Государь изволилъ осматривать головные уборы и нагрудники женщинъ, сдѣланные изъ древнихъ монетъ.

Отойдя отъ этой группы, Его Величество обратился къ

председателю Комитета Выставки В. А. Дашкову и пожавъ ему руку, выразилъ свое удовольствіе, сказавъ, что все исполнено хорошо и со вкусомъ. В. А. Дашковъ представилъ Государю Императору членовъ Комитета, нѣкоторыхъ членовъ Общества и депутатовъ. Обратившись ко всѣмъ присутствующимъ, Его Величество изволилъ сказать: „Благодарю васъ, господа! Выставка будетъ имѣть успѣхъ. Весьма благодаренъ вамъ!"

Его Величество и Ихъ Высочества оставили зданіе, въ которомъ находилась выставка, въ третьемъ часу.

IV.

27-го апрѣля председатель Комитета Этнографической выставки В. А. Дашковъ давалъ депутатамъ, прибывшимъ на открытіе выставки отъ разныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій большой обѣдъ, на которой были приглашены также всѣ члены Комитета выставки, профессоры читавшіе публичныя лекціи въ пользу вывтавки, нѣсколько почетныхъ лицъ, какъ-то: главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній генералъ-адъютантъ Н. В. Исаковъ, попечители Московскаго и Петербургскаго учебныхъ округовъ, состоящіе при Великомъ Князѣ Владимірѣ Александровичѣ, контръ-адмиралъ фонъ-Бокъ и флигель-адъютантъ полковникъ Литвиновъ, ректоръ и деканы Московскаго Университета и другіе. Въ числѣ приглашенныхъ находился также почетный гость Москвы М. Г. Черняевъ, съ легкой руки котораго начались обильныя приношенія для выставки. Обѣдъ происходилъ въ актовой Университетской залѣ.

Послѣ тостовъ за Государя Императора, Государыню Императрицу, Наслѣдника Цесаревича и Его Супругу, провозглашенъ былъ хозяиномъ праздника тостъ за здравіе почетнаго председателя Этнографической выставки Великаго Князя Владиміра Александровича, встрѣченный, подобно предшествовавшимъ громкими кликами. Затѣмъ послѣдовалъ тостъ за Московскій Университетъ и принадлежащее къ нему Императорское Общество Любителей

Естествознанія. Въ отвѣтъ на этотъ тостъ ректоръ Университета С. И. Баршевъ сказалъ рѣчь, въ которой указалъ на тѣсную связь Университета съ состоящими при немъ учеными Обществами:

„Ученыя Общества состоятъ при Университетѣ не для вида только: это живые члены, которые совокупными силами разрабатываютъ одну какую-либо отрасль Университетскихъ наукъ и тѣмъ содѣйствуютъ ему въ достиженіи его цѣли. Успѣхъ ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, есть по этому успѣхъ и самаго Университета, и честь и слава ихъ — честь и слава его. Императорское Общество Любителей Естествознанія, состоящее при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, блестящимъ образомъ заявило нынѣ о своемъ существованіи и тѣмъ доказало, что не напрасно присоединилось къ нему, а Университетъ въ свою очередь и въ своемъ интересѣ отъ души желаетъ Обществу возможнаго благоденствія и самаго полнаго успѣха во всѣхъ его предпріятіяхъ на пользу науки.

„И какъ кстати послѣдовало открытіе выставки! Къ пріѣзду Русскаго Царя въ русскій городъ съ Богомъ данною Ему новою Дщерью, прежде чуждою намъ, а теперь предназначенною быть нѣкогда Русскою Царицей, русское ученое Общество не могло приготовить ничего лучшаго, какъ воспроизведеніе всѣхъ подвластныхъ Русскому Царю населеній въ возможно полныхъ и вѣрныхъ образахъ съ ихъ бытовыми особенностями.

„Благовременному открытію выставки, а можетъ быть и вообще открытію ея много способствовали Вы, глубокоуважаемый нами Василій Андреевичъ. Мысль Общества имѣла нужду для своего осуществленія въ средствахъ. Вы дали Обществу эти средства и мысль его осуществилась. Въ васъ, Василій Андреевичъ, предпріятіе Общества встрѣтило сочувствіе и нашло вполнѣ достаточную поддержку, какъ матеріяльными средствами, такъ и неутомимымъ трудомъ. За это вамъ искренняя признательность и отъ Университета, но не меньшая благодарность и тѣмъ, которые придумали выставку и способствовали къ осу-

ществленію придуманнаго своими знаніями и своею усердною дѣятельностью. Предлагаю, господа, отъ имени Университета тостъ за благоденствіе Общества Любителей Естествознанія, за здоровье предсѣдателя выставки Василія Андреевича Дашкова и членовъ Общества, а между сими послѣдними въ особенности за здоровье того, кому первому пришла въ голову мысль о выставкѣ, Анатолія Петровича Богданова."

На тотъ же тостъ отвѣчалъ Президентъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Гр. Еѳ. Щуровскій такими словами:

„Многоуважаемый Василій Андреевичъ!

„Позвольте мнѣ отъ лица бывшихъ Вашихъ сотрудниковъ, за этою дружескою трапезою, высказать Вамъ то что у всѣхъ насъ на душѣ.

„Собрать всѣ племена, населяющія Россію, подъ одну кровлю, съ ихъ домашнимъ бытомъ и климатомъ, — мысль грандіозная, принадлежащая одному изъ нашихъ достойнѣйшихъ сочленовъ и положившая основаніе той выставкѣ, открытіе которой мы нынѣ празднуемъ. Но осуществленіе этой мысли при самомъ началѣ встрѣтило столько различныхъ затрудненій, что необходимо должно было бы замедлиться, и быть можетъ, на весьма продолжительный срокъ, если бы въ то же время не явилась еще другая мысль, столь же грандіозная и единственно принадлежащая Вамъ, — мысль объ основаніи въ Москвѣ Русскаго Этнографическаго Музея. Понявъ всю важность выставки для Этнографическаго Музея, Вы всецѣло пожертвовали ей собою, своимъ временемъ, своими заботами, матеріальною и нравственною силою. Можно сказать навѣрное, что безъ Вашего содѣйствія выставка въ настоящую минуту была бы невозможна. Мы вполнѣ сознаемъ за Вами эту важную заслугу и заявляемъ о ней со всею искренностію."

Затѣмъ говорилъ А. Ю. Давидовъ, не только какъ вицепрезидентъ Общества, трудившагося надъ устройствомъ выставки, но и какъ деканъ физико-математическаго факультета. Онъ сказалъ:

„Общество Любителей Естествознанія, принявъ меня, какъ декана физико-математическаго факультета въ число своихъ членовъ и назначивъ мнѣ почетное мѣсто въ своей столь уважаемой коллегіи, этимъ самымъ желало указать на связь, которая существуетъ между нимъ и физико-математическимъ факультетомъ. Связь эта не внѣшняя, не формальная, но искренняя, обоюдная. Въ членахъ математическаго факультета находило Общество своихъ самыхъ ревностныхъ и полезныхъ сотрудниковъ; и Общество въ свою очередь успѣло уже оказать существенныя услуги факультету. Развивая и распространяя дѣятельность за стѣнами университета, возбуждая ученыя работы въ сферѣ не доступной болѣе факультету, Общество представляется естественнымъ продолженіемъ его и подготовляетъ среду, которая самымъ надежнымъ образомъ обезпечиваетъ будущность самаго факультета. Чувство искренней радости возбуждаетъ видъ этого кружка молодыхъ ученыхъ, которыхъ Общество успѣло соединить; нѣкоторыя изъ нихъ находятся еще на университетскихъ скамьяхъ, другіе недавно оставили ихъ; всѣ они, вмѣстѣ съ своими старшими братьями, усердно и безкорыстно трудятся на поприщѣ отечественнаго просвѣщенія.

„Но Общество оказало намъ существенную услугу не только возбужденіемъ ученой дѣятельности въ средѣ примыкающей къ нашему факультету,—оно успѣло обогатить наши кабинеты драгоцѣнными коллекціями, составляющими отнынѣ украшенія ихъ. Въ этомъ отношеніи Общество естествознанія достигло апогея своего успѣха въ устроенной нынѣ этнографической выставкѣ. Слава этого такимъ успѣхомъ увѣнчаннаго предпріятія принадлежитъ нашему гостепріимному хозяину.

„Радостно и утѣшительно видѣть, что лица высокопоставленныя своимъ участіемъ, вліяніемъ и своими средствами уравниваютъ тотъ суровый и одинокій путь, по которому суждено идти наукѣ. Молодое поколѣніе нашихъ ученыхъ, въ которыхъ сосредоточены наши лучшія надежды, съ охотою и любовію примется за дѣло, видя дружески протянутую къ нимъ могучую руку, готовую под-

держать ихъ благородныя стремленія. Въ этой поддержкѣ заключается лучшее ручательство будущаго успѣха. Такую помощь оказали намъ вы, Василій Андреевичъ. Позвольте мнѣ, какъ временному представителю физико-математическаго факультета, выразить вамъ нашу искреннюю благодарность за ваше просвѣщенное содѣйствіе въ нашемъ общемъ дѣлѣ. Наука поддержэнная такимъ щедрымъ участіемъ, какое вы ей оказали, пойдетъ впередъ твердымъ шегомъ и импульсъ вами сообщенный принесъ и не перестанетъ приносить свои благотворные плоды.“

Послѣ вице-президента Общества, говорилъ членъ основатель его А. П. Богдановъ:

„Я уполномоченъ сказать вамъ нѣсколько словъ, но не какъ лицу оффиціальному, даже не какъ предсѣдателю выставки, а просто какъ Василію Андреевичу, какъ тому человѣку, котораго мы глубоко уважаемъ и искренно любимъ; я долженъ сказать, за что мы васъ любимъ и уважаемъ. Я буду говорить не отъ имени нынѣшняго Императорскаго Общества Любителей Естествознанія блистящаго и крѣпкаго; мое полномочіе происходитъ отъ того слабаго немногочисленнаго кружка основателей, который составилъ корень нашего Общества, въ которомъ нѣкогда оно олицетворялось все.

„Говорятъ, что выставка мое дѣло. Дѣйствительно слово *этнографическая выставка* мое, но много было высказано хорошихъ словъ на Руси и много ихъ заглохло безслѣдно, потому что не у каждаго слова былъ свой Василій Андреевичъ. Было время, когда не многочисленный кружокъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ студентовъ, изъ двухъ трехъ окончившихъ курсъ кандидатовъ и ихъ начинающаго профессора, задумалъ громадное, по своимъ средствамъ и силамъ дѣло. Вся сила того кружка состояла только въ той охранѣ, которую оказалъ ему университетъ и нашъ общій учитель, нашъ дорогой президентъ; вся надежда кружка была на свою молодую энергію, на свою желѣзную волю. Не вѣрили специалисты въ серьезность задуманнаго нами дѣла, подсмѣивались надъ нимъ не спеціалисты. Въ это время, тяжелое и смутное для насъ, судьба насъ сводитъ

съ вами, Василій Андреевичъ: у васъ было тоже свое дѣло, свое великое предпріятіе, свой выработанный планъ. И чтобы не мѣшать общему дѣлу, чтобы дать силу выполнить свою задачу намъ, вы отказываетесь отъ своего плана и отказываетесь не безъ борьбы душевной: безъ борьбы не откладываютъ, даже на время, свою задушевную мысль. Вы даете намъ средства и имѣете полное право стать полнымъ хозяиномъ дѣла: мы и этому были бы искренно рады. Но вы передаете свои неотъемлемые права хозяина намъ и становитесь простымъ нашимъ сотрудникомъ. Не забыть никогда этого намъ, не забыть намъ вашей вѣры въ насъ.

„Жизнь измѣняетъ все, можетъ измѣнить она и наши отношенія. Можетъ статься, что мы станемъ когда нибудь подъ разныя знамена съ вами, что будемъ преслѣдовать различныя цѣли, что мы отдалимся отъ лица оффиціальнаго. Но стоитъ вамъ обратиться къ намъ просто, какъ Василію Андреевичу, и мы тотчасъ вспомнимъ тяжелое прошедшее и нашу сердечную помощь ему, и мы пойдемъ съ открытымъ сердцемъ на встрѣчу вамъ и мы будемъ ваши“.

Затѣмъ всталъ В. А. Дашковъ и провозглашая здоровье депутатовъ, прибывшихъ отъ разныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій сказалъ:

„За здоровье гг. депутатовъ, которыхъ покорнѣйше прошу передать отъ всего нашего Общества совершеннѣйшую и полнѣйшую благодарность тѣмъ ученымъ учрежденіямъ, которыхъ они представители, за вниманіе оказанное къ нашему общерусскому ученому предпріятію; мы надѣемся, что сближеніе наше, такъ сочувственно начатое, продолжится на будущее время на пользу дѣла и слѣдовательно на пользу дорогаго всѣмъ намъ отечества“.

Вслѣдъ за этимъ тостомъ снова повелъ рѣчь президентъ Общества Гр. Еф. Щуровскій:

„Милостивые государи!

„Предпріятіе наше представляетъ такую сложную задачу, такъ громадно, что исполненіе его членами одного Об-

щества и находившагося при немъ Распорядительнаго Комитета не мыслимо. Успѣхъ задуманнаго нами дѣла собственно зависѣлъ отъ того, что намъ помогала вся Россія. У нея былъ, такъ сказать, свой Распорядительный Комитетъ, существовавшій не по формѣ, а по сущности, и образовавшійся самъ собою по сочувствію къ нашей цѣли. Членами этого всероссійскаго Распорядительнаго Комитета, основаннаго на сочувствіи къ родному дѣлу, были губернскіе Статистическіе Комитеты, правительственныя и частныя лица, разныя ученыя учрежденія, и во главѣ всѣхъ члены Августѣйшаго семейства. Безъ этого всероссійскаго Комитета выставка, которая теперь у всѣхъ передъ глазами, была бы не возможна.

„Милостивые государи, подымемъ бокалъ за *всероссійскій Комитетъ*, и пожелаемъ, чтобы могучая нравственная сила его столь же энергически, съ такимъ же одушевленіемъ проявлялась во всѣхъ предпріятіяхъ, касающихся чести, славы и пользы нашего дорогаго отечества".

Послѣ словъ Гр. Еф. Щуровскаго стали уже говорить прибывшіе на выставку депутаты. Первый сказалъ депутатъ отъ Нижегородскаго Статистическаго Комитета А. С. Гацисскій:

„Милостивые Государи!

„Позвольте мнѣ, какъ представителю Нижегородскаго Статистическаго Комитета, выразить Императорскому Обществу Любителей Естествознанія, состоящему при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, въ лицѣ вашемъ, многоуважаемый Василій Андреевичъ, искреннѣйшую благодарность всѣхъ Статистическихъ Комитетовъ за то, что мы призваны быть участниками въ открытіи первой русской этнографической выставки. Беру на себя смѣлость громко заявить здѣсь эту благодарность, отъ лица всѣхъ статистическихъ Комитетовъ на томъ основаніи, что вполнѣ увѣренъ, не имѣя, конечно, на то оффиціальнаго полномочія, въ томъ, что выполняю только пріятную обязанность Комитетовъ, и ни въ какомъ случаѣ не иду на перекоръ ихъ желаніямъ, а напротивъ вполнѣ угадываю эти желанія.

Въ настоящее время, если еще не совсѣмъ смотрятъ, то уже начинаютъ смотрѣть на дѣятельность Статистическихъ Комитетовъ съ болѣе вѣрной и практической точки зрѣнія. Еслибы я не боялся впасть въ излишнія подробности, я бы могъ привести нѣсколько примѣровъ, по отношенію напр. къ Нижегородскому Статистическому Комитету, изъ которыхъ было бы видно, что различныя ученыя и административныя учрежденія обращаются къ Статистическимъ Комитетамъ не только за содѣйствіемъ, но и за разъясненіемъ чисто практическихъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ занятій Статистическихъ Комитетовъ; но я ограничусь здѣсь болѣе близкимъ указаніемъ на то, что Императорское Общество Любителей Естествознанія, состоящее при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, задумавши устроить открытую имъ теперь этнографическую выставку обратилось за содѣйствіемъ своему предпріятію, между прочимъ, и къ Статистическимъ Комитетамъ: и не только Обществу извѣстно, но извѣстно и всякому, просматривавшему указатель выставки, что не малую долю участія въ доставленіи на выставку этнографическихъ коллекцій приняли на себя Статистическіе Комитеты. И такъ позвольте мнѣ, многоуважаемый Василій Андреевичъ, въ лицѣ вашемъ еще разъ принести Обществу нашу искреннѣйшую признательность за лестное намъ вниманіе Общества, чѣмъ оно доказало, что совершенно правильно смотритъ на ученый характеръ ихъ дѣятельности, и такую же искреннѣйшую благодарность за новое приглашеніе Общества, вызвавшаго Статистическіе Комитеты прислать ихъ депутатовъ къ участію въ открытіи самой выставки".

Слѣдующая рѣчь принадлежала депутату Олонецкаго статистическаго Комитета Е. В. Барсову, который сказалъ:

„Милостивые Государи!

„Благодаря за ту честь, какую сдѣлало Общество Любителей Естествознанія Олонецкому Статистическому Комитету — я позволяю себѣ высказать предъ вами тѣ думы и чувства, которыя родило во мнѣ настоящее собраніе.

„Изъ предѣловъ Обонежскаго края, котораго я честь имѣю

быть представителемъ,—за полтораста слишкомъ лѣтъ тому назадъ былъ въ Москвѣ нѣкто Андрей Денисовъ Мышецкій. Онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ принимала тогда Москва Персидскаго посла и слона со звѣрями и птицами, съ какимъ торжествомъ встрѣчали этого посла и слона гражданскіе и военные чиноначальники и какъ волновалась Московская толпа по этому поводу.

„Съ грустію въ сердцѣ, съ ироніей на словахъ описывалъ онъ это торжество Обонежскому народу. „Заутра въ день той, писалъ онъ, воскипѣша Московскіи народы,— улицы востопташася, на тынѣхъ, на столпахъ, на углахъ и аще возможно было взсѣти на воздусѣхъ всюду и вездѣ кипѣша безчисленные народы... На встрѣчу имъ выѣхаша въ строю полка два шпаги на голѣ имуще,—таже потомъ сановники златоодѣяніи Московстіи,—на украшенныхъ конѣхъ, ихъ же колесницы златосіяющія".

„Для Денисова,—представителя народнаго самосознанія,— слишкомъ тяжело было, что Москва, такъ тяготѣвшая въ то время надъ русскимъ народомъ, съ такою почестію встрѣчала Персидскаго посла и слона, и съ такой симпатіей относилась къ иноземцамъ и всему иноземному. Москва — Вавилонъ, бѣгайте ее — вотъ къ чему направлялъ онъ свое краснорѣчивое слово.

Не то суждено повѣдать мнѣ Обонежскому народу. Мнѣ выпала счастливая доля возвѣстить ему, съ какою любовію готовится Москва встрѣтить нынѣ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ намъ народовъ, съ какимъ живымъ интересомъ и не обычайнымъ усердіемъ взялась она за дѣло изученія родной русской земли и всѣхъ живущихъ въ ней народовъ. Москва любитъ Русь, Москва любитъ Русскихъ, вотъ что долженъ возвѣстить я Обонежскому населенію.

„Да здраствуетъ Московское Общество Любителей Естествознанія — и президентъ Комитета Василій Андреевичъ!

„Да здравствуютъ Московскіе люди и всѣ присутствующіе за этимъ столомъ и хлѣбомъ — солью!"

Послѣ г. Барсова заговорилъ членъ Московскаго Математическаго Общества А. В. Лѣтниковъ:

„Милостивые Государи! Московское Математическое Об-

щество, котораго я имѣю честь быть здѣсь представителемъ, считаетъ себя родственнымъ Императорскому Обществу Любителей Естествознанія; науки естественныя и математическія находятся въ весьма тѣсной связи. Успѣхи естествовѣдѣнія весьма часто вели къ расширенію области приложеній математическаго анализа и естественныя науки не рѣдко обращаются за помощію къ математикѣ. Связь и родство наукъ составляющихъ предметъ занятій нашихъ Обществъ немогла не выразиться и внѣшнимъ родствомъ: высокоуважаемый президентъ нашего Общества принимаетъ и не посредственное участіе въ трудахъ Общества Любителей Естествознанія въ качествѣ вице-президента. Московское Математическое Общество со вниманіемъ и сочувствіемъ слѣдитъ за учеными трудами гг. членовъ Общества Любителей Естествознанія и при настоящемъ празднествѣ вмѣняетъ себѣ въ пріятную обязанность поздравить Общество и высокоуважаемаго хозяина президента Русской Этнографической выставки съ успѣшнымъ окончаніемъ прекрасно задуманнаго и исполненнаго дѣла на пользу науки и отечественнаго просвѣщенія, за которое всѣ русскіе люди будутъ благодарны Обществу и президенту выставки не жалѣвшему трудовъ и пожертвованій для приведенія въ исполненіе истинно научнаго предпріятія".

Затѣмъ всталъ президентъ Общества Испытателей Природы А. Г. Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ и сказалъ:

„Позвольте, отъ имени Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы, воспользоваться настоящимъ торжественнымъ собраніемъ, какъ давно желаннымъ случаемъ, гласно высказать юному Императорскому Обществу Любителей Естествознанія горячее сочувствіе къ его благороднымъ стремленіямъ и глубокое уваженіе къ его безустаннымъ трудамъ, принесшимъ столь отрадные плоды, которыхъ еще снова и на этихъ дняхъ мы стали признательными свидѣтелями.

„Да и могла ли такая живая дѣятельность оставатся безплодною?—А всё же,—особенно ежели помыслить о препятствіяхъ, которыя предстояло одолѣть,—ея успѣхи поразительны! Въ самомъ дѣлѣ въ короткое время своего суще-

ная задача всякаго сельско-хозяйственнаго общества. Къ выполненію этой задачи ведетъ насъ прежде всего изученіе потребностей и быта русскаго народа. Это же изученіе есть въ свою очередь одна изъ главныхъ задачъ Общества Любителей Естествознанія; и какъ успѣшенъ первый шагъ вновь открытаго Общества на этомъ пути, неотразимымъ доказательствамъ, тому служитъ успѣхъ его этнографической выставки. Много свѣдѣній о бытовой сторонѣ русскаго народа распространитъ эта выставка путемъ нагляднаго обученія между ея многочисленными посѣтителями. Но на этомъ успѣхѣ останавливаться мы не можемъ. Не смотря на почтенные труды нѣкоторыхъ отдѣльныхъ дѣятелей, много намъ еще предстоитъ работы для полнаго изученія потребностей, хозяйства и промышленности русскаго народа. Только раздѣленіемъ труда между дѣятелями разныхъ ученыхъ ассоціацій, мы облегчимъ себѣ эту общую работу. Вотъ почему я и позволю себѣ, милостивые государи, предложить вамъ тостъ, за единодушное согласіе и взаимное содѣйствіе ученыхъ обществъ въ Москвѣ. Пусть соединенное засѣданіе прошлаго года будетъ не послѣднимъ, а первымъ только примѣромъ такого единства."

Послѣ г. Шатилова говорилъ А. С. Петровскій:

„Послѣ представителя старѣйшаго въ Москвѣ Общества позвольте, милостивые государи, сказать нѣсколько словъ представителю самаго молодаго общества въ Россіи. Общество для изслѣдованія Ярославской губерніи въ естественно-историческомъ отношеніи всегда слѣдило съ живѣйшимъ участіемъ за дѣйствіями столь дружественнаго намъ Общества Любителей Естествознанія. Много отраднаго видѣло оно въ нихъ, но въ особенности возбуждали сочувствіе наше двѣ стороны. По дѣятельности не даромъ назвалось Московское Общество скромнымъ именемъ Любителей Общества Естествознанія. Этимъ самымъ оно заявило, что оно желаетъ быть центромъ, къ которому могутъ примыкать не только спеціалисты, но и всѣ желающіе ознакомиться съ естествознаніемъ, всѣ желающіе учиться ему. И дѣйствительно оно всегда радушно принимало желающаго

бѣ, что вызвало эти оттѣнки, что ихъ—такъ сказать—создало и что сдѣлало особнаго человѣка тѣмъ, что онъ есть;—чего слѣдовательно должно искать и чего избѣгать, чтобы при этой обстановкѣ получить наижелательнѣйшій результатъ вообще и въ особенности касательно дальнѣйшаго прогресса.

„Достиженіе столь полезныхъ, блистательныхъ и отрадныхъ результатовъ,—и это въ столь короткое время со дня его основанія,—предзнаменуетъ несомнѣнно всю плодотворную будущность Общества Любителей Естествознанія;—да остается оно только непоколебимо вѣрнымъ принятымъ началамъ и слѣдуетъ все тѣмъ же путемъ:—вотъ пожеланія, вызванныя въ насъ, говорю отъ имени Общества Испытателей Природы, открытіемъ Русской Этнографической Выставки".

Послѣ г. Фишера право рѣчи перешло къ директору Школы Садоводства Н. Д. Никитину, который сказалъ обратясь къ В. А. Дашкову:

„Ваше превосходительство!

„Мысль о народномъ образованіи давно уже признана за дѣло первостепенной важности; много умовъ было занято этимъ предметомъ, но выполненіе его до сихъ поръ у насъ какъ-то неудавалось потому мнѣ кажется, что приступали къ нему не съ того конца съ какого бы слѣдовало. Мы начинали почти всегда съ изученія предметовъ чужихъ, если и съ своихъ то чужими средствами. Съ малѣйшею подробностію изучали мы все чужое и оставляли какъ то въ сторонѣ наше родное, съ чего бы слѣдовало начать. Идея учрежденія этнографической выставки наконецъ наводитъ на настоящій путь; какой результатъ будетъ имѣть ея выполненіе въ дѣлѣ народнаго образованія, мы увидимъ и увидимъ мнѣ кажется весьма скоро. Я не могу здѣсь не прибавить моего голоса къ высказанной здѣсь вамъ благодарности за осуществленіе весьма важной идеи Общества Любителей Естествовѣденія,—оно обязано вполнѣ вамъ Василій Андреевичъ. Но этого было бы мало, еслибы я тѣмъ и ограничился. Я хочу высказать здѣсь предъ всѣми

чрезвычайно важное и чрезвычайно отрадное замѣчаніе, что при всей многосложности заботъ вашихъ, сопряженныхъ съ осуществленіемъ задуманнаго плана выставки, при всей борьбѣ съ трудностями этого дѣла, вы неупустили изъ вида главной цѣли выставки, именно: связи ея съ дѣломъ народнаго образованія. И какъ только вы увидали что устройство выставки приходитъ къ концу, вы обратили ваше просвѣщенное вниманіе на ту среду нашего народа, въ которой выставка преимущественно оставитъ добрыя сѣмена добраго начала: вы пригласили на выставку воспитанниковъ учебныхъ и благотворительныхъ заведеній. Въ качествѣ директора одного изъ такихъ заведеній—школы Садоводства, состоящей при Россійскомъ Обществѣ Любителей Садоводства, могу объявить что дѣти, поспѣшивъ воспользоваться вашимъ приглашеніемъ, провели два часа на выставкѣ не безъ пользы; я увѣренъ что они пріобрѣли здѣсь знанія, которыхъ не могли бы они достигнуть такъ легко по однимъ книжкамъ. Дѣти выходя съ выставки просили меня передать вашему превосходительству чувство глубокой ихъ благодарности. Передавая вамъ, Василій Андреевичъ, эту благодарность юныхъ питомцевъ школы, присоединяю и мою за нихъ и надѣюсь, что словамъ моимъ сочувствуютъ также начальствующіе другихъ учебныхъ заведеній успѣвшихъ воспользоваться, или имѣющихъ воспользоваться вашимъ обязательнымъ приглашеніемъ.“

Депутатъ Комитета Шелководства С. А. Масловъ, по соглашенію съ товарищемъ своимъ Н. П. Шишковымъ, благодарилъ за доставленную имъ возможность порадоваться такому торжеству, какого еще не бывало ни въ университетѣ, ни вообще въ Москвѣ. Вотъ его слова:

„Въ рѣчахъ, высказанныхъ предъ вами, уже заявлено великое значеніе того торжества науки, въ честь котораго мы приглашены вами на гостепріимный обѣдъ, какъ депутатамъ отъ Комитета Шелководства, намъ остается заявить вамъ нашу признательность за это приглашеніе и вмѣстѣ со всѣми порадоваться такому торжеству, какого еще не бывало ни въ университетѣ, ни въ Москвѣ.

„Научная мысль о пользѣ этнографическаго собранія пред-

метовъ для антропологіи и патріотическая мысль ваша основать въ Москвѣ этнографическій музей слившись вмѣстѣ, облетѣли всю Россію и затронувъ національное чувство любви къ отечеству и великому царству, нашли живое сочувствіе отъ Охотска до Вислы и отъ Арарата и Ріона до Лапландіи; оно отозвалось не только въ чисто русскихъ сердцахъ, но и въ азіатскихъ инородцахъ. Изшедшія изъ Москвы, сердца Россіи, этого страшилища для враговъ ея и центра привлеченія къ ней всѣхъ славянскихъ племенъ, мысль эта принята ими съ родственнымъ сочувствіемъ.

„Вы, Василій Андреевичъ, съ чистою патріотическою любовію къ отечеству и съ неутомимою дѣятельностью, такъ искренно содѣйствовали къ изящному осуществленію этой мысли въ Москвѣ, съ содѣйствіемъ Общества Любителей Естествознанія, что вамъ принадлежитъ сердечная благодарность отъ всѣхъ соотечественниковъ, и только тотъ не раздѣлитъ, съ ними этого чувства, кто не любитъ ни Москвы, ни Россіи; мы заявляемъ это искреннее чувство и пьемъ за ваше здоровье."

Затѣмъ всталъ президентъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства І. Н. Шатиловъ и сказалъ:

„Милостивые Государи!

„Прошу слова, чтобъ отъ всей души привѣтствовать начинающуюся дѣятельность юнѣйшаго изъ московскихъ ученыхъ Обществъ отъ имени старѣйшаго изъ нихъ, отъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, въ числѣ представителей котораго я имѣю честь быть между вами. Привѣтъ этотъ тѣмъ болѣе чистосердеченъ, что Московское Общество Сельскаго Хозяйства глубоко сознаетъ, что изъ всѣхъ ученыхъ обществъ Москвы нѣтъ двухъ другихъ, которыхъ главныя цѣли имѣли бы столько общаго, которыхъ дѣятельность могла бы быть столь тѣсно связана. Соединенное засѣданіе наше прошлаго года, съ цѣлью ознакомленія Москвы съ произведеніями и производительностію Ташкента, доказало это на дѣлѣ. Изыскивать и примѣнять вѣрнѣйшія средства къ усиленію производительности Русской земли,—такова въ сущности глав-

ная задача всякаго сельско-хозяйственнаго общества. Къ выполненію этой задачи ведетъ насъ прежде всего изученіе потребностей и быта русскаго народа. Это же изученіе есть въ свою очередь одна изъ главныхъ задачъ Общества Любителей Естествознанія; и какъ успѣшенъ первый шагъ вновь открытаго Общества на этомъ пути, неотразимымъ доказательствамъ, тому служитъ успѣхъ его этнографической выставки. Много свѣдѣній о бытовой сторонѣ русскаго народа распространитъ эта выставка путемъ нагляднаго обученія между ея многочисленными посѣтителями. Но на этомъ успѣхѣ останавливаться мы не можемъ. Не смотря на почтенные труды нѣкоторыхъ отдѣльныхъ дѣятелей, много намъ еще предстоитъ работы для полнаго изученія потребностей, хозяйства и промышленности русскаго народа. Только раздѣленіемъ труда между дѣятелями разныхъ ученыхъ ассоціацій, мы облегчимъ себѣ эту общую работу. Вотъ почему я и позволю себѣ, милостивые государи, предложить вамъ тостъ, за единодушное согласіе и взаимное содѣйствіе ученыхъ обществъ въ Москвѣ. Пусть соединенное засѣданіе прошлаго года будетъ не послѣднимъ, а первымъ только примѣромъ такого единства.“

Послѣ г. Шатилова говорилъ А. С. Петровскій:

„Послѣ представителя старѣйшаго въ Москвѣ Общества позвольте, милостивые государи, сказать нѣсколько словъ представителю самаго молодаго общества въ Россіи. Общество для изслѣдованія Ярославской губерніи въ естественно-историческомъ отношеніи всегда слѣдило съ живѣйшимъ участіемъ за дѣйствіями столь дружественнаго намъ Общества Любителей Естествознанія. Много отраднаго видѣло оно въ нихъ, но въ особенности возбуждали сочувствіе наше двѣ стороны. По дѣятельности не даромъ назвалось Московское Общество скромнымъ именемъ Любителей Общества Естествознанія. Этимъ самымъ оно заявило, что оно желаетъ быть центромъ, къ которому могутъ примыкать не только спеціалисты, но и всѣ желающіе ознакомиться съ естествознаніемъ, всѣ желающіе учиться ему. И дѣйствительно оно всегда радушно принимало желающаго

трудиться, и онъ находитъ въ немъ и сочувствіе и помощь. Общество это, есть превосходная школа для молодыхъ натуралистовъ, есть разсадникъ, откуда они разлетятся по всей Россіи на изслѣдованіе нашей, надобно сознаться, столь мало извѣстной намъ природы. Пробуждая въ людяхъ, не принадлежащихъ къ кругу спеціалистовъ, любовь къ изученію окружающей насъ природы, Общество даетъ тѣмъ существеннѣйшую помощь усиліямъ нашихъ спеціалистовъ, число которыхъ такъ ограничено, и распространяя любовь къ естествознанію въ обществѣ кладетъ прочную основу для развитія его въ Россіи. Заслуга Общества есть та, что оно первое дало сильное движеніе изученію антропологіи, вѣнца естественныхъ наукъ, которое у насъ едва начиналось. Въ высшей степени важно для насъ все сдѣланное для этой науки, принимающей въ себя результаты, полученные науками занимающимися исключительно изученіемъ человѣка, и науками, предметомъ которыхъ служитъ исключительно окружающая его природа, которыя не рѣдко кажутся противорѣчащими другъ другу. Результаты этой стороны дѣятельности и выразились въ богатомъ антропологическомъ отдѣленіи этнографической выставки. Дай Богъ доброму началу и счастливое продолженіе! Другіе депутаты уже указали на разныя блестящія стороны устроенной вами, многоуважаемый предсѣдатель, выставки; позвольте мнѣ заявить особенное сочувствіе этому отдѣлу ея и просить васъ и всѣхъ присутствующихъ членовъ Общества принять искреннее поздравленіе молодаго Ярославскаго Общества съ блестящими результатами полученными вами."

На тостъ, предложенный В. А. Дашковымъ, какъ предсѣдателемъ роспорядительнаго Комитета по устройству этнографической выставки, въ честь членовъ этого Комитета, отвѣчалъ Н. А. Поповъ слѣдующими словами:

„Мои товарищи по устройству выставки, члены распорядительнаго Комитета, поручили мнѣ благодарить васъ, Василій Андреевичъ, за только что за явленное вами вниманіе къ ихъ трудамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повторить здѣсь еще разъ уже не однократно высказанную ими признатель-

ность за то горячее и неутотимое участие, которое вы принимали въ занятіяхъ Комитета, за ту руководящую мысль, которая была такъ необходима нашему Комитету при его разнообразной и сложной задачѣ. Какъ всегда бываетъ въ дѣлѣ новомъ и еще недостаточно выясненномъ, такъ и при устройствѣ этнографической выставки, Комитетъ нашъ встрѣчался со множествомъ затрудненій, недоразумѣній и противорѣчій: вы счастливо и усердно устраняли ихъ. Готовя выставку по программѣ, достаточно обдуманной и опредѣленной, Комитетъ однакожъ не разъ долженъ былъ отступать отъ нее, то расширяя ея предѣлы, то съуживая. По очень понятному для всякаго побужденію, большинство членовъ Комитета, привязанныхъ по своимъ воспоминаніямъ къ той или другой мѣстности нашего обширнаго отечества или увлекавшихся предметомъ своихъ спеціальныхъ занятій, стремилось иногда къ расширенію того или другаго отдѣла выставки, къ болѣе подробной разработкѣ той или другой частности. Въ этомъ случаѣ вы постоянно указывали, что конечною цѣлію выставки должно быть образованіе русскаго этнографическаго музея. Этой-то руководящей мысли, принадлежащей вамъ, и обязана выставка тою относительною ровностію частей и общею полнотою цѣлаго, которыми она отличается. Позвольте же мнѣ теперь, по достиженіи главной цѣли занятій нашего Комитета, пожелать отъ лица моихъ товарищей, полнаго успѣха и процвѣтанія будущему этнографическому музею и скорѣйшаго превращенія распорядительнаго Комитета въ обширное и полезное этнографическое отдѣленіе при нашемъ Обществѣ."

В. А. Дашкову предстояло еще провозгласить тостъ за всѣхъ гостей; онъ сопроводилъ его слѣдующими словами:

„Позвольте мнѣ, мм. гг., поблагодарить васъ всѣхъ искренно, отъ полноты взволнованной души, за честь мнѣ оказанную; и не въ силахъ, въ настоящую минуту, выразить вамъ какъ дорого цѣню ее, какъ высоко буду ставить событіе нынѣшняго дня въ теченіе всей моей жизни!"

Послѣ этаго тоста возобновились рѣчи депутатовъ. Пред-

ставитель Новгородскаго статистическаго Комитета священникъ Н. Г. Богословскій сказалъ между прочимъ:

„Милостивые государи!

„Москву величаютъ сердцемъ Руси, — это названіе не полное: Москва не только сердце, но и голова Руси. — Изъ Москвы на всю Русь идетъ здоровое слово, оно глубоко западаетъ въ русскую грудь и принимается радушно всѣми русскими людьми. На слова Москвы отзовутся всегда задушевные отвѣты со всей Руси. Стоитъ только сказать Москвѣ вслухъ свою крѣпкую думу, — вся Русь пойметъ ея родную рѣчь и со всѣхъ сторонъ протянетъ къ ней русскій человѣкъ свою мощную руку на помощь въ добромъ дѣлѣ. Послала Москва кличь на всю Русь; — покажи, молъ, русскій человѣкъ свой маститый бытъ настоящій и прошлый, — и со всѣхъ сторонъ русскіе люди ударили ей челомъ на радушное слово, поклонились ей по обычаю чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. — Ни чего не пожалѣли: изъ кованныхъ сундуковъ повынимали свои сокровища, которыя какъ память дорогаго прошлаго переходили изъ рода въ родъ и почитались домашнею святыней и послали на Москву въ полной увѣренности, — что не потѣху она задумала, а разумное дѣло.

„Сложилось на Руси присловье: что городъ то норовъ, что деревня то обычай, — и пришлось это предисловье по русскому обычаю. Широко раскинувшись отъ холоднаго сѣвера до теплаго юга, Русь богата разнообразіемъ въ бытовомъ развитіи. Переживъ тысячелѣтіе она, не смотря на свою привязанность къ старинѣ, много разъ перемѣняла свой образъ жизни и многое изъ жизни русской осталось только дорогимъ памятникомъ прошлаго.

„Въ наше время Русь бодро поднялась и пошла въ село по пути, который указала ей Державная Рука, скинувъ съ нея то, что̀ мѣшало ей развернуться на родной землѣ и стать богатыремъ передъ востокомъ и западомъ. — Двинулся впередъ русскій человѣкъ въ своемъ духовномъ и бытовомъ развитіи и обычаи его смѣняются къ лучше-

му. Не сидитъ онъ сиднемъ по прежнему, а ищетъ себѣ дѣла и разумно смотритъ кругомъ, — какъ живутъ добрые люди, да не льзяли научиться чему хорошому.—Пораздумала Москва, какъ бы помочь русскому человѣку въ этомъ добромъ дѣлѣ и придумала показать вьявь, какъ жили и живутъ всѣ русскіе люди. Смотри молъ—русскій человѣкъ и набирайся ума разума да и не забывай, что было до тебя и какъ живали твои дѣды.— На потѣху Москвы затѣяли и не на одинъ день, а на многіе лѣта они выставили на показъ бытъ русскихъ людей, чтобы откуда не пришелъ русскій человѣкъ на Москву, нашелъ бы въ ней и свое родное и могъ бы налюбоваться какъ живутъ русскіе люди по всей землѣ, чтобы не ходить далеко за этимъ дѣломъ и не странствовать. Придетъ пора, когда мы сойдемъ съ своего поприща и смѣнятъ насъ новые люди съ своими новыми обычаями: но придутъ они на Москву и увидятъ, какъ жили до нихъ дѣды и отцы и попомнятъ завѣтъ стариковъ и не порушится связь русскихъ людей живущихъ съ отжившими. На такомъ разумномъ дѣлѣ бьетъ челомъ Москвѣ Великій Новгородъ и подаетъ свою мощную руку на помощь.“

Профессоръ Петербургскаго университета, предсѣдатель этнографическаго отдѣленія при Императорскомъ географическомъ обществѣ, В. И. Ламанскій сказалъ слѣдующее:

„Милостивые государи, господа учредители первой этнографической выставки и основатели русскаго этнографическаго музея въ Москвѣ!

„Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, намъ своимъ сочленамъ профессору В. В. Григорьеву и мнѣ, поручилъ выразить свое глубокое сочувствіе вашему патріотическому подвигу и прекрасному ученому предпріятію. Привѣтствуемъ его съ величайшею радостью, видя въ немъ драгоцѣнное пособіе для этнографическаго изученія Россіи, которому и наше Общество посвящаетъ свои посильные труды.

„Открытіе этнографическаго музея въ Москвѣ совершается при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ. Высокая научная занимательность новѣйшихъ открытій и изыска-

ній о древности человѣка, о жилищахъ, о жизни и развитіи первобытныхъ людей, богатая великими переворотами современная жизнь съ неизбѣжнымъ вопросомъ о народностяхъ, возрожденіе и освобожденіе нашихъ славянскихъ братьевъ на дальнемъ югѣ и западѣ изъ-подъ гнета Азіатовъ и Нѣмцевъ, нынѣшнее пробужденіе русскаго народнаго самопознанія,—все это вызываетъ и поощряетъ тружениковъ русской науки къ критическимъ изслѣдованіямъ, „строго-научной обработкѣ важнѣйшихъ вопросовъ русскаго народовѣдѣнія: о первобытныхъ обитателяхъ Россіи, объ отношеніяхъ русскаго народа къ его соплеменникамъ и ко всѣмъ нашимъ инородцамъ.

„Какъ живо всѣми сознается важность этихъ вопросовъ, всего лучше доказываетъ то энергическое содѣйствіе и участіе, которое встрѣтило ваше, мм. гг., предпріятіе въ нашихъ правительственныхъ лицахъ и ученыхъ обществахъ не только въ Россіи, но и во всѣхъ Славянскихъ земляхъ.

„Для успѣховъ чистаго знанія, для блага Россіи позвольте, мм. гг., пожелать вамъ продолжать ваши полезные труды также успѣшно, какъ вы ихъ начали.

„Отъ себя лично осмѣлюсь прибавить еще нѣсколько заявленій, сочувственныхъ пожеланій и признательности.

„Имѣя честь быть предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи этнографіи Географическаго Общества, не могу не выразить величайшаго удовольствія, что Общество Любителей Естествознанія образуетъ при себѣ отдѣленіе этнографіи. Благородное соревнованіе двухъ этнографическихъ отдѣленій въ обѣихъ столицахъ вызоветъ, безъ сомнѣнія, не мало новыхъ ученыхъ трудовъ и изданій, которыя послужатъ къ обогащенію русской литературы. Смѣло надѣемся, что оба этнографическія отдѣленія имѣя однѣ цѣли и задачи во многомъ будутъ дѣйствовать сообща и станутъ взаимно помогать другъ другу. Въ средѣ нашего отдѣленія уже возникла мысль о необходимости и своевременности обширнаго и важнаго ученаго предпріятія—полнаго и подробнаго этнографическаго описанія Россіи. Съ этою цѣлью въ видѣ приуготовительнаго труда наше отдѣленіе начало работу, которая нынѣ успѣшно приводится къ окон-

чанію — составленіе систематическаго библіографическаго указателя всѣхъ этнографическихъ сочиненій и статей о Россіи; такой указатель значительно облегчитъ наше ученое предпріятіе и покажетъ, что въ нашей наукѣ у насъ сдѣлано гораздо больше, чѣмъ обыкновенно знаютъ. Было бы въ высшей степени желательно, чтобъ по общемъ составленіи зрѣло-обдуманной програмы, оба этнографическихъ отдѣленія соединенными трудами и пожертвованіями начали и исполнили великій трудъ, этнографическое описаніе Россіи. Мнѣ пріятно заявить, что многіе члены нашего отдѣленія и нѣкоторые члены Общества Любителей Естествознанія, съ которыми я имѣлъ честь говорить объ этомъ, вполнѣ одобряютъ эту мысль.

„Въ качествѣ кабинетнаго труженика, посвятившаго свои слабыя силы изученію Славянства, развитію взаимнаго общенія между Россіею и Славянскими землями; въ качествѣ слависта, я смѣло прибавляю — отъ лица всѣхъ Славянъ, русскихъ и иностранныхъ, долгомъ считаю выразить Вамъ мм. гг. глубочайшую признательность за вашу превосходную мысль образовать Славянское Отдѣленіе въ этнографическомъ музеѣ и пригласить въ Москву на выставку различныхъ славянскихъ ученыхъ. Образованіемъ Славянскаго отдѣленія Вы наглядно знакомите насъ съ бытомъ и внѣшнею обстановкою славянскихъ народовъ, къ сожалѣнію все еще мало извѣстныхъ огромному большинству русскаго общества. Приглашеніемъ славянскихъ представителей въ Москву вы подготовляете событіе великой исторической важности. Съѣздъ славянскихъ представителей и корифеевъ въ Москвѣ можетъ стать *поворотною точкой, открыть новую эпоху въ исторіи славянскаго міра*. Важно, что интересы чистаго знанія, науки сзываютъ въ Москву различныхъ славянскихъ представителей. Гдѣ наука, тамъ свобода убѣжденія, свобода мысли и слова. Сзывая славянскихъ представителей во имя науки, Москва, значитъ, собираетъ Славянъ подъ знамя свободы. Важно и то, что она собираетъ ихъ именно во имя этнографической науки, которая съ любовью останавливается передъ мѣстными особенностями, съ любовью изучаетъ каж-

дую племенную особь, какъ бы она мала ни была. Устроивая у себя славянскій съѣздъ по поводу этнографической выставки, Москва соединяетъ Славянъ, не стирая и не уничтожая ихъ племенныхъ особенностей и мѣстнаго разнообразія, напротивъ признавая ихъ народныя и историческія права.

„Такимъ великодушнымъ и справедливымъ признаніемъ правъ слабѣйшихъ своихъ соплеменниковъ, русскій народъ, сильнѣйшій изъ народовъ славянскихъ, пріобрѣтетъ себѣ нравственный авторитетъ и могучее вліяніе у всѣхъ своихъ соплеменниковъ.

„Подымая бокалъ, заявляю искреннѣйшее пожеланіе, да процвѣтаетъ въ Россіи наука и образованность, да принимаетъ она всенародное, самобытное направленіе, да развивается у насъ славянское самосознаніе и да становится русскій языкъ — языкомъ обще-славянскимъ.“

Послѣднія слова г. Ламанскаго покрыты были громкими рукоплесканіями и криками: *браво!*

За тѣмъ подошолъ къ главному столу В. П. Безобразовъ и сказалъ:

„На меня и моего товарища, академика Вельяминова-Зернова, выпалъ вдвойнѣ счастливый жребій быть на этомъ праздникѣ представителя привѣтствуемой нами выставки представителями старѣйшаго ученаго учрежденія въ стѣнахъ старѣйшаго образовательнаго учрежденія въ государствѣ. Академія наукъ, разработывая поле чистаго знанія, всегда съ особеннымъ уваженіемъ относилась къ просвѣтительной дѣятельности Московскаго Университета. Позвольте, мм. гг., въ заключеніе нынѣшнихъ тостовъ, предложить тостъ за достойнаго представителя университета, его ректора С. И. Баршева.“

Ректоръ университета предложилъ тогда тотъ тостъ, которымъ однимъ, какъ сказалъ онъ, можетъ быть и достойно начатъ и достойно заключенъ праздникъ, имѣющій общее русское значеніе,—тостъ за Государя Императора. Громкое „ура“ и звуки народнаго гимна покрыли этотъ тостъ. Обѣдъ кончился.

V.

Съ перваго же дня своего открытія этнографическая выставка привлекла къ себѣ многочисленныхъ посѣтителей и возбудивъ общее вниманіе своимъ оригинальнымъ характеромъ, вызвала множество самыхъ разнообразныхъ сужденій. Многія изъ нихъ были высказаны печатно. Прежде всего появились легкія обозрѣнія въ газетахъ, которыя имѣли въ виду наскоро познакомить любопытныхъ съ внѣшнимъ видомъ и составомъ выставки. Затѣмъ появились отзывы нѣкоторыхъ депутатовъ, присутствовавшихъ при открытіи выставки отъ ученыхъ учрежденій; къ нимъ примкнули и отзывы немногихъ знатоковъ народной жизни въ обширной Россіи. Между всѣми этими отзывами самое видное мѣсто должны, безъ всякаго сомнѣнія, занимать: отзывъ, прочтенный въ общемъ собраніи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 3-го мая, членомъ совѣта В. В. Григорьевымъ; отзывъ напечатанный профессоромъ Харьковскаго университета П. А. Лавровскимъ въ *Современной Лѣтописи* (№ 19) и отзывъ извѣстнаго знатока русской этнографіи С. В. Максимова, помѣщенный въ газетѣ *Голосъ* (№№ 117, 122, 135, 137 и 149). Прежде чѣмъ привести здѣсь что-либо существенное изъ этихъ отзывовъ, мы должны замѣтить что устроенная Обществомъ Любителей Естествознанія этнографическая выставка была лишь первою попыткой ознакомить публику съ населеніемъ Россіи и сосѣднихъ съ нею Славянскихъ земель, и что полнота или неполнота нѣкоторыхъ отдѣловъ выставки зависѣли отъ силы того содѣйствія, какое оказали ей различныя мѣстности.

В. В. Григорьевъ пришолъ къ заключенію, что по инородческой части выставки, манекены исполнены вообще очень удовлетворительно, нѣкоторые даже превосходно, а костюмы и вещи изъ области ихъ домашняго быта собраны въ большомъ обиліи. Особеннымъ богатствомъ въ этомъ отношеніи, неоставляющимъ желать ничего болѣе, отличается киргизская группа. Богато же, но не въ такой мѣрѣ, снабжена выставка одеждами, утварью и другими пред-

метами этнографическаго изученія, въ подлинникахъ, моделяхъ, или фотографіяхъ, и по отношенію къ нѣкоторымъ другимъ группамъ нашихъ инородцевъ, напримѣръ, американскимъ. Относительно бѣднѣе другихъ является на выставкѣ Кавказъ, столь разнообразный по своимъ обитателямъ; 13 манекеновъ, сюда относящихся, далеко не исчерпываютъ этого разнообразія: нѣтъ, напримѣръ, изъ кавказскихъ народовъ, ни Осетинъ, ни Чеченцовъ. Изъ другихъ инородческихъ племенъ, наиболѣе значительныхъ по численности, не имѣется представителей ни Корелъ, ни Вотяковъ, ни Мещеряковъ. Изъ сибирскихъ инородцевъ не видно ни Камчадаловъ, ни Курильцевъ. Покуда пробѣлы эти замѣняются отчасти фотографическими снимками, коллекція которыхъ весьма обильна и замѣчательна по исполненію. Относительно пользованія выставкою въ научномъ отношеніи, необходимость воспрещенія для публики прикасаться къ манекенамъ и моделямъ, расположеніе многихъ изъ первыхъ на значительной высотѣ или за загородками и размѣщеніе остальныхъ предметовъ въ шкафахъ и на столахъ за стеклами, затрудняютъ пользованіе это въ такой степени, что матеріаломъ для науки предметы, собранные на выставкѣ, могутъ, по мнѣнію г. Григорьева, послужить лишь по закрытіи ея, когда перейдутъ на храненіе въ постоянный этнографическій музей, имѣющій устроиться по мысли предсѣдателя и промотора выставки, В. А. Дашкова; тогда можно будетъ изучать ихъ вблизи и безъ помѣхи. Въ настоящемъ же видѣ своемъ, выставка имѣетъ преимущественно популяризаціонное значеніе, которое, впрочемъ, весьма важно и можетъ быть весьма велико. Комитетъ ея, по отзыву г. Григорьева, сдѣлалъ, съ своей стороны, все, что только можно было сдѣлать для удовлетворительности предпріятія въ существенныхъ отношеніяхъ, не щадя ни трудовъ, ни издержекъ, дѣйствуя съ умѣньемъ и полнымъ пониманіемъ своей задачи; особенная же благодарность должна быть воздана В. А. Дашкову, какъ за большія денежныя жертвы, имъ на этотъ предметъ принесенныя, такъ и за неутомимую ревность въ осуществленіи прекраснаго и полезнаго, но не всѣми

одобрявшагося дѣла. „Нашему Географическому Обществу, заключилъ г. Григорьевъ, существующему почти въ десять разъ долѣе, чѣмъ Московское Общество Любителей Естествознанія, и заключающему въ составѣ своемъ многочисленный этнографическій отдѣлъ, слѣдовало бы придти къ мысли о пользѣ и своевременности этнографической выставки въ Россіи, быть можетъ, прежде, чѣмъ московскимъ ученымъ; но да будетъ далека отъ насъ всякая зависть: въ обще-русскомъ дѣлѣ между Москвою и Петербургомъ нѣтъ и не должно быть никакой розни. Сознавая это, В. И. Ламанскій и прочіе депутаты ваши, мм. гг., свидѣтельствовали Московскому Обществу Любителей Естествознанія, что Императорское Русское Географическое Общество сочувствуетъ мысли объ устройствѣ этнографической выставки въ Москвѣ и успѣшному ея тамъ осуществленію столь же горячо и искренно, какъ еслибъ починъ и исполненіе въ этомъ дѣлѣ принадлежали ему самому. Не сомнѣваюсь, мм. гг., что дѣйствуя такимъ образомъ, депутаты ваши были вѣрными и точными истолкователями чувствъ вашихъ и образа мыслей.“

Заявленіе это принято было собраніемъ съ полнымъ одобреніемъ.

Что касается замѣчаній С. В. Максимова, то они отличаются особенною подробностью касательно инородческаго и русскаго отдѣловъ и въ этомъ случаѣ могутъ быть полезнымъ указаніемъ для будущаго этнографическаго музея.

„Общее впечатлѣніе, производимое выставкою, по словамъ г. Максимова, чрезвычайно было пріятно. На первыхъ шагахъ уже чувствуется что-то своеобразное, небывалое и невиданное. Гулять тутъ праздно, шататься безъ дѣла—нельзя.“ И на основаніи этого изрѣченія г. Максимовъ подробно изучилъ выставку, не оставивъ почти ни одной группы ея безъ полезныхъ замѣчаній. Такъ напримѣръ есть также и нѣсколько вѣрныхъ замѣтокъ относительно великорусскаго отдѣла выставки, который, какъ извѣстно, вызвалъ не мало нареканій со стороны газетъ. Г. Максимовъ такъ объясняетъ трудность, съ которою сопряжено было удач-

ное выполненіе фигуръ, изображающихъ великорусское племя: „племя это отличается именно тѣмъ, что въ немъ трудно находить одно лицо, похожее на другое, что сплошь и рядомъ встрѣчаемъ мы не только у бродячихъ сѣверныхъ инородцевъ и у кочевыхъ степняковъ, но и у южныхъ горцевъ, а въ особенности у закавказскихъ и русскихъ армянъ. Даже на самой маленькой ярмаркѣ, на небольшомъ базарѣ, всякій желающій безъ труда можетъ убѣдить себя въ томъ, что ничего нѣтъ труднѣе, какъ найдти такія черты, которыя можно было бы почитать общими, и опредѣлить и выяснить для себя такой законъ, который удобно было бы примѣнить для распознаванія племенныхъ отличій великоруссовъ. Обычные паспортные пріемы (до сихъ поръ, впрочемъ, не имѣющіе никакого успѣха) нигдѣ не кажутся на столько смѣшными и ненужными, какъ по примѣненію къ лицамъ и особымъ примѣтамъ великоруссовъ. Едва ли только не говоръ одинъ до сихъ поръ можетъ почитаться въ числѣ общихъ *особыхъ примѣтъ*, пригодный про всякій случай человѣку, до сихъ поръ руководимому мертвыми общими мѣстами паспортныхъ отмѣтокъ. Московской этнографической выставкѣ удалось сдѣлать такъ, что всѣ 22 лица, представляющія мужской типъ великоруссовъ, каждое носитъ свой характеръ и одно на другое непохоже. За то съ меньшимъ успѣхомъ привелось ей сладить съ женскими лицами.“

Не меньшія трудности видитъ г. Максимовъ и въ опредѣленіи типическихъ нарядовъ для той или другой мѣстности, занимаемой великорусскимъ племенемъ. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу: „съ другой стороны, нельзя не раздѣлять тревожнаго чувства, порождаемаго затруднительнымъ и почти безвыходнымъ положеніемъ при разрѣшеніи вопроса о типировкѣ костюмовъ великоруссовъ. У всѣхъ завѣтная рубаха съ косымъ воротомъ и всегда съ подпояскою (прямой воротъ, усвоенный малороссами, въ великой Россіи можно видѣть только у духовенства и дворянства). У большой части великоруссовъ на ногахъ лыковые лапти съ онучами и оборами; только торговые достаточные люди, да сплошь весь сибирскій народъ обу-

ваются въ сапоги съ напускомъ. У великорусса лѣтомъ армякъ, зимою, съ неизмѣннымъ косымъ воротомъ, полушубокъ, рукавицы, у всѣхъ большое пристрастіе къ широкимъ шароварамъ, заправляемыхъ въ обувь, у всѣхъ непремѣнное требованіе верхней подпояски въ видѣ кушака (не подпоясываться у коренныхъ русскихъ считается грѣхомъ). Всѣ въ лѣтнее время покрываютъ голову шляпою, зимою надѣваютъ шапку. У всѣхъ такъ много въ нарядѣ общаго, что нельзя съ увѣренностью указать какую-либо мѣстность, отличающую мужской костюмъ особымъ покроемъ. Только тамъ, гдѣ русское племя встрѣтило новыя страны, передъ суровымъ климатомъ которыхъ не устояла отечественная одежда, тамъ русскіе люди охотно поступились съ нарядомъ и усвоили тотъ, который выработанъ туземцами. Вотъ почему сѣверный человѣкъ одѣлся въ самоѣдскую малицу и пимы, сибирякъ въ остяцкую доху, камчадальскую кохлянку. Вотъ почему тамъ, гдѣ мѣстная одежда по дешевизнѣ своей значительно облегчаетъ ея пріобрѣтеніе и служитъ сильнымъ соблазномъ, русскіе люди вырядились въ татарскій ярчагъ, въ бухарскій халатъ. Въ общемъ великорусскій нарядъ остается неизмѣннымъ и все однимъ и тѣмъ же повсюду, за Кавказомъ и за Байкаломъ, на Печорѣ и на Дунаѣ, въ Николаевскѣ на Амурѣ и въ Бѣлой-Криницѣ въ Австріи. Оттого-то и выставка могла только на рубаху надѣть сибирку и жилетку, какъ сдѣлала это съ рязанцемъ—Макаромъ—цѣловальникомъ изъ села Дѣднова, могла облачить въ армякъ рѣшемскаго сукна продавца лубочныхъ картинокъ и тѣми же сибирками и жилетами снабдить другихъ продавцевъ, стоящихъ на ярмаркѣ. Старинные русскіе наряды исчезли; возстановлять ихъ—трудная и большая задача. Современное стремленіе народа въ перемѣнѣ костюма все направилось въ сторону городскаго нѣмецкаго платья. Расторговавшійся крестьянинъ, стремясь изъ деревни въ городъ и изъ земледѣльца въ купцы, берется прямо за жилетъ и сибирку, за козловые сапоги и картузъ, чтобъ, не думая долго, при хорошихъ дѣлахъ и городскихъ успѣхахъ, обмѣнять все это на куцый сюртукъ и узкіе брюки, на глянцовитую французскую шляпу и опой-

ковые смазные сапоги. Въ низшихъ слояхъ остается все тотъ же однообразный и несложный костюмъ завѣщанный отцами съ нѣкоторыми дополненіеми или измѣненіями по требованію обычая, рода занятій, а пожалуй, даже и моды, на которую столько тароваты наши обѣ столицы. Здѣсь на русскихъ крестьянскихъ плечахъ является часто нѣчто въ родѣ формы, мундира: смѣшанный видъ холщеваго фрака у носильщиковъ тяжестей, ломовыхъ извощиковъ, съ пріобщеніемъ неизбѣжнаго краснаго жилета у тѣхъ, которые возятъ муку; пестрыя полосатыя фуфайки у дворниковъ; подпоясанные кушакомъ тулупы и шубы у лавочныхъ прикащиковъ, на зимнее время, и уже необлыжные сюртуки нѣмецкаго покроя, по лѣтамъ, съ нѣкоторыми измѣненіями по русскому вкусу, который еще слишкомъ силенъ и не совсѣмъ податливъ."

„Отсюда же, изъ столицъ, идетъ и тѣми порядками ведется дѣло перемѣны отечественныхъ женскихъ нарядовъ по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, которыя не закинуты въ крайнюю глушь, не отдѣлены бездорожьемъ и не пролазными болотами. Тамъ, въ глуши, для столичной цивилизаціи не уступлено еще ни одного шага; борьба еще впереди: сѣменамъ придется попадать на твердую, слежавшуюся и еще тихо разрыхленную почву. Во многихъ мѣстахъ (иногда даже близкихъ къ столицамъ) нашествіе иноземныхъ обычаевъ вмѣстѣ со всяческими измѣненіями, считается дьявольскимъ навожденіемъ—предтечею грядущихъ вскорѣ временъ безбожнаго и невѣрнаго антихриста."

„Тамъ, гдѣ старая вѣра укрѣпила за людьми старый русскій обычай, устоялъ и старинный женскій нарядъ, несмотря ни на какіе соблазны, которымъ сильно помогаютъ отхожіе промыслы въ столицы и сильно распространившаяся въ послѣднее время торговля готовымъ платьемъ. Вотъ почему выставкѣ удалось получить старинные русскіе наряды именно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ коренится старообрядчество: изъ Торжка, Ржева, отъ некрасовскихъ казаковъ съ Дуная, отъ яицкихъ казаковъ съ Урала, изъ Ярославля — наряды, покинутые еще въ прошломъ столѣтіи. Вотъ почему на музеѣ лежитъ прямое обязательство прі-

обрѣтать съ особеннымъ стараніемъ исчезающіе на русскихъ женщинахъ старые русскіе наряды, даже реставрировать по рисункамъ исчезнувшіе, чтобъ придать этнографическому музею значеніе археологическаго. Такимъ онъ отчасти является и теперь; такимъ онъ неизбѣжно и противъ воли станетъ въ непродолжительное время. Съ поразительною быстротой исчезаютъ у молодежи бабушкины наряды: кики, кокошники, повязки, начельники смѣняются французскою шляпкою, бумажные платки заступаютъ мѣсто шитыхъ золотомъ шелковыхъ косынокъ; вмѣсто сарафановъ появляются платья съ лифами и юбками."

„Исчезаніе стариннаго наряда совершается съ поразительною быстротой, на нашихъ глазахъ, даже и тамъ, гдѣ ожидать того, повидимому, было не возможно. *Мы именно живемъ въ то время, опасное для этнографическаго музея, когда въ очію совершается измѣненіе женскихъ народныхъ нарядовъ, и едва ли даже не въ настоящую пору этого крутаго перелома.*"

Наконецъ заимствуемъ изъ статьи профессора Лавровскаго его замѣчанія о славянскомъ отдѣлѣ выставки. Эти замѣчанія имѣютъ тѣмъ болѣе цѣны, что авторъ ихъ самъ бывалъ въ Славянскихъ земляхъ. Вотъ его мнѣніе о группахъ, представлявшихъ на выставкѣ западныхъ и южныхъ Славянъ:

„Эти группы, дѣйствительно, смѣло можно рекомендовать какъ назидательный образецъ чистоты отдѣлки, самой тщательной выборки типовъ и ловкаго умѣнья выставить всѣ мелочи костюма въ оригинальномъ и лучшемъ видѣ. Нельзя не позавидовать и тому искусству въ размѣщеніи фигуръ, при которомъ каждая даетъ полную возможность разсмотрѣть себя со всѣхъ сторонъ. Все это свидѣтельствуетъ убѣдительно, что за дѣло взялись люди не только знающіе, но и любящіе, понимающіе высокій въ немъ интересъ народный. Болѣе или менѣе знакомые со всѣми Славянами на мѣстѣ, въ живой дѣйствительности, мы не задумываемся утверждать, что каждая фигура имѣетъ право считаться безошибочнымъ образцомъ. Вообще трудно опредѣлить превосходство однѣхъ группъ передъ другими, какъ

скоро переходишь къ славянскому отдѣлу: до того все оно, при національной своеобразности отличается прекраснымъ исполненіемъ.“

Переходя отъ самого исполненія славянскаго отдѣла къ той мысли, которая руководила помѣщеніемъ его въ со-составѣ собственно русской этнографической выставки, г. Лавровскій говоритъ:

„Нѣтъ надобности подниматься въ старь, даже и выше одной человѣческой жизни, чтобы понять всю свѣжую, еще юную новизну этой мысли: для большинства посѣтителей выставки она остается и теперь еще вполнѣ непонятною. Въ нынѣшней выставкѣ *мысль*, вращавшаяся въ отдѣльныхъ кружкахъ, не разъ узко сжимавшаяся и затемнявшаяся, перешла въ первые въ плоть и стала предметовъ сужденій и соображеній огромныхъ массъ, прежде и не предполагавшихъ ея существованія.“

„Съ увѣренностью можемъ утверждать лишь то, что почти на всемъ пространствѣ міра славянскаго проявилась эта идея единства одновременно; долго дѣйствовала она незамѣтно, часто среди грозныхъ препятствій, пока не пріобрѣла тѣхъ размѣровъ и той силы, съ какими мы находимъ ее теперь и при какихъ едва ли уже справедливо отказать ей въ назначеніи *положить начало поворотной эпохѣ въ дальнѣйшей судьбѣ нашего племени*. Вспомнимъ о первомъ появленіи Славянъ въ исторіи: на различныхъ, другъ отъ друга отдаленныхъ пространствахъ, безо всякой взаимной связи, они выступаютъ, однакоже, на свѣтъ историческій разомъ, одно поколѣніе за другимъ, какъ бы наперерывъ, давая знать міру о себѣ и о своей мѣстности. Такъ и хочется сравнить это первое явленіе Славянъ съ огромнымъ флотомъ, разомъ показывающимся береговому зрителю на отдаленномъ горизонтѣ, но такъ что и безъ зрительной трубы можно уже отдѣлить составныя его части и опредѣлить ихъ громадность. Еще рѣзче выступаетъ это единство дѣйствій въ образованіи государствъ и въ принятіи христіанства. Какъ будто по предварительному уговору, въ половинѣ IX столѣтія, Славяне группируются около намѣченныхъ центровъ, и возникаютъ разомъ госу-

дарства: Болгарское, Русское, Велико-Моравское, Чешское, Польское и Хорватское. Но о дѣйствительномъ уговорѣ нельзя и мыслить; общаго сознанія племеннаго единства еще не было, иначе не погибли бы безслѣдно одни поколѣнія Славянъ и не сгубили бы своей политической самостоятельности другія. Такое сознаніе возникло уже черезъ тысячу лѣтъ послѣ того, какъ Славяне впервые вступили въ государственный бытъ, и оно точно также охватило разомъ всѣ поколѣнія, и въ какое-нибудь полустолѣтіе сдѣлалось новымъ началомъ ихъ жизни. Но сознаніе, какъ внутренняя духовная сила, нуждается во внѣшнемъ проявленіи: это проявленіе, съ одной стороны, можетъ служить знаменемъ, хотя бы и временнымъ, случайнымъ, подъ которымъ легче и удобнѣе собраться, чтобъ условиться объ общихъ нуждахъ и сообразить пригоднѣйшія средства для дальнѣйшаго племеннаго развитія; съ другой—оно само легко можетъ стать орудіемъ большаго расширенія сознанія. Гдѣ же умѣстнѣе и справедливѣе ожидать этого внѣшняго проявленія?"

„Напрасно взоръ славянскій будетъ отыскивать на неизмѣримомъ пространствѣ славянскихъ населеній такую страну, которая бы свободнѣе, съ болѣе хозяйскою самоувѣренностію, съ болѣе приличнымъ торжествомъ могла пріютить въ себѣ открытое, незамаскированное отъ зоркихъ глазъ чуждаго и ненавистнаго господина, какое-либо широкое и общественное выраженіе сознаннаго единства, нежели Россія. Но Россія необъятна; гдѣ же въ Россіи? Не найдется на ней ни одной такой пяди земли, какъ бы ни смотрѣли вкривь и вкось, которая могла бы помѣриться правомъ своимъ быть мѣстомъ перваго всеславянскаго объединенія, съ матушкой, первопрестольною, бѣлокаменною, святою Москвой. Развѣ не одна она связала въ неразрывный узелъ всѣ нѣкогда разнохарактерныя и разнообразныя части громаднаго цѣлаго? Развѣ не одна она составляетъ драгоцѣннѣйшую и дѣятельнѣйшую представительницу объединенія величайшаго изъ поколѣній славянскихъ и развѣ не въ ней одной началось и завершилось это объединеніе, принесшее съ собою самостоятель-

ность, могущество и славу государства Русскаго? Ей, по всѣмъ правамъ и заслугамъ, принадлежитъ и починъ въ объединеніи всеславянскомъ, хотя бы и носило оно въ себѣ совершенно иной смыслъ и иной характеръ. Только Москва своими драгоцѣнными памятниками протекшей жизни, своею многовѣковою исторіей въ состояніи представить славянству, испытавшему лишь бѣдствія отъ племенной разъединенности, назидательный образецъ и живой примѣръ того, къ чему способна привести сила единства и согласія. Эта сила не ослабѣла въ ней и доселѣ; она также живуча въ ней, расширившись еще больше событіями жизни новѣйшей. Нигдѣ такъ наглядно и такъ свѣжо не могутъ убѣдиться и дорогіе наши гости-соплеменники, до какой степени низко упали на святой Руси вопросы, искусственно и злонамѣренно поднятые въ періодѣ хаотическаго броженія единичныхъ умовъ и, повидимому, грозившіе потрясти увѣковѣченное наше единство; пусть увидятъ они собственными глазами, мыслимы ли у насъ разрушительные идеалы польскихъ мечтаній, и имѣетъ ли хотя тѣнь дѣйствительности бредъ заблудшихъ единицъ, выкрикнувшихъ когда-то на враждебныхъ страницахъ западной печати неизвѣстный въ нашемъ домѣ вопросъ малороссійскій."

„Вотъ тѣ мысли, которыя невольно возникаютъ въ головѣ, при обзорѣ настоящей выставки, и которыя сводятся, въ виду славянскаго отдѣла, къ одной общей идеѣ къ внѣшнему выраженію племеннаго славянскаго единства. Да утвердится и укрѣпится это духовное, нравственное единство Славянъ на почвѣ московской также единодушно и прочно, какъ незыблемо упрочилось на ней государственное единство славяно-русскаго народа, и да не подрывается точно также сознаніе такого единства свободнымъ развитіемъ особенностей отдѣльныхъ славянскихъ поколѣній, какъ самое пестрое разнообразіе областныхъ особенностей русскихъ, столь явственно выразившееся на выставкѣ, ни мало не препятствуетъ духу государственнаго единства, проникающему съ одинаковою силой во всѣ отдаленные концы необъятной Россіи."

Наконецъ широкое и общественное выраженіе славянскаго единства должно было проявиться въ томъ славянскомъ съѣздѣ, къ которому дала поводъ этнографическая выставка, но мысль о которомъ уже давно была общимъ достояніемъ лучшихъ людей цѣлаго славянства. То горячее и дѣятельное участіе, которое оказали выставкѣ западные и южные Славяне налагало обязанность на Комитетъ, распоряжавшійся устройствомъ выставки, пригласить ученыхъ представителей славянства посѣтить выставку. При этомъ не могли быть забыты и тѣ лица, которыя обогатили своими вкладами славянскій отдѣлъ. М. Ф. Раевскій и Н. А. Поповъ, занимавшіеся устройствомъ этого отдѣла, разослали по порученію Комитета, приглашенія во всѣ славянскія земли. Нѣкоторыя изъ нихъ даже были напечатаны въ славянскихъ газетахъ и это еще болѣе распространило мысль о славянскимъ съѣздѣ въ Москвѣ. Палацкому писалъ, по просьбѣ Комитета, М. П. Погодинъ. Приглашеніе въ Бѣлградъ сообщено было по телеграфу, по недостатку времени для сношеній посредствомъ переписки. Въ тоже время профессоръ Петербургскаго Университета В. И. Ламанскій писалъ къ представителямъ славянской учености въ Пруссіи, Саксоніи, въ Чешскихъ земляхъ и въ Галиціи, приглашая ихъ пріѣхать въ Россію. При первомъ же извѣстіи о возможности славянскаго съѣзда въ Москвѣ, русскія газеты поспѣшили заявить о его значеніи для духовнаго и научнаго сближенія между различными племенами обширной славянской семьи. Петербугская и Московская городскія думы, желая принять славянскихъ гостей достойнымъ образомъ, назначили особыя суммы для этой цѣли. И въ Петербургѣ и Москвѣ образовались комитеты для пріема славянскихъ гостей. Подобныя же приготовленія дѣлались въ мѣстахъ, находящихся на пути между границею Петербургомъ и Москвою. Главное Общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ и Главное Управленіе Николаевской желѣзной дороги, послѣднее съ соизволенія Государя Императора, предложили или особые поѣзды, или особое помѣщеніе для славянскихъ гостей на всемъ ихъ пути отъ границы до Москвы и обратно.

Какъ же встрѣчены были въ иностранныхъ газетахъ извѣстія о Московской этнографической выставкѣ и о съѣздѣ Славянъ въ Россіи? Въ нѣмецкихъ газетахъ, издаваемыхъ въ Австріи, выставку назвали заранѣе подготовленною „политическою демонстраціей", а пріѣздъ Славянъ „славянскимъ конгрессомъ", подобнымъ конгрессу бывшему въ 1848 году въ Прагѣ. Сперва думали остановить Славянъ, обозвавъ Московскую выставку предпріятіемъ недостойнымъ вниманія людей ученыхъ. Когда это не подѣйствовало, стали говорить, что поѣздка австрійскихъ Славянъ въ Россію есть измѣна австрійскому правительству, что въ приглашеніи отъ русскихъ ученыхъ посѣтить выставку скрывается мысль о соединеніи если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ западныхъ Славянъ подъ русскою властью. Наконецъ стали пугать готовящихся къ отъѣзду въ Москву тѣмъ, что австрійское правительство будетъ преслѣдовать ихъ по возвращеніи изъ путешествія *).

„Мы не вѣрили — говорила *Debatte*, органъ дуалистовъ — не вѣрили нашимъ глазамъ, когда читали эти строки (о приглашеніи Славянъ въ Москву). Какъ! Въ чешскихъ кружкахъ въ Богеміи понимаютъ значеніе, которое при

*) Статьи австро-нѣмецкихъ газетъ носили заглавія: *Zum Moskauer Slaven-Congress (Presse* отъ 28-го апрѣля, отъ 3-го мая); *Auf nach Moskau! (Morgen Post* отъ 26-го апрѣля); *Die Täuschungen des Panslavismus (Presse* отъ 1-го мая); *Eine Frage an Russland* (Debatte отъ 2-го іюня); *Den Pilgern nach Moscau! (Debatte* отъ 25-го апрѣля); *Die Czechen-Führer in Moskau (Debatte* еще отъ 30-го апрѣля); *Der Slavencongresz in Moskau (Neue freie Presse* № 950); *Die Herren Czechen in Petersburg* (Neue freie Presse № 983) и т. д. Въ газетѣ *Debatte* (№ 133) была даже статья, обращенная къ нѣмцамъ живущимъ въ Россіи, съ указаніемъ ихъ культурнаго значенія на востокѣ Европы: *Die Mission der Deutschen in Ruszland und ihre Moskovitischen Feinde.* Вообще Нѣмецкая печать въ Австріи объявила войну на жизнь и смерть нетолько западнымъ и южнымъ Славянамъ, но и всѣмъ Русскимъ, не отрекающимся отъ своего славянскаго происхожденія. Учредителей выставки называли не иначе какъ „panslavischen Rathführer."

даютъ въ Москвѣ предстоящему собранію, и ихъ вожди рѣшаются безъ дальнихъ размышленій принять въ немъ участіе! Они прямо ѣдутъ въ панславистское сборище (Konventikel) безъ всякаго благовиднаго предлога: сдѣлано ли или какое-либо заявленіе съ тѣмъ, чтобы въ Австріи и за границей не перетолковали въ дурную сторону ихъ путешествія въ Мекку панславизма? Побратимство на панславянской основѣ — это заговоръ противъ Австріи; кто въ немъ участвуетъ, тотъ вызываетъ всю Австрію, и вопль негодованія,—вотъ единственный отвѣтъ, который могутъ дать народы Австріи тѣмъ, кто примыкаетъ къ преступному покушенію на ея существованіе! Господамъ, сидящимъ въ Прагѣ, предстоитъ свободный выборъ; они могутъ отправляться, даже не принявъ никакихъ мѣръ противъ подозрѣній въ ихъ вѣрноподданствѣ; но въ такомъ случаѣ они должны устроить дѣла такъ, чтобы остаться тамъ, куда ихъ влечетъ сердце."

Органъ централистовъ, вѣнская *Presse*, писала:

„Какъ ни безцеремонно поступаетъ русское правительство съ Австріей и Турціей, возбуждая и поддерживая въ чужихъ подданныхъ стремленіе къ отпаденію, тѣмъ не менѣе Австріи ничего больше не остается въ эту минуту, какъ слѣдить за враждебнымъ для нея настроеніемъ русскаго кабинета и дѣйствовать, на основаніи этого сознанія, какъ можно осторожнѣе. Но что сказать на то, что нѣкоторые изъ наиболѣе уважаемыхъ Славянъ пользуются приглашеніемъ и, не шутя, хотятъ отправиться въ панславянскую Мекку? Что подумать о томъ, что славянскія газеты съ радостію привѣтствуютъ это приглашеніе? Подобныя извѣстія должны произвести подавляющее впечатлѣніе на каждаго патріота, потому что доказываютъ отсутствіе въ этихъ людяхъ всякаго австрійскаго чувства. Но кто изъ этихъ господъ идетъ въ Москву, тому лучше было бы не возвращаться."

Венгерская газета *Pesti Naplo*, органъ Деака, говорила:

„Въ основаніи взаимнаго сближенія этихъ трехъ племенъ (Мадьяръ, Нѣмцевъ и Поляковъ) вовсе не лежитъ мысль о нападеніи; эти племена не намѣрены отнимать у Славянъ

ни одного атома изъ того, на что они имѣютъ справедливыя притязанія (!), и что было бы раціонально уступить имъ. Но кто открыто или тайно становится подъ знамя Бѣлаго Царя, тѣ будутъ считаться врагами упомянутыхъ трехъ націй. Эти панслависты ошибаются, если думаютъ, что міръ посмотритъ на ихъ движеніе тѣми же глазами, какими смотритъ на стремленіе къ единству Италіянцевъ и Нѣмцевъ; изъ ихъ движенія можетъ произойдти лишь одинъ результатъ — сосредоточеніе колоссальной физической силы въ рукахъ Царя, который употребитъ ее на задержаніе успѣховъ образованія и свободы въ остальной Европѣ. Такое движеніе не только не найдетъ себѣ симпатіи среди образованныхъ націй міра, но создастъ изъ нихъ великую лигу, которая станетъ плотиной противъ новыхъ вторженій варварства."

Львовскій *Dziennik Polski* высказался такъ:

„Этнографическая выставка въ Москвѣ устроена съ тѣмъ, чтобы выказать предъ Европою солидарность всѣхъ славянскихъ племенъ. Она имѣетъ чисто-политическую цѣль, ибо наука при этомъ нисколько не выиграетъ. Основа всякой науки есть истина, а руководящая мысль этой выставки, какъ и всѣхъ русскихъ учрежденій, есть ложь. Ложь — эта солидарность славянскихъ племенъ подъ русскимъ протекторатомъ. Такой солидарности не признаютъ ни Поляки, ни Чехи, ни Рутены (галицкіе русскіе!) Даже турецкіе Славяне не слѣдуютъ за Россіей столь слѣпо, какъ она старается представить Европѣ, ибо они знаютъ хорошо, что русское покровительство можетъ принести имъ лишь деспотизмъ. Поэтому въ сущности московская выставка будетъ значить то же, что значили размалеванныя деревни на Днѣпрѣ, представленныя Потемкинымъ Екатеринѣ. Мы знаемъ, что она не удастся, но каждый шагъ въ этомъ направленіи обращаетъ на себя вниманіе наше и Австріи."

Съ своей стороны славянскія газеты не оставили безъ отвѣта вызовъ враждебныхъ имъ австрійскихъ органовъ. Вотъ какимъ образомъ высказалась по этому предмету пражская газета *Národní Listy:*

„Если будетъ къ тому поводъ, никто изъ Чеховъ не по-

колеблется сказать, въ Москвѣ-ли, въ Петербургѣ-ли, тоже что говорилось такъ часто и въ Прагѣ: что народъ чешскій не дозволитъ лишить свою страну ея политической самостоятельности, что онъ не захочетъ въ виду какихъ бы то ни было неожиданныхъ событій, утонуть въ нѣмецкомъ морѣ. И скажетъ это Чехъ тѣмъ открытымъ, громкимъ голосомъ, который можетъ дойдти также ясно до слуха русскаго и французскаго императоровъ, какъ онъ дойдетъ до слуха императора австрійскаго. Чья вина, если этотъ голосъ останется долѣе въ памяти одного изъ трехъ монарховъ? Представители всѣхъ славянскихъ племенъ, которые сойдутся въ Москвѣ, не замышляютъ заговора противъ Австріи, а потому и не побоятся, что мощный духъ Австріи расточитъ ихъ. Тамъ они лишь поздороваются между собою и, познавъ другъ друга, познаютъ мощный духъ славянскій, который расточитъ своего супостата, какъ бы гордъ и упоренъ онъ ни былъ въ своей ненависти."

Выходящая въ Загребѣ хорватская газета *Pozor* писала: „Славяне тѣмъ менѣе имѣютъ надобности защищать себя отъ вѣнскихъ газетъ, что они въ нихъ самихъ ежедневно читаютъ о германскомъ родствѣ, налагающемъ политическія обязанности. Главная изъ этихъ обязанностей, по ихъ мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы поборать всякое движеніе и развитіе славянскихъ народовъ. Изъ Вѣны день-ото-дня все болѣе требуется и провозглашается согласіе нѣмецкихъ племенъ. Къ этому согласію привлекаются и два варварскія племени — горсть Мадьяръ и Турокъ. Нѣмцы желаютъ и ищутъ согласія и дружбы съ цѣлымъ міромъ противъ Славянъ, а для насъ грѣхъ посмотрѣть на московскую выставку, познакомиться съ людьми своего племени, и притомъ въ то время, когда Италія сплотилась въ одно цѣлое и когда родственная кровь влечетъ ее къ союзу съ Франціей, противъ прошлогодняго ея союзника, Пруссіи, когда вся Германія объединяется и когда австрійскіе Нѣмцы съ трибуны, съ профессорской каѳедры и изъ редакцій газетъ заявляютъ во всеуслышаніе о своей симпатіи къ прусскому народу вопреки еще невысохшей крови жертвъ, павшихъ подъ Садовой? кто задумалъ и можетъ ѣхать въ

Москву, того не остановитъ ярость вѣнскихъ газетъ; тотъ съ спокойнымъ духомъ станетъ между братьями, чтобы высказать имъ всѣ свои скорби и печали. Въ Австріи дѣйствительно есть заговоръ; но этотъ заговоръ не московская выставка, а соглашеніе Нѣмцевъ и Мадьяръ противъ другихъ народовъ монархіи. Событія положатъ конецъ этому заговору. Мы же не были бы искренними людьми, еслибы страха ради стали скрывать, что мы вѣтвь на великомъ славянскомъ стеблѣ, который только началъ разрастаться, но уже столь силенъ и вѣтвистъ, что своею плодоносною влагой можетъ питать половину Европы. Славяне, наученные своимъ горькимъ опытомъ и уроками другихъ народовъ, увидятъ, что и для нихъ прежде всего необходима духовная связь, если только они желаютъ отразить предназначенную имъ погибель".

Польская эмиграція также заговорила—по поводу поѣздки чешскихъ представителей въ Москву. Изъ Парижа присланъ былъ манифестъ польскихъ выходцевъ въ *Газету Народову*, которая снабдила его своими примѣчаніями: „Во время пребыванія гг. Палацкаго и Ригера въ Парижѣ — сказано въ польской газетѣ — эмиграція признала необходимымъ заявить передовымъ чешскимъ дѣятелямъ убѣжденія свободныхъ польскихъ людей. Съ этою цѣлью 1-го (13-го) мая, рано утромъ, въ 9 часовъ, отправилась къ нимъ спеціальная делегація, состоящая изъ представителей трехъ поколѣній польской эмиграціи (1831, 1848 и 1863), а вмѣстѣ съ тѣмъ, и трехъ земель бывшей Рѣчи-Посполитой, т.-е. Литвы, Руси (?) и Короны (Царства Польскаго). Делегація вручила чешскимъ патріотамъ манифестъ, въ которомъ, отъ имени польскаго народа, заявлялся энергическій протестъ противъ всякой солидарности съ московско-славянскимъ съѣздомъ, и безусловно отвергался союзъ или выраженіе родственной связи Славянъ съ Москалями, наконецъ, открыто высказывалось, что, переходя въ лагерь московскій, Славяне принуждены будутъ бороться съ Поляками, которые не прекратятъ разъ начатой борьбы съ варварскою Москвой до тѣхъ поръ, пока не побѣдятъ. Отличая же народъ отъ индивуальныхъ личностей, и даже па-

тріотическіе труды гг. Палацкаго и Ригера отъ ихъ, достойной сожалѣнія (?), приверженности къ Москвѣ, не допуская даже, чтобъ народъ (чешскій), оказывавшій содѣйствіе польскому повстанью, могъ теперь броситься въ ея объятія и отречься отъ тысячелѣтней своей исторіи и борьбы за свою индивидуальность, эмиграція не скрываетъ, что благоденствіе Чехіи для нея также дорого, какъ благоденствіе Польши, а потому она не прерываетъ связей съ чешскимъ народомъ, ласкаясь надеждою, что тягостное впечатлѣніе, произведенное (на кого?) добровольнымъ участіемъ ихъ и энергическимъ содѣйствіемъ въ дѣлѣ этнографической выставки, снова приведетъ ихъ на путь истины и справедливости, безъ которыхъ невозможны союзы народовъ.

„Привѣтствуемъ чешскій народъ (говоритъ манифестъ) въ лицѣ людей, своими неутомимыми и великими трудами заслужившихъ лестное имя его защитниковъ. Полякамъ дорога собственная свобода; но они не менѣе уважаютъ свободу другихъ народовъ, а тѣмъ болѣе соплеменныхъ. Вамъ, граждане, извѣстенъ девизъ нашъ: „за вашу и нашу вольность.“ Примите же выраженія нашихъ чувствъ отъ имени всего польскаго народа въ знакъ особеннаго уваженія къ достославной вашей дѣятельности на пользу независимости чешскаго народа, такъ какъ мы высказываемъ свое слово, имѣя право и возможность считать себя представителями одной великой Рѣчи-Посполитой, созданной Богомъ и исторіею. Въ этой древней Рѣчи-Посполитой, Русь и Польша, соединенныя съ Литвою неразрывными узами историческаго призванія и нравственныхъ потребностей, какъ свободныя съ свободными, равныя съ равными, представили великое зрѣлище (?) такого союза, который одинъ только и можетъ осчастливить народы. Мы никогда не измѣнимъ этому принципу, котораго вѣрнымъ символомъ служитъ и на вѣчныя времена будетъ служить наше тройное знамя, представляющее Архангела Михаила (гербъ *Кіевской* губерніи), Орелъ и Погоню.

„Привѣтствуя васъ, какъ защитниковъ законныхъ правъ

короны св. Вячеслава, долгомъ считаемъ сказать вамъ нѣсколько словъ, такъ какъ вы, во имя „славянской взаимности“ отправляетесь на великую московскую демонстрацію — демонстрацію, которая уже на самомъ дѣлѣ отвергаетъ всѣ принципы, служащіе основаніемъ братскому союзу народовъ и ихъ исторической индивидуальности.

„Этногрифическая выставка, еслибъ даже предпринята была съ чисто-научною цѣлью, вслѣдствіе толковъ московской печати принимаетъ значеніе политическое. Ея главная и руководящая мысль состоитъ въ томъ, чтобъ доказать міру, что 50.000.000 жителей Московскаго Царства, вмѣстѣ съ 30.0000.00 Славянъ находящихся подъ властью Турціи, Пруссіи и Австріи, составляютъ не одно племя, но одинъ сплошной народъ славянскій. Этотъ 80-ти-мильйонный народъ, соединивъ свои силы, можетъ на вызовъ Нѣмцовъ грозно отвѣтить, что Москва должна быть центромъ и средоточіемъ національнаго единства Славянъ. Такое значеніе этнографической выставкѣ придаютъ всѣ органы (даже офиціальный „Journal de S.-Petersbourg“) московской печати.

„Обращаемся съ нашею рѣчью къ людямъ учонымъ, которые вѣрно отличаютъ царскіе указы отъ исторической истины и сознаютъ различіе, существующее между Московскимъ государствомъ и народами, имъ покоренными. Высоко цѣня вашу честность и любовь къ отечеству, мы не можемъ допустить и мысли, чтобъ вы пожертвовали самостоятельностью вашего народа и согласились на поглощеніе вашего отечества Москвою во имя *никогда несуществовавшей, небывалой славянской народности*. Это поглощеніе совершилось бы цѣною пожертвованій со стороны народа и на развалинахъ городовъ и селъ, такъ какъ народъ никогда не откажется отъ своей исторической индивидуальности. Но Москва весьма торжественно обходитъ свою кровавую побѣду надъ возстаніемъ, поднятымъ на защиту нашихъ законныхъ правъ, и никогда не можетъ обманываться на этотъ счотъ“.

Затѣмъ слѣдуютъ траги-комическіе возгласы на притѣсненіе Москвы; въ этой тирадѣ, лишонной здраваго смы-

сіа, достается всѣмъ Москалямъ, даже г. Погодину, который, по мнѣнію польскихъ выходцевъ, начерталъ планъ этнографической выставки.

„Все это вамъ извѣстно—продолжаетъ манифестъ—и мы сами сожалѣемъ о варварствѣ Москвы; но въ такомъ случаѣ спрашивается: зачѣмъ же мы упоминаемъ объ этихъ ужасахъ?“ Это дѣлаютъ польскіе эмигранты, будто бы для того, чтобъ вывести изъ заблужденія Чеховъ, полагающихъ, что правительство Московское, а не весь народъ дѣйствуютъ за одно. Манифестъ не вѣритъ, чтобъ народъ „Московскій“ могъ руководствоваться любовью и славянскими инстинктами. „Народъ, котораго Карамзины умоляютъ Царя не давать льготъ Полякамъ (восклицаетъ эмиграція), котораго Державины пишутъ оды на взятіе Варшавы, котораго Пушкины не могутъ сердиться на ужасные удары, наносимые Польшѣ — этому сердцу славянщины, народъ, который, наконецъ, возсталъ, какъ одинъ человѣкъ, въ 1863 году, и алкая смерти (?) польскаго народа, вопіялъ и теперь вопіетъ „распни его!“, народъ этотъ знаетъ, что̀ дѣлаетъ, и пока онъ не откажется отъ своихъ варварскихъ, анти-славянскихъ инстинктовъ, до тѣхъ поръ не только одна славянщина, но и весь свѣтъ не перестанетъ видѣть въ немъ своего грознаго врага“.

„Итакъ, вы видите—говоритъ въ заключеніе манифестъ—что не слѣпая ненависть руководитъ нами въ нашей борьбѣ съ востокомъ. Наша борьба — борьба двухъ міровъ — борьба свободы, истины и справедливости съ неволею, ложью и дикимъ варварствомъ. Но вскорѣ пробьетъ послѣдній часъ этой борьбы. Славянщинѣ предстоитъ на выборъ стать на ту или другую сторону. Мы спокойно и съ рѣшимостью выжидаемъ ея выбора, и, ни въ какомъ случаѣ, не отчаяваемся. Съѣздъ московскій, который имѣетъ въ виду поразить смертью всѣ славянскіе народы, приведетъ, мы въ этомъ увѣрены, къ открытію обмана и лжи; всѣ народы славянскіе, отвергнувъ предательски протянутую имъ руку, повторятъ за вами, соединяясь другъ съ другомъ: „свуй ке свэму“ („свой къ своему“ — девизъ Палацкаго) не дэйме се („не поддадимся“ — девизъ Риге-

ра).“ *Gazeta Narodowa* къ этому прибавляетъ отъ себя: „Сперва размежуемся, а послѣ будемъ брататься!“

Польскую партію поддерживали подкупленныя ею французскія газеты. *Opinion Nationale*, которой принадлежитъ вмѣстѣ съ *Siècle* честь того ученаго открытія, что Русскіе не Славяне, а Татары, и которая упорно стояла на своемъ, не смотря на всѣ серьезныя возраженія ученыхъ и спеціалистовъ, осталась вѣрной себѣ въ виду живаго опроверженія ея удивительныхъ мнѣній Московской этнографической выставкою. Соревнованіе представителей западныхъ и южныхъ Славянъ, спѣшившихъ въ Москву, не смотря на громадность разстоянія и затрудненія, встрѣченныя ими со стороны австрійскихъ властей, смущало вышеупомянутую газету, нисколько не просвѣщая ея, и она предпочитала клеймить именемъ невѣждъ и измѣнниковъ славянскихъ профессоровъ, историковъ и патріотовъ, виновныхъ только въ томъ, что они почерпаютъ свои симпатіи и познаніе о своемъ племенномъ происхожденіи не изъ статей г. Мартена, чѣмъ сознаться, что Россія служитъ самымъ характеристичнымъ и вмѣстѣ самымъ могущественнымъ представителемъ славянской народности. *Opinion* обращалась при этомъ съ столь же торжественными, сколько смѣшными заклинаніями къ славянскимъ племенамъ отъ имени ихъ польскихъ, нѣмецкихъ и венгерскихъ братій, то-есть, отъ имени тѣхъ народовъ, которые занимались только полонизованіемъ, германизованіемъ и мадьяризованіемъ Славянъ.

Въ Монморанси происходила демонстрація польскихъ выходцевъ противъ этнографической выставки въ Москвѣ. Въ этой демонстраціи участвовали и нѣкоторые французскіе революціонеры. Говорилъ сначала Воловскій, который назвалъ измѣнниками славянства всѣхъ Славянъ, отправившихся на московскую выставку. По мнѣнію его, эти люди, оказавшіе несомнѣнныя заслуги на поприщѣ политической и ученой дѣятельности, не могутъ однако называться представителями народа, къ которому принадлежатъ. Другіе ораторы, гг. Карно, Фуше-де-Карель, Леви, развивали мысль, что „Польша не погибла“, потому что

произвела такого великаго поэта, какъ Мицкевичъ. Викторъ Гюго, Мишле, Кине, прислали поздравительныя письма, которыя и были прочтены на этомъ торжествѣ. Викторъ Гюго предсказывалъ, что вскорѣ наступитъ время, когда всѣ европейскіе народы скажутъ Польшѣ:—„возстань!“ Владиславъ Мицкевичъ адресовалъ на имя Палацкаго и Ригера письмо, сущность котораго была передана въ *Journal de Paris;* авторъ письма рѣзко протестовалъ противъ панславистскихъ теорій чешскихъ депутатовъ. Наконецъ въ послѣдствіи, когда славянскіе гости прибыли въ Петербургъ вѣнская газета *Debatte* сдѣлала слѣдующій вопросъ: „что сказала бы Россія, если бы австрійское правительство устроило какую либо польскую выставку въ Краковѣ, или въ какомъ либо другомъ изъ городовъ пограничныхъ съ царствомъ?“

Даже нѣкоторыя изъ прусскихъ газетъ поддались опасеніямъ за будущность Австріи. Такъ въ берлинской *Börsenzeitung* писали: „Съѣздъ Славянъ въ Петербургѣ по случаю открывшейся въ Москвѣ этнографической выставки представляетъ весьма важный фактъ — проявленіе на дѣлѣ такъ называемаго „принципа національностей“ и служитъ яснымъ признакомъ, что европейская политика въ ближайшія десятилѣтія, по всей вѣроятности, направится въ эту сторону. Русская агитація стремящаяся къ соединенію всѣхъ Славянъ, еще въ первые прибѣгла къ открытой демонстраціи, значеніе которой ни мало не уменьшается отъ того, что оффиціальный міръ Петербурга показываетъ видъ, что онъ не принимаетъ въ ней никакаго участія. Осуществленіе русскихъ плановъ можетъ имѣть послѣдствіемъ въ отдаленномъ будущемъ раздѣленіе власти въ Европѣ между славянскимъ и германскимъ племенами и постепенное вытѣсненіе романскихъ народовъ (?). Что касается ближайшаго будущаго, то Австрія, болѣе чѣмъ кто либо, имѣетъ причины опасаться панславистскихъ стремленій, въ настоящую минуту такъ смѣло выступающихъ на сцену, ибо эти стремленія имѣютъ въ виду отнять у Австрійской имперіи нѣкоторые члены, составляющіе необходимое условіе ея политическаго существованія.“

Славянскія газеты отвѣчали на это: „насъ спрашиваютъ — какую цѣль имѣли Славяне, отправляясь на московскую выставку? На это мы скажемъ, что въ 1848 года вмѣстѣ съ Русскими Славяне защитили Австрію отъ Мадьяръ; а нынѣ, отправляясь въ Россію, сохраняютъ Австрійскую имперію отъ Пруссіи.“ Газета *Moravská Orlice* прибавляла къ этому: „Мы, чешскіе и моравскіе Славяне, должны не только стремиться въ умственномъ отношеніи къ общеславянской взаимности, но также приближаться къ восточнымъ Славянамъ на практическомъ полѣ, въ ремеслахъ, промышленности и торговлѣ.“

Мы никогдабы не кончили, еслибъ стали приводить здѣсь всѣ крики австрійскихъ газетъ, поднявшіеся предъ отъѣздомъ Славянъ на Московскую этнографическую выставку. Но мы должны привести здѣсь двѣ отповѣди на эти крики, изъ которыхъ одна дана была русско-галицкой газетой *Слово*, издаваемою во Львовѣ, а другая словацкою газетой *Pešťbudínske Vědomosti*.

Вотъ что сказано было въ *Словѣ:* „съѣздъ славянскихъ ученыхъ въ Москвѣ, этомъ первопрестольномъ городѣ могущественной Руси, служитъ знаменательнымъ свидѣтельствомъ въ пользу зрѣлости славянской идеи и порукою, что славянскій міръ не дастъ поработить себя чуждымъ, не славянскимъ элементамъ. Можемъ питать твердую надежду, что Чехи, Моравы, Словаки, Хорваты, Сербы, Болгары, представители которыхъ собрались нынѣ на славянской землѣ, въ русскомъ городѣ Москвѣ, для посѣщенія этнографической выставки, уразумѣютъ выгоды взаимнаго общенія. Совершенно ясно, что мы не говоримъ тутъ о соединеніи всѣхъ Славянъ подъ одною политическою властью; рѣчь идетъ только о внутреннемъ сближеніи Славянъ между собою, подъ какими бы правительствами они не находились, и о солидарномъ поддерживаніи одной и той же программы, обезпечивающей Славянамъ развитіе ихъ славянской жизни. Славяне австрійскіе, Славяне турецкіе, могутъ стремиться совершенно различными путями къ осуществленію своихъ національныхъ цѣлей, нисколько не подкапываясь подъ власти, которымъ подчинила ихъ судьба; но

чтобы между тѣми и другими не возможно было общеніе и взаимодѣйствіе въ сферѣ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, этого ни кому не придетъ, конечно, въ голову.“

Словацкая же газета, выступая противъ нѣмецкихъ и мадьярскихъ крикуновъ, отвлекавшихъ австрійскихъ Славянъ отъ поѣздки въ Россію, писала слѣдующее: „дѣлайте, что хотите! Враждебное настроеніе умовъ противъ славянства, и всякія интриги противъ московской выставки уже запоздалыя, и запоздалыя не потому, что число желающихъ посѣтить выставку не уменьшается, а потому что планъ и дѣло уже кончены. Этотъ планъ и это дѣло состоитъ въ томъ, чтобы вызвать сочувствіе и сознаніе народнаго единства 80 милліоновъ Славянъ, необходимости его и солидарности народной славянской культуры. Русскій народъ глубоко почувствовалъ необходимость своимъ духомъ, своею литературою придти на помощь прочимъ славянскимъ національностямъ, этимъ слабѣйшимъ братьямъ, которые, будучи подавлены гнетомъ противниковъ, съ своей стороны, сознаютъ еще болѣе необходимость почерпнуть новыя силы для своей народной жизни изъ неисчерпаемаго, свѣжаго источника русскаго славянства. Слава Богу, что это сбылось!“

И въ самомъ дѣлѣ, русская наука не могла устроить праздникъ и не позвать родныхъ, тѣмъ болѣе что устройство русской этнографической выставки вмѣстѣ съ славянскою было само по себѣ великое торжество науки *).

VI.

4-го мая, Комитетъ этнографической выставки получилъ слѣдующую телеграмму:

„*Граница, 4-го мая, 2 часа 55 м. дня.* Славянская депутація приветствуетъ съ выставкой. Встрѣчена на границѣ Русскаго царства.“

Подобныя же телеграммы получены были въ Петербургѣ и Варшавѣ.

---

*) Слова *С. М. Соловьева*, см. его публичную лекцію.

Всѣхъ переѣхавшихъ въ этотъ день австро-русскую границу, Славянскихъ гостей было 62; впослѣдствіи число ихъ вмѣстѣ съ прибывшими изъ Пруссіи, Саксоніи, съ Парижской всемірной выставки, изъ Турціи и Черногоріи дошло до 80. Вотъ имена Славянъ, рѣшившихся принять участіе въ первомъ общеславянскомъ съѣздѣ, устроившемся въ Россіи.

A. Изъ Пруссіи.

I. Кашубъ:

1. *Флоріанъ Ценова* (Florjan Cenôva), докторъ медицины, изъ селенія Славошена близь Пуцка, лучшій и можетъ быть единственный знатокъ своего народа, его быта и языка, авторъ нѣсколькихъ книжекъ:

a) *Разговоръ Поляка съ Кашубомъ.* — Rozmova Pólocha s Kaszebą, (первое изданіе въ 1850, второе въ 1865 году).

b) *Лѣкарскіе совѣты въ разныхъ болѣзняхъ.* — Dorade Lekarzkje v rożnech chórobach vevnętrznech, zevnętrznech e połogóvech s dodanjm srodkov ledovech, zabóbónov e gusel tak dovnjeśech jak e teraznjeśech.

c) *Книжка для Кашубовъ.* — Xążeczka dlô Kaszébóv.

d) *Сто пословицъ.* — Sto frantovek z połudnjovéj częscj Pomorza Kaszubskjego, v pòlskj mòvje s kaszébsko-słovjnską pjsovnją.

e) *Пять главъ Евангелическаго катехизиса.* — Pjnc głóvnech wòddzałóv evangjelickjèho Katechjzmu.

f) *Скарбъ кашубско-славянской рѣчи.* — Scôrb Kaszébskosłovjnskjé mòvé. До сихъ поръ вышло шесть выпусковъ. Весьма важное пособіе для желающихъ ознакомиться съ топографіей Кашубской земли, съ бытомъ и языкомъ самихъ Кашубовъ. Кромѣ того Ценова приготовляетъ къ изданію: *Кашубско-нѣмецкій словарь съ краткой грамматикой Кашубскаго нарѣчія;* — *Географическую карту Кашубской земли*, въ большомъ форматѣ. Кромѣ того Ценова издалъ двѣ, три брошюрки на польскомъ языкѣ, политическаго содержанія. Въ одной изъ нихъ онъ высчитываетъ несчастія, которыя принесла римская церковь западнымъ Славя-

намъ; въ другой указываетъ послѣднимъ на бѣдственныя послѣдствія ихъ раздробленія, которое даетъ прочную опору ихъ врагамъ, дѣйствующимъ на основаніи правила divide et impera (раздѣляй и властвуй), и объясняетъ своимъ соплеменникамъ значеніе партіи феодальной и либеральной Пруссіи; въ третьей разсуждаетъ объ отношеніяхъ сельчанъ къ крупнымъ землевладѣльцамъ.

Надо замѣтить, что Кашубы составляютъ небольшіе остатки тѣхъ Полабскихъ Славянъ, которые въ началѣ среднихъ вѣковъ занимали все пространство между низовьями Вислы и Лабы (Эльбы). Кашубы были послѣдніе изъ Полабскихъ Славянъ, подпавшихъ германизаціи. Въ 1275 году князья Барнымъ и сынъ его Богуславъ назывались „князьями Славянъ Кашубской земли.“ Въ 1637 году вымеръ родъ князей Штетинскихъ и польскій король Владиславъ IV подчинилъ своей власти всѣ кашубскія земли, но въ 1657 году большую часть ихъ уступилъ Бранденбургскому маркграфу. Остальная часть кашубскихъ земель досталась Пруссіи послѣ перваго раздѣла Польши; съ тѣхъ поръ прускій король имѣетъ въ своемъ титулѣ *Herzog der Kaschuben.*

Б. Изъ Саксоніи.

II. Сербы-Лужичане:

2. *Иванъ Ивановичъ Смоляръ*, одинъ изъ главныхъ литературныхъ дѣятелей между верхними Лужичанами уже бывшій въ 1859 году въ Россіи. Родился въ 1816 году въ Прусской Лузаціи, гдѣ отецъ его былъ учителемъ, учился въ Будышинской семинаріи, а потомъ въ Бреславльскомъ университетѣ, гдѣ подъ руководствомъ Челяковскаго изучилъ славянскіе языки и литературы. Въ 1842 году, вмѣстѣ съ своимъ землякомъ-поэтомъ Сейлеромъ, онъ предпринялъ изданіе первой сербско-лужицкой газеты *Serbske Nowiny*, двадцатипятилѣтіе которой полагается отпраздновать въ настоящемъ году по возвращеніи изъ Россіи.

Онъ извѣстенъ какъ основатель ученаго общества Сербско-Лужицкой Матицы и какъ дѣятельный участникъ во всѣхъ предпріятіяхъ этого общества, главная цѣль кото-

раго состоитъ въ поддержкѣ славянскихъ народныхъ началъ между Лужичанами. Въ ученомъ мірѣ Смоляръ особенно сталъ извѣстенъ послѣ выхода въ свѣтъ, составленнаго имъ:

Собранія Лужицкихъ народныхъ пѣсенъ, (Volkslieder der Wenden in der Ober- und Niederlausitz. Herausgegeben von K. Haupt und I. E. Schmaler, mit Abbildungen der Trachten und 1 Karte. 2 Bände). Имѣя въ виду знакомить нѣмецкую литературу съ умственною жизнію всѣхъ славянскихъ племенъ, Смоляръ въ послѣднее время постоянно издавалъ или журналъ или газету, въ которыхъ сообщалъ свѣдѣнія о важнѣйшихъ событіяхъ изъ жизни славянской литературы и искусства. Таковы его: Zeitschrift für slaviche Literatur, Kunst und Wissenschaft. (Съ 1862 до 1865 г.; десять выпусковъ въ двухъ томахъ); Slavisches Centralblatt. Wochenschrift für Literatur, Kunst, Wissenschaft und nationale Interessen des Gesammtslaventhums. (1865 и 1866 гг.; всего 65 нумеровъ), и издаваемый съ нынѣшняго года: Centralblatt für slavische Literatur und Bibliographie. Кромѣ того онъ издалъ нѣсколько брошюръ филологическаго содержанія.

Наконецъ надо замѣтить, что въ главномъ средоточіи умственной жизни Лужичанъ, въ саксонскомъ городѣ Будышинѣ, Смоляръ имѣетъ обширную книжную лавку, въ которой всегда можно найдти новости всѣхъ славянскихъ литературъ, и въ этомъ отношеніи, пока еще не установятся болѣе прямыя сношенія между русскими и славянскими городами, книжная лавка Смоляра можетъ служить центральнымъ мѣстомъ для славянской книжной торговли. Адресъ: die Buchandlung von Schmaler et Pech in Bautzen.

3. *Петръ Дучманъ*, докторъ медицины, лѣкарь въ городѣ Будышинѣ, одинъ изъ молодыхъ лужицкихъ патріотовъ, дѣятельность котораго началась еще недавно.

B. Изъ Австріи.

III. Русскіе:

1. *Яковъ Федоровичъ Головацкій*, одинъ изъ главныхъ и наиболѣе знаменитыхъ представителей русской народно-

сти въ восточной Галиціи. Онъ родился 17-го октября 1814 года въ селѣ Чапелицахъ Злочевскаго округа. Съ 1821 года учился въ одной изъ Львовскихъ низшихъ школъ, а потомъ въ гимназіи, гдѣ познакомился съ русскою, польскою и нѣмецкою литературами, а при помощи проживавшаго во Львовѣ чешскаго писателя Кубка — и съ чешской литературой. Въ 1834 году отправился въ Венгрію, гдѣ въ городѣ Кошицахъ изучалъ философію, занятія которою продолжалъ въ Пештѣ. Здѣсь онъ научился сербскому языку и подъ вліяніемъ знаменитаго Коляра занимался изученіемъ славянскихъ языковъ вообще. Дальнѣйшія философскія и богословскія занятія свои онъ окончилъ уже во Львовѣ въ 1839 году. Въ свободное время отъ своихъ занятій онъ трудился надъ разборомъ старинныхъ актовъ, сперва въ архивѣ графа Яна Тарновскаго въ Диковѣ, а потомъ въ архивѣ Перемышльской уніатской консисторіи. Во время пребыванія своего въ Пештѣ Я. Ф. Головацкій принималъ самое дѣятельное участіе, вмѣстѣ съ Вагилевичемъ и Шашкевичемъ, въ изданіи литературнаго альманаха *Русалка Днѣстровая* (въ Budинѣ въ 1837 г.). Въ этомъ альманахѣ въ первые употреблено было галицко-русскими писателями такъ-называемое гражданское письмо вмѣсто церковнославянскаго, предписаннаго австрійскимъ правительствомъ. Это обстоятельство и русско-народное направленіе нѣкоторыхъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ альманахѣ, подняли страшные крики противъ него въ польской и мадьярской партіяхъ, вслѣдствіе чего львовская цензура запретила распространеніе альманаха. Уже позднѣе, въ 1846 и 1847 гг. братъ Я. Ф—ча Иванъ Федоровичъ Головацкій издалъ въ Вѣнѣ новый альманахъ *Вѣнокъ Русинамъ на обжинки* въ двухъ частяхъ, гдѣ напечаталъ многія изъ стихотвореній, находившихся въ *Русалкѣ*. Кромѣ того въ *Вѣнкѣ* Я. Ѳ. помѣстилъ нѣсколько разсказовъ и повѣстей изъ народной жизни подъ псевдонимомъ Яцка Балагура; въ *Русалкѣ* же онъ подписывался именемъ Ярославъ. Съ 1833 по 1839 годъ онъ неоднократно путешествовалъ по восточной Галиціи и по западному склону Карпатъ среди русскаго населенія Венгріи. Записки объ

этихъ путешествій помѣщены были въ чешскомъ переводѣ въ извѣстномъ изданіи *Časopis Českého Musea*, подъ заглавіемъ *Cesta po halické a uherské Rusi od I. F. H.*; оттуда онѣ были переведены на русскій и польскій языки въ журналѣ, который издавалъ тогда въ Варшавѣ на обоихъ этихъ языкахъ г. Дубровскій, въ *Денницѣ;* а въ нѣмецкомъ переводѣ онѣ были напечатаны въ журналѣ *Ausland.* Въ то же время Я. Ф. помогалъ чешскому писателю Запу, проживавшему тогда во Львовѣ при переводѣ повѣсти Гоголя Тарасъ Бульба на чешскій языкъ. Въ 1841 году онъ издалъ въ Вѣнѣ: *Народнiи приповiткi i загадкi собраны Григорiемъ Илькевичемъ*, предпославъ къ нимъ свое предисловіе. Въ 1843 году онъ былъ посвященъ во священники и получилъ мѣсто въ селѣ Микитинцахъ Коломыйскаго округа, откуда былъ переведенъ въ село Хмелево Чортковскаго округа. Въ 1848 году онъ былъ приглашенъ во Львовъ для занятія мѣста профессора русскаго языка и русской словесности въ тамошнемъ университетѣ, гдѣ въ 1858 и 1859 гг. былъ деканомъ философскаго факультета. Въ 1851 году приглашенъ былъ членомъ въ коммиссію составленія учебныхъ книгъ для русскихъ народныхъ школъ въ Галиціи, а въ 1856 году избранъ въ предсѣдатели этой коммиссіи. Получивъ мѣсто профессора во Львовѣ Я. Ф. Головацкій принималъ дѣятельное участіе въ изданіи русскихъ газетъ и журналовъ, выходившихъ въ Австріи: *Зоря галицкая*, *Пчела*, *Церковный Вѣстникъ*, *Галичанинъ* и др. Кромѣ того посылалъ свои статьи въ лейпцигскій журналъ *Jahrbücher der Slavischen Literatur*, который издавалъ Іорданъ, въ *Časopis Českého Musea*, въ *Москвитянинъ*, въ *Чтенія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* и участвовалъ въ составленіи юридическо-политической терминологіи на русскомъ языкѣ, для предпринятаго въ 1851 году австрійскимъ правительствамъ словаря *Juridisch-politische Terminologie.* Самъ онъ издалъ слѣдующія сочиненія: *Грамматика русскаго языка въ Галиціи* (1849 г.); *Росправа о языцѣ южно-русскомъ и его нарѣчіяхъ* (1849 г.); *Три вступительніи преподаваніи о русской словесности* (1849 г.); *Историческій очеркъ основанія галицко-русской матицы* (1850 г); *Über Igor's*

Heerezug gegen die Polovzer (въ программѣ львовской академической гимназіи 1854 года); *Хрестоматія церковнословенская и древне-русская* (первая часть въ Вѣнѣ 1854 года); *Руская антологія или выборъ лучшихъ поезій подлинныхъ и переводныхъ* (Львовъ 1854 г.); *Чинъ священныя и божественныя Литургіи* (1858 г, также на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ); *Начало и дѣйствованіе львовскаго ставропигійскаго братства по историческо-литературному отношенію* (1860 г); *Очеркъ старославянскаго баснословія или миѳологіи* (1860 г); *Львовская русская эпархія сто лѣтъ тому назадъ* (1861 г); *О рукописномъ молитвенникѣ старо-чешскомъ съ XIV — XV вв., хранящемся въ университетской библіотекѣ во Львовѣ* (1861 г); *О первомъ литературно-умственномъ движеніи въ Галиціи со временъ австрійскаго владѣнія въ той землѣ* (1865 г); *Einige Wörte über den vom Min. Secr. Iosef Jireček gemachten Vorschlag das Ruthenische mit lateinischen Schriftzeichen zu schreiben* (въ книгѣ *Die ruthenische Sprach- u. Schrift-Frage in Galizien*, Lemberg 1861); *Widok przemocy na slabą niewinnosc srogo wywartej, istorič. zapiski Feodosija Brodovica, archipresvit. gr. un. kapitula Luckago o sobytijach na Volynĕ i Podolju v 1789 g.* (Lvov 1861 — 61. 2 d); *Die Stadt Lemberg im J. 1809 unter österreich., poln. u. russischer Regierung. Tagebuch eines Augenzeugen* (1862 г). Въ настоящее время печатается большое собраніе *Народныхъ пѣсенъ галицкой и угорской Руси*, составленіемъ котораго Я. Ф. Головацкій занимался впродолженіи всей своей жизни. Наконецъ Я. Ф. трудился, по порученію Русскаго народнаго дома и Галицко-русской Матицы во Львовѣ надъ составленіемъ той этнографической коллекціи, которая представляла Галицію на Московской выставкѣ.

Въ послѣднее время Головацкій потерялъ мѣсто профессора во Львовскомъ Университетѣ вслѣдствіи происковъ галицкаго намѣстника графа Агенора Голуховскаго.

Объ этомъ обстоятельствѣ мы намѣрены распространиться здѣсь по подробнѣе. Въ прошломъ году на квартирѣ Якова Ѳедоровича Головацкаго произведенъ былъ полицейскій осмотръ, по поводу котораго во всѣхъ австрій-

скихъ газетахъ, особенно польскихъ и нѣмецкихъ, появились различные толки и соображенія, основанныя большей частію на ложныхъ данныхъ, или же на умышленныхъ искаженіяхъ истины и вслѣдъ за тѣмъ послѣдовала отставка почтеннаго профессора; а потому для многихъ будетъ интересно узнать съ надлежащею точностію какъ объ этомъ происшествіи, такъ о его поводахъ и послѣдствіяхъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Каѳедра русскаго языка и литературы въ Львовскомъ университетѣ издавна была ненавистна польской партіи въ восточной Галиціи, а ея представитель профессоръ Я. Ф. Головацкій былъ для рьяныхъ полономановъ солью въ глазахъ. По этой причинѣ они пытались подрыть этотъ столбъ русской народности въ Галиціи. Нападки на профессора Головацкаго начались еще съ 1853 и 54 годовъ. Съ той поры уже начальникъ края графъ Голуховскій сталъ чрезъ подвластныхъ ему чиновниковъ заявлять свое негодованіе на его литературную и учительскую дѣятельность. Тогда онъ отрѣшенъ былъ отъ преподаванія русскаго языка и литературы въ VII и VIII классахъ обѣихъ Львовскихъ гимназій и оставленъ только при университетѣ; предложенные имъ въ руководство учебники на русскомъ языкѣ по самымъ ничтожнымъ поводамъ отвергнуты министерствомъ и печатаніе ихъ не разрѣшено. Интрига и гоненія продолжали дѣйствовать все сильнѣе и настойчивѣе. Тогда былъ министромъ просвѣщенія графъ Тунъ, Славянинъ, но горячій католикъ; графу Голуховскому не трудно было при тогдашнихъ обстоятельствахъ подрыть довѣріе графа въ благонадежность русскихъ Галичанъ, что бы при организаціи школъ, стѣснивъ русскій языкъ въ самые узкіе предѣлы, дать польскому больше привслья. Чтобы дать какой нибудь вѣсъ своимъ подозрѣніямъ придумали новую ложь: будто бы русскій языкъ письменный или книжный, образовавшійся подъ вліяніемъ церковнославянскаго, не способенъ быть органомъ образованія народа, который будто бы не понимаетъ его, и по той причинѣ нужно совершенно отдѣлить русскій языкъ отъ церковно-славянскаго, разъединить школу отъ церкви—поднять мѣстное народное нарѣчіе на степень

письменнаго языка и развить его подъ вліяніемъ польскаго и чешскаго (!) до самостоятельнаго положенія, ибо развиваясь подъ вліяніемъ церковно-славянскаго онъ долженъ былъ слиться съ языкомъ великорусскимъ.

Опираясь на такое ученіе, Голуховскій успѣлъ заподозрить профессора Головацкаго, который въ преподаваніи держался исторически-сравнительнаго и этимологически-научнаго начала, чѣмъ онъ сознательно или безсознательно подготовлялъ сближеніе мѣстнаго книжнаго языка съ общерусскимъ. Министръ согласился на изслѣдованіе по этому предмету и графъ Голуховскій потребовалъ отъ профессора объясненія, по какимъ руководствамъ и въ какомъ направленіи онъ читаетъ свои лекціи и велѣлъ предложить себѣ даже самыя тетради и записки преподаваній. Профессоръ представилъ министру новѣйшій методъ языковѣдѣнія, по ученію Гумбольдта, Гримма, Шлейхера и Миклошича, провелъ аналогію въ изученіи языковъ и нарѣчій славянскихъ, и доказалъ убѣдительно, что этотъ методъ самый вѣрный и истинный и что къ научному изученію языка другой не возможенъ. Министръ долженъ былъ признать основательность метода и возвратилъ всѣ записки профессору назадъ. Однакоже чтобы угодить и кознодѣямъ министръ приказалъ, чтобъ профессоръ старался въ своихъ преподаваніяхъ доказывать самое близкое сходство мѣстнаго русскаго нарѣчія съ польскимъ и чешскимъ, а при сравненіи языковъ лишь тогда упоминалъ о *великорусскомъ*, когда можно доказать различіе его отъ другихъ славянскихъ нарѣчій, чтобы доказать, что чешскій и польскій языки ближе Галицко-русскому, чѣмъ великорусскій. Вотъ какъ понимается въ Австріи свобода обученія! Но довольно этой гадости! Въ концѣ концовъ профессоръ остался на своей каѳедрѣ побѣдителемъ! Не прошло года, Голуховскій затѣялъ новыя козни: онъ составилъ проектъ, чтобы вмѣсто до сихъ поръ употребляемой кирилицы непремѣнно завести въ письменности Галицко-русской *латинку*. Профессоръ Головацкій былъ призванъ къ содѣйствію въ коммиссіи назначенной Голуховскимъ для осуществленія этого проекта. И ему досталась незавидная

роль ободрять слабодушныхъ, просвѣщать невѣдущихъ, а враговъ поражать. Дѣло велось продолжительное время, такъ что изъ этихъ споровъ изустныхъ и письменныхъ выросла цѣлая книга (Die ruthenische Sprach- u. Schriftfrage Lemb. 1861), къ которой мы и должны отослать любознательнаго читателя. Тогда Голуховскій опять предлагалъ министерству, что профессора Головацкаго нужно непремѣнно отрѣшить отъ его мѣста. Но кратковременное министерство Голуховскаго кончилось, его власть исчезла, его козни уничтожились. Нельзя было подрыть профессора Головацкаго правительственною властью, стали дѣйствовать на неопытное юношество: Поляки воздвигли и поддерживали украйнофиловъ и нигилистовъ; посыпались клеветы со стороны Поляковъ и полякующихъ въ „Метѣ“ и другихъ журналахъ даже нѣмецкихъ, чтобы поднять противъ профессора его слушателей. Но и то не удалось: исключая немногихъ бездарностей, всѣ слушатели остались вѣрны своему наставнику. „Мета“ упала и украйнофилы исчезли, какъ снѣгъ весной: и стало опять тихо и уютно. Но лишь только Голуховскій снова получилъ власть, начались опять новыя гоненія и напасти. „*Gazeta Narodowa*“ опять принялась за свой запасъ наглыхъ клеветъ, ложныхъ доносовъ, злобныхъ подстреканій. Голуховскій пытался отстранить профессора Головацкаго прямо безъ всякихъ поводовъ и причинъ, какъ отстраняетъ неприятныхъ ему чиновниковъ, но министръ Белькреди, по внушеніямъ свыше, воспротивился тому; ибо профессору нельзя такъ сказать, какъ напр. Голуховскій сказалъ секретарю Вацлю: „Sie sind ein Schmerlingianer, ich kann Sie nicht brauchen,“ и отрѣшилъ его безъ всякихъ причинъ. Посыпались подозрѣнія на профессора и поводомъ къ нимъ были письма изъ Россіи, въ коихъ разспрашивали Головацкаго о гимназическихъ учителяхъ, которые соглашались поступить на должность въ царство Польское. И по такому ничтожному поводу Голуховскій произвелъ *противузаконно* ревизію въ домѣ профессора. И затрубили опять „*Gazeta Norodowa*, *Czas*, *Dziennik Poznański* и полякующіе *Wanderer*, *Debatte*, и др. объ открытіи панславистическаго заговора, о роспи-

скахъ на 5000 рублей Московскихъ и тому подобныя лжи. Между тѣмъ въ бумагахъ Головацкаго нашли самую невинную литературную корреспонденцію. Голуховскій думалъ передать дѣло въ уголовный судъ, а профессора запереть на Рождественскія святки въ тюрьму, не смотря на то что во всей исторіи этой нечего было разсматривать даже дисциплинарному суду. Полицмейстеръ побоялся отвѣтственности, отослалъ дѣло Голуховскому въ намѣстничество, ибо все и ревизія, и начатый, но недоконченный допросъ были противузаконнымъ дѣйствіемъ. Законъ гласитъ (Gesetz zum Schutze des Hausrechtes 27 Oct. 1862) § 1. Eine Hausdurchsuchung, d. i. die Durchsuchung der Wohnung o. sonstiger zum Hauswesen gehörigen Räumlichkeiten darf in der Regel nur Kraft eines *mit Gründen versehenen richterlichen Befehles* unternommen werden. Dieser Befehl ist dem Berechtigten sogleich oder doch inerhalb der nächsten 24 Stunden zuzustellen. Ничего подобнаго не было въ дѣлѣ Головацкаго. Даже въ § 3, говорится zum Behufe der *polizeilichen* und finanziellen Aufsicht dürfen von den Organen derselben Hausdurchsuchungen nur in den *durch das Gesetz bestimten Fällen* vorgenommen werden. Iedoch *gelten auch hier die Vorschriften* des vorhergehenden Paragraphes bezüglich der *Ermächtigung* zur Hausdurchsuchung und der *Bescheinigung* über derenVornahme. Слѣдовательно и этотъ параграфъ былъ нарушенъ. Головацкій подалъ жалобу на такія противузаконности и оскорбленія права въ министерство, которую академическій сенатъ, состоящій по большей части изъ Нѣмцевъ поддержалъ, но Голуховскій воспользовался еще послѣдними дыханіями умирающаго министерства и графъ Бельквреди подписалъ декретъ, которымъ лишилъ профессора должности и жалованья и кромѣ того приказалъ академическому сенату произвесть дисциплинарное разслѣдованіе. Академическій сенатъ сначала отказывался по причинѣ неимѣнія достаточныхъ поводовъ, но наконецъ принялся за дѣло разслѣдованія и оказалось, что академическій сенатъ долженъ былъ признать произведенную у профессора ревизію противузаконною и заявить, что не только въ бумагахъ и всемъ поведеніи Головац-

каго не нашлось ничего виновнаго, но кромѣ того академическій сенатъ убѣжденъ, что профессоръ Головацкій во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ былъ правъ. Слѣдовательно весь задуманный противъ него процессъ былъ интригой. Но между тѣмъ профессоръ Головацкій все таки остался безъ мѣста, хотя въ послѣдствіи и назначена ему небольшая пенсія.

5. *Іосифъ Николаевичъ Ливчакъ*, молодой русскій писатель изъ Галиціи, ставшій извѣстнымъ не только на своей родинѣ, но и во всей Россіи изданіемъ юмористической газеты *Страхопудъ* и литературно иллюстрированной газеты *Золотая Грамота*. Въ настоящее время онъ предпринимаетъ изданіе обще-славянской газеты на русскомъ языкѣ въ Вѣнѣ *Славянская Заря*.

6. *Евгеній Осиповичъ Павлевичъ* — молодой адвокатъ изъ Львова.

7. *М. В. Молчанъ* — консисторіальный нотарій Пряшевской уніатской эпархіи въ сѣверной Венгріи, приславшій въ даръ на выставку прекрасное собраніе фотографій большаго формата, изображающихъ венгерскихъ Русскихъ.

IV. Словаки.

8. *Андрей Андреевичъ Радлинскій*, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ церковныхъ и педагогическихъ писателей не только въ чешско-словацкой, но и въ русской литературѣ. По происхожденію *Полякъ* (Радолинскій, герба Лещичъ), онъ рано разошелся съ своими соплеменниками какъ въ политическихъ, такъ и въ литературныхъ убѣжденіяхъ. Еще смолоду получилъ онъ мѣсто священника въ Остригомскомъ (Gran) архіепископствѣ и издалъ въ 1840 году не малую книгу подъ заглавіемъ: *Набожныя изліянія*—Nábožné výlevy srdce Katolického krestana; второе изданіе въ Вѣнѣ 1850; 567 ст.). Въ 1845 году онъ издалъ большую проповѣдь *О пути къ благочестію* на словацкомъ нарѣчіи (V Báňske Štávnici). Съ 1850 года онъ начинаетъ издавать простонародный церковный журналъ подъ заглавіемъ *Cyrill a Metod*, который хотя и съ перерывами продолжаетъ выходить и до сихъ поръ. Этотъ журналъ сопровождался многими приложеніями. Такъ въ 1852 и 1853 гг. выходило *Собраніе проповѣдей*; съ 1852 по 1856 годъ, *Простонародная библіо-*

тека педагогическаго содержанія; въ 1856 и 1857 гг. *Просто народный календарь*; съ 1857 года газета *Пріятель школы и литературы*, получившая въ 1863 году другое названіе: *Словесность*. Всѣ эти изданія, принадлежащія словацкой литературѣ, сдѣлали однакожъ имя А. А. Радлинскаго общеизвѣстнымъ во всей сѣверной Венгріи какъ между Словаками, такъ и между Русскими. Его извѣстность между послѣдними особенно упрочилась съ 1851 года, когда онъ сталъ печатать проповѣди въ своемъ журналѣ и на русскомъ языкѣ. Но при первомъ же извѣстіи объ этомъ изданіи на Радлинскаго посыпались упреки и запросы, преимущественно со стороны Поляковъ: какимъ образомъ, онъ человѣкъ не русскаго племени и священникъ латинскаго обряда, принялся за изданіе русскихъ проповѣдей? Въ слѣдующемъ году Радлинскій издалъ первый томъ своего *Собранія русскихъ проповѣдей* (въ Будѣ) и въ предисловіи къ нему (стр. XI) такъ отвѣчалъ на эти запросы: По истинѣ я по имени и по происхожденію отъ моихъ прародителей Полякъ, но по рожденію и отечеству Словакъ, и духомъ Словянинъ въ настоящемъ смыслѣ. Какъ Словакъ, вѣрный моему роду, усовершился я въ нарѣчіи словацкомъ, а какъ настоящій Славянинъ ознакомился я со всѣми славянскими нарѣчіями, преимущественно съ русскимъ языкомъ, въ которомъ я замѣтилъ всю славянскую подлинность, точность, опредѣленность, сжатость и полнозвучность какъ въ самыхъ словахъ, такъ формахъ и слогѣ, чему подобнаго не нашелъ я въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. А потому могу основательно заключать, что, если надобно Славянамъ приближаться къ единству литературному, это единство возможно токмо при согласномъ стремленіи Славянъ къ оному источнику славянской литературы. Вслѣдствіе сего передался я преимущественно изученію русскаго языка, въ которомъ нахожу богатую сокровищницу для образованія духа и наслажденія умственной жизни.“ Изданіе русскихъ проповѣдей А. А. Радлинскаго сопровождалось русско-всеславянскимъ словаремъ. Кромѣ сочиненій духовнаго содержанія Радлинскій издавалъ также: *Словацкую грамматику*, (на нѣмецкомъ

языкѣ); *Правила словацкаго правописанія* (имѣло два изданія); *Объ устройствѣ гимназій и реальныхъ школъ* и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ редакторомъ *Земскихъ законовъ* Венгріи въ словацкомъ текстѣ.

9. Докторъ правъ *Янъ Есенскій*, адвокатъ изъ мѣстечка Святаго Мартина въ Турчанской столицѣ (комитатѣ).

10. Докторъ *Павелъ Мудронь*, адвокатъ оттуда же.

V. Чехи.

11. *Палацкій, Франтишекъ.* Онъ родился 14-го іюня 1798 г. въ деревнѣ Годславицахъ, на Моравѣ (Преровскаго округа), отъ мѣстнаго учителя Юрія Палацкаго и Анны Крживановой. Въ XVI вѣкѣ упоминаются предки Палацкаго, какъ преданные члены евангелическаго братства. Воспитанный въ духѣ евангелическаго исповѣданія, Палацкій еще шестилѣтнимъ мальчикомъ прочелъ Библію. Отецъ перевелъ его на ученье въ Пресбургъ. Здѣсь чтеніе сочиненій Юнгмана и *Лабиринта свѣта* Коменскаго впервые зародили въ Палацкомъ любовь къ родному языку. Уже двадцати лѣтъ отъ роду издалъ онъ въ дружескомъ сотовариществѣ съ Шафарикомъ *Начатки чешской просодіи* (Пресбургъ, 1818), въ которыхъ обнаружилъ взглядъ на родной языкъ совершенно независимый отъ уроковъ своего наставника, Словака Палковича. Кромѣ того, пребываніе въ Пресбургѣ было ознаменовано для Палацкаго связью съ Гроссомъ, у котораго онъ учился классической филологіи, философіи и эстетикѣ. Окончивъ курсъ наукъ въ Пресбургѣ, Палацкій принужденъ былъ жить домашнимъ учителемъ въ нѣсколькихъ семействахъ; съ сыновьями одного изъ этихъ семействъ онъ долженъ былъ отправиться въ Вѣну, гдѣ и сблизился съ Добровскимъ, тогда писавшимъ свои *Institutiones linguae slavicae*, и Копитаромъ. Скопивъ небольшой капиталъ этою частною дѣятельностію, Палацкій въ 1823 году избралъ своимъ мѣстопребываніемъ Прагу. Среди всеобщаго упадка и безсилія народныхъ дѣятелей въ Прагѣ, онъ обратилъ всѣ свои усилія на то, чтобъ отвратить чешскихъ литераторовъ отъ безплодныхъ споровъ объ орѳографическихъ

тека педагогическаго содержанія; въ 1856 и 1857 гг. *Просто народный календарь*; съ 1857 года газета *Пріятель школы и литературы*, получившая въ 1863 году другое названіе: *Словесность*. Всѣ эти изданія, принадлежащія словацкой литературѣ, сдѣлали однакожъ имя А. А. Радлинскаго общеизвѣстнымъ во всей сѣверной Венгріи какъ между Словаками, такъ и между Русскими. Его извѣстность между послѣдними особенно упрочилась съ 1851 года, когда онъ сталъ печатать проповѣди въ своемъ журналѣ и на русскомъ языкѣ. Но при первомъ же извѣстіи объ этомъ изданіи на Радлинскаго посыпались упреки и запросы, преимущественно со стороны Поляковъ: какимъ образомъ, онъ человѣкъ не русскаго племени и священникъ латинскаго обряда, принялся за изданіе русскихъ проповѣдей? Въ слѣдующемъ году Радлинскій издалъ первый томъ своего *Собранія русскихъ проповѣдей* (въ Будѣ) и въ предисловіи къ нему (стр. XI) такъ отвѣчалъ на эти запросы: По истинѣ я по имени и по происхожденію отъ моихъ прародителей Полякъ, но по рожденію и отечеству Словакъ, и духомъ Словянинъ въ настоящемъ смыслѣ. Какъ Словакъ, вѣрный моему роду, усовершился я въ нарѣчіи словацкомъ, а какъ настоящій Славянинъ ознакомился я со всѣми славянскими нарѣчіями, преимущественно съ русскимъ языкомъ, въ которомъ я замѣтилъ всю славянскую подлинность, точность, опредѣленность, сжатость и полнозвучность какъ въ самыхъ словахъ, такъ формахъ и слогѣ, чему подобнаго не нашелъ я въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. А потому могу основательно заключать, что, если надобно Славянамъ приближаться къ единству литературному, это единство возможно токмо при согласномъ стремленіи Славянъ къ оному источнику славянской литературы. Вслѣдствіе сего передался я преимущественно изученію русскаго языка, въ которомъ нахожу богатую сокровищницу для образованія духа и наслажденія умственной жизни.“ Изданіе русскихъ проповѣдей А. А. Радлинскаго сопровождалось русско-всеславянскимъ словаремъ. Кромѣ сочиненій духовнаго содержанія Радлинскій издавалъ также: *Словацкую грамматику*, (на нѣмецкомъ

языкѣ); *Правила словацкаго правописанія* (имѣло два изданія); *Объ устройствѣ гимназій и реальныхъ школъ* и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ редакторомъ *Земскихъ законовъ* Венгріи въ словацкомъ текстѣ.

9. Докторъ правъ *Янъ Есенскій*, адвокатъ изъ мѣстечка Святаго Мартина въ Турчанской столицѣ (комитатѣ).

10. Докторъ *Павелъ Мудронь*, адвокатъ оттуда же.

V. Чехи.

11. *Палацкій, Франтишекъ.* Онъ родился 14-го іюня 1798 г. въ деревнѣ Годславицахъ, на Моравѣ (Преровскаго округа), отъ мѣстнаго учителя Юрія Палацкаго и Анны Кржижановой. Въ XVI вѣкѣ упоминаются предки Палацкаго, какъ преданные члены евангелическаго братства. Воспитанный въ духѣ евангелическаго исповѣданія, Палацкій еще шестилѣтнимъ мальчикомъ прочелъ Библію. Отецъ перевелъ его на ученье въ Пресбургъ. Здѣсь чтеніе сочиненій Юнгмана и *Лабиринта свѣта* Коменскаго впервые зародили въ Палацкомъ любовь къ родному языку. Уже двадцати лѣтъ отъ роду издалъ онъ въ дружескомъ сотовариществѣ съ Шафарикомъ *Начатки чешской просодіи* (Пресбургъ, 1818), въ которыхъ обнаружилъ взглядъ на родной языкъ совершенно независимый отъ уроковъ своего наставника, Словака Палковича. Кромѣ того, пребываніе въ Пресбургѣ было ознаменовано для Палацкаго связью съ Гроссомъ, у котораго онъ учился классической филологіи, философіи и эстетикѣ. Окончивъ курсъ наукъ въ Пресбургѣ, Палацкій принужденъ былъ жить домашнимъ учителемъ въ нѣсколькихъ семействахъ; съ сыновьями одного изъ этихъ семействъ онъ долженъ былъ отправиться въ Вѣну, гдѣ и сблизился съ Добровскимъ, тогда писавшимъ свои *Institutiones linguae slavicae*, и Копитаромъ. Скопивъ небольшой капиталъ этою частною дѣятельностію, Палацкій въ 1823 году избралъ своимъ мѣстопребываніемъ Прагу. Среди всеобщаго упадка и безсилія народныхъ дѣятелей въ Прагѣ, онъ обратилъ всѣ свои усилія на то, чтобъ отвратить чешскихъ литераторовъ отъ безплодныхъ споровъ объ орфографическихъ

подробностяхъ и направить ихъ силы на болѣе существенныя потребности современности. Сношеніями своими съ лучшими фамиліями Чехіи онъ воспользовался, чтобы убѣдить чешскихъ аристократовъ въ возможности воскресить чешскую народность. Плодомъ этихъ усилій явился музей съ двумя періодическими изданіями, нѣмецкимъ и чешскимъ. Редакторомъ ихъ сталъ Палацкій съ перваго же года ихъ появленія (1827). Это положеніе дало ему неограниченное вліяніе на литературные интересы возникающаго языка, и онъ былъ достоинъ такого положенія: когда, по зависти и раздраженію оставляли его сотрудники, онъ наполнялъ страницы обоихъ изданій цѣнными статьями своего сочиненія. 1827 годъ былъ и помимо этого рѣшительнымъ въ жизни Палацкаго: въ этомъ году онъ женился на Терезѣ, дочери доктора Мѣхуры, и получилъ приглашеніе къ продолженію *Хронологической исторіи Богеміи* Бубички. Послѣднее подало поводъ, при содѣйствіи высшаго бургграфа гр. Хотка и гр. Каспара Штернберга, къ учрежденію званія земскаго исторіографа, которымъ и былъ облеченъ Палацкій, съ содержаніемъ въ 1,000 гульденовъ, несмотря на соперничество Горкаго и недоброжелательство высшаго канцлера графа Зоурау. Неутомимые труды Палацкаго по отечественной исторіографіи съ этого времени прерывались лишь частыми поѣздками въ Италію, къ которымъ, впрочемъ, его побуждали на столько же его ученыя занятія, на сколько и не здоровье его супруги. Двойной рядъ томовъ (нѣмецкій и чешскій) его *Исторіи чешскаго народа* доведенъ до династіи Габсбурговъ. Въ промежуткахъ Палацкій издалъ не мало ученыхъ монографій, каковы: *Оцѣнка историческихъ писателей древне-чешскихъ* (увѣнчанная премией), *Путешествіе въ Италію* и пр. Политическія бури 1848 года всего болѣе способствовали тому, что въ Палацкомъ созрѣла та политическая программа, которую онъ тогда же начертилъ весьма ясно и отъ которой не отступалъ ни на шагъ, программа конституціоннаго федерализма и автономіи народностей, соединенныхъ подъ скипетромъ австрійскаго императора. Приглашенный на франкфуртскій сеймъ, Палацкій отказался явиться на немъ. Свой

письменный отказъ онъ опубликовалъ тогда же. Всего злѣе отозвались на этотъ рѣшительный шагъ Палацкаго вѣнскіе демагоги, готовившіе ему даже насильственную смерть отъ руки наемнаго убійцы. Несмотря на всеобщее раздраженіе, правительство двукратно предлагало Палацкому портфель министерства просвѣщенія. Оба раза онъ отклонилъ отъ себя выборъ, по несогласію съ основными воззрѣніями министра Пиллерсдорфа. Въ государственный совѣтъ онъ былъ избранъ отъ шести городовъ и принялъ выборъ пражскаго Новаго Мѣста. Правительственная реакція (1848—1849 годовъ) застала его уже за усиленными занятіями отечественною исторіографіей, которыя онъ продолжаетъ доселѣ, живя отчасти въ Прагѣ, отчасти въ Малечѣ, имѣніи зятя его Ригера, отчасти въ Лобковицахъ, помѣстьѣ, унаслѣдованномъ его сыномъ Яномъ отъ покойной матери *).

12. *Палацкій Янъ*, сынъ Франтишка, родился въ 1830 году. Онъ нынѣ преподаетъ сравнительную географію въ пражскомъ университетѣ. Ученая дѣятельность его относится преимущественно къ метеорологіи и ботанической географіи (Pflanzengeographische Studien и пр.). Изъ сочиненій политическаго содержанія ему принадлежитъ брошюрка: *Skizzen aus Böhmen*, гдѣ онъ проводилъ мысль, что Богемія всегда была и должна остаться достояніемъ Чеховъ. Брошюра эта надѣлала въ свое время не мало шума; ибо была посвящена извѣстному прусскому историку Зибелю и вызвала объясненія со стороны послѣдняго.

13. *Ригеръ, Франтишекъ-Владиславъ*, родившись 10-го декабря 1818 года въ Семиляхъ, отъ зажиточнаго мельника, воспитывался сначала въ Высокомъ, въ Шумбургѣ, въ Ичинѣ. Высшіе гимназическіе классы прошелъ онъ въ академической гимназіи въ Прагѣ, послѣ чего поступилъ въ университетъ тамъ же. По окончаніи философскихъ занятій, Ригеръ перешелъ къ юридическимъ. Еще въ періодъ своего

*) Палацкій писалъ очень много. Подробную біографію его можно найдти въ *Современной Лѣтописи* за 1865 годъ въ №№ 30 и 32; срав. также №№ 17 и 18.

студенчества, Ригеръ принималъ участіе въ литературномъ развитіи роднаго языка. Изъ двухъ литературныхъ партій, классической Челяковскаго и романтической Тыля, имѣвшихъ своими органами газеты „Вчела“ и „Квѣты“, Ригеръ примкнулъ къ послѣдней и на страницахъ „Квѣтовъ“ тогда еще стали появляться произведенія его юнаго вдохновенія. Пробывъ годъ въ Вѣнѣ и сблизившись тамъ со многими товарищами-соплеменниками (Хорватами, Русскими), онъ возвратился снова въ Прагу. Онъ и его юные друзья-патріоты оскорблялись до глубины души всеобщимъ презрѣніемъ къ родной рѣчи: никто не смѣлъ публично говорить по-чешски, не подвергая себя опасности личныхъ оскорбленій и насмѣшекъ. Онъ ободрилъ молодежь, и безъ того съ трудомъ умѣрявшую свои народныя чувства, открывъ, при содѣйствіи Тыля, Пикля, Шумавскаго, литературные вечера, балы съ характеромъ народнымъ, освобождавшіе молодежь хотя на время отъ тягостныхъ узъ моды и предубѣжденія. Эти завоеванія стоили Ригеру много борьбы и съ предразсудками общества, и съ рвеніемъ полиціи пражской, во главѣ которой стоялъ въ то время свирѣпый ненавистникъ славянской народности, городской гауптманъ Мутъ. По окончаніи четвертаго курса юридическихъ наукъ, Ригеръ вступилъ на службу при уголовномъ судѣ; но вскорѣ, неосновательно заподозрѣнный въ сношеніяхъ съ однимъ Полякомъ, компрометтированнымъ въ глазахъ правительства, былъ подверженъ слѣдствію и аресту (1842). Оправданный, онъ навсегда оставилъ государственную службу и предался безраздѣльно народному дѣлу. Продолжая дѣйствовать въ прежнемъ направленіи, онъ старался объ основаніи народныхъ библіотекъ, читаленъ, клуба, гдѣ бы какъ чешская, такъ и инославянская молодежь, живущая въ Прагѣ, могла воспитывать свое народное чувство чтеніемъ журналовъ, газетъ и художественныхъ произведеній роднаго слова. Усилія Ригера въ этомъ направленіи увѣнчались въ 1846 году составленіемъ комитета о народномъ театрѣ. Здѣсь впервые сошлись на одной мысли представители и аристократіи, и именитаго гражданства, и литераторовъ. Предсѣдалъ гр. Матвѣй Тунъ; велъ протоколъ

по-чешски секретарь комитета Ригеръ. Съ этихъ поръ Ригеръ не оставлялъ своимъ усердіемъ и заботами народнаго театра. Къ тому же времени относятся заботы Ригера объ основаніи „Промышленнаго Общества" со школою; но намѣренная медлительность правительства отсрочила исполненіе его проекта до 1848 года. Въ 1847 году разстроенное здоровье заставило Ригера предпринять путешествіе въ Италію. Въ Римѣ и Неаполѣ Ригеръ былъ свидѣтелемъ первыхъ движеній революціи. Дальнѣйшее путешествіе Ригера было пріостановлено извѣстіями о мартовскомъ движеніи въ Прагѣ и Вѣнѣ. Онъ поспѣшилъ въ Прагу, и уже въ Вѣнѣ встрѣтился съ чешскою депутаціей, ходатайствовавшею у министра Пиллерсдорфа объ автономическихъ учрежденіяхъ для Чехіи. Здѣсь началъ Ригеръ свою политическую дѣятельность, которую неослабно продолжаетъ и доселѣ. Участвуя въ вѣнскихъ конференціяхъ, онъ въ то же время возбуждалъ прокламаціями въ Моравіи чувство единенія съ Чехами. Въ созванномъ въ тѣ дни славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ, Ригеръ былъ дѣятельнѣйшимъ противникомъ франкфуртскихъ стремленій и защитникомъ политической автономіи короны чешской. Въ инспрусскомъ сеймѣ, Ригеръ, наряду съ гр. Нostицемъ, былъ представителемъ стремленій чешской націи, и къ этому времени относятся его лучшіе политическіе мемуары „объ историческомъ правѣ Чехіи" и пр. Возвратившись въ Прагу, Ригеръ много способствовалъ ея успокоенію, хотя и не удалось ему своимъ посредничествомъ отклонить отъ нея мстительность кн. Виндишгреца. Между тѣмъ, въ Вѣнѣ партія демократовъ всѣми силами старалась заподозрить въ глазахъ народа убѣжденія Палацкаго и Ригера, разсѣвая о нихъ клеветы, какъ о союзникахъ аристократіи и духовенства. Мадьяры еще сильнѣе, и подкупами и ложью, старались уронить ихъ, предвидя въ нихъ опасныхъ противниковъ. Ихъ опасенія оправдались: дважды удалось пламенному краснорѣчію Ригера нанести существенный вредъ стремленіямъ Мадьяръ. Одною рѣчью, покрытою громкимъ одобреніемъ съ одной стороны и озлобленнымъ свистомъ съ другой, ему удалось настоять на томъ, что мадьярская депутація

не была допущена на сеймъ; другою онъ вынудилъ правительство послать бану Елачичу помощь войскомъ и деньгами, для успѣшнаго дѣйствія противъ мадьярскихъ инсургентовъ. Эти заслуги Ригера передъ правительствомъ были дурно награждены, какъ извѣстно реакція всего больнѣе отозвалась на Чехіи и Чехахъ. Затѣмъ въ годы политическаго затишья Ригеръ предпринималъ неоднократно путешествія въ Италію, Францію, Бельгію, Англію съ цѣлями научными. Плодомъ ихъ были сочиненія по народному хозяйству: *О значеніи нематеріальнаго труда въ народномъ хозяйствѣ (1850)*, *Отношеніе промышленности къ благосостоянію рабочаго класса (1860)* и пр. Съ оживленіемъ конституціонной жизни въ Австріи, съ 1860 года Ригеръ снова вступилъ на поприще политической дѣятельности. Какъ въ имперской думѣ, такъ и въ земскомъ сеймѣ пражскомъ онъ неослабно проводилъ, всѣми силами своего высокаго ораторскаго дарованія, мысли о необходимости самоуправленія въ отдѣльныхъ политическихъ единицахъ Австріи, о свободѣ слова и честномъ отношеніи къ праву и исторіи. Послѣдними политическими успѣхами Ригера можно назвать рѣчь о равноправности языковъ чешскаго и нѣмецкаго въ пражскомъ университетѣ на сеймѣ 1865—1866 года и заключительную рѣчь 1867 года. Какъ на незабвенный памятникъ энергіи Ригера на поприщѣ родной литературы слѣдуетъ указать на изданіе чешской энциклопедіи „Slovnik Naučny", которое состоялось подъ бдительнымъ надзоромъ Ригера и достигло въ настоящее время до слова „*Rusko*" *).

14. *Браунеръ Францишекъ*, родился въ Литомышли въ 1810 году. Былъ долгое время въ назначеніи то старшины, то судьи въ округахъ Фалкновскомъ и Влашимскомъ. Браунеръ пользуется огромнымъ авторитетомъ въ вопросахъ народнаго хозяйства (*Böhmische Bauernzustände*. Wien, 1847; *O robote a vykoupení se z roboty*. v Praze 1848). Его вліянію на земледѣльческій классъ Чехіи удалось утишить апрѣльское волненіе 1848 года. Онъ подпалъ однако подъ воен-

*) Болѣе подробную біографію Ригера можно найдти въ *Отечественныхъ Запискахъ* за 1867 годъ, въ № 9.

ный судъ какъ членъ „Народнаго Выбора“ (народнаго комитета). Заключенный Браунеръ былъ освобожденъ, уже какъ членъ имперской думы, избранный общиной Пржештицкою. На засѣданіяхъ вѣнскаго парламента его рѣчи объ отмѣнѣ обязательнаго труда имѣли большое значеніе. Съ тѣхъ поръ Браунеръ занимается адвокатурой въ Прагѣ, въ имперской же думѣ принадлежитъ къ правой сторонѣ, которая руководствуется федеральною программой Палацкаго.

15. *Ербенъ Карлъ Яромiръ*, городской архиварiусъ въ Прагѣ, родился въ Милетинѣ въ 1811 году, воспитывался въ Кралевоградецкой (Кёниггрецкой) гимназiи и Пражскомъ университетѣ. Будучи еще въ гимназiи, Ербенъ прiобрѣлъ извѣстность въ кружкѣ молодыхъ литераторовъ, которые встрѣтили его въ Прагѣ какъ уже знакомаго. Познакомившись съ Палацкимъ, онъ, помимо своей службы при уголовномъ судѣ и по фиску, усердно помогалъ знаменитому историку въ собиранiи архивныхъ актовъ, какъ въ Прагѣ, такъ и въ другихъ городахъ Чехiи. Многiе изъ этихъ матерiяловъ были напечатаны въ *Чешскомъ Архивѣ* Палацкаго. Въ 1848 году, какъ членъ „Народнаго Выбора,“ онъ былъ посланъ въ Загребъ съ обязанностью извѣщать о дѣйствiяхъ хорватскаго сейма. При изданiи нѣкоторыхъ законодательныхъ актовъ, Ербенъ много способствовалъ исправленiю чешской юридической терминологiи. Свой вѣнецъ имѣла архивная дѣятельность Ербена въ устройствѣ городскаго Пражскаго архива, которое предпринялъ онъ въ качествѣ городскаго архиварiуса. Литературная дѣятельность его весьма обширна: онъ писалъ и мелкiя стихотворенiя и драмы, издавалъ *Pražske Noviny* и пр. Его ученая дѣятельность была преимущественно обращена къ изученiю народной поэзiи, чешской въ особенности и славянской вообще, а также миѳологiи и сторiи народа чешскаго (*Regesta Bohemorum*; статьи въ *Музейникѣ*), его литературы (*Vybor*, чешская хрестоматiя), исторiи города Праги (*die Primatoren*, бiографическiе очерки старшинъ Праги). Послѣднее произведенiе плодовитаго пера Ербена есть изящный и вѣрный переводъ нашего Нестора, испол-

ненный имъ ко времени открытія Московской этнографической выставки и посвященный ея почетному президенту, Великому Князю Владиміру Александровичу. Наконецъ мы должны сказать здѣсь, что самая выставка обязана Ербену группою Чеховъ изъ окрестностей городовъ Домажлицъ и Пильзена.

16. *Вртятко Антонинъ,*—бывшій воспитатель въ графскомъ семействѣ Гарраховъ, нынѣ библіотекарь Чешскаго музея, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ редакторъ журнала *Časopis Českého Musea, Часопись Чешскаго музея.* Кромѣ фотографическаго снимка Краледворской рукописи съ своимъ предисловіемъ, Вртятко издалъ переводъ нѣкоторыхъ сочиненій Аристотеля, библейскіе апокрифы въ древнечешскомъ переложеніи и пр. Статьи Вртятка въ *Музейникѣ* относятся преимущественно до философіи и ея исторіи.

17. *Гамерникъ Іосифъ,* извѣстный медикъ, ученикъ Рокитанскаго и Шкоды и учитель Гиртля. Научное образованіе свое Гамерникъ получилъ въ Вѣнѣ, подъ руководствомъ помянутыхъ ученыхъ. Возвратясь изъ Вѣны въ 1837 году въ Прагу, Гамерникъ рано обратилъ на себя вниманіе клиническихъ профессоровъ, которые, при всемъ различіи ихъ воззрѣній отъ ученія Рокитанскаго, часто обращались къ молодому Гамернику за совѣтами какъ въ случаяхъ терапевтическихъ, такъ и въ вопросахъ патологической анатоміи. Приверженцы стараго ученія, признавая ученость и дарованія Гамерника, не хотѣли удѣлить ему мѣста въ госпиталѣ, которое могло бы содѣйствовать его успѣхамъ въ новой медицинской наукѣ. Онъ съ горестью удалился изъ Праги, сначала въ Таборъ, потомъ въ Будейовицы (Будвейсъ), гдѣ занимался съ большимъ успѣхомъ лѣчебною практикой, пока письмо Шкоды не увѣдомило его, что въ Прагѣ ожидаетъ его мѣсто секундарнаго врача въ госпиталѣ. Въ этомъ званіи Гамерникъ открылъ два курса патологіи: одинъ въ общемъ госпиталѣ, другой — въ военномъ. Курсъ его былъ прерванъ декретомъ, лишавшимъ его права преподавать съ угрозой лишенія докторскаго диплома. Но благодаря усиліямъ референта при министерствѣ народнаго

просвѣщенія Надгернаго (Nadherný), Гамерникъ былъ возстановленъ на каѳедрѣ и вскорѣ былъ возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора для грудныхъ болѣзней. Въ 1849 году Гамерникъ былъ лишенъ каѳедры министромъ графомъ Львомъ Туномъ, за публичное выраженіе неуваженія къ католической вѣрѣ. Въ 1855 году онъ получилъ приглашеніе на каѳедру практической медицины въ Сентъ-Луисѣ въ Сѣверной Америкѣ, которое, впрочемъ, отклонилъ отъ себя. Въ 1848 году Гамерникъ былъ избранъ въ имперскій сеймъ; въ земскихъ сеймахъ 1861 и слѣдующихъ годовъ онъ былъ представителемъ города Табора. Принадлежитъ къ партіи федералистовъ.

18. *Докторъ Скрейшовскій* — пражскій публицистъ и владѣлецъ типографіи, братъ издателя извѣстной пражской газеты *Politik*, начавшей выходить въ послѣдней четверти 1861 года. Послѣ битвы при Садовой (въ сентябрѣ 1866 г.) на страницахъ *Politik* было дано мѣсто длинному ряду пылкихъ передовыхъ статей о политической судьбѣ Польши, гдѣ указывалось на необходимость поднять польскую національность, какъ первенствующую, по своей цивилизаціи, между католическими Славянами, и сдѣлать ее центромъ славянской федераціи въ Австріи. Въ послѣднее время газета *Politik* стала иначе смотрѣть на дѣло и почти раздѣляетъ мнѣнія газеты *Národní Listy*.

19. *Грегръ Юлій*, докторъ правъ, родился въ 1831 года, издатель газеты *Národní Listy* съ 1861 года. Грегръ былъ неутомимымъ проповѣдникомъ федерализма, и въ своемъ рвеніи не разъ жертвовалъ и состояніемъ, и личною свободой за стойкость убѣжденій и прямоту слова. Знаменитъ его іюльскій процессъ 1862 года, по которому онъ былъ лишенъ редакторства, докторскаго диплома и приговоренъ къ четырехмѣсячному тюремному заключенію и пени въ 1.300 гульденовъ. Девяносто городовъ и 260 сельскихъ общинъ Чехіи прислали ему адресы съ выраженіемъ сочувствія. Послѣ многочисленныхъ овацій, высшій пражскій судъ продолжилъ срокъ его заключенія до 10 мѣсяцевъ и возвысилъ пеню до 3.000 гульденовъ. Газета его имѣла нѣсколько радикальный оттѣнокъ и сначала была дурно

расположена къ Россіи. Ея односторонности побудили Палацкаго и Ригера отдѣлиться отъ нея и основать новую газету *Národ*, которая впрочемъ существовала недолго. Въ новѣйшее время *Národní Listy* совершенно измѣнились и относится къ Россіи и Русскимъ благосклонно.

20. *Патера Адольфъ* родился въ Гуслицахъ, княжескомъ, владѣніи Фюрстенберга, ассистентъ при библіотекарѣ Чешскаго музея въ Прагѣ. Воспитывался въ Пражской богословской семинаріи. Горячая преданность народнымъ интересамъ и разработкѣ древней отечественной литературы рано склонила его къ вступленію въ философскій факультетъ Пражскаго Университета. Съ тѣхъ поръ безраздѣльно преданный занятіямъ славянскою филологіей, Патера не оставляетъ ни одного памятника древне-чешской литературы безъ внимательнаго изученія. Многочисленными занятіями Патера скопилъ большой матеріялъ, ожидающій своего издателя. Кромѣ того, дѣятельность Патеры направлена на упроченіе литературной взаимности между Славянами. Поддерживая связь съ литераторами хорватскими, словинскими и серболужицкими Патера особенно дѣятельно завязывалъ новыя сношенія съ русскими литераторами и учеными обществами. Многіе изъ русскихъ ученыхъ, посѣщавшихъ Прагу съ научными цѣлями, считаютъ себя обязанными теплою признательностью Патерѣ за упредительную услужливость, которую онъ оказывалъ имъ.

21. *Колярь Іосифъ* — профессоръ русскаго языка въ политихнической школѣ Пражской. Родился и воспитывался въ Ичинѣ. Пора студенчества Коляра и первые годы педагогической его дѣятельности были посвящены естествовѣденію. Позже занялся онъ изученіемъ славянскихъ нарѣчій и литературъ. Его дарованію чешская литература обязана многими художественными переводами изъ сербской народной поэзіи (съ хорватскаго онъ перевелъ поэму Мажуранича „Смерть Аги Ченгича“) и изъ произведеній русскихъ поэтовъ.

22. *Манесъ Гвидо* — членъ чешской семьи, давшей отечественному искусству пять талантливыхъ художниковъ. Онъ родился въ Прагѣ въ 1829 году. Свое природное дарованіе

развилъ онъ въ области жанра. Лучшими его произведеніями можно назвать слѣдующія двѣ картины: *Стоянка кирасировъ* и *Капуцинъ Гаспингеръ съ тирольскими волонтерами* (купленныя гр. Кламомъ-Галласъ). Кромѣ того, его живой кисти принадлежатъ: *Эпизодъ изъ тридцати-лѣтней войны*, *Опасенія хозяина* и пр. При живости и пламенномъ колоритѣ кисть Манеса отличается изяществомъ художественнаго исполненія. Онъ отлично пишетъ коней и другихъ животныхъ.

23. *Вавра Эммануилъ*, родился въ 1839 году, въ Прагѣ, и тамъ же получилъ образованіе въ технологическомъ институтѣ. Еще будучи студентомъ, онъ дѣятельно занимался изученіемъ славянскихъ языковъ и литературъ. Въ настоящее время онъ очень недурно говоритъ по русски, и притомъ съ настоящимъ русскимъ акцентомъ. Въ особенности онъ освоился съ русскимъ „литературнымъ" языкомъ, да и трудно было ему не освоиться съ нимъ, если принять въ разсчетъ, что, не смотря на свои молодые годы, онъ уже теперь можетъ назваться однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ переводчиковъ русскихъ литературныхъ произведеній на чешскій языкъ. Онъ перевелъ „Мертвыя души" Гоголя, „Обломова" Гончарова, „Повѣсти и разсказы" Тургенева, часть „Губернскихъ очерковъ" Щедрина, „Монастырку" Погорѣльскаго, нѣкоторыя изъ повѣстей Григоровича, графа Л. Н. Толстаго, Печерскаго, и др. Въ Россію онъ посланъ Обществомъ поощренія чешскихъ литераторовъ „Сватоборомъ", которое поручило ему спеціально изучить русскую литературную и общественную жизнь. Въ настоящее время, Вавра занимается составленіемъ русско-чешскаго словаря. Литературное поприще свое онъ началъ въ газетѣ *Hlas*. Когда эта газета прекратилась, сотрудники ея, почти въ полномъ составѣ, перешли въ редакцію газеты *Národní Listy*, а вмѣстѣ съ ними и Вавра.

24. *Черный*, *Томашъ*, родился въ Нимбургѣ, въ Чехіи, теперь живетъ въ Прагѣ, докторъ правъ, адвокатъ по уголовнымъ дѣламъ; одинъ изъ учредителей пражскаго юридическаго общества. Родился въ 1840 году. Онъ избранъ вице-президентомъ товарищества пражскихъ „Соколовъ,"

учрежденнаго, въ 1861 году. „Пражскіе Соколы“ — гимнастическое общество. Оно заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что въ недолгое время своего существованія уже успѣло принести немалую пользу не одному чешскому, но и вообще славянскому народному дѣлу. Начало обществу пражскихъ „Соколовъ,“ въ финансовомъ отношеніи, положилъ Фигнеръ, давшій на учрежденіе его капиталъ. Благодаря Фигнеру, общество помѣщается въ зданіи, которое, по отдѣлкѣ и принадлежностямъ, третье въ своемъ родѣ въ цѣлой Европѣ. Если же пражское общество стало однимъ изъ самыхъ популярныхъ и образцомъ для учрежденія прочихъ славянскихъ обществъ „Соколовъ,“ то это благодаря усиліямъ его нынѣшняго президента, д-ра Тирша. Въ настоящее время пражское общество считаетъ 600 членовъ, въ томъ числѣ не малую часть главныхъ представителей чешской народности. По образцу пражскаго, учреждены такія же общества въ другихъ городахъ Чехіи и Моравіи, также въ Львовѣ и Люблянѣ (Лайбахѣ). Названіе общества взято отъ птицы „Соколъ.“ Девизъ его — „*сомкнемся*“. При главныхъ вылетахъ (выѣздахъ) въ другіе города, „Соколы“ надѣваютъ одну общую одежду, напоминающую собою одежду русскаго крестьянина: красную рубашку, шапку и шаравары. Основная идея братствъ „Соколовъ“ — идея славянства и славянскаго соединенія. Уваженіе къ правамъ народнымъ и защита народности славянской — вотъ основы, на которыхъ создались какъ пражское, такъ львовское, люблянское и другія подобныя общества въ славянскихъ земляхъ.

25. *Ичинскій*, *Карлъ*, Докторъ правъ родился въ Карловомъ Тынѣ (*Karlstein*) 17-го мая 1831 года. Болѣе всего извѣстенъ своимъ сочиненіемъ: *О развитіи чешскаго права*, или *Vyvin českého právnictví, s obzvláštním ohledem na jeho zdroje* (въ Прагѣ, 1862). Кромѣ того помѣстилъ не мало статей какъ въ чешскихъ, такъ и въ нѣмецкихъ юридическихъ изданіяхъ.

26. *Баронъ Виллани*, *Драгутинъ Марія*, членъ куріи крупныхъ землевладѣльцевъ на земскомъ сеймѣ пражскомъ, гдѣ держится народной партіи и федеральной программы. Из-

вѣстенъ также какъ писатель: въ 1844, 1846, 1851 и 1862 онъ издалъ по выпуску своихъ стихотвореній, преимущественно пѣсенъ. Въ нынѣшнемъ году онъ издалъ комедію въ трехъ дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ: *Щедрый денъ* (*Štědry den*).

27. *Матушъ*, адвокатъ изъ Чехіи.

28. *Рогачекъ*, адвокатъ изъ Моравіи.

29. *Звържина*, архитекторъ.

30. *Миллеръ, Янъ Богуславъ*, преподаватель эстетики.

31. *Прудекъ*, докторъ правъ, изъ Моравіи.

32. *Топинка*, техникъ и фабрикантъ.

33. *Кубишта*, пражскій купецъ.

34. *Елинекъ*, пражскій купецъ, прибывшій въ Россію съ намѣреніемъ прожить въ ней не малое время.

35. *Гура*, секретарь магистрата въ одномъ изъ чешскихъ городовъ.

36. *Фуксъ*, членъ магистрата въ одномъ изъ моравскихъ городовъ.

37. *Кутскій*, волостной старшина въ одномъ изъ Ганацкихъ селеній въ Моравіи.

VI. Словенцы:

38. *Матія Маяръ*, родился въ 1809 году въ такъ называемой Зильской долинѣ въ Каринтіи. Это одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ между южными Славянами проповѣдниковъ славянской взаимности и братства и вмѣстѣ съ тѣмъ литературные труды его даютъ ему почетное мѣсто въ ряду южно-славянскихъ писателей. Въ продолженіи нѣсколькихъ десятилѣтій, занимая небогатое мѣсто приходскаго священника въ селѣ Горьяхъ, онъ пользуется обширнымъ вліяніемъ на Словенцевъ, живущихъ по сосѣдству съ итальянскою и нѣмецкою народностями. Лучшая изъ группъ въ Славянскомъ отдѣленіи этнографической выставки, изображавшая Словенскую свадьбу, была составлена имъ и описана во всей своей подробности. Мѣстная іерархическая власть не благосклонно отнеслась къ путешествію Маяра въ Россію: мѣстный епископъ отказалъ ему въ своемъ согласіи на это путешествіе. Можно опасаться, что Матію Маяра ожидаютъ на

родинѣ такія же гоненія отъ нѣмецкой партіи, какія онъ претерпѣлъ въ 1848 году. Тогда онъ былъ капеланомъ при каѳедральномъ соборѣ въ городѣ Цѣловцѣ (Klagenfurt), и во время всеобщаго движенія, объявшаго различные народы Австріи, составилъ знаменитые 8 параграфовъ для петиціи Словенцовъ на имя Императора, въ которыхъ было высказано требованіе чтобы для Словенской народности, раздѣленной между нѣсколькими провинціями, образована была особая область съ отдѣльнымъ сеймомъ. Нѣмецкая партія начала преслѣдовать Маяра за то, и ей удалось добиться удаленія его изъ города Цѣловца. Съ тѣхъ поръ Матія Маяръ сталъ трудиться на пользу духовнаго развитія своихъ соплеменниковъ и духовнаго единства ихъ съ остальными Славянами. Въ 1851 году онъ явился однимъ изъ основателей Общества Св. Могора (мѣстнаго патрона), задача котораго состоитъ въ изданіи и распространеніи между народомъ полезныхъ книгъ. Затѣмъ онъ сталъ издавать одну за другой слѣдующія книги: *Хорутанскія сказки*, *Народныя Словенскія пѣсни* съ напѣвами. *Примѣры Словенскаго Правописанія Латинкою и Кириллицей*; *Правила какъ изображать Иллирское нарѣчіе и вообще Славянскій языкъ*, съ приложеніемъ 1400 Иллирскихъ пословицъ, *Словенскую Грамматику*, *Хрестоматію* и другія книги для народнаго чтенія. Въ тоже время онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ многихъ южно-славянскихъ газетъ. Въ послѣднее время онъ издалъ: *Света брата Ціріл і Метод Славјанска Апостола*, *Тісучлѣтні спомѣн на лѣто 863*; *Спісал Матја Мајар Зільскі*, *В Златном Прагу 1864*. Вслѣдъ затѣмъ онъ издалъ: *Сравнительную Грамматику славянскихъ нарѣчій (1865)*. Теперь трудится надъ составленіемъ Русской грамматики для Словенцовъ. — Словомъ Матія Маяръ принадлежитъ къ числу тѣхъ Славянъ, которые отличаются между своими современниками примѣрною любовью ко всѣмъ славянскимъ племенамъ. Его не утомимое стремленіе, дѣятельность и заслуги на пользу единенія и сближенія различныхъ племенъ славанскихъ, посредствомъ общихъ грамматическихъ формъ и орѳографіи, будутъ съ благодарностью припоминать будущія поколѣнія не только

его соотечественниковъ, но и прочихъ Славянъ. Въ предисловіи къ одной изъ своихъ книгъ онъ прямо говоритъ, что имъ руководило желаніе доказать двѣ вещи: во первыхъ что всѣ нынѣшніе славянскіе языки и нарѣчія должны взаимно приближаться, а не отдаляться; во вторыхъ, отыскать способъ, какимъ должно передавать на письмѣ иллирскія нарѣчія, словенское, хорватское и сербское, дабы мало-помалу сблизить ихъ между собою. Въ 1857 году Маяръ помѣстилъ въ газетѣ *Novice* (№№ 43 46) статейку, подъ заглавіемъ *Наша Литература*, въ которой онъ подвергалъ подробному разбору вопросъ о томъ, отъ чего южно-славянскія литературы вообще и словенская въ особенности отличаются относительною бѣдностію. Главною причиной этой бѣдности въ статьѣ Маяра выставлена была литературная разрозненность южныхъ Славянъ. Четыре письменности: сербская, болгарская, хорватская и словенская, дѣлили умственныя силы южныхъ Славянъ, имѣли каждая своихъ немногочисленныхъ читателей и оставались другъ другу чуждыми. Почти ни одна книга, написанная на какомъ-либо изъ южно-славянскихъ нарѣчій, не находила себѣ достаточнаго числа читателей, которое могло-бы покрыть расходы на ея печатаніе. Прежде изданія каждой новой книги авторъ ея обыкновенно собиралъ предварительно подпищиковъ, которые хотя сколько-нибудь могли бы покрыть издержки печатанія. Единственнымъ средствомъ для успѣшнаго развитія южно-славянскихъ литературъ представлялось сближеніе ихъ между собой. Главнымъ и первымъ средетвомъ къ сближенію между южно-славянскими литературами Маяръ считалъ принятіе Хорватами и Словенцами кириллицы вмѣсто латинской азбуки. „Изученіе Кириллицы, говорилъ онъ Словенцамъ, не представляетъ большихъ трудностей для насъ. Четыре или пять буквъ, лишнихъ противъ латинской и греческой азбуки, легко запомнить. Бояться ихъ намъ нечего; вѣдь это не турецкіе янычары. Пускай наши Словенцы попробуютъ прочесть такимъ образомъ два, три нумера *Сербскаго Дневника* или *Седмицы*. Словаря при этомъ не надо: если и встрѣтится слово малопонятное или не вразумительное, то слѣдуетъ

только продолжать чтеніе, а изъ общаго хода рѣчи легко уже будетъ понять смыслъ загадочнаго слова. Такое чтеніе должно быть предпринимаемо цѣлыми кружками. При взаимной помощи легче будутъ даваться и самыя объясненія неупотребительныхъ у насъ словъ. Затѣмъ пусть каждый изъ научившихся читать по-сербски напишетъ кириллицей что-нибудь на словенскомъ нарѣчіи. Наконецъ получившіе опытность въ этомъ и успѣвшіе познакомиться съ свойствами сербскаго языка могутъ уже попытать свои силы для упражненій въ сербской литературѣ. Наша обязанность должна быть отнынѣ двоякаго рода: мы должны, съ одной стороны, приближаться къ сербско-хорватскому литературному языку, а съ другой принять кириллицу. Но и то и другое можетъ быть достигнуто только со временемъ, мало-по-малу: кто хочетъ написать что-либо кириллицей, пусть пишетъ на первыхъ порахъ на обще-доступномъ у насъ словенскомъ нарѣчіи; кто хочетъ писать по сербски, пусть пишетъ пока латинскою азбукой, понятною для всего нашего народа. Было бы не практично начать сразу писать и мало знакомымъ языкомъ, и неупотребительными письменами. Но во всякомъ случаѣ достиженіе указанной мною цѣли было бы величайшимъ счастіемъ для южныхъ Славянъ: число писателей увеличилось бы, число читателей еще болѣе; книги писались и раскупались бы охотнѣе, и литература сдѣлалась бы сильнѣе и обширнѣе. Не дадимъ же ни вѣры, ни мѣста предубѣжденіямъ людей враждебныхъ этому дѣлу, которые, кто по злобѣ, а кто и по невѣжеству, стараются посѣять сѣмена раздора и несогласія между братскими племенами. Будемъ обращать болѣе вниманія на то что̀ насъ соединяетъ, нежели на то что̀ насъ разлучаетъ.“ Въ главномъ Маяръ слѣдуетъ мыслямъ Яна Коляра въ его сочиненіи *Hlasové o potřebě jednoty spisovného jazyka*. Не возвращаясь къ старинѣ, Маяръ беретъ славянскія нарѣчія въ ихъ современномъ состояніи. Отдѣляя отъ каждаго изъ нихъ то, что составляетъ болѣе исключительную его особенность, его идіотизмъ, онъ старается выбирать для выраженія мыслей, дорогихъ для каждаго Славянина, какимъ бы нарѣчіемъ онъ не говорилъ, тѣ слова,

которыя составляютъ болѣе общее достояніе всѣхъ славянскихъ нарѣчій *). Этимъ опытомъ Маяръ уже значительно облегчилъ взаимное литературное сближеніе Славянъ. Путемъ, который впервые проложилъ Маяръ, можетъ, при усиліяхъ славянскихъ писателей различныхъ племенъ, совершенно органически развиться дѣйствительное литературное общеніе. Осуществленіе этой мысли, разумѣется возможно лишь въ томъ случаѣ, если славянскіе писатели будутъ на этомъ новомъ пути слѣдовать любимой пословицѣ Маяра: *In essentialibus unitas*, *in accidentalibus libertas*, *in omnibus charitas*.

39. *Вильгаръ*, журналистъ и литераторъ, впрочемъ менѣе извѣстный нежели его братъ, бывшій редакторомъ газеты *Naprej*, принадлежащій къ числу лучшихъ перекладателей славянскихъ народныхъ пѣсенъ на музыку.

40. *Гудецъ*, литераторъ, по преимуществу педагогъ, ѣхавшій въ Россію съ намѣреніемъ ознакомиться съ русскими учебными книгами.

VII. Хорваты:

41. *Гай Людевитъ*, Хорватъ, родился въ 1809 году въ Крапинѣ, въ хорватскомъ Загорьѣ, въ мѣстности, къ которой пріурочиваются древнѣйшія сказанія о Чехѣ и Лехѣ. Этими сказаніями и было внушено ему его первое сочиненіе, изданное въ Карловцѣ въ 1826 году: *Die Schlösser bei Krapina, sammt einem Anhange über die dortige Gegend in botanischer Hinsicht*. Курсъ философіи прошелъ Гай въ Вѣнѣ и Штирскомъ Градцѣ; курсъ правъ — въ Пештѣ. Здѣсь близко сошелся онъ съ Яномъ Колaромъ, поэтомъ идеи славянскаго единства и взаимности. Гай понялъ, какъ мало надежды подаютъ Хорваты къ литературному развитію въ тѣсныхъ предѣлахъ своей племенной исключительности.

*) Подробнѣе о южно-славянскомъ языкѣ и правописаніи, которыхъ держится Матія Маяръ, см. въ брошюрѣ Н. А. Попова: *Вопросъ объ общеславянской азбукѣ*, помѣщенной также въ *Современной Лѣтописи*, за октябрь 1865 года, и переведенной въ слѣдующемъ году на чешскій языкъ Урбанекомъ въ Прагѣ.

При этой мысли понятіе Гая объ отечествѣ раздвигалось все шире и шире. Онъ создалъ литературный языкъ, который былъ признанъ своимъ жителями Славоніи, Далмаціи и Сербіи также легко, какъ Хорваты почитали его своимъ, прирожденнымъ. Этотъ языкъ, названный имъ иллирійскимъ, получилъ свою письменную оболочку въ такъ называемомъ аналогическомъ письмѣ, введенномъ впервые Чехами. Начало своей литературной дѣятельности положилъ Гай сочиненіемъ: *Kratka osnova horvatsko-slavenskoga pravopisanja*, изданнымъ въ Будинѣ въ 1830 году. Въ Пештѣ Гай имѣлъ возможность присмотрѣться къ узкому патріотизму Мадьяръ, стремившихся поглотить всѣ славянскія племена, населяющія Венгрію. Гай, въ отпоръ этому стремленію, старался всѣми средствами поднять въ Хорватахъ сознаніе ихъ славянской народности. И, дѣйствительно, скоро послышался изъ устъ сыновъ новой Иллиріи любимый гимнъ: *Još horvatska nij' propala*. Съ 1835 года дѣятельность Гая получила свой общественный органъ въ газетѣ *Novine Horvatske* (съ дополненіемъ *Danica Horvatska)*, на которую онъ исходатайствовалъ разрѣшеніе лично у императора Франца еще въ 1833 году. Съ 1836 года названіе *Horvatske* было замѣнено новымъ *Ilirske*. Вскорѣ пріобрѣлъ Гай сильнаго союзника въ мѣстномъ католическомъ духовенствѣ. Поводъ къ этому представился въ 1836 году, когда Мадьяры хлопотали объ отмѣнѣ закона, запрещавшаго протестантамъ пребываніе въ Хорватіи. Въ союзѣ съ духовенствомъ Гай проложилъ путь своей дѣятельности и въ Босну, чрезъ посредство миссіонеровъ ордена св. Франциска. Поставленный въ необходимость примирять вѣроисповѣдныя розни между католическимъ и православымъ населеніемъ Босны, Гай вызвалъ ревность и недовольство со стороны нѣкоторыхъ членовъ духовенства, и во главѣ ихъ Барашича. Одновременно Гай былъ обвиняемъ Барашичемъ предъ папою, а боснійскимъ пашею предъ императоромъ. Но клеветы оказались безвредными: императоръ Фердинандъ наградилъ его полезныя для имперіи усилія бриліантовымъ перстнемъ, пожалованнымъ Гаю въ 1839 году. Мадьяры, видя въ Гаѣ противника сильнаго и опаснаго,

старались склонить его на свою сторону. Но Гай сдѣлалъ уже такъ много для южно-славянскаго единства, что могъ безъ робости обратиться къ Мадьярамъ съ слѣдующими словами: „Мадьяры составляютъ островъ въ великомъ океанѣ славянскомъ. Не я создалъ этотъ океанъ, не я воздымалъ его волны. Смотрите, чтобъ океанъ этотъ не затопилъ вашего острова своими волнами.“ Плоды дѣятельности Гая извѣстны. Въ 1848 году Тріединое королевство (Хорватія, Славонія, Далматія) оказало сильное сопротивленіе венгерскому волненію, а Австріи незабвенныя услуги. Въ мартѣ 1848 года Гай успѣшно способствовалъ провозглашенію полковника Елачича баномъ королевства. Тогда же онъ сталъ во главѣ Хорватской депутаціи, состоявшей изъ 400 человѣкъ. Онъ держалъ къ императору Фердинанду сильную, проникнутую чувствомъ преданности рѣчь, за что и былъ возведенъ въ званіе императорскаго совѣтника. Съ тѣхъ поръ Гай отдался мирной жизни частнаго чевѣка, не покидая впрочемъ изданія двухъ газетъ: политической *Narodne Novine* и литературной *Danica Ilirska* *).

42. *Петръ Матковичъ*, докторъ философіи и профессоръ Высшей Реальной Школы въ Загребѣ, сотрудникъ ученаго журнала *Književnik*, членъ и секретарь того комитета, который занимался собираніемъ этнографическихъ предметовъ въ земляхъ Тріединаго королевства для Московской выставки. Предметъ его спеціальныхъ занятій составляютъ географія и статистика. Когда въ 1864 году устроена была въ Загребѣ большая промышленная выставка для всѣхъ земель Тріединаго королевства, то Матковичъ составилъ ученое введеніе къ *Каталогу* этой выставки. Изъ сочиненій его наиболѣе извѣстна: *Statistika Austrijske Carevine za viša učilišta.*

43. *Феликсъ Лай* — фабрикантъ изъ города Осека (Essegg), одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ экспонентовъ на выставкахъ: Вѣнской (1866 г.), Всемірной Парижской (1867 г.) и Московской этнографической. На послѣднюю Лай выслалъ

*) О Гаѣ см. акты, напечатанные имъ во время пребыванія въ Москвѣ, въ *Современной Лѣтописи* № 21.

слѣдующія вещи: 1) Четыре полныя одѣянія: женское лѣтнее, мужское — лѣтнее и зимнее, дѣтское; къ нимъ различныя украшенія, всего 40 предметовъ. 2) Предметы домашняго и полеваго хозяйства, всего 26 предметовъ. 3) Посуды 9 предметовъ. 4) Модели построекъ — 7 предметовъ. 5) Дѣтскихъ игрушекъ — 7. 6) Музыкальныхъ инструментовъ — 8. 7) Семь коллекцій фотографическихъ, изображающихъ всѣ народныя одѣянія въ Славоніи, сельскія постройки и народныя игры. Всѣ эти предметы пожертвованы г. Лаемъ *этнографическому* отдѣленію Московскаго публичнаго Музея, причемъ жертвователь принялъ на себя издержки по исполненію четырехъ манекеновъ. Кромѣ того Лай прислалъ для *антропологическаго* отдѣленія: скелеты трехъ разбойниковъ, трехъ Граничаръ погибшихъ въ битвѣ при городѣ Осекѣ въ 1848 году, и одного Славонца умершаго въ томъ же году.

44. *Авель Лукшичъ*, сперва издававшій литературную газету на хорватскомъ языкѣ *Glasonoša*, потомъ издатель многихъ поэтическихъ произведеній современной южнославянской литературы, наконецъ издавалъ въ видахъ литературной взаимности Славянъ, литературную газету *Slavische Blätter*, прекратившуюся въ 1866 году. На ея столбцахъ всегда находили себѣ мѣсто библіографическія обозрѣнія текущей русской литературы, біографіи русскихъ писателей и переводы ихъ произведеній.

45. *Коламанъ Бедековичъ*, принадлежащій къ фамиліи крупныхъ землевладѣльцевъ въ хорватскихъ земляхъ, членъ Загребскаго сейма.

Къ этой же группѣ можно отнести Далматинцевъ-католиковъ и жителей хорватской Военной Границы:

46. *Данило Иванъ*, издатель двухъ газетъ, составляющихъ органъ славянской народной партіи въ Далмаціи: *Il Nazionale* (на итальянскомъ языкѣ) и *Narodni List;* членъ Зарскаго сейма. Онъ принадлежитъ къ числу весьма популярныхъ людей между далматинскими Славянами и къ числу лучшихъ между южно-славянскими публицистами.

47. Графъ *Мато Пучичъ* (di' Pozzo), братъ извѣстнаго

поэта и политическаго писателя Медо Пучича (Orsato di Pozzo).

48. *Котуръ*, землевладѣлецъ изъ города Сиссека.

49. *Барако*, землевладѣлецъ изъ города Карловца (Karlstadt).

50. *Мусулинъ*, купецъ оттуда же.

VIII. Сербы.

51. *Архимандритъ Ковачевичъ*, членъ Далматинскаго сейма.

52. *Урошъ Милутиновичъ*. Окружный протопресвитеръ Митровачкій въ дольномъСремѣ. Онъ составилъ по порученію комитета выставки не малое собраніе народныхъ одѣяній, носимыхъ въ его округѣ. Подъ его управленіемъ находится до 40 народныхъ школъ.

53. *Беговичъ*, священникъ изъ города Петринья въ Военной границѣ, одинъ изъ популярнѣйшихъ людей между Граничарами; авторъ нѣсколькихъ пѣсенъ, усвоенныхъ народомъ.

54. *Рафаилъ Кукичъ*, священникъ изъ Военной Границы.

55, *Іованъ Субботичъ*, родился въ комитатѣ Сремскомъ, въ королевствѣ Славоніи, въ 1817 году. Получивъ степени доктора философіи и свободныхъ искусствъ и доктора правъ въ университетѣ Пештскомъ въ Венгріи, онъ преподавалъ въ 1848 году въ томъ же университетѣ римское право. Какъ основатель періодическаго изданія *Сербская Лѣтопись*, онъ выпустилъ въ свѣтъ отъ 1842 до 1852 года тридцать два тома этаго изданія. Въ 1851—52 годахъ онъ издалъ *Цвѣтникъ Сербске словесности* въ двухъ томахъ. Въ послѣднемъ изданіи приведены образцы 80 сербскихъ писателей съ краткими жизнеописаніями каждаго изъ нихъ. Въ 1858 году Субботичъ издалъ *Лирическія пѣсни*, въ которыхъ старался дать сербской лирикѣ болѣе широкое общечеловѣческое основаніе, удержавъ за нею духъ народной поэзіи сербской. Многія изъ лирическихъ пѣсенъ Субботича сдѣлались достояніемъ народа и поются по всей Сербіи. Кромѣ того, онъ издалъ два тома *Эпическихъ пѣсенъ*, въ которыхъ старался соединить духъ сербской эпической поэзіи съ техническимъ совершенствомъ поэзіи

западной: припомнимъ хотя бы *Иваньску ночь* и *Цыганку*. Съ 1861 года Субботичъ обратился къ драматической поэзіи и съ того времени написалъ драмы: *Звонимiръ*, *Бодинъ*, и трагедіи: *Герцегъ Владиславъ*, *Прехвала*, *Милошъ Обиличъ*. Кромѣ того, приготовляется къ изданію еще одна большая трагедія. Всѣ эти драмы взяты изъ сербской исторіи и давались на сербскихъ театрахъ и на театрѣ загребскомъ съ большимъ успѣхомъ. Въ 1845 году Субботичъ получилъ премію за эпопею *Краль Дечанскій*, въ 1847 году за сербскую грамматику составленную по историческо-критическому методу, въ 1862—за драму *Краль Звонимiръ*. При представленіи *Краля Звонимiра* публика почтила автора лавровымъ вѣнкомъ и восторженною оваціей, а за *Герцога Владислава* вѣнкомъ и банкетомъ. Въ Бѣлградѣ публика за трагедію *Прехвала* удостоила оваціей отсутствовшаго автора. Вмѣстѣ съ тѣмъ Субботичъ писалъ сочиненія историческо-литературныя (Grundzüge der Sêrbische Literatur, Наука о србском стихотворству, Читанка за гимназіе). Но занятія ученыя и литературныя не мѣшали ему принимать самостоятельное участіе въ общественныхъ событіяхъ своей родины. Въ 1861 году народъ сремскій вызвалъ Субботича изъ частной жизни, избравъ его единогласно поджупаномъ Сремскаго комитета. Въ 1862 году онъ былъ назначенъ членомъ высшаго суда въ Тріединомъ королевствѣ, въ 1865 году избранъ въ депутаты на сеймъ Тріединаго королевства, и затѣмъ сеймъ единогласно возвелъ его въ санъ своего вице-президента. Литературныя произведенія Субботича за эти годы разошлись въ двухъ изданіяхъ и стали библіографическою рѣдкостію. Явилась потребность въ третьемъ изданіи. Въ 1862 году земскій совѣтъ довѣрилъ ему управленіе земскимъ народнымъ театромъ въ Загребѣ. Его труды на пользу театра въ четыре года были увѣнчаны блестящимъ успѣхомъ: съ каждымъ годомъ театръ совершенствовался. Но состояніе здоровья принудило его отказаться отъ управленія театромъ.

56. *Политъ*, Михаилъ Ивановичъ, д-ръ правъ вѣнскаго университета, депутатъ сремскій въ сеймѣ Тріединаго королевства, родился въ 1835 году въ Новомъ Садъ въ глав-

номъ городѣ сербскаго Воеводства, въ Венгріи. Воспитывался въ Вѣнѣ, гдѣ и кончилъ курсъ наукъ; затѣмъ провелъ годъ въ Парижѣ, доканчивая свое образованіе. Быть можетъ, пребыванію его въ Парижѣ нужно приписать въ значительной степени то, что впослѣдствіи онъ сдѣлался корреспондентомъ *Nord* и *Indépendance Belge*. Сверхъ того, онъ корреспондировалъ въ теченіи семи лѣтъ въ *Allgemeine (Augsburgische) Zeitung* и принималъ дѣятельное участіе въ органѣ Славянъ, газетѣ *Ost-und-West*, которую издавалъ докторъ Ткалацъ. Докторъ Политъ былъ одно время, впрочемъ недолго, секретаремъ князя черногорскаго Даніила. Послѣ того онъ былъ въ Вѣнѣ въ придворной хорватской канцеляріи, секретаремъ, и затѣмъ сдѣланъ былъ великимъ бележникомъ (нотаріусомъ) въ Загребѣ. Въ послѣднее время онъ былъ секретаремъ загребскаго главнаго суда и подалъ въ отставку, какъ скоро нашли, что ему, какъ занимающему эту должность, неудобно ѣхать въ Москву на этнографическую выставку. Какъ политическій дѣятель, Политъ оказалъ рѣшительное вліяніе на хорватскій сеймъ. Еще недавно, въ Тріединомъ королевствѣ Хорваты съ ихъ латинскою и нѣмецкою грамотою первенствовали. Теперь хорватскій сеймъ объявилъ, что Сербы (ихъ на половину въ помянутомъ королевствѣ) равноправны съ Хорватами и кириллица равноправна съ другими азбуками. Сербскій языкъ и сербская (кирилльская) грамота введены въ хорватскіе суды на равныхъ правахъ съ другими. Докторъ политъ главный ратникъ за сліяніе южнаго славянства (независимаго, австрійскаго и турецкаго) въ одно цѣлое, и своимъ постоянствомъ въ борьбѣ сдѣлалъ то, что сеймъ, еще недавно стоявшій противъ него, теперь склоняется большинствомъ за него.

57. *Александръ Вукашиновичъ*, родился 1833 года въ Сремѣ. Въ 1861 году народное довѣріе избрало его депутатомъ отъ сремской жупаніи на сеймъ Тріединаго королевства; въ 1863 году онъ участвовалъ въ депутаціи отъ Сербовъ къ австрійскому императору съ просьбой утвердить постановленія такъ называемаго Благовѣщенскаго собора. Въ 1866 году, онъ опять единогласно избранъ представите-

лемъ сремской жупаніи на сеймѣ, и въ этомъ званіи принималъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ сейма послѣдняго года. Онъ носитъ почетный титулъ „Почастни Бележникъ“ сремской жупаніи почетный нотарій, должность по выбору. На Московскую этнографическую выставку онъ доставилъ много моделей разнихъ домашнихъ принадлежностей сербскаго народа, фотографическихъ портретовъ, снимковъ костюмовъ и скелетовъ.

58. *Графъ Илья Деде-Янковичъ*, православный Сербъ изъ Далмаціи. Онъ издалъ слѣдующія сочиненія: *Руссіа года 1850. Переводъ на Србски изъ Француского, Адолфа Занда. У Задру 1856. La Russia nel 1850. Versione Italiana dal Francese di Adolfo Sando. Zara 1856.*

59. *Лазарь Костичъ*, докторъ правъ, профессоръ Новосадской гимназіи, извѣстенъ какъ лирическій и драматическій поэтъ, принадлежитъ къ числу лучшихъ между молодыми сербскими писателями.

60. *Крестичъ*, представитель общества молодыхъ начинающихъ писателей и студентовъ между австрійскими Сербами, именуемаго „Преодница.“

61. *Живко Васильевичъ*, купецъ изъ города Землина.

62. *Радикъ*, адвокатъ изъ города Вершеца.

63. *Воличъ*, землевладѣлецъ изъ Вершеца.

64. *Спиро Бильбія*, купецъ изъ города Старой Зары.

65. *Синобатъ*, купецъ изъ города Зары.

66. *Бабичъ*, купецъ изъ города Шибеника въ Далмаціи.

Г. Изъ Княжества Сербіи:

67. *Петроньевичъ*, помощникъ министра юстиціи, посланъ депутатомъ отъ Сербскаго правительства на Московскую выставку. Онъ уже былъ однажды въ Россіи, много путешествовалъ по Европѣ и нѣкоторое время былъ дипломатическимъ агентомъ Сербіи при дворѣ Султана. По возвращеніи въ Сербію Петроньевича ожидаетъ мѣсто директора канцеляріи при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Ему около 40 лѣтъ.

68. *Миличевичъ Миланъ.* Родился въ Бѣлградѣ, покуда не выѣзжалъ оттуда до настоящаго времени, а между тѣмъ, говоритъ и читаетъ по-русски, почти какъ русскій. Рус-

скому языку выучился онъ въ бѣлградской семинаріи, гдѣ получилъ образованіе. Теперь Миличевичъ—первый секретарь министерства народнаго просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ въ Бѣлградѣ и инспекторъ народныхъ сербскихъ школъ. Сверхъ того, онъ членъ бѣлградскаго ученаго общества („Сербско-Учено-Друштво"). Миличевичъ ѣхалъ на выставку въ Москву какъ депутатъ отъ этого общества. Изъ сочиненій его стоитъ замѣтить: *Часови одмора* (часы отдыха), *Путничка Писма* (письма изъ путешествій по Сербіи) въ 1862, 1865 и 1867 годахъ. Кромѣ того онъ помѣстилъ нѣсколько ученыхъ статей въ *Гласникъ* Сербскаго Дружества (напр. о Задругѣ), и былъ корреспондентомъ *Русской Бесѣды* и *Русскаго Вѣстника*.

69. *Шафарикъ Янко*, докторъ медицины, нынѣ секретарь и кассиръ *Србског ученог друштва*, библіотекарь и хранитель музея при министерствѣ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ въ Бѣлградѣ. *Друштво* было основано подъ именемъ *Друштва србске словесности*, въ 1841 году, въ Крагуевцѣ, профессорами тамошняго лицея. Въ томъ же 1847 г. лицей былъ переведенъ въ Бѣлградъ, и въ ноябрѣ этого года уставъ *Друштва* былъ представленъ земскому совѣту и князю Александру Кара-Георгіевичу на утвержденіе. Свое офиціальное существованіе начало *Друштво* 8-го іюня 1842 года, когда оно было торжественно открыто княземъ Александромъ, принявшимъ титулъ *Покровителя Друштва*. Цѣль *Друштва* — литературная и научная обработка сербскаго языка и распространеніе научнаго образованія и свѣдѣній въ Сербіи. Въ первыхъ годахъ его существованія, *Друштво* держалось болѣе педагогическаго направленія, что объясняется самымъ его возникновеніемъ въ кружкѣ профессоровъ и учителей лицея. Въ началѣ оно направило всю свою дѣятельность на научную терминологію сербскаго языка, на составленіе руководствъ и учебниковъ. И въ этомъ направленіи его дѣятельности Я. Шафарикъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ его членовъ, въ качествѣ профессора физики и славянской филологіи въ Бѣлградскомъ лицеѣ. Но въ первые же годы ученой дѣятельности *Друштва*, Я. Шафарикъ подалъ мысль и о разра-

10*

боткѣ сербской исторіи, и первый представилъ плоды многолѣтнихъ ученыхъ занятій надъ архивными актами, монетами и печатями. Его труды, по сербской нумизматикѣ и исторіи, наполняютъ бо́льшую часть *Гласника* отъ 1852—1859 г. По его мысли была основана должность исторіографа, которую и былъ облеченъ, по его предложенію, Сто́яновичъ, профессоръ лицея. По его мысли, *Друштво* приняло на себя издержки по напечатанію сборника *Памятниковъ южно-славянской письменности*, приготовленнаго къ изданію его дядею, знаменитымъ П. І. Шафарикомъ, оказавшимъ большія услуги сербскому просвѣщенію своею многолѣтнею профессурой въ Новомъ Садѣ. Я. Шафарикъ много занимался въ венеціянскомъ архивѣ Св. Марка, гдѣ его рукою были списаны до 2.000 актовъ, касающихся сербской исторіи. Ему 52 года.

70. *Медаковичъ Милорадъ*, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Даніиломъ, принадлежитъ къ старѣйшимъ журналистамъ Сербскимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они оба замѣчательны и какъ политическіе дѣятели. По происхожденію своему они принадлежатъ къ венгерскимъ Сербамъ, и оба были горячими противниками власти князя Александра Кара-Георгіевича въ Сербіи. Даніилъ Медаковичъ даже предпринималъ въ 1845 году попытку свергнуть этого князя, излишне преданнаго австрійскому правительству, но попытка эта не удалась. 1848 годъ вызвалъ обоихъ братьевъ къ усиленной дѣятельности журнальной. Желая служить укрѣпленію между венгерскими Сербами народнаго чувства, которое стало пробуждаться въ нихъ въ виду мадьярскихъ притязаній, они стали издавать въ столицѣ патріарховъ сербскаго народа, въ Карловцахъ, газету *Напредак*, но она вскорѣ была остановлена по распоряженію австрійскаго правительства, просуществовавъ съ октября 1848 по іюнь 1849 года. Въ то же время они поддерживали газету, которую издавалъ Коста Богдановичъ—*Вѣстник*, долженствовавшій переселиться вслѣдствіе мадьярской революціи сперва изъ Пешта въ Карловцы, а потомъ даже и въ Землинъ. Медаковичи имѣли свою скоропечатню, которая также должна была странствовать, подчиняясь капризу военнаго счастія.

Одно время *Вѣстник*, скрываясь отъ преслѣдованій полиціи долженъ былъ печататься въ баржѣ, которая стояла на Дунаѣ около Землина. Но вскорѣ и эта газета была прекращена. Тогда братья Медаковичи издали *Полное Собраніе сочиненій Досифея Обрадовича*, этого Ломоносова сербской литературы. По окончаніи венгерской войны, Даніилъ Медаковичъ поселился въ Новомъ Садѣ и сталъ издавать съ іюня 1852 года политическую газету *Србски Дневник*, съ литературнымъ приложеніемъ *Седмица*, которыя онъ передалъ въ 1858 году Георгіевичу и Милетичу, а самъ сталъ издавать съ 1862 года *Напреадк*, недавно уступленный имъ Георгію Поповичу. Милорадъ же Медаковичъ поѣхалъ еще въ 1849 году въ Загребъ, гдѣ и участвовалъ въ изданіи газеты *Slovenski Jug*, предпринятой хорватскимъ патріотомъ барономъ Драгутиномъ Кушляномъ. Но за статью противъ католицизма онъ былъ позванъ къ суду и долженъ былъ удалиться опять въ Новый Садъ, гдѣ сталъ издавать газету *Войводянка*, въ концѣ 1850 года; но и ее запретилъ министръ Бахъ. Медаковичъ просилъ тогда позволенія издавать свою газету въ Вѣнѣ, подъ глазами министерства; но и этого не позволили, а разрѣшили издавать въ городѣ Темешварѣ съ условіемъ помѣщать оффиціальныя извѣстія; ибо „selbst die Ultra-Konservativen Serben", какъ выразился Бахъ въ личномъ объясненіи съ Медаковичемъ —„sind die Oppositioneren für uns." Медаковичъ сталъ тогда издавать литературную газету *Южная Пчела*; но тяжесть австрійской цензуры заставила его бросить и это предпріятіе. Тогда онъ переселился въ Бѣлградъ, гдѣ и помогалъ Любомиру Ненадовичу при изданіи его литературной газеты *Шумадинка* до самаго ея закрытія. Затѣмъ онъ вступилъ въ службу къ Черногорскому князю Даніилу I въ качествѣ секретаря. Плодомъ его знакомства съ Черногоріей были два сочиненія: *Исторія Црне Горе* и *Живот и обычаи Црногораца*. Послѣднее сочиненіе подробно и живо рисуетъ характеръ и весь бытъ Черногорцевъ. Въ настоящее время Милорадъ Медаковичъ живетъ въ Бѣлградѣ частнымъ человѣкомъ.

71. *Тодоровичъ Стефанъ*, живописецъ и профессоръ на-

чертательной геометріи въ реальной школѣ въ Бѣлградѣ. Основатель частной школы живописи въ Бѣлградѣ. Въ этой школѣ въ настоящее время 8 учениковъ; нѣсколько другихъ посланы на счетъ сербскаго правительства для дѣльнѣйшаго усовершенствованія въ Италію. „Пѣвческое общество“ въ Бѣлградѣ („Пѣвачко Друштво“) обязано Тодоровичу тѣмъ, что, несмотря на упорное желаніе части членовъ общества не выходить изъ предѣловъ италіянской и нѣмецкой музыки, теперь въ обществѣ данъ перевесъ изученію сербскихъ народныхъ мотивовъ, блистательное начало которому положилъ незабвенный сербскій композиторъ, покойный Корнелій Станкевичъ. Тодоровичу 34 года. Кисти Тодоровича принадлежатъ рисунки національныхъ одеждъ, присланныхъ изъ Сербіи (отъ „Ученаго Друштва“) на Московскую этнографическую выставку.

72. *Георгіевичъ Владанъ*, членъ Общества Сербской мололодежи, именуемаго „Зоря“. Онъ медикъ и издалъ небольшое сочиненіе: *Важност Iестаственице*. Ему 23 года.

73. Докторъ медицины *Радивоевичъ*, родомъ изъ австрійскихъ Сербовъ, но служитъ въ Сербскомъ княжествѣ. Уже пожилыхъ лѣтъ.

74. *Драгутинъ Петровичъ*, адвокатъ изъ Бѣлграда.

75. *Миленковичъ*, адвокатъ оттуда же.

76. *Ковачевичъ*, купецъ изъ Бѣлграда.

77. *Антонъ Нѣмецъ*, землевладѣлецъ;—родомъ Чехъ, онъ уже давно переселился въ Сербію.

78. *Тома Павловичъ*, мѣщанинъ изъ Бѣлграда.

Д. Изъ Черногоріи:

79. *Петръ Стефановичъ Вукотичъ*, тесть нынѣшняго князя Николая I, отецъ княгини Милены, сенаторъ, воевода Чевскій и начальникъ княжеской гвардіи.

80. *Илья Пламенацъ*, сенаторъ и воевода Црничкій.

Е. Изъ Турціи:

IX. Болгаринъ.

81. *Богоровъ*, получившій высшее образованіе въ Германіи, докторъ медицины. Живетъ въ Пловдивѣ (Филиппополь);

извѣстенъ какъ авторъ *Географическаго Учебника* на болгарскомъ языкѣ.

VII.

Едва сдѣлалось извѣстнымъ о рѣшительномъ намѣреніи Славянъ посѣтить Московскую этнографическую выставку, — варшавское Русское Собраніе образовало изъ среды своей распорядительный комитетъ изъ слѣдующихъ девяти лицъ: главнаго директора народнаго просвѣщенія Ф. Ф. *Витте*, В. М. *Бѣлозерскаго*, С. И. *Доктурова*, А. Н. *Драшусова*, В. В. *Коталея*, П. А. *Кулиша*, В. П. *Орлова*, Д. П. *Палицына* и Д. И. *Черницкаго*. — Комитетъ постановилъ: оповѣстить всѣхъ русскихъ жителей о скоромъ прибытіи гостей и вмѣстѣ съ тѣмъ пригласить ихъ къ принятію участія въ предстоящемъ по сему случаю празднествѣ, въ слѣдствіе чего разослано было объявленіе слѣдующаго содержанія: „Многіе проживающіе въ Варшавѣ Русскіе изъявили желаніе привѣтствовать здѣсь на рубежахъ русскаго государства, тѣхъ отправляющихся въ Москву на славянскую этнографическую выставку депутатовъ славянскихъ народовъ, которымъ обѣ наши столицы готовятъ сочувственную встрѣчу. Всѣ здѣшніе Русскіе симъ приглашаются къ подпискѣ на покрытіе расходовъ, которыхъ потребуетъ пріемъ нашихъ гостей. Предполагается принять на счетъ русскаго общества всѣ издержки гг. депутатовъ въ продолженіе ихъ пребыванія здѣсь и дать имъ обѣдъ, для котораго Русское Варшавское Собраніе предполагаетъ свое помѣщеніе. По соображеніи предстоящихъ издержекъ, подписная сумма каждаго лица не можетъ быть менѣе 8 р. Такъ какъ до пріѣзда гг. депутатовъ остается лишь нѣсколько дней, то составленный для необходимыхъ по этому случаю распоряженій комитетъ симъ предлагаетъ желающимъ поспѣшить подпиской, которая принимается, какъ въ самомъ Собраніи, такъ и у гг. членовъ Комитета.“ 14-го (26-го) апрѣля 1867 г.

Въ Петербургѣ также составился Комитетъ для пріема Славянъ. Въ него вошли: городской голова Н. И. Погре-

бовъ, Н. Д. Быковъ, Я. А. Исаковъ, А. Ф. Гутковъ, А. М. Сѣверовъ, И. И. Глазуновъ, князь Г. А. Щербатовъ, баронъ А. А. Кусовъ, А. А. Краевскій, Н. И. Русаловъ, А. Н. Майковъ, А. В. Алферовскій, П. М. Быковъ, И. А. Варгунинъ, А. Ф. Миллеръ, Я. И. Григорьевъ, А. Ф. Фрейгангъ, В. Г. Жуковъ, С. П. Елисеевъ, М. Ф. Мирковичъ, В. В. Григорьевъ, В. И. Ламанскій и много другихъ представителей духовенства, купечества, университета, литературы, журналистики, адвокатуры и художествъ. Члены Комитета раздѣлили между собою занятія выпавшія на ихъ долю.

Но только 4-го мая, въ 2 часа пополудни, поѣздъ желѣзной дороги привезъ гостей изъ славянскихъ земель на станцію Границу, гдѣ ихъ, на рубежѣ Россіи, встрѣтили уполномоченные отъ Русскаго Варшавскаго Общества, генеральнаго штаба полковникъ П. М. Саковичъ и военный докторъ М. И. Скворцовъ.

Управленіе Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги приготовило на станціи для прибывшихъ обѣдъ, во время котораго, извѣстный ученый Чехъ, Эрбенъ сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, причемъ былъ предложенъ и съ одушевленіемъ принятъ заздравный тостъ за Государя Императора. Затѣмъ докторъ Браунеръ, обратившись къ депутатамъ отъ Русскаго Варшавскаго Общества, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Господа!

„Извините, что начинаю первый рѣчь, еще не познакомившись съ вами. Мы отправляемся на этнографическую выставку; у меня есть къ рѣчи этнографическій поводъ: я—Чехъ. Слово *Чехъ* значитъ *крайній*, *передній*, и на самомъ дѣлѣ Чехи стоятъ съ краю, прежде другихъ славянскихъ народовъ, касаясь чужихъ рубежей. Итакъ, видите: на моей сторонѣ въ нѣкоторомъ родѣ историческое право *начать* говорить съ вами. А рѣчь моя — не что иное, какъ стремленіе поскорѣе выразить вамъ наши чувства, чувства тѣхъ, которые прибыли изъ разныхъ странъ на святую Русь.

„Мы давнымъ-давно наслышаны, еще въ своемъ отече-

ствѣ, о гостепріимствѣ нашихъ братьевъ, Русскихъ, и вотъ едва только мы ступили на землю великаго государства, гдѣ солнце никогда не заходитъ, какъ уже имѣемъ доказательство русскаго гостепріимства въ такихъ размѣрахъ, что никогда объ этомъ не забудемъ. Для насъ это гостепріимство и вниманіе русскихъ нашихъ братьевъ имѣютъ не только то значеніе и цѣну (хотя и великую), какими пользуются у народовъ, по крови и по языку намъ, Славянамъ, чуждыхъ; для насъ это не простой обычай и какъ бы обязанность каждаго добраго хозяина: для насъ это дорого въ особенности потому, что — это отъ сердца, что это — прямое и живое свидѣтельство взаимныхъ нашихъ симпатій.

„Выражаю вамъ, господа,—и тѣмъ, кто прибылъ на границу насъ привѣтствовать, и тѣмъ, кто васъ сюда направилъ, — выражаемъ вамъ нашу общую признательность и пламенное спасибо. И пусть летитъ это спасибо сейчасъ же туда, куда стремятся наши мысли и сердце: къ русскому Комитету въ Варшавѣ и къ Комитету этнографической выставки въ Москвѣ, какъ главному виновнику прекраснаго предпріятія. Полагая, что со мною согласятся всѣ прибывшіе, провозглашаю „ура“ нашимъ братьямъ-гостепріимцамъ.“

По окончаніи обѣда, экстренный поѣздъ, отправленный дирекціею Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, помчалъ Славянскихъ гостей въ Варшаву. По дорогѣ останавливались на нѣсколько часовъ въ историческомъ Ченстоховѣ, гдѣ гости были встрѣчены на платформѣ станціи проживавшими въ Ченстоховѣ Русскими. Со станціи отправились въ самый монастырь, гдѣ ожидалъ губернаторъ генералъ-майоръ Кохановъ, въ полной формѣ, и начальникъ 10 дивизіи генералъ-лейтенантъ Глѣбовъ, тоже въ полной формѣ, со своимъ штабомъ. Польское духовенство вышло съ крестомъ, имѣя на себѣ бѣлое облаченіе. Настоятель и прочее духовенство показывали и объясняли всѣ достопримѣчательности монастыря, и въ томъ числѣ довольно замѣчательную по богатству и древности ризницу. При осматриваніи рѣдкостей, Чехи, замѣтивъ, что ксендзы старались

говорить съ ними по-латыни, хоть и не особенно бойко— просили ихъ перейдти лучше къ одному изъ славянскихъ языковъ, польскому, который они понимаютъ хорошо. Осматривая знаменитую икону Ченстоховской Божiей Матери, по преданiю—православную, писанную Евангелистомъ Лукою, украшенную драгоцѣнными каменьями, бриллiантами, залитую золотомъ и серебромъ, равно и другiя церковныя принадлежности, какъ-то: иконы, сосуды, люстры, канделябры и проч., путешественники были удивлены и поражены богатствомъ, хранящимся въ стѣнахъ монастыря.

По осмотрѣ монастыря, Славяне отправились въ гостинницу, гдѣ за обѣдомъ Браунеръ произнесъ такую рѣчь:

„Доброе вниманiе и гостепрiимство Русскихъ, нашихъ братьевъ, дали намъ возможность посѣтить и осмотрѣть прекрасный храмъ Ченстоховской Божiей Матери, куда тысячи нашихъ пилигримовъ приходили на поклоненiе ежегодно.

„Почтить воспоминанiемъ, достойнымъ всякаго образованнаго человѣка, такой добрый и набожный обычай нашего народа, мы, Чехи, имѣемъ нынѣ особенную причину: сегодня въ Прагѣ народный праздникъ. Это припомнилось намъ въ Ченстоховскомъ монастырѣ: вы были этому виновниками; вы доставили намъ это удовольствiе. Примите же, во имя всѣхъ здѣсь присутствующихъ Чеховъ, нашу душевную за это признательность!"

Затѣмъ говорили о гостепрiимствѣ: членъ Ученаго Общества въ Бѣлградѣ, Миличевичъ, и Словакъ Мудронь. Было еще нѣсколько русскихъ рѣчей, которыя, къ сожалѣнiю, никѣмъ не записаны. Изъ гостинницы Славяне отправились пѣшкомъ на станцiю желѣзной дороги, съ музыкой впереди, при огромномъ стеченiи народа, и поѣхали въ Варшаву.

Въ 12 часовъ ночи поѣздъ прибылъ въ Варшаву. Позднее время и ненастная погода помѣшали многимъ прiѣхать на станцiю, но тѣмъ не менѣе ждало ихъ человѣкъ до 40, между которыми было и нѣсколько дамъ. Изъ лицъ, принявшихъ на себя заботы по прiему гостей ожидали: главный директоръ коммиссiи народнаго просвѣщенiя Ѳ. Ѳ. Витте, состоящiй чиновникомъ особыхъ порученiй при

учредительномъ комитетѣ д. с. с. А. Н. Драшусовъ, П. А. Кулишъ; директоръ русской Варшавской гимназіи Б. П. Орловъ. Со станціи, въ нарочно заготовленныхъ каретахъ, гости прибыли въ Европейскую гостинницу, гдѣ ожидалъ ихъ чай и ужинъ. Во время ужина, по представленіи гостямъ гг. Стороженко и Барсова, депутатовъ, прибывшихъ изъ Вильны отъ тамошняго русскаго общества, коимъ поручено было пригласить ихъ отдохнуть въ этомъ городѣ и принять тамъ хлѣбъ-соль, началась живая и задушевная бесѣда. Разговоръ шелъ частію на русскомъ, частію на чешскомъ и сербскомъ языкахъ. Когда нѣкоторые изъ Русскихъ обращались къ ученымъ Чехамъ на нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ, то они прямо отвѣчали: „Мы пріѣхали въ Россію, желаемъ говорить по-русски, слышать природную рѣчь русскую.“ Многіе вопросы, предлагаемые на этихъ языкахъ, оставались даже безъ отвѣта.

5-го мая въ 9 часовъ утра, послѣ легкаго завтрака, члены комитета пригласили гостей осмотрѣть городъ. Сначала всѣ отправились въ православный соборъ, гдѣ на этотъ разъ, по причинѣ будничнаго дня, священникъ, совершавшій литургію, былъ въ старыхъ ризахъ, на клиросѣ пѣло два дьячка, молящихся оказалось два или три человѣка, не считая, конечно, помощника ктитора и нищей братіи. Православные священники и православные Сербы очень были рады, что и въ Варшавѣ они встрѣтили такую же церковь, какія имѣютъ у себя дома. Русскіе выразили однако сожалѣніе, что былъ не воскресный день и что потому не удалось имъ видѣть архіерейскаго служенія и слышать пѣвчихъ. Затѣмъ православные сербскіе священники, а равно и всѣ православные Славяне, коихъ однако почти половина, изъявили желаніе получить благословеніе Варшавскаго архипастыря на дальнѣйшее путешествіе; но, къ сожалѣнію, преосвященнаго не было въ городѣ. Изъ православнаго собора гости отправились въ католическій каѳедральный костелъ св. Яна, и затѣмъ въ библіотеку Главной школы. Здѣсь были разложены на видныхъ мѣстахъ старопечатныя книги на польскомъ языкѣ, большею частію историческаго содержанія. Отсю-

да гости направились въ частную библіотеку Красинскихъ. Православные священники и православные Сербы очень интересовались нашими складнями, грудными или наперстными образками, коихъ здѣсь собрано значительное количество; а Шафарикъ разсматривалъ старыя русскія рукописи, и встрѣтивъ одну изъ нихъ, относящуюся къ XII или XIII вѣку, началъ читать ее вслухъ. Потомъ гости отправились въ русскую гимназію, гдѣ встрѣчены были въ актовой залѣ всѣми учителями гимназіи; за симъ они ходили по классамъ, экзаменовали учениковъ въ знаніи латинскаго языка, любовались роскошнымъ помѣщеніемъ и удивлялись богатству учебныхъ пособій. „А у насъ-то, говорили нѣкоторые изъ нихъ: скудость и бѣдность!"—„Мы не имѣемъ даже первоначальныхъ учебниковъ, чтобы учить своихъ дѣтей на народномъ языкѣ." Затѣмъ Славяне просили позволенія осмотрѣть церковь, входили въ алтарь долго разсматривали крестъ и Евангеліе. Во время пребыванія ихъ въ церкви, совершено было краткое молитвословіе; воспитанники между прочимъ пропѣли: „Днесь благодать Св. Духа насъ собра." Пѣніе очень понравилось нашимъ гостямъ. Потомъ они посѣтили 2-ю польскую гимназію, гдѣ экзаменовали учениковъ въ русскомъ языкѣ, причемъ Славяне высказали мысль, что пора бы и Полякамъ подумать объ окончательномъ сліяніи съ русскою семьею. Отсюда ѣздили осматривать дворцы Бельведерскій и Лазенковскій. Нѣкоторые изъ гостей посѣтили институтъ глухо-нѣмыхъ, обязательно въ подробности показанный директоромъ г. Паплонскимъ, знатокомъ славянскихъ нарѣчій. Дождь, шедшій въ теченіе цѣлаго дня и довольно холодный порывистый вѣтеръ много помѣшали поѣздкѣ, но при этомъ нельзя не удивляться тому внимательному любопытству, съ которымъ безпрестанно обращались путешественники, задавая многіе вопросы. Въ 4 часа вернулись въ гостиницу, а въ 5-ть гости отправились на обѣдъ въ русское собраніе, гдѣ ихъ ожидало большое общество. Встрѣчаемые хозяиномъ собранія, гости вводились въ залу, едва вмѣстившую всѣхъ желающихъ быть на обѣдѣ. На хорахъ пестрѣли платья дамъ. Хоръ

полковой музыки лейбъ-гвардіи Литовскаго полка при входѣ гостей грянулъ величественный и вѣчно юный полонезъ изъ „Жизни за Царя" безсмертнаго Глинки. Програма сыгранныхъ піесъ во время обѣда какъ нельзя болѣе приличествовала торжеству; мотивы великорусскихъ пѣсенъ смѣнялись малорусскими или лучшими мѣстами русскихъ оперъ нашихъ талантливыхъ композиторовъ. На обѣдъ были приглашены многіе Поляки, извѣстные своею ученою дѣятельностью. Первый тостъ, предложенный начальникомъ штаба, генераломъ Минквицомъ, за здоровье Государя Императора, былъ встрѣченъ громкимъ, одушевленнымъ *ура!* покрывшимъ звуки гимна „Боже, царя храни;" гимнъ, по желанію, былъ повторенъ нѣсколько разъ. Затѣмъ всталъ докторъ Браунеръ и по-чешски, внятно, сказалъ рѣчь, въ которой выразилъ горячее, братское сочувствіе, питаемое Славянами къ Русскимъ.

„Господа!

„Едва только мы переступили границу великаго русскаго государства, какъ ваши депутаты встрѣтили насъ до такой степени очаровательно и радушно, что спутники мои возложили на меня пріятную обязанность благодарить васъ тутъ же, на самой границѣ. Это произошло въ небольшомъ кружкѣ—и тогда же дано было знать телеграммой вашему комитету, а также и центральному комитету въ матушкѣ Москвѣ. Сегодня счастливая судьба приводитъ насъ видѣться съ вами въ большомъ собраніи — и опять тотъ же радушный, тотъ же великолѣпный пріемъ! Я возвращаюсь къ моей обязанности, чтобы докончить передачу нашихъ чувствъ—вамъ всѣмъ въ лицо: благодарить васъ за оказанное намъ гостепріимство и честь. Пью за ваше здоровье и провозглашаю ура нашимъ добрымъ гостепріимцамъ: русскому собранію въ Варшавѣ!"

Земляки Браунера неоднократно прерывали его рѣчь криками: *Слава!* Едва умолкли эти крики, какъ всталъ одинъ изъ представителей русскаго общества Я. А. Соловьевъ и обращаясь къ гостямъ сказалъ слѣдующее:

„Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ отъ имени здѣшняго русскаго общества.

„Въ настоящее время, вмѣсто средневѣковыхъ турнировъ, общественные дѣятели изъ разныхъ странъ стремятся на турниры новаго рода, гдѣ, для пользы, блага и счастія человѣчества, они соревнуютъ между собою въ успѣхахъ науки, художествъ и промышленности.

„На одинъ изъ подобныхъ мирныхъ турнировъ XIX столѣтія, гдѣ проявляются послѣдніе результаты научнаго изученія славянскаго міра, отправляются наши дорогіе гости *(браво)*. Они займутъ тамъ по праву одно изъ почтеннѣйшихъ мѣстъ. Мы счастливы, что первые изъ русскихъ принимаемъ столь достойныхъ представителей славянской науки *(продолжительное браво)*; наше горячее, самое искреннее желаніе, чтобы неутомимая ихъ дѣятельность продолжалась на долгое время — на пользу и славу науки славянскаго міра *(громкое рукоплесканіе, браво)*, при этомъ случаѣ мы не можемъ не вспомнить незабвенныхъ именъ: Добровскаго, Шафарика, Ганки и Караджича съ глубокою признательностью за ихъ плодотворную дѣятельность — и съ грустью о томъ, что ихъ болѣе нѣтъ уже на свѣтѣ *(очень хорошо, браво)*. Мы не можемъ не вспомнить также съ особенною благодарностью о томъ чистомъ славянскомъ гостепріимствѣ, которое всегда встрѣчали русскіе путешественники въ западныхъ славянскихъ земляхъ *(продолжительное браво)*.

„Привѣтствуя васъ, мм. гг., на рубежѣ русскаго государства нашею скромною хлѣбомъ и солью, мы предоставляемъ соотечественникамъ нашимъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и полнѣе и краснорѣчивѣе выразить задушевныя чувства и глубокое сочувствіе братской любви, которое питаетъ къ вамъ вся русская земля *(продолжительные рукоплесканія, браво)*. Напутствуемъ васъ сердечнымъ пожеланіемъ добраго пути и счастливаго возвращенія на родину *(браво)*.

„Мм. гг., предлагаю тостъ за здоровье нашихъ дорогихъ гостей.“

Громкое, неудержимое „ура“ было отвѣтомъ на это пред-

ложеніе. Гости перемѣшались съ присутствующими и братски чокались бокалами. Какъ бы въ отвѣтъ на эту рѣчь, всталъ Шафарикъ и сказалъ нѣсколько вылившихся отъ души словъ; онъ указалъ на необходимость единенія между Славянами и замѣтилъ о значеніи Россіи и Москвы въ этомъ дѣлѣ:

„Мм. гг.! Славянскія племена въ продолженіе многихъ вѣковъ защищали своею кровью и заслоняли своею грудью западную Европу отъ нападенія суровыхъ азіятскихъ ордъ, отъ Монголовъ, Татаръ и Турокъ. Это было причиною, что за этимъ твердымъ оплотомъ славянской груди могла развиваться цивилизація и та образованность, которую мы видимъ у романскихъ и германскихъ народовъ западной Европы.

„Славяне были какъ бы жертвою въ этой ужасной, цѣлые вѣка продолжавшейся, борьбѣ, — жертвою, которою искуплены счастіе и процвѣтаніе западно-христіанскихъ народовъ; они впали въ долговременную неволю — подъ ярмо варварскихъ завоевателей, и въ этомъ долгомъ рабствѣ племена ихъ до такой степени отдалились одно отъ другаго, сдѣлались столь чуждыми, что, сыновья одной матери, они не только съ трудомъ узнавали другъ друга, но и, къ наибольшему своему несчастію, доходили часто до кровавой борьбы. Братская любовь единокровнаго родства, согласія и единства, сознаніе общей народности были забыты. Такъ продолжалось многіе вѣка и такъ осталось еще и по нынѣ, когда нѣкоторыя изъ этихъ славянскихъ племенъ, оставленныя безъ всякой помощи западною Европою, послѣ долгой и кровавой борьбы освободились отъ тяжкаго ига своихъ варварскихъ угнетателей, такъ что нынѣ можно припомнить то, что сказалъ древній отецъ славянской исторіи Несторъ: „что отъ Ильменскаго озера и Великаго Новгорода до самаго Дуная и до Синяго моря — вездѣ Славяне!“ Были великіе геніи, которые сознавали родство славянскихъ племенъ и свидѣтельствовали о единствѣ ихъ народности, какъ напримѣръ, чешскій король и отецъ своего отечества, Карлъ, который писалъ сербскому царю Стефану Душану-Сильному, „что

они Божіимъ Промысломъ призваны быть главами и начальниками родственныхъ славянскихъ народовъ, одинъ на западѣ, а другой на востокѣ, для того, чтобы общими силами утвердить миръ и согласіе между христіанскими народами;" еще въ XV вѣкѣ великій южно-славянскій дубровачскій (Рагуза) пѣвецъ Гундуличъ пѣлъ съ одушевленіемъ, что „Слава" ѣдетъ на солнечной колесницѣ отъ Ледянаго до Синяго моря, все черезъ однѣ земли, гдѣ слышится славянская рѣчь. Но, несмотря на все это, между славянскими племенами до новѣйшихъ временъ не было согласія и взаимности; славянскіе народы весьма рѣдко кромѣ единства вѣры и кромѣ единства по племенамъ, искали связи съ отдаленными своими братьями. Но въ исходѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣковъ милосердый Богъ послалъ Славянамъ замѣчательныхъ сыновъ, вдохновенныхъ пророчествомъ, которые съ искреннимъ чувствомъ, съ благочестивымъ самоотверженіемъ начали проповѣдывать между своими братьями святую и великую мысль, основанную на природной истинѣ, о единствѣ народности всѣхъ Славянъ. Ибо они видѣли, что безъ взаимности и братской любви для разрозненныхъ племенъ, находившихся подъ чужеземною властью, нѣтъ спасенія, и что свобода, будущее счастіе, величіе этого въ дѣйствительности весьма многочисленнаго и мужественнаго, но разщепленнаго, чужеземцами притѣсняемаго славянскаго народа — имѣютъ основаніе въ единствѣ. Они сознавали, что многочисленный славянскій народъ оживетъ и пойметъ свое великое назначеніе, если только имъ овладѣетъ братское согласіе, взаимная любовь, готовыя на жертвы, взаимная помощь и поддержка.

„Долго пророческій голосъ этихъ вѣрнѣйшихъ сыновъ Матери-Славы находилъ для себя опору только въ ученыхъ трудахъ, и истина эта признавалась лишь учеными кружками, которые предвидѣли побѣду своего вѣрованія — будущее счастіе своего дорогаго славянскаго рода; но по бо̀льшей части мужи эти не дожили до плодовъ своего труда и до великихъ успѣховъ своего ученія, проповѣданія; только нынѣ, здѣсь, начинается то, что они пророческимъ

духомъ изрекли, что предвидѣли въ будущемъ; они надѣялись, что ихъ вѣрные ученики вникнутъ въ жизнь славянскаго народа. Мы счастливы, что можемъ собственными глазами видѣть, какъ славянская взаимность становится фактомъ, и что скоро она будетъ побѣдительницей и владычицей, ибо самый старѣйшій, сильнѣйшій, исполинской величины сынъ Матери-Славы началъ ратовать за эту взаимность, согласіе и за единство славянской народности, — началъ радѣть о своихъ слабыхъ и менѣе счастливыхъ братьяхъ.

„Великій Русскій народъ имѣетъ и великія мысли; средства же его исполинскія: что онъ признаетъ за истину и усвоитъ себѣ, чего только онъ захочетъ достичь, то осуществится и уже дѣлается фактомъ. Сыны святой матери сѣверныхъ Славянъ — Москвы первые осуществили мысль о славянской взаимности; на этнографической выставкѣ въ матушкѣ-Москвѣ впервые совокупятся сыны всѣхъ вѣтвей славянскаго дерева. Тамъ наполнятся ихъ сердца новымъ сильнымъ жаромъ и одушевленіемъ къ святой, Богомъ созданной истинѣ о славянскомъ единствѣ, и они возвратятся въ свои дома съ полною увѣренностію, что славянская взаимность стала уже дѣломъ, коль скоро великій и исполинскій народъ Русскій увѣровалъ, что всѣ Славяне суть ихъ родные братья и что славянская народность есть одна общая, — а потому предлагаю тостъ въ честь вѣчной славы и величія Русскаго народа, Божіею волею отъ природы назначеннаго защитникомъ и хранителемъ славянской народности.“

„Слава и браво“ прерывали неоднократно рѣчь почтеннаго оратора, по окончаніи которой его соотечественники по обычаю своей страны — хоромъ запѣли „многая лѣта“. Какъ-то родственно отозвался этотъ припѣвъ въ славянской душѣ каждаго изъ присутствовавшихъ. Музыка играла чешскій гимнъ Жижки. Звуки, полные задушевной грусти, сказывали горькое прошедшее народа.... Едва замолкли послѣдніе переливы, какъ всталъ д-ръ Мудронь и на словацкомъ языкѣ сказалъ:

„Мм. гг.! Какъ далеко отстоитъ мысль отъ исполненія,

идея отъ приведенія ея въ дѣйствіе,—какое великое существуетъ различіе между однимъ и другимъ —ненужно и говорить. Въ такомъ положеніи стоялъ донынѣ вопросъ славянскаго братства, т.-е. единственно какъ идея,—этнографическая же выставка въ Москвѣ приводитъ его въ дѣйствительность. Но и въ настоящемъ обществѣ, здѣсь, не видимъ ли мы уже осуществленіе славянскаго братства: тутъ присутствуетъ самый могущественный братъ нашъ Руссъ, здѣсь храбрый Чехъ, молодецкій Сербъ, терпѣливый Словенецъ, нынѣ обѣднѣвшій, но всегда бодрый Словакъ изъ-подъ угорскихъ Карпатовъ,—слѣдовательно, исполняется идея славянскаго братства. Поднимаю бокалъ за успѣшное и скорѣйшее исполненіе этого братскаго союза!"

Крики „браво, слава," снова пронеслись по залѣ. Затѣмъ всталъ Н. В. Бергъ и прочелъ полныя чувства слѣдующіе стихи:

„Вы ли это, наши братья,
Къ намъ, на Русь?... легко сказать!...
Дайте жь васъ прижать въ объятья;
Дайте жь васъ расцѣловать.

Чудо что ли совершилось,
Вѣтеръ что ль такой пахнулъ:
Все у насъ закопошилось,
И пошелъ и трескъ и гулъ.

Съ каждымъ солнечнымъ восходомъ
Вы впередъ, впередъ, впередъ... *(браво!)*
Знать нельзя шутить съ народомъ;
То что живо не умретъ!

Дай же вамъ Господь успѣховъ,
Взятыхъ съ боя не мечомъ,
А народностію Чеховъ,
Чтò кипитъ живымъ ключомъ.

Правда, вѣра и отвага!
Будь вамъ лозунгъ навсегда!
Да живетъ святая Прага
Безконечные года. *(слава!)*

Пусть таинственно и дивно
Языкомъ, во имя музъ,
Укрѣпится неразрывно
Благовѣрный нашъ союзъ!

Да живемъ семьею братской
Мы во всяки времена!
Ваши: Ригеръ и Палацкій—
Намъ родныя имена!

Всѣ вы, всѣ вы: намъ родные... *(рукоплесканія.)*
Нынѣ, слышу, мчитесь вы
На берега заповѣдные
Нашей матушки Москвы.

Вѣрьте: къ вамъ сердечнымъ жаромъ
Наша матушка полна,
Такъ воспѣтая Колларомъ
Живо въ оны времена.

Съ перепутья, изъ Варшавы
Пожелаемъ ей добра....
Будьте живы, бодры, здравы,
Братья милые! Ура!! (*Громкое ура*).

Стихи поэта, сказанные такъ удачно, произвели большое впечатлѣніе; присутствующіе потребовали повторенія и, вставъ по общему требованію на стулъ, г. Бергъ снова, внятно, съ чувствомъ прочелъ приведенныя строфы, не разъ прерываемыя криками ура. Затѣмъ по-русски сказалъ небольшую весьма интересную рѣчь Миличевичъ:

„Господа! Еще ребенкомъ играя съ товарищами въ селахъ Шумадіи, я слышалъ отъ поборниковъ сербскаго освобожденія про имя русскаго войска, которое помогало Сербіи избавиться отъ злѣйшихъ враговъ ея — Турокъ“.

„Оттого-то имя русское становилось для меня особенно дорогимъ, тѣмъ болѣе, что его произносили наши *юнаки*, достойные всякаго уваженія.

„Позже мнѣ приходилось не разъ читать мнѣнія, будто бы Сербамъ грозила опасность со стороны Россіи, будто бы она желала оставить насъ во тьмѣ незнанія на вѣчныя времена.

„Но не такъ говорили представители науки и просвѣщенія въ Россіи. Отъ русскихъ университетовъ чаще всѣхъ мы слышали изъявленія потребности познакомиться съ жизнію остальныхъ племенъ славянскихъ и помогать имъ на пути всеобщаго славянскаго просвѣщенія.... И вотъ эта мысль, которая ведетъ насъ теперь въ Москву, вышла именно изъ этого святилища науки.... Мы идемъ, и только что вступили на границу русской земли, насъ принимаютъ съ такимъ радушіемъ, съ такою искреннею любовью, какая только находится у племени, которому назначено это вожделѣнное fraternité запада своею жизнію ввести въ жизнь человѣческаго рода.... Господа, послѣ всего этого, я отъ всей души своей скажу только:

„Слава храброму русскому войску, которое пролило столько крови своей, помогая намъ избавиться отъ турецкаго рабства!

„Слава русскимъ университетамъ, вызывающимъ насъ выучить жизнь свою и своихъ собратьевъ, и такимъ образомъ приготовить великое будущее славянскаго міра!

„Слава русскому гостепріимству, повсемѣстному доказательству славянскаго братства!"

Далѣе сказалъ нѣсколько сильныхъ словъ на русскомъ языкѣ д-ръ Политъ. Указавъ на значеніе Россіи въ славянскомъ мірѣ, онъ закончилъ почти такъ: „Встрѣченные Русскими въ Варшавѣ, городѣ польскомъ, мы желаемъ вѣрить, что нѣтъ ни одного славянскаго племени, которое было бы враждебно Россіи или на оборотъ Россія не принадлежитъ исключительно только Русскимъ — нѣтъ, она есть общеславянское достояніе; русскій Царь есть царь родственныхъ ему Славянъ." Звуки: „Боже, Царя храни" и единодушное *ура!* были отвѣтомъ. Затѣмъ Ливчакъ въ своей рѣчи указалъ на причины страданій Славянъ и выразилъ надежду на ихъ прекращеніе:

„Мм. гг.! Чистосердечное радушіе, съ которымъ насъ здѣсь принимаютъ, приводитъ насъ просто въ изумленіе. Гдѣ мы?!.. Еслибы спросить наше сердце, то оно сказало бы намъ, что мы находимся дома.... а между тѣмъ не дома, мы за домомъ, мы внѣ предѣловъ нашего несчастнаго отече-

ства. Мы внѣ предѣловъ нашего дома, и, однако, насъ встрѣчаютъ здѣсь съ большею любовью, намъ выказываютъ здѣсь болѣе сочувствія, чѣмъ у насъ дома. Гдѣ искать причины этомъ явленію? А вотъ гдѣ: съ нашими здѣшними сосѣдями, которыхъ мы теперь посѣщаемъ, связываетъ насъ связь природная, естественная, связь, созданная самимъ Богомъ, когда, напротивъ, съ нашими политическими соотечественниками, съ которыми мы живемъ подъ одною крышею, въ одномъ государствѣ, связываетъ насъ только связь искусственная, связь политическая, — связь, созданная простымъ случаемъ.

„Мы, Славяне, живущіе на западѣ, страдали и много уже настрадались, и въ своихъ страданіяхъ даже не знали, или, лучше сказать, знать не хотѣли, что у насъ такъ много родныхъ братій — братій, сочувствующихъ намъ всѣмъ сердцемъ; что у насъ братья, которые могутъ, желаютъ и хотятъ нравственно поддерживать насъ противъ притѣсняющихъ насъ народовъ. Мы страдали, но мы страдали напрасно; мы сами виновники нашихъ страданій, ибо разорвали связь естественную, связь природную, связь общественнаго сознанія. Нашъ геній блуждалъ и ввелъ насъ въ заблужденіе. Позвольте, господа, надѣяться намъ, что нашъ славянскій геній выйдетъ изъ заблужденія и поставитъ насъ въ отношенія природныя; позвольте надѣяться намъ, что онъ сблизитъ всѣ племена славянскія и объединитъ ихъ въ великій, могущественный народъ славянскій, а тогда мы станемъ уже въ мирныя отношенія и къ другимъ, чужимъ народамъ."

Кромѣ того говорили докторъ Смоляръ изъ Саксоніи, докторъ Радивоевичъ изъ Сербіи и въ концѣ обѣда снова сказалъ нѣсколько словъ докторъ Браунеръ:

„Господа!

„Честь и пріемъ, оказанныя намъ вашимъ братскимъ гостепріимствомъ въ нынѣшній вечеръ, напоминаетъ намъ близкую разлуку. Но прежде, чѣмъ разстанемся, я не могу пропустить еще одинъ тостъ. Высокая задача искусства состоитъ въ томъ, чтобы передавать художественно красоту и чудеса природы и дѣлать ихъ доступными человѣ-

ку, не давая имъ затеряться подъ тяжестію обыденныхъ впечатлѣній. Поэзія играетъ въ этомъ случаѣ со своими сестрами едва ли не первую роль: она развиваетъ передъ духомъ человѣческимъ исторію давно минувшаго со всею свѣжестью и одѣваетъ въ праздничную одежду факты, которые иначе исчезли бы въ суетѣ міра. Она сближаетъ народы, отдѣленные другъ отъ друга большимъ пространствомъ, и устанавливаетъ между ними священную связь на вѣки вѣковъ. Такъ поэзія, съ открытіемъ нашей Краледворской рукописи и Любушина суда, сблизила насъ, Чеховъ, крайній славянскій народъ на западѣ, съ народомъ Русскимъ, живущимъ на отдаленномъ востокѣ; вдохновеніе и талантъ вашего соотечественника сдѣлали это сокровище чешской народной поэзіи также и вашимъ достояніемъ. Муза вдохновеннаго пѣвца, который передалъ вамъ нашу Краледворскую рукопись и Любушинъ судъ въ такомъ мастерскомъ переводѣ, — поетъ нынѣ, въ наслажденіе и утѣшеніе насъ всѣхъ, о нашемъ путешествіи въ матушку Москву. Позвольте провозгласить славному творцу этихъ прекрасныхъ вещей, Николаю Васильевичу Бергу, *ура!*

Вечеромъ гости были въ большомъ театрѣ, гдѣ представлялись графу намѣстнику, сказавшему краткое привѣтственное слово гостямъ... Давали актъ изъ оперы Монюшки—„Галька," которую предполагаютъ поставить на пражской сценѣ, небольшую комедію въ стихахъ гр. Александра Фредро „Нелюдимы и поэтъ" (Odludki i poeta) и въ заключеніе балетъ „Крестьянская свадьба" (Wesele vojcowie).

На другой день въ 11 часовъ утра поѣздъ Варшавско-Петербургской-желѣзной дороги увезъ гостей далѣе на Сѣверъ. На станціи собралось большое общество проводить ихъ, прощаніе было самое родственное, и въ ту самую минуту, когда локомотивъ тронулся, съ обѣихъ сторонъ махали платками, шляпами, при чемъ слышалось: „прощайте, слава!"...

Въ тотъ же самый день 6-го мая, часа три спустя по отъѣздѣ славянскихъ гостей въ Петербургъ, прибыли въ Варшаву Палацкій и Ригеръ, ѣхавшіе въ Россію съ парижской выставки. Ихъ встрѣтили на станціи нѣкоторые изъ

членовъ распорядительнаго комитета и пригласили къ обѣду въ русское собраніе. За обѣдомъ, оживленнымъ дружеской бесѣдой, размѣнялись самыми душевными пожеланіями и тостами. Ф. Ф. Витте, поднявъ заздравный бокалъ, обратился къ гостямъ съ слѣдующими словами: „Вчера, когда мы были такъ счастливы принимать и угощать въ этой залѣ нашихъ почтенныхъ славянскихъ гостей, многіе изъ насъ, съ чувствомъ глубокаго соболѣзнованія, тщетно искали въ этомъ собраніи и сердцемъ и глазами двухъ, особенно близкихъ всему славянскому міру, представителей его науки и цивилизаціи. Не разъ, не только среди насъ, но и среди нашихъ высокочтимыхъ гостей, слышались вопросы: гдѣ Палацкій? Отчего же отсутствуетъ Ригеръ?—Чувство вчерашней душевной грусти нашей нынѣ превратилось въ общую радость. Палацкій и Ригеръ, опоздавшіе на вчерашній нашъ праздникъ по независѣвшимъ отъ нихъ причинамъ, теперь среди насъ, за нашею субботнею товарищескою трапезой, и своимъ столь дорогимъ для насъ присутствіемъ, поистинѣ, продлили еще на день вчерашнее наше торжество. — Господа! предлагаю тостъ за здоровье тѣхъ, которыхъ всѣ славянскіе народы одинаково считаютъ за честь назвать своими собратами. Да здравствуютъ Палацкій и Ригеръ!“ На это Ригеръ отвѣчалъ по-чешски, выразивъ ту мысль, что изъ всѣхъ славянскихъ земель одна Россія являетъ независимое государство, что это именно влечетъ къ ней всѣ другія славянскія народности, и что необходимо для Славянъ близкое знакомство съ Россіей для того, чтобы славянскій міръ могъ сознать свои права и свои силы. „Да здравствуетъ Россія!“ — сказалъ онъ въ заключеніе своихъ словъ. Оба эти тоста сопровождаемы были самымъ единодушнымъ *ура!*

Въ заключеніе, Н. В. Бергъ, по желанію собесѣдниковъ, прочиталъ свое стихотвореніе, которое наканунѣ было принято съ такимъ живымъ сочувствіемъ. Послѣдній стихъ: „Братья милые, *ура!*“ подхваченъ былъ дружно всѣми присутствовавшими. Послѣ обѣда оставалось еще нѣсколько часовъ до отхода петербургскаго поѣзда желѣзной дороги; время это провели въ дружескомъ кружкѣ у директора

русской гимназіи В. П. Орлова, и когда насталъ урочный часъ, проводили дорогихъ гостей на станцію желѣзной дороги, напутствуя ихъ самыми искренними желаніями взаимной дружбы.

Между тѣмъ поѣздъ съ прежде уѣхавшими славянскими гостями подвигался впередъ. На станціи въ Гроднѣ имъ было сдѣлано первое общественное привѣтствіе. Несмотря на то, что погода нисколько не благопріятствовала прогулкѣ, русскіе жители Гродна явились на станцію и встрѣтили гостей, предложивъ возможное по мѣстнымъ условіямъ угощеніе. Поѣздъ пробылъ на станціи 15 минутъ и во все это время на платформѣ гремѣла полковая музыка и воздухъ оглашался пѣснями цѣлаго хора пѣсенниковъ.

Главный поѣздъ везшій изъ Варшавы Славянскихъ гостей прибылъ въ Вильну въ 10 часовъ вечера. На дебаркадерѣ желѣзной дороги ихъ встрѣтили русскіе Виленцы съ громкими, радостнымъ криками „ура!", на что̀ тѣмъ же кликомъ отвѣчали изъ вагоновъ; дамы привѣтствовали прибывшихъ словами: „милости просимъ, добро пожаловать".

Тотчасъ со станціи желѣзной дороги заранѣе приготовленные экипажи отвезли дорогихъ гостей въ гимназическій домъ, гдѣ въ свободныхъ комнатахъ былъ приготовленъ для нихъ чай, ужинъ, и для бо́льшей части изъ нихъ помѣщеніе. Для другихъ было взято помѣщеніе въ лучшихъ гостинницахъ Вильны, куда проводили ихъ, послѣ ужина, распорядители. За чаемъ началось первое личное знакомство славянскихъ гостей съ лицами, выбранными русскимъ обществомъ въ распорядители по пріему ихъ. Знакомство это привело къ дружескому сближенію. Шафарикъ говорилъ о своемъ покойномъ дядѣ, историкѣ славянщины. Ербенъ сообщилъ о своемъ новомъ переводѣ Нестора. Головацкій объ успѣхахъ ученія въ львовскомъ университетѣ. Представители различныхъ племенъ удивляли русскихъ собесѣдниковъ своихъ богатствомъ бытовыхъ выраженій, которыя у насъ, подъ вліяніемъ иностранной науки, замѣнились словами взятыми изъ чуждыхъ словарей.

Весь слѣдующій день до самого обѣда былъ посвященъ ознакомленію съ городомъ и его достопримѣчательностями.

Многіе изъ гостей поднялись рано и успѣли уже до того осмотрѣть узкія и своеобразныя улицы Вильны и нѣкоторыя изъ ея древностей. Отдѣльные кружки посѣтителей сошлись подъ сводами пятисотлѣтняго Пречистенскаго собора, православнымъ Ольгердомъ воздвигнутаго, Поляками обращеннаго въ скотолечебное заведеніе, а нынѣ опять возобновляемаго. Кружки раздѣлились: одни отправились къ древней Пятницкой церкви, представлявшей въ 1863 году груду развалинъ, а нынѣ вновь отстроенной; другіе — къ созданной Константиномъ Острожскимъ Никольско-перенесенской церкви, которая поразила гостей своимъ изящнымъ великолѣпіемъ. Они съ любопытствомъ вглядывались въ очертанія многовѣковыхъ сводовъ и съ негодованіемъ слушали правдивые разсказы о томъ, какъ на мѣстахъ древнихъ олтарей, въ 1863 году, учредились кузницы. Посѣтили также часовню въ память убитыхъ въ послѣднемъ возстаніи русскихъ воиновъ на Георгіевской площади.

Въ девятомъ часу всѣ собрались въ гимназическій домъ, гдѣ были приготовлены чай, кофе, закуска. Затѣмъ отправились по городу въ сопровожденіи распорядителей, которые вмѣнили себѣ въ обязанность принять на себя въ этомъ случаѣ посильную роль чичероне. Прогулкѣ по городу помѣшала холодная погода — дулъ сильный вѣтеръ. Къ счастію еще не было дождя. По истинѣ замѣчательный видъ, который представляетъ расположенная въ лощинѣ Вильна съ возвышеннаго предмѣстья Погулянка, привлекъ на себя вниманіе многихъ гостей.... Отсюда виденъ весь городъ, представляющій массу однообразныхъ каменныхъ зданій съ черепичными, почти безъ исключенія, крышами, въ центрѣ котораго—въ старомъ русскомъ концѣ, высятся золоченныя главы старинныхъ церквей, отчасти исправленныхъ, отчасти возобновленныхъ въ послѣднее время. Вокругъ этого стариннаго центра раскинулся позднѣйшій городъ, съ римско-католическими костелами и мрачными монастырями. Лѣвая сторона открывающагося съ Погулянки вида занята далекою перспективою на живописное теченіе Виліи съ нагорнымъ берегомъ, покрытымъ лѣсомъ; на одной изъ возвышенностей его поднимается старинная башня быв-

шаго литовскаго замка временъ Гедимина. Заднiй планъ картины декорируется живописною грядою холмовъ....

Въ одинадцать часовъ всѣ были на богослуженiи въ Свято-Троицкомъ монастырѣ. Благоговѣйное и сосредоточное священнодѣйствiе брестскаго преосвященнѣйшаго Игнатiя не могло не возбудить истиннаго молитвеннаго настроенiя.

Воспитанники семинарiи, чувствуя высоту словеснаго служенiя своего, въ торжественныя минуты всеславянскаго собранiя въ храмѣ молитвы, превзошли обычное усердiе въ пѣнiи и произношенiи молитвенныхъ словъ. Замѣтно было въ началѣ выраженiе удивленiя на лицахъ гостей и шопотъ: „какъ у насъ, какъ у насъ!“ Потомъ важное умиленiе сдѣлалось всеобщимъ. Какое высокое значенiе получила на этотъ разъ молитва о томъ, чтобы „едиными усты и единымъ сердцемъ славити и воспѣвати пречестное и великолѣпное имя Божiе!“ Къ русской святынѣ отнеслись они нетолько съ должнымъ уваженiемъ, но и съ глубокимъ сознанiемъ ея особенной важности въ здѣшнемъ краѣ, гдѣ она является хранительницей и знаменемъ русскаго дѣла, столь недавно выпутаннаго изъ путаницы чуждой пропаганды. Съ сердечнымъ чувствомъ отнеслись къ ней наши одновѣрцы изъ южныхъ Славянъ. Нѣкоторые изъ нихъ пожелали отслужить молебенъ за здравiе далекихъ родственниковъ своихъ въ пещерѣ мучениковъ Антонiя, Iоанна, и Евстаѳiя, почивающихъ въ святодуховскомъ монастырѣ.

По окончанiи литургiи любознательные гости и любопытные хозяева отправились въ столовую семинарiи, гдѣ воспитанники уже были за столами. Громкое стройное „Христосъ воскресе“ огласило своды залы; обиходное „плотiю уснувъ“ поразило простотою и прелестiю напѣва. Яковъ Федоровичъ Головацкiй, растроганный, обратился къ воспитанникамъ съ задушевною рѣчью, въ которой выразилъ желанiе духовнаго просвѣщенiя будущимъ духовнымъ просвѣтителямъ: и знаменательна была эта рѣчь добраго борца за очищенiе въ славянской Галицiи православнаго обряда отъ латинскихъ въ немъ наростовъ къ воспитанникамъ, дѣтямъ того духовенства, которое двадцать пять лѣтъ назадъ бодро перешло изъ двумысленной унiи къ чис-

тому православію. Въ отвѣтъ на нее, отецъ ректоръ объяснилъ воспитанникамъ семинаріи значеніе Якова Федоровича, какъ ученаго дѣятеля и какъ борца за народные интересы въ галицкой Руси. О. протоіерей Милутиновичъ, обратилъ вниманіе будущихъ пастырей словесныхъ овецъ на необходимость неразрывной связи ихъ съ народомъ и живаго проповѣдыванія слова жизни. — Воспитанники неожиданно отвѣтили громкимъ „Славься, славься нашъ русскій Царь, Богомъ намъ данный Царь-Государь". Стройный хоръ почти изъ 200 человѣкъ, величественный мотивъ, одушевленіе, съ которымъ онъ былъ исполненъ, произвели общій неподдѣльный восторгъ. „Счастливъ тотъ народъ", сказалъ со слезами на глазахъ одинъ славянинъ, „который имѣетъ возможность свободно пѣть такія пѣсни!"

Отвѣтомъ были восторженныя „ура!" „слава!"

Между тѣмъ съ слѣдующимъ поѣздомъ пріѣхали изъ Варшавы Палацкій, Ригеръ и пять Далматинцевъ. Ихъ встрѣтилъ на станціи одинъ изъ членовъ Комитета, занимавшагося пріемомъ гостей, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ пріѣхавшихъ наканунѣ Чеховъ.

Къ прибытію поѣзда собралась въ залъ станціи огромная масса народа. Престарѣлый Палацкій и бодрый Ригеръ видимо были тронуты радушною встрѣчею. Всѣ вмѣстѣ отправились въ городъ. Подъ воротами Остробрамы объяснено было гостямъ политическое значеніе для Поляковъ святыни, которую они называютъ „королевою Польши, облегчающей всѣ противности, бо имѣетъ народъ *свой* въ милости." Палацкій не выразилъ ничего особеннаго, а Ригеръ пожелалъ видѣть святыню. Вдвоемъ съ Кубиштою отправились они наверхъ, и снизу видно было, какъ, по случаю ихъ прихода, зажигались предъ иконою свѣтильники и отдергивались тройныя занавѣски, скрывающія обыкновенно отъ молящихся ликъ Богоматери.

У Никольской церкви еще разъ остановились всѣ и вошли въ храмъ. У лѣваго клироса священникъ благоговѣйно совершалъ крещеніе младенца. Всѣ трое гостей съ любопытствомъ слѣдили за словами молитвъ и за священно-

По счастію, у одного изъ купцовъ, ѣхавшаго въ Псковъ, нашелся хлѣбъ. Когда поѣздъ прибылъ и гости вышли на платформу, купецъ И. Г. Быковъ поднесъ имъ хлѣбъ и соль, и сказалъ: „Собратья! Мы, граждане города Острова, узнали въ эту ночь о вашемъ проѣздѣ и поспѣшили привѣтствовать васъ съ прибытіемъ въ царство Русское, и желаемъ дальнѣйшаго счастливаго пути, и вотъ примите, по нашему русскому обычаю, хлѣбъ и соль нашу.“ Славяне слушали рѣчь молча, и когда г. Быковъ ее кончилъ, раздалось дружное *ура* съ обѣихъ сторонъ. Хлѣбъ былъ переданъ Головацкому, тутъ же разрѣзанъ и каждый изъ гостей взялъ себѣ кусокъ. Затѣмъ начались радушныя привѣтствія, пожатіе рукъ. Явилось шампанское, и граждане Острова съ бокалами въ рукѣ привѣтствовали дорогихъ гостей. Но время уходило: поѣзду надо было отправиться; посреди радушныхъ пожеланій счастливаго пути, гости сѣли въ вагонъ. Поѣздъ тронулся и былъ провожаемъ громкимъ *ура*. Гости изъ оконъ махали платками. Крики продолжались до тѣхъ поръ, пока поѣздъ совсѣмъ исчезъ изъ виду.

Во Псковѣ гостей ожидали музыка, огромное собраніе народа, изящная хлѣбъ-соль, въ видѣ кулича съ серебряною солонкой. Умною и задушевною рѣчью встрѣтилъ гостей г. Князевъ, одарившій путешественниковъ экземплярами описанія Псковскаго собора. Нарядно одѣтыя дамы заключили радушную встрѣчу пожеланіями добра всѣмъ, оставленнымъ гостями на родинѣ славянскимъ ихъ женамъ.

Опять полетѣлъ поѣздъ до Луги, гдѣ назначенъ былъ обѣдъ. Въ то время какъ подавали медъ, гости вспомнили о славянскомъ происхожденіи напитка, упоминаемаго Прискомъ при описаніи посольства къ Аттилѣ. Тутъ же былъ разрѣзанъ и раздѣленъ между гостями псковскій хлѣбъ. Всѣ эти встрѣчи и остановки заставили поѣздъ опоздать и вмѣсто трехъ часовъ прибыть въ Гатчину только къ шести съ половиной. Тамъ ожидала ихъ толпа народа, воспитанники Гатчинскаго сиротскаго института и члены городской думы. На платформѣ расположились музыканты Гатчинскаго кирасирскаго полка. Поѣздъ былъ встрѣченъ общими криками: *Слава!* Гости выходили на платформу къ

вѣтилъ далматъ Данило, выразившій глубокое сочувствіе къ русскому обществу и душевную благодарность за оказываемое Славянамъ радушіе. Виленскій священникъ о. Антоній Пщолко, произнесъ затѣмъ слово, окончившееся знаменательнымъ изреченіемъ: „Се, что добро и что красно, во еже жити, братія, вкупѣ.“ Чешскій ораторъ Ригеръ, въ отвѣтъ на это, въ прекрасной рѣчи выразилъ, что главнѣйшими основами взаимнаго сближенія славянства должны служить человѣчность, взаимная любовь и милосердіе Н. П. Барсовъ высказалъ, что самый пріѣздъ Славянъ и братское чувство, возбуждаемое имъ во всѣхъ Русскихъ, свидѣтельствуютъ о жизненности славянства, и предложилъ тостъ за процвѣтаніе славянства на Эльбѣ, Дунаѣ, Днѣпрѣ и Волгѣ. Тостъ былъ принятъ съ общимъ одушевленіемъ. Онъ былъ продолженъ А. В. Рачинскимъ, который предложилъ замѣнить имена рѣкъ именами знаменитыхъ славянскихъ представителей, присутствовавшихъ на обѣдѣ, Палацкаго, Ригера, Ербена, Смоляра, Шафарика и др., и выразилъ глубокую радость, что эти живыя словесныя рѣки текутъ теперь въ Москву, при чемъ напутствовалъ ихъ сердечными пожеланіями. Одна мысль вызывала другую. Обѣдъ принялъ характеръ совершенно дружественнаго собранія, не имѣвшаго и тѣни оффиціальности. Слова г. Рачинскаго дали поводъ замѣчательному сербскому оратору Миличевичу произнести рѣчь, въ которой онъ сравнилъ теперешнюю поѣздку Славянъ и ея обстановку съ путешествіемъ, которое, въ 1804 году, совершили Сербы въ Петербургъ, тайно, скрываясь подъ чужими именами, отыскивая Россію, по выраженію оратора, какъ Колумбъ Америку... Живыя, исполненныя горячаго патріотизма слова Миличевича нашли громкій отзывъ въ сердцахъ слушателей. Затѣмъ, Политъ, заявилъ, что Славяне доселѣ мало знали Россію, и, къ сожалѣнію, благодаря недоброжелательству той славянской націи, съ которою Русскіе, принуждены были исторіей вступить въ борьбу. „До сихъ поръ — сказалъ г. Политъ — *мы знали* Россію православную, *русскую*, теперь мы видимъ Россію *славянскую*, *національную*.“ Эта рѣчь побудила редактора журнала „Страхопудъ,“ Лив-

чака, заявить, что Славянскія начала въ Россіи всегда были сильнѣе, чѣмъ предполагали и предполагаютъ другіе народы. Главное обвиненіе въ неславянствѣ падаетъ на нее со стороны Поляковъ. „Еслибъ дѣло шло о Полякахъ угнетенныхъ, заключилъ Ливчакъ, я не рѣшился бы поднять противъ нихъ слово. Но Поляки поносятъ весь славянскій міръ вовсе не за то, что ихъ угнетаютъ, а за то, что имъ не позволяютъ господствовать.“ Затѣмъ В. Ф. Ратчъ, неутомимо трудящійся надъ собираніемъ матеріаловъ для исторіи послѣдняго возстанія, замѣтилъ, что Россія, какъ любящая мать, готова принять и блуднаго сына, когда онъ раскается.

Обѣдъ закончился краткою рѣчью одного изъ дѣятельныхъ членовъ мѣстной администраціи, генерала Н. И. Цылова. „Я, говорилъ, между прочимъ Н. И. Цыловъ — могу про себя сказать, что я человѣкъ прошедшаго столѣтія. На моей памяти началось первое движеніе славянства; доселѣ оно совершало медленные успѣхи, теперь оно принимаетъ бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры. Стремленіе къ единенію увеличивается — это я могу засвидѣтельствовать, какъ очевидецъ, постоянно слѣдившій за развитіемъ славянсвой идеи.“ Н. И. Цыловъ предложилъ тостъ за успѣхъ Славянскаго дѣла. Излишне говорить, съ какимъ живымъ одушевленіемъ тостъ былъ принятъ.

Обѣдъ кончился въ 7 часовъ. Послѣ него, одни изъ славянскихъ гостей отправились въ театръ, большинство въ музей, гдѣ ихъ встрѣтили и съ ними познакомились нѣкоторыя дамы изъ мѣстнаго русскаго общества. Палацкому и Ригеру, прибывшимъ въ музей нѣсколько позже, дамы, ожидавшія ихъ съ цвѣтами, поднесли первому лавровый вѣнокъ, второму букетъ, привѣтствуя въ лицѣ этихъ знаменитостей всѣхъ славянскихъ гостей. Библіотечная „Книга“ приняла въ себя подписи почетныхъ посѣтителей. Ригеръ искалъ памятниковъ польской письменности. Ему были представлены драгоцѣнные экземпляры польской печати въ Брестѣ XVI вѣка и между ними рѣдкій полный экземпляръ библіи Радзивила 1556 года, — того Радзивила, который по-русски выражался, что на бѣдную его родину,

какъ мухи на медъ, поналетѣли Поляки, и также, какъ мухи, ее опакостили. Въ посвятительномъ предисловіи къ королю, Радзивилъ проситъ его величество не ставить книгу на полку, а читать ее и распространить въ народѣ, чтобы сокрушить „Balwana Rzymskiey Boźnicy, взрушителя дзись явнаго покою христіанскаго". Іезуиты успѣли мольбу эту сдѣлать безплодною и самое большинство экземпляровъ библіи уничтожить. Въ рукописномъ отдѣлѣ на грамотахъ съ XIV вѣка, польское начало представляется подписями: Augustus rex, Ladislaus rex, Stanislaus rex; начинаются же онѣ всѣ „Божіею милостію" и оканчиваются по-русски со вставками въ позднѣйшихъ латинскихъ юридическихъ терминовъ. Книги церковныя, начиная съ листковъ Евангелія XI вѣка изъ Новгородка, съ Аврааміевской лѣтописи 1495 года до позднѣйшихъ рукописныхъ трудовъ въ Дѣснѣ, Ошмянѣ, Полоникѣ,—все славянское. Осязательнѣйшимъ памятникомъ господства русскаго нарѣчія въ странѣ, и лишь извращенія его подъ польскимъ игомъ, Ригеръ и библіотекарь Пражского Музея, Вртятко, могли видѣть на камнѣ XVI вѣка, вдѣланномъ въ стѣну сѣней зданія и на которомъ почтенною кириллицей начертаны слѣдующія слова: „Лѣта отъ нарож... 1558 мѣсяца августа въ 5-й день, въ пятницу преставися Остафей Васильевичъ Тишковичъ."

Послѣ чая, изъ гимназическаго дома выѣхали Славяне на желѣзную дорогу въ сопровожденіи многочисленнаго русскаго общества. Проводы были исполнены того же дружескаго, искренняго, братскаго чувства, которое возросло и укрѣпилось въ этотъ памятный день.

Рѣжицу, Динабургъ, который Славяне перекрестили въ Двиньгородъ, поѣздъ проѣзжалъ ночью. Первая, неожиданная встрѣча произошла въ 8 часовъ утра, въ городѣ Островѣ. Здѣсь на станціи собрались чиновники, купцы и прочіе жители города. Приготовленій къ встрѣчѣ заранѣе, по неизвѣстности времени проѣзда гостей, не дѣлалось никакихъ. Уже на станціи, положено было по русскому обычаю встрѣтить дорогихъ гостей съ хлѣбомъ и солью. Но вотъ бѣда: хлѣба никто не привезъ, а городъ отъ станціи находится въ 2½ верстахъ,—ѣхать за хлѣбомъ уже было невозможно.

По счастію, у одного изъ купцовъ, ѣхавшаго въ Псковъ, нашелся хлѣбъ. Когда поѣздъ прибылъ и гости вышли на платформу, купецъ И. Г. Быковъ поднесъ имъ хлѣбъ и соль, и сказалъ: „Собратья! Мы, граждане города Острова, узнали въ эту ночь о вашемъ проѣздѣ и поспѣшили привѣтствовать васъ съ прибытіемъ въ царство Русское, и желаемъ дальнѣйшаго счастливаго пути, и вотъ примите, по нашему русскому обычаю, хлѣбъ и соль нашу.“ Славяне слушали рѣчь молча, и когда г. Быковъ ее кончилъ, раздалось дружное *ура* съ обѣихъ сторонъ. Хлѣбъ былъ переданъ Головацкому, тутъ же разрѣзанъ и каждый изъ гостей взялъ себѣ кусокъ. Затѣмъ начались радушныя привѣтствія, пожатіе рукъ. Явилось шампанское, и граждане Острова съ бокалами въ рукѣ привѣтствовали дорогихъ гостей. Но время уходило: поѣзду надо было отправиться; посреди радушныхъ пожеланій счастливаго пути, гости сѣли въ вагонъ. Поѣздъ тронулся и былъ провожаемъ громкимъ *ура*. Гости изъ оконъ махали платками. Крики продолжались до тѣхъ поръ, пока поѣздъ совсѣмъ исчезъ изъ виду.

Во Псковѣ гостей ожидали музыка, огромное собраніе народа, изящная хлѣбъ-соль, въ видѣ кулича съ серебряною солонкой. Умною и задушевною рѣчью встрѣтилъ гостей г. Князевъ, одарившій путешественниковъ экземплярами описанія Псковскаго собора. Нарядно одѣтыя дамы заключили радушную встрѣчу пожеланіями добра всѣмъ, оставленнымъ гостями на родинѣ славянскимъ ихъ женамъ.

Опять полетѣлъ поѣздъ до Луги, гдѣ назначенъ былъ обѣдъ. Въ то время какъ подавали медъ, гости вспомнили о славянскомъ происхожденіи напитка, упоминаемаго Прискомъ при описаніи посольства къ Аттилѣ. Тутъ же былъ разрѣзанъ и раздѣленъ между гостями псковскій хлѣбъ. Всѣ эти встрѣчи и остановки заставили поѣздъ опоздать и вмѣсто трехъ часовъ прибыть въ Гатчину только къ шести съ половиной. Тамъ ожидала ихъ толпа народа, воспитанники Гатчинскаго сиротскаго института и члены городской думы. На платформѣ расположились музыканты Гатчинскаго кирасирскаго полка. Поѣздъ былъ встрѣченъ общими криками: *Слава!* Гости выходили на платформу къ

окнамъ вагоновъ и раскланиваясь съ народомъ отвѣчали ему тѣми же криками: *Слава!* Пока стоялъ поѣздъ, клики не умолкали ни на минуту, и гости едва успѣвали отвѣчать на сыпавшіяся имъ привѣтствія. Раздался звонокъ, путешественники стали снова возвращаться на свои мѣста въ вагоны, провожаемые задушевными пожеланіями и единодушнымъ *Слава!* Въ вагоны вошли нѣкоторые изъ членовъ петербургскаго комитета, выѣхавшіе на встрѣчу Славянамъ.

Тотчасъ же закипѣла живая бесѣда, посыпались распросы: далеко ли до Петрограда? Какой городъ только-что оставили за собой? Цѣлый часъ прошелъ какъ одна минута,—подъѣзжали уже къ Петербургу. Когда гости узнали о близости столицы, всѣ двинулись къ окну: „То Петроградъ! то Петроградъ!" восклицали они, и въ этихъ двухъ словахъ выражалась самая искренняя радость. По крайней мѣрѣ четверть часа стояли они у окошекъ, ожидая прибытія въ Петербургъ. Поѣздъ въѣхалъ, наконецъ, подъ арку станціи, раздались звуки музыки и грянуло снова восторженное *Слава!*

VIII.

Около двухъ тысячъ народа собралось на Петербургской станціи Варшавской желѣзной дороги встрѣтить славянскихъ гостей, и эти двѣ тысячи, какъ одинъ человѣкъ, восклицали, махая шапками: *Слава!* Едва путешественники успѣли выдти изъ вагоновъ, какъ вся толпа бросилась къ нимъ, и они едва успѣвали отвѣчать на братскія привѣтствія встрѣчавшихъ. Многіе изъ публики подходили къ гостямъ, цѣловались съ ними, жали имъ руки, кричали: „Добро пожаловать!" и т. п. Первый вышелъ Ербенъ и принялъ отъ членовъ комитета хлѣбъ-соль; за нимъ показались Палацкій, Ригеръ и Головацкій, эти заслуженные представители славянской науки, и восторженные клики: „Слава Палацкому! слава Ригеру! слава Головацкому!" оглашали своды станціи. На дворѣ станціи толпа была еще больше. Клики „слава!"

не прекращались до того времени, какъ гости, сѣвъ въ экипажи, отъѣхали на значительное разстояніе. Во все время прохожденія своего черезъ комнаты и дворъ станціи, гости раскланивались на всѣ стороны и при каждомъ поклонѣ восклицанія раздавались громче и громче. Въ продолженіе всего пути отъ воксала до гостиницы „Belle-Vue“ дружественная бесѣда не прерывалась; депутаты удивлялись въ особенности снѣгу, падавшему въ то время хлопьями. Изъ зданій поразили ихъ Исакіевскій и Казанскій соборы своимъ величіемъ и великолѣпіемъ. Около гостиницы „Belle-Vue“ новая толпа собралась по-братски встрѣтить дорогихъ гостей: клики „слава!“ провожали ихъ до отведенныхъ имъ помѣщеній.

Едва успѣли путешественники немного оправиться съ дороги, какъ были приглашены откушать хлѣба-соли. Столы были накрыты въ четырехъ залахъ. Гости сошли внизъ, а на улицѣ въ это время гремѣло неумолкаемое „слава!“ Гости еще разъ захотѣли показаться собравшемуся народу и вышли на балконъ гостиницы. Казалось домъ разрушится отъ восторженныхъ кликовъ, привѣтствовавшихъ ихъ снова. Наконецъ всѣ сѣли за столы. Оркестръ исполнилъ русскій народный гимнъ и всѣ присутствовавшіе выслушали его стоя. Оживленная бесѣда продолжалась во все время ужина: здѣсь не было Чеховъ, Хорватовъ, Сербовъ, Словаковъ, Русскихъ; здѣсь былъ только одинъ народъ, одни братья — Славяне.

За этимъ дружескимъ ужиномъ сказано было нѣсколько рѣчей какъ пріѣзжими гостями, такъ и Русскими.

Вотъ что сказалъ адвокатъ и членъ чешскаго сейма Браунеръ:

„Пришельцы изъ дальнихъ западныхъ странъ, мы встрѣтили въ Россіи такое радушное привѣтствіе, какого не могли и ожидать. Отъ границы до Ченстохова, отъ Ченстохова до Варшавы, отъ Варшавы до Вильно, отъ Вильно до Пскова это привѣтствіе росло все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Петербургу и въ Петербургѣ достигло своей вершины. Это явленіе дорого нашему сердцу: здѣсь Славяне встрѣтились съ своими братьями-

Славянами на славянской землѣ, и въ такую минуту, когда элементъ, съ которымъ мы боролись уже тысячу лѣтъ и все еще боремся, и который за все то что мы для него сдѣлали, намъ платитъ притѣсненіемъ и тѣмъ, что хочетъ насъ „прижать къ стѣнѣ", вы прижимаете насъ къ своему сердцу. Чешская пословица говоритъ „что-нибудь за что-нибудь". Итакъ, привѣтствуемъ же васъ какъ, братья. Да здравствуютъ наши русскіе гостепріимные хозяева и любимые наши братья — Русскіе!"

За Браунеромъ поднялъ бокалъ Далматъ Данило, изъ Зары, сказавшій:

„Мм. гг.! Мы прибыли въ новую царскую столицу Петербургъ. Съ того времени какъ возникла эта столица, Россія сдѣлалась силою европейскою, и преимущественно потому, что столица эта лежитъ у моря и въ ней возникла морская сила Россіи. Мы Далматы — люди, привыкшіе къ морю, знаемъ силу моря съ самаго своего рожденія, и еще наши предки знали ее. Такъ въ прошломъ столѣтіи Мартиновичъ, мой соотечественникъ, училъ въ Венеціи многихъ русскихъ наукѣ мореходства. Съ самаго своего возникновенія русскій флотъ помогалъ Далматамъ, защищая ихъ отъ Французовъ въ 1806 году. Далмація приняла къ себѣ и укрыла русскія суда въ послѣднюю восточную войну, когда эти суда были преслѣдуемы Французами и Англичанами. Въ 1858 году, когда Турція утѣсняла райевъ, русскія суда приплыли къ Дубровнику, чтобъ покровительствовать бѣднымъ турецкимъ райямъ. Наши торговыя суда встрѣчаются съ русскими судами во всѣхъ моряхъ, и вездѣ встрѣча ихъ бываетъ радостна. Дай Богъ, чтобъ подобно тому какъ далматскіе моряки радостно встрѣчаются съ русскими на морѣ, всѣ Славяне братски встрѣчались на сушѣ!" *(браво! слава)!*

Потомъ говорили Головацкій, вспомнившій умершихъ тружениковъ славянской науки, сѣятелей добра, которыхъ плоды мы пожинаемъ, и наконецъ Ригеръ, выразившійся такъ:

„Наибольшій и первенствующій народъ на землѣ — Славянскій. Но первенствуетъ ли онъ также своими дѣлами?

Вотъ вопросъ, на который мы должны отвѣчать, что другіе народы успѣли опередить его. Причина этого—въ томъ, что мы, Славяне, были разрозненными членами одного тѣла, каждый изъ насъ долженъ былъ бороться съ какимъ-нибудь заклятымъ врагомъ своимъ: одинъ съ Нѣмцами, другой съ Мадьярами, третій съ Итальянцами, четвертый съ Татарами. Но вотъ взошло солнце взаимности славянской, и мы убѣдились, что мы всѣ одинъ народъ, убѣдились, что если мы станемъ другъ друга поддерживать, мы будемъ народъ великій не только числомъ своимъ, но и своими дѣлами. Слава!"

Затѣмъ пріѣхавшій изъ Москвы депутатъ отъ комитета этнографической выставки, Н. А. Поповъ, прочелъ слѣдующую телеграму, полученную этимъ комитетомъ изъ Маріуполя:

„Господамъ Палацкому и Ригеру, славянскимъ депутатамъ, прибывшимъ на этнографическую выставку.

„Привѣтствуя въ лицѣ вашемъ всѣхъ нашихъ соотечественниковъ, мы искренно радуемся тому естественному радушію, которое оказываютъ вамъ наши русскіе братья. Ваша дѣятельность на пользу отечества служитъ лучшимъ ручательствомъ его благосостоянія и вызываетъ въ насъ благоговѣніе къ вамъ — великіе дѣятели! Дай же Богъ, чтобъ настоящее братское сближеніе было залогомъ нашей будущности великой. Славяне, уроженцы Далмаціи, негоціанты и проживающіе въ Маріуполѣ, *Матвѣй Ковачевичъ*, *Александръ Трипковичъ*, *Францъ Ковачевичъ*, *Марко Поповичъ*, *Фисковичъ*, *Деспотъ Мимбелли*, *Іосифъ Іовановичъ*, *Петръ Трипковичъ*, *Іосифъ Николичъ*, *Павловичъ*, *Любиша*, *Вуковичъ*".

И эта телеграма, и всѣ рѣчи произнесенныя за ужиномъ, покрывались аплодисментами и криками „ура", „слава", „живіо" и т. п.

Съ ранняго утра 9-го мая, отель „Бельвю" превратился въ одно обширное мѣсто свиданія славянскихъ гостей и русскихъ,приходившихъ повидаться съ ними или отдать имъ визитъ. Скоро распорядители пріема явились окруженные

толпою гостей и всѣ отправились въ сосѣднюю Публичную библіотеку.

Здѣсь гостей принимали директоръ библіотеки, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, И. Д. Деляновъ, и весь штатъ библіотеки. Посѣтители были приглашены вписать въ лежавшую на столѣ книгу свои фамиліи: подобное событіе, какъ посѣщеніе первою по своему составу и числу славянскою депутаціей изъ-за границы нашей главной библіотеки, должно было остаться историческимъ событіемъ въ лѣтописяхъ ея. Обязательные чиновники, служащіе при библіотекѣ, присоединились къ гостямъ, чтобъ указывать и пояснять интересныя рукописи, гравюры и изданія. Наиболѣе обратили на себя ихъ вниманіе: Остромірово евангеліе, собраніе библій на всѣхъ языкахъ, караимскія рукописи на кожѣ, оттиски надгробныхъ надписей съ еврейскихъ могилъ въ Вавилонѣ, вывѣска съ одной лондонской таверны, изображающая императора Петра I и присланная въ даръ библіотекѣ британскимъ музеемъ, автографы царственныхъ особъ Европы; великолѣпная читальная зала и всѣ отдѣленія библіотеки были осмотрѣны въ подробности. Кромѣ славянскихъ языковъ въ массѣ присутствовавшихъ не слышалось никакихъ другихъ. Изъ библіотеки гости отправились въ Казанскій и потомъ въ Исакіевскій соборы, духовенство которыхъ съ особенною предупредительностью приняло ихъ и объясняло какъ историческіе памятники, такъ иконы, утвари и предметы богослуженія. Громадность, богатство и великолѣпіе обоихъ храмовъ приводило въ восторгъ посѣтителей, особенно духовныя лица. Въ Казанскомъ соборѣ, осматривали съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ знамена, отбитыя въ разныя времена у враговъ Россіи; но Исакіевскій соборъ, куда гости прибыли послѣ того, произвелъ на нихъ еще большее впечатлѣніе. Малахитовыя и лапислазурныя колонны долго были разсматриваемы, точно также какъ и ковчегъ изъ чистаго серебра въ 5 пудовъ вѣсомъ. Долго разсматривали гости иконы изъ мозаики, — и замѣтили, что Русскіе превзошли въ этомъ искусствѣ самихъ Итальянцевъ. Изъ Исакіевскаго собора гости отправились осма-

тривать мозаичное заведеніе при академіи художествъ, гдѣ долго разсматривали приготовляемые образа и образцы мозаики всевозможныхъ цвѣтовъ; академическихъ же галлерей не могли видѣть, такъ какъ залы академіи теперь передѣлываются и картины изъ нихъ вынесены. Изъ мозаичнаго заведенія всѣ пошли, по сосѣдству, въ домъ С. Ф. Соловьева, полюбоваться его богатымъ собраніемъ картинъ и нѣсколькими мраморными группами. Радушный хозяинъ, немогшій, по болѣзни, встрѣтить наканунѣ дорогихъ гостей при ихъ въѣздѣ въ Петербургъ, встрѣтилъ ихъ теперь у себя съ истиннымъ славянскимъ гостепріимствомъ. На возвратномъ пути многіе изъ Славянъ останавливались передъ памятниками Петра Великаго и Николая I-го. Нѣкоторые отправились прокатиться по городу, осмотрѣли часовню у лѣтняго сада и самый садъ, затѣмъ возвратились въ гостиницу.

Вечеромъ славянскіе гости присутствовали на представленіи „Жизни за Царя" въ Маріинскомъ театрѣ. Публика, знавши объ этомъ, наполнила залу сверху до низу горазадо ранѣе начала спектакля. Взоры всѣхъ устремлены были на пустыя ложи бельэтажа, отведенныя для Славянъ. За пять минутъ до поднятія занавѣса, ложи эти стали наполняться. Направо во второй ложѣ отъ большой царской появились Палацкій, увѣшанный орденами, въ числѣ которыхъ былъ и русскій орденъ Владиміра 3-й степени, и Ригеръ съ аннинскимъ орденомъ на шеѣ. За ними слѣдовали другіе Славяне, занявшіе почти половину всего бельэтажа и три боковыя ложи бенуара. Нѣкоторые изъ нихъ (Далматинцы) были въ очень красивыхъ національныхъ костюмахъ, другіе въ чорныхъ чамаркахъ съ снурками, но бóльшая часть въ общеевропейскомъ платьѣ; на нѣкоторыхъ были русскіе ордена. Такъ какъ они входили въ ложу не всѣ вмѣстѣ, то публика, несмотря на очевидное свое желаніе, не могла привѣтствовать ихъ при входѣ. Первый актъ оперы прошелъ посреди какого-то напряженнаго ожиданія... Когда занавѣсъ опустился, всѣ встали и обратились лицомъ къ ложамъ, занимаемымъ Славянами. Прошла минута, и вдругъ раздались единодушные и громовые крики „сла-

ва.“ Славяне встали и начали раскланиваться... Крики усилились; къ нимъ присоединились аплодисменты, мущины махали шляпами, дамы платками. Вслѣдъ за этимъ общимъ привѣтствіемъ, раздалось „Палацкому слава!“ Маститый вождь Чеховъ выдвинулся впередъ и, растроганный, кланялся публикѣ. Точно также привѣтствовали Головацкаго и Ригера, которые также отвѣчали поклонами. Вслѣдъ за тѣмъ раздались громкіе крики „гимнъ, гимнъ!“ и оркестръ грянулъ „Боже Царя храни!“ Занавѣсъ поднялся, и всѣ артисты оперной труппы соединили свои голоса съ музыкою. Славяне необыкновенно восторженно привѣтствовали нашъ народный гимнъ, который былъ исполненъ два раза.

Во второмъ актѣ публика приняла очень холодно знаменитую мазурку. Несмотря на великолѣпное ея исполненіе извѣстными танцовщиками и танцовщицами, немногочисленные аплодисменты были тотчасъ же остановлены дружнымъ шиканьемъ. Это была своего рода демонстрація, весьма понятная, если вспомнить, что въ числѣ гостей не было ни одного изъ отщепенцовъ славянства — Поляковъ.

Въ продолженіе всей оперы гости безпрестанно выражали удовольствіе, доставлявшее имъ геніальнымъ произведеніемъ Глинки, и съ рѣдкимъ тактомъ встрѣчали аплодисментами всѣ слова Сусанина, относившіяся до величія Россіи и преданности народа царю. Въ антрактахъ они выходили въ фойе, гдѣ ихъ немедленно окружала толпа и гдѣ художникъ Лаверецкій поднесъ Палацкому вылѣпленную имъ въ большомъ размѣрѣ медаль съ горельефнымъ изображеніемъ артиста Петрова, исполнявшаго роль Сусанина. Это тѣмъ болѣе было кстати, что Палацкій выражалъ неоднократно удивленіе свое къ драматическому таланту г. Петрова.

Послѣ „Жизни за Царя“ шелъ дивертисементъ изъ „Конька-горбунка,“ составленный, какъ извѣстно, изъ танцевъ различныхъ племенъ, населяющихъ Россію. Здѣсь опять повторилась демонстрація по поводу танцевъ Поляковъ, встрѣченныхъ шиканьемъ, несмотря на великолѣпное исполненіе г-жъ Рюхиной и Паркачевой. За то русская пля-

ска г. Гольца была встрѣчена восторженными рукоплесканіями, сигналъ къ которымъ подали опять-таки Славяне.

По окончаніи дивертисемента, снова раздались крики „слава" и отдѣльныя привѣтствія Палацкому и Ригеру, а затѣмъ публика опять потребовала русскій народный гимнъ, который и былъ на этотъ разъ исполненъ однимъ оркестромъ.

Представленіе кончилось въ 11¼ часовъ и славянскіе гости отправились въ гостинницу Belle-Vue, гдѣ, послѣ чая и легкой холодной закуски, распростились съ хозяевами и разошлись по своимъ комнатамъ. Часть гостей оставалась однако въ одной залѣ гостиницы и доставила Русскимъ наслажденіе пѣніемъ чешскихъ и сербскихъ народныхъ пѣсень. Русскій человѣкъ не можетъ спокойно слушать родные звуки, — и потому скоро многіе русскіе присоединили свои голоса къ голосамъ своихъ братьевъ; пѣсни шли одна за другой, одна другой лучше. Только во второмъ часу вспомнили о необходимости дать гостямъ отдыхъ.

10-го мая, съ 10 часовъ утра, стали сбираться въ гостинницу Belle-Vue многіе Русскіе, чтобы повидаться съ славянскими гостями. Всѣ разбрелись по комнатамъ, занимаемымъ Славянами, и въ дружеской бесѣдѣ не замѣтили, какъ прошло два часа. Въ 12 часовъ дня, всѣ Славяне отправились въ Императорскій Эрмитажъ. По прибытіи гостей въ Эрмитажъ, они были встрѣчены у входа въ отдѣленіе статуй чиновникомъ, принадлежащимъ къ эрмитажу, и получили отъ него по экземпляру указателя, и затѣмъ тотъ же чиновникъ провожалъ ихъ по отдѣленію статуй, останавливая ихъ вниманіе на наиболѣе замѣчательныхъ предметахъ. Въ нумизматическомъ отдѣленіи гости опять были встрѣчены другимъ лицомъ, по всей вѣроятности, завѣдующимъ этимъ отдѣленіемъ или состоящимъ при немъ; лицо это точно также провожало гостей по отдѣленію, объясняя имъ значеніе рѣдкостей, хранящихся здѣсь. Потомъ въ отдѣленіи гравюръ гостей ожидалъ профессоръ Іорданъ и, встрѣтивъ ихъ, провожалъ уже по всему эрмитажу, останавливая ихъ вниманіе на наиболѣе замѣчательныхъ предметахъ, на сколько это было возможно, при краткости вре-

мени, которое употреблено было на обзоръ эрмитажа. Наконецъ академикъ Куникъ нарочно прибылъ въ эрмитажъ, ради посѣщенія его славянскими гостями, и съ жаромъ и увлеченіемъ объяснялъ имъ все, что̀ могло ихъ наиболѣе интересовать. Палацкаго и Ригера вначалѣ не было съ ними: они въ это время дѣлали визитъ вице-канцлеру князю Горчакову и пріѣхали въ эрмитажъ уже въ то время, когда остальные гости осматривали на верху картины, и привезли извѣстіе, что князь, выразивъ имъ и въ ихъ лицѣ всѣмъ австрійскимъ Славянамъ свою готовность содѣйствовать къ представленію ихъ Государю Императору, сказалъ, что для этого они должны, по заведенному обычаю, обратиться сначала чрезъ депутацію къ австрійскому посланнику при русскомъ дворѣ. Немедленно, тутъ же въ галлереѣ испанскихъ картинъ составилось нѣчто въ родѣ совѣщанія, по приглашенію Палацкаго и Ригера, и выбраны были депутаты, которые тотчасъ же и отправились къ графу Ревертерѣ. Графъ выразилъ полную готовность передать ихъ желаніе по принадлежности.

Утромъ, 10-го мая, часть сербскихъ гостей отправилась представиться князю Горчакову. Это были сербскіе подданные, депутаты отъ обществъ и учрежденій. Депутація состояла изъ пяти человѣкъ: Петроньевича, Миличевича, Шафарика, Теодоровича и Георгевича — Сербовъ изъ независимой Сербіи. У министра депутація была принята директоромъ азіятскаго департамента, г. Стремоуховымъ. Затѣмъ вышелъ князь Горчаковъ, и слова его, сказанныя по-французски, произвели сильное впечатлѣніе на представлявшихся ему членовъ ученыхъ и литературныхъ обществъ.

„Сербскій народъ, сказалъ князь Горчаковъ, крѣпкій и молодой—народъ, котораго ждетъ могучее развитіе въ будущемъ. Я старъ и быть-можетъ не доживу до той поры, пока это развитіе сдѣлается фактомъ, но мои преемники будутъ на столько же на стражѣ интересовъ сербскаго народа, на сколько старался быть я.“

Замѣтьте — говорилъ послѣ одинъ изъ депутатовъ — замѣтьте: *сербскаго народа*, а не *Сербіи*.

Другое мѣсто въ рѣчи министра также произвело на депутацію сильное впечатлѣніе. „Народъ такъ радушно встрѣтилъ васъ, сказалъ вице-канцлеръ, что правительству нѣтъ надобности вмѣшиваться въ это дѣло.“

При пріемѣ сербскихъ депутатовъ, князь Горчаковъ высказалъ Петроньевичу и сопровождавшимъ его депутатамъ, что онъ жалѣетъ, что не увидитъ ихъ по ихъ возвращеніи изъ Москвы, такъ-какъ, по волѣ Государя Императора, онъ будетъ сопровождать его Величество въ Парижъ.

Возвращаемся, къ осмотру Эрмитажа. Славяне, очевидно, были поражены великолѣпіемъ этого знаменитаго во всей Европѣ хранилища произведеній искусства всѣхъ временъ и народовъ. Между ними безпрестанно слышались восклицанія на разныхъ нарѣчіяхъ. „О, тò красно!“ — „врло лѣпо!“ „дуже богато!“ и т. д.; но и тутъ, среди сокровищъ искусства всѣхъ странъ и вѣковъ, они особенно интересовались русскими вещами. Въ залахъ русской школы они оставались особенно долго, восхищаясь произведеніями Брюлова, Айвазовскаго, Бруни и другихъ. Въ нумизматической коллекціи особенное вниманіе ихъ привлекло собраніе русскихъ монетъ и витрина съ русскими орденами. Многіе изъ нихъ дѣлали замѣтки въ своихъ записныхъ книжкахъ и едва не забывали о необходимости спѣшить, засматриваясь на разные, поражавшіе ихъ, предметы.

Послѣ Эрмитажа они осматривали зимній дворецъ, который былъ показанъ имъ весь, за исключеніемъ жилыхъ покоевъ царской фамиліи. Удивленіе ихъ при видѣ громадности и великолѣпія парадныхъ залъ не знало предѣловъ. Нѣкоторые изъ нихъ, сравнивая зимній дворецъ съ дворцомъ австрійскаго императора въ Вѣнѣ, увѣряли, разумѣется, шутя, что вѣнскій дворецъ помѣстится весь въ Николаевской залѣ зимняго дворца. Кромѣ парадныхъ залъ, Славянамъ показана была половина покойной императрицы Александры Феодоровны, запасная половина и комната, въ которой скончался императоръ Николай Павловичъ. Извѣстно, что комната эта сохранена въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась въ день кончины императора и отличается строгою, почти суровою простотою убранства.

Всѣ вещи, принадлежавшія императору Николаю, сохраняются въ ней, какъ семейная святыня. Долго оставались въ этой комнатѣ Славяне въ какомъ-то тихомъ и серьёзномъ раздумьи, осматривая въ подробности всѣ находившіяся въ ней вещи... Кто знаетъ, какія мысли волновали ихъ душу при видѣ этой тѣсной комнаты, въ которой скончался государь, имя котораго долго произносилось съ какою-то тайною надеждою разлученными съ нами судьбой и исторіей славянскими народами!

Изъ зимняго дворца Славяне отправились въ главное адмиралтейство, гдѣ осматривали морской музей.

Особенно долго занялись Славяне осмотромъ великолѣпной модели броненосной батареи и, строющейси на дворѣ Адмиралтейства, желѣзной церкви для западнаго края. Между прочимъ, еще утромъ, должна была прибыть въ гостиницу Belle-Vue депутація отъ Кронштадта, но она телеграфировала, что тронулся ладожскій ледъ, и сообщеніе между этимъ городомъ и сушею прекращено. Осматривая модели разныхъ судовъ, входящихъ въ составъ русскаго флота, многіе Славяне замѣтили, что русскій флотъ есть первый славянскій свободный флотъ. Изъ адмиралтейства гости отправились домой, въ гостиницу Belle-Vue.

Послѣ обѣда, многіе изъ нихъ присутствовали на всенощной въ домашней церкви графа Шереметева, гдѣ пѣлъ знаменитый хоръ пѣвчихъ этой церкви, состоящій подъ управленіемъ г. Ламакина. Былъ канунъ празднованія памяти св. Кирилла и Меѳодія, и гости захотѣли справить этотъ канунъ по русскому обычаю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воспользоваться случаемъ послушать хоръ г. Ламакина пріобрѣтшій себѣ такую громкую и заслуженную извѣстность.

Въ половинѣ 7-го часа они, въ числѣ 30 человѣкъ, пріѣхали въ домовую церковь графа Шереметева. Въ числѣ ихъ были: Ригеръ, Браунеръ и Ербенъ, архимандритъ Ковачевичъ и пятеро другихъ духовныхъ особъ. Домовая церковь графа была залита огнемъ свѣчъ, горѣвшихъ по верху иконостаса. Всенощную служилъ священникъ семеновской церкви о. Василій Барсовъ. При бо-

гослуженія присутствовали: законоучитель Великихъ Князей протоіерей Іоаннъ Васильевичъ Рождественскій и ректоръ академіи протоіерей Янышевъ. Въ алтарѣ находились изъ славянскихъ гостей архимандритъ и три православные сербскіе священника; два другіе священника стояли въ церкви. Въ церкви присутствовали генералъ-адъютантъ Перовскій и много другихъ знатныхъ особъ обоего пола. Хоръ пѣвчихъ графа Шереметева, извѣстный подборомъ лучшихъ голосовъ и искусствомъ церковнаго пѣнія, на этотъ разъ отличался особеннымъ совершенствомъ выполненія. Торжественная пасхальная пѣснь: „Христосъ воскресе", а равно и эктеньи были пѣты сербскимъ напѣвомъ, что̀ особенно трогало южно-славянскихъ гостей. Во время всенощной былъ пропѣтъ пасхальный канонъ, во время котораго гости, вмѣстѣ съ присутствовавшими членами братства святыхъ просвѣтителей славянскихъ народовъ, прикладывались къ выставленной иконѣ св. Кирилла и Меѳодія. Послѣ пасхальнаго отпуска всенощнаго, священнослужащій привѣтствовалъ гостей троекратнымъ возглашеніемъ: „Христосъ воскресе", на что̀ они громко отвѣчали: „воистину воскресе".

За всенощною слѣдовалъ краткій молебенъ тѣмъ же равноапостольнымъ святителямъ. Во время молебна прочитано святительское евангеліе, заканчивающееся многознаменательнымъ изреченіемъ Христа Спасителя: „и будетъ едино стадо и единъ пастырь"—изреченіемъ, великій смыслъ котораго какъ нельзя болѣе согласовался съ настроеніемъ всѣхъ присутствовавшихъ. Въ концѣ молебна прочитана благодарственная молитва, на послѣднія слова которой „слава тебѣ Богу благодателю нашему" хоръ отвѣтилъ стройнымъ и торжественнымъ пѣніемъ священнаго гимна „Тебе Бога хвалимъ". Церковное торжество кирилло-меѳодіевскаго братства, пригласившаго славянскихъ гостей въ домовую церковь графа Шереметева, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало родственнымъ чувствамъ представителей единоплеменныхъ братьевъ.

По окончаніи церковнаго торжества гости были приглашены гостепріимными хозяевами, графомъ и графинею Ше-

реметевыми, во внутренніе покои, которые были роскошно и со вкусомъ убраны зеленью и цвѣтами и освѣщены съ особеннымъ великолѣпіемъ. Особенно эффектна была такъ-называемая бѣлая зала, блиставшая тысячью огней. Покои на половинѣ графини были убраны изящно. Въ одной изъ залъ, куда собрались гости, былъ приготовленъ чай, во время котораго графъ и графиня выразили гостямъ чувство полнаго русскаго радушія и гостепріимства. Многіе изъ присутствовавшихъ русскихъ дамъ бесѣдовали съ славянскими гостями. Въ 9 часовъ гости оставили домъ графа для тог чтобъ отправиться къ другому радушному хозяину, графу Кушелеву-Безбородко, открывшему для этого вечера всѣ свои богатыя палаты. Этотъ великолѣпный праздникъ, неимѣвшій на себѣ ни малѣйшаго признака официальности, будучи задуманъ и исполненъ съ чрезвычайнымъ тактомъ, выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ пировъ, и потому описаніе его не будетъ лишено интереса.

Самый характеръ праздника задуманъ былъ очень удачно: это былъ не балъ, но раутъ въ соединеніи съ концертомъ, на которомъ, пѣлись и игрались только произведенія славянскихъ композиторовъ. Къ девяти часамъ вечера освѣщенныя залы начали уже наполняться приглашенными, которыхъ, было болѣе 300, кромѣ пріѣзжихъ Славянъ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали появленія гостей. Первые прибыли Палацкій, Ригеръ и докторъ Гаммерникъ въ сопровожденіи И. И. Срезневскаго. Къ десяти часамъ съѣхались какъ всѣ Славяне, такъ и приглашенные, и пока по всѣмъ обширнымъ комнатамъ кипѣла оживленная бесѣда, въ малой концертной залѣ игралъ хоръ военной музыки л.-г. казачьяго полка, который исполнялъ преимущественно пьесы изъ донскихъ народныхъ пѣсенъ. Музыка эта и была приглашена именно съ тою цѣлью, чтобъ пріѣзжіе Славяне слышали русскія народныя мелодіи.

Наконецъ, хозяинъ пригласилъ всѣхъ въ большую залу, гдѣ былъ приготовленъ концертъ, печатная программа котораго лежала на каждомъ стулѣ. Эта великолѣпная зала, своею необыкновенной обстановкой, представляла чисто волшебный видъ: залитая яркимъ свѣтомъ люстръ и канде-

люстровъ, украшенная превосходнѣйшими мраморными статуями, она, въ противоположномъ отъ эстрады концѣ, выходила тремя широкими арками въ зимній садъ, убранный огромнымъ числомъ разноцвѣтныхъ шкаликовъ, поэтическое освѣщеніе которыхъ покрывалось по временамъ летучимъ электрическимъ свѣтомъ. Эффектъ этихъ моментовъ до того былъ поразителенъ, что у иныхъ раздавались невольныя восклицанія, а пріѣзжіе гости просто приходили въ восторгъ, который и передавали на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Всѣ невольно отправлялись въ саду, и скоро на галлереяхъ его образовалась такая густая толпа, что проникнуть туда сдѣлалось невозможнымъ. Волшебный свѣтъ озарялъ скалы, каскады, тропическія растенія, и по мостамъ, перекинутымъ съ одной стороны на другую, горѣлъ необыкновенно удачно придуманный хозяиномъ транспарантъ, въ которомъ выразился весь настоящій характеръ праздника (картина была исполнена извѣстнымъ художникомъ; вообще же, въ устройствѣ художественной обстановки праздника принималъ дѣятельное участіе г. Хохловъ). Сверху былъ изображенъ двуглавый орелъ, подъ которымъ находился вензель Императора: отъ него вверхъ шли лучи во всѣ стороны. Посрединѣ изображеніе Кіева, города близкаго и знакомаго всѣмъ Славянамъ; по бокамъ спускались гербы всѣхъ славянскихъ земель, а внизу огромными церковно-славянскими буквами виднѣлась подпись изъ евангелія: „вси же вы братія есте". Западные гости останавливались передъ этимъ транспарантомъ съ умиленіемъ, и многіе изъ нихъ невольнымъ движеніемъ пожимали руки знакомымъ и незнакомымъ. Головацкій говорилъ, что подобная мысль могла только быть придумана русскимъ радушіемъ.

Концертъ исполненъ былъ по слѣдующей программѣ: а) увертюра изъ оперы „Русалка", Даргомыжскаго; б) арія изъ оперы „Жизнь за Царя", Глинки, исполнила г-жа Силуянова; в) „Близко города Славянска", Верстовскаго, исполнилъ г. Никольскій; г) арію изъ оперы „Галька", Монюшки, исполнила г-жа Бюдель; д) „Не горюй, не тоскуй", романсъ графа Г. А. Кушелева-Безбородко, исполнила г-жа

Леонова; е) рондо Фарлафа изъ оперы „Русланъ и Людмила“, Глинки, исполнилъ г. Петровъ; ж) увертюра на чешскія темы, Воячека; з) дуэтъ изъ новой оперы „Майская ночь“, Сокальскаго, исполнили г-жа Леонова и г. Никольскій; и) варіаціи „Соловей“, Алябьева для сопрано и флейты исполнили г-жа Бюдель и г. Чіарди; і) малороссійскую пѣсню исполнила г-жа Бюдель; к) романсъ Варламова исполнила г-жа Силуянова; л) тріо изъ оперы „Жизнь за Царя“, исполнили г-жа Бюдель, гг. Никольскій и Петровъ; м) народный гимнъ „Боже Царя храни“. Въ антрактѣ, въ саду скрытый за скалою въ зелени пѣлъ хоръ пѣсенниковъ лейбгвардіи казачьяго полка собственно однѣ народныя пѣсни, которыя не могли не произвести впечатлѣнія на Славянъ, пѣсни которыхъ имѣютъ такъ много общаго между собою. Въ большой залѣ, въ числѣ статуй, обратила на себя вниманіе нѣкоторыхъ славянскихъ госей конная статуя императора Іосифа II, подаренная самимъ императоромъ знаменитому канцлеру Екатерины II.

Въ залахъ графа Кушелева-Безбородко собралось самое разнообразное общество. Тутъ были и государственные сановники, и представители науки, и литераторы и художники, и именитое купечество. Праздникъ удостоенъ былъ присутствіемъ его императорскаго высочества, принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Нельзя не упомянуть объ одномъ фактѣ, доказывающемъ, какъ русская слава не чужда Славинамъ. Во время антракта, Сербы Граничары спрашивали: здѣсь ли генералъ Тотлебенъ? и на утвердительный отвѣтъ, просили познакомить ихъ съ этимъ знаменитымъ генераломъ, имя котораго извѣстно во всей Европѣ. Объ этомъ сообщено было графу, и онъ тотчасъ же исполнилъ желаніе Сербовъ. Сверхъ того, хозяинъ получилъ изъ Праги слѣдующую телеграмму изъ редакціи газеты *Národní Noviny*: „Пражскіе Славяне признательны за ваше роскошное гостепріимство; сердечный поклонъ всѣмъ нашимъ славянскимъ братьямъ.“ На это графъ отвѣчалъ телеграммою: „Славянскіе братья всѣ у меня съ нашими Русскими братьями. Благодаримъ вмѣстѣ за сочувствіе.“

Въ первомъ часу гости приглашены были къ ужину, ко-

торый накрытъ былъ на небольшихъ столахъ въ малой залѣ, въ картинной галлереѣ, а также и въ китайской комнатѣ, гдѣ за небольшимъ столомъ сидѣлъ самъ хозяинъ, окруженный преимущественно Славянами. Радушная хозяйка не садилась, но, обходя гостей, разговаривала съ многочисленными своими посѣтителями. Въ разныхъ мѣстахъ раздавались тосты, и Славяне пили за здоровье хозяина, которому кричали „славу" и который отвѣчалъ тостами за ихъ здоровье. Но произошла интересная сцена послѣ ужина. Пѣсенники переведены были изъ сада въ галлерею, и казачьи пѣсни такъ полюбились Славянамъ, что они толпились возлѣ казаковъ, благодарили ихъ и просили позволенія вызвать пѣсенниковъ на средину залы. Послѣ нѣсколькихъ удалыхъ пѣсенъ, одинъ казакъ, по общему желанію, протанцовалъ бойкаго казачка, который вызвалъ буквально громъ рукоплесканій.

Вечеръ окончился часовъ около двухъ.

11-го мая, какъ извѣстно, православная церковь празднуетъ память просвѣтителей Славянъ и основателей славянской письменности, Кирилла и Меѳодія. Къ этому общеславянскому празднику припасено было комитетомъ для встрѣчи Славянскихъ гостей главное торжество встрѣчи, приготовленной въ Петербургѣ для нашихъ дорогихъ гостей. День начался торжественною обѣднею въ Исакіевскомъ соборѣ, въ память Кирилла и Меѳодія. По болѣзни высокопреосвященнаго митрополита Исидора, богослуженіе совершалъ преосвященный архіепископъ Тверской и Кашинскій Ѳилоѳей, съ тремя архіереями, восемью архимандритами и прочимъ духовенствомъ.

Передъ обѣднею пятеро изъ славянъ (4 православные священника и 1 уніатскій — знаменитый профессоръ Головацкій) представлялись преосвященному митрополиту Исидору, который принялъ ихъ весьма радушно и съ участіемъ разспрашивалъ ихъ о положеніи православной церкви въ Австріи. Особенно долго бесѣдовалъ онъ съ профессоромъ Головацкимъ, подробно разспрашивая его объ его процессѣ и преслѣдованіяхъ, которымъ онъ подвергался отъ графа Голуховскаго.

Славянскіе гости начали прибывать въ Исакіевскій соборъ уже во время проскомидіи. Для нихъ было отведено особое мѣсто вокругъ амвона, на которомъ возсѣдаетъ во время проскомидіи священнодѣйствующій архипастырь. Доступъ къ этому мѣсту былъ черезъ двери съ правой стороны южнаго входа Исакіевскаго собора. Нѣсколько позже прибыли въ церковь Палацкій, Ригеръ и Браунеръ. Православные славянскіе священники помѣщались въ алтарѣ, католическій священникъ Радлинскій стоялъ вмѣстѣ съ прочими Славянскими гостями.

Въ служеніи участвовало 5 епископовъ, 8 архимандритовъ и до двадцати священниковъ.

Торжественное архіерейское служеніе и необыкновенностройное пѣніе двухъ соединенныхъ хоровъ произвели глубокое впечатлѣніе на Славянъ и на ихъ духовенство. Они единогласно утверждали, что имъ еще не доводилось видѣть и слышать ничего подобнаго. Въ особенности же понравились имъ: концертъ № 6, „Иже херувимы,“ Бортнянскаго, „Вѣрую“ Березовскаго, „Ангелъ вопіяше“ и „Да воскреснетъ Богъ.“

Передъ выносомъ св. причастія, изъ алтаря вышелъ протоіерей Янышевъ и направился къ проповѣднической каѳедрѣ. Толпа Славянскихъ гостей двинулась къ этой каѳедрѣ и съ видимымъ любопытствомъ ожидала проповѣди О. Янышевъ избралъ предметомъ для своей проповѣднической рѣчи просвѣтительную дѣятельность Кирила и Меѳодія. Онъ началъ замѣчаніемъ, что празднованіе памяти этихъ великихъ дѣятелей славянства пріобрѣтаетъ въ нынѣшнемъ году особое значеніе вслѣдствіе присутствія посреди насъ нашихъ Славянскихъ гостей. Затѣмъ, уяснивъ въ короткихъ словахъ все великое значеніе дѣятельности Кирила и Меѳодія, онъ перешелъ къ вліянію ея на исторію развитія Славянъ, указалъ великія заслуги этихъ святителей дѣлу славянскаго единства, основаннаго изобрѣтеніемъ славянской письменности, помянулъ добрымъ словомъ всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ Славянскихъ дѣятелей, и, переходя къ славяно-русскому племени, въ энергическомъ и сжатомъ обзорѣ изложилъ всѣ благодѣянія, да-

рованныя намъ реформами нынѣшняго царствованія. Далѣе отецъ Янышевъ упомянулъ и о темныхъ сторонахъ русской духовной жизни, и заключилъ свою рѣчь краснорѣчивымъ воззваніемъ ко всѣмъ Славянскимъ братьямъ, приглашая ихъ вѣчно памятовать заслуги Кирила и Меѳодія и ихъ значеніе въ славянскомъ мірѣ.

Слово отца Янышева произвело сильное впечатлѣніе на Славянскихъ гостей, а чтеніе евангелія, кончившееся словами „да будетъ едино стадо и единъ пастырь,“ еще болѣе усилило это впечатлѣніе.

Послѣ обѣдни, преосвященный Филоѳей со всѣмъ священнодѣйствовавшимъ духовенствомъ отслужилъ соборнѣ молебствіе св. Кирилу и Меѳодію...

Славяне вышли изъ Исакіевскаго собора подъ глубокимъ впечатлѣніемъ всего ими видѣннаго и слышаннаго. На паперти ихъ ожидала огромная масса народа, собравшаяся, чтобъ видѣть ихъ, несмотря на отвратительную погоду.

Изъ собора славянскіе гости отправились прямо въ академію наукъ, гдѣ присутствовали при обыкновенномъ, назначенномъ на этотъ день засѣданіи отдѣленія русскаго языка и словесности. Предсѣдатель этого отдѣленія, профессоръ Срезневскій, открылъ засѣданіе, пригласивъ Палацкаго (отца) и Ербена, состоящихъ членами-корреспондентами отдѣленія, занять мѣсто между академиками.. Засѣданіе состояло изъ рѣчи И. И. Срезневскаго, въ которой послѣ краткаго обращенія къ славянскимъ гостямъ, академикъ заявилъ о вновь открытомъ памятникѣ глаголицкой письменности, который, судя по сохранившимся отрывкамъ, составляетъ первый открытый доселѣ образчикъ текста ветхаго завѣта, писаннаго глаголицею. Затѣмъ, онъ перечислилъ изданія, доставленныя въ академію по отдѣлу славянской литературы: сказалъ о трудѣ германскаго ученаго Шлейхера, бросающемъ новый свѣтъ на славянское языкознаніе, о сборникѣ В. Макушева, подъ заглавіемъ „Задунайскіе и адріатическіе Славяне,“ и наконецъ упомянулъ о важномъ явленіи въ славянской наукѣ, объ изданіи на чешскомъ языкѣ Карломъ Яроміромъ Ербеномъ Несторовой лѣтописи, съ примѣчаніями и генеалогической

таблицей. Затѣмъ академикъ Я. Гротъ заявилъ о выходѣ въ свѣтъ IV тома сочиненій Державина, гдѣ помѣщены драматическія произведенія поэта, и между ними нѣсколько вовсе еще неизвѣстныхъ публикѣ.

По окончаніи засѣданія, Славяне отправились осматривать музей академіи наукъ. Недостатокъ времени не позволилъ имъ изслѣдовать въ подробности это богатое хранилище предметовъ, касающихся естествознанія, но тѣмъ не менѣе они долго разсматривали прекрасный скелетъ мамонта, составляющій, какъ извѣстно, величайшую рѣдкость. Осмотръ музея кончился въ 3 часа пополудни, и Славяне возвратились въ гостинницу Belle-Vue, чтобъ приготовиться къ ожидавшему ихъ торжественному обѣду.

Около пяти часовъ залы дворянскаго собранія стали наполняться публикой. Въ пять часовъ и 10 минутъ двери большой залы отворились, и публика вошла въ залу. Зала эта была убрана съ замѣчательнымъ вкусомъ и совершенно сообразно совершавшемуся въ ней торжеству. На платформѣ противъ царской ложи возвышалась хоругвь Кирилла и Меѳодія, бѣлая, съ изображеніемъ святыхъ и надписями: „Св. преподобный Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители славянства,“ а по окраинамъ: „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“ (по верху хоругви) и „Во свѣтѣ твоемъ узримъ свѣтъ; ты сущихъ во тьмѣ свѣтъ пресвѣтлый.“

Надъ хоругвію возвышался императорскій россійскій гербъ въ трофеѣ изъ знаменъ императорскихъ цвѣтовъ (бѣлый, черный и жолтый), а направо и налѣво отъ этого трофея, вокругъ всѣхъ хоръ помѣщались щиты съ гербами всѣхъ славянскихъ странъ и слѣдующими надписями славянскимъ шрифтомъ:

Надъ хоругвію св. Кирилла и Меѳодія: „Словенскъ языкъ и руськый одинъ.“ *Направо отъ хоругви:* „1-го января 1864“ (земскія учрежденія) „1812“—„1612“.—„*Хорваты*: Звонимiръ, Николай Шубичъ Зринскій“.—„*Чехи:* Само, Боривой, Оттокаръ II-й, Жижка, Подѣбрадъ“. „*Галиція:* Данiилъ, Левъ, Яхимовичъ“.—„*Болгарія:* Борисъ, Симеонъ, Іоаннъ Асень“. *Налѣво отъ хоругви:* „20-го ноября 1864“ (судебные уставы)—„19-го февраля 1861“ (освобожденіе

крестьянъ). — „10-го іюля 1774“ (кучукъ-кайнарджійскій миръ). — „*Словаки:* Ростиславъ, Коцелъ, Матвѣй Тренчинскій, Яношикъ“. — „*Сербы:* Стефанъ Нѣманъ, Стефанъ Душанъ, Георгій Черный, Милошъ, Петръ I Нѣгошъ“ — „*Поляки:* Казиміръ Справедливый, 19-го февраля 1864“ (освобожденіе польскихъ крестьянъ). — „*Словенцы:* Само, Владухъ“.

Зала была блистательна освѣщена тысячами огней въ люстрахъ и канделябрахъ; столы накрыты какъ внизу, такъ и въ галереяхъ нижняго яруса. Подъ платформою, гдѣ стояла хоругвь, помѣщался столъ, за которымъ сохранены мѣста для Палацкаго, Ригера, Ербена, Браунера и другихъ передовыхъ дѣятелей славянства.

Каждый обѣдавшій, подходя къ своему прибору, находилъ бумагу свернутую трубкой и связанную розовой ленточкой. Развернувъ свертокъ, онъ находилъ, что это — меню обѣда, превосходный хромолитографическій рисунокъ, полный смысла и значенія. Русскій мужичекъ въ рубашкѣ и съ длинной бородой подаетъ хлѣбъ-соль Славянамъ-братьямъ. За нимъ стоятъ Русскіе, встрѣчающіе гостей. Они махаютъ шапками въ воздухѣ и видимо принимаютъ гостей съ воодушевленіемъ. Подъ ними подпись: „милости просимъ дорогихъ гостей хлѣба-соли откушать“. Всѣ подписи и даже цифра года сдѣланы на рисункѣ славянскими буквами (славянскими же буквами написаны были на девизахъ въ залѣ имена славянскихъ историческихъ дѣятелей). На верху рисунка слова: „Христосъ воскресе“ осѣняютъ ликъ первоучителей славянскихъ — Кирилла и Меѳодія. Въ рукѣ у св. Кирилла свитокъ съ надписью: „Въ началѣ бѣ слово;“ затѣмъ слѣдуютъ на свиткѣ буквы а, б, в, г, д и т. д. славянскимъ шрифтомъ, тѣмъ самымъ, какимъ писалъ изобрѣтатель славянской азбуки св. Кириллъ. По одну сторону рисунка, изображающаго Кирилла и Меѳодія, панорама Цареграда со св. Софіею (надъ нею водруженъ крестъ надъ луною), по другую — Кіевъ — мать городовъ русскихъ. Подъ Царьградомъ представленъ рисунокъ, изображающій Вышеградъ — этотъ кремль Праги; подъ Кіевомъ Москва, съ ея Успенскимъ соборомъ. Посре-

ди, между этими рисунками, карта Европы, подъ нею корона и русскій гербъ. Внизу названія главныхъ славянскихъ городовъ съ ихъ гербами.

Во время обѣда былъ данъ вокальный и инструментальный концертъ, программа котораго составлена была членомъ петербургской консерваторіи, чехомъ Воячекомъ. Онъ три недѣли неусыпно старался о составленіи партитуры концерта, выписывалъ изъ-за границы ноты, клалъ на ноты еще не положенныя пѣсни и т. д. Вотъ эта программа:

1) *Польскій.* Изъ чешскихъ, русско-галицкихъ и сербскихъ напѣвовъ. Составилъ Игнатъ Воячекъ.

2) *Не гордись.* Слова Хомякова. Музыку для хора написалъ Воячекъ.

3) *Пѣсня Гусситовъ.* Сочиненіе Крова, исполнилъ Ратковскій.

4) *Гласъ изъ Бланика*, слова проф. Кляцеля, музыка Воячка.

5) *Борода-ль моя.* Русская пѣсня. Слова Бахметева. Исполнилъ г. Васильевъ.

6) *Славянскія бесѣды.* Для хора, составилъ Воячекъ.

7) *Радо иде Сербинъ у војнике.* Сербскій народный маршъ.

8) *Чешская увертюра.*

Въ началѣ обѣда, городской голова Н. И. Погребовъ, сидѣвшій между архимандритомъ Ковачевичемъ и Палацкимъ, всталъ и провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора. Продолжительное *ура* гостей и хозяевъ было отвѣтомъ на начальный тостъ. Подобное же *ура* встрѣтилъ второй тостъ „за здоровье Государыни Императрицы“. Тостъ за здоровье Государя Императора сопровождало исполненіе народнаго гимна, раздавшагося по всей залѣ, потому что присутствовавшіе присоединились къ пѣвцамъ. Затѣмъ было выпито „за здоровье дорогихъ гостей“. Затѣмъ всталъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой и произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Гость самъ въ этомъ собраніи, я прежде всего считаю долгомъ благодарить почтенныхъ распорядителей за оказанное ими мнѣ вниманіе и за предоставленное мнѣ первенство голоса. Я дорожу этимъ правомъ, потому что оно даетъ мнѣ возможность высказать здѣсь первому то, что

на умѣ и сердцѣ каждаго изъ присутствующихъ, — высказать прямо и откровенно глубочайшее мое сочувствіе къ нашимъ дорогимъ славянскимъ гостямъ и братски пожать имъ руку. *(графъ пожалъ при этомъ руку сидѣвшихъ рядомъ съ нимъ Палацкаго и Ригера; зала огласилась рукоплесканіями).* Эти рукоплесканія, обращенныя къ вамъ, мм. гг. предупреждаютъ мои мысли, опережаютъ мои слова: они краснорѣчивѣе всего, что могу сказать, потому что то искреннее сочувствіе, о которомъ я упоминалъ сейчасъ, является здѣсь предъ вами не на словахъ, а такъ сказать въ очію, въ лицахъ. *(Громкія рукоплесканія.)* Вы видѣли это сочувствіе, какъ только ступили на русскую землю,— я разумѣю границы царства Польскаго *(взрывъ рукоплесканій, продолжающихся нѣсколько минутъ)*, — это сочувствіе сопровождало васъ по всему вашему пути, оно заботливо окружаетъ васъ здѣсь, оно нетерпѣливо ожидаетъ васъ въ нашей первопрестольной столицѣ. Еслибы вы проѣхали всю обширную Россію отъ одного конца до другаго, — отъ того конца, въ которомъ восходитъ солнце во владѣніяхъ Русскаго Царя и до того, гдѣ во владѣніяхъ же Русскаго Царя оно заходитъ, — повсюду встрѣтили бы вы то же самое сочувствіе со стороны 70 миліоннаго ея населенія *(крики: правда, правда, — и рукоплесканія.)* Сочувствіе знаменательное! Оно, какъ вы сами удостовѣрились, идетъ прямо отъ сердца, въ немъ нѣтъ ничего подготовленнаго, разчитаннаго, ничего — какъ говорится — политическаго. Вы не депутаты, избранные вашими согражданами установленнымъ порякомъ,—въ карманѣ у васъ нѣтъ полномочій въ указной формѣ; мы то же здѣсь не оффиціальные люди, а Русскіе, т.-е. Славяне сѣверные и восточные, собравшіеся привѣтствовать васъ, Славянѣ западныхъ и южныхъ *(громкія рукоплесканія)*. Повторяю снова, въ нашемъ собраніи, въ выраженіи нашего сочувствія нѣтъ ничего комбинированнаго, нѣтъ никакихъ политическихъ разсчетовъ. Но умаляется ли отъ того значеніе нашего сочувствія? Напротивъ, на мой взглядъ оно увеличивается: это показываетъ, что оно основано не на какихъ-либо внѣшнихъ, измѣняющихся, случайныхъ обстоятельствахъ, а на

внутренней связи между нами. Эта связь—въ насъ самихъ, въ нашей десятивѣковой исторіи, въ нашемъ языкѣ, въ общей славянской мысли,— она въ нашемъ сердцѣ, въ нашей крови, во всѣхъ нашихъ славянскихъ жилахъ. *(Продолжительныя рукоплесканія.)* Вы слышите, какъ бьется славянское сердце! Скажите: такъ ли бьется сердце иноземца? *(Рукоплесканія.)* Нѣтъ, господа, никто не можетъ дать себѣ роднаго брата; его даетъ Провидѣніе; подставнаго никто не приметъ за роднаго брата *(рукоплесканія)*. Укрѣпимъ же, мм. гг., эти естественныя связи всѣмъ тѣмъ, что есть наиболѣе благотворнаго въ природѣ человѣка — единствомъ духа, наукою. Если наука сближаетъ людей иноплеменныхъ, если она соединяетъ разнохарактерныя націи,— а въ этомъ честь европейской цивилизаціи,— то могучая научная связь совершенно необходима между нами и вами: мы не можемъ вполнѣ понять себя безъ васъ, вы— безъ насъ *(громкія рукоплесканія)*. Всякій, занимающійся изученіемъ русскаго языка, знаетъ, что нельзя уразумѣть его не зная нарѣчій славянскихъ; тотъ, кто занимается русскою исторіей по лѣтописямъ, убѣжденъ, что невозможно пользоваться ими надлежащимъ образомъ, не обращаясь къ лѣтописямъ другихъ славянскихъ народовъ. Такъ точно и вы не можете узнать вполнѣ ни вашихъ нарѣчій, ни вашей исторіи, не изучая русскаго языка и русской исторіи. Вотъ связи, соединяющія васъ съ нами: это связи физическія, по крови,—и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственныя и умственныя. Постараемся же, чтобы связи эти укрѣплялись постоянно, чтобы наука все болѣе и болѣе объединяла насъ *(рукоплесканія)*. Какой скептикъ усомнится въ прочности этихъ связей, какой скептикъ усомнится въ великомъ будущемъ, которое готовитъ Провидѣніе великому славянскому племени?“ *(Громкія и продолжительныя рукоплесканія.)*

Послѣ рѣчи графа Толстаго г. Маркевичъ прочелъ слѣдующіе стихи Ѳ. И. Тютчева:

Привѣтъ вамъ задушевный, братья,
Со всѣхъ славянщины концовъ!
Привѣтъ нашъ всѣмъ вамъ, безъ изъятья!
Для всѣхъ семейный пиръ готовъ!

Не даромъ васъ звала Россія
На праздникъ мира и любви, —
Но знайте, гости дорогіе,
Вы здѣсь не гости, — вы — свои!

Вы дома здѣсь, и больше дома,
Чѣмъ тамъ, на родинѣ своей, —
Здѣсь, — гдѣ господство не знакомо
Иноязыческихъ властей.
Здѣсь, — гдѣ у власти и подданства
Одинъ языкъ, одинъ для всѣхъ
И не считается славянство
За тяжкій первородный грѣхъ!

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы народъ единый,
Единой матери сыны;
Но все же братья мы родные!...
Вотъ, вотъ что̀ ненавидятъ въ насъ!
Вамъ не прощается Россія,
Россіи — не прощаютъ васъ!

Смущаетъ ихъ, и до испугу,
Что вся славянская семья,
Въ лицо и недругу и другу,
Впервые скажетъ — это я!
При неотступномъ вспоминаньѣ
О длинной цѣпи злыхъ обидъ,
Славянское самосознанье
Какъ Божья кара ихъ страшитъ!

Давно на почвѣ европейской,
Гдѣ ложь такъ пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась,
Для нихъ — законъ и равноправность
Для насъ — насилье и обманъ,
И закрѣпила стародавность
Ихъ — какъ наслѣдіе Славянъ.

И то, что длилося вѣками,
Не истощилось и поднесь,
И тяготѣетъ и надъ нами, —
Надъ нами, собранными здѣсь...
Еще болитъ отъ старыхъ болей
Вся современная пора...
Не тронуто Коссово поле,
Не срыта Бѣлая Гора!

А между насъ, — позоръ не малый, —
Въ славянской, всѣмъ родной средѣ,
Лишь тотъ ушелъ отъ ихъ опалы
И не подвергся ихъ враждѣ,
Кто для своихъ — всегда и всюду
Злодѣемъ былъ передовымъ:
Они лишь нашего Іуду
Честятъ лобзаніемъ своимъ.

Опально — мировое племя,
Когда же будешь ты народъ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгодъ.
И грянетъ кличъ къ объединенью,
И рухнетъ то, что дѣлитъ насъ?...
Мы ждемъ и вѣримъ Провидѣнью, —
Ему извѣстны день и часъ...

И эта вѣра въ правду Бога
Ужь въ нашей не умретъ груди,
Хоть много жертвъ, и горя много
Еще мы видимъ впереди...
Онъ живъ, — Верховный Промыслитель
И судъ его не оскудѣлъ, —
И слово — *Царь-Освободитель*
За Русскій выступитъ предѣлъ...

Публика съ жаромъ рукоплескала одушевленнымъ строкамъ старца-поэта, сидѣвшаго около Ригера.
Когда кончилось чтеніе стиховъ г. Тютчева всталъ д-ръ [illegible]геръ и звучнымъ, яснымъ голосомъ отъ души сказалъ [illegible]кую рѣчь по-чешски:

„Мм. гг.! Позвольте мнѣ поблагодарить васъ за радушное привѣтствіе, чисто славянское гостепріимство и ваше истинно русское хлѣбосольство. Съ разныхъ и далекихъ странъ славянскихъ пришли мы въ первый разъ въ вашу землю и встрѣтили въ ней радушный, братскій привѣтъ. Мы узнали, какъ крѣпко утвердилась у васъ славянская мысль, узнали, что мы здѣсь дѣйствительно свои между своими. Народъ славянскій, который столько вѣковъ осужденъ былъ проливать свою кровь за Европу, не имѣлъ счастія, доставшагося на долю другихъ народовъ, онъ не могъ сложиться въ одно историческое цѣлое. Онъ издавна былъ раздѣленъ на разныя племена; но теперь настало время, когда намъ возможно укрѣпиться въ той мысли, что всѣ Славяне единъ народъ, и что если мы убѣдимся въ необходимости поддержать другъ друга, то мы будемъ сильны. Судьба народовъ славянскихъ не была счастлива. Имъ выпало на долю охранить Европу отъ нашествія монголовъ, татаръ и турокъ, и много при этомъ потерпѣли они! Европа должна благодарить ихъ за это. Одни изъ этихъ народовъ обороняли ее противъ турокъ и монголовъ, другіе должны были бороться съ нѣмцами, третьи должны были охранять свою самостоятельность. Но всѣ мы были слабы, потому что у насъ не было ни матеріальнаго, ни духовнаго единства. Если намъ невозможно соединиться матеріально, то соединимся же, по крайней мѣрѣ, союзомъ духовнымъ. Если мы первый, по своей многочисленности, народъ, то намъ вполнѣ возможно, при помощи просвѣщенія и прогреса, занять первое мѣсто и въ области цивилизаціи. Но для этого намъ нужно согласіе; все остальное дастъ Богъ. Вотъ вамъ, братья русскіе, первая и великая задача. Вы самостоятельны, вамъ однимъ возможно осуществить ее. Помните эту великую свою задачу, указанную вамъ самимъ Провидѣніемъ для счастія не только всего славянства, но и всего человѣчества. Этой великой задачѣ русскаго народа я желаю успѣха и пью за здравіе великаго народа русскаго. Ура!“

Слова Ригера, прерываемыя рукоплесканіями и криками „браво“, „слава“, были заглушены взрывомъ энтузіазма,

тѣмъ болѣе, что чешскій ораторъ былъ слышанъ и понятъ почти всѣми въ залѣ.

Послѣ говорилъ протоіерей Милютиновичъ (сербъ) о южныхъ славянахъ, какъ меньшей братіи русскихъ, которая ждетъ помощи и содѣйствія большей братіи въ дѣлѣ стремленія на пользу общаго дѣла. Рѣчь почтеннаго протоіерея походила столько же на рѣчь, какъ и на задушевную проповѣдь.

Затѣмъ сказалъ нѣсколько словъ А. Радлинскій: какъ римскій католикъ онъ не могъ не замѣтить, что память Кирилла и Меѳодія также свято почитается у католиковъ какъ и у православныхъ; какъ человѣкъ знакомый съ русскимъ литературнымъ языкомъ онъ заключилъ свою рѣчь тостомъ за распространеніе русскаго языка. Затѣмъ на каѳедру вошелъ В. И. Ламанскій, сказавшій слѣдующую рѣчь:

„Мм. гг.! „На что никогда не надѣялись отцы наши, что въ юности, какъ милыя грезы, волновало наше сердце, о чемъ, какъ о сокровенной думѣ, еще такъ недавно не смѣли мы и говорить, то теперь передъ нами совершается воочію. Славянскіе братья съ разныхъ концовъ обширной родины собрались вмѣстѣ, сошлись признать въ себѣ сыновъ одной великой семьи и подать другъ другу руки на вѣчный союзъ братства и любви."

„Этими словами, 19 лѣтъ назадъ, открывалъ первый славянскій съѣздъ его знаменитый предсѣдатель, маститый чешскій исторіографъ, одинъ изъ почетныхъ гостей нашихъ.

„Этими же словами и мы привѣтствуемъ васъ, дорогіе гости и братья!

„У нашего собранія тотъ же всеславянскій смыслъ, но не тѣ цѣли и побужденія. Тогда Славяне западные собирались спасать свое общее отечество и толковали о вопросахъ политическихъ. Мы не хлопочемъ о чужомъ спасеніи, никого не желаемъ спасать и изгоняемъ политику изъ дружескихъ бесѣдъ нашихъ. Мы сошлись просто попировать, повеселиться и порадоваться *).

---

*) Нѣкоторыя изъ славянскихъ газетъ возставали противъ этого выраженія, сильнѣе другихъ *Напредак*. Впрочемъ конецъ рѣчи В. И.

„Благодаренье Богу! Приходитъ время, когда и наше многострадальное, на бѣдахъ выросшее, бѣдами вскормленное племя, можетъ, наконецъ, веселиться и радоваться. Правда, еще много у насъ горя въ настоящемъ, много всякихъ невзгодъ и тяжкихъ испытаній ожидаетъ насъ впереди. Но давно желанная заря уже занимается, виденъ свѣтъ и выходъ изъ нашего долгаго и темнаго блужданья.

Долго жили братья однимъ хозяйствомъ, въ одномъ хлѣбѣ, были богаты и сильны. Сосѣди ихъ уважали, недруги боялись. Переженились братья, разошлись по сторонамъ и каждый зажилъ по своему. Себялюбіе, неуступчивость и зависть, злые сосѣди нашептывали имъ, что на этомъ раздѣлѣ останавливаться нельзя, надо идти дальше, прервать связи, забыть о своемъ семейномъ единствѣ — и братъ забылъ брата, Славянинъ сталъ чуждаться Славянина. Все чужое было намъ прекрасно, все родное постыло. Всѣмъ намъ бывало противно все славянское, всѣ мы презирали нѣкогда свой языкъ, свою вѣру и народность, поклонялись чужимъ истуканамъ, жили и работали не на себя, а на чужанъ и враговъ нашихъ. И загорѣлась братская вражда и принесла она плоды: кто изъ братьевъ погибъ безъ слѣда, кто и уцѣлѣлъ, обезсилѣлъ и отведенъ въ неволю.

Тѣхъ обезъязычилъ Нѣмецъ,
Этихъ Турокъ разгромилъ.

„Западъ торжествовалъ конецъ тысячелѣтней побѣды и высчитывалъ годы, когда вымрутъ послѣдніе остатки славянской семьи въ средней Европѣ. Но побѣды русскаго богатыря, сплотившаго себѣ громаднѣйшую въ мірѣ державу, горько убѣдили надменныхъ враговъ, что разсчеты ихъ преждевременны, и угнетеннымъ Славянамъ напомнили объ ихъ древней славѣ, прежнихъ подвигахъ и общемъ родствѣ.

„Славяне на западѣ стали ревностно изучать свою забытую старину, воспитывать въ себѣ любовь и уваженіе

Ламанскаго показалъ, что онъ не придавалъ того буквальнаго значенія своимъ словамъ, какого искали въ немъ славянскія газеты.

къ народности, своимъ правамъ и исторіи. Мысль о славянской взаимности была рано высказана, но медленно осуществлялась. Всего прежде она принялась у Славянъ западныхъ.

„Но между Россіей и землями славянскими долго не было живаго, постояннаго общенья. Между вами, Славянами, и нами, Русскими, стѣной стояли общіе наши недоброхоты. Они всячески старались насъ раздѣлять и питать въ насъ взаимное недовѣріе. У насъ тормозя народное развитіе, они стращали васъ нашею грубостью и отсталостью; у васъ истребляя все первобытное, славянское, они намъ указывали на васъ, какъ бы утратившихъ все намъ дорогое и родственное.

„Но слава нашимъ народнымъ вождямъ и общественнымъ дѣятелямъ, великое спасибо нашимъ врагамъ. Одни съ полнымъ сознаніемъ, другіе сами того не вѣдая, постепенно раскрывали намъ высокое славянское призваніе Россіи.

„Мы, наконецъ, уразумѣли обоюдную пользу взаимнаго сближенья, непосредственнаго знакомства, тяжкимъ опытомъ убѣдились, что радушіе и почетъ, любовь и справедливость Славянинъ можетъ встрѣтить только отъ Славянина, что будь у насъ всегда такое сознанье, не бывать бы никогда никакимъ косовскимъ и бѣлогорскимъ погромамъ, и всѣ великіе замыслы нашихъ Ростиславовъ, Симеоновъ, Оттокаровъ, Душановъ и Подѣбрадовъ увѣнчались бы полнымъ успѣхомъ. Теперь мы твердо вѣримъ, что всѣ наши старые, домашніе, славянскіе споры и недоразумѣнія могутъ и должны быть разрѣшены только самими Славянами, безъ чужихъ, непрошенныхъ посредниковъ.

„Въ сознаніи отходящей лжи, въ предчувствіи грядущаго добра, мы ликуемъ и радуемся, знаменуя веселымъ пиромъ *первый славянскій съѣздъ въ Россіи*.

„Какъ недавнее христіанское торжество зовется у насъ *пиромъ вѣры*, такъ нынѣшній праздникъ можетъ быть названъ *пиромъ братства*. И эти радостные клики съ береговъ Невы донесутся до береговъ Лабы и Дуная, Марицы и Дравы, Босфора и Адріатики. И раскатами грома отзовутся они въ ущельяхъ и тѣснинахъ Карпатовъ, Судетовъ,

Штирійскихъ Альповъ и Балкановъ. И возрадуются души нашихъ усопшихъ праведниковъ и вздрогнетъ вся нечистая, вражья сила.

„Да, на этомъ пирѣ скрѣпляется братскій союзъ одного изъ величайшихъ въ свѣтѣ племенъ. Мы, Славяне, разумѣется и веселимся, сознавая наконецъ, что при всемъ нашемъ мѣстномъ и историческомъ разнообразіи есть у насъ единство интересовъ, общность цѣлей и задачъ.

„Въ нынѣшній ли торжественный день славянской церкви напоминать о томъ, что для насъ возможно внутреннее единство, есть у насъ у всѣхъ одно общее знамя, которому безусловно готовы поклоняться всѣ наши земскія, народныя силы, знамя высшаго разума, христіанскаго братства и свободы, знамя славянскихъ первоучителей, собравшихъ насъ въ одну славянскую церковь, объединивъ насъ славянскою грамотою, общимъ письменнымъ языкомъ?

„Да развивается же, подъ ихъ святымъ благословеніемъ, наше славянское самосознаніе и взаимное общеніе русскаго народа съ его славянскими братьями, да ростетъ и крѣпнетъ славяно-русскій союзъ.“ *(Браво! Слава!)*

Затѣмъ А. Н. Майковъ произнесъ слѣдующее стихотвореніе:

Заздравный кликъ нашъ: „за Славянъ!“
Теперь, какъ кликъ семьи единой,
И Тихій вторитъ Океанъ,
И черногорскія тѣснины...

Нашъ свѣтлый пиръ — славянскій пиръ!
Какъ будто послѣ злой разлуки
Сошелся здѣсь славянскій міръ,
И братья жмутъ другъ другу руки...

И братья братьевъ узнаютъ...
Черты родныя уцѣлѣли...
Воспоминанія ведутъ
Насъ всѣхъ до общей колыбели...

Подъ тѣ же пѣсни мы росли
И про Дунай, и про Сварога;
Одни апостолы вели
Насъ къ свѣту истиннаго Бога;

тѣмъ болѣе, что чешскій ораторъ былъ слышанъ и понятъ почти всѣми въ залѣ.

После говорилъ протоіерей Милютиновичъ (сербъ) о южныхъ славянахъ, какъ меньшей братіи русскихъ, которая ждетъ помощи и содѣйствія большей братіи въ дѣлѣ стремленія на пользу общаго дѣла. Рѣчь почтеннаго протоіерея походила столько же на рѣчь, какъ и на задушевную проповѣдь.

Затѣмъ сказалъ нѣсколько словъ А. Радлинскій: какъ римскій католикъ онъ не могъ не замѣтить, что память Кирилла и Меѳодія также свято почитается у католиковъ какъ и у православныхъ; какъ человѣкъ знакомый съ русскимъ литературнымъ языкомъ онъ заключилъ свою рѣчь тостомъ за распространеніе русскаго языка. Затѣмъ на каѳедру вошелъ В. И. Ламанскій, сказавшій слѣдующую рѣчь:

„Мм. гг.! „На что никогда не надѣялись отцы наши, что въ юности, какъ милыя грезы, волновало наше сердце, о чемъ, какъ о сокровенной думѣ, еще такъ недавно не смѣли мы и говорить, то теперь передъ нами совершается воочію. Славянскіе братья съ разныхъ концовъ обширной родины собрались вмѣстѣ, сошлись признать въ себѣ сыновъ одной великой семьи и подать другъ другу руки на вѣчный союзъ братства и любви."

„Этими словами, 19 лѣтъ назадъ, открывалъ первый славянскій съѣздъ его знаменитый предсѣдатель, маститый чешскій исторіографъ, одинъ изъ почетныхъ гостей нашихъ.

„Этими же словами и мы привѣтствуемъ васъ, дорогіе гости и братья!

„У нашего собранія тотъ же всеславянскій смыслъ, но не тѣ цѣли и побужденія. Тогда Славяне западные собирались спасать свое общее отечество и толковали о вопросахъ политическихъ. Мы не хлопочемъ о чужомъ спасеніи, никого не желаемъ спасать и изгоняемъ политику изъ дружескихъ бесѣдъ нашихъ. Мы сошлись просто попировать, повеселиться и порадоваться *).

*) Нѣкоторыя изъ славянскихъ газетъ возставали противъ этого выраженія, сильнѣе другихъ *Напредак*. Впрочемъ конецъ рѣчи В. И.

Затѣмъ говорили одинъ за другимъ нѣсколько Славянъ. Сначала д-ръ Политъ. Сильная рѣчь этого блистательнаго сербскаго оратора произвела на хорошо понимавшихъ его слушателей замѣчательное впечатлѣніе. Это была, быть можетъ, самая откровенная рѣчь на обѣдѣ:

„Мм. гг. и дорогіе братья! Когда по сербскому краю распространилось извѣстіе о Московской выставкѣ, когда узнали, что Русскіе братья зовутъ своихъ славянскихъ братьевъ на дружеское посѣщеніе, тогда у каждаго Серба сердце взыграло радостно, и каждый горѣлъ желаніемъ обнять тѣхъ, кто были всегда нашими кровными братьями, нашими дорогими родичами. Да, мм. гг.! у насъ, Сербовъ, любовь къ Русскимъ братьямъ живетъ въ сердцѣ отъ самаго нашего рожденія. Наши матери говорятъ своимъ дѣтямъ съ самой колыбели о нашихъ православныхъ братьяхъ, о святой Руси! Въ тѣ черные дни, когда мы готовы были отчаяваться за самыхъ себя, мы утѣшались мыслью, что мы не погибнемъ, доколѣ живетъ великая Россія. Мы, Сербы, всегда питали сочувствіе къ Россіи — даже въ то время, когда она еще не была великою славянскою державою. Слава Богу! Нашъ пріѣздъ въ Россію, наше пребываніе въ ея столицѣ доказываютъ, что она справедливо называется всеславянскою державою. Это явленіе имѣетъ громадную важность и будетъ имѣть неизмѣримыя послѣдствія. Созидательная задача Россіи — не только въ Азіи, но и на ея порогѣ, на европейскомъ Востокѣ. Освобожденіе европейскаго Востока — такова эта великая задача! Надо же, наконецъ, прекратиться господству одного племени надъ другимъ, какъ бы оно ни называлось — турецкимъ, мадьярскимъ или австрійско-нѣмецкимъ. Битва при Садовой рѣшила судьбу европейскаго Востока. Германскій міръ отдѣлился отъ Славянскаго. Вопросъ о судьбѣ славянства можемъ рѣшить теперь только сами мы, Славяне, и въ этомъ случаѣ первая роль выпадаетъ на долю Россіи. Да, мм. гг., Россія теперь нетолько русская, но и славянская, всеславянская держава. Она обладаетъ нетолько матеріальною, но и нравственною силою. Славянская Россія не угрожаетъ цивилизаціи: она идетъ къ ней на

встрѣчу, она подготовляетъ въ Европѣ братство славянской семьи. Первый шагъ къ этому великому подвигу — *рѣшеніе восточнаго вопроса.* Этотъ вопросъ касается чести русскаго народа и великой силы русскаго государства.

„Мы, восточные Славяне, мы, восточные православные христіане, мы, Сербы, надѣемся, что Россія не забудетъ катастрофу Коссова Поля и скоро исполнитъ свою великую задачу. Вслѣдствіе этого предлагаю, съ вашего позволенія, тостъ за скорое разрѣшеніе Славянскаго вопроса."

Два раза вызывали слушатели д-ра Полита и подъ конецъ окружающіе качали его. Словомъ, это была настоящая овація, и надобно было слышать, съ какимъ жаромъ лица, прежде незнавшія оратора, спрашивали, кто это такой?

Затѣмъ говорилъ докторъ Браунеръ. Онъ коснулся того же, чего В. И. Ламанскій въ началѣ своей рѣчи — знаменательнаго факта, что уже 18 лѣтъ назадъ пробудилась мысль о духовномъ объединеніи разрозненнаго славянства и что настало время привести въ исполненіе эту мысль:

„Мм. гг.! Позвольте мнѣ еще разъ сказать вамъ нѣсколько словъ на языкѣ того славянскаго народа, который живетъ далѣе всѣхъ другихъ на западѣ отъ васъ, но который близокъ къ вамъ и кровью и сердцемъ — на языкѣ чешскомъ. Сила, собравшая насъ въ Россію съ далекаго запада и юга — народность и просвѣщеніе. Эта сила есть сила дѣйствительно-культурная. Мысль о взаимности славянскихъ народовъ — могу сказать это съ гордостью — возникла у насъ. Наша чешская литература первая стала развивать эту мысль. У насъ на Западѣ она возникла изъ настоятельной необходимости спасти славянскіе народы отъ поглощенія ихъ чуждымъ элементомъ. Эту великую мысль духовной взаимности можетъ осуществить только великій народъ, являющійся полновластнымъ господиномъ въ своей землѣ, и этотъ народъ — Русскій, въ землѣ котораго не заходитъ никогда солнце. Съ той минуты, какъ мы вступили въ это великое государство, мы уже были поражены всѣмъ, что̀ видѣли. Братское гостепріимство ваше, съ которымъ встрѣчали насъ всюду на пути нашемъ, пріят-

но поражало насъ. Насъ поразила и красота, и богатство вашей великолѣпной столицы; но болѣе всего поразили насъ нравственный и общественный прогресъ, который мы встрѣчаемъ у васъ. Этотъ великій прогресъ состоитъ въ томъ, что для насъ стало возможнымъ дѣлить съ вами взаимныя чувства и воззрѣнія, которыя мы еще недавно должны были скрывать въ глубинѣ своего сердца и которыя мнѣ нынѣ возможно высказать, по милости вашего гостепріимства, здѣсь, съ этого мѣста, откуда я гляжу на великія явленія вашего прогреса. Одно изъ явленій этого прогреса то самое многочисленное собраніе, посреди котораго мы находимся. Въ немъ мы встрѣчаемся съ разными общественными элементами—дворянства, чиновничества, войска, купечества, ученаго и литературнаго свѣта, соединившимися во едино въ братскомъ согласіи. При такомъ слитіи всѣхъ общественныхъ элементовъ народъ многочисленный становится народомъ великимъ, народомъ, у котораго образованіе и умственное развитіе не составляютъ уже привилегіи только нѣкоторыхъ классовъ, а становятся достояніемъ всего народа. Западные Славяне, къ сожалѣнію, были лишены такихъ выгодъ, и только у насъ, Чеховъ, въ этомъ отношеніи явился значительный успѣхъ. Другое важное явленіе въ прогресѣ русскаго народа, напоминаютъ намъ эти надписи 19-го февраля 1861 года и 20-го ноября 1864 года. Какой огромный шагъ впередъ въ короткое время! Эти короткія надписи можно назвать тѣмъ же именемъ, какимъ мы называемъ хорошо извѣстный вамъ „Любушинъ судъ“ — „законодательною скрижалью народа Русскаго!“ Третье явленіе вашего прогреса выражено краснорѣчиво устами вашего министра народнаго просвѣщенія — это сознаніе взаимности славянскихъ племенъ. Гдѣ это сознаніе проникаетъ въ сферы, имѣющія возможность дѣйствовать, и встрѣчается съ умственнымъ развитіемъ, тамъ оно получаетъ возможность создавать не разрушая.

„Такіе успѣхи ваши служатъ для славянскихъ народовъ залогомъ великой будущности: они ставятъ славянство на одинъ уровень со всѣми другими образованными

Одинъ намъ подвигъ предстоялъ —
Стоять щитомъ Европѣ гордой,
Когда въ нее, за шкваломъ шквалъ,
Ломились варварскія орды.

Ужъ конченъ подвигъ тотъ... встаютъ
Для насъ теперь ужъ дни иные...
Господни ангелы куютъ
Ужъ крестъ на храмъ святой Софіи.

Повѣялъ съ Руси новый духъ
Въ лицо Европѣ феодальной:
Она съ тревогой смотритъ вкругъ,
Съ тоской глядитъ на сѣверъ дальній!

Славянскій міръ предъ ней стоитъ
Какой-то мглою незнакомой,
Откуда молнія блеститъ
И глухо раздаются громы;

И тамъ не видятъ очи ихъ,
Сквозь предразсудка роковаго,
Ни тучныхъ нивъ, ни водъ живыхъ,
Ни звѣздъ, ни солнца золотаго!

Слѣпцы!.. Но пусть!... Пора прійдетъ —
Славянскій міръ глаголъ свой скажетъ,
И на источникъ нашихъ водъ
Имъ жажда лютая укажетъ...

Быть можетъ, онъ лишь съ нихъ сотретъ
Слѣды стальной баронской лапы,
И небеса имъ отомкнетъ
Помимо буллъ громовыхъ папы!

О, братья! прочь съ очей покровъ!
Ужъ міра новаго мерцанье
Блеститъ на насъ... въ средѣ враговъ
Уже тоска и колебанье...

Господь сказалъ: „прійду какъ тать“..
Нежданно грянетъ зовъ громовый...
Сомкнемся жь дружно, чтобы сказать,
Когда онъ кликнетъ: „вы готовы!“

на долю намъ испытать тяжкое горе — мы остались подъ властью иностранцевъ и чужеплеменныхъ, исконный союзъ нашъ расторгнутъ насильно на долгія времена; насъ принудили слѣдовать чужимъ знаменамъ, чужимъ началамъ; силою обстоятельствъ мы принуждены были, мы отрекались отъ своихъ завѣтныхъ преданій, своей родной вѣры, своей исторіи, своего языка, своего русскаго звычая и обычая; насиліемъ, козними, интригами разрозняли недруги наши насъ съ вами на долгіе вѣки. Несмотря на то, при всякой удобной случайности отзывалось родное сердце, при всякой встрѣчѣ мы здоровались съ вами, какъ братья и родные; мы обмѣнивали наши задушевныя мысли. Наконецъ пришелъ часъ, миновало несчастное время заблужденія и тьмы, засвѣтило солнце науки, просвѣщенія — мы опомнились, пристали сердечнѣе другъ къ другу. Наука у Славянъ разъяснила дѣло, наука пригадала древнее сродство и одноплеменность Славянъ, а мы русскіе почувствовали, что мы въ родинѣ нашихъ одноплеменцевъ роднѣе всѣхъ съ вами; мы припомнили, что у насъ издревле одна исторія, одинъ языкъ, одна народность русская. Сначала было немногіе поузнавали идею славянства — только первые труженики и работники науки пришли трудомъ своимъ къ вѣрному сознанію однородства; но эти передовые люди стали разрабатывать далѣе начала славянства, стали проповѣдывать и распространять свою науку, стяжанную долголѣтнимъ трудомъ, межъ племенами, и идея славянскаго сродства и взаимности стала достояніемъ всего многомильйоннаго народа.

„Первымъ явнымъ выраженіемъ этой великой современной намъ идеи и воплощеніемъ ея служитъ этнографическая выставка славянская въ Москвѣ, а первымъ братскимъ славянскимъ пиромъ въ этой странѣ — нынѣшній нашъ пиръ. День этотъ памятенъ для насъ: это эпоха въ развитіи славянства — это торжество новой идеи, день, въ который мы дружно празднуемъ память равноапостольныхъ учителей нашихъ св. Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей Славянъ. Примите, мм. гг., въ этотъ нарочитый день искреннюю душевную благодарность нашу за сдѣланную намъ

честь и великолѣпное, истинно братское угощеніе. Позвольте, мм. гг., въ этотъ торжественный для насъ день, чтобъ я, при первомъ славянскомъ пирѣ, среди этого свѣтлаго собранія, заявилъ вамъ, что въ моей родной землѣ занялась уже давно мысль духовнаго единства и сродства, и охватила весь русскій народъ; примите увѣреніе, что въ моей родинѣ по обѣимъ сторонамъ Карпатъ еще живетъ трехмилліонный народъ, который по сю пору называетъ себя русскимъ, живетъ русскимъ духомъ, говоритъ по-русски, сохраняетъ невредимо преданія отцовъ своихъ и вѣру въ соплеменность нашу съ вами. Милліоны сердецъ преданы вамъ и чаютъ душевнаго сближенія и единенія съ вами.

„Въ виду всего этого, позвольте, мм. гг., дабы я съ этого мѣста, отъ имени земляковъ моихъ, галицкихъ Руссовъ, поднесъ тостъ, да крѣпится и возрастаетъ духъ единства и увѣреніе въ единоплеменности нашей славяно-русской, да придутъ всѣ въ сознаніе того убѣжденія, что мы по роду и по племени, по вѣрѣ и языку, по крови и кости искони одинъ народъ, и да живетъ великій славянскій многомилліонный русскій народъ!" Въ послѣдствіи, слушатели Львовскаго университета благодарили Я. Ф. Головацкаго за то, что онъ въ своей рѣчи такъ вѣрно выразилъ чувствованія убѣжденія трехъ-милліоннаго русскаго населенія Галиціи.

За симъ сказалъ довольно большую рѣчь г. О. Миллеръ, доцентъ Петербургскаго университета. Г. Миллеръ обладаетъ слабымъ голосомъ, но произнесъ свою рѣчь съ увлеченіемъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ замѣчательнымъ ораторскимъ талантомъ.

„Воздавъ честь живымъ, забудемъ ли нашихъ великихъ общеславянскихъ умершихъ, тѣхъ, чья мысль не переставала жить, и чѣмъ дальше, тѣмъ полнѣе будетъ развиваться и крѣпнуть, безсмертная, въ рядѣ будущихъ поколѣній, чѣмъ дальше, тѣмъ шире будетъ охватывать міръ, и изъ общеславянской перейдетъ, наконецъ, во вселенскую....

„Помянемъ тѣхъ мудрыхъ солунскихъ братьевъ, чьи проповѣдническія уста исповѣдывали въ IX вѣкѣ уже оспаривавшуюся на западѣ равноправность всѣхъ, безъ изъятія,

народовъ, въ усвоенiи себѣ слова Божiя; чей безсмертный переводъ сего слова, доступный всему народу, такимъ образомъ призналъ и закрѣпилъ печатью вѣры права всѣхъ и каждаго. Вспомнивъ же, вмѣстѣ съ тѣмъ, и обычай предковъ—на братчинахъ пиршественныхъ молитвенно призывать святыхъ, скажемъ словами старины отдаленнѣйшей: *святая и прѣславная учителя словѣньску языку, сотворьша письмена ему, блаженая Кирилле и Меѳодiе, ихъ же память празднуемъ нынѣ, молите Бога о насъ!*

„Помянемъ того, кто отважился въ XV вѣкѣ, посреди воцарившагося у западной части Славянъ латынства, напомнить о позабытыхъ тамъ церковью правахъ народнаго языка, о правѣ мiрянъ, причащаться изъ чаши, присвоенной себѣ въ привиллегiю духовенствомъ, о древнемъ, сочувственномъ общинному духу Славянъ, *соборномъ* началѣ церкви, придавленномъ единовластiемъ Рима. Вспомнимъ, что мысль вдохновеннаго учителя чешскаго, несгорѣвшая на кострѣ, испепелившемъ лишь его тѣло, глубоко запала въ сердце громадъ народныхъ; что эти громады, быстро перенеся его мысль на почву уже чисто общественную, стали „противъ всего тогдашняго свѣта, а онъ противъ нихъ". И если небольшая славянская Чехiя пала, наконецъ, подъ вещественными ударами вступившихъ въ неодолимый союзъ латынства и германизма, то именно потому, что опередила всю остальную Европу. Какъ же намъ не воскликнуть благоговѣйно: первымъ поборникамъ такого вселенски-передоваго движенiи, *великимъ славянскимъ подвижникамъ — Яну Гусу и сострадальцу его Iерониму пражскому, а вмѣстѣ и всѣмъ ихъ отважнымъ послѣдователямъ — вѣчная слава!*

„Между тѣмъ, какъ на поляхъ Чехiи разгоралась безнадежная брань Славянъ съ европейскою отсталостью, на Востокѣ, у Русскихъ, къ благопрiятному исходу склонялась вѣковая борьба съ азiятами. Если другимъ и простительно, то *намъ грѣшно забывать, что наши многоиспытанные бѣдами предки отвели отъ Европы удары Азiи. Но вмѣстѣ съ ними помянемъ и всѣхъ, хотя бы безплодно, но не безславно полегшихъ отъ Турка, Болгаръ и Сербовъ*: на нихъ остановилась гроза, когда-то страшная всей Европѣ,

той самой Европѣ, которой угодно и до сихъ поръ держать ту грозу надъ Славянами. *Сознавая же, что силу совладать съ Азіей дало намъ, Русскимъ, великое дѣло объединенія Руси, помянемъ всѣхъ мудрыхъ ея собирателей!* Странно-своеобразная предъ Европою, съ обществомъ, чуждымъ феодализма, съ церковью, чуждою инквизиціи, съ народомъ, невѣдавшимъ славы наступательныхъ войнъ за вѣру, не страстнымъ и вообще къ наступательнымъ дѣйствіямъ, но привыкшимъ побѣдно вѣнчать свою оборону — земля русская, все больше и больше объединяясь—уже внутреннимъ образомъ—славно окончитъ свою борьбу нетолько что съ Азіей, но и съ припершими къ гранямъ ея, не съ востока, а съ запада, послѣдками среднихъ вѣковъ. Скажемъ же: *всѣмъ скончавшимъ въ борьбѣ свою жизнь — слава вѣчная; всѣмъ, кому еще предстоитъ и кто хочетъ бороться — многія лѣта!*

„Помянувъ представителей вѣры и дѣла, обратимся и къ людямъ науки. Признавая, что сѣмена ея, всходя медленно, даютъ однакожь, плодъ богатящій, спасительный, скажемъ: *европейски-передовымъ ученымъ — поляку Копернику, моравянину Амосу Коменскому, дубровчанину Босковичу и русскому Ломоносову — вѣчная слава!*

„Тяжко вспомнить о временахъ упадка, уступокъ враждебнымъ началамъ, самозабвенія, самоуничиженія. Но съ тѣмъ живѣйшею благодарностью помянемъ двигателей того, для многихъ еще столь не милаго славянскаго возрожденія, которое, начавшись въ исходѣ прошлаго вѣка, все дальше и дальше идетъ, и будетъ идти на глазахъ у насъ. Порукой и то, если мы единодушно помянувъ уже столькихъ, скажемъ съ тѣмъ единодушіемъ: *славнымъ сербамъ Обрадовичу и Караджичу, славнымъ чехамъ и словакамъ — Добровскому, Ганкѣ, Коляру, Шафарику, Челяковскому, Гавличку, Штуру, Кузмани — вѣчная слава!*

„Забудемъ ли нашихъ русскихъ двигателей—еще позже у насъ наступившаго, а, можетъ быть, и теперь только воочію наступающаго славянскаго возрожденія? При богатырски-быстромъ развитіи государственныхъ, внѣшнихъ силъ, какъ долго являлась у насъ замершею сила вну-

на долю намъ испытать тяжкое горе — мы остались подъ властью иностранцевъ и чужеплеменныхъ, исконный союзъ нашъ расторгнутъ насильно на долгія времена; насъ принудили слѣдовать чужимъ знаменамъ, чужимъ началамъ; силою обстоятельствъ мы принуждены были, мы отрекались отъ своихъ завѣтныхъ преданій, своей родной вѣры, своей исторіи, своего языка, своего русскаго звычая и обычая; насиліемъ, кознями, интригами разрознили недруги наши насъ съ вами на долгіе вѣки. Несмотря на то, при всякой удобной случайности отзывалось родное сердце, при всякой встрѣчѣ мы здоровались съ вами, какъ братья и родные; мы обмѣнивали наши задушевныя мысли. Наконецъ пришелъ часъ, миновало несчастное время заблужденія и тьмы, засвѣтило солнце науки, просвѣщенія — мы опомнились, пристали сердечнѣе другъ къ другу. Наука у Славянъ разъяснила дѣло, наука пригадала древнее сродство и одноплеменность Славянъ, а мы русскіе почувствовали, что мы въ родинѣ нашихъ одноплеменцевъ роднѣе всѣхъ съ вами; мы припомнили, что у насъ издревле одна исторія, одинъ языкъ, одна народность русская. Сначала было немногіе поузнавали идею славянства — только первые труженики и работники науки пришли трудомъ своимъ къ вѣрному сознанію однородства; но эти передовые люди стали разрабатывать далѣе начала славянства, стали проповѣдывать и распространять свою науку, стяжанную долголѣтнимъ трудомъ, межъ племенами, и идея славянскаго сродства и взаимности стала достояніемъ всего многомильйоннаго народа.

„Первымъ явнымъ выраженіемъ этой великой современной намъ идеи и воплощеніемъ ея служитъ этнографическая выставка славянская въ Москвѣ, а первымъ братскимъ славянскимъ пиромъ въ этой странѣ — нынѣшній нашъ пиръ. День этотъ памятенъ для насъ: это эпоха въ развитіи славянства — это торжество новой идеи, день, въ который мы дружно празднуемъ память равноапостольныхъ учителей нашихъ св. Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей Славянъ. Примите, мм. гг., въ этотъ нарочитый день искреннюю душевную благодарность нашу за сдѣланную намъ

честь и великолѣпное, истинно братское угощеніе. Позвольте, мм. гг., въ этотъ торжественный для насъ день, чтобъ я, при первомъ славянскомъ пирѣ, среди этого свѣтлаго собранія, заявилъ вамъ, что въ моей родной землѣ занялась уже давно мысль духовнаго единства и сродства, и охватила весь русскій народъ; примите увѣреніе, что въ моей родинѣ по обѣимъ сторонамъ Карпатъ еще живетъ трехмилліонный народъ, который по сю пору называетъ себя русскимъ, живетъ русскимъ духомъ, говоритъ по-русски, сохраняетъ невредимо преданія отцовъ своихъ и вѣру въ соплеменность нашу съ вами. Милліоны сердецъ преданы вамъ и чаютъ душевнаго сближенія и единенія съ вами.

„Въ виду всего этого, позвольте, мм. гг., дабы я съ этого мѣста, отъ имени земляковъ моихъ, галицкихъ Руссовъ, поднесъ тостъ, да крѣпится и возрастаетъ духъ единства и увѣреніе въ единоплеменности нашей славяно-русской, да придутъ всѣ въ сознаніе того убѣжденія, что мы по роду и по племени, по вѣрѣ и языку, по крови и кости искони одинъ народъ, и да живетъ великій славянскій многомилліонный русскій народъ!" Въ послѣдствіи, слушатели Львовскаго университета благодарили Я. Ф. Головацкаго за то, что онъ въ своей рѣчи такъ вѣрно выразилъ чувствованія убѣжденія трехъ-милліоннаго русскаго населенія Галиціи.

За симъ сказалъ довольно большую рѣчь г. О. Миллеръ, доцентъ Петербургскаго университета. Г. Миллеръ обладаетъ слабымъ голосомъ, но произнесъ свою рѣчь съ увлеченіемъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ замѣчательнымъ ораторскимъ талантомъ.

„Воздавъ честь живымъ, забудемъ ли нашихъ великихъ общеславянскихъ умершихъ, тѣхъ, чья мысль не переставала жить, и чѣмъ дальше, тѣмъ полнѣе будетъ развиваться и крѣпнуть, безсмертная, въ рядѣ будущихъ поколѣній, чѣмъ дальше, тѣмъ шире будетъ охватывать міръ, и изъ общеславянской перейдетъ, наконецъ, во вселенскую....

„Помянемъ тѣхъ мудрыхъ солунскихъ братьевъ, чьи проповѣдническія уста исповѣдывали въ IX вѣкѣ уже оспаривавшуюся на западѣ равноправность всѣхъ, безъ изъятія,

И молитъ подданный, съ слезою благодарной,
За правый, гласный духъ!
Теперь желанія: — протянемъ дружно руки,
Да Богъ благословитъ нашъ дорогой союзъ
На трудъ, — на честный трудъ науки!—
И молодыхъ славянскихъ музъ!
Еще желаніе: — да заврачуетъ время
Дамашнюю вражду и язвы старыхъ ранъ: —
И хоть враждебное, но кровное намъ племя
Сольется съ братіей Славянъ!
И будешь ты чудна родной семьи картина!
Свободенъ и широкъ по свѣту братскій кругъ!
И будетъ именемъ почетнымъ Славянина
Гордится сильный внукъ!
И можетъ быть у вратъ священной Византіи,
Еще припомнитъ врагъ Олега славный щитъ!
И колоколъ, гудя съ высотъ святой Софіи,
Союзъ Славянъ благословитъ!

Въ заключеніе сказалъ рѣчь Миличевичь — по-сербски, хотя онъ хорошо говоритъ по-русски. Его впрочемъ просили сказать рѣчь именно по сербски. Затѣмъ раздались крики: „Палацкій! Палацкаго!" Присутствовавшіе не ради рѣчи желали, чтобъ вышелъ чешкій исторіографъ. Они просто хотѣли видѣть его. Но старецъ — вождь чешской партіи уже потому не могъ выдти, что въ это время раздались въ очищенной отъ обѣденныхъ столовъ залы голоса молчановскихъ пѣвчихъ. Всѣ присутствовавшіе собрались около нихъ и долго слушали удалыя русскія пѣсни, любовались среди на русскую пляску. Между тѣмъ, отдѣльныя группы продолжали пиръ жжонкою и шампанскимъ, братались съ славянскими гостями въ одушевленной бесѣдѣ. Пирующіе разошлись только около десяти часовъ вечера.

Во время обѣда хоры залы были полны дамами, съ любопытствомъ глядѣвшими на это, рѣдкое въ Петербургѣ празднество, невиданное со временъ Ломоносовскаго юбилея.

Въ концѣ обѣда получена была отъ М. П. Погодина изъ Москвы слѣдующая телеграмма: „Учредителямъ славянскаго обѣда. Въ день святыхъ Кирилла и Меѳодія, старый служитель славянскаго дѣла, привѣтствую отъ души братьевъ

на русскомъ обѣдѣ. Пью заочно ихъ здоровье, да благо имъ будетъ!"

Не всѣ гости разошлись послѣ обѣда изъ залы дворянскаго собранія въ десятомъ часу. Многіе оставались пировать тамъ до *половины втораго* полуночи. Въ боковой галлереѣ устроилась гигантская жжонка, за которой пѣлись хоромъ русскія пѣсни. Запѣ валами были гг. Микѣшинъ и Филипповъ. Одинъ изъ Славянъ (Мудронь) спѣлъ свою національную пѣсню; г. Гордѣевъ исполнилъ нѣсколько малороссійскихъ пѣсенъ; Кашубъ Ценова спѣлъ кашубскую пѣсню.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что хоругвь Кирилла и Меѳодія, возвышавшаяся надъ головами Славянъ во время обѣда и пожертвованная слѣпцомъ Ширяевымъ, приготовлена вся исключительно *русскими* руками. Живопись и буквы на ней исполнены художникомъ Петровымъ, бахрама крестьяниномъ и временнымъ купцомъ Карповымъ, древко Горностаевымъ (сыномъ извѣстнаго архитектора). Въ сооруженіи хоругви принимала особенное участіе кн. Урусова— „глаза слѣпца Ширяева," по его выраженію.

Нѣсколько петербургскихъ молодыхъ людей, присутствовавшихъ въ этотъ день на славянскомъ обѣдѣ 11-го мая, ѣхали послѣ обѣда въ одинъ домъ, гдѣ праздновался день рожденія хозяйской дочери. Они предложили тѣмъ изъ молодыхъ славянскихъ гостей, съ которыми имъ удалось познакомиться на обѣдѣ,— ѣхать съ ними, и тѣ съ удовольствіемъ приняли предложеніе. Случилось, что все это были сербы, преимущественно изъ княжества. Появленіе ихъ на вечерѣ у гг. Ст—хъ было встрѣчено съ самою живѣйшею симпатіей. Въ продолженіе вечера, славянскіе гости разсказывали съ большимъ одушевленіемъ и признательностью, какъ они тронуты и поражены пріемомъ, встрѣченнымъ ими въ Россіи, разсказывали о блестящемъ обѣдѣ 11-го мая, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ только-что произнесли рѣчи, наконецъ объясняли подробности чудесной картинки меню, сочиненной для того обѣда г. Микѣшинымъ.

Во время ужина, молодые Сербы вдругъ всѣ разомъ встали и, съ бокалами шампанскаго въ рукахъ, благодарили

хозяевъ, а потомъ пропѣли хоромъ сербское *„многолѣтіе"*. Имъ отвѣчали всѣ присутствующіе громкимъ, дружнымъ, троекратнымъ *„слава"*. Послѣ того, они пропѣли хоромъ еще одну черногорскую пѣсню, гдѣ умирающій Сербъ завѣщаетъ своей женѣ научить сына—мщенію туркамъ. Эта пѣснь была исполнена съ большой энергіей и чувствомъ. Голоса молодыхъ Сербовъ — свѣжіе, превосходные, пѣніе ихъ — страстное, хотя нѣсколько унылое. Но возвратимся къ вечеру. Славяне постоянно разговаривали съ своими дамами на-половину по-русски, на-половину по-сербски, и ихъ всѣ очень хорошо понимали; изрѣдка говорили они и по-французски, но конечно не было тутъ и помину о нѣмецкомъ языкѣ, который имъ такъ мало симпатиченъ.

Славянскіе гости, несмотря на утомленіе отъ торжественнаго и продолжительнаго обѣда того дня, оставались на танцовальномъ вечерѣ долѣе, чѣмъ до трехъ часовъ ночи, и возвратились къ себѣ, въ отель „Belle-vue", когда уже совсѣмъ разсвѣло (петербургскія свѣтлыя ночи совершенная диковинка для Славянъ южныхъ). Они унесли съ собою дружескія, горячія пожеланія всѣхъ своихъ собесѣдниковъ и собесѣдницъ, произнося въ то же время только-что выученныя ими русскія слова: *„Прощайте, прощайте, до свиданія!"*

На другой день утромъ, во время завтрака, представлялась Славянамъ депутація изъ Кронштадта, состоявшая изъ кронштадтскаго городскаго головы г. Степанова, двухъ депутатовъ отъ городскаго общества, гг. Байкова и Мурашева, и лейтенанта Петрова. Они просили Славянъ заѣхать въ Кронштадтъ на обратномъ пути ихъ изъ Москвы. Въ это же утро должны были представляться Славянамъ ихъ одноплеменники, живущіе въ Петербургѣ. Сколько извѣстно, въ Петербургѣ нашлось человѣкъ до 50-ти Чеховъ, до 14-ти Сербовъ и не мало другихъ славянъ, желавшихъ повидаться со своими. Утромъ же въ этотъ день славяне поѣхали осматривать Горный музей и потомъ домикъ Петра Великаго, Петропавловскій соборъ и монетный дворъ.

Палацкій и Ригеръ имѣли честь быть представленными Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великому Князю

Константину Николаевичу и Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ; а Сербы отправились съ визитомъ къ генералъ-майору Черняеву.

Горный музей, составляющій, какъ извѣстно, одно изъ замѣчательнѣйшихъ минералогическихъ собраній въ Европѣ, поразилъ гостей богатствомъ своихъ коллекцій. Особенно интересовались они образчиками русскихъ минераловъ, великолѣпными изумрудными „щетками", коллекціями топазовъ, яшмъ и пр. Извѣстно всѣмъ, что, въ отношеніи минералогическихъ богатствъ, Россія занимаетъ чуть ли не первое мѣсто во всей вселенной. Въ ней можной встрѣтить почти всѣ минералы, находящіеся въ нѣдрахъ земнаго шара (за исключеніемъ базальтовой группы). Всѣ яшмы (драгоцѣнные камни), не исключая даже и алмазовъ, встрѣчаются въ нашихъ розсыпяхъ и горныхъ породахъ, всѣ металлы добываются въ нашихъ рудникахъ; твердыхъ камней (яшмы, порфиры и граниты) нигдѣ не встрѣчается столько, какъ въ Россіи (во всѣхъ нхъ разновидностяхъ); даже мраморы, эта порода, вообще считающаяся достояніемъ югозападной Европы и сѣверныхъ береговъ Малой Азіи и тѣ въ изобиліи находятся у насъ. Въ Нерчинскѣ находятъ бѣлый мраморъ, почти неуступающій по красотѣ каррарскому. Въ послѣднее время оказалось, что и въ каменномъ углѣ у насъ нѣтъ недостатка. Образчики всѣхъ этихъ минеральныхъ породъ, расположенные въ систематическихъ группахъ, конечно, не могли быть разсмотрѣны подробно при бѣгломъ обзорѣ, но и общаго взгляда на коллекціи горнаго музея достаточно было для Славянъ, чтобъ оцѣнить громадныя богатства, скрывающіяся въ нѣдрахъ Русскаго Царства.

На монетномъ дворѣ Славяне съ любопытствомъ разсматривали всѣ детали чеканки. Посѣтителямъ были розданы на память большія бронзовыя медали, изображающія Исакіевскій соборъ. Въ Петропавловскомъ соборѣ гости долго останавливались передъ гробницами русскихъ государей, особенно же передъ гробницами Петра Великаго, Екатерины II и Николая I. Домикъ Петра Великаго произвелъ на нихъ, видимо, сильное впечатлѣніе. Это скромное, почти

убогое, жилище преобразователя Россіи, поразило ихъ до того, что они, возвратившись домой, только и толковали о немъ.

Затѣмъ у г. министра народнаго просвѣщенія и синодальнаго оберъ-прокурора, графа Д. А. Толстаго, былъ обѣдъ для славянскихъ гостей. Въ занимаемомъ графомъ помѣщеніи въ оберъ-прокурорскомъ домѣ нѣтъ на столько обширной залы, чтобы въ ней могъ быть накрытъ столъ болѣе чѣмъ на 50 кувертовъ. Вслѣдствіе этого графъ, по необходимости, принужденъ былъ раздѣлить приглашенныхъ имъ гостей на двѣ части, изъ которыхъ одна обѣдала у него 12-го мая, а другая 13-го. Въ числѣ приглашенныхъ въ первый день были: Палацкій, Ригеръ, Браунеръ, Гамерникъ, Эрбенъ, Головацкій, Ливчакъ, Павлевичь, Лай, Колярь, Шафарикъ, Лукшичъ, Ковачевичь (православный архимандритъ), Радлинскій (католическій священникъ), Радивоевичь и многіе другіе. Изъ Русскихъ приглашены были лица, извѣстныя своими трудами въ области славянства и сочувствіемъ къ единоплеменнымъ намъ народностямъ. Мѣсто отсутствующей хозяйки дома занимала графиня А. Д. Блудова, и нельзя было сдѣлать лучшаго выбора. Въ какой славянской странѣ не знакомо имя графини, въ домѣ которой все, что̀ пріѣзжало оттуда, было увѣрено найдти самый радушный пріемъ и самую горячую готовность служить славянскимъ интересамъ? Изъ Русскихъ здѣсь были: духовникъ Ихъ Величествъ протопресвитеръ Бажановъ, досточтимый о. Іоаннъ Рождественскій, Н. А. Деляновъ, князь В. А. Черкасскій, Ѳ. И. Тютчевъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, графъ Г. А. Кушелевъ-Безбородко, академикъ И. И. Срезневскій, профессоръ В. И. Ламанскій, А. И. Георгіевскій, Б. М. Маркевичъ; изъ членовъ комитета С. Н. Палаузовъ, много писавшій о Болгаріи (самъ весьма образованный Болгаръ родомъ), академикъ Быковъ, г. Глазуновъ, петербургскій книгопродавецъ, и многіе другіе. Обѣдъ былъ на славу. Самая оживленная, поистинѣ, братскаявеселая и радушная бесѣда шла между пирующими во все время обильной графской трапезы. Когда подали шампанское, Ригеръ, сидѣвшій налѣво отъ хо-

зяина (направо отъ него занимала мѣсто графиня А. Д. Блудова, а подлѣ нея старикъ Палацкій), поднялся и произнесъ слѣдующее привѣтствіе:

„Одинъ изъ чешскихъ писателей сказалъ: „не забывайте дѣтей своихъ, потому что дѣти представляютъ будущность народа.“ Будущность же дѣтей, господа, лежитъ въ рукахъ того, кто руководитъ просвѣщеніемъ народнымъ. Мы, Славяне, не имѣемъ того счастія, чтобы просвѣщеніемъ нашимъ руководили люди, принадлежащіе къ нашей народности. Одинъ Русскій народъ такъ счастливъ, что имѣетъ во главѣ своего просвѣщенія мужа, искренно преданнаго своему народу и славянству, и мы поэтому видимъ въ немъ залогъ счастливаго будущаго для Русскаго народа. Я имѣю честь предложить вамъ, господа, выпить за здоровье почтеннаго хозяина дома.“

Тостъ этотъ принятъ былъ съ единодушнымъ горячимъ одобреніемъ. Затѣмъ всталъ графъ Дмитрій Андреевичъ, и обращаясь къ сидѣвшему почти противъ него профессору Ламанскому, сказалъ:

„Господа, я вижу себя въ необходимости явиться оффиціальнымъ оппонентомъ профессора Ламанскаго. Вчера на обѣдѣ, въ прекрасной рѣчи своей, Владиміръ Ивановичъ сказалъ между прочимъ, говоря о нашемъ прошедшемъ:

„... Братъ забылъ брата, Славянинъ сталъ чуждаться Славянина. Все чужое было намъ прекрасно, все родное постыло. Всѣмъ намъ бывало противно все славянское, всѣ мы презирали нѣкогда свой языкъ, свою вѣру и народность, поклонялись чужимъ истуканамъ, жили и работали не на себя, а на чужихъ и враговъ нашихъ. Общіе наши доброхоты старались насъ раздѣлить и питать взаимное недовѣріе...“ Я, господа, считаю обязанностью заявить, что въ этомъ отношеніи является у насъ самымъ блестящимъ исключеніемъ одна особа, которая всегда, издавна питала полное довѣріе къ братьямъ нашимъ Славянамъ и отличалась постоянно самымъ глубокимъ сочувствіемъ ихъ пользамъ и благоденствію. Эта особа — Антонина Дмитріевна Блудова, въ честь которой и предлагаю вамъ, господа, поднять заздравный бокалъ.“

Весело и шумно, съ громкими рукоплесканіями, повторенъ былъ этотъ тостъ всѣми присутствовавшими.

Послѣ обѣда составились группы, продолжавшія оживленные разговоры, начатые за обѣдомъ. Къ сожалѣнію, бесѣды эти не могли продолжаться долго, такъ какъ гости и безъ того уже опоздали на славянскій концертъ, устроенный г. Балакиревымъ въ городской Думѣ. На прощанье съ просвѣщеннымъ хозяиномъ, нѣкоторые изъ гостей поднесли ему на память свои сочиненія: г. Ербенъ— Несторову лѣтопись, переведенную по-чешски и весьма изящно изданную, экземпляръ которой онъ просилъ министра представить Его Императорскому Высочеству, почетному президенту Московской этнографической выставки, Великому Князю Владиміру Александровичу; г. Радлинскій (католическій священникъ) — собраніе издаваемыхъ имъ русскихъ проповѣдей.

Славянскій концертъ г. Балакирева былъ, можно сказать, продолженіемъ вчерашняго *славянскаго обѣда*. Дорогіе гости со славянскаго запада встрѣтили и въ залѣ Думы, великолѣпно убранной и сіявшей безчисленными огнями, тотъ же торжественный пріемъ, что и въ залѣ дворянскаго собранія, который долженъ свидѣтельствовать имъ о томъ значеніи, какое имѣетъ для Русскихъ первый пріѣздъ ихъ въ Россію. Гербы всѣхъ славянскихъ національностей и флаги съ ихъ народными цвѣтами были расположены по всему протяженію хоръ; эстрада для оркестра была сплошь увѣшана фестонами трехцвѣтной драпировки, группы изъ трехъ цвѣтныхъ же знаменъ стояли по двумъ концамъ эстрады; на верху портрета Государя Императора, помѣщеннаго въ глубинѣ залы, были также расположены знамена, но уже съ русскими національными цвѣтами. Такимъ образомъ зала Думы представляла чрезвычайно блестящій и оживленный видъ.

Уже послѣ того какъ сыграна была увертюра пріѣхали обѣдавшіе у министра народнаго просвѣщенія. Когда они вошли къ залу, ихъ встрѣтили грамогласныя рукоплесканія и клики: *слава Ригеру*, *слава Палацкому!* Долго продолжались эти клики, и только послѣ того какъ эти предста-

вители славянскихъ депутатовъ отвѣчали со всѣхъ мѣстъ поклонами публикѣ, замолкли наконецъ рукоплесканія, клики „слава“ и концертъ могъ продолжаться.

Концертъ Балакирева былъ составленъ изъ піесъ, изъ которыхъ каждая относилась къ той или другой славянской національности. Такъ представителемъ великорусскаго элемента явилась „Камаринская“ Глинки; представителемъ малороссійскаго элемента „Казачокъ“ Даргомыжскаго; чешскій элементъ былъ изображенъ въ *увертюрѣ на чешскія темы* Балакирева, сербскій — въ *увертюрѣ* на сербскія темы г. Римскаго-Корсакова, словацкій — въ *фантазіи на словацкія* (неправильно названные *венгерскими*) *темы* Листа, польскій — въ *аріи изъ оперы Монюшко.* Такимъ образомъ, кромѣ послѣдней пьесы, всѣ остальныя, самыя капитальныя пьесы концерта были инструментальныя. Это имѣетъ свое глубокое значеніе: большинство примѣчательнѣйшихъ музыкальныхъ произведеній, созданныхъ славянскимъ геніемъ, заключается въ сочиненіяхъ инструментальныхъ. Здѣсь Славяне необыкновенно скоро сходятся во вкусахъ, здѣсь они скорѣе всего уразумѣваютъ другъ друга, сливаются въ одномъ общемъ чувствѣ, въ одномъ общемъ восторгѣ. „*Камаринская*“ была потребована два раза, *Увертюра на сербскія темы* — тоже, и, кажется, еслибъ не боязнь страшно утомить и оркестръ и дирижера, были бы повторены и всѣ остальныя инструментальныя пьесы. Послѣ пьесъ, особенно поражавшихъ, Сербы кричали свое: *живіо, живіо!* Чехи свое: *слава, слава!* На вѣрно можно сказать, что этотъ концертъ будетъ особенно памятенъ для всѣхъ ихъ: гдѣ же могли они слышать, въ одинъ вечеръ, столько превосходныхъ, столько увлекательныхъ созданій славянскаго музыкальнаго творчества? Гдѣ могли они присутствовать при такомъ художественномъ управленіи оркестромъ рукою славянскаго дирижера, какъ въ этотъ день? И они живо это сознавали: Чехи, еще такъ недавно узнавшіе, подъ управленіемъ г. Балакирева, какая у Славянъ есть опера — „Русланъ и Людмила!“, Чехи привезли съ собою изъ Праги великолѣпный подарокъ своему любезному *русскому капельнику* (капельмейстеру): Ри-

геръ и вмѣстѣ съ нимъ другіе Чехи, передъ началомъ второй части концерта, встали со своихъ мѣстъ и подали первому, лучшему нашему капельмейстеру Балакиреву — дирижерскую палочку, всю рѣзную изъ слоновой кости, такой чудной работы, что эта вещь навѣрное заняла бы видное мѣсто на парижской всемірной выставкѣ. Внизу выпуклыми буквами написано: *Прага 1867 г.* Немного выше, на ручкѣ: *Пушкинъ, Глинка.* Отсюда къ верху вьющейся ленточкой идутъ имена всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ оперы „Русланъ и Людмила". На превосходномъ ящикѣ изъ деревянной необыкновенно изящной мозаики написано рѣзными буквами: *Славянскому умѣльцу* (художнику) *М. А. Балакиреву.* Оглушительныя, безконечныя рукоплесканія поднялись въ залѣ при этомъ поднесеніи. Но послѣ *увертюры на чешскія темы*, автору ея, г. Балакиреву, поднесенъ былъ еще большой лавровый вѣнокъ, перевитый золотыми лентами и перехваченный рѣзнымъ золотымъ аграфомъ, съ портретомъ М. И. Глинки и надписью вокругъ: *М. А. Балакиреву, 12-го мая 1867 г.* Остается упомянуть о трехъ солистахъ этого концерта. Г. Кросъ мастерски, съ величайшею тонкостью и вмѣстѣ энергіей, выполнилъ трудную партію въ страстной и увлекательной фантазіи Листа на венгерскія темы; г. Петровъ спѣлъ, какъ конечно никто кромѣ него въ Петербургѣ не споетъ „*Ночной смотръ*" — одно изъ геніальнѣйшихъ созданій нашего великаго Глинки; наконецъ Ю. Ф. Платонова со всегдашнимъ своимъ изяществомъ и вкусомъ дала нашей публикѣ узнать прелестную, но, къ несчастію, слишкомъ мало знаемую у насъ вещицу г. Балакирева: „*Золотая рыбка*", романсъ на слова Лермонтова. Тутъ все поразительно: и чудныя красоты звука, и страсть, и увлекая глубина чувства.

13-го мая, въ субботу, на столѣ въ общей комнатѣ отеля „Бельвю" лежалъ громадный альбомъ in-folio, въ переплетѣ изъ краснаго сафьяна, для вписыванія именъ славянскихъ гостей. Уже много именъ, написанныхъ собственноручно Славянами, оказались въ немъ. При именахъ были званіе и нерѣдко мѣсто родины каждаго. Другіе написали нѣсколько строкъ стиховъ или мотто. Только одно

мотто писано было по-англійски (д-ра Костича): „words, words, words, instead of swords, sword, swords“ („рѣчи, рѣчи, рѣчи, вмѣсто мечи, мечи, мечи“). Остальныя надписи въ альбомѣ были всѣ славянскія. Это былъ альбомъ, присланный кн. Трубецкою, желавшею сохранить память „о дорогихъ соплеменникахъ“.

Въ читальную комнату гостинницы „Бельвю“ постоянно доставлялись не только ежедневныя петербургскія газеты, но и многія книги, присланныя издателями въ даръ Славянамъ. Такъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ присланы были комитету, устроившемуся для встрѣчи Славянъ, 10 экземпляровъ „Этнографическаго Атласа населенія 9 западныхъ губерній Россійской Имперіи,“ съ тѣмъ, чтобъ эти экземпляры были предложены тѣмъ Славянамъ, которые, по роду своихъ занятій, могутъ особенно интересоваться историческими и статистическими данными, послужившими основаніемъ составленія означеннаго атласа. Эти экземпляры немедленно и были розданы по назначенію. Извѣстный издатель великолѣпной книги „Проповѣдническіе подвиги славянскихъ апостоловъ св. Кирилла и Меѳодія“, — слѣпецъ Ширяевъ, роздалъ всѣмъ Славянамъ по экземпляру своего изданія.

Утромъ же духовныя лица изъ гостей: архимандритъ Ковачевичъ, протопресвитеръ Милутиновичъ и священники Беговичъ и Кукичъ посѣтили Воскресенскій Новодѣвичій монастырь, слывущій, какъ извѣстно, по устройству рабочихъ комнатъ и проч., однимъ изъ образцовыхъ. Ихъ встрѣтили на паперти игуменья Евстолія и казначея Агнія, поспѣшившія собрать сестеръ, потому что обѣдня уже кончилась. Монахини подошли подъ благословеніе посѣтителей. Затѣмъ все въ монастырѣ осмотрѣно было подробно: мастерская—живописная, швейная—ризная, швейная и рабочее отдѣленіе гдѣ приготовляется обувь. Монахини на прощанье подарили гостямъ 12 образковъ, кушаки и архимандриту Ковачевичу набедренникъ, а священникамъ пояса. Всѣ сестры провожали своихъ гостей и, при отъѣздѣ ихъ, пропѣли имъ многая лѣта. Послѣ того духовные посѣтители были съ визитомъ у гр. Блудовой, кн. Протасовой

15*

и кн. Потемкиной. Въ этотъ же день Великому Князю Константину Николаевичу были представлены Головацкій и Ливчакъ.

Съ новыми судебными учрежденіями въ Россіи Славяне ознакомились въ то же утро; большая часть изъ нихъ была въ окружномъ судѣ, нѣкоторые въ мировыхъ судахъ.

Затѣмъ у министра народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстаго былъ второй обѣдъ для тѣхъ славянскихъ гостей, которые не присутствовали на обѣдѣ бывшемъ наканунѣ. Обѣдъ былъ столь же великолѣпенъ, какъ и прежній, и отличался полною непринужденностью и дружескимъ обмѣномъ мыслей между присутствовавшими.

Привѣтливый хозяинъ провозгласилъ за обѣдомъ тостъ въ честь Славянъ, посѣтившихъ русскую столицу, — тостъ, принятый съ большимъ одушевленіемъ. Докторъ Политъ, отвѣчалъ нѣсколькими словами, заключавшими въ себѣ ту мысль, что дороже всего должны быть намъ интересы общеславянскаго просвѣщенія, что во главѣ его стоитъ просвѣщеніе Россіи, и такъ какъ заботиться о развитіи и преуспѣяніи этого русскаго просвѣщенія призванъ графъ Дмитрій Андреевичъ, который, очевидно, умѣлъ снискать симпатію и довѣріе всего общества, то онъ предлагаетъ выпить за его здоровье. Затѣмъ Владанъ Георгіевичъ, секретарь и депутатъ сербскаго литературнаго общества „Заря“ (въ Вѣнѣ) произнесъ отъ лица сербской молодежи привѣтствіе, обращенное къ студентамъ русскихъ университетовъ и училищъ. Наконецъ Словакъ П. М. Мудронь, начавъ свою рѣчь извѣстнымъ преданіемъ о Святополкѣ Моравскомъ, который увѣщевалъ своихъ сыновей, что только дружбой и согласіемъ способны они поддержать свое имущество, коснулся вопроса о необходимости тѣснаго союза между Россіей и славянскими племенами. Въ заключеніе бывшій директоръ азіятскаго департамента въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, Е. П. Ковалевскій, замѣтилъ, что въ числѣ теперешнихъ славянскихъ гостей только Черногорцы не имѣютъ своихъ представителей, и предложилъ тостъ въ честь князя Николая и черногорскаго племени; тотчасъ же родилась мысль отправить телеграмму

съ извѣстіемъ объ этомъ въ Цетиньѣ, къ князю Николаю. Эта телеграмма вызвала потомъ пріѣздъ въ Россію воеводъ Вукотича и Пламенаца.

Вечеръ Славяне провели по собственному усмотрѣнію, большею частію посѣщая своихъ знакомыхъ, или приготовляя письма къ отсылкѣ на родину.

На другой день, 14-го мая, Славяне отправились въ Царское Село въ 10 часовъ утра, съ обыкновеннымъ поѣздомъ. Правленіе царскосельской желѣзной дороги съ обязательною любезностью предлагало отправить для нихъ экстренный поѣздъ въ какомъ угодно часу; но такъ какъ время, назначенное для отъѣзда славянскихъ гостей, совпало съ отправленіемъ обыкновеннаго поѣзда, то и не представилось необходимости воспользоваться обязательною готовностію правленія.

Поѣздъ прибылъ въ Царское Село, гдѣ славянскихъ гостей встрѣчала депутація отъ города, поднесшая имъ хлѣбъ-соль. На хлѣбѣ, или вѣрнѣе куличѣ, была надпись сахарными буквами: „отъ гражданъ Царскаго Села"; та же надпись съ прибавленіемъ „14-го мая 1867 г." была и на серебряной золоченой солонкѣ, имѣвшей форму русскихъ деревянныхъ „солоницъ". Эту хлѣбъ-соль принялъ профессоръ Головацкій, обѣщался передать ее на храненіе въ музей русскаго „Народнаго Дома" въ Львовѣ, въ память знаменательнаго для Славянъ дня.

Ожидали придворные экипажи, кареты и линейки. Славяне отправились въ нихъ къ обѣднѣ въ дворцовую церковь, наполненную придворными сановниками, генералами, флигель-адъютантами и проч. Государь и Императорская фамилія помѣщались на хорахъ и не были видимы. Въ концѣ обѣдни, депутація, которая должна была представляться Государю, отправилась въ картинную галлерею, назначенную для ея пріема, а остальные Славяне прошли въ такъ-называемую золотую залу. Депутація состояла изъ 23 человѣкъ; изъ нихъ Сербовъ изъ княжества было 5, Болгаринъ 1, Чеховъ 5, Русскій изъ Галиціи 1, Сербовъ изъ Австріи 7, Словакъ 1, Лужицкихъ Сербовъ 2, Хорватъ 1. Вотъ ихъ имена:

Сербы изъ княжества: Шафарикъ, Петроніевичъ, Георгіевичъ, Миличевичъ, Тодоровичъ; *Болгаринъ* — Богоровъ; *Чехи:* Палацкій, Ригеръ, Гаммерникъ, Ербенъ; *Русскій изъ Галиціи* — Головацкій; *Сербы изъ Австріи:* архимандритъ Ковачевичъ, Беговичъ, Милутиновичъ, Куничъ, Суботичъ, Матковичъ; Политъ, *Словакъ* — Есенскій; *Лужичане:* Смоляръ, Дучманъ; *Хорватъ.*

Послѣ того какъ пропѣто было „Ангелъ вопіяше", они вышли въ смежныя залы дворца. Депутація изъ 23 Славянъ, помѣстилась въ залѣ, смежной съ церковью; остальные Славяне, желавшіе увидѣть Государя Императора хотя бы случайно,—въ залѣ, смежной съ дворцовымъ театромъ.

Всѣ члены депутаціи были представлены Государю церемоніймейстеромъ княземъ Ливеномъ; сначала представлялись Сербы изъ княжества, потомъ Австрійскіе Славяне. Государь Императоръ милостиво разговаривалъ со всѣми депутатами, сказавъ каждому отдѣльно нѣсколько словъ. При представленіи Сербовъ изъ княжества, одинъ изъ нихъ, Шафарикъ, сказалъ Государю слѣдующее привѣтствіе:

„Ваше Императорское Величество, премилостивый Государь! Мы всепокорнѣйше благодаримъ Ваше Величество за то, что вы милостиво благоволили удостоить насъ зрѣнія своего Августѣйшаго лица. Этотъ знакъ наивысшаго благоволенія исполняетъ радостью сердце Славянъ и особенно нашихъ соотечественниковъ — обитателей княжества Сербскаго, кои съ вѣрною приверженностью отданы были всегда своимъ милостивымъ покровителямъ, великимъ владѣтелямъ всероссійскимъ. Мы просимъ Господа, чтобъ онъ далъ Вашему Величеству многолѣтнее счастливое житіе и владѣніе, не только на счастье великаго народа Русскаго, который, подъ мудрымъ управленіемъ Вашего Величества, дѣлаетъ исполинскіе шаги впередъ въ просвѣщеніи и благостояніи своемъ, но и на радость и утѣху всѣхъ племенъ Славянскихъ".

На это Государь Императоръ отвѣчалъ:

„Благодарю васъ за ваши добрыя желанія. Мы Сербовъ всегда считали за своихъ родныхъ братьевъ, и я надѣюсь, что Богъ готовитъ вамъ въ скоромъ времени лучшую бу-

душность. Дай Богъ, чтобъ всѣ желанія ваши скоро исполнились".

Послѣ этого Его Величество обратился къ Петроніевичу и изволилъ замѣтить, что уже знаетъ его (онъ 5 лѣтъ назадъ пріѣзжалъ въ Россію), говорилъ о визитѣ князя Михаила Обреновича въ Россію и о томъ, что дурная погода была, вѣроятно, не малою помѣхой во время пребыванія Славянъ въ Петербургѣ. Когда представлявшій депутатовъ оберъ-церемоніймейстеръ князь Ливенъ представилъ Миличевича, Его Величество удостоилъ спросить его: гдѣ онъ выучился по-русски? Тотъ отвѣчалъ — „въ Бѣлградѣ". — Когда вы выѣхали изъ Бѣлграда? — спросилъ Государь — „Въ концѣ апрѣля, Ваше Величество!" Въ то время Турки уже очистили Бѣлградскую крѣпость? — спросилъ вновь Его Величество, и на утвердительный отвѣтъ Миличевича, добавилъ: „хорошо, что это дѣло наконецъ кончено." Обратясь къ Шафарику, Его Величество спросилъ, говоритъ ли онъ также по-русски? — „Говорю, но ошибочно, Ваше Величество!" — былъ отвѣтъ. — Ну, ничего, мы все-таки понимаемъ другъ друга — замѣтилъ Государь съ благосклонною улыбкой. У Теодоровича Его Величество спросилъ, гдѣ онъ воспитывался? — тотъ отвѣчалъ, что въ университетѣ въ Вѣнѣ и въ академіи. — Въ какой? — „Въ Римѣ". — Вы путешествовали? — „Да, Ваше Величество, по Италіи, Швейцаріи и Германіи."

Обращаясь, такимъ образомъ, съ нѣсколькими словами къ каждому изъ представлявшихся, Его Величество подошелъ къ Палацкому и Ригеру. Ему угодно было сказать представителямъ чешской депутаціи, что Ему „особенно пріятно видѣть и ихъ между другими". — Не видѣлись ли мы съ вами въ Прагѣ? спросилъ Его Величество у Палацкаго. „Нѣтъ, Ваше Величество,— отвѣчалъ Палацкій,— но я имѣлъ счастіе видѣть Васъ въ Римѣ."— Государь замѣтилъ на это, что Онъ точно припоминаетъ, что видѣлъ его въ свое пребываніе въ Римѣ, будучи еще Наслѣдникомъ престола. Д-ру Политу, который былъ представленъ Его Величеству графомъ Д. А. Толстымъ, какъ депутатъ хорватскаго сейма и бывшій секретарь великаго суда въ Загребѣ, Государь Импе-

раторъ замѣтилъ, что тотъ также говоритъ по-русски? Д-ръ Политъ отвѣчалъ, что говоритъ и продолжаетъ учиться по-русски. — Его Величеству угодно было далѣе замѣтить, въ разговорѣ съ д-ромъ Политомъ, что сербское богослуженіе, при которомъ Онъ присутствовалъ въ Пештѣ, весьма походитъ на русское. О д-рѣ Смолярѣ Государю Императору доложили, что онъ уже прежде былъ въ Россіи.—Такъ вы, значитъ, уже ознакомились съ Россіею? Какъ вы нашли здѣсь все? — Д-ръ Смоляръ отвѣчалъ, что встрѣтилъ то, чего и ожидать не могъ.

Осчастлививъ такимъ образомъ каждаго изъ депутатовъ милостивымъ словомъ, Государь Императоръ вышелъ изъ картинной галлереи въ золотую залу, гдѣ ожидали его появленія прочіе Славяне. Тотчасъ же раздались громкіе крики „слава" и „живіо!" Съ сіяющимъ отъ привѣтливости лицомъ Государь, обращаясь къ Славянамъ, сказалъ имъ видимо тронутымъ голосомъ:

„Здравствуйте, господа! Я радъ видѣть васъ, славянскихъ братьевъ на родной славянской землѣ. Надѣюсь, вы останетесь довольны пріемомъ какъ здѣсь, такъ и особенно въ Москвѣ. До свиданія".

Вслѣдъ за этими словами раздались снова громкіе крики „слава!" и „живіо!", въ которыхъ такъ и слышался неподдѣльный восторгъ.

При пріемѣ депутаціи, Государя Императора сопровождала Государыня Императрица; Великіе Князья Владиміръ, Алексій, Сергій и Павелъ Александровичи, Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій и Великая Княжна Марія Александровна. Его Величество изволилъ представить депутаціи Своихъ Августѣйшихъ Дѣтей.

Государыня Императрица также благосклонно говорила съ членами депутаціи. Такъ, всѣ замѣтили, что Ея Величество нѣсколько времени разговаривала съ Палацкимъ. Ея Величество говорила о чешской литературѣ, о томъ, что Чехи пуристы въ дѣлѣ языка и не допускаютъ въ него иностранныхъ словъ. Ея Величество замѣтила, что это дѣлаетъ честь чешскому народу. Далѣе Ея Величество выразила сожалѣніе, что у всѣхъ славянскихъ племенъ нѣтъ

одной общей азбуки и одного правописанія. Коснувшись въ разговорѣ Праги, Государыня замѣтила, что Прага очень похожа на Москву. На это старецъ — чешскій историографъ сказалъ, что онъ еще въ 1835 г., сопутствуя при осмотрѣ Праги Великому Князю Михаилу Павловичу съ супругою, слышалъ то же самое сравненіе Праги съ Москвою отъ покойнаго Великаго Князя, оглядѣвшаго Прагу съ высоты Градчинской башни. Д-ра Смоляра Ея Величество спросила, давно ли онъ издаетъ свой журналъ. По уходѣ Государя Императора изъ залы, Его Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ, подойдя къ серб скимъ депутатамъ, сказалъ, что онъ зналъ одного Серба-офицера; Петроньевичъ назвалъ его фамилію.

По окончаніи пріема, представлявшіеся были приглашены къ завтраку въ дворцовыхъ комнатахъ. Славяне, не принадлежавшіе къ депутаціи, осмотрѣли затѣмъ дворецъ, были въ комнатѣ, стѣны которой сплошь выстланы янтаремъ, и въ другой — съ черепаховыми колоннами. Особенное вниманіе Славянъ обратили на себя картины изъ современной русской исторіи — „Тысячелѣтіе Россіи", — „Въѣздъ Государя Императора въ Москву на коронацію", — „Присяга Государя Наслѣдника по совершеннолѣтіи" и т. д. Славяне не-депутаты осмотрѣли затѣмъ дворцовый садъ и поѣхали въ линейкахъ въ Александровскій дворецъ, гдѣ приготовлена была для нихъ закуска. Затѣмъ была осмотрѣна половина, занимаемая Его Высочествомъ Государемъ Цесаревичемъ и Ея Высочествомъ Государынею Цесаревною. Потомъ всѣ вернулись въ вокзалъ желѣзной дороги.

Немедленно по возвращеніи въ Петербургъ, славянскіе журналисты отправили въ свои газеты депеши, сообщавшія о сдѣланномъ имъ Государемъ Императоромъ пріемѣ. За обѣдомъ въ „Belle-Vue," Славяне, вставъ съ своихъ мѣстъ, провозгласили тостъ за здоровье Государя Императора, сопровождая его восторженными криками: „слава!" и „живіо". Всѣ же духовные изъ нихъ — безъ различія, православные и католики — обѣдали у протоіерея Янышева.

Къ семи часамъ наши гости были уже въ Маріинскомъ театрѣ, гдѣ они смотрѣли трагедію „Смерть Іоанна Гроз-

наго“. Зала была полна сверху до низу, и, разумѣется, всѣ съ сочувственнымъ любопытствомъ глядѣли на Славянъ. Піеса графа А. К. Толстаго очень понравилась Славянамъ. Они въ теченіе спектакля вызвали автора и очень хвалили роскошную постановку. Изъ театра Славяне, раздѣлившись на нѣсколько группъ, отправились въ разныя мѣста по сдѣланнымъ имъ приглашеніямъ. Ихъ ожидали въ такъ-называемомъ обыкновенно „прикащичьемъ“ клубѣ и въ клубѣ общества поощренія и покровительства частному служебному труду.

Въ клубѣ общества поощренія частному труду встрѣча, сдѣланная Славянамъ, была великолѣпна. Въ этотъ день въ клубѣ былъ назначенъ концертъ, первая часть котораго была исполнена до прибытія Славянъ. По прибытіи гостей въ роскошное помѣщеніе клуба, они, поднявшись по лѣстницѣ, устланной ковромъ, были встрѣчены всѣми присутствовавшими на вечерѣ дамами, впереди которыхъ стояла *Хозяйка вечера*, супруга одного изъ старшинъ, г-жа К—ва, въ богатомъ русскомъ сарафанѣ и повязкѣ изъ бѣлаго атласа, шитаго серебромъ. Этотъ нарядъ удивительно шелъ къ прекрасному лицу и стройной фигурѣ хозяйки. Г-жа К—ва, а за нею и прочія дамы взяли подъ руки славянскихъ гостей и повели ихъ въ концертную залу, при громкихъ возгласахъ „слава!“ всѣхъ присутствовавшихъ. При Славянахъ были исполнены: 1) Попури изъ русскихъ пѣсенъ. 2) „Не одна-то во полѣ дороженька,“ Варламова (соло исполняла г-жа Попова и гг. Зябловъ и Ивановъ). 3) Романсъ „Сяду я за столъ“ Ламакина (исполнилъ г. Ивановъ). 4) „Не о томъ скорблю, подруженьки,“ Глинки (соло исполнила г-жа Попова). 5) „Ахъ вы сѣни, мои сѣни,“ Ламакина (хоръ), и 6) „Боже, Царя храни“. Славяне остались чрезвычайно довольны концертомъ, особенно же понравились имъ піесы „Сяду я за столъ,“ которую они заставили повторить, и „Ахъ вы сѣни“. Сверхъ того, одинъ изъ любителей, въ крестьянскомъ костюмѣ, спѣлъ двѣ простонародныя русскія пѣсни, отлично подражая пѣнію нѣсколько-подгулявшаго мужика. Славяне тотчас почувство-

вали эту вѣрную черту народнаго характера и громко потребовали повторенія пѣсни.

Послѣ концерта, славянскіе гости были приглашены въ отдѣльную залу, гдѣ на огромномъ столѣ была приготовлена обильная закуска и стоялъ серебряный самоваръ, окруженный стаканами. Чай разливала хозяйка вечера, г-жа К—ва, такъ что все общество представляло какъ бы одну русскую семью, собравшуюся около самовара, по ежедневному обычаю. Подано шампанское, и не обошлось безъ тостовъ и рѣчей. Изъ Славянъ говорили Ригеръ, Головацкій и Ливчакъ. Ригеръ, на прощанье съ Петербургомъ, оказавшимъ такое горячее сочувствіе гостямъ, предложилъ тостъ за этотъ городъ, „великую столицу великой Россіи!“ Головацкій предложилъ тостъ за гостепріимныхъ хозяевъ клуба, за прекрасную хозяйку вечера и за процвѣтаніе этого благодѣтельнаго учрежденія. Ливчакъ, напомнивъ, что клубъ, въ которомъ они находятся, принадлежитъ обществу *взаимнаго* вспомоществованія частному труду, выразилъ надежду, что современемъ возникнетъ сознаніе необходимости взаимнаго вспомоществованія между всѣми Славянами. Послѣ чая нѣкоторые изъ Славянъ, въ томъ числѣ Палацкій, Ригеръ, Головацкій, отправились домой, а другіе оставались танцовать.

Въ ресторанѣ Бореля, на ужинѣ, устроенномъ въ тотъ же вечеръ для гг. Звѣржины, Топинки и Манеса, эти славянскіе художники были встрѣчены музыкою конногвардейскаго полка подъ управленіемъ г. Хлѣбникова. Послѣ тоста за здоровье Государя Императора, М. Ю. Арнольдъ сказалъ рѣчь, въ которой краснорѣчиво доказывалъ возможность и необходимость самобытнаго славянскаго зодчества и кончилъ тостомъ: „За процвѣтаніе зодчества у всѣхъ славянскихъ народовъ и во всѣхъ славянскихъ земляхъ!“ Гг. Звѣржина, Топинка и Манесъ отвѣчали тостами за русскихъ зодчихъ. Изъ прочихъ тостовъ упомянемъ тостъ за Кремль и Вышеградъ. Въ концѣ ужина Звѣржинѣ былъ поднесенъ великолѣпный альбомъ фотографическихъ видовъ замѣчательнѣйшихъ петербургскихъ зданій.

15-го мая въ понедѣльникъ, въ двумъ часамъ пополудни гостинница „Belle-Vue" наполнилась посѣтителями: въ этотъ часъ былъ назначенъ послѣдній обѣдъ Славянъ передъ отъѣздомъ въ Москву. Опять пошли тосты и рѣчи. Изъ Славянъ говорили: Палацкій, Ригеръ, Браунеръ, Ценова. Въ своихъ рѣчахъ славянскіе ораторы горячо благодарили „Петроградъ" за сдѣланный имъ пріемъ. Палацкій прибавилъ къ этому, что хотя Петербургъ и носитъ иностранное имя, но, очевидно, это городъ вполнѣ русскій и предложилъ тостъ за петербургское общество въ лицѣ его представителей — членовъ комитета для пріема Славянъ. Въ отвѣтъ на ихъ рѣчи, говорили лица, вовсе непринадлежавшія въ комитету, пришедшія, такъ сказать, со стороны привѣтствовать отъѣзжавшихъ въ Москву славянскихъ гостей. Первый говорилъ генералъ Иваницкій. Онъ доказывалъ необходимость частаго повторенія подобныхъ славянскихъ съѣздовъ и одного для нихъ языка — русскаго, что вовсе не исключаетъ для обыкновеннаго, мѣстнаго употребленія племенныя нарѣчія. Рѣчь эта была встрѣчена громкими рукоплесканіями.

Затѣмъ г. Терентьевъ сказалъ слѣдующую горячую рѣчь:

„Братья Славяне!

„Однимъ бы солнцемъ грѣться намъ!" *) Вотъ что недавно было у всѣхъ *у васъ* передъ глазами, и вотъ что всегда у всѣхъ *у насъ* здѣсь — въ сердцѣ. Но, прежде чѣмъ грѣться однимъ солнцемъ, надо быть свободными. А *вы* уже знаете, уже *извѣдали*, что ваша свобода — *только* въ силѣ. Мы же знаемъ и извѣдали, что самая мощная сила — въ *единствѣ*. Взгляните на нашу Русь: пока она была раздроблена на удѣлы, пока ея князья усобились, она изнывала подъ татарами... Но вотъ Москва собрала русскую землю, и тѣ же татары ходятъ съ халатами.

„Да и не одна Русь, каждая изъ славянскихъ семей имѣетъ въ исторіи свои блестящія страницы, свои славныя имена; но не всѣмъ, къ сожалѣнію, удалось сдѣлать столько для своей свободы, сколько сдѣлано Сербіей и Черногоріей...

*) Надпись на меню обѣда 11-го мая.

„Чему же обязаны и Сербія и Черногорія? *Желѣзу!*

„Но, кромѣ желѣза, есть еще одна могучая сила; эта сила — *слово*. Всегда и вездѣ *дѣльное* слово стоило дѣла, *было* дѣломъ.

„Общественное мнѣніе—такая сила, которая часто стоитъ желѣза; а чѣмъ оно выражается? *Словомъ!*

„Литераторы, ученые — эти *пророки и соль* своей земли— займутъ такое же почетное мѣсто на почетномъ пиру свободы, какое дается иззубренному въ бояхъ мечу инвалидовъ славы! Итакъ:

За *соль*, за *желѣзо* славянской земли!
За *слово* — Словенъ, за *славу* Славянъ!
За общую нашу *слободу!*"

Затѣмъ, г. Истоминъ прочелъ слѣдующіе стихи:

Со всѣхъ сторонъ грозятъ войною;
Проснулся загнанный Востокъ;
Славяне вспрянули, и къ бою
Стремится бѣшеный потокъ.

Довольно муки и страданья,
Довольно рабства и цѣпей.
На волю просится дыханье,
Стѣсненное въ груди своей

Софіи колоколъ забитый
Надъ Чернымъ Моремъ загудитъ;
Къ нему сбѣгутся дѣти Крита,
Чехъ, Сербъ съ Болгаромъ побѣжитъ.

Раздастся гласъ свободы милой,
Померкнетъ блѣдная луна,
Воскреснувъ, встанетъ изъ могилы
Порабощенная страна.

И на развалинахъ темницы
Творцу польется гимнъ святой:
То будутъ пѣть живыя лица
Передъ воскреснувшей страной.

Дунай съ любовію волшебной
Прильнетъ къ любимымъ берегамъ
И повторитъ тотъ гимнъ хвалебный
На славу вамъ, на страхъ врагамъ.

Говорили еще нѣкоторые изъ присутствовавшихъ — Славянъ и Русскихъ. Наконецъ, г. О. Миллеръ сказалъ слѣдующее:

„Дорогіе гости! Передъ отъѣздомъ вашимъ въ Москву, это сердце Россіи, позвольте вамъ напомнить слова, всѣмъ вамъ, конечно, давно знакомыя. Думаю, что ихъ особенно кстати вспомнить теперь — эти золотыя слова стародавняго памятника:

„Намъ не хвально въ Нѣмцахъ искать правды".

Не удивляйтесь, что вамъ объ этомъ напоминаетъ лицо, носящее нѣмецкое имя. Тутъ дѣло не въ крови, не въ происхожденіи; тутъ важно *рожденье по духу*. Есть своего рода претворяющая сила въ русской народности, сила, поглощающая въ себя все чужое — безъ малѣйшей тѣни насилія. Если и между Русскими еще много такихъ, которымъ бы стоило прозываться Нѣмцами, то есть у насъ и между Нѣмцами (по происхожденію) много людей, совершенно Русскихъ, хотящихъ и умѣющихъ быть только Русскими. Эта претворяющая сила русской народности заключается въ славянской ея стихіи, той стихіи, которой принадлежитъ будущность всего человѣчества.

Намъ не хвально въ Нѣмцахъ искать правды;
У насъ правда по закону святу...

„Но въ чемъ же она, эта славянская правда? А что говорится, кромѣ того, въ томъ же „Судѣ Любуши", что тамъ говорится о братьяхъ?

Будета имъ оба въ едино власти,
Чи се раздѣлита — ровну мѣру.

„Итакъ — или братская жизнь сообща, въ единомъ хлѣбѣ и единомъ совѣтѣ — прямая противоположность западно-европейскому началу *индивидуализма;* или, если дѣлежъ, то поровну, безъ преимуществъ, основанныхъ на первородствѣ — противоположность западно-европейскому *майорату* и западно-европейской, на крови основанной *привилегированности. Общность* и *равноправность* — вотъ она славян-

ская правда! Итакъ, за нее, за основанную на ней будущую славянскую образованность!"

При громкихъ крикахъ „слава!", „живіо", при громѣ музыки, постоянно игравшей во время обѣда, Славяне встали изъ-за стола. Пошли объятія, поцѣлуи. Въ четыре часа гости отправились на станцію Николаевской желѣзной дороги, кто въ экипажѣ, а кто (по собственному желанію) пѣшкомъ. Во время ихъ отъѣзда, на балконѣ „Belle-Vue" играла музыка. На станціи ожидала Славянъ многочисленная публика. При громкихъ крикахъ „слава" и „живіо", они стали размѣщаться по вагонамъ. Ихъ окружила цѣлая толпа: знакомые и незнакомые жали имъ руки, просили у нихъ на память визитныя карточки. Дамы не отставали отъ мужчинъ. Они особенно окружали Головацкаго, Полита и Ливчака, которые, вмѣстѣ съ Палацкимъ и Ригеромъ, сдѣлались рѣшительно самыми популярными изъ гостей.

Равно въ 5 часовъ раздался свистокъ, и экстренный поѣздъ умчалъ Славянъ, посреди громовыхъ криковъ „слава!"

Въ Колпинѣ толпа народа ожидала прибытія поѣзда; клики „слава!" огласили воздухъ, шапки летѣли вверхъ; народъ тѣснился къ вагонамъ, чтобы взглянуть на Славянъ. Въ Любани встрѣтила Славянъ депутація отъ Новгорода.

Въ депутаціи участвовали: гг. Оттъ (вице-губернаторъ), Коковцевъ (губ. пред. дворянства), Козляниновъ (дворян.), священникъ Богословскій (секретарь статистическаго комитета), Өедоровъ (городской голова), новгородскіе граждане: гг. Вороновъ, Лихачевъ, Алпатовъ, Куровъ, Чупаевъ, Базаровъ и Левошкинъ. На пути еще многіе присоединились къ этой депутаціи. „Ура" загремѣло, какъ только начали Славяне выходить изъ вагоновъ. Въ самомъ вокзалѣ, гдѣ Славянамъ былъ приготовленъ чай, присоединилось къ депутаціи человѣкъ сто. Городской голова привѣтствовалъ Славянъ слѣдующею рѣчью: „Привѣтствуемъ васъ на пути, наши дорогіе гости и братья! Благословеніе св. Софіи, поклонъ великаго Новгорода и нашу хлѣбъ-соль подносимъ вамъ съ искреннимъ радушіемъ, которымъ славились предки наши Новгородцы. Примите

эти дары, какъ знакъ нашей братской любви и не осудите на нашихъ скромныхъ приношеніяхъ. Въ стѣнахъ стараго кремля, въ древнемъ храмѣ св. Софіи намъ было бы еще пріятнѣе принять васъ, братья наши. Вы увидѣли бы тамъ памятники славнаго былаго одного изъ первыхъ городовъ Славянскихъ; поклонились бы св. Софіи, подъ покровительствомъ которой росла и крѣпла святая Русь. Вы увидѣли бы, какъ молодѣетъ старецъ Новгородъ, который въ настоящее время, можетъ только сказать о себѣ: „Малъ въ братіи моей“; но который не утратилъ мощнаго славянскаго духа. Примите нашъ родной и искренній привѣтъ, и усердное желаніе успѣха въ нашихъ подвигахъ, и снесите нашимъ общимъ братьямъ поклонъ и пожеланія. Скажите имъ, что святая Русь также сильна и крѣпка, какъ была изъ поконвѣку и также связана узами кровнаго родства, хотя и раздѣляютъ насъ рубежи иноземнаго владычества. Скажите имъ, что наша братская любовь никогда не оскудѣетъ, и что съ сердечнымъ участіемъ мы всегда дѣлимъ всѣ наши радости и подвиги. Скажите имъ, что нѣтъ силы въ свѣтѣ, которая бы могла разорвать наши кровныя узы родства и братской любви!“ Громкое „слава“ и „живіо“ было отвѣтомъ со стороны гостей на простыя, но теплыя и искреннія слова головы. Потомъ поднесена была хлѣбъ-соль, новгородской постилы пять большихъ ящиковъ и гимнъ Кириллу и Меѳодію положенный на ноты; а священникъ Богословскій поднесъ пять книгъ „Новгородскаго Сборника“ съ прибавленіемъ, и тридцать книгъ „Въ память тысячелѣтія Россіи“. На хлѣбѣ была сдѣлана надпись: „Дорогимъ гостямъ и братьямъ отъ Новгородцевъ.“ Долго клики „Слава, живіо и ура“ оглашали воксалъ и сплетались вмѣстѣ, пока не всталъ Павлевичъ сказать съ своей стороны привѣтствіе, въ которомъ онъ выразилъ, что мы братья одной родной семьи, что они считаютъ Новгородъ своимъ первымъ славянскимъ городомъ, и что къ нему стремятся ихъ чувства, какъ къ своему редному городу. Рѣчь эта была много разъ прерываема восторженными криками Новгородцевъ и Славянъ. Браунеръ отвѣчалъ депутаціи, что Славяне никогда не забывали великаго Новгорода,

что память о немъ жила во всѣхъ Славянахъ даже и на далекомъ западѣ: „почти въ то время, когда востокъ славянства праздновалъ тысячелѣтіе, мы, западные Славяне,— продолжалъ Браунеръ, — праздновали тысячелѣтіе введенія у насъ христіанства; до сихъ поръ мы были отдѣлены разными преградами другъ отъ друга; теперь же мы познали другъ друга, и нѣтъ болѣе уже помѣхъ для взаимности между сѣверными, западными, южными и восточными Славянами.“ Послѣ чаю поѣздъ съ Славянами отправился далѣе и вмѣстѣ съ ними вся Новгородская депутація. На Чудовской станціи, гдѣ поѣздъ остановился запастись только топливомъ, народъ встрѣтилъ гостей съ хлѣбомъ-солью; старшина Чудова поднесъ Славянамъ двѣ вязанки русскихъ барановъ. Сербскій священникъ Беговичъ сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ и задушевныхъ словъ русскимъ людямъ, которыхъ здѣсь набралось до пяти сотъ человѣкъ и опять громкое „ура“ смѣшалось съ кликами „слава и живіо“ и долго гудѣло, такъ что шумъ локомотива и несущагося поѣзда не могли заглушить ихъ. Эта неожиданная встрѣча произвела особенное впечатлѣніе на Славянъ; они говорили, „мы теперь вполнѣ убѣждены въ искренности родственныхъ и братскихъ чувствъ Русскихъ къ намъ, мы видимъ, что этотъ народъ собрался по собственному искреннему желанію, а не по наряду.“ На Волховской станціи, Новгородская депутація прощалась съ своими братьями и это прощаніе было чисто родственное. Припоминая слова великаго просвѣтителя Славянъ князя Владиміра: „не быть веселію безъ вина“ Новгородцы поднесли шампанское гостямъ. Когда были розданы бокалы, священникъ Беговичъ поднявъ бокалъ къ верху провозгласилъ: „За здоровье великаго и любимаго Государя Императора Александра Николаевича!“ Оглушительное ура потрясло воздухъ на этотъ тостъ и долго не смолкало. Священникъ Богословскій отвѣчалъ „за благоденствіе и счастіе Славянскихъ народовъ живущихъ за предѣлами нашего царства“, крики „слава, живіо и ура“, были ему отвѣтомъ. Протопресвитеръ Урошъ Милютиновичъ обратился къ Русскому народу: призывая на него благословеніе Божіе, онъ выразилъ въ краткихъ

словахъ искреннее чувство расположенія своихъ соотечественниковъ къ Русскимъ. На этотъ тостъ священникъ Богословскій отвѣчалъ: „Братья, пусть будетъ памятенъ этотъ день для насъ навсегда и передайте дѣтямъ, чтобъ изъ рода въ родъ шла память о томъ, какъ всѣ Славяне встрѣтились на рубежѣ великаго Новгорода какъ одна родная семья.“ Послѣ этого еще нѣсколько было провозглашено тостовъ, и высказано задушевныхъ и теплыхъ словъ, и поѣздъ двинулся. Вслѣдъ уѣзжающихъ братій неслось оглушительное ура, а они долго махали изъ оконъ вагоновъ шапками и фесками.

Восторженная встрѣча ожидала Славянъ на Волховской станціи; тостъ послѣдовалъ за тостомъ; съ особеннымъ восторгомъ были встрѣчены здравицы за Государя, за славянство и за волховцевъ. На станціи Мало-вишерской поѣздъ долженъ былъ остановиться и простоять на мѣстѣ 9 часовъ, такъ какъ впереди товарный поѣздъ сошелъ съ рельсовъ. Въ воксалѣ былъ приготовленъ ужинъ. За шампанскимъ о. Милютиновичъ отъ лица всѣхъ благодарилъ за пріемъ радушный и братскій; такой же точно пріемъ встрѣчали они вездѣ, гдѣ ни проѣзжали въ Россіи. „Русь встрѣчала насъ, продолжалъ онъ, какъ мать дѣтей своихъ, и потому за здравіе, многоденствіе и процвѣтаніе матери нашей Руси и братьевъ нашихъ Русскихъ!“ Послѣ ужина пѣли хоромъ разныя славянскія пѣсни: „Радо иде Србин у војнике“, „Гей Славяне!“, „Дрина вода хладна“ и другія. Многіе требовали русской пѣсни, и потому были пропѣты: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, „Сѣни“, „Во полѣ березонька стояла“ и другія. Наконецъ, всѣ гости пропѣли „многая лѣта“ и разошлись по вагонамъ на ночлегъ. Въ Спировѣ, на другой день, встрѣтила Славянъ депутація отъ Твери и просила дорогихъ гостей въ Твери откушать хлѣба-соли. Въ Твери поѣздъ былъ встрѣченъ музыкой отъ войскъ, расположенныхъ въ этомъ городѣ, и пѣніемъ великолѣпнаго хора пѣвчихъ Тверской семинаріи, которыми исполненъ былъ гимнъ: „Слава Кириллу, слава Меѳодію, братьямъ святымъ!“ Отецъ Наѳанаилъ, ректоръ Тверской семинаріи, произнесъ приличное случаю слово, въ которомъ

указалъ, что лучшій путь къ единенію славянства есть наука, просвѣщеніе. Онъ закончилъ свое слово тѣмъ, что провозгласилъ „славу" Государю Императору и всему славянству. Слова его были приняты съ восторгомъ. Снова провозглашена была здравица за Государя Императора. Славяне, какъ будто одинъ человѣкъ, пропѣли многолѣтіе, которое было подхвачено пѣвчими, и зала снова огласилась дружными: „ура!" „слава!" и „живіо!" Затѣмъ предложенъ былъ директоромъ гимназіи г. Роберомъ тостъ за нравственное единеніе всего славянства, также принятый съ восторгомъ всѣми присутствовавшими. Ф. Н. Глинка прочелъ свое стихотвореніе. *) О. Беговичъ провозгласилъ здравицу за городъ Тверь, и снова было пропѣто гостями „многолѣтіе". Браунеръ объявилъ, что, по замѣчанію его собрата и соотечественника Колляра, народъ великъ на столько, на сколько онъ сдѣлалъ дѣла. Дѣло, которое Колляръ разумѣлъ, можетъ быть матеріальное и духовное: „мы уже провозглашали здравицу за просвѣщеніе и науку — за дѣло духовное, и потому, продолжалъ Браунеръ, за здравіе и успѣхъ промышленности русской и промышленныхъ граждань Твери!" Кликамъ: „ура!" и „слава!" не было конца. Крестичъ провозгласилъ затѣмъ здравицу за дамъ и дѣвицъ тверскихъ, которыя въ большомъ числѣ вышли также встрѣтить милыхъ русскому сердцу гостей. Грянуло потрясающее стѣны „слава!" дамы и дѣвицы раскланивались и благодарили гостей.

Тверской городской голова поднесъ Палацкому въ подарокъ двѣ книги: О святомъ благовѣрномъ великомъ князѣ Михаилѣ Ярославичѣ Тверскомъ, мощи котораго почиваютъ въ Тверскомъ Спасо-Преображенскомъ каѳедральномъ соборѣ, и Описаніе всѣхъ бывшихъ тверскихъ архіереевъ, и просилъ принять ихъ въ воспоминаніе о Твери. Палацкій, принимая книги, съ чувствомъ сказалъ, что они будутъ храниться въ Прагѣ, въ чешскомъ музеумѣ. Тверской купецъ Коняевъ поднесъ также книги славянской

---

*) Напечатано въ *Русскомъ* № 18.

печати: архимандриту Ковачевичу — Евангеліе, Палацкому — Апостолъ и Ригеру — Молитвословъ.

Въ Клину гостей встрѣтила депутація отъ Клина съ хлѣбомъ-солью, которая была подана городскимъ головою Я. Ф. Головацкому. Кромѣ всѣхъ этихъ встрѣчъ, на всѣхъ промежуточныхъ станціяхъ, мимо которыхъ проѣзжалъ поѣздъ, толпы народа встрѣчали и провожали дорогихъ гостей громкими кликами „ура" и „слава". Это былъ тріумфальный поѣздъ.

Сами славянскіе гости свидѣтельствовали неоднократно, что пріемъ, который имъ былъ оказываемъ всюду со стороны народа, превосходитъ всѣ ихъ ожиданія. Между тѣмъ извѣстія о торжественныхъ встрѣчахъ, оказанныхъ славянскимъ гостямъ въ Варшавѣ, Вильнѣ и Петербургѣ, вызвали различныя сужденія въ иностранныхъ газетахъ. Таково между прочимъ было сужденіе прусской оффиціальной газеты *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*:

„Московская этнографическая выставка привела въ броженіе всѣ славянскія племена Европы. Не смотря на чисто научный характеръ этого предпріятія, русское *національное чувство* нашло себѣ гордое удовлетвореніе въ томъ, что въ первый разъ общая цѣль соединила представителей всѣхъ славянскихъ племенъ на русской почвѣ, и *восторгъ*, съ которымъ Русскіе привѣтствуютъ своихъ единоплеменныхъ гостей придаетъ этой встрѣчѣ политическій оттѣнокъ. Но этотъ политическій оттѣнокъ, на сколько намъ кажется, не лежалъ вовсе въ намѣреніяхъ учредителей выставки, а тѣмъ менѣе русскаго правительства, несмотря на милостивое покровительство, оказываемое имъ выставкѣ; напротивъ, сами Славяне желали окружить свою поѣздку политическимъ ореоломъ. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ Палацкимъ и Ригеромъ въ Варшавѣ, Вильнѣ и Петербургѣ, явно высказывалось стремленіе представить Славянъ живущихъ за предѣлами Россіи страдальцами, угнетенными, угрожаемыми другими націями, видящими въ Россіи свою единственную опору. Потому несправедливо обвинять русское правительство, по поводу московской выставки, въ покровительствѣ панславизма, и австрійскимъ газетамъ, распро-

страняющимъ эти обвиненія, не мѣшало бы внимательнѣе вглядѣться въ самую суть дѣла“.

Нѣсколько иначе отозвалась по тому же поводу зарская газета *Il Nazionale*, издатель которой находился среди путешественниковъ пріѣхавшихъ на выставку: „отнынѣ невозможно разрѣшеніе австрійской государственной проблемы *ни безъ Славянъ, ни въ ущербъ имъ*. Для торжества дуализма, необходимо сдѣлать tabula rasa изъ 20 милліоновъ Славянъ или слиться съ федеративными стремленіями. Пока испытывается первый способъ, ни одно средство не упускается для большаго его успѣха. Вотъ гдѣ причина той ревности, съ которой такъ слѣдятъ за братскими пирами въ Петербургѣ, слѣдятъ за каждымъ шагомъ Славянъ, перетолковываютъ ихъ рѣчи, осмѣиваютъ поступки, издѣваются надъ грандіозными оваціями въ честь ихъ, извергаютъ желчныя хулы при вѣсти о томъ, какъ предъ депутатами широко отворялись двери Царскосельскаго дворца и какъ окруженный Своею Августѣйшею Супругою и Князьями крови, потомокъ Романовыхъ, Александръ II, котораго прямодушный Азельйо ставитъ въ мемуарахъ своихъ на ряду съ благодѣтелями человѣчества, принималъ Палацкаго, Ригера, Миличевича, Полита и Данила, какъ послѣ приметъ перваго властителя Европы“.

IX

Еще въ засѣданіи 31 марта московской Общей Думы, городской голова, князь А. А. Щербатовъ, прочелъ письмо отъ предсѣдателя Распорядительнаго Комитета по устройству этнографической выставки, коимъ сообщалось, что оную предполагается открыть на Святой Недѣлѣ въ зданіи Экзерциргауза, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича. Комитетъ, приглашая гг. сословныхъ старшинъ и гласныхъ на открытіе выставки, надѣялся встрѣтить въ городскомъ управленіи полное сочувствіе, при чемъ заявлялъ о предстоящемъ прибытіи на выставку депутатовъ отъ всѣхъ

славянскихъ племенъ. При этомъ гласный М. П. Погодинъ замѣтилъ, что прибытіе Славянъ особенно важно и знаменательно, и что городское управленіе, принявшее съ такимъ радушіемъ Американцевъ, должно принять славянскихъ депутатовъ, этихъ братьевъ нашихъ родныхъ и двоюродныхъ: одной съ нами крови, и большею частію исповѣдающихъ одну съ нами вѣру,—съ распростертыми объятіями. Ю. Ф. Самаринъ, раздѣляя мнѣніе г. Погодина, замѣтилъ, что самая удача выставки зависѣла преимущественно отъ сочувствія Славянъ, которые, не щадя ни трудовъ, ни издержекъ, содѣйствовали всѣми зависящими отъ нихъ средствами къ обогащенію коллекцій выставки. Городской голова сообщилъ, что В. А. Кокоревъ приготовилъ уже нѣсколько даровыхъ нумеровъ въ своей гостинницѣ для пріема Славянъ. Общая дума поставила выразить полное свое сочувствіе Комитету выставки, а для пріема славянскихъ депутатовъ ассигновала до 10.000 рублей.

Вскорѣ составлены были два комитета, большею частію изъ членовъ Думы, для устройства достойнаго пріема славянскимъ гостямъ отъ имени Москвы. Въ университетѣ также составилась особая коммиссія: изъ ректора, декановъ и нѣсколькихъ профессоровъ для устройства празднествъ въ честь славянскихъ гостей отъ имени Университета и московскихъ ученыхъ и художественныхъ Обществъ.

16-го мая давно ожидаемые гости пріѣхали въ первопрестольну столицу Россіи. Было уже 10 часовъ, когда поѣздъ прибылъ въ Москву. Не взирая на сырую мглу, на станцію съѣхалось множество лицъ всякаго званія и обоего пола. Обширный помостъ московской станціи желѣзной дороги не могъ вмѣстить всѣхъ, желавшихъ первыми встрѣтить дорогихъ гостей. На ступеняхъ подъѣзда и у подъѣзда была давка; густыя толпы стояли за воротами станціи. Какъ только послышался свистъ приближавшагося поѣзда, толпа заколебалась, и оркестръ грянулъ славянскій маршъ г. Краля. Поѣздъ подкатился не слышно,—не слышно за потрясшими все зданіи кликами. Городской голова, князь Щербатовъ, встрѣтилъ гостей хлѣбомъ-солью на изящной работы деревянномъ блюдѣ, опоясанномъ вокругъ надписью:

„Хлѣбъ-соль славянскимъ гостямъ. Москва 16-го мая“. Первыми вышли изъ вагона Палацкій и Я. Ф. Головацкій.

„Дорогіе гости наши, Москва вамъ рада“, произнесъ князь Щербатовъ, подавая блюдо, и голосъ его былъ заглушенъ *славословіемъ*, которое заглушило музыку. Старшина славянскихъ гостей, знаменитый и за предѣлами славянскаго міра, Палацкій, отвѣчалъ на привѣтствіе. Клики умолкли, и его чешскую рѣчь, произнесенную тихо, но внятно, можно было разслышать. Онъ сказалъ: „Много радуюсь тому, что мнѣ довелось самому, при моей преклонной старости, навѣстить матушку-Москву и выражаю мою сердечную благодарность, именемъ всѣхъ Славянъ, за то, сверхъ нашего чаянія, искреннее и братское сочувствіе, съ которымъ привѣтствовали насъ родные наши русскіе братья въ своей старославной столицѣ“.

Князь Щербатовъ пригласилъ въ свою коляску Палацкаго; ректоръ университета — кановика Головацкаго за ними, въ приготовленныхъ экипажахъ, размѣстились остальные гости, и длинный поѣздъ, провожаемый привѣтственными кликами, потянулся по улицамъ Москвы; густыя толпы наполняли весь путь клики были оглушительны. Народъ толпился къ экипажамъ, такъ что въ началѣ трудно было имъ даже ѣхать. Всѣ улицы, по которымъ должны были проѣзжать гости, были иллюминованы плошками и разноцвѣтными фонарями; вездѣ большими кучками стоялъ народъ и встрѣчалъ Славянъ восторженными кликами „ура!“; гости продолжали раскланиваться на обѣ стороны и благодарить москвичей за любовь и радушіе. Не считая тѣ толпы, которыя стояли разбросанными по улицамъ, приблизительно въ самомъ воксалѣ и передъ нимъ во дворѣ и на площади было около 5.000 народа; на улицахъ же по меньшей-мѣрѣ, еще столько же. Около 11-ти часовъ всѣ гости прибыли въ гостинницу Кокорева, сверху до низу горѣвшую огнями. У подъѣзда стоялъ уже народъ, по преимуществу съ Замоскворѣчья, такъ-какъ дальность разстоянія не позволила замоскворѣчанамъ встрѣтить гостей на желѣзной дорогѣ. Здѣсь давно заготовленныя комнаты Кокоревской гостинницы,

нарядно убравшейся огнями, занимались мало-по-малу. Замѣтно было особенно живое обращеніе посѣтителей въ комнатѣ, занятой отцемъ каноникомъ Головацкимъ. Онъ принялъ посѣщенія ректора университета, профессора Щуровскаго и многихъ другихъ, спѣшившихъ обмѣняться съ нимъ первыми привѣтствіями. Въ корридорѣ бель-этажа составились оживленныя группы, въ которыхъ чешскій говоръ смѣнялся то сербскимъ, то русскимъ. Нерѣдко слышались взаимныя привѣтствія друзей, когда-то сблизившихся въ Загребѣ, Прагѣ, и теперь неожиданно свидѣвшихся въ Москвѣ. Въ половинѣ двѣнадцатаго, гости собрались къ ужину въ общую залу, куда гостепріимный хозяинъ, московскій городской голова, князь Щербатовъ пригласилъ гостей на первое хлѣбосольное свиданіе. Маститый Палацкій занялъ мѣсто рядомъ съ нимъ; за Палацкимъ М. П. Погодинъ. По другую сторону отъ хозяина сидѣлъ о. Головацкій, и за нимъ А. И. Кошелевъ. Первый кто среди оживленной бесѣды соединилъ общія чувства въ одно громкое слово встрѣченное одобреніями: *слава*, *живіо!* былъ М. П. Погодинъ. Оглянувъ залу, онъ пересчиталъ поименно каждое изъ славянскихъ племенъ, представители которыхъ собрались здѣсь, и сказалъ слѣдующее:

„Наконецъ, дорогіе братья, мы привѣтствуемъ васъ въ Москвѣ! Я не знаю, что и прибавить можно къ этому слову.... Кажется, здѣсь все уже сказано! Въ Москвѣ сѣмя, ядро, колыбель русскаго государства — Россія выросла изъ Москвы; въ Москвѣ зародилась и укрѣпилась мысль о славянскомъ единствѣ; въ Москвѣ затеплилось и возгорѣлось святое чувство участія къ судьбѣ страждущихъ единоплеменниковъ, — и вотъ Москва принимаетъ теперь въ свои объятія ихъ достойныхъ представителей изъ Сербіи и Богеміи, изъ Кроаціи и Далмаціи, изъ Болгаріи и Галича. Великъ русскій Богъ! Есть удивительныя, неожиданныя событія, предъ которыми всякое слово недостаточно. Это, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ ихъ числу.

„Нечего объяснять вамъ также, какъ мы вамъ рады. Но вы привезли намъ еше другую радость, столько же великую, столько же сладкую: восторженный пріемъ, сдѣлан-

далѣе, судя по тому огромному пространству, которое лежитъ между нами и ими. Но на дѣлѣ оказалось иначе. Пространство должно уступить могучему, родственному чувству, и научное свиданіе неожиданно обритилось въ дѣйствительное, личное. Общество почитаетъ себя счастливымъ, что, по его инціативѣ, совершилось это событіе. Выставка наша была, такъ сказать, тою искрою, которая будучи брошена въ горячее народное чувство, превратила его въ неудержимое пламя.

„Подымаю бокалъ за народное родственное чувство, для котораго пространства не существуетъ."

Послѣ него говорилъ И. С. Аксаковъ: „Дорогіе гости! Въ самый же первый мигъ нашего радостнаго братскаго свиданія, я не могу не вспомнить тѣхъ, которые такъ долго, такъ пламенно призывали этотъ завѣтный день, которыхъ радость была бы неизмѣрима, которые такъ много потрудились для нашего славянскаго самосознанія и были, можно сказать, почти его первыми насадителями въ Россіи. Разумѣю Кирѣевскихъ, Хомякова, Константина Аксакова. Память о нихъ не разлучна съ нашею радостью; она неотступно сопровождаетъ насъ — ликующихъ и торжествующихъ здѣсь наше славянское братство. Они возжгли между нами тотъ неугасимый огонь, который теперь разгарается такимъ широкимъ, могучимъ пламенемъ; они безбоязненно свидѣтельствовали объ истинѣ и правдѣ славянской, они представляютъ въ своихъ твореніяхъ непрерывность того славянскаго чаянія, которое начинаетъ нынѣ сбываться. Какъ вѣщіе пророки, они непрестанно указывали намъ въ будущее, ни разу не ослабѣвъ вѣрою въ призваніе славянства, и никто не понималъ этого призванія такъ высоко, такъ духовно, такъ свято, какъ они. Но видно истинно слово: *иной есть сѣяй, иной есть жняй.* Ни Кирѣевскимъ, ни Хомякову, ни брату моему Константину Аксакову, не привелось пожинать того, что они посѣяли. Но кажется мнѣ—тѣни ихъ носятся надъ нами, и празднуютъ вмѣстѣ съ нами этотъ, по выраженію русскаго поэта—первый праздникъ *всеславянства.* Стихотворенія Хомякова — это цѣлое славянское вѣроисповѣданіе, — и было бы

домъ русскимъ, привѣтствующимъ насъ нынѣ подъ сѣнью древней Москвы“.

За словомъ Субботича слѣдовала рѣчь ректора Московскаго университета, С. И. Баршева:

„Съ нетерпѣніемъ и мы, члены старѣйшаго русскаго университета, ожидали вашего прибытія въ нашъ столичный городъ. Чтобъ поскорѣе лично познакомиться съ братьями, которыхъ мы привыкли и издалека глубоко уважать за ихъ великія услуги нашему общему славянскому дѣлу; чтобъ подѣлиться съ ними мыслями и чувствованіями, и высказать наши желанія и предположенія, мы устроили къ вашему пріѣзду, въ стѣнахъ университета, соединенное собраніе професоровъ и депутатовъ здѣшнихъ ученыхъ и художественныхъ обществъ. Льстимъ себя надеждою, что вы почтите это собраніе вашимъ присутствіемъ и примете въ немъ участіе. Москва будетъ имѣть счастіе видѣть, какъ и слѣдуетъ, въ своемъ университетѣ *первый съѣздъ славянскихъ ученыхъ.* Да не будетъ этотъ съѣздъ и послѣдній. Разъ сблизившись, будемъ поддерживать нашу духовную связь. Полезная для науки она будетъ полезна и для общаго славянскаго дѣла. Крѣпко связанная кровною, племенною и духовною, научною связью, чего не въ состояніи совершить великая славянская земля? Горы сдвинутся съ мѣста, если мы ухватимся за нихъ сообща. Господа, выпьемте за вполнѣ дружеское, единодушное дѣйствованіе на пользу общаго дѣла!“

Послѣ ректора университета говорилъ предсѣдатель Общества Любителей Естествознанія, профессоръ Щуровскій, который сказалъ: „Дорогіе гости! Я имѣю счастіе быть президентомъ того ученаго Общества, которое устроило общеславянскую этнографическую выставку. На нашу долю выпала завидная участь быть отчасти причиною того народнаго движенія, которое въ настоящую минуту происходитъ предъ нашими глазами, тѣхъ чувствъ, которыми волнуется Петербургъ, Москва, цѣлая Россія.

„Устраивая общеславянскую выставку, Общество имѣло въ виду одно научное свиданіе съ нашими западными и южными братьями. Желанія наши и не могли простираться

далѣе, судя по тому огромному пространству, которое лежитъ между нами и ими. Но на дѣлѣ оказалось иначе. Пространство должно уступить могучему, родственному чувству, и научное свиданіе неожиданно обритилось въ дѣйствительное, личное. Общество почитаетъ себя счастливымъ, что, по его иниціативѣ, совершилось это событіе. Выставка наша была, такъ сказать, тою искрою, которая будучи брошена въ горячее народное чувство, превратила его въ неудержимое пламя.

„Подымаю бокалъ за народное родственное чувство, для котораго пространства не существуетъ.“

Послѣ него говорилъ И. С. Аксаковъ: „Дорогіе гости! Въ самый же первый мигъ нашего радостнаго братскаго свиданія, я не могу не вспомнить тѣхъ, которые такъ долго, такъ пламенно призывали этотъ завѣтный день, которыхъ радость была бы неизмѣрима, которые такъ много потрудились для нашего славянскаго самосознанія и были, можно сказать, почти его первыми насадителями въ Россіи. Разумѣю Кирѣевскихъ, Хомякова, Константина Аксакова. Память о нихъ не разлучна съ нашею радостью; она неотступно сопровождаетъ насъ—ликующихъ и торжествующихъ здѣсь наше славянское братство. Они возжгли между нами тотъ неугасимый огонь, который теперь разгарается такимъ широкимъ, могучимъ пламенемъ; они безбоязненно свидѣтельствовали объ истинѣ и правдѣ славянской, они представляютъ въ своихъ твореніяхъ непрерывность того славянскаго чаянія, которое начинаетъ нынѣ сбываться. Какъ вѣщіе пророки, они непрестанно указывали намъ въ будущее, ни разу не ослабѣвъ вѣрою въ призваніе славянства, и никто не понималъ этого призванія такъ высоко, такъ духовно, такъ свято, какъ они. Но видно истинно слово: *иной есть сѣяй, иной есть жняй*. Ни Кирѣевскимъ, ни Хомякову, ни брату моему Константину Аксакову, не привелось пожинать того, что они посѣяли. Но кажется мнѣ—тѣни ихъ носятся надъ нами, и празднуютъ вмѣстѣ съ нами этотъ, по выраженію русскаго поэта—первый праздникъ *всеславянства*. Стихотворенія Хомякова — это цѣлое славянское вѣроисповѣданіе, — и было бы

кстати прочесть здѣсь одно изъ нихъ, но вы знаете ихъ наизусть. Я прочту вамъ отрывокъ изъ одного неизвѣстнаго вама стихотворенія моего брата. Пусть же, по крайней мѣрѣ, хоть изъ-за могилы раздастся здѣсь его привѣтъ братьямъ Славянамъ!

Мужайтесь! Дрогнулъ сонмъ враговъ,
Погибнутъ козни ихъ лукавы,
И славы доблестныхъ сыновъ
Освѣтитъ солнце новой славы!

Изъ брани миръ! изъ мрака свѣтъ!
И мы, испытанные строго,
Сберемся послѣ столькимъ лѣтъ
Однимъ языкомъ славить Бога!

Забудемъ ужасъ прошлой тьмы,
Срѣтая день нашъ величавый, —
Славяне, обоймемся мы,
И вмѣстѣ всѣ воскликнемъ: „Слава!"

Знаменитый ораторъ чешскій Ригеръ сказалъ:

„Вы привѣтствовали насъ именемъ старославной столицы русскаго народа, матушки Москвы. Мы, Чехи, пришли также изъ старославной столицы другаго славянскаго народа, народа чешскаго, изъ матушки Праги. Очень примѣчательно, что самыя славныя событія въ русской исторіи свершились въ Москвѣ, такъ какъ самыя славныя событія чешскаго народа свершились въ Прагѣ.

„Слѣдовательно, Москва съ своимъ Кремлемъ, такъ какъ Прага съ своимъ Вышеградомъ, есть наиславнѣйшій памятникъ своего племени. Та и другая столица хранительницы своего народа; но кромѣ того, каждая имѣетъ еще другое призваніе.

„Задача Праги быть стражемъ идей народныхъ, стараться о будущности своего народа, давать ему мысли, мысли о будущемъ. Старославная Москва поняла вѣрно свое призваніе. Она поняла, что въ развитіи славянской идеи, славянскаго братства и взаимности всеславянской, находится великая будущность, какъ для Русскихъ, такъ и для всѣхъ Славянъ. Она показала путь всему русскому народу въ

этомъ направленіи. Позвольте мнѣ привѣтствовать отъ старославной столицы Чеховъ старославную столицу Русскихъ. Слава!“

Ужинъ былъ заключенъ словомъ Палацкаго, въ которомъ онъ, обращаясь къ князю Щербатову, произнесъ:

„Прежде нежели разойдемся, я отъ лица тѣхъ Славянъ, которые присутствуютъ здѣсь представителями нашихъ далекихъ братьевъ, обращаюсь къ хозяину нашему, сіятельному князю, съ выраженіемъ нашей искренней благодарности за то хлѣбосольство, которое оказано было имъ и при первомъ шагѣ нашемъ на почву Москвы, и здѣсь, въ гостепріимной сѣни этого дома.“

Ужинъ кончился около двухъ часовъ. Гости разошлись среди шумныхъ восклицаній и благопожеланій.

17-е мая, первый день пребыванія Славянъ въ Москвѣ начали они посѣщеніемъ Кремлевской святыни и осматривали соборы, Успенскій, Архангельскій, Благовѣщенскій и Чудовъ монастырь.

Успенскій соборъ поразилъ посѣтителей древностію своего стиля и живописи. Тѣ изъ нихъ, которые отчасти по настроенію мысли, отчасти по роду занятій, болѣе другихъ преданы искусству, внимательно озирали иконостасъ и подолгу останавливались на отдѣльныхъ мѣстныхъ иконахъ. Не разъ замѣтно отдѣлялась отъ общаго обзора храма подъ руководствомъ протоіерея, болѣе обращавшаго вниманіе гостей на историческія достопримѣчательности храма, группа знатоковъ искусства, какъ Ригеръ, Вртятко и художникъ Манесъ. Палацкаго занимала болѣе историческая старина соборовъ; онъ долго останавливался у гробницахъ великихъ князей и митрополитовъ московскихъ. Сербское духовенство—архимандритъ Ковачевичъ, протоіерей Урошъ Милютиновичъ, священники Беговичъ, Кукичъ подолгу оставались въ алтаряхъ, въ бесѣдѣ съ роднымъ духовенствомъ русскимъ.

Нѣкоторыя постороннія лица, сопровождавшія Славянъ, помогали ихъ историческимъ свѣдѣніямъ своими объясненіями, говорили имъ о значеніи Успенскаго собора въ различные моменты русской исторіи, о Красномъ Крыльцѣ,

Грановитой палатѣ, и казалось, что эти свидѣтели и памятники столькихъ вѣковъ и событій не оставались нѣмы для гостей. Профессоръ Головацкій сдѣлалъ слѣдующее мѣткое замѣчаніе по поводу кремлевскихъ древностей: „Можно найдти въ разныхъ странахъ, сказалъ онъ, памятники болѣе древніе; но едва ли еще гдѣ-нибудь такъ много древняго соединено вмѣстѣ и такъ входитъ въ современную жизнь страны."

Послѣ осмотра соборовъ, около часу пополудни, славянскіе гости отправились, въ сопровожденіи городскаго головы, къ генералъ-губернатору. Когда всѣ прибывшіе собрались въ гостинной, князь Владиміръ Андреевичъ вышелъ и сказалъ имъ:

„Привѣтствую дорогихъ гостей! Для насъ, Русскихъ, весьма было пріятно, что современники наши такъ сочувственно отозвались на скромное предпріятіе русскаго ученаго общества, на нашу этнографическую выставку. Въ лицѣ вашемъ впервые сошлись въ Москвѣ Славяне со всѣхъ концовъ славянской земли."

Въ это время, городской голова, князь Щербатовъ, назвалъ нѣкоторыхъ изъ посѣтителей по именамъ, и генералъ-губернаторъ продолжалъ:

„Этотъ случай послужитъ поводомъ для обмѣна любви и пріязни истекающихъ изъ священныхъ узъ родства. Москва всегда гостепріимно принимаетъ тѣхъ, *кто приходитъ къ ней съ миромъ и любовію.* Если она радушно встрѣчала гостей иноплеменныхъ, то можете судить съ какою задушевной искренностію встрѣчаетъ и привѣтствуетъ она васъ, близкихъ и родственныхъ ей по происхожденію!"

Раздались *слава*, и Палацкій на привѣтствіе генералъ-губернатора отвѣчалъ краткою благодарственною рѣчью по-чешски, и затѣмъ общество представлявшихся простилось съ хозяиномъ.

Послѣ того, депутація отъ славянскихъ гостей, въ числѣ осьмнадцати человѣкъ, отправилась къ высокопреосвященному митрополиту Филарету. Большинство депутаціи состояло изъ представителей духовенства соплеменнаго и отчасти единовѣрнаго Русскому народу. Архипастырь встрѣ-

тилъ ихъ въ залѣ, провелъ въ гостинную, усадилъ всѣхъ и сказалъ имъ общее привѣтственное слово. Вотъ въ точности записанный текстъ его рѣчи, которая произвела глубокое впечатлѣніе:

„Имѣю неожиданное утѣшеніе привѣтствовать вожделѣнныхъ гостей и братій, которыхъ здѣсь вижу, и которыхъ также сверхъ ожиданія видитъ нынѣ Москва.

„Благословенъ Богъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, посѣтившій и посѣщающій бѣдственно-раздѣленное человѣчество, и направляющій оное къ единому спасенію и спасительному единству.

„Славяне и Славяно-Россы—родъ единъ. Но его начало затемнѣно временемъ. Движеніемъ дѣлъ человѣческихъ раздѣлены отрасли его. Это раздѣленіе неблагопріятно было единству языка его.

„Богъ воздвигъ двухъ святыхъ братій по плоти и по духу, которые сдѣлались нашими отцами по духу, родивъ насъ благовѣствованіемъ Христовымъ, и наше естественное братство обновилъ и возвысилъ братствомъ духовнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что любовь родственная усовершенствована и укрѣплена любовію христіанскою. Единство духа и языка охранено тѣмъ, что языкъ славянскій сдѣлался языкомъ вѣры и церкви. Мы, Россіяне, наслѣдовали сей даръ Божій отъ старѣйшихъ въ христіанствѣ братій нашихъ, и не престаемъ быть благодарными. Состраждемъ скорбямъ, сорадуемся надеждамъ братій, и сквозь раздѣленія зримъ къ единству. И вотъ нечаянный случай изъ различныхъ, изъ отдаленныхъ странъ подъемлетъ ревнителей славянскаго братства, и соединяетъ ихъ въ средоточіи русскаго единства, чтобы непосредственно изъ сердца въ сердце излить братское чувство и, вопреки внѣшнимъ раздѣленіямъ, найдтись въ живомъ внутреннемъ единеніи.

„Видѣвъ знаменія Провидѣнія въ нашемъ прошедшемъ, осмѣлимся и въ настоящемъ видѣть знаменіе во благо.

„Въ духѣ христіанства да растетъ общее наше единеніе, и въ такомъ единеніи—сила, способная побѣдоносно созидать и распространять общее и частное благо.

„Привѣтствуемъ васъ искреннею любовію и благою надеждою, по вѣрѣ во всеблагое Провидѣніе Божіе".

Въ послѣдовавшей за тѣмъ бесѣдѣ, Палацкій сказалъ между прочимъ, что церковная рознь была роковымъ событіемъ для многихъ отраслей славянскаго племени. Его высокопреосвященство обращался съ вопросами о состояніи духовныхъ дѣлъ въ Сербіи къ членамъ сербскаго духовенства, съ словами утѣшенія къ угнетеннымъ собратьямъ въ Галиціи, представленнымъ въ депутаціи каноникомъ Головацкимъ. Петроньевичъ передалъ Московскому митрополиту поклонъ отъ митрополита Сербскаго.

Маститый архипастырь проводилъ гостей до дверей и напутствовалъ ихъ благословеніемъ.

Отъ митрополита тѣ же лица направились къ часовнѣ Иверской Богоматери, гдѣ, по желанію православныхъ, было отслужено молебствіе.

Нѣкоторые изъ гостей, не вошедшіе въ составъ депутаціи, отправились одни обозрѣть панораму Москвы съ колокольни Ивана Великаго (докторъ Гамерникъ, Ценова); другіе, не дождавшись урочнаго часа, поспѣшили посѣтить этнографическую выставку, общій осмотръ которой былъ назначенъ въ 3 часа. Мораване, принадлежащіе сельскому классу, воспользовались промежуткомъ между часомъ и тремя пополудни для общаго обзора выставки, останавливаясь преимущественно на предметахъ сельскаго быта и труда, какъ въ промышленной избѣ великорусской, такъ и въ отдѣлѣ моделей. Около трехъ часовъ всѣ Славяне собрались въ зданіи выставки. Ихъ встрѣтилъ предсѣдатель комитета, В. А. Дашковъ, привѣтственнымъ словомъ, въ которомъ выразилъ радость, что встрѣчаетъ въ Славянахъ не только гостей и братьевъ, но и сотрудниковъ, присылками своими много содѣйствовавшихъ осуществленію и успѣху выставки. Вступивъ въ залу при звукахъ славянскаго марша, гости начали обозрѣніе подъ руководствомъ В. А. Дашкова, а потомъ раздѣлились между нѣсколькими руководителями. Такъ Н. А. Поповъ былъ путеводителемъ Палацкаго и Ригера. Бѣглое обозрѣніе выставки часто прерывалось привѣтствіями и представленіями. Въ этомъ пер-

вомъ посѣщеніи уже составились отдѣльныя группы, которыхъ вниманіе привлекалось тѣмъ или другимъ предметомъ выставки. Особенно долго остановились гости на промышленной избѣ великорусской, причемъ профессоръ Киттары подробно изъяснилъ предметы народной промышленности, придающіе избѣ столь живой интересъ. Профессоръ остановился на экономической сторонѣ дѣла, разъясняя въ подробности цѣны выставленнымъ предметамъ промышленности, чѣмъ особенно были заинтересованы Ригеръ и Браунеръ. Списокъ этихъ цѣнъ былъ розданъ каждому изъ любознательныхъ гостей. Сербскіе посѣтители выставки были очень заинтересованы малороссійскою хатой, и нашли въ ней сходство съ жилищами поселянъ въ Сербіи.

Вечеръ Славяне провели по собственному усмотрѣнію, точно также какъ и часть утра слѣдующаго дня. Къ 12 же часамъ 18-го мая всѣ они пріѣхали въ университетъ, гдѣ происходило соединенное засѣданіе членовъ университета и депутацій отъ 18 ученыхъ и художественныхъ обществъ, существующихъ въ Москвѣ.

Мысль собраться всѣмъ московскимъ ученымъ и художественнымъ обществамъ въ лицѣ своихъ представителей въ университетъ для привѣтствованія вмѣстѣ съ нимъ дорогихъ гостей Москвы и Россіи—мысль прекрасная, если вспомнимъ, что нынѣшнее единеніе между частями однихъ и тѣхъ же славянскихъ племенъ крѣпнетъ, въ особенности благодаря сближенію между собою представителей умственной и духовной жизни среди этихъ племенъ. Московскій университетъ и Общества, ставшія съ нимъ подъ одно знамя, на этотъ разъ—лишь уступили общему славянскому потоку нашего времени.

Славяне встрѣчены были громкими „слава“ и „живіо“. Послѣ того какъ всѣ мѣста, предназначенныя для гостей, были заняты, начался рядъ привѣтствій обращаемыхъ къ нимъ съ каѳедры, убранной цвѣтами.

I. *Отъ Императорскаго университета.*

Ректоръ С. И. Баршевъ: „Привѣтъ вамъ, дорогіе гости, отъ старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ!

„Состоящему при Московскомъ университетѣ Императорскому Обществу Естествознанія пришла въ голову истинно-русская мысль устроить въ самомъ сердцѣ Россіи выставку всѣхъ ея населеній и пригласить на этотъ всероссійскій народный праздникъ единоплеменныхъ намъ Славянъ. Этой патріотической мысли Общества и нашему горячему сочувствію къ ней мы и обязаны тѣмъ, что имѣемъ честь видѣть въ настоящемъ нашемъ ученомъ собраніи и громко извѣстныхъ славянскихъ ученыхъ. Событіе небывалое и въ высшей степени знаменательное! Отъ всего сердца благодаримъ васъ и за эту честь, и за ту истинно-славянскую готовность, съ которою вы откликнулись на нашъ московскій кличъ, и пользуемся вашимъ присутствіемъ среди насъ, чтобы высказать вамъ наше искреннѣйшее желаніе самаго *тѣснаго научнаго общенія съ вами и со всѣмъ дорогимъ намъ славянскимъ міромъ. (Одобреніе.)*

Наука крѣпко связываетъ и тѣхъ, которые не имѣютъ ничего общаго между собой; тѣмъ крѣпче она должна связывать единоплеменниковъ. Дѣти одной матери, мы уже и по кровному родству не можемъ не тяготѣть другъ къ другу, и что̀ какъ не славянская кровь могло вызвать столько живаго и искренняго сочувствія, которое изъявилъ вамъ простой русскій народъ на пути вашемъ и здѣсь? *(Громкое одобреніе.)* Интересъ народности становится въ наше время все сильнѣе и сильнѣе. Не этотъ ли интересъ заставилъ Хорватовъ прекратить рознь между ними и Сербами и дружески протянуть другъ другу руку на бывшемъ апрѣльскомъ Загребскомъ сеймѣ? Наука осмысляетъ чувство кровнаго родства и тѣмъ еще болѣе притягиваетъ другъ къ другу единоплеменниковъ. Ради высшихъ духовныхъ интересовъ она заставляетъ ихъ забывать не только распри, но и всѣ мѣстныя и бытовыя особенности. Да послужитъ ваше пребываніе въ нашей Москвѣ, древней собирательницѣ Русской земли, для скрѣпленія нашей научной связи, да поддерживается эта связь постоянно и по нашемъ отбытіи отъ насъ посредствомъ непрерывнаго и живаго обмѣна мыслей, и да входитъ вслѣдствіе этого обмѣна нашъ русскій языкъ все больше и больше въ употребле-

ніе между всѣми славянскими племенами, и наше племенное единство да скрѣпится — единствомъ слова. *(Одобреніе.)* Богу единому, все созидающему и всѣмъ управляющему открыто, куда Онъ поведетъ великое славянское племя; но чтобъ идти вмѣстѣ, когда Онъ повелитъ, намъ необходимо прежде всего ясно понимать другъ друга. Единство слова — самое крѣпкое единство, оно одно не поддается никакимъ случайностямъ, переживаетъ всѣ невзгоды и не преклоняется ни предъ какимъ гнетомъ. Во имя единства слова и мысли, мы и привѣтствуемъ васъ, давно жданные и отъ всего сердца желанные гости, и желаемъ самаго тѣснаго общенія съ вами и со всѣмъ славянскимъ міромъ. *Слава* нашему племени! *Живіо! Слава* вамъ! *Живили!* Да прекратится въ немъ всякая рознь и да утвердится внутреннее единеніе. Многія лѣта славянству! Многая лѣта вамъ, наши гости!" *(Громкія рукоплесканія.)*

II. *Отъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія.*

Президентъ Г. Е. Щуровскій: „Мм. гг.! Общество Любителей Естествознанія, устроившее общеславянскую этнографическую выставку, поручило мнѣ высказать вамъ тѣ чувства, которыя въ настоящую минуту оно само желало бы передать вамъ.

„Устраивая этнографическую выставку, мы такъ-сказать, приглашали на общее свиданіе всѣ племена, населяющія Россію, съ тѣмъ чтобы короче познакомиться съ ними и имъ самимъ дать какъ бы возможность сблизиться между собою и придти въ болѣе тѣсную связь. Но когда они собрались, мы увидѣли, что на этомъ общемъ свиданіи, на этомъ общемъ праздникѣ Русской земли, не доставало самыхъ дорогихъ гостей ея. Эти отсутствовавшіе гости живутъ внѣ Россіи, подъ небомъ для насъ чуждымъ, но гораздо ближе и единокровнѣе намъ, чѣмъ многіе изъ находящихся въ Россіи. Въ надеждѣ на ихъ родственное сочувствіе нашему народному предпріятію, мы послали имъ свой дружескій привѣтъ. Они тотчасъ же откликнулись на этотъ привѣтъ, и съ такимъ сердечнымъ расположеніемъ,

которое превзошло всѣ наши ожиданія. Благодаря этому расположенію, Славянскій отдѣлъ нашей выставки снабженъ гораздо богаче чѣмъ многія страны, принадлежащія къ самой Россіи. Русское дѣло Славяне, очевидно, почитали своимъ дѣломъ, и работали для него съ такимъ же одушевленіемъ, съ какимъ бы они работали для собственной выставки. Этого одного горячаго сочувствія русскому дѣлу со стороны нашихъ единоплеменниковъ было бы достаточно, чтобы видѣть въ нихъ родныхъ братьевъ, находящихся съ нами въ тѣсномъ нравственномъ общеніи. Но они этимъ не ограничились. Увлекаемые чувствомъ родства, они пожелали видѣть собственными глазами то, чему такъ усердно содѣйствовали, пожелали взглянуть на самую Россію, и особенно на Москву, которую искони привыкли почитать сердцемъ Русскаго народа. Наконецъ они въ Москвѣ.

„Общество Любителей Естествознанія, устраивая выставку, могло ли ожидать, что предпріятіе, имъ задуманное, подастъ поводъ къ такому знаменательному событію? Могло ли ожидать, что скромное дѣло, созывавшее славянорусскія племена только на одно научное свиданіе, поведетъ къ дѣйствительному и личному свиданію Русскихъ съ своими родичами изъ другой отдаленной страны? Могло ли ожидать, что эти дорогіе гости соберутся въ стѣнахъ старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ, посреди тѣхъ, которые всегда и съ особенною любовью обращали къ нимъ свои взоры? Судьбы Провидѣнія неисповѣдимы!

„Привѣтствуемъ васъ, дорогіе и давно желанные братья, прибывшіе къ намъ изъ отдаленной страны, помѣняться съ нами своими мыслями и чувствами. Такое духовное общеніе всегда было однимъ изъ самыхъ задушевныхъ нашихъ желаній. Да будетъ же нынѣшнее наше свиданіе залогомъ постояннаго единенія между нами, единенія, столь необходимаго для успѣховъ славянской науки“. *(Рукоплесканія.)*

III. *Отъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія.*

Священникъ А. М. Иванцовъ-Платоновъ. „Отъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, открывшагося въ Москвѣ, въ годъ тысячелѣтняго празднованія памяти св. сло-

венскихъ просвѣтителей Кирилла и Меѳодія, соплеменникамъ-Славянамъ братскій христіанскій привѣтъ: *Христосъ воскресе!* (Многіе изъ славянскихъ гостей отвѣчаютъ: *Воистину воскресе!*)

„Св. Кириллъ, общій первоучитель нашъ, умирая, молился, чтобъ утвердилъ Господь въ единомысліи и правой вѣрѣ, просвѣщенныя имъ и святымъ братомъ его, славянскія племена.

„Но много лѣтъ и вѣковъ нужно было прожить славянскимъ племенамъ прежде нежели они, испытанные и очищенные, придутъ къ братскому единомыслію...

„И сколько превратностей исторической судьбы, сколько горя и страданій пришлось имъ пережить за это время! Испытанія были такъ велики, пути, которыми мы шли подъ смотрѣніемъ вразумляющаго, но не оставляющаго насъ Промысла Божія, такъ различны, что теперь, встрѣчаясь другъ съ другомъ, какъ послѣ долгой разлуки, мы не легко узнаемъ и понимаемъ другъ друга, мало знаемъ другъ о другѣ, какъ каждому въ разобщеніи отъ другихъ жилось въ это долгое время и теперь живется, и не мало между нами остается больныхъ слѣдовъ нашего вѣковаго разобщенія, нашихъ историческихъ превратностей и недоразумѣній.... Да не послужатъ эти печальные слѣды прежняго разобщенія препятствіемъ къ настоящему будущему сближенію и преуспѣянію!

„Около тысячи лѣтъ прошло съ того времени, какъ единствомъ духовнаго просвѣщенія, завѣщаннаго намъ отъ нашихъ святыхъ первоучителей, положено было начало сближенію дотолѣ раздробленныхъ и разобщенныхъ славянскихъ племенъ, — и вотъ въ наши времена начинаютъ показываться сознательныя проявленія нашей взаимной близости, не по единству только крови и языка, но и по единству историческихъ преданій, сочувствій и духовныхъ стремленій. Настоящее собраніе разноплеменныхъ славянскихъ братьевъ есть знаменательнѣйшее проявленіе такого сознательнаго сближенія... О, какъ рады были бы многіе изъ благороднѣйшихъ сыновъ славянства и поборниковъ славянской взаимности прежняго времени, сходившихъ въ мо-

гилу въ скорбной думѣ о судьбахъ славянства, какъ рады были бы они видѣть тотъ день, который намъ пришлось видѣть!.. Привѣтъ и благодарность вамъ, наши старѣйшіе по своимъ историческимъ преданіямъ братья, за то что вы такъ радушно откликнулись и пришли на призывъ братьевъ младшихъ по исторической памяти, но болѣе счастливыхъ и благословенныхъ Богомъ! Говоримъ это не въ чувствѣ превозношенія, а въ чувствѣ глубокаго смиренія предъ высокими обязанностями нашего братства по отношенію къ вамъ...

„Но, братья соплеменники, мы не можемъ опять не вспомнить того, что какъ тысячу лѣтъ назадъ начало нравственному сближенію славянскихъ племенъ положено было въ единствѣ духовнаго просвѣщенія, преданнаго намъ нашими святыми первоучителями, такъ и на будущее время обновленіе и укрѣпленіе этого сближенія могутъ совершаться не иначе какъ во имя того же великаго начала духовнаго просвѣщенія. Итакъ, братья соплеменники, мы слабѣйшіе и юнѣйшіе дѣлатели на нивѣ Божіей, надъ которою нѣкогда трудились наши великіе первоучители, посильно трудящіеся, въ память ихъ и подъ благословеніемъ ихъ привѣтствуемъ васъ и призываемъ къ братскому общенію во имя того просвѣтительнаго начала, которое съ грамотой, словомъ Божіимъ и богослуженіемъ на родномъ языкѣ, предано равноапостольными братьями всему славянскому міру,—во имя единой истинной и святой вѣры христіанской!...

„Ежегодно празднуя память Свв. Кирилла и Меѳодія въ собраніи Общества нашего, передъ образомъ равноапостольныхъ славянскихъ просвѣтителей, мы искренно молимся, чтобъ утвердилъ Господь въ единомысліи и правой вѣрѣ всѣ языки словенскіе.

„Да даруетъ намъ Господь, по искреннему желанію сердца нашего,—молитвами св. равноапостольныхъ первоучителей словенскихъ Кирилла и Меѳодія и ихъ свв. учениковъ,—молитвами Свв. Владиміра и Ольги, просвѣтителей россійскихъ, Михаила, Бориса Болгарскаго, Сумеона Муроточца и Саввы Сербскихъ, Вячеслава и Людмилы Чеш-

скихъ и иныхъ многихъ святыхъ угодниковъ Божіихъ словенскихъ". *(Громкое одобреніе.)*

IV. *Отъ Императорскаго Общества Испытателей Природы.*

Н. М. Желѣзновъ: „Императорское Московское Общество Испытателей Природы, имѣя главною цѣлью своею дѣйствовать въ предѣлахъ Россіи, поддерживаетъ сношенія съ тѣми обществами и лицами внѣ отечества, которыя изученіемъ природы, въ другихъ мѣстностяхъ, содѣйствуютъ разрѣшенію его задачи. Но если познаніе условій жизни и произведеній дальнихъ странъ облегчаетъ всякое изслѣдованіе, дѣлая его болѣе точнымъ и многостороннимъ, то тѣмъ драгоцѣннѣе для естествоиспытателя должны быть свѣдѣнія о странахъ сопредѣльныхъ. Не природа отдѣлила насъ на юго-западъ Россіи отъ прочихъ Славянъ. Тѣ же горы, съ рудными сокровищами, покрытыя сходною растительностію, возвышаются по обѣ стороны грани; тѣ же рѣки, обильныя жизнію, ее пересѣкаютъ; за нею обитаетъ единоплеменное и единомышленное населеніе. Всякое открытіе одного изъ сосѣдей, двигающее любую вѣтвь знанія, есть непосредственное пріобрѣтеніе для другаго. Зная всю цѣну взаимнаго общенія въ научныхъ занятіяхъ, Московское Общество Испытателей Природы давно уже положило ему начало обмѣномъ своихъ изданій на изданія другихъ ученыхъ обществъ, идущихъ по одной стезѣ, а между ними не одно основано въ славянскихъ земляхъ. Длинный непрерывный рядъ записокъ королевскаго общества естествоиспытателей въ Прагѣ и болѣе новыя изданія: *Lotos*, *Karinthia* и другія, постоянно пополняютъ средства Московскаго Общества трудами родныхъ писателей, посвятившихъ всю жизнь изученію природы Славянской земли. Благоговѣя къ заслугамъ великихъ соплеменныхъ двигателей наукъ, украшающихъ лѣтописи не только славянскаго міра, но и всего человѣчества, Общество бережетъ въ своихъ хранилищахъ незабвенные ихъ труды. Таковы: Коперникъ, Залурчинскій, Андрей и Янъ Снядецкіе, графъ Штернбергъ, Рейссъ, графъ Врбна, Пуркинье, Костелецкій, Пресль,

Тратникъ и многіе, многіе другіе. Съ радостію привѣтствуемъ славянскихъ естествоиспытателей, присутствующихъ здѣсь, въ настоящемъ собраніи. Эти дорогія имена, это сходство вещественной природы, эта потребность въ духовномъ сближеніи служатъ вѣрнымъ ручательствомъ, что при болѣе живомъ обмѣнѣ мыслей и трудовъ между всѣми славянскими естествоиспытателями настанетъ время процвѣтанія естественныхъ наукъ и между нами. Самою дѣйствительною мѣрой для достиженія этой цѣли должно признать *ежегодные съѣзды*. На нихъ изустная бесѣда выяснитъ личныя взгляды на природу лучше письменныхъ сношеній. Императорское Московское Общества Испытателей Природы желаетъ *установленія этихъ съѣздовъ*, отъ которыхъ должно увеличиться число лицъ преданныхъ изученію природы. Оно питаетъ обязательную надежду, что плодами обновленной усиленной дѣятельности воспользуется нынѣ живущее поколѣніе, что при дружномъ стремленіи къ просвѣщенію всѣхъ Славянъ, они не долго будутъ ждать плодовъ достойныхъ великаго умственнаго союза". *(Рукоплесканія.)*

V. *Отъ Математическаго Общества.*

Н. В. Бугаевъ: „Московское Математическое Общество поручило мнѣ высказать, въ эти минуты, многознаменательныя для нашего университета, тѣ изъ своихъ желаній, которыя непосредственно связаны съ его учеными цѣлями. Члены Общества приняли на себя высокую обязанность содѣйствовать развитію и распространенію математическихъ наукъ въ Россіи.

„Наше Общество еще не имѣетъ богатой исторіи; прошлое его пока не даетъ ему полнаго права занять почетное мѣсто въ ряду другихъ ученыхъ обществъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы наши ожиданія и надежды не имѣли прочнаго основанія. Уже въ настояще время русская математическая литература можетъ справедливо гордиться цѣлымъ рядомъ дѣятелей, которые оказали великія услуги математическимъ наукамъ. Еще на нашей памяти то время, когда въ числѣ пяти членовъ-корреспондентовъ Париж-

ской Академіи Наукъ по математикѣ, избираемыхъ изъ среды ученыхъ цѣлаго міра, на долю русской науки приходилось два имени. Такіе факты ясно указывали на то, что научная и педагогическая дѣятельность прежнихъ русскихъ ученыхъ не осталась безъ слѣда. Она распространяла математическія свѣдѣнія по нашей огромной странѣ, воспитала хорошихъ педагоговъ, образовала научныя преданія и подготовила такимъ образомъ прочную почву для послѣдующихъ поколѣній.

„Самое видное мѣсто въ этой дѣятельности, безспорно, занимаетъ Московскій университетъ. Неудивительно послѣ того, что въ средѣ нашего университета родилась мысль собрать наши ученыя силы и положить ихъ въ основаніе болѣе высокихъ цѣлей, болѣе смѣлыхъ надеждъ. Наше Общество глубоко вѣруетъ въ успѣшное осуществленіе своихъ начинаній. Эта вѣра вытекаетъ изъ того великаго нравственнаго закона, на основаніи котораго нравственныя цѣли ведутъ всегда къ благимъ послѣдствіямъ.

„Настоящее засѣданіе служитъ поучительнымъ подтвержденіемъ моихъ словъ. Общество Любителей Естествознанія скромно преслѣдовало свои научныя цѣли, а между тѣмъ передъ нами выростаетъ яркій фактъ общенія великаго славянскаго племени. Московское Математическое Общество, разрабатывающее родственную отрасль наукъ и нравственно связанное съ Обществомъ Естествознанія, въ лицѣ своего президента, не можетъ не отозваться на это отрадное заявленіе нашей общественной жизни и привѣтствуетъ въ лицѣ вашемъ восходящую зарю нашего духовнаго единенія. Сочувственный привѣтъ, который вы дѣлаете русской наукѣ, придаетъ нашей ученой дѣятельности болѣе высокое значеніе, болѣе глубокій смыслъ.

„Предъ нашимъ Обществомъ открываются надежды послужить съ своей стороны духовной взаимности Славянъ, завязавъ *тѣсныя научныя связи* съ славянскимъ ученымъ міромъ. Такія связи разовьютъ наше племенное самосознаніе. Не скрою, при этомъ, желанія Математическаго Общества, чтобы въ его изданіяхъ славянскіе ученые сходились въ своихъ дружныхъ стремленіяхъ служить наукѣ и

математическому образованію Славянъ. Отъ нашего общаго согласія зависитъ облечь наши ученыя сношенія въ форму наиболѣе удобную для него славянскаго міра; отъ нашей энергіи—устранить препятствія, которыя могутъ встрѣтиться при этомъ. Единодушный восторгъ, возбуждаемый мыслію *о нашемъ духовномъ сближеніи*, есть великое знаменіе времени, и мы благоговѣйно преклоняемся предъ этимъ явленіемъ съ полнымъ сознаніемъ нашихъ обязанностей, съ твердою вѣрой въ его великое значеніе для Славянъ и для всего человѣчества.

„Коперникъ, великій Славянинъ, заставилъ нашъ земной *физическій* міръ вращаться вокругъ солнца. Быть-можетъ незримыя тѣни другихъ великихъ славянскихъ мужей, присутствуютъ здѣсь, среди насъ, и, призывая Славянъ къ духовному единенію, благословляютъ насъ на новый путь, по которому мы должны идти для того чтобъ и *нравственный* нашъ міръ могъ вращаться вокругъ солнца правды, любви и свободы". *(Громкія рукоплесканія.)*

VI. *Отъ Физико-Медицинскаго Общества.*

Президентъ А. И. Полунинъ: „Физико-Медицинское Общество, учрежденное при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, вмѣстѣ съ другими учеными учрежденіями, привѣтствуетъ дорогихъ гостей, прибывшихъ въ Москву изъ разныхъ славянскихъ странъ для обозрѣнія русской этнографической выставки. Общество съ благодарностію вспоминаетъ о великихъ заслугахъ славянскихъ ученыхъ на поприщѣ біологіи и медицины и о томъ, чѣмъ оно само обязано этимъ ученымъ.

„Восьмидесятилѣтній Славянинъ *Пуркинье* есть старѣйшій изъ знаменитѣйшихъ современныхъ физіологовъ. Его изслѣдованія въ области біологіи высоко цѣнятся ученымъ міромъ. Великій славянскій патологъ *Рокитанскій*, воздѣлывая патологическую анатомію, сильно подвинулъ ее впередъ и много содѣйствовалъ благотворному измѣненію направленія при изученіи больнаго человѣка. Славянскіе ученики и послѣдователи *Рокитанскаго* съ блестящимъ успѣхомъ принимали анатомо-патологическія данныя, имъ разъ-

ясненныя, къ діагностикѣ болѣзней: всѣмъ извѣстно какъ много въ этомъ отношеніи сдѣлалъ знаменитый чешскій ученый *Шкода*; извѣстно сколь заслуженнымъ уваженіемъ пользуются ученыя медицинскіе труды и нашего гостя, доктора *Гамерника*. *(Рукоплесканія и вызовы; г. Гамерникъ встаетъ и кланяется на всѣ стороны).* Громкая слава *Рокитанскаго* и *Шкоды* привлекала и привлекаетъ къ мѣсту ихъ дѣятельности врачей изъ разныхъ странъ. Многочисленные ученики названныхъ ученыхъ, разсѣянные по всему свѣту, помнятъ какъ много они обязаны имъ своими медицинскими свѣдѣніями; они помнятъ съ какимъ гостепріимствомъ и радушіемъ ихъ принимали славянскіе ученые. И многіе изъ членовъ Физико-Медицинскаго Общества суть ученики *Рокитанскаго* и *Шкоды*. Наше Общество уже укрѣпило свою связь съ этими учеными, которые съ 1853 года состоятъ его почетными членами.

„Физико-Медицинское Общество вполнѣ готово высылать врачамъ-Славянамъ свои ученые труды. Оно готово, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать рѣшенію научныхъ вопросовъ, занимающихъ этихъ ученыхъ, и всегда съ особымъ удовольствіемъ будетъ сообщать имъ тѣ мѣстныя медицинскія данныя, которыя потребуются для общесторонняго рѣшенія этихъ вопросовъ“. *(Рукоплесканія.)*

VII. *Отъ Общества Русскихъ Врачей.*

Президентъ И. М. Соколовъ: „Императорскій Московскій университетъ! Общество Русскихъ Врачей въ Москвѣ, составившееся, большею частію, изъ Твоихъ питомцевъ, приноситъ свое поздравленіе съ днемъ празднованія знаменательнаго историческаго событія Тебѣ, старѣйшему представителю просвѣщенія на Русской землѣ. Наши кровныя братья Славяне, въ стѣнахъ этихъ, собрались на ученый праздникъ изъ далекихъ странъ славянскаго міра; они внесли свое сочувствіе въ Твою среду, исполненную любовью къ своему отечеству и ко всему славянскому міру; Ты, съ Твоимъ прирожденнымъ, широкимъ, русскимъ радушіемъ, соединясь съ нами, привѣтствуешь ихъ торжественнымъ празднованіемъ перваго съ ними свиданія. Многолѣтняя

жизнь Тебѣ, Московскій университетъ, на счастіе и славу нашего дорогаго отечества!

„Почтенные братья Славяне! Въ этихъ стѣнахъ древняго русскаго храма науки, радуемся вашему пріѣзду. Доселѣ въ этихъ стѣнахъ только наука повѣтствовала о неисповѣдимыхъ судьбахъ славянскихъ племенъ, а нынѣ въ лицѣ васъ, дорогихъ гостей, представители этихъ племенъ въ очію намъ предстали.

„Московскій университетъ далъ возможность и Обществу Русскихъ Врачей въ Москвѣ высказать вамъ свой привѣтъ и свои желанія. Наше Общество, еще молодое по своему шестилѣтнему существованію, уже связано съ Славянствомъ именами Рокитанскаго, Гамерника и Лямбля, какъ своими учеными членами, не только во имя науки, но и искренняго родства соплеменнаго. Кромѣ своихъ научныхъ цѣлей способствовать самостоятельнымъ трудамъ отечественныхъ врачей, распространять медицинскія знанія, стремиться къ практическому, научному, и сословному общенію между ними, наше Общество направило свою дѣятельность и на больнаго человѣка. Въ своей лѣчебницѣ, лѣчитъ оно тысячныя массы того русскаго народа, который по исконному сродству близокъ вашему сердцу. Вмѣстѣ съ тѣмъ это Общество лѣчило и лѣчитъ заболѣвающихъ молодыхъ людей, приходящихъ изъ далекихъ странъ славянскаго міра изучать русскую грамоту, по всѣмъ ея отраслямъ. *(Рукоплесканія.)*

„Общество Русскихъ Врачей въ Москвѣ заявляетъ вамъ свое искреннее желаніе войдти *въ тѣсную связь съ медицинскими обществами въ славянскихъ земляхъ* и въ отдѣльности съ славянскими учеными, дѣйствующими на медицинскомъ поприщѣ, чтобъ дѣлиться результатами нашихъ обоюдныхъ трудовъ. Мм. гг! Когда вы вернетесь въ свою родину, передайте, просимъ васъ, наше уваженіе, память, признательность, почитаніе, нашъ привѣтъ, нашу любовь, всѣмъ славянскимъ ученымъ труженикамъ, и прежде всего славянскимъ маститымъ патріархамъ въ наукѣ, *Пуркинье* и *Рокитанскому*, имена которыхъ украшаютъ науку и именами которыхъ дорожитъ весь славяно-русскій міръ.

„Присоединяемъ къ сему и то наше желаніе, чтобы безпристрастная наука укрѣпляла нравственную связь славянства. Никто изъ насъ не отвергнетъ того, что чрезъ науку глазъ яснѣе увидитъ предметъ, ухо чутче прислушается къ говору обстоятельствъ, и мы яснѣе будемъ читать ту великую книгу, въ которой перстомъ Божьяго Провидѣнія начертаны судьбы славяно-русскаго міра.“ *(Рукоплесканія.)*

VIII. *Отъ Россійскаго Общества Любителей Садоводства.*

В. В. Григорьевъ: „Россійское Общество Любителей Садоводства въ Москвѣ, привѣтствуя уважаемыхъ гостей-собратій, пользуется случаемъ для выраженія своего желанія — общими силами содѣйствовать развитію и успѣхамъ садоводства, служащаго также однимъ изъ важныхъ средствъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народовъ. Наше садоводство, уже искони вошедшее въ рядъ занятій русскаго человѣка, достигаетъ въ настоящее время болѣе высокаго чѣмъ прежде уровня, и безъ сомнѣнія, еще болѣе выиграетъ отъ взаимнаго обмѣна произведеніями и свѣдѣніями по этой части съ соплеменными намъ сосѣдями; тѣмъ болѣе что многія славянскія племена достойно пользуются заслуженною извѣстностію на поприщѣ садоводства. Съ своей стороны Россійское Общество Любителей Садоводства почтетъ себя счастливымъ, если на его долю выпадетъ возможность оказать также какое-либо содѣйствіе садоводству славянскихъ племенъ. Разнообразіе растеній нашего обширнаго отечества и получаемыхъ изъ нихъ продуктовъ, различные способы культуры обусловленные различіемъ климатическихъ, почвенныхъ и мѣстныхъ вліяній, обширныя полосы земли, по своимъ условіямъ, вполнѣ благопріятныя для этой промышленности и еще ожидающія себѣ дѣятелей, наконецъ и то значеніе, которое пріобрѣтаетъ теперь садоводство въ нашемъ народномъ хозяйствѣ, представляютъ обильный матеріалъ и обширное поприще для обмѣна, могущаго принести обоюдно пользу. При общемъ служеніи дѣлу садоводства можно надѣяться, что оно дастъ еще болѣе цѣнные плоды, и вскорѣ русскому жите-

образовалось въ силу сознанія той истины, что разработка и развитіе права, какъ всякой науки и всего человѣческаго, бываютъ успѣшны только при соединенныхъ усиліяхъ многихъ, а потому, съ перваго года своего существованія, посредствомъ своихъ открытыхъ засѣданій и періодической печати, стремится стать въ прямыя отношенія ко всѣмъ въ Россіи, кто занимается наукой права. Но въ то же время Юридическое Общество знаетъ, что успѣшная разработка русскаго права требуетъ знакомства съ правомъ другихъ славянскихъ племенъ и народовъ, а потому оно можетъ только благодарить счастливую судьбу, дающую ему случай, на первыхъ порахъ его дѣятельности, стать лицомъ къ лицу съ соотчичами такихъ дѣятелей какими были Шафарикъ, Ганка, Колларъ, Вукъ Стефановичъ Караджичъ и съ представителями современной науки и жизни разныхъ славянскихъ племенъ и, при посредствѣ своихъ депутатовъ, открыто высказать имъ свои желанія, нужды, надежды. Но таково сродство между нами, что наши желанія — ваши желанія, наши нужды — ваши нужды, наши надежды — ваши чаянія.

„Наши желанія состоятъ въ томъ, чтобы вы встрѣтили здѣсь, въ сердцѣ Россіи, всѣ древнія славянскія добродѣтели, гостепріимство и дружелюбіе, радушіе и веселіе, и ни одного изъ тѣхъ недостатковъ, о которыхъ говоритъ свидѣтель первыхъ проявленій славянской жизни и которые называетъ онъ взаимною враждою, неуваженіемъ къ своему, пристрастіемъ къ иноземному. Наши нужды—ваши нужды. Будемъ говорить о нихъ здѣсь откровенно; мы здѣсь братья одной славянской семьи. Безъ зависти называемъ вашихъ великихъ дѣятелей; безъ гордости припоминаемъ своихъ великихъ. И ваши и наши великіе люди — дѣятели на одномъ поприщѣ славянской народности, которая состоитъ изъ множества нитей, связующихъ разныя племена славянскія, изъ языка, образа жизни, права. Этихъ нитей, въ ихъ связи теперь ни разорвать, ни разрушить не возможно. Въ дѣлѣ права, мы нуждаемся въ вашемъ содѣйствіи; вы раньше начали и больше успѣли сдѣлать для славянскаго права. И Московское Юридическое Общество

желало бы войдти въ близкія сношенія съ юристами разныхъ мѣстностей славянской народности. Для почину, оно въ засѣданіи своемъ 10-го мая сего года, положило: 1) свои изданія, *Юридическую Газету* и съ 1-го іюля текущаго года *Юридическій Вѣстникъ* высылать въ Прагу, Вѣну, во Львовъ, въ Буду, въ Бѣлградъ и другія средоточія славянскихъ земель, равно какъ отдѣльно и лично извѣстнымъ особамъ, которыя заявятъ желаніе споспѣшествовать дѣлу славянскаго правовѣдѣнія по вашему указанію, и 2) пригласить всѣхъ ученыхъ славянскихъ правовѣдовъ принять участіе въ трудахъ Общества, доставленіемъ къ нему статей, касающихся вообще права, и въ особенности слѣдующихъ пунктовъ: 1) устройства селъ и городовъ, и земскаго мѣстнаго самоуправленія; 2) судоустройства и судопроизводства, 3) юридической терминологіи и юридическихъ обычаевъ.

Наши и ваши надежды можно выразить тѣмъ, что такимъ сближеніемъ, на всей ширинѣ народности, мы, Славяне, узнаемъ, что̀ у насъ есть достойнаго своего, требующаго разработки и развитія, равно какъ и то, чего нѣтъ у насъ необходимаго и общечеловѣческаго, что́ можемъ занять у другихъ народовъ, не оскорбляя легкомысленно своей славянской народности, своей народной чести и народной личности, которыя да поддержитъ и да возвыситъ Господь во всѣхъ племенахъ славянскаго имени. И тогда можно надѣяться, что наши потомки наслѣдуютъ *общую славянскую правду, общеславянское право. (Рукоплесканія.)*

XII. *Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.*

За болѣзнію секретаря О. М. Бодянскаго, рѣчь отъ имени этого Общества не была произнесена. Какъ слышно, она будетъ современемъ напечатана въ изданіяхъ Общества.

XIII. *Отъ Общества Древне-Русскаго Искусства.*

Секретарь Ф. И. Буслаевъ: „Въ качествѣ секретаря Общества Древне-русскаго Искусства привѣтствую васъ воз-

любленные соплеменники, отъ имени гг. членовъ этого Общества.

„Учрежденное при Московскомъ публичномъ музеѣ, наше Общество посвящаетъ свою дѣятельность искусству древне-русскому, которое носитъ на себѣ характеръ по преимуществу религіозный, православно-христіанскій, церковный; потому что, подъ наитіемъ православія, всегда изъ религіи почерпало оно свои идеи и посвящало себя на служеніе церкви. А такъ какъ Русскій народъ, въ полномъ его составѣ, на всемъ великомъ протяженіи нашего отечества, и доселѣ не иначе разумѣетъ существенное и высшее назначеніе искусства, какъ въ его служеніи православію; то наше Общество вноситъ въ свои обязанности— отвѣтствовать и на современныя потребности русскаго національнаго искусства, по скольку оно и въ настоящее время зиждется на своихъ древнихъ, вѣковыхъ основахъ, въ непрестанныхъ предпріятіяхъ и заботахъ о сооруженіи и возобновленіи множества Божіихъ храмовъ по всѣмъ концамъ нашего великаго отечества и объ украшеніи ихъ благолѣпіемъ иконописи и пѣснопѣнія.

„Принявъ религіозно-художественное наслѣдіе отъ Византіи, Россія свято сохранила его торжественные, во всей чистотѣ высоко-христіанскіе типы на потребу будущимъ вѣкамъ и народамъ. Россія не исказила этого наслѣдія внесеніемъ чуждыхъ примѣсей, какъ искажали его на западѣ народы романскіе и нѣмецкіе. Россія не измѣняла его по своимъ нравамъ и обычаямъ, напротивъ того — свои обычаи и свой бытъ подчиняла она въ художественномъ выраженіи общему строю и формамъ искусства Византійскаго.

„Многія столѣтія русское искусство процвѣтало исключительно подъ сѣнію церкви, въ продолжительный періодъ Руси удѣльной — въ Кіевѣ, Ростовѣ, Суздалѣ, Владимірѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, въ Новѣгородѣ, Псковѣ: и только съ XVI столѣтія въ Москвѣ начинаетъ оно подчиняться идеѣ государственной, но въ томъ высшемъ смыслѣ, по которому идею о государствѣ Русскій народъ сливаетъ въ одно нераздѣльное цѣлое съ идеей религіозною, что́ состав-

ляетъ источникъ національныхъ убѣжденій и главную основу могущества русскаго народа, который и величаетъ свое отечество *Святою Русью.*

„Великое дѣло собиранія русской земли около московскаго средоточія обозначилось и въ искусствѣ, какъ выраженіи русской національности. Дотолѣ были мастера кіевскіе, суздальскіе, новгородскіе, псковскіе; но когда окрѣпло въ Москвѣ самодержавіе, господствующую школу русскаго искусства стали воздѣлывать мастера не только московскіе, но и именно *царскіе*, какъ они въ народѣ слывутъ и доселѣ.

„Впрочемъ искусство царское не утратило церковнаго характера, завѣщаннаго Византіей и окрѣпшаго въ древней Руси. *Царственная книга*, съ миніатюрами, временъ Ивана Васильевича Грознаго, изображаетъ царскій бытъ въ формахъ, усвоенныхъ русскою иконописью отъ греческихъ мастеровъ. Рожденіе Великаго Князя или царскій пиръ, по своему торжественному типическому чину, напоминаютъ распредѣленіе и очертаніе предметовъ, принятыя иконописью въ изображеніи Рождества Христова и Брака въ Канѣ Галилейской.

„Рядомъ съ Византіей русское искусство непрестанно поддерживало свою связь съ родственными намъ племенами *славянскими.*

„Болгарскія рукописи переходили къ намъ, украшенныя иконописными изображеніями, которыя списывали русскіе мастера и на сѣверѣ и на югѣ нашего отечества. Такъ миніатюры Изборника Святославова 1073 г., переписаннаго съ Изборника болгарскаго царя Симеона, принадлежатъ къ древнѣйшимъ и самымъ драгоцѣннымъ памятникамъ нашего отечества.

„Затѣмъ письменность и искусство русское подчинялись вліянію сербскому, такъ что Сербъ Пахомій Логоѳетъ почитался въ древней Руси самымъ искуснымъ литераторомъ, давшимъ образецъ изящной обработки житій русскихъ святыхъ.

„Въ теченіи многихъ столѣтій Аѳонская гора была для нашихъ предковъ обѣтованною страною православія, въ

любленные соплеменники, отъ имени гг. членовъ этого Общества.

„Учрежденное при Московскомъ публичномъ музеѣ, наше Общество посвящаетъ свою дѣятельность искусству древне-русскому, которое носитъ на себѣ характеръ по преимуществу религіозный, православно-христіанскій, церковный; потому что, подъ наитіемъ православія, всегда изъ религіи почерпало оно свои идеи и посвящало себя на служеніе церкви. А такъ какъ Русскій народъ, въ полномъ его составѣ, на всемъ великомъ протяженіи нашего отечества, и доселѣ не иначе разумѣетъ существенное и высшее назначеніе искусства, какъ въ его служеніи православію; то наше Общество вноситъ въ свои обязанности— отвѣтствовать и на современныя потребности русскаго національнаго искусства, по скольку оно и въ настоящее время зиждется на своихъ древнихъ, вѣковыхъ основахъ, въ непрестанныхъ предпріятіяхъ и заботахъ о сооруженіи и возобновленіи множества Божіихъ храмовъ по всѣмъ концамъ нашего великаго отечества и объ украшеніи ихъ благолѣпіемъ иконописи и пѣснопѣнія.

„Принявъ религіозно-художественное наслѣдіе отъ Византіи, Россія свято сохранила его торжественные, во всей чистотѣ высоко-христіанскіе типы на потребу будущимъ вѣкамъ и народамъ. Россія не исказила этого наслѣдія внесеніемъ чуждыхъ примѣсей, какъ искажали его на западѣ народы романскіе и нѣмецкіе. Россія не измѣняла его по своимъ нравамъ и обычаямъ, напротивъ того — свои обычаи и свой бытъ подчиняла она въ художественномъ выраженіи общему строю и формамъ искусства Византійскаго.

„Многія столѣтія русское искусство процвѣтало исключительно подъ сѣнію церкви, въ продолжительный періодъ Руси удѣльной — въ Кіевѣ, Ростовѣ, Суздалѣ, Владимірѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, въ Новѣгородѣ, Псковѣ: и только съ XVI столѣтія въ Москвѣ начинаетъ оно подчиняться идеѣ государственной, но въ томъ высшемъ смыслѣ, по которому идею о государствѣ Русскій народъ сливаетъ въ одно нераздѣльное цѣлое съ идеей религіозною, чтó состав-

имѣетъ источникъ національныхъ убѣжденій и главную основу могущества русскаго народа, который и величаетъ свое отечество *Святою Русью.*

„Великое дѣло собиранія русской земли около московскаго средоточія обозначилось и въ искусствѣ, какъ выраженіи русской національности. Дотолѣ были мастера кіевскіе, суздальскіе, новгородскіе, псковскіе; но когда окрѣпло въ Москвѣ самодержавіе, господствующую школу русскаго искусства стали воздѣлывать мастера не только московскіе, но и именно *царскіе*, какъ они въ народѣ слывутъ и доселѣ.

„Впрочемъ искусство царское не утратило церковнаго характера, завѣщаннаго Византіей и окрѣпшаго въ древней Руси. *Царственная книга*, съ миніатюрами, временъ Ивана Васильевича Грознаго, изображаетъ царскій бытъ въ формахъ, усвоенныхъ русскою иконописью отъ греческихъ мастеровъ. Рожденіе Великаго Князя или царскій пиръ, по своему торжественному типическому чину, напоминаютъ распредѣленіе и очертаніе предметовъ, принятыя иконописью въ изображеніи Рождества Христова и Брака въ Канѣ Галилейской.

„Рядомъ съ Византіей русское искусство непрестанно поддерживало свою связь съ родственными намъ племенами *славянскими.*

„Болгарскія рукописи переходили къ намъ, украшенныя иконописными изображеніями, которыя списывали русскіе мастера и на сѣверѣ и на югѣ нашего отечества. Такъ миніатюры Изборника Святославова 1073 г., переписаннаго съ Изборника болгарскаго царя Симеона, принадлежатъ къ древнѣйшимъ и самымъ драгоцѣннымъ памятникамъ нашего отечества.

„Затѣмъ письменность и искусство русское подчинялись вліянію сербскому, такъ что Сербъ Пахомій Логоѳетъ почитался въ древней Руси самымъ искуснымъ литераторомъ, давшимъ образецъ изящной обработки житій русскихъ святыхъ.

„Въ теченіи многихъ столѣтій Аѳонская гора была для нашихъ предковъ обѣтованною страной православія, въ

которой неразрывно соединялись для нихъ симпатіи къ родственнымъ Славянамъ съ благочестивыми преданіями церкви.

„Въ послѣднее время стародавняя связь нашего отечества съ Аѳонскою горой, въ отношеніи православнаго искусства, возродилась съ новою силой трудами незабвеннаго члена-основателя нашего Общества Петра Ивановича Севастьянова. Сокровища, вывезенныя имъ съ Аѳонской горы, послужили основаніемъ двухъ христіанскихъ музеевъ, одного въ Петербуугѣ, при академіи художествъ, другаго въ Московскомъ публичномъ музеѣ.

„И Славяне западные внесли долю своего вліянія въ русское церковное искусство. Чехи, въ началѣ XVI вѣка, украшали изящными гравюрами печатанный тогда въ Прагѣ переводъ библейскихъ книгъ на русскій языкъ, сдѣланный въ Полоцкѣ Франциском Скориною. Наконецъ въ XVII столѣтіи самая Польша не осталась чужда области русскаго искусства, и святочтимая Поляками икона Богородицы *Ченстоховская* тогда была причислена нашими предками ко всеобщему циклу православныхъ иконъ Богородичныхъ.

„Какъ вѣрно и свято хранитъ русское національное искусство священные завѣты нашихъ славянскихъ братій, блистательнымъ для того памятникомъ служитъ русскій *иконописный подлинникъ*, то-есть руководство для живописцевъ, какъ изображать священныя событія и лица. Въ этомъ драгоцѣнномъ руководствѣ, объемлющемъ весь православный кругъ церковныхъ памятей и годовщинъ,—вы, славянскіе братья, съ радостью и благоговѣніемъ встрѣтите иконописныя подобія, или художественные типы, своихъ мѣстныхъ, племенныхъ, святыхъ угодниковъ.

„Вы, братья Сербы, найдете для себя въ этой сокровищницѣ иконописныя подобія Стефана Немани, въ монашествѣ Симеона, и Благовѣрнаго Князя Лазаря, краля Сербскаго *. Вы, братья Болгаре, найдете подобіе Св. Михаила,

* Подъ 13 февр. и 15 іюня.

болгарскаго воина *). Вы, братья Чехи, въ этой же сокровищницѣ найдете для себя подобія Чешской Княгини Людмиллы и внука ея Чешскаго Князя Вячеслава **). Наконецъ для всѣхъ насъ Славянъ русскій подлинникъ доселѣ сохранилъ священныя подобія великихъ первоучителей Кирилла и Мееодія ***). (*Одобреніе*).

Итакъ, возлюбленные соплеменники, въ посильной дѣятельности нашего Общества, которое посвящаетъ себя предметамъ, столь близкимъ вашему сердцу, благоволите усмотрѣть самое искреннее сочувствіе его къ вашимъ національнымъ интересамъ и стремленіямъ. (*Рукоплесканія*).

XIV. *Отъ Археологическаго Общества.*

Д. Членъ С. М. Соловьевъ. Вступленіе этого оратора на каѳедру сопровождалось и рукоплесканіями, и кликами, произошелъ взрывъ восторга, недававшій ему возможности начать свое слово въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, наконецъ ректоръ долженъ былъ позвонить въ колокольчикъ, и профессоръ началъ говорить; но голосъ его прерывался, дрожалъ, это душевное потрясеніе оратора вызвало новый громъ рукоплесканій и кликовъ. С. М. Соловьевъ говорилъ: „Я знаю, чему вы рукоплещете и чѣмъ восторгаетесь: вы рукоплещете русской исторіи, которую вспоминаете, видя меня! Не я, смиренный труженникъ, заслужилъ эти восторги, а русская исторія...“ и голосъ его опять не выдержалъ, а присутствующіе Славяне и Русскіе съ наслажденіемъ ловили эти оборванныя ноты оратора и откликались на нихъ славянскимъ крикомъ. Такъ прошла вся рѣчь профессора, сопровождаемая громкими изъявленіями восторга.

„Московское Археологическое Общество привѣтствуетъ родныхъ, дорогихъ гостей. Бываютъ въ жизни народовъ времена, когда потребность самопознанія становится одною изъ главныхъ духовныхъ потребностей. По всѣмъ

*) Подъ 22 ноября.

**) Подъ 16 и 28 сентября.

***) См. въ *Сборникѣ Общ. Древне-русск. Иск.* на 1866 г. въ статьѣ о „фрескахъ въ церкви Св. Климента“.

признакамъ, такое время, время зрѣлости, наступаетъ для нашего народа; занятія отечественною исторіей и археологіей получаютъ важное значеніе, привлекаютъ особенное сочувствіе. Какъ одно изъ выраженій этой потребности народнаго самопознанія, является и Московское Археологическое Общество, которое имѣетъ цѣлію изслѣдованіе археологіи вообще и *преимущественно русской.* Но Общество, предположивъ себѣ эту цѣль, имѣло ясное сознаніе, что успѣшное занятіе русскою археологіей невозможно безъ усерднаго занятія археологіей славянской, и семь именъ славянскихъ ученыхъ украсили списокъ его членовъ, Палацкій, Эрбенъ, Вртятко, Коляръ, Патера, Смоляръ, Головацкій *(одобреніе).* Было время, когда ученые тратили много времени, проводили много безсонныхъ ночей для открытія философскаго камня, элексира жизни и т. п. Теперь наука, при своей зрѣлости, оставила подобныя мечты. Теперь многіе ученые также занимаются, повидимому, страннымъ дѣломъ, роются въ землѣ, но не съ тѣмъ чтобъ извлекать изъ нея драгоцѣнности въ общемъ смыслѣ: для нихъ драгоцѣнность надгробная надпись, какая-нибудь уцѣлѣвшая вещь изъ быта прошедшихъ поколѣній. И эти ученые не проходятъ мимо своей цѣли, подобно искателямъ философскаго камня или элексира жизни; они ищутъ жизни и находятъ ее; съ запросами духа, науки, обращаются они къ могиламъ, и могилы отвѣчаютъ имъ живыми глаголами *(одобреніе).* Отдѣльныя слова, отрывочныя преданія, собранія вещей, изглоданныхъ временемъ, служатъ, благодаря наукѣ, къ созданію живаго народнаго образа, живаго и дающаго жизнь, потому что этотъ образъ просвѣтляетъ сознаніе народа о самомъ себѣ, освѣщаетъ для него его историческій путь. Надежда, что своими посильными, скромными трудами можетъ хоть сколько-нибудь содѣйствовать достиженію такой великой цѣли, одушевляетъ наше юное Общество, и, чувствуя, какъ новый духъ жизни вѣетъ надъ Русскимъ народомъ и надъ всѣмъ великимъ славянскимъ племенемъ, оно смѣло рѣшается поднимать трудные вопросы, какъ напримѣръ вопросъ о составленіи археологическаго словаря, вопросъ объ археологическихъ съѣздахъ,

Что трудное, неудобоисполнимое прежде становится теперь возможнымъ, доказываетъ пріѣздъ въ Москву представителей славянской науки *(одобреніе)*. Заслышавъ, что въ отдаленномъ стольномъ городѣ сѣвернаго Славянскаго государства задумано общеславянское научное дѣло, они, презрѣвъ дальность пути, поспѣшили собраться сюда къ намъ. Такая изощренная чуткость къ общеславянскимъ духовнымъ интересамъ служитъ вѣрнымъ признакомъ сильнаго духовнаго развитія; а такъ какъ *духъ есть иже живитъ*, то имѣемъ полное право надѣяться, что славное будущее великаго племени обезпечено, основа единства его упрочена *(одобреніе)*. Съ такою надеждой работа самая тяжелая легка и плодовита, и слава вамъ, братья, что навѣстили вы насъ, своихъ сродниковъ и сотрудниковъ, пришли посмотрѣть что мы тутъ дѣлаемъ въ великой Русской землѣ, требующей и работы великой *(одобреніе)*. Пришли сказать намъ: „Богъ помочь!" *(Одобреніе)*. Слава вамъ братья, за ваше доброе дѣло, которое не будетъ пропущено въ лѣтописяхъ славянской земли; слава вамъ, братья, слава! Въ особенности слава патріарху между славянскими историками, слава Палацкому! (*Громогласныя восклицанія: слава; рукоплесканія продолжаются нѣсколько минутъ, хоръ пѣвчихъ поетъ: многая лѣта.*) Слава старѣйшему славянскому археологу, глубокому знатоку народныхъ литературъ славянскихъ, слава Ербену! (*Повторенные клики: слава, рукоплесканія и многолѣтіе*).

XV. *Отъ Общества Любителей Россійской Словесности.*

Секретарь П. К. Щебальскій: „Привѣтъ вамъ, братья Славяне, отъ Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности,—Общества, предметъ занятій котораго долженъ быть близокъ сердцу каждаго Славянина, ибо русская словесность есть одна изъ вѣтвей древа насажденнаго святыми тружениками Кирилломъ и Меѳодіемъ.

„Получивъ изъ земли Болгарской одинъ изъ основныхъ элементовъ своей народной рѣчи, Россія въ свою очередь при первой возможности стала дѣлиться плодами своей письменности съ тѣми изъ заграничныхъ единоплеменни-

ковъ своихъ, которые заявляли на нихъ требованія. Исторія свидѣтельствуетъ, что бѣдная еще сама письменностію, она снабжала церковными книгами нѣкоторыя славянскія племена, исповѣдующія восточное православіе,—и за то едва миновали тяжелые дни, заставлявшіе опасаться за ея существованіе, одинъ изъ людей вашего племени, братья Сербы, Юрій Крижаничъ, уже напоминалъ Россіи о ея великой исторической задачѣ—содѣйствовать возрожденію Славянства.

„Возрожденіе Славянъ началось, и мы переживаемъ нынѣ одинъ изъ великихъ моментовъ этого возрожденія, присутствуя на первомъ всеславянскомъ съѣздѣ. Въ виду священнаго Кремля, въ стѣнахъ старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ, засѣдаютъ представители того умственнаго движенія, которое охватило весь славянскій міръ. Величественное зрѣлище! Торжественная минута! Да не будетъ же эта минута безплодною въ общемъ нашемъ стремленіи занять на исторической сценѣ подобающее намъ мѣсто!

„Мы видимъ, что помимо очертаній проведенныхъ мечомъ, проводятся въ образованномъ мірѣ другія очертанія, обозначаемыя языкомъ народовъ; мы видимъ, что народы раздѣленные между собою не только рубежами политическими, но океанами, живутъ единою умственною жизнію, когда общій языкъ связуетъ ихъ между собою. Изъ множества нарѣчій покрывавшихъ нѣкогда Европу, исторія выработала лишь небольшое число языковъ литературныхъ, историческихъ; но за то эти языки и они одни сдѣлались хранителями и двигателями всемірной цивилизаціи... Братья Славяне! не послѣдуемъ ли и мы примѣру народовъ Западной Европы? Каждое изъ нашихъ нарѣчій да развивается своеобразно и независимо, но да привнесутъ всѣ они свои мѣстныя отличія и свой особый геній въ *общую сокровищницу всеславянскаго слова*; да распрострется надъ всѣми этими нарѣчіями *одинъ литературный языкъ*, общій каждому образованному Славянину, отъ Адріатическаго моря и Праги до Архангельска и Тихаго Океана, и каждое славянское племя, къ какому бы вѣроисповѣданію оно ни

принадлежало и какова бы ни была форма его правленія, да сдѣлаетъ этотъ языкъ органомъ взаимнаго общенія.

„Таково горячее и завѣтное желаніе Общества, которое мы представляемъ здѣсь. Смѣло скажу: это желаніе всей Россіи. Если вы, дорогіе гости наши, отзоветесь сочувственно на нашъ призывъ, мы можемъ въ частныхъ совѣщаніяхъ обсудить средства къ осуществленію задачи литературнаго объединенія нашего и условиться о мѣрахъ для дальнѣйшаго обмѣна нашихъ мыслей по этому предмету,— а между тѣмъ Общество Любителей Россійской Словесности приглашаетъ васъ почтить присутствіемъ вашимъ особое свое засѣданіе, въ честь вашу устроиваемое". *(Рукоплесканія)*.

XVI. *Отъ Общества Любителей Художествъ.*

И. И. Золотаревъ: „Московское Общество Любителей Художествъ осчастливило меня, уполномочивъ сказать радушный, искренній привѣтъ почтеннымъ нашимъ гостямъ Славянамъ.

„Мм. гг., мнѣ отрадно выразить вамъ то родственное братское чувство, которое такъ единодушно хранится въ сердцахъ всѣхъ истинно-русскихъ людей.

„Дай Богъ, чтобы взаимность такого чувства послужила къ нашему взаимному благу и поставила насъ единоплеменниковъ на пьедесталъ недоступный для враждующихъ элементовъ, и тогда—восторжествуетъ правда, *яко съ нами Богъ*". *(Одобреніе)*.

XVII. *Отъ Русскаго Музыкальнаго Общества.*

Президентъ Н. Г. Рубинштейнъ: „Братья-Славяне! Русское Музыкальное Общество въ Москвѣ, привѣтствуетъ васъ—представителей нашихъ западныхъ и южныхъ братьевъ, что̀ вмѣстѣ съ нами образуютъ одну великую славянскую семью. Въ числѣ наукъ и искусствъ, разработанныхъ славянскимъ племенемъ, музыка занимаетъ, конечно, одно изъ первыхъ мѣстъ: многіе изъ высшихъ музыкальныхъ дѣятелей носятъ славянское имя; музыкальное чувство есть

намъ всѣмъ общая, прирожденная стихія; во всѣхъ народныхъ напѣвахъ славянскихъ племенъ выговаривается особый, самобытный характеръ, отличный отъ характера напѣвовъ другихъ народовъ. Раздѣленные пространствомъ, историческими событіями и, частію, особенностями нарѣчій, мы находимъ полное единеніе въ мірѣ музыки: тамъ, гдѣ не достанетъ слова, наше братское чувство догавариваетcя въ напѣвѣ, для всѣхъ понятномъ, для всѣхъ родномъ. Этому чувству мы обязаны тѣмъ радушіемъ, съ которымъ была принята въ средѣ вашей музыка нашего Глинки; ваше сочувствіе къ ней глубоко отозвалось въ сердцахъ нашихъ. Подадимъ же другъ другу руки и общимъ, дружнымъ содѣйствіемъ постараемся, путемъ науки и искусства, поддерживать развитіе *чисто-славянской музыки* во всѣхъ ея существенныхъ оттѣнкахъ. Да будетъ этотъ общій трудъ залогомъ нашего духовнаго единства; да будетъ *гармоніи звуковъ* всегда отвѣчать *гармонія сердецъ нашихъ*, соединенныхъ узами братской, безкорыстной любви.“ *(Сильныя рукоплесканія.)*

XVIII. *Отъ Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства.*

Н. А. Жеребцовъ: „Императорское Московское Общество Сельскаго Хозяйства возложило на насъ пріятную обязанность привѣтствовать васъ, дорогіе гости, родичи, искреннею благодарностію за братское ваше посѣщеніе и пожелать вамъ отъ полноты души всѣхъ земныхъ благъ. Высоко цѣня завидную долю выпавшую на нашу часть быть представителями одного изъ старѣйшихъ московскихъ обществъ на этомъ славянскомъ торжествѣ, мы въ стѣнахъ первопрестольной столицы Русскаго Царства, издревле собирательницы Русской земли, встрѣчаемъ васъ по обычаю предковъ горячею молитвою къ Богу; да поможетъ Онъ намъ, братіямъ Славянамъ, достигнуть тѣснѣйшаго единенія и да скрѣпитъ Онъ нашъ братскій союзъ сердечною любовію. Исторія славянскихъ племенъ отмѣчена особенностію: каждому изъ нихъ суждено было пройдти чрезъ иго владычества иноплеменнаго. Много горя и тяжкихъ

испытаній вынесено ими подъ властію чуждыхъ имъ народовъ. Но, несмотря на всѣ эти испытанія, несмотря на искусственныя преграды къ сближенію родныхъ по происхожденію, по языку, по вѣрѣ, по преданіямъ и обычаямъ братій, Славяне не утратили чувства своей народности, чувства взаимной братской любви между собою. Это такъ глубоко присуще каждому Славянину, что нѣтъ того событія въ любомъ славянскомъ племени, которое бы не принималось горячо къ сердцу всѣми остальными Славянами. Россіи дано было въ удѣлъ ранѣе другихъ родичей сплотиться въ могущественное государство и освободиться отъ ига иноплеменнаго. Переживъ много тяжкихъ годинъ, вынеся на своихъ плечахъ не мало трудовъ, она вступила во второе тысячелѣтіе своего бытія, сильная и крѣпкая для того, чтобъ идти за вѣнценоснымъ своимъ вождемъ по пути обновленій и великихъ преобразованій. Исторія Русскаго народа за послѣднее время представитъ потомству такія страницы, какихъ не найдти въ исторіи другихъ народовъ, и имя Александра II занесено будетъ на ея скрижаляхъ въ связи съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, съ развитіемъ земскаго самоуправленія, съ дарованіемъ свободы мысли и слову, со введеніемъ гласнаго суда. *(Рукоплесканія.)*

„Великія событія, охватившія всю внутреннюю жизнь Русскаго народа, не могли остаться безъ вліянія и на русское сельское хозяйство; увлеченное общимъ потокомъ, оно также начинаетъ оставлять устарѣлыя формы и усвоивать себѣ пріемы болѣе соотвѣтствующіе новымъ потребностямъ времени. И довольно простора для этой дѣятельности на Святой Руси. Земель и угодій ожидающихъ разумнаго хозяйства у насъ много: отъ сѣверныхъ лѣсистыхъ странъ и до Крыма вездѣ разумный человѣкъ съ небольшимъ капиталомъ можетъ добыть себѣ содержаніе и пріобрѣсти состояніе.

„А между тѣмъ родственныя намъ племена, сохранившія свою народность въ центрѣ Европы, почувствовавъ недостатокъ въ земляхъ, десятками тысячъ ежегодно переселяются въ Америку. Подобное переселеніе не обходится безъ большихъ денежныхъ пожертвованій; тогда какъ пе-

реселеніе тѣхъ же самыхъ Славянъ въ Россію, могло бы сдѣлаться вчетверо дешевле и три части денегъ затраченныхъ на переселеніе, могли бы послужить оборотнымъ капиталомъ для начала эксплуатапіи земледѣльческаго предпріятія. Мало того, переселясь въ Америку, Славянинъ долженъ ожидать совершенной утраты своей народности, если не имъ самимъ, то неминуемо его дѣтьми и потомствомъ; переселясь же въ Россію, Славянинъ не только не утрачиваетъ своей народности, но укрѣпляется въ ней и пріобрѣтаетъ убѣжденіе собственнаго достоинства. Отчего же Чехи и другіе Славяне боятся переселяться въ Россію? Очевидно, отъ недоразумѣній. Устранить эти вредныя недоразумѣнія, внушить всѣ выгоды переселенія Славянъ не на чуждыя американскія земли, а въ родственную имъ страну, лежитъ на обязанности вожатыхъ чешскаго и другихъ славянскихъ племенъ при содѣйствіи ихъ братій, русскихъ дѣятелей. Съ нашей стороны уже приняты мѣры къ такому содѣйствію. Императорское Московское Общество Сельскаго Хозяйства учредило въ средѣ своей коммиссію, на обязанность которой возложено войдти въ непосредственное сношеніе съ чешскимъ комитетомъ, который можетъ учредиться для облегченія переселенія въ Россію. Затѣмъ остается доброжелателямъ на мѣстѣ разсѣять предубѣжденія противъ переселенія въ Россію, избирать въ охотники людей способныхъ къ честной дѣятельности и, по сношеніямъ съ нашимъ Обществомъ, отправлять каждаго въ тому дѣлу, къ которому онъ наиболѣе способенъ.

„Подадимъ же, братья Славяне, другъ другу руки и дружно станемъ помогать сліянію дѣятельности славянской“. *(Рукоплесканія.)*

За этою рѣчью, слѣдовало возглашеніе славы и многолѣтія Я. Ф. Головацкому, Ербену, Браунеру, Ригеру, Субботичу и всѣмъ славянскимъ гостямъ. Вслѣдъ затѣмъ ректоръ университета объявилъ, что каѳедра открыта для тѣхъ изъ гостей, которыя пожелали бы обратиться съ рѣчью къ собранію.

Я. Ф. Головацкій: „Высокоученые и многодостойные мужи! Мнѣ не слѣдовало бы отозваться слабымъ голосомъ моимъ

на краснорѣчивыя заявленія столь глубокоученыхъ и знаменитыхъ мужей. Но душа моя переполнена чувствъ, и я дерзнулъ, стать на этомъ мѣстѣ, гдѣ стояли мужи, такъ высоко цѣнимые въ наукѣ. Я благоговѣю передъ наукою, столь развитою въ этой древней столицѣ Руси, я благоговѣю предъ этимъ сонмомъ ученыхъ спеціалистовъ, посвятившихъ всю жизнь свою наукѣ, я благоговѣю въ томъ храмѣ музъ, въ которомъ трудились и работали ученые мужи слишкомъ сто лѣтъ, — который произвелъ столько славныхъ и просвѣщенныхъ мужей на благо Россіи и всего человѣчества *(одобреніе)*, мужей, просвѣтившихъ народъ Русскій до его крайнихъ сѣверныхъ границъ, открывшихъ на далекомъ востокѣ новые источники для человѣческаго знанія. На вызовъ г. ректора, я всталъ для того, чтобы высказать всю полноту моихъ чувствъ и съ трепещущими устами отзываюсь вамъ, и прошу услышать родное слово русское изъ русской же земли Галицкой. Я не уполномоченъ отъ Славянъ отвѣчать на наши дружескія заявленія. Но, видя то единодушіе, съ которымъ они поспѣшили сюда на вызовъ комитета этнографической выставки, я выступаю отъ имени всѣхъ братій нашихъ Славянъ. Я слѣдилъ мыслью за учеными рѣчами представителей многочисленныхъ здѣшнихъ обществъ, представителей науки славянской. При всемъ разнообразіи ихъ спеціальностей, они сходились въ одномъ фокусѣ, въ одной мысли, въ мысли объ единеніи всѣхъ Славянъ въ наукѣ. Я въ томъ вижу великій успѣхъ науки русской и славянской. *(Рукоплесканія.)* И прежде въ этомъ храмѣ музъ работали многіе дѣятели славянской науки, но ихъ дѣятельность не выходила изъ ограниченнаго круга спеціальности. Настало время, и возникла мысль о наукѣ общеславянской, и сѣмя, посѣянное первыми дѣятелями, не пало на безплодную почву, но прозябло и дало обильный плодъ. Это были пророки, провозгласившіе новую науку и новыя начала единоплеменности и сродства Славянъ. Многіе изъ нихъ перешли уже въ другой міръ. Да будетъ имъ вѣчная память! *(Одобреніе.)* Но есть еще мужи, оставшіеся отъ этого избраннаго кружка и находятся они теперь между нами! Примите отъ имени

Славянъ усерднѣйшую благоговѣйную благодарность нашу за сердечныя чувства взаимности, которыя я слышалъ отъ высокодостойныхъ мужей въ этомъ храмѣ науки. Да будетъ слава всѣмъ дѣятелямъ славянской науки!" *(Громкія рукоплесканія.)*

Палацкій (по-чешски): „Примите, господа, мою и нашу общую сердечную благодарность, къ которой обязываетъ насъ вашъ пріемъ. Я начинаю говорить лишь потому, что все это время слышалъ рѣчи о наукѣ славянской. Господа, я благословляю Бога за то, что Онъ продлилъ мои дни до той поры, когда въ столь торжественномъ собраніи сошлись представители науки славянской, на этотъ всеславянскій съѣздъ. Я состарился, господа, въ занятіяхъ наукой славянскою. Я былъ свидѣтелемъ первыхъ шаговъ тѣхъ людей, которые работали надъ славянской наукой, въ пору для нея неблагопріятную. Уже 50 лѣтъ прошло съ той поры, какъ я вступилъ на поле славянской науки, вѣдомый моимъ учителемъ Добровскимъ, этимъ патріархомъ науки славянской; ровно 50 лѣтъ прошло, какъ я сошелся съ Шафарикомъ, и сталъ его неразлучнымъ другомъ и сотрудникомъ на полѣ славянскаго вѣдѣнія среди обстоятельствъ неблагопріятныхъ. Я не могъ преодолѣть въ себѣ желанія вызвать предъ вами, господа, эти двѣ милыя мнѣ тѣни: моего учителя Добровскаго и друга Шафарика. *(Одобреніе.)* Шафарикъ былъ духъ мощный; онъ пожертвовалъ наукѣ всѣ свои силы, все свое имущество; онъ былъ, скажу, мученикомъ славянской науки. *(Одобреніе.)* Когда-то явится другой Шафарикъ! Въ пору, когда славянская наука торжествуетъ этотъ свой праздникъ, я счелъ, господа, своею святѣйшею обязанностью воззвать память этого труженика славянской науки. Да будетъ ему вѣчная память и слава!" *(Громкое одобреніе.)*

Д-ръ Богоровъ (по-болгарски): „Дорогіе братья Славяне! Позвольте мнѣ, жителю ближайшему къ городу Солуню, привѣтствовать васъ по братски отъ имени всѣхъ Болгаръ, того самаго народа на языкѣ котораго говорили наши просвѣтители Свв. Кириллъ и Меѳодій, и выучили насъ славить Всевышняго Бога.

„Многочисленный славянскій народъ еще въ древнее время населялъ обширныя и пространныя земли, но въ нихъ удалось вторгнуться разнымъ чужестранцамъ, и такимъ образомъ отдѣлить отъ главнаго снопа нѣсколько колосьевъ, которые временно, по тогдашнимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, подверглись разнымъ невзгодамъ, измѣнявшимъ ихъ видъ. Одна только Россія могла сохранить нашъ праотцовскій языкъ въ его первообразной чистотѣ. Другія нарѣчія отошли далеко отъ корня, но тѣмъ не менѣе они являются отдѣльными языками, только въ глазахъ не книжныхъ людей, а предъ людьми просвѣщенными всѣ они одно цѣлое, одинъ славянскій языкъ. Такъ должна быть у Славянъ и общая литература, и для этого мы уже имѣемъ языкъ готовый, языкъ русскій. Когда органомъ и средоточіемъ науки для всѣхъ Славянъ сдѣлается этотъ древній славянскій языкъ, то мы подадимъ другъ другу руку помощи на пути просвѣщенія, какъ сыновья одной и той же матери, какъ родные братья. Въ литературномъ отношеніи Болгары, по извѣстнымъ всѣмъ историческимъ причинамъ, занимаютъ самое послѣднее мѣсто въ ряду остальныхъ славянскихъ племенъ; но Болгары, изъ рукъ которыхъ Русскіе получили Св. Писаніе, уповаютъ и вполнѣ увѣрены, что ихъ братья Русскіе не перестанутъ быть ихъ водителями въ дѣлѣ просвѣщенія для общаго успѣха.“ *(Рукоплесканія.)*

Д-ръ Политъ (по сербски): „Именитые господа и дорогіе братья!

„Трудно говорить Сербу, находящемуся въ матушкѣ-Москвѣ; трудно ему здѣсь обуздать свои чаянія и чувства, давъ имъ выраженіе въ однихъ лишь словахъ. Чтò мерещилось Сербу отъ колыбели, чтò лишь во снѣ снилось ему, то зритъ онъ нынѣ воочію: онъ въ самомъ дѣлѣ во святой Москвѣ! *(Рукоплесканія.)* Когда христіянинъ, давъ обѣтъ посѣтить святую землю, послѣ долгаго и труднаго странствованія узритъ Іерусалимъ, онъ падаетъ на эту землю и цѣлуетъ ее. Такъ и Сербъ, узрѣвъ святую Москву, цѣлуетъ землю этой православной матери славянской. *(Рукоплесканія.)* Да! Москва не есть только мать Руси, она на-

столько же и мать сербской земли, Москва мать всеславянская. Москва — ядро славянства. *(Рукоплесканія).*

„Но въ этомъ храмѣ русской и славянской науки Сербъ, измѣряя степень просвѣщенія русскаго, долженъ пожелать, чтобъ и сербское образованіе достигло той же степени, и чтобы не разрушила его грозная судьба своимъ неудержимымъ движеніемъ. Да, господа! мы Сербы, еще въ XIV столѣтіи могли бы помѣряться своимъ просвѣщеніемъ съ любымъ народомъ Запада. И мы создали въ ту пору великое государство! *(Одобреніе.)* Кто изъ нашихъ враговъ усомнится въ этомъ, тотъ раскроетъ законникъ Душановъ, совершеннѣйшій памятникъ законодательства того времени, и измѣритъ онъ имъ степень просвѣщенія сербскаго, и увидитъ онъ Сербское государство, построенное на основаніяхъ права; тамъ найдетъ онъ уже учрежденіе суда присяжныхъ. *(Одобреніе.)* У древнихъ Сербовъ, дѣйствительно, было распространено нросвѣщеніе. Братья и сродники нашихъ царей и сами цари наши занимались литературой. Стефанъ Неманичъ первовѣнчанный описалъ житіе своего отца Немани I. Братъ его Савва, названный святымъ Саввою, былъ просвѣтителемъ Сербіи, утвердилъ вѣру православную и распространилъ просвѣщеніе между Сербами. Теперь вездѣ, гдѣ люди говорятъ по сербски, славится имя просвѣтителя Саввы. Архіепископъ Данило, Доминціанъ и другіе были преданы занятіямъ литературнымъ. Но эт высокое состояніе сербскаго просвѣщенія уступило разрушительному натиску дикихъ ордъ османскаго народа. Мы, православные Сербы, покинутые Западомъ, должны были первые принять на себя ударъ османской силы. Катастрофа Коссова поля имѣла трагическую силу не для однихъ Сербовъ, но и для всего христіанскаго міра. *(Одобреніе.)*

„Отъ того времени, за четыре вѣка, черная тьма покрыла сербскія страны. Турецкій гнетъ не далъ прозябнуть сербскому просвѣщенію во все это время. Съ первымъ росткомъ сербской свободы возникъ и первый ростокъ сербской литературы. Съ освобожденіемъ Сербіи и съ Досиѳеемъ Обрадовичемъ воскресла сербская жизнь. Обрадовичъ первый возвратилъ долю стараго просвѣщенія, начавъ пи-

сать на народномъ языкѣ. Вукъ Караджичъ собралъ наше сокровище, наши народныя пѣсни. Въ нихъ явилъ онъ свѣту душу Сербскаго народа, ими показалъ онъ какъ Сербъ мыслитъ, чего онъ чаетъ, какъ онъ чувствуетъ. Если скажутъ намъ наши враги, что мы народъ дикій, мы отвѣтимъ имъ: раскройте наши народныя пѣсни, и вы увидите благородныя чаянія Серба, увидите какъ грустно описываетъ онъ свое прошедшее, какъ радуется онъ своему будущему, какъ живо бьется его сердце на все благородное и возвышенное, и тогда скажете, дикъ ли народъ Сербскій, или нѣтъ. Да! мы не подвинулись къ культурѣ, ибо турецкій гнетъ не даетъ намъ ходу. Но устраните препятствія нашего развитія, и оно разовьется роскошно. Мы, Сербы, будемъ надѣяться, что наши русскіе братья поймутъ и исполнятъ свое назначеніе въ нашемъ дѣлѣ.

„Господа! Наука можетъ процвѣсти лишь въ условіяхъ государственной жизни. Новая Сербія есть отпрыскъ того Сербскаго государства, которое достойно бытія. Дай Боже, чтобы, къ новому всеславянскому свиданію, великое Сербское государство воскресло, на пользу всеславянскаго просвѣщенія. Въ этой надеждѣ, я привѣтствую славянскую и русскую братію.“ *(Громкія рукоплесканія.)*

Засѣданіе было кончено. Торжественному настроенію собранія вполнѣ соотвѣтствовала священная пѣснь *Тебе Бога хвалимъ*, освятившая всеобщее радостное чувство молитвеннымъ славословіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ взошелъ еще разъ на каѳедру ректоръ университета, чтобы помянуть словомъ благодарности „могущественнаго, мудраго, благороднаго, добраго, благожелательнаго Вѣнценосца, ведущаго Россію путемъ великихъ преобразованій къ свѣтлому будущему“, и пригласилъ собраніе соединиться въ восклицаніи: *Боже Царя храни.* Пѣвчіе приняли эти слова изъ устъ ректора, и съ ихъ голосами слились голоса присутствовавшихъ.

Послѣ общаго собранія, происходившаго въ университетѣ, славянскіе гости всѣ обѣдали въ особой залѣ гостинницы Кокорева, въ присутствіи городскаго головы, князя Щербатова, и нѣсколькихъ членовъ комитета, назначен-

мой своей многочисленности господствовать въ земляхъ своихъ, открыто отказываютъ въ тѣхъ самыхъ правахъ, которыя другимъ, живущимъ вмѣстѣ съ нами, на одной землѣ, подъ однимъ небомъ и подъ однимъ началомъ, даютъ безпрепятственно. Но на свѣтѣ всему время и всякой вещи бываетъ конецъ подъ солнцемъ: все минется, одна правда остается. Да сбудется же это изреченіе вѣковой мудрости и надъ загнанными частями славянскаго племени, да восторжествуетъ наконецъ правда славянская и да будетъ, если Богу угодно, повсюду, славно имя Славянъ. Не по мягкимъ коврамъ и наша Русь дошла до своего настоящаго величія, и ея повѣсть—повѣсть вѣковыхъ страданій и кровавыхъ жертвъ. Въ страданіяхъ она окрѣпла, они возвысили нашъ народный духъ и воспитали въ насъ безграничную любовь къ родинѣ и непоколебимую вѣру въ ея великое будущее.“ *(Громкія рукоплесканія.)*

„Не напрасно страдали въ теченіе вѣковъ и наши родичи Славяне, не вотще проливали они потъ и кровь въ борьбѣ за самобытность; страданія и борьба пробудили въ нихъ племенное самосознаніе, и на нашихъ глазахъ невзгоды и испытанія въ славянской средѣ вызываютъ потребность ближайшаго взаимнаго знакомства и тѣснѣйшаго единенія. Будетъ то чтȯ Богу угодно, но эти признаки залогъ лучшаго будущаго. Поднимаю бокалъ и предлагаю тостъ: за великое будущее единоплеменныхъ и единомысленныхъ намъ Славянъ!“ *(Слава!)*

Когда прозвучали эти, заключительныя слова, началось всеобщее чоканье между сосѣдями. Многіе какъ Русскіе, такъ и Славяне встали съ своихъ мѣстъ и подходили къ своимъ знакомымъ, чтобы высказать свои благія пожеланія. Давъ успокоиться волненію, профессоръ Щуровскій произнесъ слѣдующія слова:

„Въ нашу прошлую бесѣду всѣ, восходившіе на эту каѳедру, высказывались въ томъ смыслѣ, что для успѣха общеславянской науки, необходима тѣсная связь между восточными, западными и южными Славянами. Планъ такого научнаго сближенія, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ быть выработанъ не иначе какъ въ личныхъ дружескихъ бесѣ-

дахъ между главнѣйшими дѣятелями по той или другой наукѣ. Прибытіе Славянъ въ Москву, столь важное для этой цѣли, для насъ, устроителей выставки, имѣетъ еще другое значеніе. Нашъ почтенный предсѣдатель В. А. Дашковъ, выразился весьма справедливо, сказавъ, что мы принимаемъ Славянъ не какъ посѣтителей, а какъ сотрудниковъ, присылками своими много содѣйствовавшихъ осуществленію и успѣху выставки. Работая съ нами по одной мысли, они близко познакомились съ нашимъ предпріятіемъ, а потому, при личномъ осмотрѣ выставки, скорѣе другихъ могутъ замѣтить какіе-либо недостатки и подать намъ свой добрый совѣтъ. Такіе совѣты намъ особенно необходимы въ томъ отношеніи, что настоящая выставка есть только начало нашего предпріятія, есть только временная выставка, долженствующая превратиться въ выставку постоянную, болѣе цѣльную и систематическую, не только по своему содержанію, но и по содѣйствію идеи славянскаго сближенія, именно въ *Русскій Этнографическій Музей*. Это новое учрежденіе въ Москвѣ будетъ знакомить массу народа съ славянскими племенами и воспитывать ее въ духѣ славянскаго единенія. Кромѣ того, вызывая этнографическія изслѣдованія, оно необходимо положитъ основаніе такому изданію, въ которомъ особенно нуждается славянскій міръ. Я разумѣю давно лелѣянную нашимъ Обществомъ мысль объ изданіи *Славянскаго Обозрѣнія*, такого періодическаго органа, въ которомъ какъ въ одномъ фокусѣ сосредоточивалось бы все бытовое изученіе и весь научный успѣхъ славянскихъ племенъ. Мысль эта можетъ показаться смѣлою, но когда видишь передъ собою собраніе такихъ славянскихъ дѣятелей, и когда говоришь объ этомъ въ стѣнахъ Московскаго университета, то та же мысль кажется только естественною и исполненіе ея только необходимымъ. Осуществленіе мысли, мною высказанной, было бы самымъ лучшимъ памятникомъ тѣхъ незабвенныхъ дней, которые теперь переживаетъ русско - славянская наука.

„Мм. гг.! Позвольте мнѣ предложить тостъ за осуществленіе этого памятника нашего сближенія, за васъ, нашихъ

мой своей многочисленности господствовать въ земляхъ своихъ, открыто отказываютъ въ тѣхъ самыхъ правахъ, которыя другимъ, живущимъ вмѣстѣ съ нами, на одной землѣ, подъ однимъ небомъ и подъ однимъ началомъ, даютъ безпрепятственно. Но на свѣтѣ всему время и всякой вещи бываетъ конецъ подъ солнцемъ: все минется, одна правда остается. Да сбудется же это изреченіе вѣковой мудрости и надъ загнанными частями славянскаго племени, да восторжествуетъ наконецъ правда славянская и да будетъ, если Богу угодно, повсюду, славно имя Славянъ. Не по мягкимъ коврамъ и наша Русь дошла до своего настоящаго величія, и ея повѣсть—повѣсть вѣковыхъ страданій и кровавыхъ жертвъ. Въ страданіяхъ она окрѣпла, они возвысили нашъ народный духъ и воспитали въ насъ безграничную любовь къ родинѣ и непоколебимую вѣру въ ея великое будущее.“ *(Громкія рукоплесканія.)*

„Не напрасно страдали въ теченіе вѣковъ и наши родичи Славяне, не вотще проливали они потъ и кровь въ борьбѣ за самобытность; страданія и борьба пробудили въ нихъ племенное самосознаніе, и на нашихъ глазахъ невзгоды и испытанія въ славянской средѣ вызываютъ потребность ближайшаго взаимнаго знакомства и тѣснѣйшаго единенія. Будетъ то что̀ Богу угодно, но эти признаки залогъ лучшаго будущаго. Поднимаю бокалъ и предлагаю тостъ: за великое будущее единоплеменныхъ и единомысленныхъ намъ Славянъ!“ *(Слава!)*

Когда прозвучали эти, заключительныя слова, началось всеобщее чоканье между сосѣдями. Многіе какъ Русскіе, такъ и Славяне встали съ своихъ мѣстъ и подходили къ своимъ знакомымъ, чтобы высказать свои благія пожеланія. Давъ успокоиться волненію, профессоръ Щуровскій произнесъ слѣдующія слова:

„Въ нашу прошлую бесѣду всѣ, восходившіе на эту каѳедру, высказывались въ томъ смыслѣ, что для успѣха общеславянской науки, необходима тѣсная связь между восточными, западными и южными Славянами. Планъ такого научнаго сближенія, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ быть выработанъ не иначе какъ въ личныхъ дружескихъ бесѣ-

. на западѣ, другой на востокѣ,
анскаго человѣчества. И великій
ь, славный дубровницкій поэтъ Гун-
шествуетъ на солнечной колесни-
кеана до моря Адріатическаго, стра-
слыветъ славянское слово. (*Рукопле-*
ивые государи, пришли тяжкія времена
народовъ, событія бурныя, которыя не
невозможнымъ воспитаніе мысли и само-
за племени и языка, но и заставили насъ,
орьбѣ съ тяжкою судьбой, забыть другъ дру-
ь во всѣхъ направленіяхъ и отчудиться другъ
о ли и быть иначе, когда Славяне, въ продол-
ихъ вѣковъ, должны были стоять въ первомъ
ряду, за свободу Европы, за ея цивилизацію. Сла-
ею грудью удерживали эти варварскія орды, ко-
изъ степей среднеазіатской возвышенности насту-
на Европу, подобно бурнымъ волнамъ морскимъ; Сла-
защитили своею грудью европейскую цивилизацію,
мышцами своими отодвинули грозящій ей натискъ вра-
въ, своею кровью искупили они ее. Еслибы не сдѣлали
того Славяне, наплывъ азіатскихъ варваровъ, Монголовъ, Татаръ и Турокъ, потопилъ бы, задушилъ бы ту гражданственность, которую западные народы Европы приняли изъ рукъ Грековъ и Римлянъ, какъ драгоцѣнное наслѣдство человѣческаго рода. Итакъ, лишь за крѣпкою славянскою грудью могло античное образованіе перейдти въ современную христіанскую гражданственность Европы. (*Рукоплесканія.*)

„Эта великая борьба, эти жертвы, принесенныя на общую пользу человѣчества, и были виной того, что славянскія племена должны были остаться позади, что они забыли свое родство и братство. Но Господь Богъ послалъ славянскому народу сыновъ и учителей, которые эту погребенную вѣками истину о сродствѣ и единствѣ Славянъ познали и предали своимъ ученикамъ. Они съ пророческимъ вдохновеніемъ учили свой народъ, что его спасеніе въ сближеніи и въ соединеніи разрозненныхъ племенъ славян-

гостей, необходимыхъ нашихъ сотрудниковъ, и въ особенности за тѣхъ изъ васъ, которые своими вкладами въ нашу выставку и въ нашъ музей такъ много содѣйствовали успѣху нашего предпріятія. Слава основателямъ, славянскаго отдѣла нашего музея и тѣмъ представителямъ ихъ, которыхъ мы имѣетъ счастіе видѣть передъ собою. Слава Головацкому, слава Матіи Маяру, слава Ербену, Феликсу Лаю, Вукашиновичу, Матковичу, Миличевичу, Тодоровичу, Молчану". *(Громкія рукоплесканія.)*

Едва окончилъ свою рѣчь Гр. Е. Щуровскій, поднялся съ своего мѣста Янко Шафарикъ и сказалъ:

„Милостивые государи! На нашихъ свиданіяхъ при блестящихъ пирахъ, которыми насъ вездѣ встрѣчали наши братья на пути къ вамъ, съ гостепріимствомъ доселѣ невиданнымъ *(рукоплесканія)*, можно было часто слышать, что мы, Славяне, разъединены и раздѣлены на многія вѣтви, и что прежде всего нужно чтобы различныя славянскія племена снова соединились другъ съ другомъ, ибо спасеніе Славянъ, ихъ лучшая будущность условливается соединеніемъ всѣхъ Славянъ въ духѣ одной, имъ всѣмъ общей славянской народности. Чужіе люди, мало насъ знающіе и готовые всегда думать и судить о насъ и вкривь и вкось, пожалуй скажутъ, что Славяне теперь лишь познали свое родство, что они теперь лишь открыли равно важную какъ какъ для нихъ, такъ и для всего свѣта, истину о единствѣ славянскаго народа. Но мы хорошо знаемъ, что это не такъ. Мы хорошо знаемъ, что Славяне и въ древнѣйшія времена понимали самихъ себя, что всегда были между ними люди, сознававшіе свою славянскую народность. Да и самъ отецъ славянской исторіи, Несторъ, зналъ, что всѣ земли отъ Ильменскаго озера на сѣверѣ до Дуная и до моря Адріатическаго на югѣ *(рукоплесканія)* населены народомъ славянскимъ. Эту истину сознавали и два величайшіе въ средніе вѣка владѣтели славянскіе: отецъ отечества чешскій король Карлъ писавшій сербскому царю Стефану Душану Сильному, что ихъ двоихъ Господь Богъ сподобилъ быть владѣтелями одного народа, одного языка, и что они должны во взаимномъ согласіи и единомысліи управлять мі-

—

ущность великаго народа

Браунеръ:

нашъ въ вашей бѣлокаменной
орою царитъ Кремль старослав-
ческое. Его оцѣнка принадлежитъ,
о и теперь уже доходятъ до насъ
мецкой журналистики, той журнали-
равдѣ, можно назвать журналистикой
(*рукоплесканія*). Эта грязная журнали-
насъ и на васъ брань и ругаетъ насъ
и мы къ вамъ. Она осмѣливается даже за
хлѣбъ-соль осуждать насъ на хлѣбъ и на
, *слава!*). Я бы и не упомянулъ объ томъ въ
ни, еслибы не могъ сопоставить того съ со-
ротивоположнымъ сужденіемъ о нашемъ съѣз-
деніемъ о немъ народа нашего. Нашъ народъ
сочувствія слѣдитъ за каждымъ шагомъ нашимъ
словляетъ васъ за братскую любовь вашу и за
ское ваше самосознаніе. Различныя группы славян-
хотя бы и были онѣ расположены по различнымъ го-
рствамъ, представляютъ, однако, собою единое племя
авянское. Такъ и мы, собравшіеся здѣсь, люди изъ раз-
ичныхъ племенъ славянскихъ, составляемъ собою единое племенное цѣлое, какъ по языку, такъ и по крови. Объ этомъ единеніи мы можемъ сказать словами Христа Спасителя, что̀ соединено отъ Бога, того не разлучитъ человѣкъ (*громкое одобреніе*). Сознаніе единства, отмѣченное печатью самой природы, не могутъ заглушить ни пространство, ни различіе обычаевъ и говоровъ, ни разнородность историческихъ событій, климатическихъ условій и политическихъ союзовъ. Этого сознанія не заглушатъ ниже тѣ неправды, которыя переносили мы ради него отъ враговъ нашихъ (*рукоплесканія*). Идея славянской взаимности была разожжена тихимъ геніемъ Коляра. Въ своихъ пѣсняхъ, Коляръ измѣряетъ пространство царства Славы вершинами Урала и Татръ: оно ширится въ нихъ отъ восхода солнечнаго до его заката. Наука и литература живо воспри-

няли его мысль о славянской взаимности и сдѣлали ее общимъ достояніемъ всего образованнаго славянства *(одобреніе, слава!)*. Представитель науки славянской есть университетъ Московскій, а потому поднимаю я кубокъ на преуспѣніе первенствующаго славянскаго университета, университета Московскаго!“ *(Громкія рукоплесканія и слава! живіо!)*

Одушевленная рѣчь Браунера не разъ была прерываема кликами *слава!*

Затѣмъ Н. А. Поповъ сказалъ: „Братья Славяне! Мы только что слышали тостъ въ честь Московскаго университета, какъ старѣйшаго университета въ Россіи, но по времени учрежденія онъ доженъ уступить мѣсто другому славянскому университету — пражскому. Съ исторіею пражскаго университета связана исторія всей Чехіи; возвышеніе и паденіе пражскаго университета было возвышеніемъ и паденіемъ чешскаго народа. Его существованіе, его процвѣтаніе въ народномъ смыслѣ должно быть дорого для всего славянства. Нельзя забыть намъ и другой славянскій университетъ — львовскій, одного изъ представителей котораго, профессора Головацкаго, мы видимъ здѣсь среди насъ. И ему, какъ пражскому университету, приходится бороться съ враждебными элементами, съ препятствіями и затрудненіями. Тѣмъ больше чести имъ! Далѣе, еще недавно въ Загребѣ Славяне-граждане по копѣйкамъ собирали капиталъ на устройство у себя университета. Дай Богъ, чтобы это желаніе ихъ осуществилось. Подымемъ же чашу въ честь бойцовъ науки на славянскихъ окраинахъ, за университеты пражскій, львовскій и загребскій!“

Этотъ тостъ былъ кстати, и все собраніе приняло его съ живымъ сочувствіемъ.

Потомъ говорилъ Чехъ, докторъ Гамерникъ:

„Всякая дѣятельность человѣческая развивается лишь при извѣстныхъ условіяхъ и при извѣстномъ возбудительномъ началѣ. Возбудительное начало, при которомъ развиваются науки и искусства, заключается въ общественности. Гдѣ люди живутъ врознь, тамъ нѣтъ ни научной, ни художественной жизни. При разобщенности вымираетъ и

зародышъ органовъ дѣятельности научной и художественной; тамъ, гдѣ господствуетъ разобщенность, жизнь человѣческая бываетъ построена такъ, какъ бы этихъ органовъ и не было вовсе. Итакъ, для того чтобы въ средѣ славянскаго народа преуспѣла жизнь научная и художественная, нужны болѣе частыя сообщенія между Славянами, нужны славянскіе центры; а потому пью за преуспѣяніе славянской взаимности и за болѣе частыя сообщенія между Славянами. (*Рукоплесканія.*)

Всѣ эти рѣчи, произносимыя въ разныхъ концахъ обширной залы, не весьма удобной притомъ въ акустическомъ отношеніи, побуждали гостей покидать свои мѣста. Такимъ образомъ становилось все труднѣе и труднѣе слышать говорившихъ. Нуженъ былъ мощный, ораторски выработанный голосъ Ригера, чтобы приковать къ его рѣчи общее вниманіе публики. Ригеръ сказалъ.

„Братья Славяне! Мы сошлись изъ далекихъ странъ, собрались со всего міра славянскаго на великій праздникъ славянскій. Господа, это—событіе, которому подобнаго не запомнитъ наша исторія; спрашиваю васъ, господа: *можетъ ли день столь славный, многознаменательный, пройдти безъ слѣда въ исторіи нашей?* Господа, неужели сошлись мы только для того, чтобы поздравить другъ друга братски, чтобы поцѣловать другъ друга и выпить за взаимное здоровье? Нѣтъ, не для одного этого сошлись мы здѣсь, въ этомъ храмѣ наукъ. Пригласилъ насъ сюда и почествовалъ насъ здѣсь университетъ Московскій, а потому, кажется мнѣ, и слѣдуетъ намъ здѣсь подумать объ интересахъ научныхъ всѣхъ славянскихъ народовъ, которые составляютъ и должны составлять одно духовное цѣлое. (*Слава! живіо!*) Нарѣчія славянскія такъ близки между собою, что, еслибы на то была воля Божія, мы были бы нынѣ единымъ народомъ (*слава! живіо!*) по письменности и языку. Но Богъ, судьбы нашей тысячелѣтней исторіи и наши невзгоды не хотѣли, чтобы такъ тому было. Мы раздѣлены были по различнымъ странамъ, по различнымъ народнымъ индивидуальностямъ, и каждый своимъ путемъ долженъ былъ искать себѣ просвѣщенія, возвеличивать его

няли его мысль о славянской взаимности и сдѣлали ее общимъ достояніемъ всего образованнаго славянства *(одобреніе, слава!)*. Представитель науки славянской есть университетъ Московскій, а потому поднимаю я кубокъ на преуспѣніе первенствующаго славянскаго университета, университета Московскаго!“ *(Громкія рукоплесканія* и *слава! живіо!)*

Одушевленная рѣчь Браунера не разъ была прерываема кликами *слава!*

Затѣмъ Н. А. Поповъ сказалъ: „Братья Славяне! Мы только что слышали тостъ въ честь Московскаго университета, какъ старѣйшаго университета въ Россіи, но по времени учрежденія онъ доженъ уступить мѣсто другому славянскому университету — пражскому. Съ исторіею пражскаго университета связана исторія всей Чехіи; возвышеніе и паденіе пражскаго университета было возвышеніемъ и паденіемъ чешскаго народа. Его существованіе, его процвѣтаніе въ народномъ смыслѣ должно быть дорого для всего славянства. Нельзя забыть намъ и другой славянскій университетъ — львовскій, одного изъ представителей котораго, профессора Головацкаго, мы видимъ здѣсь среди насъ. И ему, какъ пражскому университету, приходится бороться съ враждебными элементами, съ препятствіями и затрудненіями. Тѣмъ больше чести имъ! Далѣе, еще недавно въ Загребѣ Славяне-граждане по копѣйкамъ собирали капиталъ на устройство у себя университета. Дай Богъ, чтобы это желаніе ихъ осуществилось. Подымемъ же чашу въ честь бойцовъ науки на славянскихъ окраинахъ, за университеты пражскій, львовскій и загребскій!“

Этотъ тостъ былъ кстати, и все собраніе приняло его съ живымъ сочувствіемъ.

Потомъ говорилъ Чехъ, докторъ Гамерникъ:

„Всякая дѣятельность человѣческая развивается лишь при извѣстныхъ условіяхъ и при извѣстномъ возбудительномъ началѣ. Возбудительное начало, при которомъ развиваются науки и искусства, заключается въ общественности. Гдѣ люди живутъ врозь, тамъ нѣтъ ни научной, ни художественной жизни. При разобщенности вымираетъ и

спода, имѣетъ этотъ вопросъ особенную важность; мы должны его подвергнуть зрѣлому обсужденію. Его разрѣшеніемъ рѣшится судьба цѣлаго славянства. При этомъ вопросѣ, я припоминаю всегда примѣръ Грековъ, которые, при всемъ различіи своихъ нарѣчій, возрастили, однако, прекрасный цвѣтъ просвѣщенія. Эти цвѣты цивилизаціи древне-греческой развились во всемъ ихъ разнообразіи. Они періодически сходились къ *играмъ олимпійскимъ*, на которыя каждое племя греческое представляло лучшія свои произведенія изъ области науки, искусства и поэзіи. Здѣсь они и приносили другъ другу дань удивленія, и другъ друга возбуждали и взаимно совѣщались. Это, господа, и есть тотъ путь, которымъ должно пойдти теперь славянство. Многіе бы, можетъ-быть, предпочли слитіе въ единое цѣлое, и тѣломъ и душой, но тысячелѣтняя исторія не можетъ безслѣдно исчезнуть. Я думаю, что примѣръ Грековъ, дошедшихъ этимъ путемъ до недосягаемой степени просвѣщенія, можетъ служить намъ утѣшеніемъ и упрочить за нами великую будущность. Такъ и древніе Итальянцы, при всей ихъ разчлененности, духомъ общенія достигли прекраснаго плода во времена Рафаэля. Нынѣ Италія сплотилась въ единое государство. А остается вопросомъ, произведетъ ли она новыхъ Рафаэлей, новыхъ Леонардовъ? Я держусь того мнѣнія, господа, что разнообразіе частей не исключаетъ единства; единства должно искать въ гармоніи этихъ частей. Нерасчлененное единство можетъ привести къ односторонности и безжизненности, равно какъ одно раздробленіе безъ руководящаго духа ведетъ къ слабости и гибели. Еслибы вы, господа, слили всѣ колокола ваши въ одинъ великій огромный колоколъ, бóльшій нежели самъ Иванъ Великій, то, конечно, звукъ этого богатыря-колокола былъ бы силенъ, но впечатлѣніе этого звука не было бы тою пріятною гармоніей колокольныхъ звуковъ, которая возвѣщаетъ вамъ Воскресеніе Христово! А какова красота въ этомъ гармоническомъ ладѣ московскихъ колоколовъ! Этотъ гармоническій ладъ и есть единство. Два момента замѣчаются какъ въ человѣкѣ, такъ и во всякомъ дѣлѣ его, въ жизни политической, въ наукѣ, и въ мірѣ яв-

леній матеріяльныхъ. Эти два момента суть сила и красота. Сила достигается главнымъ образомъ единствомъ, красота же гармоніей частей. Соразмѣрность и согласіе въ дѣятельности всѣхъ членовъ извѣстнаго тѣла есть его красота. Липа славянская не выиграла бы въ красотѣ, еслибы вы, отсѣкши ея вѣтви, оставили ея стволъ. Каждый корень долженъ держаться своей почвы; стволъ липы долженъ быть и единый и цѣлый, но вѣнцу принадлежатъ его вѣтви. Въ нихъ и жизнь, и цвѣтъ, и красота дерева!

„Человѣка мало образованнаго всего болѣе поражаютъ сила и огромные размѣры. Народы, которые хотятъ дѣйствовать въ исторіи силой военною, стремятся къ единству и къ сосредоточенію. Нѣмцы, напримѣръ, въ наше время особенно стремятся къ славѣ военной, къ завоеванію; но не знаю, можетъ ли эта ихъ военная дѣятельность въ той мѣрѣ покровительствовать наукѣ и искусству нѣмецкому, въ какой имъ была благопріятна ихъ политическая дробность, ибо Нѣмцы, отъ своей дробности, были одушевляемы единою мыслью народною, однимъ, всѣмъ имъ общимъ стремленіемъ. Въ этой своей раздробленности гордились они ученостью, дружною работой духа, которая поставила ихъ между первыми народами міра. Человѣкъ мало образованный, утверждаю, легко вдохновляется огромностью массы; человѣкъ болѣе просвѣщенный обращаетъ вниманіе на подробности, на части. Онъ хочетъ одушевить массу и приноситъ дань своего удивленія лишь той красотѣ, которая состоитъ въ соразмѣрности и согласіи. Пирамиды и колоссы, египетскія скульптуры суть также произведенія искусства.... однако, это прежде всего произведенія силы, возбуждающія удивленіе своею огромностью; но, спрашиваю васъ, что̀ лучше въ глазахъ вашихъ,—египетская пирамида, или Аполлонъ Бельведерскій? Вотъ тѣ мысли, которыя позникли во мнѣ въ этомъ собраніи ученыхъ Славянъ, въ отношеніи къ задачамъ нашихъ цивилизаціонныхъ стремленій. По моему мнѣнію, мы должны были бы прежде всего совѣщаться въ кружкахъ менѣе многочисленныхъ о нашихъ взаимныхъ интересахъ, мы должны были бы сказать при этихъ совѣщеніяхъ, что̀ кому нужно. *(Одо-*

бренiе.) На этомъ великомъ пирѣ не мѣсто такому совѣщанiю. Мы должны подумать теперь объ учрежденiи *съѣздовъ славянскихъ*,—съѣздовъ естествоиспытателей славянскихъ, славянскихъ историковъ, художниковъ, экономистовъ..... Такъ въ различныхъ странахъ расширится наше братское самосознанiе и славянская наука, а съ нею и славянское просвѣщенiе. *(Слава! живiо!)* Одна мысль должна руководить нами въ каждомъ начинанiи нашемъ, мысль о томъ, что мы призваны сообща работать для одной цѣли, для нравственнаго возвеличенiя всего славянства *(слава! живiо!)*, что мы согласiемъ всѣхъ отдѣльныхъ племенъ славянскихъ должны выработать красоту одного духовнаго цѣлаго, посредствомъ свободнаго, но согласнаго соревнованiя. Я пью за единство Славянъ, основанное на ихъ согласiи. Слава гармонiи Славянъ! *(Слава! живiо!)*

Тотчасъ же послѣ рѣчи Ригера всталъ С. М. Соловьевъ и обратился къ собранiю съ такими словами:

„Мм. гг.! Славянское движенiе день ото дня все болѣе и болѣе возбуждаетъ вниманiе народовъ Западной Европы; но они смотрятъ на него непрiязненно, съ опасенiемъ. Ихъ совѣсть не чиста, на ихъ душѣ есть грѣхъ передъ Славянами; они боятся, чтобъ Славяне, соединившись не отомстили имъ за тяжкiя обиды; не приняли противъ нихъ наступательнаго движенiя. Но мы, Славяне, иначе сознаемъ свое призванiе: не даромъ исторiя приберегла насъ къ новому времени, когда европейское человѣчество должно дѣйствовать на иныхъ началахъ, въ интересахъ высшихъ. Не помѣряться своими матерiальными силами хотимъ мы съ другими племенами; мы хотимъ добыть себѣ благопрiятныя условiя, чтобъ исполнить свое назначенiе, сказать свое слово, внести свой вкладъ въ сокровищницу исторiи: и потому я поднимаю кубокъ за процвѣтанiе духовныхъ Славянскихъ средствъ, за процвѣтанiе славянскаго слова, славянской науки, славянскихъ искусствъ, славянской цивилизацiи!“ *(Рукоплесканiя.)*

Послѣ С. М. Соловьева говорилъ профессоръ богословiя въ Московскомъ университетѣ Н. А. Сергiевскiй. Его слово

къ участникамъ университетскаго праздника состояло въ слѣдующемъ:

„Милостивые Государи!

„Братья по плоти и братья о Христѣ!

„Христовъ апостолъ заповѣдалъ христіанамъ: *аще ясте, аще піете, вся во славу Божію творите.*

„Во славу Бога, который есть любовь, мы и творимъ эту вечерю братской любви, и говоримъ слова сочувствія скорбямъ и сорадованія надеждамъ нашихъ братій, — какъ выраженія нашего сердечнаго, внутренняго единенія съ ними.

„Раздѣленіе и разлученіе между человѣками есть горькій плодъ вражды противу славы Божіей, — лукавыя вражды, которая умудрилась было воспользоваться самымъ Богодарованнымъ средствомъ единенія во вредъ любви. Это средство — изначала *единое* разумное, всею землей равно понимаемое, слово.

„Но сила любви непобѣдима!

„Божіимъ судомъ предѣлы языковъ сдѣлались стѣнами народовъ и — казалось — средостѣніями братской любви. Но съ самымъ судомъ было соединено благословеніе. Каждому народу дана была возможность, въ своей отдѣльной замкнутости, развить свои дарованія, исполнить свою задачу, и вмѣстѣ — опытомъ извѣдать скорбь одиночества, сознать нужду въ братскомъ восполненіи и возжаждать спасительнаго единенія.

„Наконецъ вожделѣнное единеніе снова даровано раздѣленному человѣчеству, и еще высшее прежняго,—духовное единеніе въ Господѣ Спасителѣ всѣхъ человѣковъ. Непостижимое, чудесное единеніе, которому не только не противны — различія народовъ, языковъ, нарѣчій, но гдѣ изъ всѣхъ этихъ различій слагается еще полнѣйшая и величественнѣйшая гармонія любви.

„Но, братія! Самые пути промыслительнаго приготовленія человѣчества къ христіанскому единенію, и даже самое чудо Пятдесятницы не поразительно-ли изображаютъ и — не болѣе ли поразительно *предъизображаютъ* величайшее

единеніе *единства* разумнаго слова общенія — въ дѣлѣ спасенія человѣчества?

„Спасеніе человѣчества!... Какая же иная цѣль всей нашей жизни, всего общежитія человѣческаго?... А въ земномъ общежитіи особенно — въ родственномъ, семейномъ житіи, это единство явно требуется, какъ хлѣбъ насущный. И гдѣ оно возможно, какъ въ нашей всеславянской семьѣ, гдѣ оно, такъ сказать, дается въ руки самымъ Промысломъ, тамъ люди не должны отказываться отъ этого дара, если они пришли въ мѣру самосознанія. Слава Божію Промыслу! Онъ не разлучилъ насъ, какъ нѣкогда были разлучены строители башни Вавилонской, но изначала соединилъ единымъ словомъ, и соединивъ, еще запечатлѣлъ это слово земнаго общенія небеснымъ духомъ Слова вѣчной любви...

„И такъ, во славу Божію, жаждемъ духовнаго единенія всего стомилліоннаго славянскаго міра — чрезъ единое духовное разумное орудіе всѣмъ намъ одинаково дарованное и для всѣхъ благодатно-освященное.

„Здравіе всѣхъ ревнителей разумнаго славянскаго единенія, присутствующихъ и отсутствующихъ — гдѣ бы они ни были!"

Затѣмъ г. Гатцукъ прочелъ рѣчь „на древне-славянскомъ языкѣ," имѣвшую отношеніе къ мысли Ригера о „гармоническомъ единеніи Славянскихъ племенъ, каково оно было у древнихъ Грековъ". Рѣчь эта была напечатана вскорѣ послѣ 19-мая самимъ авторомъ въ подлинникѣ древне-славянскими письменами и по русски. Приводимъ здѣсь послѣдній текстъ:

„Когда въ этомъ храмѣ русской науки собрались представители всѣхъ славянскихъ народностей, какъ не вспомнить намъ мать разныхъ нынѣ нарѣчій славянскаго міра — рѣчь, которою нѣкогда обходились всѣ славянскіе народы, или которою говорили наши первоучители, когда свѣтъ Христовъ принесли славянамъ и составили имъ „книги", т. е. письмена?

„А вспоминая ее, какъ въ такую минуту молчаніемъ пройти это величайшее дѣло св. нашего первоучителя Кирилла и брата его Меѳодія?

„Но что сказать о немъ? Всѣ вѣдь сознаютъ высокое значенie того дѣла, которымъ эти св. мужи положили краеугольный камень духовнаго единенія Славянъ. Всѣ знаютъ и то, что если бы они не изобрѣли *особыхъ* отъ римскихъ письменъ, то мы, воспринимая отъ запада просвѣщеніе и цивилизацію не могли бы сохранить доселѣ столь чистыми наши славянскія начала. Велика сила письменъ!

„Впрочемъ иные говорятъ: къ чему такая обособленность? для чего Славянамъ нужны письмена иныя, чѣмъ тѣ, которыя употребляетъ вся остальная Европа?

„Что отвѣчать этимъ единителямъ, готовымъ полагать, что въ мірѣ все строится по нашему произволу?

„Скажемъ имъ съ черноризцемъ Храбромъ, что все вообще творится волею Божею, а не чѣмъ инымъ.

„Письмена всегда были помощниками и представителями цивилизацій, обыкновенно смѣняющихся одна другою въ жизни рода человѣческаго. Такъ, высшими представителями доисторической цивилизаціи были письмена египетскія и другія. Потомъ у семитическихъ племенъ такими были письмена финикійскія и еврейскія. Ихъ смѣнили въ мірѣ, какъ представители высшей міровой цивилизаціи, письмена греческія, которымъ въ Европѣ наслѣдовали письмена римскія, когда Римляне начали разработывать свое міровое дѣло—государственный урядъ и право. Эти письмена доселѣ господствуютъ въ мірѣ и, конечно, будутъ господствовать дотолѣ, доколѣ развитіе государственнаго уряда и права достигнетъ высшихъ предѣловъ.

„Но вотъ, приходятъ Славяне въ свои теперешнія стороны и 1000 лѣтъ тому назадъ два святые мужа изобрѣтаютъ для нихъ особыя письмена—иныя по *греческимъ* (а не по римскимъ) образцамъ, другія — какъ выражается Храбръ—по славянской рѣчи. Съ помощію этихъ письменъ св. Кириллъ и Меѳодій просвѣтили во времена Бориса князя Болгарскаго, Растица кн. Моравскаго и Коцѣла кн. Блатенскаго, славянъ *дунайскихъ и моравскихъ*, явившихся такимъ образомъ первоначальниками славянскаго просвѣщенія, которое возрастаетъ и крѣпнетъ среди тѣхъ славянскихъ народовъ, гдѣ свято хранятся эти письмена. И

сами тѣ славянскіе народы пріобрѣтаютъ громадную силу и могущество ихъ велико.

„Такъ создалось иное отъ прочихъ народовъ Европы славянское просвѣщеніе и цивилизація, и представителями которыхъ являются особыя письмена, извѣстныя нынѣ въ Россіи подъ именемъ *гражданскихъ*.

„Для чего же все это было? Не ужли для того лишь, чтобы погибло безслѣдно, или для того, чтобы—если Богу будетъ угодно—эти письмена когда нибудь стали наслѣдницами латинскихъ письменъ,—явились бы представителями послѣдующей по семъ цивилизаціи?

„Не знаю. Но кто рѣшится сказать: „нѣтъ мы не призваны къ тому не бывать этому никогда? Вѣдь это значило бы, такъ сказать, противиться волѣ Божіей, отрекаться отъ началъ своего духа, пренебрегать вложеннымъ въ насъ исторіею.

„По этому то, мм. гг., не смотря на различіе нашихъ нарѣчій, мы должны строго держаться однихъ письменъ, одной азбуки, данной намъ нашими святыми первоучителями. При посредствѣ этого единства письменъ, мы (какъ и древніе Греки въ лучшій періодъ ихъ исторіи), каждый независимо, развивая свои собственныя начала, можемъ достигнуть удобнѣйшимъ образомъ духовнаго единенія; а съ помощію этого единенія пріобрѣсти великую силу и славу, какъ народы имѣвшіе силу принять могучую цивилизацію запада, не измѣняя основнымъ началамъ своего духа и ставшіе тѣмъ въ возможность во сто разъ болѣе внести въ сокровищницу жизни человѣчества. Правда?“

Послышались утвердительные крики, которые были покрыты славянскими пѣснями, исполненными особымъ хоромъ подъ управленіемъ князя Ю. Н. Голицына. По прекращеніи музыки и пѣнія, всталъ священникъ Иванцовъ-Платоновъ и съ неподдѣльнымъ одушевленіемъ и среди громкаго одобренія произнесъ:

„Братья-Славяне!

„Къ слову о славянскомъ единеніи, къ слову о славянской наукѣ, къ слову о задачахъ будущаго самостоятельнаго развитія Славянъ.

„У племени Славянъ, съ начала его христіанской исторіи, вѣра и наука шли дружно въ крѣпкомъ союзѣ между собою, не стѣсняя, а взаимно укрѣпляя одна другую. Первые насадители вѣры были вмѣстѣ съ тѣмъ и первыми дѣятелями науки. Первое слово, написанное изобрѣтенными тысячу лѣтъ назадъ славянскими буквами, было слово о Предвѣчномъ Словѣ искони, существующемъ въ Богѣ и дарующемъ жизнь и свѣтъ человѣкамъ....

„Даруй Боже, чтобъ и будущее духовное развитіе Славянъ соотвѣтствовало своему началу, чтобы вѣра и наука всегда были у Славянъ въ крѣпкомъ союзѣ между собою, какъ два различные, но изъ единаго первоначала исходящіе и къ единой конечной цѣли ведущіе пути,—къ разумѣнію единой и вѣчной божественной истины, — чтобы вѣра не была и посрамляема у Славянъ стѣсненіемъ науки, и наука не позорила себя отступленіемъ и враждой противъ вѣры, чтобы не зналъ здоровый организмъ славянскій тѣхъ разъѣдающихъ болей противорѣчія между мыслью и вѣрой, между анализомъ и чувствомъ, которыя выступаютъ такою страшною заразой въ цивилизаціи, выработавшейся не на православно-славянской почвѣ, чтобъ и художественное слово Славянъ было выраженіемъ не однѣхъ мыслей и чувствъ житейскихъ, но и прежде всего выраженіемъ глаголовъ Вѣчнаго Слова, искони сущаго въ Богѣ и облекшагося плотію ради-человѣковъ....

„Тогда-то поистинѣ самостоятельное развитіе и духовное объединеніе Славянъ явилось бы не грозой, не гнетомъ для цивилизаціи другихъ народовъ, какъ этого опасаются, а зарей спасенія отъ погибельныхъ нравственныхъ болей, свѣтомъ въ откровеніе языкамъ, и славою людей славы по имени, людей Божіихъ по призванію чрезъ правую вѣру во Христа—племени славянскаго.

„Здравіе и слава всѣмъ честнымъ дѣятелямъ самостоятельнаго развитія и добраго направленія славянской мысли и жизни!... *(рукоплесканія.)*

Волненіе все усиливалось. Никто уже не думалъ объ обѣдѣ. С. И. Баршевъ успѣлъ однакожь привлечь къ себѣ вниманіе короткимъ, но горячо сказаннымъ тостомъ за

всѣхъ тружениковъ славянской идеи, идеи общенія и за то, чтобы за нынѣшнимъ шагомъ къ общенію послѣдовали многіе другіе.

Рѣчи, не взирая на всю энергію ихъ произносившихъ, не могли не утомить присутствовавшихъ, тѣмъ болѣе что за переходомъ съ мѣста на мѣсто значительная часть речей терялась для большинства публики, и князь Голицынъ весьма кстати приказалъ грянуть: *Ахъ, вы сѣни, мои сѣни!* Но арсеналъ заявленій не былъ еще истощенъ. Д. И. Иловайскій, ко всеобщему удовольствію и при живѣйшемъ одобреніи сербскихъ гостей, произнесъ слѣдующія слова:

„Мы, русскіе Славяне, богаты надеждами на будущее, потому что мы выработали великую націю, гордую своимъ внутреннимъ единствомъ. Относительно нашихъ западныхъ и южныхъ соплеменниковъ, намъ не рѣдко приходится слышать о надеждахъ, возлагаемыхъ на федерализмъ; но федерализмъ мм гг., есть дѣло болѣе или менѣе случайное и всегда непрочное. Не федераціями движется впередъ исторія, а націями. Между нашими южными братьями есть народъ, который, хотя и не пользуется еще полною самобытностію, но отъ нея недалеко. Этотъ народъ—Сербы, которыхъ неукротимую энергію не могло сломить долговременное чуждое владычество; у нихъ уже есть прочное ядро, около котораго, по всей вѣроятности, соберутся и другія части сербскаго племени, чего мы пламенно желаемъ. Тогда этотъ народъ сложится въ крѣпкую націю и получитъ возможность вполнѣ развернуть таящіяся въ немъ великія силы. Мм. гг., позвольте провозгласить тостъ за успѣхи сербской самобытности и за здоровье ея настоящаго представителя, князя Михаила Сербскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаю отправить въ Бѣлградъ телеграмму о томъ, что мы, собравшіеся въ стѣнахъ старѣйшаго русскаго университета, купно съ нашими славянскими гостями, привѣтствуемъ Его Свѣтлость и, въ его лицѣ, весь героическій, въ націю слагающійся сербскій народъ.“

Тотчасъ же къ свѣтлѣйшему князю Михаилу была отправлена привѣтственная телеграмма.

Наконецъ ректоръ, едва покрывая своимъ голосомъ все

„У племени Славянъ, съ начала его христіанской исторіи, вѣра и наука шли дружно въ крѣпкомъ союзѣ между собою, не стѣсняя, а взаимно укрѣпляя одна другую. Первые насадители вѣры были вмѣстѣ съ тѣмъ и первыми дѣятелями науки. Первое слово, написанное изобрѣтенными тысячу лѣтъ назадъ славянскими буквами, было слово о Предвѣчномъ Словѣ искони, существующемъ въ Богѣ и дарующемъ жизнь и свѣтъ человѣкамъ....

„Даруй Боже, чтобъ и будущее духовное развитіе Славянъ соотвѣтствовало своему началу, чтобы вѣра и наука всегда были у Славянъ въ крѣпкомъ союзѣ между собою, какъ два различные, но изъ единаго первоначала исходящіе и къ единой конечной цѣли ведущіе пути,—къ разумѣнію единой и вѣчной божественной истины, — чтобы вѣра не была и посрамляема у Славянъ стѣсненіемъ науки, и наука не позорила себя отступленіемъ и враждой противъ вѣры, чтобы не зналъ здоровый организмъ славянскій тѣхъ разъѣдающихъ болей противорѣчія между мыслью и вѣрой, между анализомъ и чувствомъ, которыя выступаютъ такою страшною заразой въ цивилизаціи, выработавшейся не на православно-славянской почвѣ, чтобъ и художественное слово Славянъ было выраженіемъ не однѣхъ мыслей и чувствъ житейскихъ, но и прежде всего выраженіемъ глаголовъ Вѣчнаго Слова, искони сущаго въ Богѣ и облекшагося плотію ради человѣковъ....

„Тогда-то поистинѣ самостоятельное развитіе и духовное объединеніе Славянъ явилось бы не грозой, не гнетомъ для цивилизаціи другихъ народовъ, какъ этого опасаются, а зарей спасенія отъ погибельныхъ нравственныхъ болей, свѣтомъ въ откровеніе языкамъ, и славою людей славы по имени, людей Божіихъ по призванію чрезъ правую вѣру во Христа—племени славянскаго.

„Здравіе и слава всѣмъ честнымъ дѣятелямъ самостоятельнаго развитія и добраго направленія славянской мысли и жизни!... *(рукоплесканія.)*

Волненіе все усиливалось. Никто уже не думалъ объ обѣдѣ. С. И. Баршевъ успѣлъ однакожъ привлечь къ себѣ вниманіе короткимъ, но горячо сказаннымъ тостомъ за

всѣхъ тружениковъ славянской идеи, идеи общенія и за то, чтобы за нынѣшнимъ шагомъ къ общенію послѣдовали многіе другіе.

Рѣчи, не взирая на всю энергію ихъ произносившихъ, не могли не утомить присутствовавшихъ, тѣмъ болѣе что за переходомъ съ мѣста на мѣсто значительная часть речей терялась для большинства публики, и князь Голицынъ весьма кстати приказалъ грянуть: *Ахъ, вы сѣни, мои сѣни!* Но арсеналъ заявленій не былъ еще истощенъ. Д. И. Иловайскій, ко всеобщему удовольствію и при живѣйшемъ одобреніи сербскихъ гостей, произнесъ слѣдующія слова:

„Мы, русскіе Славяне, богаты надеждами на будущее, потому что мы выработали великую націю, гордую своимъ внутреннимъ единствомъ. Относительно нашихъ западныхъ и южныхъ соплеменниковъ, намъ не рѣдко приходится слышать о надеждахъ, возлагаемыхъ на федерализмъ; но федерализмъ мм гг., есть дѣло болѣе или менѣе случайное и всегда непрочное. Не федераціями движется впередъ исторія, а націями. Между нашими южными братьями есть народъ, который, хотя и не пользуется еще полною самобытностію, но отъ нея недалеко. Этотъ народъ—Сербы, которыхъ неукротимую энергію не могло сломить долговременное чуждое владычество; у нихъ уже есть прочное ядро, около котораго, по всей вѣроятности, соберутся и другія части сербскаго племени, чего мы пламенно желаемъ. Тогда этотъ народъ сложится въ крѣпкую націю и получитъ возможность вполнѣ развернуть таящіяся въ немъ великія силы. Мм. гг., позвольте провозгласить тостъ за успѣхи сербской самобытности и за здоровье ея настоящаго представителя, князя Михаила Сербскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаю отправить въ Бѣлградъ телеграмму о томъ, что мы, собравшіеся въ стѣнахъ старѣйшаго русскаго университета, купно съ нашими славянскими гостями, привѣтствуемъ Его Свѣтлость и, въ его лицѣ, весь героическій, въ націю слагающійся сербскій народъ."

Тотчасъ же къ свѣтлѣйшему князю Михаилу была отправлена привѣтственная телеграмма.

Наконецъ ректоръ, едва покрывая своимъ голосомъ все

возраставшій шумъ, провозгласилъ послѣдній тостъ за здравіе Государя Императора, сопровождавшійся звуками народнаго гимна.

Вечеромъ слѣдующаго дня, въ субботу 20-го мая, назначено было въ актовой залѣ университета засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности въ присутствіи славянскихъ гостей. Засѣданіе открыто въ $7^1/_2$ часовъ чтеніемъ статьи предсѣдателя Общества, Н. В. Калачова. Нашъ ученый юристъ указалъ прежде всего на живыя сношенія, которыя существовали въ древнія времена между разными славянскими племенами, производившими довольно живой обмѣнъ церковными книгами. Въ эти-то времена, сказалъ г. Калачовъ, положены были различными славянскими народами (они существовали тогда въ видѣ независимыхъ государствъ) основанія своего самостоятельнаго, самобытнаго права, и эти основанія имѣютъ много между собою общаго какъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся памятники,—Любушинъ Судъ, Русская Правда, Законникъ царя Душана. Нѣкоторыя изъ началъ самобытнаго славянскаго права признаны юристами западной Европы способными къ самому широкому развитію. Таковы принципы устности и публичности суда, третейскихъ судей, или разбирательства посредствомъ излюбленныхъ судей. Въ изученіи этихъ началъ общаго намъ всѣмъ права, заключилъ г. Калачовъ, мы найдемъ новыя точки соприкосновенія между нами. Но различіе славянскихъ нарѣчій чрезвычайно затрудняетъ это изученіе, указывая, съ другой стороны, на то, какъ было бы для славянства полезно, если-бы былъ одинъ общепонятный для всѣхъ образованныхъ Славянъ языкъ.

Рѣчь почтеннаго предсѣдателя была выслушана съ серіознымъ вниманіемъ, а заключеніе его было покрыто живымъ одобреніемъ. Съ большимъ участіемъ тоже были выслушаны проникнутыя теплымъ чувствомъ привѣтственныя стихотворенія кн. Цертелева и г. Миллера, вызвавшія громкія рукоплесканія.

Первый прочелъ:

„Сбылись завѣтныя горячія желанья,
Въ Москву стеклись для братскаго свиданья
Не чуждый людъ—свои, хвала роднымъ друзьямъ!
Славяне! вашъ приходъ отраденъ, дорогъ намъ!
Привѣтствуемъ васъ сердцу дорогіе,
Пришедшіе на Русь съ далекихъ странъ;
Вы намъ свои — вы намъ родные,
Мы всѣ, одна семья Славянъ!
Пусть время царствъ разъединяетъ насъ,
Но мысль, но духъ преградъ незнаютъ.
И чувства и языкъ всѣхъ насъ соединяютъ;
Любовью братскою привѣтствуемъ мы васъ!
На скромномъ праздникѣ науки
Господь привелъ сойтися намъ,
Такъ подадимъ другъ другу руки—
Какъ братья и друзья—съ мольбою къ Небесамъ,
Да ниспошлетъ Господь миръ и любовь святую
Народамъ всѣмъ и всѣмъ Царямъ,
Духъ единенія Славянскимъ племенамъ
И да хранитъ Онъ Русь—и намъ и вамъ родную!

Второй прочелъ:

„Братья гости дорогіе!
Вамъ престольная Москва,
Сердце теплое Россіи,
Шлетъ въ привѣтъ свои живыя
Задушевныя слова.

Наше чувство къ вамъ законно:
Вы по крови намъ свои—
Всѣ одной многомильонной,
Богомъ щедро одаренной,
Честной, доблестной семьи;

Вѣрьте жь: къ вамъ мы пламенѣемъ
Чувствомъ нѣжнымъ и святымъ,
Вашей скорбью мы болѣемъ,
Вашей славой дорожимъ,

И хранимъ одно желанье:
Чтобъ, дивясь, увидѣлъ свѣтъ,
Какъ свершится предвѣщанье,
Что повѣдалъ вашъ поэтъ:

„Поздно липа разцвѣтаетъ,
Но душистый цвѣтъ даетъ:
Онъ богатъ цѣлебной силой
И хранитъ янтарный медъ.“

Такъ и намъ, друзья и братья,
Поздній цвѣтъ на долю данъ;
Но за то онъ обѣщаетъ
Много благъ семьѣ Славянъ!

За симъ послѣдовала рѣчь А. А. Майкова, которую и приводимъ здѣсь вполнѣ:

„Милостивые государи!

„Наше Общество, слѣдя неотступно шагъ за шагомъ, за успѣхами науки роднаго языка и творческой мысли въ изящномъ словѣ, и само, какъ дѣятель, участвуя въ этихъ успѣхахъ, еще съ самаго обновленія своего, постоянно выражало въ своихъ трудахъ и дѣйствіяхъ потребность историко-сравнительнаго способа изученія, господствующаго теперь во всей современной наукѣ. Уже не разъ обращалось оно съ сочувственнымъ призывомъ къ своимъ и заграничнымъ славистамъ; уже не разъ изъ среды его членовъ звучало восторженное слово къ братьямъ Славянамъ. Но то, что мы усвоивали себѣ далекимъ разсудочнымъ познаваніемъ,— единство славянскаго представленія, оно-то казалось намъ лишь вождѣленною мечтою какъ скоро наши взоры обращались къ самой жизни... Но вдругъ, почти нежданно, мечта наша осуществилась... Что прежде представлялось намъ какъ бы „зерцáломъ въ гаданіи“, теперь мы видимъ „лицомъ къ лицу“, и въ этой живой дѣйствительности, въ кругу представителей всего возрожденнаго славянства, въ нашей теперешней бесѣдѣ, закрѣпляетъ изъ устъ въ уста, изъ сердца въ сердце связи нашего многообразнаго, но вмѣстѣ и единороднаго,—многоименнаго, но вмѣстѣ и единоименнаго племени — Славянскаго.

„Болѣе чѣмъ когда-либо удобнымъ считаю я въ настоящую минуту окинуть бѣглымъ взглядомъ водвореніе въ нашемъ отечествѣ новаго образовательнаго начала, которое въ такое короткое время уже такъ глубоко пустило

свои корни, что народъ нашъ самъ собою дошелъ до могучаго жизненнаго творчества, когда съ свободно-привѣтнымъ кликомъ и съ хлѣбомъ-солью, по своему стародавнему коренному обычаю, встрѣчаетъ онъ своихъ гостей и провожаетъ ихъ въ самое сердце своей родной земли.

„Я хочу сказать нѣсколько словъ о водвореніи у насъ славяновѣдѣнія.

„Мы Русскіе—вѣтвь Славянскаго племени, будучи частью общаго цѣлаго, мы носимъ въ себѣ лишь частное, видовое возраженіе общаго духа, который проявляется въ совокупности славянскихъ народностей. Частное выраженіе, существуя цѣлые вѣка, должно было самостоятельно видоизмѣняться подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій: отсюда разнообразіе общаго, самородные наплывы на частяхъ, ослабленіе крупныхъ родовыхъ очертаній, утрата единства и мѣстами забвеніе его. Но то, что утрачено у однихъ, могло сберечься у другихъ; то, что у однихъ сохранилось съ корнями и послѣдовательно, у другихъ осталось лишь отрывками. Оттого для насъ, Русскихъ, изученіе общаго должно было послужить дополненіемъ и объясненіемъ нашего частнаго, туземнаго; а это ближайшее къ намъ общее есть — славянство. Отъ изученія и познанія роднаго, мы должны перейдти къ изученію и познанію родственнаго. Славянство представляетъ еще ту особенность, что народы Славянскіе стоятъ на разныхъ ступеняхъ своеобразнаго развитія: что у однихъ уже отошло въ историческую давность, то у другихъ остается еще свѣжею современностію. Изъ сравнительнаго изученія раскроются тѣ общія свойства духа и нравственнаго облика, которыя освѣтятъ и опредѣлятъ сущность отдѣльной народности. Не смотря на различіе судебъ, постигшихъ Славянское племя, разнообразіе мѣстностей, гдѣ оно живетъ, безчисленное множество ступеней, на которыхъ является Славянинъ въ Европейской жизни, — до сихъ поръ въ славянской семьѣ поразительно ясно высказывается общеродовое единство; глубоко проникаетъ оно всю природу Славянъ. Вступая въ эту семью, мы невольно чувствуемъ себя въ родственной средѣ, и это чувство отрадно славянисту.

Его утѣшаетъ мысль, что труды его значительно облегчатся, плоды удесетерятся, достовѣрность выводовъ подтвердится, какъ скоро онъ, покинувъ тѣсный домашній очагъ, выйдетъ на широкое раздолье славянскаго міра; и куда бы ни направилъ онъ свои шаги — всюду придетъ къ своимъ соплеменникамъ съ увѣренностію, что пришелъ не чужимъ гостемъ и не въ чужой домъ, а родичемъ къ радушному хозяину, неся сочувствіе и вызывая взаимное пониманіе.

„Вотъ та начальная мысль, которая руководила при отправленіи за границу, въ концѣ 30 годовъ, молодыхъ ученыхъ, предназначенныхъ для занятія вновь открываемыхъ въ Русскихъ университетахъ славянскихъ каѳедръ.

„Теперь, когда весь славянскій міръ съ его чистыми, благородными помыслами и стремленіями, составляетъ предметъ нашего общественнаго сочувствія и входитъ уже въ существо нашего народа,—теперь учрежденіе славянскихъ каѳедръ представляется событіемъ первостепенной важности. Оно замкнуло узелъ, связующій одну изъ основныхъ нитей нашей внѣшней общеевропейской жизни со всѣми главнѣйшими нитями нашей внутренней жизни. Узнавши своихъ собратій Славянъ, нашъ народъ съ восторженнымъ единодушіемъ, съ полною горячности любовію долженъ былъ отозваться на призывъ славянскаго знанія. Открыто и смѣло могла заговорить Россія въ сонмѣ державъ и вести впередъ новую міровую идею — идею славянства, потому что она знала и знаетъ, что сзади нея стоитъ весь семидесяти-милліонный Русскій народъ, готовый поддержать родное слово всѣми силами своего бытія, уже вмѣстившаго въ себя полноту славянскаго духа.

„Задача славянскихъ каѳедръ состояла въ распространеніи славяновѣдѣнія, какъ новой образовательной стихіи въ народѣ.

„Я не стану распространяться здѣсь объ общественной подготовкѣ, которая совершалась исподволь съ самыхъ временъ Петра Великаго, какъ правительствомъ, которое постоянно заявляло южнымъ Славянамъ о единовѣріи и единоплеменности, такъ и отдѣльными лицами, каковы въ

нынѣшнемъ столѣтіи: Долуга Ходаковскій, Калайдовичъ, Кеппенъ, Востоковъ, Шишковъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ). Свѣдѣнія о Славянахъ распространились понемногу, но они не составляли еще предмета самостоятельнаго изученія. Мысль о Славянахъ витала тамъ и тутъ: ей нужно было спуститься на почву, дать корни. Недоставало сѣятелей!

„Сомнительно относившійся во всему положительному и самодовольному, всегда искавшій и ожидавшій чего-то бо̀льшаго и лучшаго, переходившій съ каѳедры на каѳедру, что̀ обнаруживало отчасти и обширность познаній и вмѣстѣ неудовлетворенность ими, Каченовскій, всегда добродушный и вмѣстѣ угрюмо-сосредоточенный, первый не удовольствовался русскими предѣлами для русской науки. Не дѣлая еще славяновѣдѣнія предметомъ особаго преподаванія, онъ уже для самого себя знакомился съ плодами дѣятельности славянскихъ ученыхъ; а когда въ послѣдній день 35-го года вышелъ полный университетскій уставъ: тогда каѳедра Исторіи и Литературъ Славянскихъ сама собою должна была достаться ему. Еще въ 1816 году онъ писалъ въ „Вѣстникѣ Европы“: „У насъ до сихъ поръ еще мало думали о томъ, сколь близкое имѣютъ родство съ нашимъ россійскимъ языкомъ многіе другіе, употребляемые какъ внутри отечества, такъ и внѣ предѣловъ онаго, и сколь великую пользу пріобрѣло бы отечественное наше слово, когда бы мы обратили вниманіе свое на составъ разныхъ славянскихъ нарѣчій, на образованіе ихъ и взаимныя отношенія между ними.“ Въ „Трудахъ“ же нашего Общества за 1817 годъ, онъ помѣстилъ замѣчательную по своей тогдашней новизнѣ статью о грамматикахъ славянскихъ нарѣчій, въ которой между прочимъ указалъ на великое значеніе Чеховъ въ Римской Имперіи при Карлѣ IV. А въ слѣдующемъ году, объявляя объ изданіи „Вѣстника Европы“ и направленіи его, онъ выставлялъ какъ главнѣйшій предметъ: старину отечественную, исторію Россійскаго и родственныхъ ему языковъ, дѣянія и обычаи народовъ славянскихъ. Такія объявленія повторялись имъ во всеуслышаніе, и онъ постоянно твердилъ, что Славяне— наши соплеменники, что знаніе ихъ исторіи, литературъ,

языковъ, обычаевъ для насъ не только полезно, но и необходимо.

„Въ то время какъ ученая дѣятельность Каченовскаго уже приближалась къ концу, — въ Москвѣ, еще полный свѣжихъ силъ, Хомяковъ обращалъ свои задушевныя поэтическія думы къ братьямъ Славянамъ: ихъ возрожденный духъ, ихъ борьба, ихъ чаянія, ихъ грядущее одушевляли его вмѣстѣ съ ними и что-то вѣщее, что-то ободряющее чуялось въ его словѣ. Еще въ началѣ 30-хъ годовъ написано имъ было столь извѣстное стихотвореніе „Славянскіе Орлы.“ И какъ бы возрадовался онъ вмѣстѣ съ нами, если бы дожилъ до этой минуты!

„Мнѣ кажется, я не ошибусь, если Каченовскаго и Хомякова назову первыми сѣятелями у насъ славянской мысли. Они не похожи были другъ на друга: они шли различными путями; но самое несходство ихъ было полезно, потому что сѣмена, ими брошенныя, падали по разнымъ направленіямъ. И надо сознаться, что съ ихъ легкой руки сѣмяна пали на благодатную почву.

„Тридцатые года замѣчательны тѣмъ, что въ это время окончательно совершилась у насъ подготовка въ дѣлѣ славяновѣдѣнія. Народный духъ раскрывался къ воспринятію въ себя славянской стихіи, которая уже давала себя предчувствовать и полнотою содержанія и новымъ запасомъ силъ. Мы уже имѣли порядочное количество свѣдѣній о Сербахъ; Венелинъ и Априловъ, равно новые какъ для насъ такъ и для Болгаръ, принесли къ намъ первыя вѣсти о Болгаріи; Ковалевскій и Поповъ уже побывали въ Черногоріи и познакомили насъ подробно съ исторіею, пѣснями, нравами и самою мѣстностію, столь дорогою для Черногорца. Въ предисловіи послѣдняго высказанъ взглядъ на славянство и его отношеніе къ Россіи. Западныхъ Славянъ мы уже умѣли различать по ихъ развѣтвленіямъ, и подъ искаженными нѣмецкими названіями безпрепятственно видѣли ихъ славянское происхожденіе. Уже переведена была граматика Добровскаго и начатъ переводъ „Славянскихъ Древностей“ Шафарика. Магистерская диссертація Бодянскаго „о народной поэзіи Славянъ“

Всегда ль къ Европѣ суесловной
Прикованъ будетъ родъ Славянъ?
Всего тяжеле плѣнъ духовный,
Больнѣе нѣтъ душевныхъ ранъ!

Не всѣ славянскіе народы
Узнали гнетъ чужой руки:
На тѣхъ поляхъ, гдѣ льются воды
Днѣпра и Волги и Оки,

Живетъ народъ не побѣжденный,
Смирившій множество враговъ,
Всегда предъ Господомъ смиренный,
Хранящій вѣру праотцовъ.

Но и къ нему, какъ испытанье
Соблазны запада вошли,
И подвигъ духа и сознанья
Ему готовится вдали.

О братья, плѣнъ тяжелый духа
Постыдный плѣнъ мы разорвемъ,
Всей силой нравственнаго слуха
Призывъ нашъ внутренній поймемъ!

Духъ братства кроткій, величавый,
Духъ мира снова воскресимъ
И скажемъ свѣту слово славы,
Еще неслыханное имъ.

Слѣдовавшая затѣмъ рѣчь П. А. Безсонова очертила предъ слушателями значеніе народнаго развитія и особенно народнаго пѣснотворчества въ дѣлѣ возрожденія Славянъ. И политическое распаденіе самобытныхъ государствъ, и разложеніе внутренней самостоятельности, совершившееся у Славянъ на глазахъ исторіи, остановилось дошедши до главнаго и единственнаго несокрушимаго оплота—простаго народа. „Народъ,—вотъ чѣмъ кончилась истекшая славянская исторія, полная горькихъ утратъ: вотъ чѣмъ началась новая полная свѣтлыхъ надеждъ.“ Но, если здѣсь первое условіе для славянскаго единства, то народное *пѣснотворчество* есть дальнѣйшая и высшая ступень сего единства, свидѣтельствующая уже о самообладаніи, о распорядительной власти народа надъ его собственными си-

она возстановила настоящее значеніе Славянъ въ судьбахъ средневѣковой и новой Европы; она напомнила давно забытыя славныя имена и указала пути, по которымъ шествовалъ славянскій духъ, то проявляя себя во всемъ блескѣ и могуществѣ, то изнемогая подъ тяжкими невзгодами,— и какъ небывалая новость раскрылся передъ нами весь славянскій міръ въ полнотѣ его народностей, съ его дѣяніями, пѣснями, литературою и говоромъ, съ его священными преданіями, съ его дорогими воспоминаніями, съ его завѣтными помыслами и желаніями.

„Въ 1843 году на публичномъ чтеніи о Славянахъ профессоръ Срезневскій выразился такъ: „Давно ли ученые труженики, въ своихъ скромныхъ углахъ, стали работать надъ изысканіями о Славянахъ, скрываясь какъ отшельники, не думая ни о вниманіи къ себѣ, ни о славѣ? Давно ли въ Европѣ заговорили о Славянахъ какъ будто о какой-нибудь Ногайской ордѣ? Тридцать лѣтъ тому — о Славянахъ никто почти не думалъ; двадцать лѣтъ — мало кто о нихъ писалъ; десять—мало кто хотѣлъ разсуждать о нихъ. А теперь? чуть не разомъ въ девяти городахъ Европы растворились аудиторіи для слушанія чтеній о Славянахъ. Время пришло. Оно само даетъ знать о себѣ; само обращаетъ дѣятельность къ тому, что ему нужно. Не каждый разгадаетъ къ чему оно ведетъ, но каждый идетъ за нимъ...“ И точно, прибавлю я, неудержимое теченіе духа времени обуяло все мыслящее, все говорящее, все читающее общество: волей-неволей каждый спѣшитъ стать въ передовую линію славянскихъ дѣятелей. Стало стыдомъ не знать о Славянахъ или отставать отъ знающихъ. Уже слушатели историко-филологическихъ факультетовъ ежегодно, одни за другими, оставляя университетскія аудиторіи, вносили въ народное образованіе и въ общественную среду зрѣлыя понятія о славянствѣ; а нѣкоторые изъ нихъ уже какъ второе поколѣніе вступили на славянскія каѳедры и успѣли лично познакомиться съ Славянами въ ихъ собственныхъ жилищахъ; другіе на другихъ служебныхъ поприщахъ не оставляютъ славяновѣдѣнія, какъ спеціальнаго предмета своихъ занятій; а третьи въ кругу представите-

лей Европы достойно поддерживаютъ славяно-русское воззрѣніе на ходъ событій. Я не стану называть поименно нашихъ славистовъ: они извѣстны и слишкомъ близки намъ. Равно не стану утомлять ваше вниманіе исчисленіемъ всего того, что сдѣлано по части славяновѣдѣнія со времени его водворенія у насъ: все это также болѣе или менѣе извѣстно. Упомяну только о ближайшихъ къ наукѣ проявленіяхъ самостоятельной мысли и изящнаго слова. Здѣсь, въ области чистаго мышленія, встрѣчаемъ мы имя Кирѣевскаго, котораго справедливо можно назвать исповѣдникомъ славянской мысли въ ея собственномъ развитіи: такъ глубоко, такъ ясно выработана имъ мысль; такъ сильно прочувствовано имъ сознаніе при осязательномъ пониманіи славянства. Здѣсь, въ области художественнаго слова, мы съ гордостію можемъ сказать, что мы богаты хотя сравнительно и не многими, однако прекрасными переводами славянской музы и превосходными стихотвореніями — истиннымъ украшеніемъ нашей поэзіи, каковы стихотворенія Хомякова, Тютчева, Вяземскаго, Аксаковыхъ, гр. Толстаго и другихъ. Въ журналистикѣ нашей 40-хъ годовъ пока еще одинъ только „Москвитянинъ" съ честію поддерживалъ право славянства на первое мѣсто въ нашихъ отечественныхъ интересахъ. Къ нему присоединялись порою и нѣкоторые издаваемые въ Москвѣ сборники. За то другія повременныя изданія, имѣющія чисто ученую и образовательную цѣль, уже отводили видное мѣсто для изысканій славянскихъ. Въ 50-хъ годахъ къ нимъ присоединились еще нѣкоторыя; а въ журналистикѣ начало, положенное „Москвитяниномъ," широкимъ образомъ повела „Русская Бесѣда."

„Въ заключеніе замѣчу, что каждый занимается тѣмъ предметомъ, который любитъ. Любятъ исторію, любятъ древніе языки, любятъ даже математику и химію; но тотъ, кто знакомъ у насъ съ ходомъ славяновѣдѣнія, не обинуясь, скажетъ, что не только наши слависты исключительно къ тому призванные, но и всѣ поборники славянства одушевлены не такою любовью, какою даже историкъ любитъ избранный имъ народъ во всеобщей исторіи. Та

любовь объективная; а любовь слависта—любовь живая, теплая, усердная. И это понятно, потому что куда ни упалъ мысленный взоръ русскаго слависта — онъ всюду видитъ родное; до какой бы струны жизни ни коснулась его рука—она вызываетъ знакомый отзвукъ. Быть можетъ, самая нераздѣльность предмета изученія и преподаванія способствуетъ этой любви. Каждый славистъ изучаетъ славянство всецѣльно, не разсѣкая по частямъ состава его бытія—и, оттого передъ нимъ возстаетъ полный образъ Славянина какъ живое историческое лицо... Много свѣтлыхъ дней пережилъ историческій Славянинъ; а еще болѣе того перенесъ тяжелыхъ испытаній, горькихъ разочарованій. Его древніе уставы исполнены правды и человѣчности. Онъ уже готовилъ освобожденіе Византіи отъ пришлыхъ Турокъ; онъ двигалъ основами Священной Римской Имперіи и завѣщалъ Европѣ вмѣстѣ съ пепломъ Гуса начатокъ духовной свободы. Ему ли послѣ жестокихъ погромовъ не вкусить было плодовъ своей первоначальной нивы? И снова воскресшій духъ воздвигъ его высоко передъ изумленною Европой и взоръ его, исполненный любви и упованія, обратился къ востоку... Такъ неужели передъ этимъ живымъ существомъ, самъ не оживетъ каждый русскій Славянинъ, почуя въ себѣ родное съ нимъ, и не отзовется тревожною душою на его горе и радость, на его дивную судьбу?... Вотъ почему такъ легко и быстро принялась у насъ славянская наука; вотъ почему она такъ плодотворно развивается. Передъ нею смолкаютъ всѣ наши домашнія распри; и если литература отражаетъ въ себѣ умственное движеніе народа, то нельзя не признать что глубокій смыслъ таится въ томъ, что теперь всѣ безъ исключенія изданія наши наперерывъ стараются помѣщать на своихъ страницахъ и на почетномъ мѣстѣ славянскія статьи, даже щеголяютъ ими. Славянству какъ видно предназначено внести къ намъ примиреніе и единодушіе.

„Наше общественное слово, теперь посвятившее себя преимущественно практическому рѣшенію насущныхъ потребностей жизни—рядомъ съ этими задачами съ особенною любовію говоритъ о славянствѣ. Не есть ли это признакъ того-

го, что отвлеченное сознаніе и творческая мысль подали уже руку житейской мудрости, и дѣятельная воля вступила въ обладаніе идеей. Всѣ силы духа сосредоточились на разрѣшеніи жизненныхъ вопросовъ, и въ нихъ участвуетъ теперь вся Россія, обновленная по слову Царя-Освободителя. Державное слово дало и ей свободу разумнаго слова—и она громко, во всеуслышаніе заявляетъ о своемъ сочувствіи къ братьямъ Славянамъ. Здѣсь видимо дѣйствуетъ народное творчество, творчество разумно-сознательное, которое какъ скоро завладѣетъ идеею — не покинетъ ея доколѣ не доведетъ до конечнаго оправданія въ своихъ судьбахъ. Передъ такимъ творчествомъ падаютъ предѣлы пространства и глубь вѣковъ становится говорящею, потому что идея уже въ рукахъ цѣлаго народа. Не здѣсь ли и лучшая награда слависту, который убѣждается, что слово его не прозвучало напрасно.

„Но намъ ли однимъ современникамъ величаться своими успѣхами? Мы ли первые вспахали славянскую ниву?

„Такъ почтимъ же здѣсь всѣмъ нашимъ братскимъ соборомъ, съ душою исполненною благоговѣйной признательности священную память тѣхъ первыхъ народолюбцевъ, тѣхъ тружениковъ науки, которые первые положили краеугольный камень возрожденному славянству, его же и врата адова не одолѣютъ! Почтимъ же, братья! память Обрадовича, Добровскаго, Ганки, Караджича, Шафарика, Юнгмана, Коляра, Челяковскаго. Они первые провидѣли и указали намъ путеводную звѣзду на славянскомъ небѣ. Ихъ духъ, сбросившій земные пути, уже не знаетъ земныхъ раздѣловъ и рубежей. Онъ любовно взираетъ безъ различія на все славянское потомство, которое они сходя въ могилу благословили на доброе дѣло. Ихъ наслѣдіе — наше общее наслѣдіе. И вотъ какъ бы исполняя завѣтъ всей ихъ жизни—сюда стеклись со всѣхъ концовъ славянскаго міра ихъ доблестные сподвижники, ихъ друзья и ученики, чтобы вкупѣ съ нами, здѣсь на свободной русской землѣ отпраздновать свободное единеніе славянскаго духа. Слава нашимъ гостямъ!"

Рѣчь А. Н. Майкова покрыта была продолжительными

рукоплесканіями. Послѣ того засѣданіе было прервано на нѣсколько минутъ. Его возобновилъ И. С. Аксаковъ, прочитавшій стихотвореніе покойнаго брата своего. Чтенію его онъ предпослалъ объясненіе той связи, въ какой находятся въ имени *Славянъ* понятія, заключающіяся въ словахъ: *слава* и *слово*. Вотъ это стихотвореніе:

Съ залогомъ славы, но не бренной,
О племя славы, ты стоишь,
И на племенъ потокъ смятенный
Съ надеждой ясною глядишь.

Когда кипя страстями звѣря,
Народы растерзали Римъ, —
И въ духъ, и въ жизнь, и въ братство вѣря,
Ты ненавистно стало имъ.

И ихъ озлобленная сила
Тебя мѣтою избрала,
Тебя терзала и губила,
Свершая страшныя дѣла, —

О племя славы, племя мира!
Въ бѣдѣ и злѣ со всѣхъ сторонъ,
Ты не хотѣло чтить кумира
Сихъ кровожаждущихъ племенъ;

Цѣною нравственнаго блага
Ты не купило торжества,
Хотя бы сила и отвага
Могли сберечь твои права.

Но въ звѣря ты не обратилось,
Но то что благъ земныхъ святѣй —
Сокровище въ тебѣ таилось
Духовной жизни съ давнихъ дней!...

Опаснѣй чужеземной власти
Для испытуемыхъ Славянъ,
Какъ тати вкравшіяся страсти
Лжепросвѣщенныхъ чуждыхъ странъ.

Не страхомъ входитъ къ нимъ измѣна,
Соблазнъ грозитъ ихъ обольстить
И внѣшній гнетъ и горечь плѣна
Духовнымъ рабствомъ замѣнить!...

Шафарика и Радивоевича. У председателя Общества Любителей Российской Словесности, Н. В. Калачева собирались многие изъ Славянъ послѣ обѣда 22-го мая для обсужденія вопроса о развитіи литературной взаимности и объ упрощеніи сношеній по книжной торговлѣ между Русскими и остальными Славянами. Въ тотъ же вечеръ собирались у С. М. Соловьева почетнѣйшіе между славянскими гостями, преимущественно занимающіеся исторіей и археологіей. Наконецъ многіе изъ славянскихъ гостей посѣтили профессоровъ университета, бывшихъ членами Комитета по устройству выставки.

Младшіе члены университетской семьи, студенты также сблизились съ представителями западныхъ и южныхъ Славянъ, прибывшими въ Москву.

Мысль посѣтить студентамъ славянскихъ гостей принадлежала присутствовавшимъ на публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, студентамъ юридическаго факультета Губину и Саблеру.

Дѣйствительно, 23-го мая, во вторникъ студенты юридическаго факультета Саблеръ, Губинъ, Щербачевъ, князь Цертелевъ, Кирѣевскій и нѣкоторые другіе, собравшись въ зданіи новаго университета—отправились въ 10 часовъ въ гостиницу Кокорева. Первый ихъ визитъ былъ Я. Ф. Головацкому. Почтенный канониъ принялъ весьма привѣтливо студентовъ. Онъ имъ, между прочимъ сказалъ: „мы люди старые, мы сдѣлать многаго уже не можемъ, и потому особенную надежду возлагаемъ на молодое поколѣніе.“ Онъ со всѣми перецѣловался, просилъ, чтобы каждый изъ студентовъ въ знакъ воспоминанія записалъ свою фамилію на листѣ бумаги, и прощаясь Головацкій сказалъ: „я желалъ бы, чтобы Галицкіе студенты, находящіеся въ университетѣ, были въ братской дружбѣ съ вами, господа. Дай Богъ, чтобъ и наша Галицкая и ваша молодежь была исполнена тѣхъ чувствъ, какими исполнены мы.“

Отъ Головацкаго студенты пошли къ Палацкому, отъ котораго только что вышелъ профессоръ Ф. И. Буслаевъ. Маститый исторіографъ благодарилъ студентовъ за посѣщеніе, сказалъ, что онъ уже просилъ профессора Буслаева,

Его утѣшаетъ мысль, что труды его значительно облегчатся, плоды удесетерятся, достовѣрность выводовъ подтвердится, какъ скоро онъ, покинувъ тѣсный домашній очагъ, выйдетъ на широкое раздолье славянскаго міра; и куда бы ни направилъ онъ свои шаги — всюду придетъ къ своимъ соплеменникамъ съ увѣренностію, что пришелъ не чужимъ гостемъ и не въ чужой домъ, а родичемъ къ радушному хозяину, неся сочувствіе и вызывая взаимное пониманіе.

„Вотъ та начальная мысль, которая руководила при отправленіи за границу, въ концѣ 30 годовъ, молодыхъ ученыхъ, предназначенныхъ для занятія вновь открываемыхъ въ Русскихъ университетахъ славянскихъ каѳедръ.

„Теперь, когда весь славянскій міръ съ его чистыми, благородными помыслами и стремленіями, составляетъ предметъ нашего общественнаго сочувствія и входитъ уже въ существо нашего народа,—теперь учрежденіе славянскихъ каѳедръ представляется событіемъ первостепенной важности. Оно замкнуло узелъ, связующій одну изъ основныхъ нитей нашей внѣшней общеевропейской жизни со всѣми главнѣйшими нитями нашей внутренней жизни. Узнавши своихъ собратій Славянъ, нашъ народъ съ восторженнымъ единодушіемъ, съ полною горячности любовію долженъ былъ отозваться на призывъ славянскаго знанія. Открыто и смѣло могла заговорить Россія въ сонмѣ державъ и вести впередъ новую міровую идею — идею славянства, потому что она знала и знаетъ, что сзади нея стоитъ весь семидесяти-милліонный Русскій народъ, готовый поддержать родное слово всѣми силами своего бытія, уже вмѣстившаго въ себя полноту славянскаго духа.

„Задача славянскихъ каѳедръ состояла въ распространеніи славяновѣдѣнія, какъ новой образовательной стихіи въ народѣ.

„Я не стану распространяться здѣсь объ общественной подготовкѣ, которая совершалась исподволь съ самыхъ временъ Петра Великаго, какъ правительствомъ, которое постоянно заявляло южнымъ Славянамъ о единовѣріи и единоплеменности, такъ и отдѣльными лицами, каковы въ

нынѣшнемъ столѣтіи: Долуга Ходаковскій, Калайдовичъ, Кеппенъ, Востоковъ, Шишковъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ). Свѣдѣнія о Славянахъ распространились понемногу, но они не составляли еще предмета самостоятельнаго изученія. Мысль о Славянахъ витала тамъ и тутъ: ей нужно было спуститься на почву, дать корни. Недоставало сѣятелей!

„Сомнительно относившійся ко всему положительному и самодовольному, всегда искавшій и ожидавшій чего-то бо́льшаго и лучшаго, переходившій съ каѳедры на каѳедру, что̀ обнаруживало отчасти и обширность познаній и вмѣстѣ неудовлетворенность ими, Каченовскій, всегда добродушный и вмѣстѣ угрюмо-сосредоточенный, первый не удовольствовался русскими предѣлами для русской науки. Не дѣлая еще славяновѣдѣнія предметомъ особаго преподаванія, онъ уже для самого себя знакомился съ плодами дѣятельности славянскихъ ученыхъ; а когда въ послѣдній день 35-го года вышелъ полный университетскій уставъ: тогда каѳедра Исторіи и Литературъ Славянскихъ сама собою должна была достаться ему. Еще въ 1816 году онъ писалъ въ „Вѣстникѣ Европы“: „У насъ до сихъ поръ еще мало думали о томъ, сколь близкое имѣютъ родство съ нашимъ россійскимъ языкомъ многіе другіе, употребляемые какъ внутри отечества, такъ и внѣ предѣловъ онаго, и сколь великую пользу пріобрѣло бы отечественное наше слово, когда бы мы обратили вниманіе свое на составъ разныхъ славянскихъ нарѣчій, на образованіе ихъ и взаимныя отношенія между ними.“ Въ „Трудахъ“ же нашего Общества за 1817 годъ, онъ помѣстилъ замѣчательную по своей тогдашней новизнѣ статью о грамматикахъ славянскихъ нарѣчій, въ которой между прочимъ указалъ на великое значеніе Чеховъ въ Римской Имперіи при Карлѣ IV. А въ слѣдующемъ году, объявляя объ изданіи „Вѣстника Европы“ и направленіи его, онъ выставлялъ какъ главнѣйшій предметъ: старину отечественную, исторію Россійскаго и родственныхъ ему языковъ, дѣянія и обычаи народовъ славянскихъ. Такія объявленія повторялись имъ во всеуслышаніе, и онъ постоянно твердилъ, что Славяне— наши соплеменники, что знаніе ихъ исторіи, литературъ,

рукоплесканіями. Послѣ того засѣданіе было прервано на нѣсколько минутъ. Его возобновилъ И. С. Аксаковъ, прочитавшій стихотвореніе покойнаго брата своего. Чтенію его онъ предпослалъ объясненіе той связи, въ какой находятся въ имени *Славянъ* понятія, заключающіяся въ словахъ: *слава* и *слово*. Вотъ это стихотвореніе:

Съ залогомъ славы, но не бренной,
О племя славы, ты стоишь,
И на племенъ потокъ смятенный
Съ надеждой ясною глядишь.

Когда кипя страстями звѣря,
Народы растерзали Римъ, —
И въ духъ, и въ жизнь, и въ братство вѣря,
Ты ненавистно стало имъ.

И ихъ озлобленная сила
Тебя мѣтою избрала,
Тебя терзала и губила,
Свершая страшныя дѣла, —

О племя славы, племя мира!
Въ бѣдѣ и злѣ со всѣхъ сторонъ,
Ты не хотѣло чтить кумира
Сихъ кровожаждущихъ племенъ;

Цѣною нравственнаго блага
Ты не купило торжества,
Хотя бы сила и отвага
Могли сберечь твои права.

Но въ звѣря ты не обратилось,
Но то что благъ земныхъ святѣй —
Сокровище въ тебѣ таилось
Духовной жизни съ давнихъ дней!...

Опаснѣй чужеземной власти
Для испытуемыхъ Славянъ,
Какъ тати вкравшіяся страсти
Лжепросвѣщенныхъ чуждыхъ странъ.

Не страхомъ входитъ къ нимъ измѣна,
Соблазнъ грозитъ ихъ обольстить
И внѣшній гнетъ и горечь плѣна
Духовнымъ рабствомъ замѣнить!...

дала живое содержаніе въ тѣ общія понятія, которыя раждались при имени той или другой славянской народности. Она въ свою пору произвела сильное впечатлѣніе новизною предмета.... А за границей въ то же время молодые ученые, предназначенные для славянскихъ каѳедръ, закрѣпляли свои связи съ представителями возрожденнаго славянства. Тамъ доступною стала для нихъ вся славянская литература и наука; тамъ вели они бесѣды и съ учеными и съ поэтами; тамъ странствовали они изъ селенія въ селеніе, изъ города въ городъ, изучая старинные памятники и присматриваясь къ народу, свыкаясь съ его говоромъ. Одновременно съ ними путешествовали два профессора; Шевыревъ пріобрѣталъ, по его собственному признанію „поучительныя" знакомства съ Ганкою, Шафарикомъ, Челоковскимъ, Палацкимъ. Погодинъ попеременно бывалъ то въ кабинетѣ ученаго для важнѣйшихъ вопросовъ науки, то въ средѣ народа для непосредственнаго изученія жизни и со свойственными ему прямизною взгляи зрѣлостію наблюденія вникалъ въ смыслъ славянскаго движенія, въ его положеніе къ инороднымъ племенамъ, его стремленія, его политическое значеніе, его славныя и слабыя стороны, его отношенія къ Россіи и связь съ ея будущимъ назначеніемъ; многія его замѣчанія оправдались; многое, что онъ предсказывалъ, сбылось или сбывается.

„Наконецъ наступили 40-е года. Славянисты возвратились изъ за-границы, воодушевленные любовью къ своему предмету воодушевляя ею и другихъ:—и это по тому что они прямо соприкасались славянству на самомъ мѣстѣ его возрожденія тамъ, гдѣ воскресъ славянскій духъ, гдѣ онъ вѣялъ живою силою во всемъ: и въ мысли, и въ словѣ и въ дѣлѣ; тамъ вокругъ нихъ ужь все кипѣло обновленною жизнію, все быстро двигалось впередъ.... Съ каѳедръ славянскихъ раздались славянскіе звуки... Десятки, потомъ сотни учащихся, изъ разныхъ сословій, узнали, что въ Европѣ живетъ цѣлая семья родственныхъ намъ народностей, которыя имѣютъ свою исторію, свою литературу, свои преданія. Наука указала имъ тѣ широкіе предѣлы, въ которыхъ разселилось нѣкогда славянское племя;

она возстановила настоящее значеніе Славянъ въ судьбахъ средневѣковой и новой Европы; она напомнила давно забытыя славныя имена и указала пути, по которымъ шествовалъ славянскій духъ, то проявляя себя во всемъ блескѣ и могуществѣ, то изнемогая подъ тяжкими невзгодами,— и какъ небывалая новость раскрылся передъ нами весь славянскій міръ въ полнотѣ его народностей, съ его дѣяніями, пѣснями, литературою и говоромъ, съ его священными преданіями, съ его дорогими воспоминаніями, съ его завѣтными помыслами и желаніями.

„Въ 1843 году на публичномъ чтеніи о Славянахъ профессоръ Срезневскій выразился такъ: „Давно ли ученые труженики, въ своихъ скромныхъ углахъ, стали работать надъ изысканіями о Славянахъ, скрываясь какъ отшельники, не думая ни о вниманіи къ себѣ, ни о славѣ? Давно ли въ Европѣ заговорили о Славянахъ какъ будто о какой-нибудь Ногайской ордѣ? Тридцать лѣтъ тому — о Славянахъ никто почти не думалъ; двадцать лѣтъ — мало кто о нихъ писалъ; десять—мало кто хотѣлъ разсуждать о нихъ. А теперь? чуть не разомъ въ девяти городахъ Европы растворились аудиторіи для слушанія чтеній о Славянахъ. Время пришло. Оно само даетъ знать о себѣ; само обращаетъ дѣятельность къ тому, что ему нужно. Не каждый разгадаетъ къ чему оно ведетъ, но каждый идетъ за нимъ...“ И точно, прибавлю я, неудержимое теченіе духа времени обуяло все мыслящее, все говорящее, все читающее общество: волей-неволей каждый спѣшить стать въ передовую линію славянскихъ дѣятелей. Стало стыдомъ не знать о Славянахъ или отставать отъ знающихъ. Уже слушатели историко-филологическихъ факультетовъ ежегодно, одни за другими, оставляя университетскія аудиторіи, вносили въ народное образованіе и въ общественную среду зрѣлыя понятія о славянствѣ; а нѣкоторые изъ нихъ уже какъ второе поколѣніе вступили на славянскія каѳедры и успѣли лично познакомиться съ Славянами въ ихъ собственныхъ жилищахъ; другіе на другихъ служебныхъ поприщахъ не оставляютъ славяновѣдѣнія, какъ спеціальнаго предмета своихъ занятій; а третьи въ кругу представите-

лей Европы достойно поддерживают славяно-русское воззрение на ход событий. Я не стану называть поименно наших славистов: они известны и слишком близки нам. Равно не стану утомлять ваше внимание исчислением всего того, что сделано по части славяноведения со времени его водворения у нас: все это также более или менее известно. Упомяну только о ближайших к науке проявлениях самостоятельной мысли и изящнаго слова. Здесь, в области чистаго мышления, встречаем мы имя Киреевскаго, котораго справедливо можно назвать исповедником славянской мысли в ея собственном развитии: так глубоко, так ясно выработана им мысль; так сильно прочувствовано им сознание при осязательном понимании славянства. Здесь, в области художественнаго слова, мы с гордостию можем сказать, что мы богаты хотя сравнительно и не многими, однако прекрасными переводами славянской музы и превосходными стихотворениями — истинным украшением нашей поэзии, каковы стихотворения Хомякова, Тютчева, Вяземскаго, Аксаковых, гр. Толстаго и других. В журналистике нашей 40-х годов пока еще один только „Москвитянин" с честию поддерживал право славянства на первое место в наших отечественных интересах. К нему присоединялись порою и некоторые издаваемые в Москве сборники. За то другия повременныя издания, имеющия чисто ученую и образовательную цель, уже отводили видное место для изысканий славянских. В 50-х годах к ним присоединились еще некоторыя; а в журналистике начало, положенное „Москвитянином," широким образом повела „Русская Беседа."

„В заключение замечу, что каждый занимается тем предметом, который любит. Любят историю, любят древние языки, любят даже математику и химию; но тот, кто знаком у нас с ходом славяноведения, не обинуясь, скажет, что не только наши слависты исключительно к тому призванные, но и все поборники славянства одушевлены не такою любовью, какою даже историк любит избранный им народ во всеобщей истории. Та

любовь объективная; а любовь слависта—любовь живая, теплая, усердная. И это понятно, потому что куда ни падалъ мысленный взоръ русскаго слависта—онъ всюду видитъ родное; до какой бы струны жизни ни коснулась его рука—она вызываетъ знакомый отзвукъ. Быть можетъ, самая нераздѣльность предмета изученія и преподаванія способствуетъ этой любви. Каждый славистъ изучаетъ славянство всецѣльно, не разсѣкая по частямъ состава его бытія—и оттого передъ нимъ возстаетъ полный образъ Славянина какъ живое историческое лицо... Много свѣтлыхъ дней пережилъ историческій Славянинъ; а еще болѣе того перенесъ тяжелыхъ испытаній, горькихъ разочарованій. Его древніе уставы исполнены правды и человѣчности. Онъ уже готовилъ освобожденіе Византіи отъ пришлыхъ Турокъ; онъ двигалъ основами Священной Римской Имперіи и завѣщалъ Европѣ вмѣстѣ съ пепломъ Гуса начатокъ духовной свободы. Ему ли послѣ жестокихъ погромовъ не вкусить было плодовъ своей первоначальной нивы? И снова воскресшій духъ воздвигъ его высоко передъ изумленною Европой и взоръ его, исполненный любви и упованія, обратился къ востоку... Такъ неужели передъ этимъ живымъ существомъ, самъ не оживетъ каждый русскій Славянинъ, почуя въ себѣ родное съ нимъ, и не отзовется тревожною душою на его горе и радость, на его дивную судьбу?... Вотъ почему такъ легко и быстро принялась у насъ славянская наука; вотъ почему она такъ плодотворно развивается. Передъ нею смолкаютъ всѣ наши домашнія распри; и если литература отражаетъ въ себѣ умственное движеніе народа, то нельзя не признать что глубокій смыслъ таится въ томъ, что теперь всѣ безъ исключенія изданія наши наперерывъ стараются помѣщать на своихъ страницахъ и на почетномъ мѣстѣ славянскія статьи, даже щеголяютъ ими. Славянству какъ видно предназначено внести къ намъ примиреніе и единодушіе.

„Наше общественное слово, теперь посвятившее себя преимущественно практическому рѣшенію насущныхъ потребностей жизни—рядомъ съ этими задачами съ особенною любовію говоритъ о славянствѣ. Не есть ли это признакъ то-

го, что отвлеченное сознаніе и творческая мысль подали уже руку житейской мудрости, и дѣятельная воля вступила въ обладаніе идеей. Всѣ силы духа сосредоточились на разрѣшеніи жизненныхъ вопросовъ, и въ нихъ участвуетъ теперь вся Россія, обновленная по слову Царя-Освободителя. Державное слово дало и ей свободу разумнаго слова—и она громко, во всеуслышаніе заявляетъ о своемъ сочувствіи къ братьямъ Славянамъ. Здѣсь видимо дѣйствуетъ народное творчество, творчество разумно-сознательное, которое какъ скоро завладѣетъ идеею — не покинетъ ея доколѣ не доведетъ до конечнаго оправданія въ своихъ судьбахъ. Передъ такимъ творчествомъ падаютъ предѣлы пространства и глубь вѣковъ становится говорящею, потому что идея уже въ рукахъ цѣлаго народа. Не здѣсь ли и лучшая награда славису, который убѣждается, что слово его не прозвучало напрасно.

„Но намъ ли однимъ современникамъ величаться своими успѣхами? Мы ли первые вспахали славянскую ниву?

„Такъ почтимъ же здѣсь всѣмъ нашимъ братскимъ соборомъ, съ душою исполненною благоговѣйной признательности священную память тѣхъ первыхъ народолюбцевъ, тѣхъ тружениковъ науки, которые первые положили краеугольный камень возрожденному славянству, его же и врата адова не одолѣютъ! Почтимъ же, братья! память Обрадовича, Добровскаго, Ганки, Караджича, Шафарика, Юнгмана, Коляра, Челяковскаго. Они первые провидѣли и указали намъ путеводную звѣзду на славянскомъ небѣ. Ихъ духъ, сбросившій земные пути, уже не знаетъ земныхъ раздѣловъ и рубежей. Онъ любовно взираетъ безъ различія на все славянское потомство, которое они сходя въ могилу благословили на доброе дѣло. Ихъ наслѣдіе — наше общее наслѣдіе. И вотъ какъ бы исполняя завѣтъ всей ихъ жизни—сюда стеклись со всѣхъ концовъ славянскаго міра ихъ доблестные сподвижники, ихъ друзья и ученики, чтобы вкупѣ съ нами, здѣсь на свободной русской землѣ отпраздновать свободное единеніе славянскаго духа. Слава нашимъ гостямъ!“

Рѣчь А. Н. Майкова покрыта была продолжительными

она возстановила настоящее значеніе Славянъ въ судьбахъ средневѣковой и новой Европы; она напомнила давно забытыя славныя имена и указала пути, по которымъ шествовалъ славянскій духъ, то проявляя себя во всемъ блескѣ и могуществѣ, то изнемогая подъ тяжкими невзгодами,— и какъ небывалая новость раскрылся передъ нами весь славянскій міръ въ полнотѣ его народностей, съ его дѣяніями, пѣснями, литературою и говоромъ, съ его священными преданіями, съ его дорогими воспоминаніями, съ его завѣтными помыслами и желаніями.

„Въ 1843 году на публичномъ чтеніи о Славянахъ профессоръ Срезневскій выразился такъ: „Давно ли ученые труженики, въ своихъ скромныхъ углахъ, стали работать надъ изысканіями о Славянахъ, скрываясь какъ отшельники, не думая ни о вниманіи къ себѣ, ни о славѣ? Давно ли въ Европѣ заговорили о Славянахъ какъ будто о какой-нибудь Ногайской ордѣ? Тридцать лѣтъ тому — о Славянахъ никто почти не думалъ; двадцать лѣтъ — мало кто о нихъ писалъ; десять—мало кто хотѣлъ разсуждать о нихъ. А теперь? чуть не разомъ въ девяти городахъ Европы растворились аудиторіи для слушанія чтеній о Славянахъ. Время пришло. Оно само даетъ знать о себѣ; само обращаетъ дѣятельность къ тому, что ему нужно. Не каждый разгадаетъ къ чему оно ведетъ, но каждый идетъ за нимъ...“ И точно, прибавлю я, неудержимое теченіе духа времени обуяло все мыслящее, все говорящее, все читающее общество: волей-неволей каждый спѣшить стать въ передовую линію славянскихъ дѣятелей. Стало стыдомъ не знать о Славянахъ или отставать отъ знающихъ. Уже слушатели историко-филологическихъ факультетовъ ежегодно, одни за другими, оставляя университетскія аудиторіи, вносили въ народное образованіе и въ общественную среду зрѣлыя понятія о славянствѣ; а нѣкоторые изъ нихъ уже какъ второе поколѣніе вступили на славянскія каѳедры и успѣли лично познакомиться съ Славянами въ ихъ собственныхъ жилищахъ; другіе на другихъ служебныхъ поприщахъ не оставляютъ славяновѣдѣнія, какъ спеціальнаго предмета своихъ занятій; а третьи въ кругу представите-

Всегда ль къ Европѣ суесловной
Прикованъ будетъ родъ Славянъ?
Всего тяжеле плѣнъ духовный,
Больнѣе нѣтъ душевныхъ ранъ!

Не всѣ славянскіе народы
Узнали гнетъ чужой руки:
На тѣхъ поляхъ, гдѣ льются воды
Днѣпра и Волги и Оки,

Живетъ народъ не побѣжденный,
Смирившій множество враговъ,
Всегда предъ Господомъ смиренный,
Хранящій вѣру праотцовъ.

Но и къ нему, какъ испытанье
Соблазны запада вошли,
И подвигъ духа и сознанья
Ему готовится вдали.

О братья, плѣнъ тяжелый духа
Постыдный плѣнъ мы разорвемъ,
Всей силой нравственнаго слуха
Призывъ нашъ внутренній поймемъ!

Духъ братства кроткій, величавый,
Духъ мира снова воскресимъ
И скажемъ свѣту слово славы,
Еще неслыханное имъ.

Слѣдовавшая затѣмъ рѣчь П. А. Безсонова очертила предъ слушателями значеніе народнаго развитія и особенно народнаго пѣснотворчества въ дѣлѣ возрожденія Славянъ. И политическое распаденіе самобытныхъ государствъ, и разложеніе внутренней самостоятельности, совершившееся у Славянъ на глазахъ исторіи, остановилось дошедши до главнаго и единственнаго несокрушимаго оплота—простаго народа. „Народъ,—вотъ чѣмъ кончилась истекшая славянская исторія, полная горькихъ утратъ: вотъ чѣмъ началась новая полная свѣтлыхъ надеждъ.“ Но, если здѣсь первое условіе для славянскаго единства, то народное *пѣснотворчество* есть дальнѣйшая и высшая ступень сего единства, свидѣтельствующая уже о самообладаніи, о распорядительной власти народа надъ его собственными си-

любовь объективная; а любовь слависта—любовь живая, теплая, усердная. И это понятно, потому что куда бы ни палъ мысленный взоръ русскаго слависта—онъ всюду видитъ родное; до какой бы струны жизни ни коснулась его рука—она вызываетъ знакомый отзвукъ. Быть можетъ, самая нераздѣльность предмета изученія и преподаванія способствуетъ этой любви. Каждый славистъ изучаетъ славянство всецѣльно, не разсѣкая по частямъ состава его бытія—и оттого передъ нимъ возстаетъ полный образъ Славянина какъ живое историческое лицо... Много свѣтлыхъ дней пережилъ историческій Славянинъ; а еще болѣе того перенесъ тяжелыхъ испытаній, горькихъ разочарованій. Его древніе уставы исполнены правды и человѣчности. Онъ уже готовилъ освобожденіе Византіи отъ пришлыхъ Турокъ; онъ двигалъ основами Священной Римской Имперіи и завѣщалъ Европѣ вмѣстѣ съ пепломъ Гуса начатокъ духовной свободы. Ему ли послѣ жестокихъ погромовъ не вкусить было плодовъ своей первоначальной нивы? И снова воскресшій духъ воздвигъ его высоко передъ изумленною Европой и взоръ его, исполненный любви и упованія, обратился къ востоку... Такъ неужели передъ этимъ живымъ существомъ, самъ не оживетъ каждый русскій Славянинъ, почуя въ себѣ родное съ нимъ, и не отзовется тревожною душою на его горе и радость, на его дивную судьбу?... Вотъ почему такъ легко и быстро принялась у насъ славянская наука; вотъ почему она такъ плодотворно развивается. Передъ нею смолкаютъ всѣ наши домашнія распри; и если литература отражаетъ въ себѣ умственное движеніе народа, то нельзя не признать что глубокій смыслъ таится въ томъ, что теперь всѣ безъ исключенія изданія наши наперерывъ стараются помѣщать на своихъ страницахъ и на почетномъ мѣстѣ славянскія статьи, даже щеголяютъ ими. Славянству какъ видно предназначено внести къ намъ примиреніе и единодушіе.

„Наше общественное слово, теперь посвятившее себя преимущественно практическому рѣшенію насущныхъ потребностей жизни—рядомъ съ этими задачами съ особенною любовію говоритъ о славянствѣ. Не есть ли это признакъ то-

го, что отвлеченное сознаніе и творческая мысль подали уже руку житейской мудрости, и дѣятельная воля вступила въ обладаніе идеей. Всѣ силы духа сосредоточились на разрѣшеніи жизненныхъ вопросовъ, и въ нихъ участвуетъ теперь вся Россія, обновленная по слову Царя-Освободителя. Державное слово дало и ей свободу разумнаго слова—и она громко, во всеуслышаніе заявляетъ о своемъ сочувствіи къ братьямъ Славянамъ. Здѣсь видимо дѣйствуетъ народное творчество, творчество разумно-сознательное, которое какъ скоро завладѣетъ идеею — не покинетъ ея доколѣ не доведетъ до конечнаго оправданія въ своихъ судьбахъ. Передъ такимъ творчествомъ падаютъ предѣлы пространства и глубь вѣковъ становится говорящею, потому что идея уже въ рукахъ цѣлаго народа. Не здѣсь ли и лучшая награда слависту, который убѣждается, что слово его не прозвучало напрасно.

„Но намъ ли однимъ современникамъ величаться своими успѣхами? Мы ли первые вспахали славянскую ниву?

„Такъ почтимъ же здѣсь всѣмъ нашимъ братскимъ соборомъ, съ душою исполненною благоговѣйной признательности священную память тѣхъ первыхъ народолюбцевъ, тѣхъ тружениковъ науки, которые первые положили краеугольный камень возрожденному славянству, его же и врата адова не одолѣютъ! Почтимъ же, братья! память Обрадовича, Добровскаго, Ганки, Караджича, Шафарика, Юнгмана, Коляра, Челяковскаго. Они первые провидѣли и указали намъ путеводную звѣзду на славянскомъ небѣ. Ихъ духъ, сбросившій земные пути, уже не знаетъ земныхъ раздѣловъ и рубежей. Онъ любовно взираетъ безъ различія на все славянское потомство, которое они сходя въ могилу благословили на доброе дѣло. Ихъ наслѣдіе — наше общее наслѣдіе. И вотъ какъ бы исполняя завѣтъ всей ихъ жизни — сюда стеклись со всѣхъ концовъ славянскаго міра ихъ доблестные сподвижники, ихъ друзья и ученики, чтобы вкупѣ съ нами, здѣсь на свободной русской землѣ отпраздновать свободное единеніе славянскаго духа. Слава нашимъ гостямъ!“

Рѣчь А. Н. Майкова покрыта была продолжительными

рукоплесканіями. Послѣ того засѣданіе было прервано на нѣсколько минутъ. Его возобновилъ И. С. Аксаковъ, прочитавшій стихотвореніе покойнаго брата своего. Чтенію его онъ предпослалъ объясненіе той связи, въ какой находятся въ имени *Славянъ* понятія, заключающіяся въ словахъ: *слава* и *слово*. Вотъ это стихотвореніе:

Съ залогомъ славы, но не бренной,
О племя славы, ты стоишь,
И на племенъ потокъ смятенный
Съ надеждой ясною глядишь.

Когда кипя страстями звѣря,
Народы растерзали Римъ, —
И въ духъ, и въ жизнь, и въ братство вѣря,
Ты ненавистно стало имъ.

И ихъ озлобленная сила
Тебя мѣтою избрала,
Тебя терзала и губила,
Свершая страшныя дѣла, —

О племя славы, племя мира!
Въ бѣдѣ и злѣ со всѣхъ сторонъ,
Ты не хотѣло чтить кумира
Сихъ кровожаждущихъ племенъ;

Цѣною нравственнаго блага
Ты не купило торжества,
Хотя бы сила и отвага
Могли сберечь твои права.

Но въ звѣря ты не обратилось,
Но то что благъ земныхъ святѣй —
Сокровище въ тебѣ таилось
Духовной жизни съ давнихъ дней!...

Опаснѣй чужеземной власти
Для испытуемыхъ Славянъ,
Какъ тати вкравшіяся страсти
Лжепросвѣщенныхъ чуждыхъ странъ.

Не страхомъ входитъ къ нимъ измѣна,
Соблазнъ грозитъ ихъ обольститъ
И внѣшній гнетъ и горечь плѣна
Духовнымъ рабствомъ замѣнить!...

Васъ согрѣвало, васъ живило
Преданье свѣтлой старины;
Въ васъ кровь, въ васъ сердце говорило:
„Мы не рабами рождены!“
Чрезъ всѣ лишенья, козни, муки,
Какъ стягъ народности своей,
Вы пронесли святые звуки,
Родныхъ напѣвовъ и рѣчей.
Услада вашей скорбной доли,
Въ васъ не заглохъ во дни неволи
Святой поэзіи родникъ
И все течетъ свѣтлѣй и шире
И все смѣлѣй на вашей лирѣ
Гремитъ свободы честный кликъ.

Хвала же вамъ друзья и братья,
Что вы на зовъ нашъ притекли!
Привѣтъ вамъ, жаркія объятья,
Поклонъ вамъ низкій — до земли.
Узнайте насъ, побудьте съ нами,
И полюбуйтеся Москвой
И преклонитесь предъ гробами
Мужей, избранныхъ небесами,
И чтимыхъ Русскою землей.
И возвратясь въ края родные —
Въ Загребъ, и Прагу и Бѣлградъ,
Въ поля Червонныя Россіи,
Къ стопамъ Балкана и Карпатъ,
Скажите юнымъ поколѣньямъ,
Что вашимъ чуднымъ возрожденьемъ
Мы здѣсь гордимся, какъ своимъ,
Что ваши славныя преданья,
И ваши слезы и страданья,
Понятны, святы намъ однимъ.
Да не введутъ ихъ въ искушенье
Навѣты, ласки и прельщенья
Народовъ Запада: — они
Вамъ не друзья: ихъ злыя козни
Вселяли духъ вражды и розни
Въ семьѣ Славянской искони.
И медъ ихъ лести ядовитой,
И блескъ лукавыхъ ихъ даровъ,

Опаснѣй вамъ вражды открытой
Свирѣпыхъ Азіи сыновъ.
Ихъ оку больно, ненавистно,
Встрѣчать зари Славянской свѣтъ;
Лишь мы васъ любимъ безкорыстно,
Лишь въ нашемъ словѣ лести нѣтъ.
Отъ васъ, быть можетъ, недалеко
Тѣхъ испытаній тяжкихъ дни,
Когда грознѣй сыновъ Востока
Предъ вами явятся они:
Воспрянетъ ихъ вражда слѣпая,
Личины дружбы съ нихъ спадутъ,
И только Богъ да Русь святая
Опоры руку вамъ дадутъ.

Авторъ читалъ свои стихи съ жаромъ искреннимъ, не поддѣльнымъ и, можно сказать, срывалъ рукоплесканія почти на каждой строкѣ. Когда же намекнувъ на опасности, которыя еще болѣе угрожаютъ западнымъ чѣмъ южнымъ Славянамъ, поэтъ произнесъ:

И только Богъ, да Русь святая
Опоры руку вамъ дадутъ, —

то громъ рукоплесканій и криковъ потрясъ залу. Нѣсколько послѣднихъ строфъ было повторено авторомъ по требованію присутствовавшихъ.

Повидимому и московскіе пріѣзжіе гости остались довольны вечеромъ.

Остатокъ вечера значительная доля славянскихъ гостей употребили на то, чтобы побывать у ректора университета, С. И. Баршева.

Такъ кончились празднества, устроенныя въ честь пріѣхавшихъ въ Москву славянскихъ гостей. Но этимъ не прекратились, а только стали живѣе дружескія отношенія пріѣзжихъ къ членамъ университета. Многіе изъ профессоровъ, особенно Историко-Филологическаго Факультета, бывавшіе прежде въ славянскихъ земляхъ, были посѣщены пріѣзжими гостями. Профессора медицинскаго факультета имѣли свиданія съ пріѣзжими медиками; а Общество Русскихъ Врачей избрало въ свои члены гг. Гамерника, Дучмана,

Шафарика и Радивоевича. У председателя Общества Любителей Россійской Словесности, Н. В. Калачева собирались многіе изъ Славянъ после обеда 22-го мая для обсужденія вопроса о развитіи литературной взаимности и объ упрощеніи сношеній по книжной торговле между Русскими и остальными Славянами. Въ тотъ же вечеръ собирались у С. М. Соловьева почетнейшіе между славянскими гостями, преимущественно занимающіеся исторіей и археологіей. Наконецъ многіе изъ славянскихъ гостей посетили профессоровъ университета, бывшихъ членами Комитета по устройству выставки.

Младшіе члены университетской семьи, студенты также сблизились съ представителями западныхъ и южныхъ Славянъ, прибывшими въ Москву.

Мысль посетить студентамъ славянскихъ гостей принадлежала присутствовавшимъ на публичномъ заседаніи Общества Любителей Россійской Словесности, студентамъ юридическаго факультета Губину и Саблеру.

Действительно, 23-го мая, во вторникъ студенты юридическаго факультета Саблеръ, Губинъ, Щербачевъ, князь Цертелевъ, Киреевскій и некоторые другіе, собравшись въ зданіи новаго университета—отправились въ 10 часовъ въ гостиницу Кокорева. Первый ихъ визитъ былъ Я. Ф. Головацкому. Почтенный каноникъ принялъ весьма приветливо студентовъ. Онъ имъ, между прочимъ сказалъ: „мы люди старые, мы сделать многаго уже не можемъ, и потому особенную надежду возлагаемъ на молодое поколеніе." Онъ со всеми перецеловался, просилъ, чтобы каждый изъ студентовъ въ знакъ воспоминанія записалъ свою фамилію на листе бумаги, и прощаясь Головацкій сказалъ: „я желалъ бы, чтобы Галицкіе студенты, находящіеся въ университете, были въ братской дружбе съ вами, господа. Дай Богъ, чтобъ и наша Галицкая и ваша молодежь была исполнена техъ чувствъ, какими исполнены мы."

Отъ Головацкаго студенты пошли къ Палацкому, отъ котораго только что вышелъ профессоръ Ф. И. Буслаевъ. Маститый исторіографъ благодарилъ студентовъ за посещеніе, сказалъ, что онъ уже просилъ профессора Буслаева,

выразить студентамъ университета его любовь, что ему хотѣлось бы побесѣдовать съ ними, но незнаніе русскаго языка затрудняетъ его въ этомъ.

Субботича и Ливчака студенты не застали дома и отправились къ Политу, который тогда завтракалъ въ читальнѣ. Онъ встрѣтилъ ихъ радушно; къ студентамъ сейчасъ же подошло много Сербовъ, Чеховъ, которые также завтракали въ той комнатѣ. Здѣсь Щербачевъ, обращаясь къ Политу и другимъ собравшимся славянскимъ представителямъ прочелъ стихотвореніе князя Церетелева (студента), напечатанное потомъ въ газетѣ „Русскій".

Стихотвореніе это вызвало громкія „живіо" и „слава". Послѣ этого г. Политъ, обратившись къ студентамъ, сказалъ нѣсколько словъ, что они — молодое поколѣніе великаго народа Русскаго, и что отъ нихъ будетъ много зависѣть въ дѣлѣ объединенія Славянъ.

Отъ Полита студенты пошли къ представителю сербскихъ студентовъ Георгіевичу, но его не было дома, а застали Миличевича и Петроніевича. Миличевичъ сказалъ между прочимъ (по-русски): „Не даромъ мы дѣти славы, слова; словъ у насъ много, но пора переходить къ дѣлу, Мы много силъ употребляемъ на ознакомленіе съ вашей литературой; но надо бы и вамъ познакомиться съ Сербской, особенно съ ея народной поэзіей." При этомъ онъ замѣтилъ, что слѣдуетъ стараться, чтобы устранены были тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ болѣе тѣсному литературному сближенію, и прежде всего затруднительное добываніе славянскихъ книгъ въ Россіи, а въ Австріи и Сербіи — книгъ Русскихъ. Затѣмъ онъ сказалъ: „Состоятельнымъ русскимъ молодымъ людямъ слѣдовало бы путешествовать по славянскимъ землямъ: они не нашли бы тамъ столько развлеченія, удовольствія, какъ гдѣ-нибудь въ Парижѣ, но они увидѣли бы *своихъ*, и путешествіе это было бы много полезнѣе. Русскимъ это легко: въ Россіи много людей достаточныхъ; у насъ въ Сербіи ихъ мало, и для насъ путешествіе по Россіи труднѣе".

Этимъ окончилось одно посѣщеніе славянскихъ гостей — студентами юридическаго факультета, другое же посѣщеніе

было тогда же 23-го мая, но нѣсколько позже—со стороны студентовъ историко-филологическаго факультета, Высотскаго, Закса, Кочубинскаго, Лебедева, Мельгунова, Фортунатова и Шварца.

Прежде всего эти студенты посѣтили Я. Ф. Головацкаго. Онъ встрѣтилъ ихъ самымъ радушнымъ образомъ; пожавши дружески руку каждаго изъ нихъ, онъ сказалъ: „Я очень радъ васъ видѣть, господа. Когда я выступилъ на поприще борьбы за идею славянства, насъ было тогда не много: непроходимые лѣса и дебри закладывали ту дорогу, которую только теперь мы съ помощью Божіею и послѣ усиленныхъ трудовъ пробили и вотъ добрались до родной Москвы! Затѣмъ студенты просили передать дружеское привѣтствіе и поклонъ студентамъ Львовскимъ и всѣмъ трудящимся на пользу родной земли. Вспомня о Галицкихъ студентахъ о. Головацкій сказалъ: „Я васъ отъ всего сердца благодарю, что вы сошлись и приняли въ свой кругъ нашихъ Галичанъ, которые вмѣстѣ съ вами въ этомъ году слушали лекціи въ университетѣ. Я надѣюсь, что если кто изъ васъ будетъ въ Галиціи, не забудетъ посѣтить меня. Вашему посѣщенію я всегда буду радъ.“ Прощаясь о. Головацкій просилъ студентовъ написать свои фамиліи, что было конечно исполнено, и затѣмъ студенты пошли къ Палацкому, которому представилъ ихъ Патера. Палацкій разспрашивалъ о числѣ студентовъ Московскаго университета, сказалъ, что ему много говорилъ профессоръ Буслаевъ о студентахъ словеснаго факультета, и что потому ему очень пріятно видѣть у себя филологовъ и наконецъ, говоря, объ языкѣ чешскомъ, онъ сказалъ: „Нѣтъ намъ пока большой нужды въ одномъ общемъ литературномъ языкѣ; мы и теперь другъ друга понимаемъ: но когда обученіе русскому языку войдетъ въ программу нашихъ школъ, тогда уже совершенно легко всѣ Русскіе будутъ понимать Чеховъ и всѣ Чехи Русскихъ.“

Простившись съ Палацкимъ и получивши отъ него на память по визитной карточкѣ, студенты пошли къ Ербену, которому также представилъ ихъ Патера. Ербенъ спросилъ студентовъ — на сколько они понимаютъ его чешскую

выразить студентамъ университета его любовь, что ему хотѣлось бы побесѣдовать съ ними, но незнаніе русскаго языка затрудняетъ его въ этомъ.

Субботича и Ливчака студенты не застали дома и отправились къ Политу, который тогда завтракалъ въ читальнѣ. Онъ встрѣтилъ ихъ радушно; къ студентамъ сейчасъ же подошло много Сербовъ, Чеховъ, которые также завтракали въ той комнатѣ. Здѣсь Щербачевъ, обращаясь къ Политу и другимъ собравшимся славянскимъ представителямъ прочелъ стихотвореніе князя Церетелева (студента), напечатанное потомъ въ газетѣ „Русскій".

Стихотвореніе это вызвало громкія „живіо" и „слава". Послѣ этого г. Политъ, обратившись къ студентамъ, сказалъ нѣсколько словъ, что они — молодое поколѣніе великаго народа Русскаго, и что отъ нихъ будетъ много зависѣть въ дѣлѣ объединенія Славянъ.

Отъ Полита студенты пошли къ представителю сербскихъ студентовъ Георгіевичу, но его не было дома, а застали Миличевича и Петроніевича. Миличевичъ сказалъ между прочимъ (по-русски): „Не даромъ мы дѣти славы, слова; словъ у насъ много, но пора переходить къ дѣлу. Мы много силъ употребляемъ на ознакомленіе съ вашей литературой; но надо бы и вамъ познакомиться съ Сербской, особенно съ ея народной поэзіей." При этомъ онъ замѣтилъ, что слѣдуетъ стараться, чтобы устранены были тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ болѣе тѣсному литературному сближенію, и прежде всего затруднительное добываніе славянскихъ книгъ въ Россіи, а въ Австріи и Сербіи — книгъ Русскихъ. Затѣмъ онъ сказалъ: „Состоятельнымъ русскимъ молодымъ людямъ слѣдовало бы путешествовать по славянскимъ землямъ: они не нашли бы тамъ столько развлеченія, удовольствія, какъ гдѣ-нибудь въ Парижѣ, но они увидѣли бы *своихъ*, и путешествіе это было бы много полезнѣе. Русскимъ это легко: въ Россіи много людей достаточныхъ; у насъ въ Сербіи ихъ мало, и для насъ путешествіе по Россіи труднѣе".

Этимъ окончилось одно посѣщеніе славянскихъ гостей — студентами юридическаго факультета, другое же посѣщеніе

было тогда же 23-го мая, но нѣсколько позже—со стороны студентовъ историко-филологическаго факультета, Высотскаго, Закса, Кочубинскаго, Лебедева, Мельгунова, Фортунатова и Шварца.

Прежде всего эти студенты посѣтили Я. Ф. Головацкаго. Онъ встрѣтилъ ихъ самымъ радушнымъ образомъ; пожавши дружески руку каждаго изъ нихъ, онъ сказалъ: „Я очень радъ васъ видѣть, господа. Когда я выступилъ на поприще борьбы за идею славянства, насъ было тогда не много: непроходимые лѣса и дебри закладывали ту дорогу, которую только теперь мы съ помощью Божіею и послѣ усиленныхъ трудовъ пробили и вотъ добрались до родной Москвы! Затѣмъ студенты просили передать дружеское привѣтствіе и поклонъ студентамъ Львовскимъ и всѣмъ трудящимся на пользу родной земли. Вспомня о Галицкихъ студентахъ о. Головацкій сказалъ: „Я васъ отъ всего сердца благодарю, что вы сошлись и приняли въ свой кругъ нашихъ Галичанъ, которые вмѣстѣ съ вами въ этомъ году слушали лекціи въ университетѣ. Я надѣюсь, что если кто изъ васъ будетъ въ Галиціи, не забудетъ посѣтить меня. Вашему посѣщенію я всегда буду радъ.“ Прощаясь о. Головацкій просилъ студентовъ написать свои фамиліи, что было конечно исполнено, и затѣмъ студенты пошли къ Палацкому, которому представилъ ихъ Патера. Палацкій разспрашивалъ о числѣ студентовъ Московскаго университета, сказалъ, что ему много говорилъ профессоръ Буслаевъ о студентахъ словеснаго факультета, и что потому ему очень пріятно видѣть у себя филологовъ и наконецъ, говоря, объ языкѣ чешскомъ, онъ сказалъ: „Нѣтъ намъ пока большой нужды въ одномъ общемъ литературномъ языкѣ; мы и теперь другъ друга понимаемъ: но когда обученіе русскому языку войдетъ въ программу нашихъ школъ, тогда уже совершенно легко всѣ Русскіе будутъ понимать Чеховъ и всѣ Чехи Русскихъ.“

Простившись съ Палацкимъ и получивши отъ него на память по визитной карточкѣ, студенты пошли къ Ербену, которому также представилъ ихъ Патера. Ербенъ спросилъ студентовъ — на сколько они понимаютъ его чешскую

рѣчь, на что ему отвѣтили что они ее хорошо понимають, такъ какъ въ прошломъ академическомъ годѣ они занимались чешскимъ языкомъ подъ руководствомъ профессора Бодянскаго. Затѣмъ Ербенъ довольно долго говорилъ съ Фортунатовымъ, брата котораго, молодаго слависта, недавно умершаго въ Петербургѣ, онъ хорошо зналъ.

Послѣ Ербена студенты посѣтили И. И. Смоляра. Онъ лично освѣдомился о фамиліи каждаго изъ студентовъ, и когда услышалъ фамиліи—Шварцъ, Заксъ—онъ съ удивле ніемъ спросилъ: „Какъ Нѣмцы?!" Но онъ успокоился, когда его убѣдили, что ни Шварцъ, ни Заксъ тутъ нимало не Нѣмцы, при чемъ Патера замѣтилъ, что и у нихъ Чеховъ напримѣръ Ригеръ, Браунеръ носятъ также нѣмецкія фамиліи. Затѣмъ Смоляръ говорилъ о славянской книжной торговлѣ, просилъ побывать у него въ Будышинѣ, если кто изъ студентовъ будетъ за границей и въ заключеніе всего требовалъ, что если кто будетъ путешествовать по славянскимъ землямъ, тотъ непремѣнно долженъ начинать свое путешествіе съ Будышина, и вообще съ Лужицъ, потому что потомъ, пожалуй не захочется и заглянуть въ Лужицы. Записавъ свои фамиліи, и получивши по визитной карточкѣ студенты отправились къ Субботичу и Политу. Субботича не застали, но Политъ принялъ ихъ, какъ говорится, съ распростертыми объятіями.

Разговоръ шелъ одушевленный, и длился болѣе получаса. Говорили о его рѣчахъ, о его отъѣздѣ изъ Австріи, о принятіи Русскаго языка, какъ языка все славянскаго, объ упорствѣ нѣкоторыхъ относительно этого вопроса; затѣмъ Политъ выразилъ свое недоумѣніе, что многіе Русскіе даже не знаютъ названій славянскихъ городовъ, а только однѣ Нѣмецкія, что перекрещиваютъ напр. Вячеславовъ въ какихъ-то Вѣнцеславовъ и т. д , наконецъ прощаясь просилъ незабыть его въ Загребѣ, если кому доведется быть въ славянскихъ земляхъ. Простившись съ Политомъ, студенты имѣли намѣреніе посѣтить еще нѣкоторыхъ изъ Славянскихъ гостей, но такъ какъ былъ уже первый часъ и славянскіе гости собирались ѣхать, осмотрѣть храмъ Спасителя, поэтому посѣщеніе славянскихъ депутатовъ —

студентами историко-филологическаго факультета этимъ и ограничилось.

Между тѣмъ студенты юридическаго факультета, принявшіе участіе въ первомъ посѣщеніи, возвратясь домой составили между собой подписку для покупки и отсылки чрезъ славянскихъ депутатовъ книгъ въ разныя славянскія земли. Инициатива этого дѣла принадлежитъ Саблеру. Князь М. Голицынъ пожертвовалъ книгами и деньгами на 35 рублей; графъ Сологубъ на 20; другіе жертвовали кто 5, кто 3, кто 1 рубль. На собранныя деньги купили сочиненія Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Гончарова; „*Исторію государства Россійскаго.*" Карамзина, также большое количество Евангелій съ двумя текстами Церковнославянскимъ и Русскимъ; изъ этихъ же денегъ на 23 рубля купили для народныхъ школъ, изданія „Общества распространенія полезныхъ книгъ": „*Житіе св. Кирилла и Меѳодія*" (10 экземпл.), „*Житіе Владиміра Св.*" (10 экз.), "*Очерки жизни І. Христа*" (5 экз.); „*Мининъ и Пожарскій*", (5 экз.) „*Ермакъ Тимофѣевичъ*", „*Жизнь Ломоносова*" (10), „*Крещеніе Руси*" (5), изданія Товарищества Общественная польза: „*О злыхъ временахъ татарщины*" (10), Максимова „*О русской землѣ и русскихъ людяхъ*" (10), нѣкоторые простонародные разсказы—„*Сѣрое горе*" (4), сказки Пушкина, *Азбуки* и *Прописи* Зотова, *Русскую Географію* Бѣлохи (2 экз.), „*очерки Малороссіи*" (5), „*Учебникъ русской исторіи*" Иловайскаго (3), Ключевскаго "*Сказанія Иностранцевъ о русской землѣ*" (2), и мног. другія.

Всѣ эти книги были раздѣлены на 4 части и 26 мая въ пятницу были представлены для передачи: 1) Георгіевичу—въ Вѣну съ надписью: „*отъ московскихъ студентовъ въ общество Заря*" (между прочими исторію Карамзина, а Н. Кирѣевскій отъ себя передалъ полное изданіе „*Русской Бесѣды*", за всѣ годы). 2) Яну Шафарику въ Бѣлградъ, въ разныя Бѣлградскія библіотеки. 3) о. Милютиновичу — въ разныя школьныя библіотеки. (Подъ вѣдѣніемъ о. Милютиновича находится до 40 народныхъ школъ, и ему вручены были книги преимущественно народныя. Онъ особенно былъ доволенъ Евангеліемъ съ церковнославянскимъ и рус-

скимъ текстами); 4) о. архимандриту Ковачевичу—для далматинскихъ школъ.

Кромѣ того въ настоящее время Губинъ имѣетъ выслать въ Прагу книгъ, на сумму въ 150 рублей, Чешскимъ студентамъ, коихъ въ Пражскомъ университетѣ около 900 человѣкъ; они составляютъ свое студенческое общество имѣютъ свою библіотеку; изъ нихъ 100 человѣкъ читаютъ хорошо по русски, и 25 говорятъ по русски (по словамъ ихъ наставника Колляра). Нѣкоторые изъ студентовъ доставили Шафарику древнія русскія монеты, которыхъ недоставало въ минц-кабинетѣ Бѣлградскаго Музея.

По просьбѣ Губина И. С. Аксаковъ обѣщалъ высылать „Москву" въ Вѣну на имя Георгіевича, и въ „Индриховъ Градецъ" (Neuhaus) на имя Генриха Владиміровича Гуры (учителя гимназіи, который составилъ въ этомъ городѣ общество, и гдѣ между прочимъ, изъ его учениковъ, 50 гимназистовъ хорошо пишутъ и читаютъ по-русски; отъ одного изъ своихъ учениковъ Гура получилъ въ Москвѣ письмо, писанное по-русски).

При отъѣздѣ Георгіевичъ и Миличевичъ приглашали Губина, гр. Кутузова и др. на съѣздъ въ Бѣлградъ въ августѣ нынѣшняго года. Они обѣщали встрѣтить ихъ въ Вѣнѣ.

Наконецъ слѣдуетъ упомянуть здѣсь, что Московскій университетъ и славянскіе гости обмѣнялись своими изданіями. Кромѣ того отъ университета было поднесено гостямъ не мало книгъ имѣющихъ сами по себѣ какое-либо важное значеніе. Таковы напримѣръ: первыя изданія *Патерика Печерскаго*, *Уложенія*, *Кормчей книги* (барона Розенкампера), *Русской грамматики Адельфотесъ* (во Львовѣ) и т. п. Всѣ эти книги были въ изящныхъ переплетахъ и носили на себѣ надпись: „Отъ профессоровъ Московскаго университета."

Наконецъ въ послѣдніе дни пребыванія своего въ Москвѣ славянскіе гости вписали имена свои въ университетскую книгу посѣтителей. Иные прибавили по нѣскольку строкъ „на память." Приведемъ здѣсь эти выдержки въ русскомъ переводѣ, замѣтивъ что большая часть этихъ замѣ-

томъ *намѣренно* написаны кириллицей, хотя и на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

„Свой къ своему: а всегда по правдѣ." *Палацкій*. — „Не дадимся" *Ригеръ* (извѣстный девизъ его въ борьбѣ съ Нѣмцами). — „Хочешь ли снискать благодарность страны, не разчитывай на расположеніе." *Браунеръ*. — „До тѣхъ поръ народъ свой, пока бережетъ свои памятники." *Ербенъ*. — „Какъ сынъ вѣрный, цѣлую жизнь свою посвящай постоянно матери Славѣ." *Гура*. — „Впередъ, впередъ!" *Вавра*. „Взаимность есть звѣзда, ведущая всѣ славянскія племена къ счастію." *Маяръ*. — „Никто прекраснѣе не подымаетъ смѣлаго чела своего предъ роднымъ краемъ, какъ тотъ, кто въ своемъ сердцѣ носитъ цѣлый народъ." *Шафарикъ*.— „Знаніе есть сила, которая въ XIX вѣкѣ творитъ чудеса." *Гёргевичъ*. — „До сихъ поръ славянскіе братья мало знали другъ о другѣ: оттого и свѣтъ мало объ нихъ зналъ. Отнынѣ, дастъ Богъ, будетъ то иначе." — *Въ Москвѣ (Славянскомъ Іерусалимѣ) д-ръ Любоміръ Радивоевичъ, сынъ Серба, внукъ Славена*. — „Привѣтъ отъ Граничаръ святой матушкѣ-Москвѣ!" Свящ. *Беговичъ*. — „Не забывайте братій вашихъ меньшихъ: они всегда сохранятъ къ вамъ искреннюю благодарность." Свящ. *Кукичъ*. — „Слава святой Россіи и ея храброму побѣдоносному народу." *Барако* (Сербъ изъ Карловца). — „Радуйся, святая мать-Москва! ибо цѣлое славянство празднуетъ въ тебѣ свое возрожденіе. Всемогущій, благослови Царскій родъ и русскій народъ!" *Вукашиновичъ*.—„Да воскреснетъ Богъ и расточатся вси врази славянстіи!" Протопресвитеръ *Милютиновичъ*.

X.

21-го мая, съ утра, народъ валилъ толпами въ Сокольники—въ этотъ Московскій Гайдъ-паркъ, Булонскій лѣсъ, Пратеръ. Тамъ, на открытомъ мѣстѣ, среди только-что распустившейся зелени рощи, на такъ-называемомъ Ширяевомъ полѣ, стоялъ царскій шатеръ, приготовленный еще къ послѣднему пріѣзду Государя въ Москву. Здѣсь

встрѣчала Москва Государя; здѣсь рѣшила она чествовать и дорогихъ гостей, которыхъ Государь назвалъ при пріемѣ въ Царскомъ селѣ „родными славянскими братьями".

Греческіе и датскіе цвѣта въ убранствѣ шатра говорили о недавнемъ прошедшемъ, о цѣли, съ которою онъ устроился; славянскіе трехцвѣтные флаги говорили о готовящемся торжествѣ. Уборку шатра къ пріему гостей нельзя было не назвать изящною. Тутъ не было девизовъ и гербовъ, которыми Петербургъ увѣшалъ свою обѣденную залу для Славянъ. Но за то тутъ было больше изящества: исторія уступила мѣсто поэзіи. Гирлянды зелени охватывали потолокъ. Бюстъ Государя Императора, превосходный самъ по себѣ и искуственно освѣщенный, стоялъ въ горѣ розъ и другихъ душистыхъ растеній, ароматъ отъ которыхъ разносился далеко вокругъ. Всюду внутри шатра взоръ встрѣчалъ золото и народные славянскіе цвѣта на бѣломъ фонѣ полотна, которымъ сплошь былъ обитъ шатеръ, превратившійся въ огромную столовую залу. Посреди стояли два выгнутые и обращенные одинъ къ другому вогнутыми своими частями стола, отъ которыхъ во всѣ стороны во всѣ четыре конца крестообразной фигуры павильйона, расходились другіе изящно убранные столы. Въ нишѣ, гдѣ въ бытность Царской Фамиліи помѣщался цыганскій хоръ, поставлена была музыка; въ томъ мѣстѣ, откуда былъ въ то время общій входъ, стѣна была затянута красною драпировкой, отъ которой отдѣлялся яркою бѣлизною мраморный искусно освѣщенный бюстъ Государя Императора. Посреди павильйона, въ элипсоидальномъ свободномъ пространствѣ, между двумя главными столами, возвышалась хоругвь Свв. Кирилла и Меѳодія—символъ настоящаго торжества.

Обычный тостъ, какимъ начинаются всѣ торжественные обѣды среди русскаго народа, за Монарха Россіи, былъ провозглашенъ городскимъ головою, княземъ А. А. Щербатовымъ. Музыка отвѣчала на него народнымъ гимномъ, а собраніе дружнымъ *ура*, перешедшимъ въ слова гимна, и заключавшимъ его, — *ура* возглашеннымъ болѣе чѣмъ шестью стами лицами, помѣстившимися внутри павильйона

и долго, долго раздававшимся по окончаніи гимна. Когда къ этимъ восклицаніямъ присоединились громкіе *bis*, *снова!* музыка начала гимнъ вторично, и онъ былъ еще разъ пропѣтъ многочисленными голосами, за которыми едва слышались звуки оркестра. Тосты за Государыню Императрицу, Наслѣдника Цесаревича, Государыню Цесаревну и за весь Августѣйшій Домъ, также сопровождались народнымъ гимномъ и тысячеустымъ *ура*, къ которому присоединились и обѣдавшіе въ галлереяхъ и собравшіяся вокругъ павильона толпы. Минута была поразительная.

Затѣмъ всталъ М. П. Погодинъ и приблизился къ хоругви Свв. Кирилла и Меѳодія, подъ которою говорили всѣ ораторы этого банкета. Онъ сказалъ:

„Нынѣшнею хлѣбъ-солью Москва, первопрестольный городъ Русскаго царства, воздаетъ честь дорогимъ своимъ гостямъ, представителямъ славянскихъ племенъ, собравшимся къ ней на ея ученое празднество.

„Мнѣ дано лестное порученіе, мм. гг., выразить вамъ еще разъ чувства нашей пріязни, преданности и благодарности, за ту братскую готовность, съ которою вы, несмотря на затрудненія и препятствія, поспѣшили принять наше смиренное приглашеніе.

„Но что̀ я скажу вамъ больше того, что̀ вы, къ общей нашей радости, слышали вездѣ, и слышите у насъ, во всякую минуту, на всякомъ шагу, при всякомъ случаѣ, прямо изъ души, отъ русскихъ людей всѣхъ сословій, высшихъ и низшихъ, ученыхъ и неученыхъ, старыхъ и молодыхъ, мущинъ и женщинъ?

„Тѣмъ-то и счастливъ бываетъ ораторъ, когда ему не нужно искать словъ для своей рѣчи, которая, лучше и сильнѣе, сказывается у всѣхъ сама собою, бьется во всѣхъ сердцахъ, и носится по всѣмъ устамъ.

„Я скажу только, что братское, горячее чувство, проявившееся съ такою силой во всемъ Русскомъ народѣ, должно служить какъ для васъ, такъ и для насъ, великимъ знаменіемъ во благо. Посѣщеніе ваше должно составить эпоху въ исторіи всего славянства, и старая Москва счи-

безъ всякой причины. Когда у васъ свирѣпствовала последняя война, война, къ сожалѣнію, братская, тогда одинъ изъ соотечественниковъ вашихъ воззвалъ къ безпристрастному мнѣнію Чеховъ, ибо въ то время вся Европа возстала противъ Россіи. Господа, мой другъ и тесть Палацкій и я въ то время, когда вся Европа, когда всѣ народы Запада подавали свои голоса противъ Россіи, высказывая свое сочувствіе повстанію, мы смѣло сказали тогда, что дѣйствія Поляковъ почитаемъ за несчастіе *(громкія рукоплесканія)*, и что то, что пишутъ они противъ самаго народа Русскаго, почитаемъ мы за великую кривду, наносимую ими собственному брату. *(Слава! Живіо!)* Господа! мы Чехи, какъ родные братья и Поляковъ и Русскихъ, отсторонились и хотѣли судить о дѣлѣ справедливо и для того и для другаго изъ братьевъ нашихъ. Мы изъ исторіи познали, какія великія кривды наносила шляхта и правительство польское племени русскому, отчуждая народу русскому его малороссійскую вѣтвь *(слава! живіо!)*, вводя въ его населеніе средствами непохвальными такъ-называемую унію. *(Слава! Живіо!)* Мы признали это неправдою искренно и открыто, мы признали справедливымъ ваше желаніе возвратить въ свое владѣніе этотъ край, отторженный отъ васъ насиліемъ; мы говорили, что вѣтвь русскаго племени имѣетъ право возвратиться къ вамъ, составляя съ вами, по суду науки, единый народъ. *(Слава! Живіо!)* Но мы не можемъ таить въ себѣ той мысли, что и Поляки, вѣтвь западнаго славянства, отличная отъ народа Русскаго, какъ по языку, такъ и по исторіи, имѣютъ право на свое народное существованіе. И слова высокоуважаемаго друга моего профессора Погодина служатъ мнѣ ручательствомъ того, что всѣ образованные справедливые Русскіе признаютъ за Поляками это право; мы же, Славяне западные, видимъ въ этомъ признаніи главный залогъ согласія и лучшей будущности Славянъ.

„Взаимная любовь Славянъ, господа, ихъ всеславянское братство не было бы правдою: оно было бы пустымъ словомъ, еслибъ эгоизмъ одного племени, какъ сказалъ многоуважаемый г. Аксаковъ, захотѣлъ превознестись надъ всѣ-

избраннаго ими языка, съ одною азбукой. Слава! Живіо! Ура! *(Эти воззванія повторяются нѣсколькими голосами.)*"

Послѣ М. П. Погодина сербскій поэтъ Субботичъ прекрасно прочелъ написанное имъ прекрасное стихотвореніе, которое было напечатано на особыхъ листахъ и положено у каждаго прибора. Вотъ оно:

Поздравъ Москви.

Москво, златный граде,
Москво, света мати,
Чуй гласъ, што на югу
Токъ Дуная прати,
Чуй гласъ горе Шаре
И косовскихъ страна,
Коимъ пѣва и тужи
Унукъ Цар-Душана.

Какъ те древность роди,
Дично славе чедо,
Цѣлова те мило
И земля и небо,
С тогъ се сяешъ и садъ
Вѣчно млада и красна,
Као мисао виле,
Слика сана іасна.

О дивна невѣсто
Сѣверногъ Славяна,
Славна майко драгогъ
Брата Россіяна,
Дижи лѣпу главу
Къ звѣздама высоко,
Женихъ ти е оро,
А сынъ сивый соко!

Поноси се, мила,
Іеръ имашъ и чиме,
Полъ свиета люби
И слави ти име,
Поносит' се може
Поносъ Россіяна;
Іеръ іой е лѣпота
Дика свихъ Славяна!

Чуй, майко, гласъ овай
Славянскаго юга,
Вѣрна брату брата
Сталнa другу друга,
По знай да му ночи
Санъ нен быти красанъ
А бѣлу му дану
Ликъ любови ясанъ!

Этотъ горячій привѣтъ прусутствовавшіе приняли сердцемъ и отвѣчали на него восторженными криками. Какъ не аплодировать стихамъ, въ которыхъ столько любви соединяется съ такими симпатическими звуками яркой народной поэзіи!...

Послѣ Субботича говорилъ И. С. Аксаковъ. Онъ сказалъ:

„Братья и гости!

„Нашъ Московскій пиръ есть подлинно пиръ на весь міръ, — на весь міръ славянскій. Эта первая наша всеславянская сходка и братчина есть событіе великой исторической важности. Она полагаетъ грань между нашимъ общимъ славянскимъ прошедшимъ и нашимъ общимъ славянскимъ будущимъ. Отсюда начинается новый періодъ, новая эра въ исторіи славянства. *(Шумное одобреніе.)*

„Но дѣло, не въ одной только сходкѣ. Что̀ же именно мы празднуемъ здѣсь и торжествуемъ? Одержана ли развѣ какая блестящая кровавая побѣда? Совершено ли какое-либо великое вещественное пріобрѣтеніе? Одержана побѣда, но безкровная, великая нравственная побѣда — надъ нами самими *(рукоплесканія)*, надъ духомъ сомнѣнія, надъ нашимъ малодушіемъ, нашею гордостью, надъ племеннымъ нашимъ эгоизмомъ и самолюбіемъ *(рукоплесканія)*. Совершено великое пріобрѣтеніе: мы пріобрѣли — себя самихъ и другъ друга *(рукоплесканія.)* Наше торжество есть торжество самосознавшаго себя славянскаго духа очищеннаго въ горнилѣ всевозможныхъ бѣдъ и испытаній и вынесшаго, изъ глубины временъ, сквозь всю свою многовѣковую, многообразную, многострадальную бурьбу—святой, обновленный сознаніемъ завѣтъ нашего славянскаго братства. Отнынѣ это братство призвано стать не отвлечен-

ною только, абстрактною, какъ говорятъ Нѣмцы, идеей, не платоническимъ только, безплоднымъ чувствомъ, а дѣйствительною, дѣятельною, животворящею силой и въ васъ и въ насъ! *(Громкія рукоплесканія.)*

„Братство, братья, — самыя святыя слова въ мірѣ. Въ одномъ изъ стихотвореній Хомяковъ говоритъ:

О вспомнимъ ли, что это слово *братья*
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй!

„Я прибавлю лишь, что оно не только всѣхъ словъ святѣй, но (именно потому) и всѣхъ словъ сильнѣй: въ немъ великая духовная мощь, въ немъ зерно всей жизни для человѣчества. И если высшая задача человѣчества воплотить на землѣ братство, то мы, Славяне, должны благодарить Бога за свое призваніе. Какое братство признаны мы осуществить? Братство на пространствѣ полсвѣта полвселенной, братство въ размѣрѣ 90 милліоновъ братьевъ! *(Ура! Слава! Живіо!)* Широкій просторъ, почтенные размѣры!

„Въ этомъ-то именно чувствѣ братства и сказывается намъ залогъ нашего великаго историческаго будущаго. Въ этомъ-то именно чувствѣ и лежитъ свидѣтельство, что есть для насъ еще иная задача, кромѣ индивидуальной задачи каждаго племени, есть нѣчто высшее, поглощающее личный племенной эгоизмъ, нѣчто не замыкающееся въ географическихъ и политическихъ границахъ! Независимо отъ формъ потитическаго бытія, въ которыхъ живетъ то или другое славянское племя, независимо и поверхъ ихъ — есть славянскій народъ, славянскій міръ, славянское братство. И всякое славянское племя, которое по малодушію или по гордости, измѣняетъ этому завѣту, отвращается отъ братьевъ, отрицаетъ братство, тѣмъ самымъ отрицаетъ свою собственную жизненную основу, и имѣетъ — погибнуть.... *(Одобреніе.)* Таковъ непреложный законъ славянской исторіи

„Братство значитъ любовь и равенство:

„Всѣ велики, всѣ свободны".

сказалъ про славянскихъ братьевъ русскій поэтъ. Никто не долженъ ни гордиться, ни высится другъ предъ другомъ, помня что кому больше дано съ того больше и взыщется.

съ честнымъ сознаніемъ его законности, я надѣюсь, что и Русскіе, какъ добрые Славяне, какъ народъ великодушный и сознающій свои силы, какъ добрые сыны и вѣрные послѣдователи нашихъ святыхъ апостоловъ, нашихъ общихъ первоучителей, что наши русскіе братья первые произнесутъ прекрасное слово христіанской любви и примиренія. *(Слава! живіо!)*"

Профессоръ С. М. Соловьевъ, вступившій послѣ Ригера подъ сѣнь священной хоругви, говорилъ какъ бы косвенно отвѣчая на рѣчь Ригера:

„Торжествуется праздникъ славянскаго союза, единства, братства. Но откуда это торжество? Случайное ли это явленіе или коренится глубоко въ прошедшемъ славянскаго племени? Относительно этого прошедшаго существуетъ предразсудокъ: не только между врагами нашими, но и между нами самими нерѣдко слышится выраженіе: „славянская рознь"; указываютъ на эту рознь какъ на отличительную нравственную черту племени, какъ на прирожденный грѣхъ славянства. Но сердце отказывается этому вѣрить, и наука отказывается этому учить. Обратимся къ наукѣ, обратимся къ исторіи, что̀ она намъ скажетъ. Въ то время, когда Славяне были еще въ младенческомъ состояніи, когда не имѣли и не могли имѣть сознанія о своемъ единствѣ и своихъ средствахъ, враги окружаютъ ихъ и гнетутъ со всѣхъ сторонъ, расторгаютъ, разбрасываютъ, загоняютъ въ страны неблагословенныя природой; и несмотря на то Славяне не загинули, не остановились въ своемъ развитіи; великое племя среди тяжкихъ испытаній росло и росло. Дикія орды Азіи обхватили Россію и долго держали въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ; но Россія собралась, освободилась отъ Азіятцевъ, и долго незнаемая и презираемая Европой, вдругъ дала о себѣ знать, прогремѣвъ предъ изумленнымъ міромъ полтавскою побѣдой, которую современники называли русскимъ воскресеніемъ, а мы теперь имѣемъ право назвать славянскимъ воскресеніемъ *(слава, живіо)*, потому что съ этихъ поръ другія племена должны были дать почетное мѣсто государству славянскому, должны были считаться съ славянскимъ племе-

ніе. Народу этому крѣпко привили его учители правила христіанской нравственности: не дѣлай другому того, чего не желаешь самому себѣ. *(Одобреніе.)* Другія племена славянскія приняли христіанское исповѣданіе отъ другихъ народовъ, но такъ какъ проповѣдники ихъ руководились не столько любовію сердца чистаго, христіанскаго, сколько властолюбіемъ, то эти племена славянскія лишились своего народнаго бытія подъ чуждымъ владычествомъ. *(Слава! Живіо!)* Такимъ образомъ цѣлая половина нынѣшней Германіи отчуждена славянскому племени, славянской крови; дзже и тамъ, гдѣ Италіянцы Славянамъ проповѣдовали вѣру христіанскую, и тамъ Славяне въ значительной своей части обратились въ Италіянцевъ.

„Но Славянинъ остался Славяниномъ, и возникъ въ самостоятельномъ бытіи, въ своей гражданственности тамъ гдѣ евангеліе любви и милости было возвѣщено ему святыми братьями. *(Слава! Живіо!)* Господа, многоуважаемый другъ мой, котораго имя неразлучно соединено со всякимъ славянскимъ стремленіемъ въ Россіи, г. Аксаковъ говорилъ, что Россія Богомъ призвана къ тому, чтобъ осуществить славянское братство въ духѣ свободы. *(Слава! Живіо!)* Мы всѣ, пришедшіе въ вашу среду, ото всего сердца, ото всей души чувствуемъ высокое значеніе этихъ словъ; мы всѣ вмѣстѣ надѣемся, какъ братья, въ радости чистой, благородной. Но къ сожалѣнію, всякая радость человѣческая содержитъ въ себѣ хотя одну каплю горечи! Богъ видитъ что минута эта для меня тяжкая долженъ ли я помрачать сегоднешнюю общую радость упоминаніемъ для многихъ непріятнымъ о таковой каплѣ горечи? Высокоуважаемый профессоръ Погодинъ, одинъ изъ первыхъ заступниковъ славянства здѣсь на Руси, мужъ, котораго заслуги я такъ высоко почитаю *(слава! живіо!)*, произнесъ здѣсь сегодня прекрасное братское слово: „Русскіе и Полякамъ, сказалъ онъ, желаютъ счастія и блага!“ *(Слава! Живіо! Правда!)* Я, господа, съ горестью замѣчаю, что изъ этой братской среды всѣхъ Славянъ отстранились одни Поляки и не пришли къ намъ на наше братское цѣлованіе. *(Слава! Живіо!)* Я думаю, что такой замѣтный поступокъ не могъ состояться

съ честнымъ сознаніемъ его законности, я надѣюсь, что и Русскіе, какъ добрые Славяне, какъ народъ великодушный и сознающій свои силы, какъ добрые сыны и вѣрные послѣдователи нашихъ святыхъ апостоловъ, нашихъ общихъ первоучителей, что наши русскіе братья первые произнесутъ прекрасное слово христіанской любви и примиренія. *(Слава! живіо!)*"

Профессоръ С. М. Соловьевъ, вступившій послѣ Ригера подъ сѣнь священной хоругви, говорилъ какъ бы косвенно отвѣчая на рѣчь Ригера:

„Торжествуется праздникъ славянскаго союза, единства, братства. Но откуда это торжество? Случайное ли это явленіе или коренится глубоко въ прошедшемъ славянскаго племени? Относительно этого прошедшаго существуетъ предразсудокъ: не только между врагами нашими, но и между нами самими нерѣдко слышится выраженіе: „славянская рознь"; указываютъ на эту рознь какъ на отличительную нравственную черту племени, какъ на прирожденный грѣхъ славянства. Но сердце отказывается этому вѣрить, и наука отказывается этому учить. Обратимся къ наукѣ, обратимся къ исторіи, что̀ она намъ скажетъ. Въ то время, когда Славяне были еще въ младенческомъ состояніи, когда не имѣли и не могли имѣть сознанія о своемъ единствѣ и своихъ средствахъ, враги окружаютъ ихъ и гнетутъ со всѣхъ сторонъ, расторгаютъ, разбрасываютъ, загоняютъ въ страны неблагословенныя природой; и несмотря на то Славяне не загинули, не остановились въ своемъ развитіи; великое племя среди тяжкихъ испытаній росло и росло. Дикія орды Азіи обхватили Россію и долго держали въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ; но Россія собралась, освободилась отъ Азіятцевъ, и долго незнаемая и презираемая Европой, вдругъ дала о себѣ знать, прогремѣвъ предъ изумленнымъ міромъ полтавскою побѣдой, которую современники называли русскимъ воскресеніемъ, а мы теперь имѣемъ право назвать славянскимъ воскресеніемъ *(слава, живіо)*, потому что съ этихъ поръ другія племена должны были дать почетное мѣсто государству славянскому, должны были считаться съ славянскимъ племе-

ми другими племенами не говорю, поглотить ихъ *(сильный ропотъ)*; истинная любовь братская между нами, истинный благородный панславизмъ возможны лишь тогда, когда каждый признаетъ другаго единороднымъ и равноправнымъ братомъ своимъ. Господа, когда поднялось возстаніе польское, мы говорили, что оно есть несчастіе для Поляковъ, мы признавали вмѣстѣ съ тѣмъ, что оно есть источникъ всѣхъ неправдъ, разсѣваемыхъ по свѣту на Россію. Нынѣ же говорю, что возстаніе было, вмѣстѣ съ тѣмъ, несчастіемъ и для всего славянства *(слава! живіо!)*. Сердца двухъ народовъ славянскихъ наполнились горечью братской вражды, горечью болѣе сильною чѣмъ когда-либо предъ этимъ возстаніемъ, и, господа, доколѣ продлится эта непримиренная, неуспокоенная любовью братскою ненависть, доколѣ одинъ славянскій народъ будетъ находиться за дверьми нашей всеславянской бесѣды, доколѣ одинъ народъ славянскій будетъ идти противу другихъ, въ боязни за свой бытъ, дотолѣ не будетъ ни согласія между нами, ни успѣха въ нашей народной гражданственности *(отчасти крики: слава, отчасти шиканье)*. Господа! примемъ одно поученіе отъ исторіи славянства! Нѣкогда племена полабскихъ Славянъ занимали половину Германіи, живя другъ съ другомъ въ разъединеніи, и войною порабощая одно другое. Въ этихъ братскихъ бояхъ они призывали Нѣмцевъ-сосѣдей, враговъ своихъ, противъ братьевъ-Славянъ, и такимъ образомъ, другъ друга порабощая, одинъ за другимъ порабощались чуждому игу и погибали *(да, да! живіо!)*. Кто поручится намъ за то, господа, что это явленіе не повторится, если мы не будемъ слѣдовать поученію прошедшаго и внушеніямъ братской любви? Если борьба между Русскими и Поляками продлится, если послѣдніе нойдутъ на послѣднюю борьбу, на борьбу за свое народное существованіе, кто поручится намъ за то, что и Поляки, дождавшись своего времени, не позовутъ на помощь себѣ противъ Русскихъ Нѣмцевъ, окрѣпшихъ въ своей военной силѣ? *(Сильное движеніе въ разныхъ мѣстахъ.)* Я, съ горестью, предвижу, что въ этихъ бояхъ, такъ или иначе, погибнетъ еще одинъ великій славянскій народъ. Куда же придетъ этимъ путемъ

съ честнымъ сознаніемъ его законности, я надѣюсь, что и Русскіе, какъ добрые Славяне, какъ народъ великодушный и сознающій свои силы, какъ добрые сыны и вѣрные послѣдователи нашихъ святыхъ апостоловъ, нашихъ общихъ первоучителей, что наши русскіе братья первые произнесутъ прекрасное слово христіанской любви и примиренія. *(Слава! живіо!)*"

Профессоръ С. М. Соловьевъ, вступившій послѣ Ригера подъ сѣнь священной хоругви, говорилъ какъ бы косвенно отвѣчая на рѣчь Ригера:

„Торжествуется праздникъ славянскаго союза, единства, братства. Но откуда это торжество? Случайное ли это явленіе или коренится глубоко въ прошедшемъ славянскаго племени? Относительно этого прошедшаго существуетъ предразсудокъ: не только между врагами нашими, но и между нами самими нерѣдко слышится выраженіе: „славянская рознь"; указываютъ на эту рознь какъ на отличительную нравственную черту племени, какъ на прирожденный грѣхъ славянства. Но сердце отказывается этому вѣрить, и наука отказывается этому учить. Обратимся къ наукѣ, обратимся къ исторіи, что она намъ скажетъ. Въ то время, когда Славяне были еще въ младенческомъ состояніи, когда не имѣли и не могли имѣть сознанія о своемъ единствѣ и своихъ средствахъ, враги окружаютъ ихъ и гнетутъ со всѣхъ сторонъ, расторгаютъ, разбрасываютъ, загоняютъ въ страны неблагословенныя природой; и несмотря на то Славяне не загинули, не остановились въ своемъ развитіи; великое племя среди тяжкихъ испытаній росло и росло. Дикія орды Азіи обхватили Россію и долго держали въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ; но Россія собралась, освободилась отъ Азіятцевъ, и долго незнаемая и презираемая Европой, вдругъ дала о себѣ знать, прогремѣвъ предъ изумленнымъ міромъ полтавскою побѣдой, которую современники называли русскимъ воскресеніемъ, а мы теперь имѣемъ право назвать славянскимъ воскресеніемъ *(слава, живіо)*, потому что съ этихъ поръ другія племена должны были дать почетное мѣсто государству славянскому, должны были считаться съ славянскимъ племе-

Ему не только какъ великому Государю, но, особенно, какъ благородному Славянину провозглашаю славу. *(Шумное: слава!)* Какъ я сказалъ, не можетъ быть моею задачей говорить о средствахъ, которыми эта распря могла бы быть улажена; но я увѣренъ, что, при доброй волѣ съ обѣихъ сторонъ, путь къ этой цѣли найдется. Господа, эти слова вызваны во мнѣ, на этомъ праздникѣ нашего братства, чистымъ, искреннимъ побужденіемъ воли, чистою любовью къ вамъ и Полякамъ. Мною руководило то убѣжденіе, что наше великое славянское дѣло не можетъ успѣшно совершиться, пока не будетъ между всѣми нами полнаго согласія. Я не отчаиваюсь, господа, ибо вѣрю въ благородство славянскихъ сердецъ,—и русскихъ и польскихъ, я вѣрю въ человѣческій разумъ. Я вѣрю въ то, что Поляки познаютъ истинную мѣру своихъ правъ, что они признаются во всемъ въ чемъ прегрѣшили предъ вами, въ чемъ учинили вамъ кривду. *(Слава! Живіо!)* Я не желаю, чтобы Русскій народъ уступилъ хотя бы пядь изъ своей области, когда это воспрещаетъ честь и народное право. Но если придетъ то время, когда Поляки признаютъ, искренно и въ полной мѣрѣ ваши права, права вашей народности, особенно же права малороссійской вѣтви, тогда придетъ ваша очередь. Тогда вы, какъ побѣдители, какъ сильнѣйшіе, докажете, что вы не желали ихъ лишать народности, что и вы готовы оказать имъ братскую любовь. *(Одобрительныя восклицанія и сильный ропотъ, возраставшій въ теченіе всей рѣчи.)* Я знаю, господа, что многимъ изъ васъ то, что̀ сказалъ я здѣсь, не кажется правымъ и милымъ. Но, Богъ мнѣ свидѣтель, слова эти произнесъ я изъ побужденія искренней любви къ вамъ, отъ полноты сердца, всецѣло преданнаго всѣмъ Славянамъ; прошу васъ хладнокровно взвѣсить эти слова. Да даруетъ Богъ этимъ моимъ словамъ почву плодоносную! Я знаю, что сердце ваше еще носитъ въ себѣ горечь, я знаю, что не всѣ ваши раны успѣли вы исцѣлить. Но настанетъ время мирнаго и безпристрастнаго обсужденія, и тогда вы выскажетесь. Какъ сказалъ я, русское право не должно потерпѣть ущерба ни въ чемъ. Но если оно будетъ признано Поляками

съ честнымъ сознаніемъ его законности, я надѣюсь, что и Русскіе, какъ добрые Славяне, какъ народъ великодушный и сознающій свои силы, какъ добрые сыны и вѣрные послѣдователи нашихъ святыхъ апостоловъ, нашихъ общихъ первоучителей, что наши русскіе братья первые произнесутъ прекрасное слово христіанской любви и примиренія. *(Слава! живіо!)*"

Профессоръ С. М. Соловьевъ, вступившій послѣ Ригера подъ сѣнь священной хоругви, говорилъ какъ бы косвенно отвѣчая на рѣчь Ригера:

„Торжествуется праздникъ славянскаго союза, единства, братства. Но откуда это торжество? Случайное ли это явленіе или коренится глубоко въ прошедшемъ славянскаго племени? Относительно этого прошедшаго существуетъ предразсудокъ: не только между врагами нашими, но и между нами самими нерѣдко слышится выраженіе: „славянская рознь"; указываютъ на эту рознь какъ на отличительную нравственную черту племени, какъ на прирожденный грѣхъ славянства. Но сердце отказывается этому вѣрить, и наука отказывается этому учить. Обратимся къ наукѣ, обратимся къ исторіи, что̀ она намъ скажетъ. Въ то время, когда Славяне были еще въ младенческомъ состояніи, когда не имѣли и не могли имѣть сознанія о своемъ единствѣ и своихъ средствахъ, враги окружаютъ ихъ и гнетутъ со всѣхъ сторонъ, расторгаютъ, разбрасываютъ, загоняютъ въ страны неблагословенныя природой; и несмотря на то Славяне не загинули, не остановились въ своемъ развитіи; великое племя среди тяжкихъ испытаній росло и росло. Дикія орды Азіи обхватили Россію и долго держали въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ; но Россія собралась, освободилась отъ Азіятцевъ, и долго незнаемая и презираемая Европой, вдругъ дала о себѣ знать, прогремѣвъ предъ изумленнымъ міромъ полтавскою побѣдой, которую современники называли русскимъ воскресеніемъ, а мы теперь имѣемъ право назвать славянскимъ воскресеніемъ *(слава, живіо)*, потому что съ этихъ поръ другія племена должны были дать почетное мѣсто государству славянскому, должны были считаться съ славянскимъ племе-

немъ *(рукоплесканія)*. Іезуиты сожгли чешскія книги, и изъ этого пепла снова возникло богатство литературы; *(слава!)* Турки истребили, повидимому, силы сербскаго народа; а теперь старый Бѣлградъ уже болѣе не стонетъ подъ турецкою пушкой. *(Громкія рукоплесканія и клики „живіо" со стороны Сербовъ; „браво, Сербы живили", со стороны остальныхъ.)* Неужели все это можно сдѣлать съ такимъ прирожденнымъ грѣхомъ, какъ рознь? Зачѣмъ же мы будемъ пятнать этимъ грѣхомъ нашихъ предковъ, которые выставили цѣлый сонмъ великихъ дѣятелей, вождей, законодателей, поэтовъ и этихъ смиренныхъ науки, этихъ духовныхъ собирателей славянской земли, этихъ Шафариковъ и ему подобныхъ? Перечислять ли мнѣ ихъ племя? „Не достанетъ ми времени повѣствующу..." И не нужно: мы, слава Богу, знаемъ ихъ всѣхъ, и наши малыя дѣти ихъ знаютъ. *(Рукоплесканія)*. Благодаря ихъ трудамъ, мы чувствуемъ подъ собою твердую почву; ихъ трудами подведенъ крѣпкій фундаментъ подъ великое зданіе, надъ которымъ мы обязаны теперь трудиться, и нашъ трудъ облегченъ ихъ трудомъ. Поминая соборъ великихъ предковъ, соборъ пророковъ, проповѣдниковъ и мучениковъ славянскаго дѣла, соблюдемъ отцовское благословеніе *(одобреніе)*, станемъ дружно подъ знамя славянскаго единства, выраженное въ этомъ священномъ знамени Кирилла и Меѳодія. И для чего намъ розниться, изъ-за чего ссориться? Родные братья ссорятся изъ-за дѣлежа; но время дѣлежа для насъ прошло, наступило время мѣны, благодѣтельной мѣны произведеніями своего труда. Покинемъ же печальную мысль о славянской розни и будемъ уповать, что скоро, очень скоро чужіе народы вмѣсто славянской розни станутъ указывать на славянское примѣрное единодушіе." *(Слава живіо!)*

Послѣ того подошелъ къ хоругви Ф. В. Чижовъ, директоръ московскаго коммерческаго банка, и такъ дополнилъ предшествовавшія рѣчи о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ народовъ:

„Братья Славяне! Послѣ всего, что было сказано, послѣ всего что вы прочли въ глазахъ и на лице каждаго, изъ

съ честнымъ сознаніемъ его законности, я надѣюсь, что и Русскіе, какъ добрые Славяне, какъ народъ великодушный и сознающій свои силы, какъ добрые сыны и вѣрные послѣдователи нашихъ святыхъ апостоловъ, нашихъ общихъ первоучителей, что наши русскіе братья первые произнесутъ прекрасное слово христіанской любви и примиренія. *(Слава! живіо!)*"

Профессоръ С. М. Соловьевъ, вступившій послѣ Ригера подъ сѣнь священной хоругви, говорилъ какъ бы косвенно отвѣчая на рѣчь Ригера:

„Торжествуется праздникъ славянскаго союза, единства, братства. Но откуда это торжество? Случайное ли это явленіе или коренится глубоко въ прошедшемъ славянскаго племени? Относительно этого прошедшаго существуетъ предразсудокъ: не только между врагами нашими, но и между нами самими нерѣдко слышится выраженіе: „славянская рознь"; указываютъ на эту рознь какъ на отличительную нравственную черту племени, какъ на прирожденный грѣхъ славянства. Но сердце отказывается этому вѣрить, и наука отказывается этому учить. Обратимся къ наукѣ, обратимся къ исторіи, что она намъ скажетъ. Въ то время, когда Славяне были еще въ младенческомъ состояніи, когда не имѣли и не могли имѣть сознанія о своемъ единствѣ и своихъ средствахъ, враги окружаютъ ихъ и гнетутъ со всѣхъ сторонъ, расторгаютъ, разбрасываютъ, загоняютъ въ страны неблагословенныя природой; и несмотря на то Славяне не загинули, не остановились въ своемъ развитіи; великое племя среди тяжкихъ испытаній росло и росло. Дикія орды Азіи обхватили Россію и долго держали въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ; но Россія собралась, освободилась отъ Азіятцевъ, и долго незнаемая и презираемая Европой, вдругъ дала о себѣ знать, прогремѣвъ предъ изумленнымъ міромъ полтавскою побѣдой, которую современники называли русскимъ воскресеніемъ, а мы теперь имѣемъ право назвать славянскимъ воскресеніемъ *(слава, живіо)*, потому что съ этихъ поръ другія племена должны были дать почетное мѣсто государству славянскому, должны были считаться съ славянскимъ племе-

немъ *(рукоплесканія)*. Іезуиты сожгли чешскія книги, и изъ этого пепла снова возникло богатство литературы; *(слава!)* Турки истребили, повидимому, силы сербскаго народа; а теперь старый Бѣлградъ уже болѣе не стонетъ подъ турецкою пушкой. *(Громкія рукоплесканія и клики „живіо“ со стороны Сербовъ; „браво, Сербы живили“, со стороны остальныхъ.)* Неужели все это можно сдѣлать съ такимъ прирожденнымъ грѣхомъ, какъ рознь? Зачѣмъ же мы будемъ пятнать этимъ грѣхомъ нашихъ предковъ, которые выставили цѣлый сонмъ великихъ дѣятелей, вождей, законодателей, поэтовъ и этихъ смиренныхъ науки, этихъ духовныхъ собирателей славянской земли, этихъ Шафариковъ и ему подобныхъ? Перечислять ли мнѣ ихъ племя? „Не достанетъ ми времени повѣствующу...„ И не нужно: мы, слава Богу, знаемъ ихъ всѣхъ, и наши малыя дѣти ихъ знаютъ. *(Рукоплесканія)*. Благодаря ихъ трудамъ, мы чувствуемъ подъ собою твердую почву; ихъ трудами подведенъ крѣпкій фундаментъ подъ великое зданіе, надъ которымъ мы обязаны теперь трудиться, и нашъ трудъ облегченъ ихъ трудомъ. Поминая соборъ великихъ предковъ, соборъ пророковъ, проповѣдниковъ и мучениковъ славянскаго дѣла, соблюдемъ отцовское благословеніе *(одобреніе)*, станемъ дружно подъ знамя славянскаго единства, выраженное въ этомъ священномъ знамени Кирилла и Меѳодія. И для чего намъ розниться, изъ-за чего ссориться? Родные братья ссорятся изъ-за дѣлежа; но время дѣлежа для насъ прошло, наступило время мѣны, благодѣтельной мѣны произведеніями своего труда. Покинемъ же печальную мысль о славянской розни и будемъ уповать, что скоро, очень скоро чужіе народы вмѣсто славянской розни станутъ указывать на славянское примѣрное единодушіе.“ *(Слава живіо!)*

Послѣ того подошелъ къ хоругви Ф. В. Чижовъ, директоръ московскаго коммерческаго банка, и такъ дополнилъ предшествовавшія рѣчи о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ народовъ:

„Братья Славяне! Послѣ всего, что было сказано, послѣ всего что вы прочли въ глазахъ и на лице каждаго, изъ

среды привѣтствовавшаго васъ народа, говорить мнѣ что нибудь отъ имени Москвичей, было бы только утомлять ваше вниманіе. Еслибы даже не слезы, а кровь полилась изъ глазъ моихъ, и она не сказала бы такъ краснорѣчиво, какъ сказала вамъ встрѣча Москвы, ея искреннее радушіе и непритворные весторги. *(Рукоплесканія).* Точно также не могъ бы я сказать ничего новаго и Москвичамъ, послѣ того, что говорили намъ знаменитый историкъ Чеховъ, маститый Палацкій, Ригеръ, отецъ Головацкій, Субботичъ и всѣ наши славянскія братья. *(Рукоплесканія).* На мою долю осталось скромное, прозаическое, спокойное изложеніе исторіи возрожденія идеи славянства, приведшей сюда нашихъ братьевъ, которую, по счастію мнѣ удалось прослѣдить едвали не съ первой зари ея возрожденія.

„Судьба послала на мою долю быть въ славянскихъ странахъ тогда, когда только появлялась, или, по крайней мѣрѣ, скоро послѣ того какъ появилась идея племеннаго славянскаго братства; съ другой стороны я имѣлъ неоцѣненное счастіе принадлежать къ тому не большому кружку Москвичей, которые, во всю свою жизнь, носили въ сердцахъ своихъ идею славянства, постоянно ее проповѣдывали словомъ и жизнію, и много за нее страдали *(рукоплесканія).*

„Начать говорить о томъ, когда появилась въ мірѣ славянская народность, было бы не по моимъ силамъ, и не по силамъ самихъ ученыхъ изыскателей. Раскройте наши лѣтописи, прочтите первыя страницы исторіи Палацкаго, вы увидите, что существованіе ея считается не сотнями лѣтъ, а десятками вѣковъ. Было время, когда она была славна и блестяща; но провидѣнію угодно было послать множество на нее испытаній, и какъ сказалъ нашъ почтенный собратъ С. М. Соловьевъ, въ этихъ испытаніяхъ послать путь очищенія славянству. Всѣ мы перенесли страшное иго иноземное, перенесли сильныя вражды междоусобныя, подверглись ужасамъ кровопролитія во внутреннихъ гражданскихъ бѣдахъ; все мы вытерпѣли, все перестрадали, и несмотря на всѣ невыносимыя страданія было у насъ одно,

чтò остовалось у насъ неприкосновеннымъ, это наша народность и наша народная цѣльность, нашъ народъ много вынесъ — но остался не разложеннымъ (*рукоплесканія*). Провидѣнію не угодно было остановиться на этихъ испытаніяхъ, оно послало на насъ еще одно иго страшнѣйшее. Я боюсь произнести его, господа; знаю, что меня укорятъ въ варварствѣ. Это иго европейской цивилизаціи! (*рукоплесканія*). Несмотря на согласіе ваше со мною, выражаемое вашими рукоплесканіями, я считаю необходимымъ нѣсколько уяснить слова мои, дабы облегчить обвиненіе въ варварствѣ. Въ европейской цивилизаціи передалась намъ выработка всего того, чтò, вѣками свободнаго развитія, пріобрѣла себѣ Европа. Кажется не было ничего благодѣтельнѣе, ничего прекраснѣе, какъ передать такія пріобрѣтенія; но не знаю какъ вы думаете, а мое глубокое убѣжденіе таково, что какъ бы ни были богаты дары, намъ предлагаемые, какъ бы ни были они прекрасны, но если они водворяются съ насиліемъ, они не будутъ благотворны (*рукоплесканія*). Не можетъ быть ничего благодѣтельнаго, ничего благотворнаго. что сопровождалось бы насиліемъ, для меня это историческая аксіома (*рукоплесканія*). И вотъ, господа, Европа за свои богатые дары взяла съ насъ страшную цѣну—цѣну презрѣнія къ нашей народности (*рукоплесканія*). Всѣ Славяне въ этомъ виновны: и Чехи и Сербы, впрочемъ Сербы не такъ много; но болѣе всѣхъ виновны мы, Русскіе. Мы до того было отказались отъ своей народности, что чуть не стали ротитися и клятися, что мы не знаемъ своего простаго народа, что мы чужды всему нашему народному (*рукоплесканія*). Не троекратно провозглашалъ пѣтелъ въ звукѣ оружія, — мы не внимали его провозглашенію; когда же мы увидѣли враговъ въ тѣхъ самыхъ предѣлахъ, гдѣ мы теперь находимся, когда поднялась противъ насъ вся Европа и громъ пушекъ раздался подъ стѣнами Кремля, тогда только мы вполнѣ поняли, что значитъ забытая нами народность, тогда именно эта самая народность, въ лицѣ Москвы, спасла насъ отъ Европы (*громкія рукоплесканія*).

„Славяне! заслуга Москвы исполинская, и мы съ гордостію можемъ, указавши на Кремль, повторить слова Ф. Н. Глинки, обращенныя имъ къ Москвѣ:

Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой твоей судьбѣ,
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ. *(Рукоплесканія.)*

„Фактъ возрожденія народности принадлежитъ Москвѣ, сознаніе ея явилось на другихъ высотахъ славянскихъ,— оно явилось въ Прагѣ *(рукоплесканія)*. Вотъ почему, милостивые государи, мы такъ часто встрѣчаемъ у нашихъ поэтовъ, и еще недавно слышали изъ устъ нашего дорогаго гостя Ригера, сравненіе Москвы съ Прагою. Между ними много сходства: это сходство не случайное, оно вышло изъ единства, внутренняго содержанія ихъ исторіи *(рукоплесканія)*.

„Сознаніе общеславянской народности было отличительною чертою всего перваго періода ея возрожденія, и потому я прошу позволенія напомнить о тѣхъ изъ Славянъ, въ дѣятельности которыхъ оно высказалось. Съ одними изъ нихъ я сблизился во время моего путешествія по славянскимъ странамъ, съ другими я имѣлъ счастіе жить постоянно. Я упомяну только объ отшедшихъ въ другой міръ. Добровскій первый началъ изучать славянское слово, изучать законы духа племенъ славянскихъ. Ганка всю жизнь отдалъ любви ко всему славянству, каждый изъ насъ находилъ въ немъ неизсякаемый ея источникъ: многіе изъ насъ приходили къ нему полуславянами, выходили отъ него истинными сынами своего племени. Шафарикъ указалъ мѣсто на европейской картѣ всѣмъ славянскимъ племенамъ, показалъ, что силы ихъ распростерлись чуть чуть не на полсвѣта, и каждому племени опредѣлилъ его мѣсто. Колларъ такъ благоговѣлъ предъ славянствомъ, что для его любвеобильнаго сердца не было ни одного великаго событія безъ того, чтобъ онъ не находилъ въ немъ участія славянскаго племени: онъ во всякомъ замѣчательномъ явленіи отыскивалъ славянскій источникъ, и воспѣлъ подвиги славянской дѣятельности въ своей поэмѣ „*Дочь Славы*“ —

Slavy Dcera. Близъ Коляра жилъ юный Словакъ Штуръ, безусловно преданный славянству и высоко понимавшій его призваніе; онъ первый возвелъ языкъ своего смиреннаго племени, Словаковъ, на степень языка письменнаго. Нельзя не припомнить двухъ Сербовъ: не поэтовъ, не историковъ, не литераторовъ, а такихъ людей, которые только любовію къ своей родинѣ и вѣрнымъ служеніемъ своему народу, во время его освобожденія, заставили пять европейскихъ державъ потребовать, чтобъ онѣ вышли изъ своей родимой столицы Бѣлграда, — это Вучичъ и Абрамъ Петроньевичъ *(рукоплесканія)*. Почти въ тоже самое время я встрѣтилъ великаго геніальнаго поэта, Мицкевича. Еслибы слова мои были произносимы даже не въ эту минуту, не послѣ словъ нашего достославнаго брата Ригера, не въ минуту когда, собравшись во имя славянскаго братства на нашъ семейный пиръ, мы обязаны забыть всякую племенную разрозненность, и тогда мы должны были бы преклониться предъ геніальностью Мицкевича. Великій поэтъ смиренно склонился предъ величіемъ славянскаго призванія, и до такой степени проникся имъ, что въ немъ одномъ видѣлъ искупленіе Европы отъ всего накопленія нравственной лжи, какъ грязнаго отстоя отъ многовѣковой цивилизаціи. Здѣсь основа того, почему онъ свои лекціи о славянствѣ назвалъ мессіанизмомъ *рукоплесканія)*. У насъ въ Россіи тоже не мало было дѣятелей славянской идеи, мало сознаваемыхъ въ свое время; они постоянно, неуклонно и неизмѣнно были наставниками, проповѣдниками и проводителями въ жизнь идеи славянства. Старѣйшій изъ нихъ Хомяковъ, *(рукоплесканія)*, пора воздать честь его имени, былъ великимъ дѣятелемъ славянства: что онъ ни писалъ, во всемъ старался одухотворить жизнь въ мірѣ славянства, и постоянно воззывалъ этотъ міръ „къ жизни духа, къ духу жизни". Близь него былъ смиренный труженикъ Венелинъ, мало теперь кому либо извѣстный; онъ первый указалъ, что существуетъ народъ болгарскій, бывшій тогда въ полномъ забвеніи *(рукоплесканія)*. Братья Кирѣевскіе: одинъ изъ нихъ И. В. осмысливалъ все къ чему онъ не прикасался, и во всемъ вводилъ свѣтъ и полноту мысли. Дру-

гой смиренный братъ его П. В. умѣлъ страстно полюбить славянскую и въ частности русскую народность во всей ея первобытности, простотѣ и необработанности: онъ не гнушался ею въ ея нищенской одеждѣ; онъ относился къ простому нищему брату точно также, какъ къ ученому, богатому и сильному. Съ ними вмѣстѣ былъ Константинъ Аксаковъ, Славянинъ не только по слову, но и по жизни *(рукоплесканія)*. Многимъ казались крайними его убѣжденія, и дѣйствительно они были крайними, потому что онъ создавши себѣ идеалъ славянства, не произнесъ ни одного нравственнаго требованія, котораго не старался бы провести сквозь всю свою жизнь. Его чистота, вся жизнь его была такова же въ словѣ, какъ и на дѣлѣ. Кто зналъ его, тотъ подтвердитъ, что я говорю это безъ всякаго преувеличенія *(рукоплесканія)*. Наконецъ, профессоръ Шевыревъ, первый возвелъ славянскую литературу на каѳедру, когда она еще не была въ числѣ предметовъ университетскихъ чтеній.

„Простите, что я занялъ васъ долго перечисленіемъ усопшихъ дѣятелей славянской идеи: не зная ихъ, нельзя имѣть понятія о первомъ періодѣ ея возрожденія. Я полагаю, что въ настоящее время оканчивается этотъ періодъ слявянства: періодъ страданій, терпѣній, пренебреженій, и тайнаго существованія славянскаго братства. Теперь мм. гг., пріѣздъ нашихъ братій Славянъ и нашъ братскій имъ пріемъ есть то явленіе, которое М. П. Погодинъ назвалъ эпохой, — отъ нея то и начнется второй періодъ историческаго развитія идеи славянскаго братства *(рукоплесканія)*. Наши братья Славяне собрались изъ разныхъ странъ славянскихъ и услышали, не увидѣли, а такъ сказать, *осязали* силы славянскаго братства. Съ этихъ поръ начинается уже не тайное существованіе славянской идеи, а явное и всеслышимое *(рукоплесканія)*. Не будемъ, господа, скрывать отъ себя, что этотъ періодъ будетъ для славянской идеи періодомъ воинственнымъ, и если онъ не будетъ сопровождаться дѣйствительною борьбою, то борьбою духовною, ибо наши заклятые враги Нѣмцы, почуявъ нашу силу, усилятъ свою ненависть къ Славянамъ *(рукоплесканія)*. Но,

господа, если славянская идея не умерла въ то время, когда она едва пробивалась, можемъ ли думать, что она умретъ теперь, когда она уже возрасла, укрѣпилась и усилилась сознаніемъ нашего братства? *(Рукоплесканія.)* Надобно желать одного, молить объ одномъ, да не иссякнетъ это наше братство. При этомъ невольно желается передать вамъ одно изъ воспоминаній моего путешествія по славянскимъ странамъ. Куда я не приходилъ, въ Чехію, Сербію, Хорватію, вездѣ меня встрѣчали истинно братски, но вездѣ такъ, что хозяинъ называлъ себя старшимъ братомъ, а я, Русскій, былъ вторымъ братомъ славянства. Едва ли не многіе изъ насъ принимаютъ и теперь также нашихъ братьевъ Славянъ. Пріятно было мнѣ быть вездѣ вторымъ братомъ, но грустно было видѣть, что никакъ не могли мы отдѣлаться отъ старѣйшинства и всѣхъ ему подобныхъ различій. Старѣйшій предполагаетъ младшаго, умнѣйшій слабоумнаго, образованнѣйшій менѣе образованнаго. До тѣхъ поръ, пока между нами будутъ существовать такія различія, не будетъ истиннаго братства; надобно, чтобы мы, въ каждомъ Славянинѣ принимали не умнѣйшаго, не сильнѣйшаго, не старѣйшаго, а просто обнимали бы его, какъ братъ обнимаетъ брата, не считая старѣйшинства, не справляясь объ умѣ и образованіи, не мѣряясь силою. *(Громкія и продолжительныя рукоплесканія.)* Говоря о братствѣ я чувствую, что мои слова слабы, и потому обращусь къ тому, предъ кѣмъ я всегда благоговѣлъ при его жизни, и память о которомъ осталась для меня священною, къ нашему истинно славянскому поэту Хомякову. Вотъ слова его, написанныя имъ въ альбомъ Ганки:

Не дай намъ рабскаго смиренья,
Не дай намъ гордости слѣпой,
И духъ мертвящій, духъ сомнѣнья,
Ты духомъ жизни успокой.

Потомъ, тутъ же прибавилъ онъ въ прозѣ: „Эта молитва у меня для всѣхъ Славянъ; если не будетъ сомнѣнія у насъ, то будетъ успѣхъ, сила въ насъ будетъ, только не забывалось бы братство“ *(рукоплесканія)*.

„Я прошу поднять кубокъ и выпить за совершеніе ко-

ное и безъисключительное братство славянское" (*продолжительныя рукоплесканія и крики: Слава! Браво!*).

Всѣ эти рѣчи сильно возбудили вниманіе присутствовавшихъ на банкетѣ. Но по мнѣнію многихъ, вопросъ, затронутый только что высказывавшимися ораторами, не былъ достаточно исчерпанъ. Порывавшихся говорить оказывалось много. Наконецъ, послѣ нѣкотораго перерыва, у хоругви Свв. Кирилла и Меѳодія показался князь В. А. Черкасскій, еще недавно принимавшій столь дѣятельное и полезное участіе въ управленіи Царствомъ Польскимъ. Мгновенно воцарилась тишина; 600 человѣкъ одушевленныхъ предшедшими рѣчами и частными разговорами превратились въ слухъ и вниманіе. Вотъ эта рѣчь въ точности стенографированая:

„Милостивые государи! Я прошу вашего снисходительнаго вниманія на нѣсколько лишь минутъ. На нынѣшнемъ общемъ нашемъ пирѣ я не готовился просить слова у нашего предсѣдателя; на случай же, еслибы довелось мнѣ просить слова, я рѣшился поставить себѣ обязанностію избѣгнуть по возможности упоминанія о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, касающихся печальной современной розни въ славянскомъ племени. Но два оратора равно мною уважаемые: одинъ изъ числа соотечественниковъ нашихъ, другой изъ среды нашихъ гостей, упомянули о Польшѣ и говорили объ отношеніяхъ ея къ Россіи. Мм. гг.! Я счелъ бы себя не правымъ, еслибы въ этихъ обстоятельствахъ не позволилъ себѣ просить вашего вниманія на нѣсколько минутъ, чтобы побесѣдовать съ вами рѣчью неприготовленною о томъ же самомъ предметѣ. (*Спасибо! спасибо! Рукоплесканія.*)

„Мм. гг.! Мнѣ кажется, я могу сказать, что между взглядомъ обоихъ ораторовъ, говорившихъ о Польшѣ, и моимъ взглядомъ, нѣтъ существеннаго противорѣчія, и что на этой почвѣ, какъ и на всякой другой въ общемъ славянскомъ дѣлѣ, мы всѣ, присутствующіе здѣсь, можемъ и должны сойдтись. Но всякая общая мысль требуетъ разъясненія въ подробностяхъ: каждое общее соображеніе слѣдуетъ провѣрить частными фактами, и лишь затѣмъ должны мы

постановлять свое окончательное сужденіе и опредѣлять свой образъ дѣйствій.

„Мм. гг.! Здѣсь была высказана мысль, которая, безъ сомнѣнія, близка и дорога всѣмъ намъ, мысль, что отношенія двухъ сторонъ: одной—великой, сильнѣйшей, самостоятельной и побѣдоносной, другой — меньшей и силою судьбы подчиненной, что желательно было бы эти отношенія основать на справедливости и правомѣрности. Если я не ошибаюсь, если я правильно понялъ мысль блистательной рѣчи, нами слышанной,—вотъ та мысль, которую хотѣлъ выразить одинъ изъ нашихъ гостей. Мм. гг.! Неужели здѣсь, въ этомъ собраніи, есть хотя одинъ человѣкъ, который не раздѣлялъ бы вполнѣ этого воззрѣнія? *(Нѣтъ! Всѣ желаемъ того же!)* Всѣ мы желаемъ того же, и я смѣю утверждать, что Россія достигаетъ этой цѣли вполнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ, мм. гг., можетъ выразиться правомѣрность? — Въ двухъ областяхъ: *in jure publico* и *in jure privato*, въ области государственнаго права и въ области частнаго права. Посмотримъ же, каковы отношенія двухъ сторонъ въ этихъ двухъ областяхъ, которыя, впрочемъ, такъ тѣсно между собою связаны, что нѣтъ возможности никому дѣйствовать въ одной изъ нихъ такъ, а въ другой иначе.

„Итакъ, мм. гг., соблюдена ли Россіей идея правомѣрности въ отношеніи къ несчастной Польшѣ, несчастной, впрочемъ, лишь по собственной винѣ? Соблюдена ли эта мысль въ области государствиннаго права? Мм. гг.! Многіе изъ насъ, здѣсь присутствующихъ, родились до 1814 г., многіе изъ васъ, даже по собственнымъ воспоминаніямъ и впечатлѣніямъ, знаютъ какія установлены были въ то время отношенія между Имперіей и Царствомъ. Мы можемъ, не краснѣя ни предъ Европой, ни предъ общимъ славянскимъ міромъ, ни предъ какою-либо отдѣльною отраслью славянскаго міра, здѣсь и вездѣ громогласно заявить, что отношенія эти были не только правомѣрны, но еще и въ высшей степени льготны. *(Рукоплесканія.)*

„Великодушный основатель Царства Польскаго,—я говорю основатель, ибо въ то время Польскаго государства

уже не существовало; оно уже растеряло свое политическое бытіе по всѣмъ стогнамъ Европы (*правда, правда*), Александръ I создалъ Польшу, и даровалъ ей политическую свободу; но я, къ сожалѣнію, долженъ присовокупить— ибо это всѣмъ извѣстно,—что эту политическую свободу тѣ же самые Поляки растеряли собственною виной два раза—и въ 1830, и въ 1863 годахъ. (*Рукоплесканія.*)

„Мм. гг.! Есть факты совершившіеся въ исторіи, факты, которыхъ изъ страницъ ея никто вычеркнуть не въ силахъ—ни бытописатель, ни политическіе люди. (*Рукоплесканія.*) Одинъ изъ такихъ фактовъ совершился между Россіей и Польшей. Россія покончила, она порѣшила разъ навсегда, безповоротно (*да, да!*), наши старые историческіе счеты; и подобно тому, какъ нѣтъ той силы на землѣ, которая могла бы измѣнить естественное теченіе рѣкъ и заставить ихъ струи течь не отъ источника къ устью, но отъ устья къ источнику; точно также нѣтъ той силы на свѣтѣ, которая могла бы перемѣнить установившіяся нынѣ государственныя отношенія Россіи къ Польшѣ (*громкія и продолжительныя рукоплесканія*).

„Изъ области государственнаго права, изъ этой шумной области, перейдемъ въ другую болѣе скромную и мирную сферу, въ сферу частныхъ отношеній. Я спрашиваю васъ, мм. гг., можетъ ли что либо для человѣка, въ его частной жизни, быть драгоцѣннѣе увѣренности, что онъ ограждается правымъ, надлежаще устроеннымъ судомъ, по возможности гласнымъ и быстрымъ? Что́ можетъ быть драгоцѣннѣе человѣку того убѣжденія, что потребность въ образованіи и просвѣщеніи его семьи, его дѣтей, удовлетворяется щедро? Что́ наконецъ затрогиваетъ его ближе, чѣмъ неблагодарная почва того податнаго устройства, требованіямъ котораго однако мы всѣ должны безропотно покоряться, ибо всякое государство требуетъ и имѣетъ право требовать отъ своихъ гражданъ средствъ для удовлетворенія общественныхъ нуждъ и потребностей? И наконецъ позвольте мнѣ, мм. гг., предложить вамъ еще одинъ общій вопросъ: можетъ ли кто бы то ни было имѣть право желать чтобъ одна какая либо область государства была льготнѣе

одарена, чѣмъ всѣ прочія области того же государства и чѣмъ господствующее его племя? (*Нѣтъ, нѣтъ!*) Обращаюсь ко всѣмъ славянскимъ гостямъ: я полагаю, они всѣ были бы довольны отъ перваго до послѣдняго, не перечисляя отдѣльныхъ племенъ и областей, еслибъ они во всѣхъ отношеніяхъ пользовались безусловно всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пользуется господствующее въ ихъ государствѣ племя. (*Слава! Живіо!*) За тѣмъ обратимся теперь къ каждому изъ указанныхъ мною предметовъ въ частности и прежде всего къ судебному устройству въ Польшѣ.

„У насъ, въ самой Россіи, при множествѣ громадныхъ заботъ, обременяющихъ правительство, судъ лишь въ недавнее время учрежденъ на тѣхъ началахъ, на которыхъ мы его видимъ нынѣ создавшимся; это есть одно изъ тѣхъ многочисленныхъ благодѣяній, которыя навсегда упрочатъ за нынѣшнимъ царствованіемъ любовь и преданность всего Русскаго народа (*слава, живіо, рукоплесканія*). Мм. гг.! Въ привислянскихъ, польскихъ губерніяхъ Россіи (*рукоплесканія*) судъ гласный и устный существовалъ гораздо прежде чѣмъ въ великорусскихъ, малороссійскихъ и другихъ губерніяхъ; это былъ судъ не столь совершенный какъ вновь вводимый у насъ нынѣ, но во всякомъ случаѣ несравненно совершеннѣе того, который существовалъ у насъ доселѣ. Что же касается до примѣненія новыхъ судебныхъ началъ въ Польшѣ, то дѣло это нынѣ уже начато разработкой.

„Въ отношеніи къ народному просвѣщенію достаточно будетъ припомнить нѣсколько простыхъ, грубыхъ фактовъ, всѣмъ намъ извѣстныхъ. Въ той губерніи, къ которой принадлежу я, именно въ Тульской губерніи, имѣющей до 1.200.000 жителей, есть только одна мужская гимназія, и то же можно сказать почти о всѣхъ внутреннихъ губерніяхъ; въ привислянскомъ краѣ Россіи, гдѣ теперь учреждено 10 самыхъ мелкихъ губерній, и гдѣ еще въ прошломъ году было только 5 губерній, едва равнявшихся нашимъ по народонаселенію, такихъ среднихъ учебныхъ заведеній состоитъ до 24. Это суть, мм. г., не слова, но факты, кото-

рыми мы можемъ смѣло отвѣчать на самыя взыскательныя требованія Европы (*рукоплесканія*).

„Мм. гг.! Я перехожу наконецъ къ повинностямъ. Въ 1864 и 1865 годахъ я имѣлъ случай довольно близко изучитъ этотъ вопросъ. Въ то время въ привислянскихъ губерніяхъ имперіи съ каждаго жителя приходилось всѣхъ податей и государственныхъ доходовъ около 4 рублей, а прежде того сходило еще менѣе, даже менѣе чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ Европы (*рукоплесканія*). Остальная Россія въ то же время платила до 6 рублей сереб. съ жителя. Въ настоящее время отношенія эти постепенно уравниваются, и должно надѣяться, что привислянскія губерніи будутъ приведены постепенно къ тому же податному знаменателю, подъ который подведена вся Россія (*желательно*). Но, мм. гг., позвольте вамъ доложить, что даже теперь самый тяжелый налогъ, ведерный налогъ съ вина въ привислянскихъ губерніяхъ, вдвое менѣе чѣмъ въ остальной Россіи. Вотъ нѣсколько безыскусственно собранныхъ фактовъ, которые, я думаю, могутъ успокоить и вашу личную совѣсть, и общую совѣсть всей Россіи какъ предъ Европой, такъ и предъ нашими дорогими славянскими гостями. (*Рукоплесканія; браво! благодаримъ!*)

„Таковы, мм. гг., наши отношенія къ Польшѣ. Вы видите, что они не только юридически справедливы, но даже и льготны. Затѣмъ пожелаемъ, чтобъ и въ самой польской средѣ зародились или, лучше сказать, развились другія, болѣе справедливыя къ намъ чувства; я говорю развились, ибо вѣрю несомнѣнно, что такія чувства отчасти уже зародились, вѣрю потому, что видѣлъ отношенія польскаго крестьянства къ намъ Русскимъ. Я видѣлъ съ какою благодарностью принимали они тѣ благодѣянія, которыя расточались имъ высочайшими указами (*рукоплесканія*). Итакъ будемъ желать, чтобъ эти сѣмена разрослись еще болѣе, и принесли въ свое время обильные плоды (*рукоплесканія*). Мм. гг.! Когда сыны Польши добровольно возвратятся къ нашей общей братской трапезѣ, въ общій родительскій домъ, но не какъ строптивые сыны, а, подобно блудному сыну, во всеоружіи искренняго, смиреннаго раскаянія, тог-

да Полякамъ будутъ широко раскрыты наши братскія объятія (*рукоплесканія*), и не будетъ въ нашемъ стадѣ довольно жирнаго тельца, не будетъ тельца въ нашемъ стадѣ, котораго мы пожалѣли бы заклать для этого радостнаго пира. (*Рукоплесканія. Такъ! Такъ! Правда!*)

„Мм. гг.! Я кончу свое слово нѣсколькими пожеланіями. Пожелаемъ, чтобы голоса, власть имѣющіе надъ умами, обратились къ самому польскому народу съ убѣжденіемъ, что лишь отъ него зависитъ его будущая судьба. Мм. гг.! Тотъ кто будетъ имѣть смѣлость прямо, лицомъ къ лицу, откровенно высказать эту истину польскому народу и кто успѣетъ убѣдить польскій народъ, тотъ окажетъ и ему и намъ и всему славянскому дѣлу такую неоцѣненную услугу, которой ни мы и никто достаточно оцѣнить не въ силахъ. (*Рукоплесканія.*)

„Выражу еще другое пожеланіе: пускай эти же, власть имѣющіе голоса, обратятся къ тому же несчастному племени и скажутъ ему: Россіи, конечно, вамъ трудно доказать теперь же, немедленно, ваши родственныя чувства; но есть племя въ Европѣ, живущее за предѣлами Россіи, племя разбитое, племя нынѣ находящееся подъ чужою пятой, племя не просящее себѣ ни силы, ни власти, ни преобладанія, а лишь защиты. (*Громкіе, восторженные клики. Каноникъ Головацкій, сидѣвшій прямо предъ ораторомъ, наклонилъ голову, и крупныя слезы закапали на его тарелку.*) Внемлите просьбамъ этихъ вашихъ собратій, русскихъ Галичанъ, устройте для нихъ дѣло такъ, какъ оно было устроено для васъ въ привислянскомъ краѣ, дайте имъ то, что дано вамъ. (*Громъ рукоплесканій. Сильное движеніе.*)

„И это увѣщаніе, мм. гг., если оно увѣнчается успѣхомъ, принесетъ самые лучшіе плоды (*рукоплесканія*). Изъ этого сближенія, изъ этихъ новыхъ отношеній двухъ родственныхъ въ Галиціи племенъ, мы увидимъ, имѣемъ ли мы и въ нашихъ отношеніяхъ къ Полякамъ дѣло съ одними лишь звуками, съ одними призраками, или же имѣемъ дѣло съ дѣйствительностью, съ искренностью и прямотой (*рукоплесканія*). Мм. гг.! Будущность Поляковъ отнынѣ въ ихъ собственныхъ рукахъ! (*Правда!*)

„Коснувшись русскихъ Галичанъ, я охотно пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы вспомнить вмѣстѣ съ вами нѣкоторыя имена, дорогія и Галичанамъ и намъ. Пора оставить поле распри и раздора, и перейдти къ такимъ чувствамъ, которыя могутъ соединить всѣхъ насъ безъ исключенія. Мм. гг.! Я не стану утруждать васъ подробнымъ изложеніемъ исторіи Галичанъ. Всѣ знаютъ, что Галичъ былъ искони русскій край; всѣ знаютъ, что и въ новѣйшее время часть австрійскаго Галича была соединена съ Россіей между 1809 и 1814 г.; всѣ знаютъ, что часть галицкой земли и нынѣ принадлежитъ Россіи, именно та часть, которая находится въ Люблинской губерніи и гдѣ лежитъ любезный намъ Холмъ. И въ этой галицкой землѣ, о бѣдствіяхъ которой я упоминать въ настоящее время не желаю, было цѣлое поколѣніе людей, трудившихся и сѣявшихъ на своей родной нивѣ, усердно работавшихъ на свой народъ. Имена ихъ вамъ присущи. На нынѣшнемъ братскомъ пирѣ позвольте вспомнить ихъ и прежде всего позвольте вспомнить съ благоговѣніемъ и благодарностью ту охранительную, спасительную для русской народности роль, которую въ томъ краѣ играло и нынѣ играетъ грекоуніатское духовенство *(громкія рукоплесканія)*. Помянемъ прежде всего покойника. Слава и вѣчная память усопшему святителю галицкой земли, высокопреосвященному митрополиту Яхимовичу, который съ самой молодости и до гробовой доски посвятилъ себя дѣлу отечественной науки и роднаго церковностроительства *(вѣчная память!)*. Вспомнимъ и скажемъ также вѣчную память другому труженику науки, бывшему близкимъ знакомымъ митрополита Яхимовича и оставившему послѣ себя великій памятникъ, я говорю о Зубрицкомъ, историкѣ Червонной Руси, о томъ Зубрицкомъ, трудъ котораго переведенъ на русскій языкъ стараніемъ О. М. Бодянскаго. Затѣмъ перейдемъ къ живымъ и прежде всего вспомнимъ нашего дорогаго и любезнаго всѣмъ гостя Якова Ѳедоровича Головацкаго. *(Рукоплесканія. Живіо! Слава!)* И наконецъ слава всѣмъ сподвижникамъ митрополита Яхимовича и преемникамъ дѣла его на галицкой землѣ, достопочтеннѣйшимъ: прелату Куземскому

и канонику Петрушевичу, неутомимому священнику Наумовичу, и двумъ мірянамъ, редакторамъ русскихъ журналовъ— *Слова* и *Страхопуда* — Дѣдицкому и нашему гостю Ливчаву. *(Слава! живили! ура!)*"

Невозможно описать то впечатлѣніе, которое произвела рѣчь высокоуважаемаго оратора. Толпы кинулись обнимать его; со всѣхъ сторонъ кричали: *спасибо*, *благодаримъ*, *благодаримъ!*

Многіе еще тотчасъ вслѣдъ за рѣчью Ригра заявляли желаніе говорить, между ними докторъ Политъ и докторъ Ценова, но должно было соблюдать очередь и въ силу того получилъ слово Георгіевичъ, Сербъ изъ Княжества, студентъ Вѣнскаго университета, основавшій въ Вѣнѣ литературное Общество сербскихъ молодыхъ людей, подъ названіемъ *Заря*. Онъ сказалъ (по-сербски):

„Господа! Когда смотрю я на эти ряды лицъ, свѣтлыхъ и славныхъ, сидящихъ за этими столами, я читаю на нихъ такой вопросъ: что̀ это за смѣлый юноша поднимается съ мѣста своего и начинаетъ говорить оттуда, откуда только что произносили слова свои мужи, подобные Погодину, Ригеру, Аксакову, Соловьеву, Чижову? Я и самъ вижу, что эта рѣшимость моя дерзка! Но и не поднялся бы я съ своего мѣста, еслибы хотѣлъ выразить одну лишь теплоту своихъ чунствованій. За эти дни были выражаемы чувства многократно этими знаменитыми мужами; чувствами мы уже обмѣнялись! Я же, напротивъ того, почерпаю свою силу говорить въ этомъ собраніи изъ моего искренняго и сильнаго желанія, чтобы свиданіе наше, къ которому пришлось намъ пробиваться въ продолженіе стольвихъ вѣковъ сквозь препятствія, полагаемыя невѣжествомъ и предразсудками, чтобъ это вождѣленное свиданіе не прошло въ однихъ изліяніяхъ радостныхъ чувствъ, въ однихъ тостахъ. Нѣмецкая журналистика ругается надъ нашимъ съѣздомъ, извращаетъ его значеніе. Даже въ самомъ Петербургѣ нашлась нѣмецкая газета (St.-Petersburger Zeitung), которая такъ судитъ о насъ: „Съ чего поднялся этотъ шумъ, эти клики къ славянскимъ гостямъ, откуда взялось это важное значеніе ихъ пріѣзда? Все это забудется, какъ

скоро гости разъѣдутся по домамъ, что и сталось уже съ Американцами, которыхъ встрѣчали здѣсь съ такимъ же торжествомъ, съ такимъ же шумомъ.“ Я увѣренъ, что эти господа обманутся, что нашъ съѣздъ не преминетъ принести плоды для всѣхъ славянскихъ народовъ. Я теперь желалъ бы говорить о тѣхъ средствахъ, которыми могло бы осуществиться вождѣленное единство славянскихъ народовъ. Но позвольте мнѣ, прежде всего, прочесть телеграмму, полученную нами сегодня. Она содержитъ въ себѣ привѣтъ отъ юношескаго сербскаго общества „Зари“, основаннаго въ Вѣнѣ, къ почетному собранію этого дня. Вотъ она: „Привѣтъ братьямъ-Славянамъ, собравшимся нынѣ ради осуществленія славянскаго единства, привѣтъ братьямъ Русскимъ за родной пріемъ родныхъ братьевъ.“ Всѣ присутствующіе здѣсь, конечно, спросятъ, за исключеніемъ Сербовъ: что за общество „Заря“, что это за сербское юношество? Я долженъ отвѣтить на этотъ вопросъ прежде нежели перейду къ дѣлу. Въ послѣдніе годы возникли во всѣхъ главныхъ городахъ Сербіи общества, имѣющія цѣлью развитіе народной литературы и всестороннее воспитаніе народной жизни. Въ прошломъ году сошлись всѣ эти общества, вмѣстѣ съ представителями всего сербскаго юношества, въ одно собраніе въ Новомъ Садѣ и тутъ рѣшили распространеніемъ просвѣщенія и знаній въ народѣ помочь и освобожденію народа и его единству. Они положили сосредоточивать и сохранять все, что составляетъ бытіе народное: поднять его науками, дабы онѣ не были достояніемъ не многихъ, и тѣмъ возвысить какъ матеріяльное, такъ и нравственное благосостояніе народа. Новосадское собраніе, на которомъ были представлены общества всѣхъ земель сербскихъ, избрало своимъ представителемъ вѣнское общество „Заря“, поставивъ себѣ въ священную обязанность участіе въ съѣздѣ, составляющемъ эру въ исторіи славянства. Итакъ, мнѣ достались и честь и счастіе явиться среди васъ, почтенные господа, представителемъ сербскихъ литературныхъ обществъ *(рукоплесканія)*.

„Теперь поговоримъ о способѣ осуществленія славянскаго единства. Г. Ригеръ въ своей рѣчи на университетскомъ обѣдѣ ясно показалъ, что это единство должно заключаться единственно въ духовной гармоніи. Но эта гармонія можетъ быть весьма разнородна. Нѣкоторые предлагали принять одинъ изъ языковъ славянскихъ, напримѣръ, русскій, за общій всѣмъ литературный языкъ Славянъ. По моему мнѣнію, такой шагъ не принесъ бы съ собою никакой практической пользы. Тысячелѣтняя усобная исторія сообщила каждому славянскому племени свою рѣзкую физіономію, которая не только не позволяетъ имъ войдти въ составъ одного огромнаго цѣлаго, но и дѣлаетъ такой шагъ вреднымъ для всего славянства. Еслибы всѣ славянскіе литераторы приняли это предложеніе и начали бы писать однимъ общимъ языкомъ, чего бы достигли они этимъ? Они бы создали среди славянскихъ народовъ одну касту литераторовъ, самые же народы не понимали бы собственной литературы. Еслибы даже мы ввели такой общеславянскій языкъ во всѣ славянскія школы, какъ главный языкъ, сколько нужно будетъ времени, пока языкъ этотъ проникнетъ во всѣ слои всѣхъ славянскихъ народовъ, пока онъ въ самомъ дѣлѣ станетъ общимъ. Въ виду событій, которымъ идемъ на встрѣчу, намъ нужно поискать ближайшаго средства сближенія.

„Другіе братья говорятъ: „Намъ нуженъ общій языкъ, не какъ литературный, общедоступный, но какъ языкъ строго-научный, для той отрасли литературы, которая недоступна массѣ народа.“ По моему мнѣнію, нѣтъ науки, которую не слѣдовало бы сдѣлать общимъ достояніемъ народа, а, съ другой стороны, я думаю что у науки нѣтъ народности, она выше народныхъ различій, она универсальна. Для ея развитія не нуженъ единый языкъ; мы, напротивъ, видимъ что она идетъ исполинскими шагами впередъ именно съ той поры, какъ освободилась отъ оковъ общаго языка латинскаго. Высшими науками занимаются люди, которымъ доступны языки тѣхъ источниковъ, изъ коихъ они черпаютъ свои занятія. Наконецъ, было бы странно ради этихъ

наукъ жертвовать тѣмъ что̀ составляетъ залогъ народной самобытности, жертвовать языкомъ.

„Но есть еще одинъ путь единенія Славянъ, болѣе практическій, который можетъ привести къ осуществленію его безъ всякихъ жертвъ. Этотъ путь есть учрежденіе по всѣмъ славянскимъ странамъ обществъ подобныхъ сербскимъ юношескимъ обществамъ, но съ расширеніемъ круга ихъ дѣйствій. Вчера въ университетской залѣ съ особеннымъ восторгомъ слушалъ я рѣчь г. Безсонова, и пріятно было мнѣ изъ сказаннаго имъ заключить, что и на Руси есть люди, которые съ особенною любовью обнимаютъ все славянское, что и въ глазахъ русскихъ литераторовъ главное и первое есть народъ и его творчество. Но ораторъ ограничился нардною поэзіей, а я думаю, что въ этомъ неисчерпаемомъ источникѣ всего, что чисто и прекрасно своей простотой, содержатся и другія богатства, которыхъ доселѣ еще не коснулись славянскіе литераторы. Я разумѣю народную медицину и юридическіе обычаи народные. Тѣ общества, учрежденіе которыхъ я предлагаю, должны бы были собирать свѣдѣнія этого рода, ихъ обрабатывать. А вмѣстѣ съ тѣмъ, все стараніе этихъ обществъ должны бы направить на то, чтобы каждый славянскій народъ изучалъ по возможности всѣ славянскія нарѣчія. Тогда все добросовѣстное, образцовое, что̀ появится въ каждой литературѣ, станетъ скоро общимъ достояніемъ посредствомъ перевода. Этимъ средствомъ мы достигнемъ единства въ направленіи нашей литературы, т.-е., все будетъ клониться къ одной цѣли, къ водворенію единаго духа во всѣхъ насъ.

„Такимъ образомъ, думаю я, мы скорѣе соберемъ духовное ополченіе всѣхъ славянскихъ народовъ, когда придется намъ занять первые ряды въ борьбѣ человѣчества противъ деспотизма и невѣжества.“

Затѣмъ всталъ Браунеръ и произнесъ (по чешски):

„Братья Славяне! Если и я становлюсь подъ эту хоругвь, намъ всѣмъ священную, то не для того чтобы произнести большую рѣчь, подобную тѣмъ рѣчамъ, исполненнымъ

искренности и правды, какихъ мы слышали сегодня не мало. Я хочу лишь предложить тостъ, но тостъ столь важный и изъ глубины сердца идущій, что онъ можетъ быть предложенъ подъ этою священною хоругвью. Братья Славяне! Мы пришли съ запада и съ юга. Сегодня угощаетъ насъ городъ Москва! Чѣмъ важнѣе хозяинъ, чествующій гостей, тѣмъ болѣе чести гостямъ. Мы чувствуемъ это всѣ равносильно; мы почитаемъ этотъ моментъ за моментъ высокой важности, за моментъ достопамятный, историческій *(Слава!)*

„Матушка Москва изъ городовъ всего славянскаго міра есть не только городъ наибольшій, но и славнѣйшій и наиболѣе достопамятный. Во всѣ вѣка своего историческаго бытія матушка Москва сохраняла свой славянскій характеръ, она сохранила потомству всѣ драгоцѣнные памятники своей старины. Она славится, наконецъ, и отвагой и храбростью своихъ сыновъ передъ другими городами. Когда бы ея ни коснулась рука чуждая, непріятельская, всегда Москва имѣла довольно силы покарать своего злодѣя и освободиться отъ него. Матушка Москва сбросила съ себя ярмо диких Татаръ, которыхъ мощное завоеваніе проникло уже до средины Европы; ея мощи достало и къ покоренію ихъ дикой силы; Москва поработила ихъ славянству. Матушка Москва вырвала свой скипертъ руками Минина и Пожарскаго изъ рукъ сильнаго врага на Западѣ. Когда, наконецъ, въ новѣйшее время гигантское ополченіе, предводимое величайшимъ мужемъ своего вѣка и уже завоевавшее едва не цѣлый континентъ Европы, пришло къ стѣнамъ священнаго Кремля, матушка Москва, подобно Муцію Сцеволѣ, отклонила отъ себя грозящую бѣду великимъ дѣяніемъ,—простерла свою руку въ огненное пламя. Подобно римской Лукреціи, отомстила она свою дѣвственную чистоту: сожгла самое себя, чтобы выйдти изъ своего пепла, подобно фениксу, въ новомъ блескѣ *(одобреніе.)*

„Этотъ безпримѣрный геройскій подвигъ воспѣлъ нашъ вдохновенный Коларъ. Онъ спрашиваетъ Москву: „Скажи намъ ты, мать свѣтлоликая, что побудило тебя къ такому подвигу?“ И отвѣтила Москва: „Я хотѣла возжечь свѣтъ

для слѣпцовъ, чтобъ узрѣли они, наконецъ, кто я, и кто мои дѣти!“ И возникъ изъ пепла и развалинъ этотъ новый фениксъ! Обновленная Москва пошла во главѣ городовъ славянскихъ по пути нравственнаго и матеріальнаго совершенствованія. Здѣсь языкъ великаго народа проникъ во всѣ слои общества, и сравнялъ тѣ грани, которыя раздѣляли эти слои; здѣсь мысль о славянской взаимности достигла своего полнаго осуществленія въ наукѣ и литературѣ славянской; здѣсь и промышленность и торговля, при всѣхъ своихъ великихъ размѣрахъ, получили характеръ народный, славянскій. Итакъ, пью здоровье нашей славной хозяйки: „Слава митрополіи городовъ славянскихъ, матушкѣ-Москвѣ! Слава ея городскому головѣ!“ *(Слава!)*

Былъ уже девятый часъ. Публика собравшаяся въ павильйонѣ, съ нѣкоторымъ эгоизмомъ, весьма впрочемъ понятнымъ среди такихъ ощущеній, забыла, что на широкомъ Ширяевомъ полѣ тысячи людей ждали своей очереди заявить заграничнымъ братьямъ свое сочувствіе. Нетерпѣніе этихъ тысячъ московскаго народа стало выражаться восклицаніями, которыя какъ ревъ океана покрывали шумъ въ павильйонѣ. Тогда нѣкоторые изъ гостей подняли хоругвь, и подъ ея священнымъ знаменемъ выступила изъ павильйона славянская депутація. Это былъ поистинѣ несравненный моментъ, зрѣлище возвышающее душу. Это море человѣческихъ головъ, покрывавшихъ склонъ отъ павильйона къ Сокольничьей рощѣ, мгновенно смолкло предъ священнымъ символомъ славянскаго единства. Всѣ обнажили головы предъ хоругвью, несомою однимъ изъ православныхъ священниковъ. Хоругвь внесли на возвышенную платформу, обращенную къ рощѣ. Раскатъ громоваго „ура“ встрѣтилъ появленіе хоругви. Подъ звуки оркестра, игравшаго „Боже, царя храни!“ присутствовавшіе пропѣли подъ хоругвью народный гимнъ. Затѣмъ стоя подъ хоругвью, городской голова провозгласилъ здоровье славянскихъ гостей. Здоровье Москвы! произнесъ Головацкій, сказавшій нѣсколько словъ къ народу. Голова провозгласилъ: Здоровье всѣхъ Славянъ!—Здоровье московскаго люду!—вы-

крикнулъ Словакъ Мудронь. Здоровье Русскому народу!— прибавили галицкій Русскій Павлевичъ и венгерскій Русскій, священникъ Молчанъ. Нѣкоторые другіе изъ гостей также обращались съ привѣтственными словами къ народу. Восторгъ народа былъ неподдѣльный, когда онъ слышалъ славянскую рѣчь изъ устъ говорившихъ. „Это наши! это свои!"—раздавались крики въ толпѣ. Шапки летѣли въ воздухъ, матери поднимали дѣтей надъ головами, показывая имъ говорившихъ. Такъ прошло съ полчаса. Когда духовенство воротилось въ павильйонъ, священникъ П. А. Преображенскій сказалъ:

„Отцы и братія!

„Среди настоящаго праздника, на роскошномъ пирѣ, устроенномъ здѣсь щедрыми и гостепріимными гражданами первопрестольной Москвы для братьевъ нашихъ по крови, прибывшихъ изъ дальнихъ странъ за предѣлами Россіи, забудемъ ли мы о братьяхъ нашихъ, оставшихся тамъ дома, среди ежедневныхъ бѣдствій порабощенія, среди страданій и скорбей угнетенія отъ враговъ Креста, среди кровавой борьбы съ жестокими мучителями?... Мы, Русскіе, сами испытали тяжкое иго татарское, избавленіе отъ котораго заступничествомъ Пресвятой Богородицы нынѣ торжественно празднуетъ Москва. Нѣкогда Господь Спаситель на брачномъ пирѣ въ Канѣ Галилейской, внявъ просьбѣ Матери своей сострадавшей о недостаткѣ вина, претворилъ воду въ вино, и тѣмъ положилъ начало знаменіямъ своего величія и спасенія рода человѣческаго. И нынѣ милосердый Господь да претворитъ воды слезъ и скорбей, коими наполнена до верха земля порабощенныхъ братій нашихъ, да претворитъ ихъ въ вино радости и веселія, да устроитъ для всѣхъ Славянъ братскій пиръ свободы, мира и любви."

Изъ програмы обѣда осталась неисполненною одна часть; не было прочтено присланное для этой цѣли стихотвореніе Ф. И. Тютчева. Его прочелъ сперва С. М. Сухотинъ, потомъ, по требованію публики еще разъ И. С. Аксаковъ. Вотъ это стихотвореніе:

Австрійскимъ Славянамъ.

Man muss die Slaven an die Mauer drücken („Славянъ должно прижать къ стѣнѣ“—слова австрійскаго министра барона Бейста).

Они кричатъ, они грозятся:
„Вотъ къ стѣнкѣ мы Славянъ прижмемъ!“
— Ну, какъ бы имъ не оборваться
Въ задорномъ натискѣ своемъ?..

Да, стѣнка есть — стѣна большая,
И васъ не трудно къ ней прижать.
Да польза-то для нихъ какая?
Вотъ, вотъ что трудно угадать.

Ужасно та стѣна упруга,
Хоть и гранитная скала,—
Шестую часть земнаго круга
Она давно ужь обошла.

Ее не разъ и штурмовали,
Кой-гдѣ сорвали камня три,
Но напослѣдокъ отступали
Съ разбитымъ лбомъ богатыри.

Стоитъ она какъ и стояла,
Твердыней смотритъ боевой,—
Она не то чтобъ угрожала,
Но... каждый камень въ ней живой.

Такъ пусть же бѣшенымъ напоромъ
Тѣснятъ васъ Нѣмцы и прижмутъ
Къ ея бойницамъ и затворамъ...
Посмотримъ, что̀ они возьмутъ...

Какъ ни бѣсись вражда слѣпая,
Какъ ни грози вамъ буйство ихъ,—
Не выдастъ васъ стѣна родная,
Не оттолкнетъ она своихъ.

Она разступится передъ вами
И какъ живой для васъ оплотъ,
Межь вами станетъ и врагами,
И къ нимъ поближе подойдетъ... *(Рукоплесканія.)*

По прочтеніи во второй разъ стихотворенія Тютчева; взошелъ на столъ молодой Болгаринъ, воспитанникъ Московскаго университета г. Жинзифовъ, со словами: „міръ славянскій, прошу слова", произнесенными взволнованнымъ голосомъ. Присутствовавшіе многочисленные гости, своимъ единодушнымъ молчаніемъ и видимымъ вниманіемъ, одобрили его просьбу. Рѣчь г. Жинзифова была не многословна, но онъ говорилъ съ такимъ энтузіазмомъ, съ такимъ горячимъ, патріотическимъ чувствомъ, что не однократно слушатели прерывали его то продолжительными рукоплесканіями, то громкими продолжительными возгласами. Вотъ эта рѣчь, заключившая безпримѣрный въ лѣтописяхъ славянскихъ племенъ праздникъ:

„Братья Славяне! Какъ Болгаринъ, прошу васъ позволить мнѣ сказать нѣсколько скромныхъ словъ отъ имени того славянскаго племени или народа, извѣстнаго подъ именемъ Болгаръ, который населяетъ значительную часть Балканскаго полуострова. Сознаюсь, что мое слово слабо и блѣдно, но оно, смѣю увѣрить васъ, исходитъ изъ глубины души моей, и обращено съ искреннею любовью и глубокою признательностью къ великому народу Русскому, создавшему единственное въ мірѣ могущественное и крѣпкое славянское государство! *(Одобреніе.)*

„Здѣсь на этомъ мѣстѣ, надъ головами всѣхъ насъ, возвышалась и развѣвалась святая хоругвь! Это—священное знамя, осѣнявшее въ первый разъ, послѣ долгой исторической разлуки, всѣхъ насъ славянскихъ братьевъ, знамя, на которомъ изображены лики святыхъ равноапостольныхъ просвѣтителей всѣхъ безъ исключенія Славянъ, святыхъ Кирилла и Меѳодія. Никто не станетъ спорить, что это священное знамя есть достояніе общеславянское. Это такъ! Тѣмъ не менѣе однако, не забудемъ, что наши славянскіе просвѣтители и изобрѣтатели славянской грамоты, св. Кириллъ и Меѳодій, родились въ болгарской, или что все равно, въ славянской Македоніи, что они жили и взросли среди того народа, предки котораго говорили на томъ же языкѣ, который славянскіе просвѣтители глубоко изучили, и на который они переложили Священное Писаніе.

„Изъ ихъ рукъ всѣ славянскія племена, въ томъ числѣ и Русскіе приняли св. Евангеліе, на языкѣ сравнительно общедоступномъ для каждаго изъ родственныхъ между собою славянскихъ племенъ. Чрезъ нихъ, и ихъ вѣрныхъ послѣдователей, посѣяно въ великой русской землѣ сѣмя славянской науки и святой истинной православной вѣры, которая есть краеугольный камень всего бывшаго, настоящаго и будущаго историческаго развитія и просвѣщенія русскаго народа.

„Братья! Здѣсь не мѣсто, да притомъ нѣтъ у меня достатка времени, чтобы раскрыть скрижали, въ которыхъ написаны историческія судьбы и дѣянія болгарскаго народа. Точно также я не могу теперь изложить предъ вами, какое мѣсто занималъ и занимаетъ болгарскій народъ въ ходѣ историческаго развитія славянскихъ народовъ, и какія основанія положилъ онъ своими произведеніями на славянскомъ или древне-болгарскомъ языкѣ, для развитія славяно-русской словесности въ Русской землѣ. Но я считаю священною обязанностію своей сказать русскому народу, что въ настоящее время весь болгарскій народъ стонетъ подъ тяжкимъ невыносимымъ игомъ азіятскихъ наѣздниковъ! Братья Русскіе! Неужели же вы, могущественные и крѣпкіе духомъ и тѣломъ, позабудете этотъ многострадальный болгарскій народъ, находящійся слишкомъ пять столѣтій подъ ненавистнымъ ярмомъ свирѣпыхъ и кровожадныхъ Турокъ? *(Нѣтъ, нѣтъ, не забудемъ.)* Неужели, вы, кого Богъ наградилъ всѣми благами, въ обширномъ смыслѣ этого слова, не подадите руку помощи страждущему болгарскому народу? *(Да, да, мы ему поможемъ!)* Братья! Болгарскій народъ вполнѣ вѣритъ что, когда наступитъ пора, а эта пора не далеко, великій Русскій народъ съ радостію поспѣшитъ на помощь ему для избавленія его отъ многовѣковаго тяжкаго ига!...

„Здѣсь раздавались звуки могучаго русскаго языка, раздавались звуки чешско-словацкаго языка, а также и звуки сербо-хорватскаго. Позвольте и мнѣ сказать нѣсколько словъ по-болгарски. Для этого я предлагаю болгарскую *здравицу*. Какъ жаль что нѣтъ вина!“

Поданъ былъ стаканъ съ виномъ, который держа въ руцѣ, г. Жинзифовъ съ большимъ одушевленіемъ и громкимъ голосомъ произнесъ стихотвореніе „Здравицу" написанное имъ самимъ.

Съ руйно вино домородно
Некъ наполнимъ до три чаши,
Братя редомъ, братя сложно
Некъ ги земимъ въ руцѣ наши.

Сме Славяне какъ Московцы,
Сьрбы, Чехи и Словацы,
Чьрногорцы, Ерцеговцы,
И Хърваты, и Бошняцы.

Братя! вече дошла доба
Да испіемъ пьрву чашу,
Не за зависть, не за злоба,
Но за братство, дружбу нашу, *(одобреніе)*

Треба вѣра, твьрда клетва,
Да сме вѣрны мы до гроба,
Да сме чисты като жертва
Като въ майчина утроба.

Некъ испіемъ втору чашу,
Че время іе пакъ наново,
Да загърмитъ въ землю нашу
Матерно ны живо слово.

Некъ ся ширитъ, ся раздава
Въ Българія горня, долня,
Отъ Вардáра до Дунáва,
Дума свободна, народна *(рукоплесканія)*.

Айде сега трету чашу
Некъ испіемъ мы до капка,
Нравы ны, народность нашу
Да не газитъ нога вражска.

Гологлавы! въ руцѣ шапки!
Обьрнете дно на чаши:
Какъ щь капутъ тіѣ капки
Такъ да капнутъ врази наши!

При произношеніи Здравицы, автора не разъ прерывали громкими рукоплесканіями и одобреніями. Его словами заключены были рѣчи произнесенныя на этомъ обѣдѣ. Ихъ смѣнили бесѣды отдѣльными кружками. Только къ полночи опустѣлъ великолѣпный шатеръ.

Обѣдъ 21-го мая, благодаря рѣчамъ Ригера и князя Черкасскаго, получилъ важное значеніе не только для присутствовавшихъ на немъ, но и для всѣхъ Славянъ, принимающихъ къ сердцу вопросъ о славянской взаимности. Ригеръ исполнилъ обѣщаніе, взятое съ него въ Парижѣ польскою эмиграціей, и произнесъ слово о примиреніи между русскимъ народомъ и покинувшими родину Поляками. Болѣе требовать отъ него была не въ правѣ польская эмиграція.

Польскія газеты уже давно ожидали рѣчи со стороны Ригера о вопросѣ, подсказанномъ ему въ Парижѣ, и *Dziennik Poznański* уже успѣлъ упрекнуть его въ томъ, что ни въ Варшавѣ, ни въ Петербургѣ Ригеръ не говорилъ ни слова о Полякахъ. Теперь, казалось бы, польскія газеты должны были отдать справедливость искреннимъ и весьма умѣреннымъ относительно польской эмиграціи словамъ чешскаго оратора. На дѣлѣ вышло не такъ. *Dziennik Poznański*, *Czas*, *Dziennik Polski*, *Gazeta Narodowa*, *Gazeta Toruńska* не только отреклись отъ словъ Ригера, не признали за нимъ права быть истолкователемъ желаній польской эмиграціи, но и обвинили его въ недоброжелательствѣ ко всему польскому народу. *Gazeta Narodowa* напечатала въ своихъ столбцахъ посланіе къ Ригеру нѣкоего г. Костецкаго, въ которомъ крупная брань перемѣшивалась съ выраженіями, подсказанными озлобленною мыслію. Чешскія газеты поспѣшили объявить, что въ виду такого положенія, принятаго польскою печатью, онѣ не считаютъ нужнымъ давать какія бы то ни было объясненія на крики крайней польской партіи. Болѣе счастливъ былъ князь В. А. Черкасскій. Проживающіе въ Москвѣ Русскіе изъ Галиціи поднесли ему адресъ, въ которомъ благодарили его за слова о Галиціи, коими онъ заключилъ свою рѣчь. Вотъ этотъ адресъ, напечатанный въ № 71 газеты *Москва:*

„Ваше сіятельство! Искренне-братское пожеланіе, кото

рое вы въ Сокольникахъ, среди представителей всего славянскаго міра, во благо Галицкой Руси, провозгласить изволили, побуждаетъ насъ немногихъ въ Москвѣ проживающихъ ея сыновъ высказать вамъ чувства той восторженной благодарности, которая надолго не перестанетъ волновать сердца издавна признательной къ вамъ братіи. Слова наши, хотя они только отголосокъ многихъ тысячъ голосовъ, пусть будутъ вамъ свидѣтельствомъ того общаго воодушевленія, которое, овладѣвъ повсюду Русскими въ Галиціи, уже успѣло украсить вашимъ именемъ немногія свѣтлыя страницы ея мрачной лѣтописи.

„Съ признательностью и любовью повторяетъ она заявленное вами ея дѣтямъ сочувствіе, и какъ уже прежде дорожила заботливостью вашею, такъ отселѣ въ словахъ вашихъ съ восторгомъ привѣтствуетъ она зарю лучшей судьбы себѣ. Если же прежде дѣятельность ваша была для нея утѣшеніемъ въ минуты тяжкихъ истязаній, ободреніемъ послѣ мучительной устали, то свѣжее заявленіе о святости ея правъ и справедливости ея скромныхъ требованій, впервые всенародно и торжественно, предъ лицомъ цѣлаго славянства, произнесенное вами, даетъ ей надежду на желаемую будущность, надежду быть участницей строенія общаго славянскаго храма.

„Съ возобновленными силами, ободренная вами, выступаетъ она на сцену новыхъ начинаній, и торжествуя напередъ успѣхъ вашего къ Славянамъ воззванія, она, въ благодарность за надѣленное въ ихъ средѣ ей мѣсто шлетъ вамъ нашими устами несмолкаемое „слава!“ *(Слѣдуютъ подписи.)*

Русскія газеты также должны были отозваться на вопросъ, затронутый Ригеромъ въ ихъ рѣчи, — и мы приводимъ здѣсь отвѣтъ данный въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, сущность коего перепечатана была не только въ нѣкоторыхъ изъ русскихъ газетъ, но и въ большинствѣ славянскихъ, что придало ему особую важность. Вотъ что было между прочимъ сказано въ этомъ отвѣтѣ:

„Мы не думаемъ, чтобы Русскимъ нужно было примиряться съ Поляками, — не думаемъ, потому, что примиреніе пред-

полагаетъ вражду и ненависть; но вражды и ненависти къ людямъ польскаго происхожденія въ нашей общественной средѣ не было даже въ то время, когда кипѣло возстаніе, когда русское имя предавалось на всѣхъ площадяхъ Европы поруганію, когда плевали въ лицо нашимъ солдатамъ и измѣннически рѣзали ихъ, когда разсылались жандармы-вѣшатели и поджигатели и когда повсюду въ нашемъ отечествѣ обнаруживалась сѣть предательства и обмана, которою были опутаны и правительство, и общество. Русское общество, напротивъ, подвергалось болѣе упрекамъ въ апатіи, или излишнемъ благодушіи. И въ самомъ дѣлѣ, во всякой странѣ общественное мнѣніе выразилось бы при такихъ обстоятельствахъ очень сурово и неразборчиво, какъ у насъ оно не выражалось. Въ самый разгаръ мятежа, лица польскаго происхожденія наполняли у насъ администрацію и не терпѣли ущерба ни въ какихъ правахъ своихъ, общество же въ тѣхъ мѣстахъ, куда ссылались повстанцы на жительство, не только не обнаруживало никакаго къ нимъ озлобленія, но въ своемъ добродушіи, можетъ быть слишкомъ забывало обязанности, налагаемыя на всякаго національнымъ достоинствомъ, и въ виду ежедневно раскрываемыхъ обмановъ легко вдавалось въ новые. Если такъ было въ то время, то еще менѣе можно предполагать излишнюю суровость и памятозлобіе теперь. Наконецъ, дѣйствія нашего правительства относительно громаднаго большинства населенія царства Польскаго, встрѣтившія сочувствіе въ нашей публикѣ, вовсе не свидѣтельствуютъ о враждѣ къ польскому племени. Въ племенномъ отношеніи между Русскими и Поляками нѣтъ не только антагонизма, но и розни. Оба элемента легко сходятся, дружатся и сливаются. Изъ славянскихъ племенъ, по волѣ судебъ, всѣхъ ближе стало къ намъ польское. Не будь въ началѣ нынѣшняго столѣтія возбуждена польская политическая идея великодушною, но ошибочною политикой, не будь она поддержана въ послѣдующія времена новыми ошибками, братское единеніе между обоими племенами давно бы совершилось, не смотря на различія въ ихъ характерѣ, бытѣ и вѣрѣ.

„Но если, слава Богу, нѣтъ у насъ ни вражды, ни ненависти къ племенамъ, съ которыми суждено намъ составлять одно великое политическое цѣлое, то мы должны постоянно и неуклонно бороться съ тѣмъ, что̀ несетъ зло и пагубу нашему отечеству, что̀ грозитъ опасностью нашему національному бытію, что̀ уклоняетъ его отъ прямыхъ и широкихъ путей гражданственности и благоустройства, что̀ разливаетъ въ нашей общественной жизни смуту и отраву, что̀ вноситъ бѣдствія въ тысячи семействъ, что̀ омрачаетъ наше небо и колеблетъ нашу землю, что̀ вызываетъ тяжкія, никому нерадостныя мѣры государственной необходимости, которыми останавливается свободное теченіе жизни и возбуждается въ государствѣ духъ военной диктатуры. Полякъ есть терминъ этнографическій, но также и политическій терминъ. Въ этнографическомъ отношеніи между Русскими и Поляками нѣтъ не только антагонизма, но и существенной разницы. Но Полякъ, какъ терминъ политическій, есть естественный и непримиримый врагъ Россіи. Противъ польскаго племени никогда не было и нѣтъ у насъ ненависти; но ненависть есть, и должна быть, противъ польской идеи въ Россіи. Не мы держимся за польскую землю, а Поляки прицѣпились къ русской землѣ, и не хотятъ отъ нея оторваться. Лучше въ тысячу разъ лучше, чѣмъ допускать польскую политическую національность подъ русскою державою, было бы отпустить чисто-польскія части на полную волю.

„Все зло нашей народной жизни, все, что возбуждало болѣе или менѣе справедливую антипатію къ Россіи въ европейскомъ мірѣ, съ тѣхъ поръ, какъ она заняла въ немъ положеніе великой державы, вся наша тьма, все наше угнетеніе, были послѣдствіемъ того, что въ русскомъ государствѣ дѣйствовали силы враждебныя русскому народу, что въ его нѣдрахъ гнѣздились, будто чужеядныя тѣла, разныя привилигированныя политическія національности, и что русское правительство къ своей политикѣ принимало характеръ нерусскаго. Одно и то же мѣсто не можетъ быть занято двумя вещами; въ одномъ и томъ же государствѣ не могутъ быть многія политическія націо-

нальности. Русскій народъ борется не съ народомъ польскимъ, а съ польскими правительственными классами, съ польскимъ государствомъ, которому нѣтъ мѣста подъ русскою державою: и такъ, борьба наша не съ людьми, а съ началами, по слову Евангелія. Человѣколюбіе относится только къ людямъ, и именно человѣколюбіе обязываетъ насъ непримиримою враждою ко враждебнымъ началамъ. И вражда наша къ польской идеѣ тѣмъ справедливѣе, что не только съ руской, но и съ общей точки зрѣнія, она не обѣщаетъ ничего прочнаго, и можетъ вести только къ разрушеніямъ, а не къ созиданіямъ."

XI.

Еще 19-го мая, утромъ, депутація отъ славянскихъ гостей посѣтила московскаго городскаго голову князя А. А. Щербатова, чтобы выразить ему благодарность за труды, которые онъ несетъ по ихъ пріему, и передать ихъ общую признательность городу Москвѣ за радушное и щедрое хлѣбосольство. Шафарикъ, библіотекарь изъ Бѣлграда, сказалъ при этомъ слѣдующее:

„Ваше сіятельство,

Милостивый государь!

„Идея ближайшаго сродства славянскихъ племенъ, выраженная уже въ началѣ нашего вѣка первыми славянскими учеными, въ наше время въ такой мѣрѣ пользуется признаніемъ у всѣхъ образованныхъ людей славянства, что произвела въ нихъ сильнѣйшее стремленіе къ сближенію и даже къ соединенію въ чувствѣ общей имъ всѣмъ славянской народности.

„На это взаимное сближеніе разныхъ славянскихъ племенъ сильно долженъ подѣйствовать настоящій съѣздъ Славянъ, изъ дальнѣйшихъ предѣловъ пространнаго отечества славянскаго, на этнографическую выставку Императорскаго Общества Любителей Естествознанія.

„Собравшись въ одномъ мѣстѣ, Славяне разныхъ племенъ

имѣютъ лучшую возможность познакомиться съ родными своими братьями и увѣриться въ томъ, что славянскій языкъ и славянскій народъ въ самомъ дѣлѣ одинъ.

„Но не менѣе почтеннѣйшаго ученаго Общества Московскаго подѣйствуетъ къ достиженію взаимнаго сближенія и соединенія въ одной народности всѣхъ Славянъ, своимъ радушнымъ и истинно славянскимъ гостелюбіемъ, почтеннѣйшее общество преславнаго сего первопрестольнаго города россійскаго, святой матушки Москвы; съ такою сердечною, истинно-братскою любовію приняло оно, и такъ щедро и богато награждаетъ оно своихъ одноплеменниковъ славянскихъ гостей.

„Мы, въ числѣ всѣхъ пріѣхавшихъ на этнографическую выставку славянскихъ депутатовъ и гостей, имѣемъ честь изъявить вамъ, милостивый государь, горячую нашу благодарность за это доселѣ небывалое радушное гостепріимство, и покорнѣйше просимъ, чтобы вы имѣли милость сообщить эти наши благодарныя чувства всѣмъ гражданамъ преславнаго вашего, всѣмъ славянамъ дорогаго города, съ тѣмъ нашимъ усерднѣйшимъ желаніемъ, да Господь благословитъ святую матушку Москву и все жительство ея, чтобъ она всегда, какъ сердце Россіи, была для ней и для всѣхъ Славянъ источникомъ всякаго преуспѣванія, просвѣщенія и благосостоянія.

„При этомъ просимъ и ваше сіятельство милостиво принять нашу искреннюю благодарность за эту радушную любовь, которую вы милостивый государь, въ такой степени намъ оказываете, стараясь о насъ и о всѣхъ для насъ удобствахъ. Благодарная признательность наша къ вамъ навсегда останется живою въ сердцахъ нашихъ. Слава вамъ, князь!“

Князь А. А. Щербатовъ отвѣчалъ:

„Позвольте мнѣ обнять васъ и въ лицѣ вашемъ всѣ единокровныя родныя намъ славянскія племена. Пусть это братское лобзаніе выразитъ вамъ тѣ чувства, съ которыми встрѣчаетъ васъ Москва. Все городское Общество поручило мнѣ принять васъ достойно и съ любовью, и мнѣ легко и отрадно было взять на себя это порученіе, такъ

какъ я самъ всею душею радъ былъ дорогимъ гостямъ. Такъ ли успѣшно исполняю я возложенное на меня порученіе, какъ того желаю—объ этомъ не мнѣ судить, и если я кому-либо изъ васъ и въ чемъ-нибудь не вполнѣ угодилъ, то прошу васъ приписать это исключительно моему неумѣнію, но отнюдь не недостатку усерднаго и искренняго желанія принять васъ достойно какъ и достойно города, котораго имѣю честь быть представителемъ. Ваши слова я почту за долгъ передать Московской Общей Думѣ въ первое же ея засѣданіе. Я вамъ порукой, что они будутъ приняты Думой также, какъ они приняты мною, то-есть съ искреннею глубокою благодарностью и полнымъ сочувствіемъ.“

Затѣмъ голова обнялъ всѣхъ присутствовавшихъ.

Князь А. А. Щербатовъ, вмѣстѣ съ членомъ Комитета по пріему Славянъ Ю. Ф. Самаринымъ, былъ почти постоянно съ гостями. Рѣдкій часъ нельзя было застать его въ гостиницѣ Кокорева, гдѣ комната картинной галлереи была сборнымъ мѣстомъ какъ для пріѣзжихъ, такъ и для приходившихъ навѣщать ихъ. Въ сосѣдней комнатѣ были всегда готовы къ услугамъ гостей болѣе 25 газетъ, издаваемыхъ въ Пруссіи, Австріи и Турціи: эти газеты ежедневно доставлялись изъ редакціи „Москвы“. Въ этой же комнатѣ постоянно вывѣшивалось примѣрное распредѣленіе дня, которое и предлагалось гостямъ на выборъ. Нѣкоторые Славяне, въ бытность свою въ Москвѣ, не разъ присутствовали при нашемъ православномъ богослуженіи. Въ воскресенье 21-го мая, они смотрѣли крестный ходъ, совершавшійся изъ Успенскаго собора къ Владимірской Божіей Матери. Въ этотъ день православные сербскіе духовные сами предварительно совершили литургію въ приходской церкви св. Софіи на набережной. Славянскіе гости присутствовали еще при литургіи въ церкви Успенія на Покровкѣ, и слушали пѣніе по древнимъ церковнымъ напѣвамъ, устроенное извѣстными московскими возстановителями древне-церковнаго пѣнія. Славяне поражены были богатствомъ внутренняго украшенія московскихъ церквей, и говорили, что ихъ храмы не представляютъ ничего по-

добнаго, что у нихъ не рѣдко встрѣчаются такіе храмы, въ которыхъ есть только престолъ для совершенія литургіи, и не только нѣтъ иконостаса, но ни одной иконы...

Отъ Московскаго архипастыря представлено было въ даръ Славянамъ на память о Москвѣ собраніе книгъ — „Слова и Рѣчи", „Описаніе патріаршей ризницы", „Палеографическіе снимки съ рукописей патріаршей библіотеки" и проч. Не разъ говорили наши славянскіе братья, что на Москву смотрятъ они какъ на священный городъ, что какъ христіане, посѣщая Іерусалимъ, лобзаютъ прахъ св. земли, съ такимъ же чувствомъ припадаютъ они къ святому граду Москвѣ, и на ихъ родинѣ всякій даръ изъ Москвы примется съ такимъ же радостнымъ и благоговѣйнымъ чувствомъ, съ какимъ принимаются у насъ приносимыя изъ Іерусалима вещи.

На основаніи упомянутаго выше распредѣленія славянскіе гости осмотрѣли въ разные дни: Румянцовскій и Публичный музеи, дворцы, оружейную и грановитую палаты, патріаршую ризницу, храмы Спасителя и Василія Блаженнаго, Воспитательный домъ (въ два пріема), палаты бояръ Романовыхъ, Гостиный дворъ. 18-го мая были въ большомъ театрѣ, гдѣ давались „Воевода" Островскаго и „Женитьба" Гоголя. Четвертое дѣйствіе „Воеводы" произвело на гостей сильное впечатлѣніе; удаль русской пѣсни „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ" расшевелила ихъ. Игра г. Садовскаго въ пьесѣ Гоголя и балетъ изъ народныхъ танцевъ также понравились гостямъ. Во время перваго антракта между зрителями раздались крики „Слава"; вся публика повернулась къ занимаемымъ Славянами ложамъ и въ одинъ голосъ привѣтствовала ихъ. Затѣмъ потребованъ былъ народный гимнъ, который и былъ повторенъ три раза. Въ часы свободные отъ предположенныхъ заранѣе посѣщеній, гости дѣлали визиты своимъ знакомымъ: М. П. Погодину, А. И. Кошелеву, князю И. А. Черкасскому, Д. С. Левшину (Сербы), М. Н. Каткову и П. М. Леонтьеву, И. С. Аксакову и другимъ. Нѣкоторые обѣдали однажды въ трактирѣ Гурина, будучи приглашены туда нѣкоторыми изъ московскихъ купцовъ. Въ магазинѣ г. Андреева сла-

вянскіе гости закупили значительное количество чаю и массу русскихъ народныхъ лакомствъ. Г. Андреевъ пригласилъ гостей и въ свои комнаты, гдѣ заварилъ имъ самъ чаю, показывалъ разницу между бѣлужьей и осетровой икрой и т. п. У него нѣкоторые изъ гостей впервые ознакомились съ обстановкой русскаго купеческаго быта.

Нѣсколько лицъ изъ московскаго духовенства, довольно ознакомившись съ славянскими гостями, въ особенности съ православными Сербами и Русскими изъ Галиціи, пожелали принять у себя рѣдкихъ гостей. Это посѣщеніе въ домѣ одного изъ московскихъ священниковъ состоялось 22-го мая вечеромъ. Къ сожалѣнію, Я. Ф. Головацкому и нѣкоторымъ другимъ приглашеннымъ не пришлось быть на этомъ собраніи, которое посѣтили только архим. Ковачевичъ, протопресвитеръ Милутиновичъ и священники Бѣговичъ и Кукичъ. На этомъ собраніи шла одушевленная бесѣда, главнымъ предметомъ которой было—желаніе установить постоянныя взаимныя сношенія съ цѣлію изученія религіознаго и церковнаго состоянія славянскихъ народовъ съ одной стороны, въ видахъ постояннаго прочнаго вспомоществованія религіозно-церковнымъ нуждамъ Славянъ съ другой. Присутствующими единогласно было выражено желаніе — образовать въ Москвѣ общество для осуществленія этой двоякой, взаимно для обѣихъ сторонъ важной цѣли. Рѣчь объ этомъ главномъ предметѣ перемѣшивалась сама собою съ частными распросами о религіозно-церковномъ бытѣ Славянъ, представляющемъ весьма много интересныхъ сторонъ для изученія. Духъ общенія, чаянія плодотворныхъ его результатовъ—сдѣлали незамѣтною долгую бесѣду. Принимавшіе славянскихъ гостей священники рѣшились, независимо отъ возможныхъ сношеній въ послѣдствіи, напутствовать ихъ посильными приношеніями. Пріобрѣтены 4000 наперсныхъ крестовъ съ тесьмою, картины священнаго содержанія, нѣсколько образовъ, въ серебряныхъ окладахъ, собраніе книгъ церковно-славянской печати (Требники, Кормчая, Евангелія, Псалтири, Катихизисъ, Алфавитъ духовный, О должностяхъ пресвитеровъ и проч.) переводы твореній отеческихъ, книги для школъ, ду-

ховные журналы, издаваемые въ Москвѣ, много разныхъ брошюръ духовнаго и историческаго содержанія, — и все это поднесено въ даръ православнымъ сербскимъ духовнымъ лицамъ, и сверхъ того — особый коробъ съ одними русскими книгами въ Народный Домъ во Львовѣ, въ распоряженіе Я. Ф. Головацкаго. Славяне приняли этотъ даръ съ благодарностію, оставили сами нѣсколько брошюръ для знакомства съ бытомъ православной сербской (въ Австріи) церкви и свои карточки, и обѣщались въ послѣдствіи продолжать братскія сношенія.

Московскія дамы пожелали также принять участіе въ славянскихъ торжествахъ и устроили, въ свою очередь, въ понедѣльникъ 22-го мая, прекрасный праздникъ въ Васильевскомъ на дачѣ, бывшей графа Мамонова, нынѣ г. Фонвизина. Загородное мѣсто было выбрано для этого въ надеждѣ на хорошую погоду, которая придала бы особенную прелесть празднику, въ этой красивой мѣстности, на высокомъ берегу Москвы-рѣки, откуда открывается Москва въ широкой и живописной понорамѣ. Все было приспособлено къ тому, чтобы воспользоваться хорошею погодой; но хотя и нѣтъ ничего естественнѣе какъ надежда на хорошую погоду въ концѣ мая, она не оправдалась. Несмотря на то пикникъ удался и гости увезли съ собою самыя пріятныя воспоминанія о радушіи московскихъ дамъ: не было особенной роскоши и пышности; праздникъ былъ очаровательный именно изяществомъ своей простоты и непринужденности, тономъ de bonne compagnie при веселости и одушевленіи, любезностью и радушіемъ хозяекъ. Всѣ эти качества должны были дать гостямъ самое доброе понятіе объ общественныхъ нравахъ и гостепріимствѣ Москвы. Дѣйствительно въ славянскихъ газетахъ, описывавшихъ пребываніе нашихъ гостей въ Россіи, дамскій праздникъ 22-го мая сравниваемъ былъ по своему значенію съ пріемомъ Славянъ Государемъ Императоромъ въ Царскомъ Селѣ и съ появленіемъ Славянъ предъ народомъ въ Сокольникахъ надъ хоругвію Свв. Кирилла и Меѳодія. Сердечнѣе и поэтичнѣе всѣхъ газетъ отозвалась о дамскомъ праздникѣ далматинская газета *Narodni List*.

На другой день въ честь славянскихъ гостей устроенъ былъ обѣдъ въ англійскомъ клубѣ. Послѣ обычныхъ тостовъ всталъ и провозгласилъ на чешскомъ языкѣ тостъ въ честь русскаго дворянства баронъ Драгутинъ Виллани, предсѣдатель земскаго управленія въ Бенешевскомъ округѣ и депутатъ пражскаго сейма. Тостъ этотъ облеченъ былъ въ легкую стихотворную форму, такъ доступную произносившему его. Барону Виллани отвѣчалъ членъ клуба В. Д. Давыдовъ, сказавшій:

„Дорогіе братья и любезные гости! привѣтъ, сказанный всему дворянству нашимъ собратомъ, барономъ Виллани. принятъ всѣми нами съ душевною благодарностію, и я убѣжденъ, отзовется вполнѣ сочувственно въ сердцѣ каждаго дворянина земли Русской. Мы счастливы, что наша скромная, хотя дѣятельная для преуспѣванія отечества, жизнь оцѣнена вами. Если страницы исторіи русскаго дворянства всегда были ярки и блистательны, въ тяжкія годины испытаній нашего дорогаго отечества, то они неизмѣримо ярче въ послѣдніе годы великихъ преобразованій Россіи. Вездѣ дворянство являлось не только исполнителемъ славныхъ предначертаній, но выносило на своихъ плечахъ всѣ ломки и невзгоды тяжелаго переходнаго времени. Когда раздался отеческій призывъ Нашего Царя освободителя, дворянство съ радостію откликнулось на него для великаго дѣла освобожденія 20 милліоновъ русскихъ новыхъ гражданъ. Не смотря на огромныя матеріальныя лишенія, дворянство, съ полнымъ самоотверженіемъ, разработало этотъ громадный предметъ и смѣло скажу, какъ предъ вами, такъ и передъ цѣлымъ свѣтомъ, выказало въ немъ всю свою доблесть. Этотъ чреватый вопросъ, которому враги Россіи и человѣчества, прочили гибельный исходъ, разрѣшился самымъ мирнымъ и счастливымъ путемъ и что всего знаменательнѣе, дворянство, разрѣзало этотъ гордіевъ узелъ собственными средствами, однимъ полнымъ безкорыстіемъ. Это отрадное явленіе поставило немедленно дворянство относительно остальныхъ сословій на ту степень, гдѣ ему и подобаетъ быть, по своему образованію и патріотизму; оно осталось, какъ и было встарь, тѣмъ же оплотомъ той же

нравственною опорою, тѣмъ же руководителемъ, въ новой гражданской жизни, для всѣхъ меньшихъ своихъ братій. Они, лучше узнавши другъ друга, сплотились во едино. Главная причина тому заключается въ великой чертѣ Русскаго народа преклоняться не передъ силою, о нѣтъ! а только передъ праведнымъ дѣломъ: гдѣ живетъ правда, тамъ душа всякаго Русскаго. Въ этомъ познаніи другъ друга въ этомъ сліяніи всѣхъ сословій, въ этомъ сплоченіи всѣхъ сословныхъ силъ, зиждется и разростается на вѣки вѣковъ великая сила Россіи; всѣ связаны между собою какъ корни могучаго дуба у царственнаго комля, всѣ живутъ одною мыслію, отъ Царя до послѣдняго гражданина: да крѣпнетъ и царствуетъ Матушка Россія въ духѣ правды и добра. Пусть же наши дорогіе гости изучатъ и поймутъ насъ; пусть только не внемлютъ клеветамъ враговъ нашихъ, и возвратившись на родину, пусть объяснятъ имъ, что клеветами и ухищреніями нельзя ни поколебать, ни измѣнить ни нашихъ чувствъ, ни нашихъ дѣйствій. Лучше будетъ для нихъ постичь нашу духовную мощь, и пусть тогда они протянутъ намъ искренно руку на то сердечное славянское братство, къ которому призываемъ ихъ и васъ отъ всей души; тогда всѣ разрозненные нынѣ члены великой славянской семьи составятъ одно мощное тѣло, и горе тому дерзновенному, который не пойметъ, что великая сила Россіи будетъ тогда могучая сила всего славянскаго міра. Предлагаю здоровье барона Виллани! Слава ему!"

Затѣмъ обратили на себя вниманіе пировавшихъ слѣдующія слова, сказанныя краснорѣчивымъ Ригеромъ:

„Народы другъ за другомъ слѣдуютъ на пути просвѣщенія: греки, итальянцы, французы и нѣмцы; мы Славяне, какъ младшіе опоздали по причинѣ нашей постоянной борьбы съ востокомъ; но теперь наступило время просвѣщенія славянскаго, когда и Славянамъ будетъ возможно съ гордостью сказать, что они—народъ великій не только количествомъ, но и духомъ и просвѣщеніемъ. Но для этого требуется усиленная духовная работа, и первая роль при этомъ, конечно, принадлежитъ Россіи: русскій народъ величайшій изъ славянскихъ численностію, такимъ же онъ долженъ быть и

работой своей. Вы были до-сихъ поръ первыми въ защитѣ славянства: вы отразили Наполеона, когда онъ подступилъ къ Москвѣ; вы устояли и тогда, когда Европа возстала противъ васъ; теперь вамъ предстоитъ еще бо́льшая работа, вамъ теперь надо вести борьбу наступательно *(слава!)*; на васъ лежитъ долгъ освобожденія южныхъ Славянъ *(слава!)*, чтобы славянская кровь не вопіяла къ небу болѣе, все еще находясь въ рукахъ Турокъ. Когда Россія осуществитъ это свое призваніе, тогда всѣ племена славянскія преклонятъ предъ нею свои головы. Слава Россіи!" *(Крики: слава! слава!)*

Много было произнесено и другихъ рѣчей, впрочемъ незаписанныхъ въ свое время. Только объ одной изъ нихъ упомянуто было въ большей части славянскихъ газетъ имѣвшихъ корресподентовъ между пріѣхавшими въ Россію гостями, — о рѣчи члена англійскаго клуба, профессора университета И. М. Соколова, сказавшаго, что Русскіе не только сочувствуютъ возрожденію Славянъ и стремленіемъ ихъ къ самостоятельности, но и всегда готовы подтвердить это сочувствіе дѣломъ.

Замѣченъ былъ также тостъ предложенный старцемъ Палацкимъ: „На закатѣ моей жизни даровалъ мнѣ Господь счастіе видѣть себя среди общества, составляющаго цвѣтъ Московскаго населенія. Я утѣшаюсь этимъ; но не ждите какой-либо похвалы отъ меня, мм. гг.! Хвалить въ глаза не приходится *(одобреніе)*. Однакожъ вчера я имѣлъ радость узнать цвѣтъ русскихъ, особенно Московскихъ, дамъ и убѣдился, что ихъ занимаетъ все, что касается русскихъ и славянскихъ интересовъ. Я проникся великимъ уваженіемъ къ русскимъ дамамъ, съ которыми вчера говорилъ. Я увѣренъ теперь, что русскія дамы будутъ воспитывать молодое поколѣніе въ славянскомъ духѣ, благородныхъ и честныхъ убѣжденіяхъ; а потому провозглашаю „славу" русскимъ дамамъ. *(Слава! Слава!)*

Вечеромъ большая часть славянскихъ гостей посѣтила малый театръ, гдѣ давался „Ревизоръ." Чехи, видѣвшіе это произведеніе Гоголя въ чешскомъ переводѣ на пражской сценѣ, говорили, что они только въ Московскомъ театрѣ

поняли *Ревизора*. Игра Самарина, Шумскаго, Садовскаго, Васильевой, Акимовой и другихъ не разъ вызывала со стороны гостей весьма живыя одобренія.

Въ тотъ же вечеръ часть гостей посѣтила А. И. Кошелева.

24-го мая славянскіе гости рано встали, чтобы отправиться на станцію Московско-Ярославской желѣзной дороги. На дербакадерѣ собралась толпа служащихъ и рабочихъ на дорогѣ, и провожала гостей криками: Слава! Отличное устройство Ярославской желѣзной дороги и миловидность костюма служащихъ на ней (костюмъ этотъ состоитъ изъ синей рубашки съ косымъ воротомъ, черной поддевки, шароваръ, высокихъ сапогъ, синяго кушака, которымъ поддевка подвязана, и низенькой бараньей шапочки) обратили вниманіе гостей. Полюбовавшись этой одеждой они размѣстились въ вагонахъ перваго класса и двинулись въ путь. Извѣстно, что московскія окрестности до Троицы чрезвычайно хороши; все время, до самой Пушкинской станціи, гости не отрывались отъ окошекъ. Не останавливаясь ни на одной изъ четырехъ станцій и двухъ полустанцій, находящихся между Москвою и Лаврою, поѣздъ употребилъ на проѣздъ съ небольшимъ полтора часа (обыкновенные поѣзды проѣзжаютъ то же пространство въ два часа слишкомъ) и, слѣдовательно, давно ожидаемые Лаврою гости какъ разъ поспѣли къ обѣднѣ. На станціи Славяне встрѣчены были съ хлѣбомъ-солью головою Сергіевскаго посада и выѣхавшимъ къ нимъ на встрѣчу изъ Лавры монастырскимъ экономомъ. Сѣвъ въ приготовленные уже экипажи, гости и провожавшіе ихъ въ Лавру двинулись въ путь по направленію къ монастырю. На дорогѣ вездѣ стоялъ народъ, безъ шапокъ, поклонами и криками встрѣчавшій гостей; послѣдніе же, также поклонами и криками, отвѣчали на привѣтствія.

По прибытіи въ самый монастырь гости прямо отправились въ Троицкій соборъ. Литургія уже была въ половинѣ когда они вошли въ церковь. Это была послѣдняя пасхальная литургія, совершавшаяся съ особенною торжественностію. За литургіей слѣдовалъ молебенъ, во время кото-

раго все почетное братство Лавры, въ богатыхъ облаченіяхъ, стоя среди храма, пропѣло пасхальный концертъ. Богослуженіе длилось не малое время (до 12-ти слишкомъ часовъ), и непривычные къ длиннымъ монастырскимъ службамъ гости утомились замѣтнымъ образомъ; но тѣ изъ нихъ, кому знакомъ чинъ православнаго богослуженія (какъ напримѣръ Сербы и особенно ихъ духовенство) съ неослабнымъ вниманіемъ слушали лаврское пѣніе и слѣдили за ходомъ богослуженія во всѣхъ его подробностяхъ; даже и тѣ, которые привыкли къ иному, отличному отъ православнаго, чину богослуженія, по временамъ обнаруживали живѣйшее вниманіе къ богослужебнымъ дѣйствіямъ: Палацкій и Ригеръ, стоявшіе рядомъ, прослушали съ особеннымъ вниманіемъ Евангеліе, которое о. намѣстникъ Лавры прочелъ, какъ и всегда, очень внятно и выразительно.

Послѣ молебна, заключеннаго молитвой къ Преподобному Сергію, архимандритъ Ковачевичъ, отцы Беговичъ, Милютиновичъ, Кукичъ и за ними многіе прикладывались къ святымъ мощамъ. Потомъ Славяне перешли въ часовню, воздвигнутую на мѣстѣ келліи Пр.Сергія, гдѣ имъ показаны въ изобиліи наполняющіе эту часовню священные предметы; многіе изъ нихъ были очень заинтересованы развѣшанными по стѣнамъ большими масляными картинами, изображающими событія изъ жизни Пр. Сергія. Сюда же, разоблачившись, вышелъ и намѣстникъ Лавры, чтобы пригласить гостей въ свои келліи, гдѣ былъ приготовленъ для нихъ чай и легкій завтракъ, угощеніе было радушное, изобильное. Самъ почтенный хозяинъ обходилъ гостей и подчивалъ блинами съ икрою, монастырскимъ медомъ и квасомъ, въ серебряныхъ стопахъ.

Подкрѣпивъ нѣсколько свои силы, гости начали обзоръ лаврскихъ достопримѣчательностей, для котораго они имѣли въ распоряженіи не слишкомъ много времени. Прежде всего отправились они въ монастырскую ризницу, столь замѣчательную своими древностями и своимъ богатствомъ. Здѣсь Славяне раздѣлились на многія группы: главная (Палацкій, Ригеръ, архимандритъ Ковачевичъ и др.) осма-

тривали предметы наиболѣе замѣчательные подъ руководствомъ самаго о. намѣстника Лавры; для другихъ были руководителями нѣкоторые изъ монастырской братіи, также ученые, частію академическіе, частію прибывшіе съ гостями изъ Москвы. Многіе сами знакомились съ предметами ризницы по выставленнымъ на нихъ надписямъ, которыя читали очень легко. Трудно было уловить, чтó по преимуществу интересовало нашихъ гостей; но нельзя было не замѣтить, что ихъ удивляли богатства ризницы, обиліе золота, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней на облаченіяхъ и разныхъ священныхъ предметахъ, нѣкоторые интересовались древностями. Я. Ф. Головацкій осмотрѣлъ между прочимъ холщевую ризу Пр. Сергія, деревянные сосуды, которые употреблялъ онъ при богослуженіи, его пергаменный служебникъ и другія келейныя вещи преподобныхъ Сергія и Никона: все это почтенный ученый разсматривалъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ.

Изъ ризницы о. намѣстникъ Лавры повелъ гостей въ покои высокопреосвященнаго митрополита. Здѣсь, въ большой залѣ, устроено было нѣчто въ родѣ выставки художественныхъ произведеній, приготовляемыхъ въ Лаврѣ. По стульямъ вокругъ стѣнъ были разставлены большія мѣстныя и меньшихъ размѣровъ иконы, приготовляемыя въ двухъ лаврскихъ живописныхъ школахъ іеромонаха Симеона и художника Малышева; а на длинномъ столѣ по срединѣ залы разложены были литографированныя картины разныхъ событій изъ жизни Пр. Сергія и изъ исторіи Лавры, также фотографическіе виды монастыря и снимки съ древнихъ иконъ и вещей наиболѣе замѣчательныхъ (произведенія лаврской литографіи и фотографіи); сюда же принесены были изъ лаврской библіотеки нѣкоторыя, особенно рѣдкія рукописи. Эта выставка очень заинтересовала гостей; съ большимъ любопытствомъ разсматривали они и иконы, и книги, и особенно картины и снимки; многіе очевидно горѣли желаніемъ получить на память что-либо изъ выставленныхъ предметовъ, и нѣкоторые тутъ же купили, чтó могли. Въ слѣдующей комнатѣ о. намѣстникъ

одѣлилъ каждаго изъ гостей небольшими иконами, писанными на деревѣ, и книжками (*Описаніе Лавры*, *Житіе преподобнаго Сергія*, и др.).

Чрезъ митрополичьи покои и домовую церковь гости вышли прямо на террасу Трапезной церкви; потомъ осмотрѣли обширную монастырскую трапезу и отсюда, чрезъ Успенскій соборъ, гдѣ Чехи обратили вниманіе на изображеніе Св. Вячеслава, прошли въ академію. Здѣсь, въ актовой залѣ, ожидали академическіе наставники и студенты. Ректоръ академіи, протоіерей А. В. Горскій, извѣстный и славянскимъ ученымъ своими замѣчательными трудами въ области исторіи и археологіи, встрѣтилъ гостей на лѣстницѣ. Когда вошли они въ залу, студенты пропѣли тропарь святымъ просвѣтителямъ Славянъ — Меѳодію и Кириллу. О. ректоръ представилъ нѣкоторыхъ профессоровъ академіи Я. Ф. Головацкому, который вошелъ прежде другихъ сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ окружавшимъ его академическимъ наставникамъ. Онъ выразилъ ту мысль, что во время его молодости люди, говорившіе о славянствѣ, о предлежащихъ ему задачахъ ученой и гражданской дѣятельности, были на перечетъ и на нихъ смотрѣли съ удивленіемъ, почти съ сожалѣніемъ,—ихъ голосъ былъ гласомъ вопіющаго въ пустыни, а теперь, слава Богу, идея славянства сдѣлалась почти общимъ достояніемъ славянскаго міра: онъ прибавилъ, что въ молодомъ поколѣніи видитъ надежду и залогъ счастливой будущности общеславянскаго дѣла. Дай Богъ, чтобъ его чаянія сбылись на самомъ дѣлѣ! Между тѣмъ въ залу собрались мало-по-малу и другіе славянскіе гости. Ректоръ академіи подвелъ Палацкаго къ студентамъ, знаменитый ученый сказалъ имъ (по-чешски) нѣсколько словъ, которыя были выслушаны молодыми людьми съ глубокимъ вниманіемъ. Въ то же время многіе изъ гостей знакомились и съ профессорами и съ студентами. Между этими послѣдними есть нѣсколько Сербовъ; они неразлучно сопутствовали своимъ землякамъ и знакомили ихъ со всѣмъ, что̀ знаютъ замѣчательнаго въ Лаврѣ. Изъ славянскихъ гостей особенное вниманіе возбуждали, послѣ Палацкаго, Ригера, Ербена, Головацкаго,—гг. Суб-

ботичъ, докторъ Политъ и Ливчакъ, съ которымъ нѣкоторые изъ читателей его *Страхопуда* пожелали лично познакомиться. Изъ актовой залы наши гости прошли въ академическую библіотеку, гдѣ имъ были показаны болѣе замѣчательныя рукописи, и потомъ въ квартиру ректора; здѣсь имъ предложили — взять себѣ на память объ академіи изданныя ею книги разнаго содержанія, — и еще разъ пришлось быть свидѣтелемъ того, съ какимъ удовольствіемъ наши дорогіе гости берутъ всякій, даже скудный даръ, если онъ предлагается отъ сердца, съ братскимъ радушіемъ, на память о событіяхъ и намъ одинаково драгоцѣнныхъ. Изъ ректорской квартиры гости прошли въ залу конференціи и потомъ чрезъ студентскія комнаты въ академическій садъ, гдѣ и простились съ академіей. Архимандритъ Ковачевичъ и сербскіе священники на прощаньи обнялись побратски съ ректоромъ и служащими при академіи духовными лицами. На обратномъ пути палатка Годунова, келья Максима Грека, архимандрита Іоасафа, были предметами вниманія многихъ. Нѣкоторые просили показать имъ могилу Балабина, бывшаго не такъ давно посланникомъ въ Вѣнѣ.

У воротъ академическаго сада уже стояли экипажи, чтобъ отвести гостей въ монастырскую гостинницу, гдѣ обществомъ посадскихъ гражданъ для нихъ приготовленъ былъ обѣдъ, и обѣдъ былъ весьма роскошный, хозяева, наперерывъ другъ передъ другомъ, ходили отъ одного гостя къ другому, подчивали, подливали, и все это съ такимъ радушіемъ, что рѣшительно отнимали у гостей возможность отказываться. Посадскій голова выпивъ бокалъ за здоровье гостей, хватилъ его съ размаху о столъ; бокалъ разбился въ дребезги. М. П. Погодинъ подсказалъ: „Въ молитвѣ Господней, мм. гг., которую вы сейчасъ слышали, мы молимся, чтобъ Богъ избавилъ насъ отъ лукаваго; въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ осмотрѣнныхъ нами въ Лаврской библіотекѣ, мѣсто это читается: „и избави насъ отъ напасти“. Пожелаемъ же, мм. гг., да избавитъ Всесильный Господь Богъ насъ, а съ нами и все славянство отъ напасти и отъ лукавыхъ, угрожающихъ ему!“

слова: Да избавитъ! Да избавитъ! долго потрясали залу. Затѣмъ поднялся Ригеръ и сказалъ: „Вѣчная память тѣмъ, кто въ жизни своей работалъ на благо и славу своей родины! слава тѣмъ, кто это дѣлаетъ! Заслуги передъ родиной обители здѣшней и посада превосходятъ всякую границу; Лавра спасала Русь отъ плѣненія, да и теперь, не переставая, работаетъ на пользу и благо всего народа. Слава хозяевамъ нашимъ, общинникамъ обители святой и посадскимъ здѣшнимъ людямъ!“ Громкое: слава! сопровождало слова Ригера, всѣ подходили къ хозяевамъ и чокались съ ними. Послѣ Ригера, И. И. Четвериковъ обратился къ собранію съ слѣдующими словами: „Мы собрались въ обители св. Сергія, молились въ томъ храмѣ, гдѣ всегда возносятся Богу молитвы за здравіе матерей, женъ и дѣтей нашихъ дорогихъ гостей. Теперь же я предлагаю здравицу за этихъ матерей, женъ и дѣтей братьевъ нашихъ.“ Гулъ пошелъ по залѣ, всѣ чокались, многіе обнимались и цѣловались съ гостями. Браунеръ произнесъ: „Мы пили сейчасъ за здоровье нашихъ матерей, женъ и дѣтей, оставленныхъ нами на далекомъ западѣ; мы отъ всей души желали и желаемъ всѣмъ славянскимъ матерямъ, женамъ и дѣтямъ здравія и счастія: безъ нихъ нѣтъ будущаго, нѣтъ человѣчества; пожелаемъ же теперь здравія и счастья русскимъ женамъ, русскимъ матерямъ и русскимъ дѣтямъ!“ Затѣмъ депутаты пропѣли чешскую заздравную пѣсню:

Дей имъ панъ Бугъ здрави,
Въ темъ-то русскомъ краи.
Дей имъ панъ Бугъ здрави! Дей!

М. П. Погодинъ предложилъ здравицу за духовенство русское, которое постоянно горячо молится за здравіе русскихъ и западно-славянскихъ матерей, женъ и дѣтей. Послѣ того князь В. А. Черкасскій предложилъ тостъ за дорогихъ хозяевъ, высокопочитаемыхъ митрополита Филарета и намѣстника Антонія. Въ отвѣтъ на эту здравицу, после продолжительныхъ „слава!“, пропѣто было многолѣтіе и „исполла эти деспота!“ Наконецъ, всталъ Головацкій и сказалъ: „Мм. гг.! Мы прибыли въ первопрестольную Москву, влекомые желаніемъ посмотрѣть Русь, узнать ее, теперь мы

проѣхали и далѣе Москвы, отвѣчая на ваше радушное приглашеніе посѣтить васъ; вездѣ встрѣчали мы одинако сочувствіе, радушіе, любовь; вездѣ принимали насъ не какъ друзей, а какъ братьевъ. Теперь, какъ это ни грустно, а приходится вспомнить о возвращеніи, о разставаньи, съ вами, съ братьями нашими. Позвольте же проститься съ вами, братья, и пожелать на прощанье: да дастъ вамъ Богъ счастья и благополучія и да укрѣпитъ Онъ наше братство на славу Руси и всѣмъ Славянамъ!"

Послѣ обѣда отправились въ Виѳанію и осматривали скитъ Геѳсиманскій. Лавра распорядилась, чтобы къ услугамъ гостей были монастырскіе экипажи, и лишь 6—7 извощичьихъ было принанято, чтобы свободнѣе могли умѣститься всѣ присутствовавшіе. Въ церкви Геѳсиманскаго скита болѣе другихъ оставались Палацкій и Ригеръ, съ которыми былъ кн. В. А. Черкасскій. Особенно Головацкаго интересовали всѣ мельчайшія подробности нашей церковной обстановки. Онъ съ большимъ интересомъ слушалъ рѣчи объяснявшаго ему все монастырское благочиннаго. Особенно долго посѣтители оставались въ собственныхъ комнатахъ митрополита. Простота, можно сказать бѣдная обстановка, этихъ комнатъ, въ которыхъ высокопреосвященный принималъ и Государя Императора, и нищаго бѣдняка, произвела впечатлѣніе на посѣтителей. На замѣчаніе спутниковъ, что митрополитъ Филаретъ получаетъ лишь 25,000 рублей дохода, а живетъ на Троицкомъ подворьѣ въ Москвѣ, потому что митрополичій домъ уступленъ, и нынѣ на мѣстѣ его находится Николаевскій дворецъ, Головацкій замѣтилъ, что это далеко не похоже на то, что получаетъ, напримѣръ, примасъ Венгріи, которому обитель Остригомская и другія приносятъ милліонъ гульденовъ годоваго дохода. Много говорилось о митрополитѣ Филаретѣ слушавшимъ съ интересомъ и вниманіемъ гостямъ о томъ, что двѣ чашки чаю и кусокъ просвиры составляютъ нерѣдко всю дневную пищу преосвященнаго, — о томъ, что, за раздачею нищимъ всѣхъ суммъ, получаемыхъ имъ, ему приходится иногда занимать деньги, и т. д.

Въ Виѳаніи были подробно осмотрѣны церкви Лазаря и

Преображенія Господня, находящіяся въ одномъ зданіи; потомъ осматривали зимнюю церковь. Оттуда отправились въ семинарію, воспитанниками которой пропѣта была приличная минутѣ кантата.

Въ 6 часовъ безъ 10-ти минутъ экстренный поѣздъ съ гостями оставилъ Сергіевскій посадъ при крикахъ „ура“ изъ массъ собравшихся народа. Надобно замѣтить, что осмотръ Лавры значительно отличался отъ прочихъ въ теченіе пребыванія въ Москвѣ Славянъ. Здѣсь за ними всюду шли армяки и чуйки и мѣшались въ толпѣ осматривавшихъ. Едва ли нужно прибавлять, что это придавало не мало выраженію участія и сочувствія къ посѣтителямъ-славянамъ и болѣе дѣлало пріемъ ихъ народнымъ русскимъ. Въ шесть часовъ вечера всѣ вернулись на станцію желѣзной дороги, а въ восемь уже были въ Москвѣ. Всѣ гости получили на память отъ Лавры книги и иконы; многіе накупили разныхъвырѣзанныхъ изъ дерева издѣлій и фотографій, которыя удивительно хороши и удивительно дешевы. Всѣ они были еще подъ вліяніемъ живыхъ впечатлѣній—очень веселы и довольны, наконецъ гостей пригласили садиться въ вагоны. Значительная толпа, и теперь собравшаяся на платформѣ, напутствовала ихъ громкими, единодушными привѣтствіями.

Часть гостей, по возвращеніи изъ Лавры, посѣтила князя В. Одоевскаго; часть провела вечеръ, за позднимъ ужиномъ, у князя Черкасскаго, именно: Ригеръ, Браунеръ, Субботичъ, Ливчакъ, Головацкій, Есенскій, Мудронь; изъ русскихъ тутъ были: Аксаковъ, Самаринъ, Ламанскій и Погодинъ. Бесѣда была живая и любопытная. Вотъ, что потомъ сказалъ о ней М. П. Погодинъ въ своей газетѣ *Русскій:*

„Я любовался прекрасными, замѣчательными талантами Черкасскаго и Самарина, въ объясненіяхъ, изложеніяхъ, возраженіяхъ.

„Много толковано о Чехахъ и Словакахъ, о Сербахъ и Болгарахъ, о разныхъ возможностяхъ и случайностяхъ. Гости старались узнать о намѣреніяхъ и помышленіяхъ Россіи, если такъ или такъ оборотятся обстоятельства. Мы, Русскіе, старались увѣрить ихъ, что мы, какъ и самое

правительство, никакихъ заднихъ мыслей не имѣемъ, и отъ искренняго сердца желаемъ имъ всякаго благополучія: устроивайтесь, какъ вамъ угодно, и не ожидайте отъ насъ никакой помѣхи, а развѣ пособіе на добро.

„Ригеръ поставилъ вопросъ о Полякахъ, послѣ долгихъ разсужденій такимъ образомъ: Если вы получите необоримыя доказательства, что Поляки отступаются отъ своихъ нелѣпыхъ притязаній на западныя губерніи, если вы получите необоримыя доказательства, что они останутся спокойными въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, то удовольствуетесь ли вы тѣмъ, и помиритесь ли съ ними?

„Кн. Черкасскій и Самаринъ утверждали, что такія доказательства никакъ не могутъ быть представлены, слѣдовательно въ этомъ отношеніи и толковать нечего."

25-го мая, въ Зоологическомъ саду, былъ устроенъ въ честь славянскихъ гостей великолѣпный праздникъ. Около 7 часовъ густыя толпы народа тѣснились передъ рѣшеткой сада, а въ самомъ саду собралось болѣе пяти тысячъ человѣкъ. Въ 8 часовъ начался концертъ, состоявшій изъ слѣдующихъ нумеровъ: 1) Русскій народный гимнъ; 2) Славянскій маршъ, 3) „Ахъ нени, нени ту" (чешская пѣсня, взятая изъ библіотеки Русскаго Музыкальнаго Общества), 4) „Гдѣ домовъ муй" (чешская пѣссня), 5) „Расплакалася" (болгарская пѣсня), 6) „Сложно, сложно" (сербская пѣсня), 7) „Тешьме се благой надѣи" (гусситская пѣсня XV вѣка), 8) „На прей" (словенская пѣсня) — всѣ эти пѣсни положены были на оркестръ и хоръ проживающимъ въ Москвѣ Чехомъ г. Кралемъ; 9) „Слава гостямъ нашимъ братьямъ Славянамъ" (слова Хохлова, напѣвъ подблюдной пѣсни), 10) „Комаринская", Глинки, 11) „Не бѣлы снѣги", 12) „Віютъ вітры", 13) „Болитъ головонька", 14) „Тройка", 15) „Ахъ сѣни, мои сѣни", 16) „Возлѣ рѣчки, возлѣ моста", и 17) „Славься", хоръ изъ оп. „Жизнь за Царя" Глинки. Далѣе слѣдовалъ цѣлый рядъ русскихъ пѣсенъ, неозначенныхъ въ афишѣ, и, между прочимъ, „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ", вызвавшая изъ толпы восклицаніе „спасибо Голицыну". Слова и напѣвы западно и южно-славянскихъ пѣсенъ чрезвычайно хороши; публика была въ восторгѣ, требовала

повторенія, и снова начинала кричать „bis“, но повторить снова было невозможно, потому что концертъ затянулся бы до утра.

Въ началѣ концерта гимнъ былъ съигранъ и пропѣтъ два раза; при концѣ же, когда уже стали расходиться, онъ былъ потребованъ еще разъ; крики „ура и слава!“ гремѣли и въ саду и на улицѣ. Князь Ю. Н. Голицынъ—знатокъ своего дѣла и большой любитель пѣнія и музыки; Славяне благодарили его за доставленное имъ удовольствіе и кричали ему: „слава и живіо!“ Дѣйствительно онъ дирижировалъ великолѣпно; самъ онъ приходилъ часто въ музыкальный, такъ сказать, восторгъ и начиналъ пѣть. Когда хоръ и оркестръ исполняли: „Слава братьямъ Славянамъ!“, восторгъ былъ полный. Вотъ слова этого хора:

Слава на небѣ солнцу пресвѣтлому,
Слава!
Слава Россіи, полсвѣта объемлющей,
Слава!
Слава прекраснѣйшимъ свѣтиламъ небеснымъ
Слава!
Слава всему православному люду
Слава!
Слава веснѣ, нашей гостьѣ желанной,
Слава!
Слава гостямъ, нашимъ братьямъ Славянамъ,
Слава!
Слава родному Славянскому племени,
Слава!
Слава союзу нашему братскому
Слава!
Съ каждымъ пусть годомъ онъ крѣпнетъ и крѣпнетъ.
Слава!
Гости любезные, васъ величаемъ,
Слава!

Въ половинѣ 12 часа сожженъ былъ великолѣпный фейерверкъ, одна декорація котораго, представляла храмъ славы, на фронтонѣ храма красовалась надпись: „Братьямъ Славянамъ“. Въ 12½ часовъ, всѣ отправились по домамъ.

Дни 25-го и 26-го мая особенно были богаты посѣщеніями славянскихъ гостей Москвичами. Въ эти то дни доставлены были подарки, долженствовавшіе напоминать гостямъ по возвращеніи домой о ихъ пребываніи въ первопрестольной столицѣ Россіи. Отъ большинства ученыхъ, промышленныхъ и художественныхъ Обществъ, существующихъ въ Москвѣ, доставлены были ихъ изданія. Члены Общества Любителей Естествознанія, участвовавшіе въ трудахъ комитета выставки, поднесли свои сочиненія. М. П. Погодинъ роздалъ всѣ свои изданія, какія только у него сохранились въ размѣрѣ, соотвѣтствовавшемъ числу гостей. А. И. Кошелевъ прислалъ 25 полныхъ экземпляровъ „Русской Бесѣды." Всего пріятнѣе гостямъ была панорама Москвы, изданная А. А. Мартыновымъ. Художникъ Струковъ поднесъ Я. Ф. Головацкому большое собраніе рисунковъ, акварелей и литографій изъ русской народной жизни. Пересчитать всѣ подарки, сдѣланные въ эти дни Славянамъ, было бы трудно.

Утромъ 26-го нѣкоторые изъ славянскихъ гостей и изъ жителей Москвы съѣхались у М. П. Погодина. Бесѣду началъ хозяинъ словами: „мм. гг.! Вы познакомились съ Москвою и ея обывателями; вы видѣли наши достопамятности; вы убѣдились въ чувствахъ нашей дружбы, братской готовности служить вамъ: теперь мы желали бы знать, чѣмъ можемъ быть мы для васъ полезными, а вы для насъ,—разумѣется, не въ политическомъ, а въ духовномъ, нравственномъ отношеніи. Ригеръ, Субботичъ, Шафарикъ, Палацкій, Петроніевичъ, Гай принимали участіе въ послѣдовавшемъ за тѣмъ разговорѣ. Самъ хозяинъ прочелъ гостямъ отрывокъ изъ своего донесенія министру народнаго просвѣщенія въ 1839 году, гдѣ онъ высказывалъ различныя предположенія относительно умственнаго и духовнаго общенія Русскихъ съ остальными Славянами. Оказалось, что эти предположенія и теперь еще не потеряли своей цѣны. Слушатели заявили полное согласіе съ ними. Къ концу этого разговора М. П. Погодинъ получилъ письмо отъ А. А. Котляревскаго, гдѣ тотъ заявлялъ о важности изданія *Полнаго собранія сочиненій Іосифа Добровскаго*, чешскаго

[illegible] города Москвы, празднуя [illegible] не могутъ достойнѣе [illegible] предложивъ средства къ из[illegible] славянской науки и общесла[illegible] стороны—это будетъ и дол[illegible] славянскому племени и памятникъ, [illegible] знаменательнаго событія,“—сказа[illegible] вмѣстѣ съ тѣмъ А. А. Котляревскій [illegible] изданія уже собрано до 1000 рублей. [illegible] въ честь гостей обѣдъ въ ку[illegible] получилъ особенное значеніе вслѣд[illegible] вмѣстѣ съ тѣмъ радостнаго извѣстія [illegible] телеграммою изъ Парижа. Оно [illegible] когда гости стали съѣзжаться [illegible] общее настроеніе, старшины клуба [illegible] и пригласили священника: въ од[illegible] принесено было благодарственное [illegible] съ колѣнопреклоненіемъ, за но[illegible] сохраненіе драгоцѣнной жизни слав[illegible] *Тебе Бога хвалимъ*, пѣлось всѣмъ [illegible] торжественнымъ настроеніемъ сѣ[illegible] приборомъ котораго воткнутъ [illegible] торговый флагъ русскій съ надписью: [illegible] подъ симъ торговымъ флагомъ!“ [illegible] оркестръ заигралъ *Славься, славься, нашъ* [illegible] *Жизнь за Царя)*, залы застонали отъ [illegible] *гимнъ!* раздавалось со всѣхъ сто[illegible] повторенъ три раза. Три раза онъ былъ [illegible] послѣ превозглашеннаго В. С. Марецкимъ [illegible] здоровье Государя Императора; славянскіе гости [illegible] *Боже Царя храни*. Манифестаціямъ не пред[illegible] конца.

[illegible] какъ это былъ обѣдъ прощальный, то подъ ко[illegible] почувствовалась потребность обмѣняться нѣ[illegible] рѣчами. Между прочимъ говорили:

[illegible] сказавшій въ этотъ день одну изъ самыхъ силь[illegible] своихъ: „Именитые господа и дорогіе братья! [illegible] горесть, которую причинила нынѣшняя вѣсть изъ

Парижа, такъ обняла всѣ чувства, что трудно ихъ выразить одними словами. Эта вѣсть породила и печаль и радость: печаль о томъ, что могло случиться такое ужасное дѣло, радость о спасеніи того лица, котораго любятъ и обожаютъ милліоны. Эта радость, господа, не ограничивается Москвой, она простирается всюду, гдѣ только слышится славянская рѣчь. Но почему, господа, всѣ Славяне чувствуютъ столь великую радость о счастливомъ спасеніи Императора Александра? Потому, господа, что въ правленіе Императора Александра Россія стала *государствомъ народнымъ, славянскимъ, всеславянскимъ.* Несчастный, посягнувшій на священную особу славянскаго Императора, принадлежитъ тому славянскому племени, которое не хочетъ быть славянскимъ. *Славянская Россія не можетъ быть врагомъ ни одному славянскому племени. Славянская Россія можетъ обнять всѣ славянскія племена, но не задушить ихъ.* Но, господа, если счастливое спасеніе Императора Александра должно было обрадовать всѣхъ Славянъ, то въ наибольшей мѣрѣ обрадовало оно Сербовъ. *(Голоса: всѣхъ Славянъ.)* Я сказалъ: въ особенности Сербовъ. *(Нѣтъ! всѣхъ Славянъ.)* Разумѣется, такъ. Но я имѣлъ основаніе особенно упомянуть Сербовъ. Господа! Славянская Русь должна рѣшить славянскій вопросъ. Первый же шагъ къ рѣшенію славянскаго вопроса есть рѣшеніе вопроса восточнаго. А въ этомъ вопросѣ починъ принадлежитъ Сербіи и народу сербскому. Расширеніе границъ княжества Сербскаго и обновленіе Сербскаго царства, вотъ путь къ рѣшенію славянскаго вопроса, который и состоитъ въ братствѣ славянскихъ племенъ подъ верховнымъ главенствомъ Россіи. Потому я и предлагаю пить за здоровье Императора Александра II съ пожеланіемъ, чтобы жилъ онъ многая и многая лѣта и дожилъ до возстановленія Сербскаго царства, царства Стефана Душана" *(громкія рукоплесканія).*

Субботичъ говорилъ: „Господа и братья! Москва, святой городъ народа Русскаго, приняла своихъ славянскихъ гостей столь дружественно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь блистательно, что о чемъ-нибудь лучшемъ и помыслить невозможно. Вы можете посудить, какія чувства къ этому граду любви и

славы волнуютъ наши сердца. Еслибы намъ можно было отвѣтить этому чувству любви Москвичей, то мы не скоро разстались бы съ ихъ святымъ городомъ; еслибы мы могли слѣдовать влеченію нашего сердца, то еще долго остались бы мы въ этомъ чудесномъ городѣ, среди этихъ милыхъ людей! Но, какъ то часто бываетъ, сердце хочетъ одного, а жизнь повелѣваетъ другое: сердце бы удержало насъ здѣсь надолго, но жизнь призываетъ насъ къ разлукѣ. А потому мы не пропустимъ этого случая сказать нѣсколько словъ разлуки. Еще разъ попрошу васъ дружески выслушать меня. Господа! Москва, съ своимъ несравненнымъ Кремлемъ, съ своими соборами, которыхъ разнообразіе плѣняетъ духъ и возвышаетъ его до безконечнаго, Москва, съ своими безчисленными памятниками многихъ столѣтій, Москва, въ которой каждая пядь земли есть историческая картина, Москва съ своею русскою жизнію и торговлею, Москва съ своими славянскими сердцами, Москва всѣмъ своимъ чудеснымъ образомъ останется на вѣки въ нашей памяти!

„Господа, ваши милыя лица пребудутъ намъ на всегда дороги, какъ лица родныхъ братьевъ, а ваши прекрасныя дочери и жены будутъ сердцамъ нашимъ тѣмъ, чѣмъ тѣ наши дочери и жены, которыхъ родила каждому изъ насъ сербская мать. Господа! Слава вамъ за пріемъ вашъ и за любовь нашу! Вашъ пріемъ будетъ не только милымъ воспоминаніемъ въ жизни нашей, но и золотою страницей въ исторіи славянскихъ народовъ. Господа! Завтра мы уѣзжаемъ; но, господа, знайте, что сколько здѣсь собралось сыновъ племенъ славянскихъ, столько же и народовъ славянскихъ пламенѣютъ по духовномъ соединеніи всего славянскаго племени! Господа! Знайте, что сколько есть на землѣ славянскихъ народовъ, столько у насъ и братьевъ, для которыхъ Москва *такая же святая мать, какъ и для васъ!* Господа! Мы васъ оставляемъ и думаемъ съ увѣренностію, что и славянскій народъ Промысломъ вѣчнымъ призванъ къ тому же, къ чему и другіе великіе народы, что и славянскій духъ призванъ къ созданію своего свѣта знанія, искусства и человѣчности. И свѣтъ этотъ будетъ также

богатъ, также своеобразенъ, также свѣтелъ, какъ у другихъ великихъ народовъ! Ибо мы должны знать, что, по волѣ Божіей, мы будемъ по крайней мѣрѣ равны другимъ народамъ, пока не возрастемъ до величайшаго изъ народовъ великихъ!"

С. И. Баршевъ сказалъ: „Милостивые государи! Веселіе есть Руси пити, говорили наши предки; при случаѣ любимъ выпить и мы ихъ потомки. Русскіе люди пьютъ и съ радости, и съ горя, а у насъ теперь и радость, и горе,—радость, что видимъ среди себя такихъ дорогихъ гостей, горе, что едва увидѣвшись съ вами, должны уже провожать васъ, но русскій человѣкъ и въ горѣ не унываетъ. Онъ утѣшаетъ себя за ненастьемъ будетъ и ведро. Вы ѣдете отъ насъ, но мы надѣемся, что опять увидимся съ вами и что, вопреки карканью петербургской нѣмецкой газеты, которой, какъ видно, наши братскіе обѣды становятся поперекъ горла, вы и по отъѣздѣ отъ насъ не забудете насъ. Теперь и не то время, чтобы разъ соединившись намъ опять разъединиться. Италіянцы уже соединились, соединяются и Нѣмцы, должны и мы крѣпко держаться другъ друга, чтобы не остаться въ одиночествѣ. Но исторія не повторяется, и наше соединеніе должно совершиться на другомъ пути. Грандіозна, конечно, мысль о сліяніи стамилліонной славянской семьи въ одно громадное цѣлое, но мы этою мыслію не увлекаемся, и не должны увлекаться. Желать должно того, что возможно и совмѣстимо съ дѣйствительными условіями и интересами. Для насъ возможно только духовное единеніе, въ сферѣ же политической желательно не единство, а то сочувствіе, на которомъ основываются прочные союзы. Братья по плоти будемъ братьями и по духу, будучи же братьями и по плоти и по духу станемъ помогать другъ другу, кто чѣмъ можетъ. Импозантно и духовное соединеніе, стомилліонное соединеніе наше. Претитъ и оно Нѣмцамъ; не легко переварить и его нѣмецкому желудку. На прощанье предлагаю тостъ: за внутреннее духовное единеніе всей многочисленной славянской семьи и за ея знаменитыхъ присутствующихъ здѣсь представителей Палацкаго, Головацкаго, а равно и всѣхъ разстающихся съ на-

ми тѣломъ, но не покидающихъ насъ душой братьевъ Славянъ.“ *(Рукоплесканія.)*

Шафарикъ говорилъ слѣдующіе: „Милостивые государи! Когда мы шли въ Россію, искренно признаюсь вамъ, не знали мы, какъ судитъ о насъ русскій народъ. Мы знали лишь тѣхъ ученыхъ людей, которые находятся въ литературной связи съ вождями нашего просвѣщенія. Но переступивъ границу земли Русской, мы и съ радостью и съ удивленіемъ, увидѣли, что не только ученые и литераторы, но всѣ образованные люди русскіе принимаютъ насъ съ любовью и чувствомъ родственнымъ; мы увидѣли, что идея славянской взаимности и сближенія въ духѣ единой славянской, всѣмъ нынѣ общей, народности здѣсь, пожалуй, еще сильнѣе и живѣе привилась, нежели у насъ самихъ, несмотря на то что мы видимъ въ этой идеѣ наше спасеніе, нашу счастливую будущность, а Россія такъ сильна, богата и многолюдна, что могла бы весьма легко обойдтись и безъ нея. Хорошо извѣстно, что вѣкъ назадъ было на Руси не такъ. Мы знаемъ, что благодарностью за это обязаны мы неутомимымъ трудамъ и одушевленію, съ которымъ распространяли эту истину ученые люди. Они говорили, писали, дѣйствовали въ этомъ направленіи, пока Русскій народъ не позналъ своего славянства, не принялъ дѣла единенія въ свои руки. А то, что̀ Русскій народъ усвоилъ себѣ однажды, то не останется на бумагѣ, то перейдетъ въ дѣло! Потому предлагаю лишь здоровье тѣхъ ученыхъ мужей русскихъ, которые возбудили въ русскомъ народѣ любовь къ славянской народности, за здоровье Погодина, Бодянскаго, Срезневскаго, Григоровича, Максимовича, Лавровскаго, Ламанскаго и всѣхъ старшихъ и младшихъ учителей, русскихъ проповѣдниковъ славянской взаимности и братства!“ *(Живили!)*

Тотчасъ же послѣ этихъ словъ всталъ С. М. Соловьевъ и предложилъ слѣдующій тостъ:

„Милостивые государи! Русскій человѣкъ добро помнитъ. Мы въ послѣднее время испытали большое добро, по словамъ Писанія: *„что добро или что красно, во еже жити, братіе! вкупѣ“*. Братья прожили нѣсколько счастливыхъ дней вкупѣ, обмѣнялись мыслями и чувствами. На прощаньи

не забудемъ того учрежденія, тѣхъ людей, которые дали намъ возможность воспользоваться этимъ великимъ добромъ: я поднимаю кубокъ за Общество Любителей Естествознанія, устроившихъ Этнографическую Выставку, и за процвѣтаніе тѣхъ учрежденій, которыя должны возникнуть отъ добраго начала для поддержанія и скрѣпленія связи между славянскими племенами.“ *(Слава!)*

Затѣмъ Словакъ Есенскій провозгласилъ тостъ за М. Ф. Раевскаго, не мало содѣйствовавшаго успѣху нынѣшняго славянскаго съѣзда.

Часу въ девятомъ, когда гости утомились отъ ощущеній, хозяева пригласили ихъ перейдти изъ столовыхъ залъ въ садъ принадлежащій клубу, изящно убранный разноцвѣтными фонарями. Составились кружки, завязались частные разговоры и душистый воздухъ теплаго вечера надолго удержалъ гостей въ небольшомъ, но красивомъ саду клуба. Въ одной изъ бесѣдокъ этого сада гостями составлена была телеграмма, съ выраженіемъ радостныхъ чувствъ по поводу счастливаго сохраненія жизни Русскаго Государя отъ покушенія Березовскаго, и отправлена въ Парижъ на имя князя Горчакова. Телеграмма эта была подписана избранными изъ среды гостей именами, по одному отъ каждой славянской области.

Затѣмъ старшины клуба предложили гостямъ внести ихъ имена въ нарочно приготовленную для того книгу и написать въ ней что-либо на память. Между прочимъ, Ливчакъ написалъ: „Подобно тому какъ греческое купечество распространило греческій языкъ на всемъ пространствѣ Балканскаго полуострова, русское купечество должно распронить русскій языкъ въ земляхъ всѣхъ южныхъ Славянъ.“ А Георгіевичъ: „Когда купцы забудутъ свой обыкновенный девизъ—ubi bene, ibi patria (гдѣ хорошо, тамъ и отечество), тогда они станутъ людьми народными и принесутъ неисчислимые выгоды своему народу, а чрезъ то и всему человѣчеству.“

Въ десять часовъ большая часть гостей отправилась изъ купеческаго клуба въ Артистической Кружокъ.

Здѣсь приготовлено было имъ скромное артистическое

угощеніе: музыкально-литературное собраніе и чай. Какъ только собрались они, начался концертъ бетховенскимъ тріо, исполненнымъ очень молодою артисткой-любительницей, г-жею Риба (партія фортепіяно), г. Гербероmъ (п. скрипки) и г. Эзеромъ (п. віолончели). Отецъ юной піанистки, родомъ Чехъ, поселился въ Москвѣ, гдѣ даетъ уроки на фортепіано и былъ самъ наставникомъ своей дочери. Въ игрѣ г-жи Риба видны: правильная, хорошая школа и замѣчательныя природныя дарованія. Даровитая піанистка была осыпана самыми лестными одобреніями всѣхъ присутствовавшихъ Славянъ: здѣшнихъ и пріѣзжихъ. Гг. Герберъ и Эзеръ имѣли еще бóльшія права на похвалы, но скромно и любезно уступили ихъ дебютировавшей артисткѣ. Г. Герберъ сыгралъ прекрасную, импровизованную наканунѣ фантазію на славянскіе мотивы; г-жа Бушекъ, бывшая артистка здѣшней оперы, родомъ изъ Венгріи, знающая хорошо сербскій и чешскій языки, пѣла народныя мелодіи этихъ странъ, въ томъ числѣ „Гдѣ домовъ муй,“ и возбудила единодушный восторгъ Славянскихъ гостей; родные звуки и языкъ напомнили имъ дорогую родину. Но особенное удовольствіе получили Русскіе изъ Галиціи въ исполненіи малороссійскихъ мелодій въ Артистическомъ Кружкѣ г-жею Менщиковою. Славянскіе гости были въ восхищеніи и осыпали пѣвицу самыми лестными привѣтствіями. И надо сказать правду, было за что: великолѣпно исполнила артистка свои нумера и должна была повторить нѣкоторые изъ нихъ, по общей, единодушной просьбѣ.

Литературный отдѣлъ праздника начался привѣтствіемъ славянскимъ гостямъ старшины Кружка А. Н. Островскаго отъ имени членовъ. Въ короткихъ словахъ онъ выразилъ гостямъ сердечный привѣтъ и желаніе да процвѣтаетъ искусство въ нашей и ихъ странахъ и да выражается въ немъ общее, родное намъ, славянское чувство. Старшина Кружка А. П. Плещеевъ прочелъ, въ русскомъ переводѣ, разказъ К. Я. Ербена изъ чешскихъ народныхъ преданій „Водяникъ“ и переложеніе А. Н. Майкова сербской пѣсни „Сербская Церковь.“ Нечего и говорить о пріемѣ, сдѣлан-

номъ гостями двумъ старшинамъ Кружка. Затѣмъ И. Ф. Горбуновъ разсказалъ нѣсколько сценъ изъ народнаго быта, съ своимъ неподражаемымъ искусствомъ. Славянскіе гости отъ души смѣялись живымъ каррикатурамъ, которыя выводилъ предъ ними талантливый разкащикъ, и вполнѣ оцѣнили его рѣдкое умѣнье, упросивъ четыре раза повторить разказанное.

Въ особенности овладѣли вниманіемъ цѣлаго общества и преимущественно гостей два стихотворенія: только что возвратившагося изъ дальнихъ странствій Н. В. Берга и г. Вильде, артиста императорскихъ театровъ.

Въ стихотвореніи Н. В. Берга особенно обратила на себя вниманіе слушателей слѣдующая строфа:

Чтобы тамъ ни разгласила
За границею молва,
Братья, все-таки мы сила:
Прага, Бѣлградъ и Москва!
Вѣрю я: благой судьбиной
Рано ль, поздно ль, все равно,
Будемъ съ вами духъ единый,
Въ чувствахъ, въ помыслахъ — одно.

Г. Вильде высказалъ надежду на прочное сближеніе духа всѣхъ славянскихъ одноплеменниковъ и заключилъ тѣмъ, что вторичное спасеніе драгоцѣнной жизни Русскаго Монарха есть явный признакъ благоволящаго намъ всѣмъ Провидѣнія:

„На немъ всѣ надежды, въ Него упованье,
„Да здравствуетъ Онъ и свершится сліянье."

Нѣкоторые гости послѣдовали примѣру хозяевъ. Павлевичъ (Галичанинъ) сказалъ слово по-русски; Лаза Костичъ прочелъ сербскіе стихи; Гура (Чехъ) произнесъ рѣчь; Субботичъ (Сербъ) стихи. Въ каждомъ словѣ высказывалась искренняя любовь къ Русскимъ, сочувствіе Россіи, уваженіе къ національно-мыслящему Монарху Россіи и надежды на прочный союзъ всѣхъ Славянъ между собой. Долго еще оставались гости въ Кружкѣ; дружеская чаша долго переходила изъ рукъ въ руки. Разошлись часа въ четыре утра.

Въ назначенный для отъѣзда день, въ субботу 27-го мая, славянскіе гости по собственному побужденію, отправились почти всѣ въ Кремль участвовать въ благодарственныхъ молитвахъ за спасенье жизни Государевой. На площади ихъ ожидало новое, великолѣпное зрѣлище: торжественное богослуженіе на открытомъ воздухѣ, высшее духовенство въ богатыхъ облаченіяхъ, развѣвающіяся хоругви, громогласное многолѣтіе, колѣнопреклоненный народъ, потрясающій звокъ всѣхъ кремлевскихъ колоколовъ... Они убѣдились еще разъ въ неограниченной приверженности русскаго народа къ своему Государю. Большое удовольствіе доставила имъ народная непринужденность, очевидная для нихъ въ публичныхъ собраніяхъ, во всѣхъ рѣчахъ и бесѣдахъ.

Между тѣмъ въ гостинницѣ собирались жители Москвы, желавшіе проводить гостей. Вскорѣ накрытъ былъ прощальный столъ, налиты бокалы. Первый, поднявшій кубокъ, былъ городской голова князь А. А. Щербатовъ. Въ краткой прощальной рѣчи, обращенной къ гостямъ, князь выразилъ чувство радости о славянскомъ общеніи и надежду на то, что эта связь закрѣпится болѣе частыми съѣздами Славянъ.

М. П. Погодинъ взволнованный не смѣлъ довѣряться языку и прочелъ дорогимъ гостямъ напутствіе, по набросаннымъ передъ обѣдомъ замѣткамъ:

„Добрый путь вамъ, братья! Благодаримъ васъ за ваше дружеское посѣщеніе, благодаримъ за вашу родственную любовь, благодаримъ *за благородныя чувства, возбужденныя вами во всемъ русскомъ народѣ!* Мы старались доказать, какъ вы намъ дороги и любезны, и сколько добра мы желаемъ вамъ отъ души. Надѣемся, что вы не помянете насъ лихомъ. Возвращайтесь съ Богомъ въ отечество. Мы увѣрены, что вы не получите тамъ никакихъ непріятностей, не смотря на газетные вопли. Это было бы недостойно нашего времени! Во всякомъ году собираются по разнымъ городамъ, и Нѣмцы, и Французы, и Англичане, и Итальянцы для ученыхъ цѣлей, почему же одни Славяне не должны пользоваться этими правами! Напротивъ, мы постараем-

ся, чтобы собранія подобныя нынѣшнимъ, возобновлялись періодически. Нынѣшнее было кратковременно: вы могли едва познакомиться съ выставкою, цѣлью вашего путешествія, съ достопамятностями и примѣчательностями города, съ обывателями московскими. Намъ нѣкогда было разсуждать о нашихъ общихъ нуждахъ, желаніяхъ, надеждахъ, средствахъ.... Только въ частныхъ бесѣдахъ мы могли сообщить другъ другу нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній. Мы убѣдились только, кажется, всѣ, что славянскимъ племенамъ, для своихъ сношеній, необходимо нуженъ одинъ языкъ съ одною азбукою, какимъ былъ въ средніе вѣка для европейскихъ сношеній языкъ латинскій, какимъ есть для европейскихъ народовъ теперь языкъ французскій.

„Мы убѣдились, что изъ всѣхъ европейскихъ народовъ естественные, первые друзья Русскимъ, суть Славяне. Точно такъ убѣдитесь и вы, что вамъ никому надѣяться не на кого, кромѣ Русскихъ. По этому вы должны оставить всѣ старыя предубѣжденія о русскомъ властолюбіи, о русскихъ мнимыхъ замыслахъ. Мы ничего не хотимъ, ничего намъ ненадо: ни земли, ни людей. Земли?—мы можемъ помѣстить у себя хоть двѣ Европы; людей?—насъ уже больше семидесяти милліоновъ, къ которымъ всякій годъ прибавляется по милліону. Намъ ничего не нужно отъ васъ кромѣ любви. Ея только мы и просимъ у васъ; ее мы и даемъ намъ. Устраивайтесь, какъ вамъ угодно, какъ сочтете себѣ за лучшее, и будьте увѣрены во всегдашнемъ нашемъ сочувствіи, во всегдашней готовности помогать вамъ словомъ, дѣломъ, помышленіемъ на пути добра и успѣха, къ пользѣ науки, просвѣщенія, благосостоянія гражданскаго и человѣческаго. Добрый путь! Съ Богомъ! впередъ! Слава! Живили! Ура!“ *(Громкіе клики)*.

Рѣчи посыпались за рѣчами: всякому хотѣлось высказаться, выразить свои чувствованія.

Въ промежуткахъ многочисленныхъ тостовъ, неоднократно отзывался М. П. Погодинъ. Всего живѣе былъ принятъ тостъ его за „гнѣздо орлиное, Чѐрную Гору.“ За этимъ тостомъ дружнымъ хоромъ раздались, одна за другою, нѣсколько сербскихъ пѣсенъ, относящихся своимъ содержа-

ніемъ къ той мѣстности, которая выслала изъ среды своего героическаго населенія двухъ именитыхъ представителей—воеводу Петра Вукотича, тестя князя Черногорскаго, и сенатора Илью Пламенца, недавно прибывшихъ въ Москву и присутствовавшихъ на этомъ прощальномъ обѣдѣ. Послѣ того членъ распорядительнаго комитета по устройству этнографической выставки, Н. А. Поповъ просилъ Славянъ, отъ имени Общества Любителей Естествознанія, непрерывать столь счастливо начатыхъ съ послѣднимъ сношеній и поддержать своимъ участіемъ предпринимаемыя Обществомъ изданія.

Затѣмъ говорилъ Субботичъ. Въ краткой рѣчи исполненной чувства и неразлучнаго съ каждымъ словомъ поэта, вдохновенія, Субботичъ предложилъ тостъ за здоровье хозяина, князя Щербатова. Одинъ за другимъ, послѣдовали: тостъ профессора Шафарика за здоровье Ю. Ф. Самарина; тостъ за здоровье князя В. А. Черкасскаго, предложенный докторомъ Есенскимъ; тостъ за московскую журналистику, предложенный Гу́рою. Послѣднимъ изъ говорившихъ былъ докторъ Мудронь, предложившій тостъ за вѣрность сыновнихъ чувствъ всѣхъ Славянъ къ Москвѣ и за вѣрность материнскихъ чувствъ Москвы ко всѣмъ Славянамъ. Прощальный обѣдъ заключился напутственною молитвой, прочтенною священникомъ о. Преображенскимъ. Славянскіе гости, среди рукопожатій и дружескихъ объятій, оставили гостинницу около четырехъ часовъ. Они отправились въ Петербургъ съ экстреннымъ поѣздомъ. Проводы на станціи желѣзной дороги были шумныя.

Впрочемъ нѣкоторые изъ славянскихъ гостей остались еще на нѣсколько дней въ Москвѣ. Долѣе всѣхъ пробыли: черногорскіе воеводы Вукотичъ и Пламенацъ, чешскій журналистъ Вавра, чешскій живописецъ Манесъ, хорватскій журналистъ Гай, съ сыномъ, и австрійскій Сербъ Вукашиновичъ.

Что касается Черногорцевъ, то въ честь ихъ было дано нѣсколько частныхъ празднествъ: обѣдъ у генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова и у другихъ лицъ, желавшихъ привѣтствовать въ лицѣ тестя черногорскаго князя

мужественное и доблестное племя, въ продолженіе столькихъ вѣковъ отстаивающее независимость своей родины, этого „орлинаго гнѣзда“ между южно-славянскими землями. Однажды Вукотичъ и Пламенацъ присутствовали на военномъ ученіи въ лагерѣ Ходынскаго поля и были такъ радушно приняты не только офицерами, находившихся тамъ войскъ, но и рядовыми, что невольно измѣнили своему обычному спокойствію и строгому виду: возвратившись въ Москву, они не разъ признавались въ томъ своимъ знакомымъ. Пріѣхавъ въ Москву позднѣе другихъ славянскихъ гостей, они успѣли осмотрѣть всѣ замѣчательныя мѣста города въ нѣсколько дней. Посѣтивъ два раза этнографическую выставку, они остались довольны отдѣломъ, въ которомъ помѣщены были группы изображавшія Черногорцевъ и Далматинцевъ. Членъ распорядительнаго комитета по устройству этнографической выставки Н. М. Аласинъ, владѣлецъ „русской фотографіи“, подарилъ имъ нѣсколько фотографическихъ видовъ Москвы и вручилъ большой альбомъ, заключающій въ себѣ всѣ находящіеся въ „русской фотографіи“ виды Москвы и ея окрестностей для поднесенія Черногорскому князю Николаю I.

Вавра оканчивалъ свое описаніе выставки для чешскихъ газетъ и собиралъ матеріалы для очерка новѣйшей русской литературы. Художникъ Манесъ ѣздилъ въ Лавру и на Воробьевы горы, а также посѣщалъ Кремль, ища тамъ матеріаловъ для своей кисти. Вукашиновичъ, остававшійся до дня закрытія выставки, посѣщалъ ее ежедневно, набрасывая для себя замѣтки и заказалъ нѣсколько видовъ съ отдѣльныхъ группъ и предметовъ, бывшихъ на выставкѣ.

Самая выставка,—этотъ Кроносъ родившій Зевеса, по остроумному замѣчанію одной изъ петербургскихъ газетъ,—закрыта была въ воскресенье 18-го іюня, доставивъ всего сбора болѣе 43.078 рублей. Плата за входъ, доходившая въ началѣ до 1 руб., была потомъ понижена до 50 и 25 копѣекъ. Число лицъ, посѣтившихъ выставку, доходило до 83.048, а вмѣстѣ съ воспитанниками и воспитанницами школъ различныхъ вѣдомствъ, допущенныхъ без-

платно, превышало 90.000 человѣкъ. Самый обильный по числу посѣтителей день былъ въ середу 14-го іюня, когда число явившихся на выставку дошло до 7.000 человѣкъ. Въ числѣ важнѣйшихъ посѣтителей выставки слѣдуетъ упомянуть: Его Высочество Великаго князя Алексѣя Александровича, а также членовъ прусскаго и греческаго посольствъ при русскомъ дворѣ. Изъ Славянъ докторъ Матковичь, подробнѣе другихъ изучалъ выставку и въ послѣдствіи представилъ свой докладъ о ней Обществу для изученія южнославянской исторіи и языковъ. Изъ славянскихъ газетъ самые обширные отчеты о выставкѣ напечатали: пражская *Národní Noviny* и вѣнская *Zukunft*. Здѣсь слѣдуетъ припомнить, что въ одну изъ минутъ, свободныхъ отъ визитовъ и посѣщеній, нѣкоторые изъ московскихъ ученыхъ и литераторовъ, вмѣстѣ съ тѣми изъ славянскихъ гостей, которые занимаются преимущественно журналистикой, составили записку на русскомъ и чешскомъ языкахъ о будущихъ славянскихъ съѣздахъ. Чешскій текстъ этой записки былъ потомъ напечатанъ въ пражской газетѣ *Národní Noviny* и переведенъ въ вѣнской *Neue freie presse*; изъ этихъ двухъ источниковъ записка перешла потомъ и въ русскія газеты. Печатаемъ здѣсь первоначальный русскій текстъ, подъ которымъ въ подлинникѣ подписалось болѣе двухъ третей находившихся тогда въ Москвѣ славянскихъ гостей:

„Сознавая необходимость содѣйствовать общенію и единенію Славянъ словомъ и дѣломъ, мы, на первомъ московскомъ славянскомъ съѣздѣ, постановляемъ:

„1) Собираться по крайней мѣрѣ разъ въ два года на всеславянскій съѣздъ въ напередъ условленномъ мѣстѣ;

„2) На этихъ съѣздахъ будутъ подвергаться свободному обсужденію различные вопросы въ видахъ научнаго, литературнаго, художественнаго и вообще нравственнаго сближенія Славянъ;

„3) Эти вопросы и частныя соображенія по нимъ могутъ быть подготовляемы на мѣстныхъ славянскихъ съѣздахъ;

„4) Время для общеславянскихъ съѣздовъ назначается съ 1-го августа по 1-е сентября.“

Въ чешскихъ газетахъ прибавлено было къ этому, что первый славянскій съѣздъ послѣ московскаго долженъ происходить въ Бѣлградѣ.

Во все время пребыванія славянскихъ гостей въ Москвѣ не переставали приходить заявленія народнаго сочувствія къ нимъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, а равно и заявленія благодарности изъ разныхъ славянскихъ земель за пріемъ, оказываемый общимъ собратіямъ въ столицѣ Русскаго царства. Въ этомъ отношеніи прежде всего слѣдуетъ упомянуть объ обѣдѣ, который былъ устроенъ въ Одесскомъ собраніи 23-го мая. Мѣстная газета *Одесскій Вѣстникъ*, усерднѣе другихъ газетъ, издаваемыхъ въ провинціи, сообщавшая о пребываніи Славянъ въ Петербургѣ и Москвѣ, описала и этотъ скромный обѣдъ. За этимъ обѣдомъ директоръ собранія В. И. Гординскій предложилъ тостъ „за здравіе перваго славянина — Государя Императора“. Встрѣченный звуками народнаго гимна дорогой тостъ былъ принятъ общими кликами радости. Затѣмъ говорилъ профессоръ университета А. М. Богдановскій.

„Мм. гг. Вы знаете, что на дняхъ Варшава, Вильна и Петербургъ встрѣчали у себя съ торжествомъ дорогихъ гостей — западныхъ и южныхъ Славянъ, а въ настоящую минуту ихъ чевствуетъ и угощаетъ бѣлокаменная Москва. Судя по себѣ, я смѣю думать, что нѣтъ такого русскаго сердца, которое не билось-бы усиленно при чтеніи объ этихъ теплыхъ и торжественныхъ встрѣчахъ нашихъ близкихъ и дальныхъ иноземныхъ братьевъ. На обѣдѣ 11-го мая, въ Петербургѣ, кто-то сказалъ гостямъ, что если бы они проѣхали теперь вдоль и поперегъ Россію, то убѣдились бы, что не въ столицахъ только существуетъ это горячее братское къ нимъ чувство, — и онъ сказалъ сущую правду. Это чувство просится теперь наружу по всей широкой нашей матушкѣ Россіи. Нечего и говорить объ Одессѣ, т.-е. о нашемъ русскомъ обществѣ. Петербургу и Москвѣ знакомы не-русскіе Славяне только по наслышкѣ, такъ сказать теоретически; наше же знакомство съ ними личное, близкое, можно сказать ежедневное, по крайней мѣрѣ съ южными Славянами. Намъ ли не знать нашихъ близкихъ

сосѣдей многострадальныхъ, честныхъ и добродушныхъ Болгаръ, стойкихъ и энергическихъ Сербовъ, мужественныхъ обитателей Черной Горы? Не каждый ли день встрѣчаемъ мы на улицахъ нашихъ неустрашимыхъ пловцовъ, славуновъ. Чехи, Мораване, Галичане и другіе австрійскіе Славяне—также наши частые гости, а нерѣдко и постоянные у насъ жители. Изъ близкаго знакомства съ ними мы знаемъ лучше Петербужцевъ и Москвитянъ, что это наши близкіе родичи и по тѣлу и по духу. Кому изъ насъ не случалось удивляться необычайно скорому сближенію Русскаго съ любымъ Славяниномъ: видишь сейчасъ, что одна кровь въ нихъ говоритъ, что мы и они отъ единой плоти и отъ единой кости. Тѣ же достоинства, и пожалуй тѣ же недостатки мы видимъ и у себя и у нихъ. Тѣми-же глазами смотримъ мы всѣ на міръ Божій и на людскія отношенія. Однимъ словомъ, мы здѣсь больше чѣмъ кто нибудь и гдѣ-нибудь знаемъ, что Русскіе и всѣ остальные Славяне — суть братья родные, единокровные и единоутробные. Кому же притомъ извѣстнѣе, чѣмъ намъ, сосѣдямъ Дуная и Балканъ, тѣ дѣйствительныя страданія, какія цѣлые вѣка терпятъ наши несчастные братья, до сихъ поръ живущіе въ неволѣ и невзгодѣ.

„Вотъ, по моему мнѣнію, тѣ основанія, по которымъ мы, господа, за одно теперь со всею Россіей, но еще съ бо̀льшимъ правомъ чѣмъ кто-нибудь, можемъ и должны вообще, единодушно и изъ глубины нашихъ славянскихъ сердецъ, выразить громко наше пламенное и искреннее желаніе: да будутъ Славяне повсемѣстно свободны отъ всякаго иноземнаго гнѣта и да здравствуетъ *Славянъ могучій родъ* на многія лѣта!“

Когда окончилась эта рѣчь, вызвавшая горячіе крики „слава“! г. Богдановскій, чтобы удовлетворить общей просьбѣ, прочелъ стихотвореніе Ф. И. Тютчева, написанное для праздника 11-го мая въ С.-Петербургѣ. Затѣмъ вниманіе присутствовавшихъ привлечено было слѣдующею рѣчью редактора „Одесскаго Вѣстника“ Н. П. Сокальскаго:

„Слѣдя за торжественными пріемами нашихъ гостей-Славянъ на всемъ пути ихъ отъ русской границы до Москвы,

невольно останавливаешься надъ мыслью: какое именно чувство руководитъ этимъ пріемомъ, какая внутренняя сила созываетъ всѣ эти громадныя толпы, которыя чествуютъ прибытіе гостей, какъ всенародное торжество? Г. министръ народнаго просвѣщенія, въ превосходной рѣчи, произнесенной имъ 11-го мая въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи, сказалъ, что это—сочувствіе, что оно „идетъ прямо отъ сердца; въ немъ нѣтъ ничего подготовленнаго, расчитаннаго, ничего—какъ говорится — политическаго.“ Но я все-таки затрудняюсь въ его названіи; это—не сочувствіе, не дружба, не пріязнь: это — нѣчто особенное, присущее одному славянскому міру. Съ тѣхъ поръ, какъ объединились Германія и Италія, мы, Славяне, остались единственною націей въ Европѣ, которая не можетъ подать другъ другу руку безъ того, чтобы не почувствовать какую-то преграду, которая мѣшаетъ свободному обмѣну мыслей, свободному выраженію пріязни. Мы долго думали, что эта преграда — германское племя, или вѣрнѣе германская политика, — но это оказалось не точнымъ. Послѣ битвы при Садовой преграда оказалась въ лицѣ Венгеровъ. Всего вѣрнѣе: врагъ сближенія Славянъ—вся Европа, отжившая политика европейскаго равновѣсія. Какъ это не грустно само по себѣ, но еще грустнѣе то, что намъ безпрерывно даютъ чувствовать всю тягость этой преграды. Вамъ, конечно, извѣстны, господа, изъ русскихъ газетъ, тѣ жертвы, которыя должны были понести нѣкоторые изъ прибывшихъ къ намъ гостей: герой хорватской автономіи Политъ долженъ былъ подать въ отставку; столпъ русской народности Головацкій лишился половины пенсіи; звѣзды чешской народности, Палацкій и Ригеръ, подверглись спеціальному наблюденію обязательныхъ лицъ... И все это во имя призрака сближенія Славянъ! И все это въ такую минуту, когда поѣздка Славянъ лишена всякаго политическаго значенія, когда она устроилась во имя лишь науки, во имя духовнаго общенія восьмидесяти милліоннаго племени. Когда приходится взвѣшивать подобные факты, то невольно представляется встрѣча двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ, ради встрѣчи, понесъ лишенія и потери: послѣ дол-

сосѣдей многострадальныхъ, честныхъ и добродушныхъ Болгаръ, стойкихъ и энергическихъ Сербовъ, мужественныхъ обитателей Черной Горы? Не каждый ли день встрѣчаемъ мы на улицахъ нашихъ неустрашимыхъ пловцовъ, славуновъ. Чехи, Мораване, Галичане и другіе австрійскіе Славяне—также наши частые гости, а нерѣдко и постоянные у насъ жители. Изъ близкаго знакомства съ ними мы знаемъ лучше Петербужцевъ и Москвитянъ, что это наши близкіе родичи и по тѣлу и по духу. Кому изъ насъ не случалось удивляться необычайно скорому сближенію Русскаго съ любымъ Славяниномъ: видишь сейчасъ, что одна кровь въ нихъ говоритъ, что мы и они отъ единой плоти и отъ единой кости. Тѣ же достоинства, и пожалуй тѣ же недостатки мы видимъ и у себя и у нихъ. Тѣми-же глазами смотримъ мы всѣ на міръ Божій и на людскія отношенія. Однимъ словомъ, мы здѣсь больше чѣмъ кто нибудь и гдѣ-нибудь знаемъ, что Русскіе и всѣ остальные Славяне — суть братья родные, единокровные и единоутробные. Кому же притомъ извѣстнѣе, чѣмъ намъ, сосѣдямъ Дуная и Балканъ, тѣ дѣйствительныя страданія, какія цѣлые вѣка терпятъ наши несчастные братья, до сихъ поръ живущіе въ неволѣ и невзгодѣ.

„Вотъ, по моему мнѣнію, тѣ основанія, по которымъ мы, господа, за одно теперь со всею Россіей, но еще съ бо̀льшимъ правомъ чѣмъ кто-нибудь, можемъ и должны вообще, единодушно и изъ глубины нашихъ славянскихъ сердецъ, выразить громко наше пламенное и искреннее желаніе: да будутъ Славяне повсемѣстно свободны отъ всякаго иноземнаго гнѣта и да здравствуетъ *Славянъ могучій родъ* на многія лѣта!"

Когда окончилась эта рѣчь, вызвавшая горячіе крики „слава"! г. Богдановскій, чтобы удовлетворить общей просьбѣ, прочелъ стихотвореніе Ф. И. Тютчева, написанное для праздника 11-го мая въ С.-Петербургѣ. Затѣмъ вниманіе присутствовавшихъ привлечено было слѣдующею рѣчью редактора „Одесскаго Вѣстника" Н. П. Сокальскаго:

„Слѣдя за торжественными пріемами нашихъ гостей-Славянъ на всемъ пути ихъ отъ русской границы до Москвы,

невольно останавливаешься надъ мыслью: какое именно чувство руководитъ этимъ пріемомъ, какая внутренняя сила созываетъ всѣ эти громадныя толпы, которыя чествуютъ прибытіе гостей, какъ всенародное торжество? Г. министръ народнаго просвѣщенія, въ превосходной рѣчи, произнесенной имъ 11-го мая въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи, сказалъ, что это—сочувствіе, что оно „идетъ прямо отъ сердца; въ немъ нѣтъ ничего подготовленнаго, расчитаннаго, ничего—какъ говорится — политическаго." Но я все-таки затрудняюсь въ его названіи; это—не сочувствіе, не дружба, не пріязнь: это — нѣчто особенное, присущее одному славянскому міру. Съ тѣхъ поръ, какъ объединились Германія и Италія, мы, Славяне, остались единственною націей въ Европѣ, которая не можетъ подать другъ другу руку безъ того, чтобы не почувствовать какую-то преграду, которая мѣшаетъ свободному обмѣну мыслей, свободному выраженію пріязни. Мы долго думали, что эта преграда — германское племя, или вѣрнѣе германская политика, — но это оказалось не точнымъ. Послѣ битвы при Садовой преграда оказалась въ лицѣ Венгеровъ. Всего вѣрнѣе: врагъ сближенія Славянъ—вся Европа, отжившая политика европейскаго равновѣсія. Какъ это не грустно само по себѣ, но еще грустнѣе то, что намъ безпрерывно даютъ чувствовать всю тягость этой преграды. Вамъ, конечно, извѣстны, господа, изъ русскихъ газетъ, тѣ жертвы, которыя должны были понести нѣкоторые изъ прибывшихъ къ намъ гостей: герой хорватской автономіи Политъ долженъ былъ подать въ отставку; столпъ русской народности Головацкій лишился половины пенсіи; звѣзды чешской народности, Палацкій и Ригеръ, подверглись спеціальному наблюденію обязательныхъ лицъ... И все это во имя призрака сближенія Славянъ! И все это въ такую минуту, когда поѣздка Славянъ лишена всякаго политическаго значенія, когда она устроилась во имя лишь науки, во имя духовнаго общенія восьмидесяти милліоннаго племени. Когда приходится взвѣшивать подобные факты, то невольно представляется встрѣча двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ, ради встрѣчи, понесъ лишенія и потери: послѣ дол-

Новый Садъ, 21-го мая. Комитету этнографической выставки. *Живила* славянская взаимность. *Слава* братіи славянской, собравшейся въ Москвѣ. *Слава* единокровному народу Русскому. *Слава* Москвѣ. Подпредсѣдникъ сербской матицы Хаджичъ.

Ужица, 17-го мая. 12 Сербовъ, собравшіеся у меня за обѣдомъ, пьютъ здоровье Москвы и ея почтенныхъ гостей. Николай Раевскій.

Хоцня, 20-го мая. Досточтимому комитету этнографической выставки въ Москвѣ. Благодарность за теплыя объятія всеславянскимъ гостямъ. На преуспѣяніе великой славянской семьи. Граждане города Литомышля.

Рудницы, 21-го мая. Палацкому и Ригру въ Москву, въ Россію. Чехи, собравшіеся на священномъ Ржипѣ для отысканія основнаго камня для народнаго театра, шлемъ вамъ, братья Русскіе, теплую благодарность за блестящее угощеніе нашихъ родичей и провозглашаемъ всеславянской взаимности *ура! слава! живіо!*

Прага, 21-го мая. Профессору Попову. Богъ да хранитъ Москву, мать всѣхъ Славянъ. Богъ да благословитъ славянское братство. Братья. Лыса на Лабѣ.

Прага, 21-го мая. Профессору Попову. Славянское общество Соколъ. Мы, чешскіе Славяне, привѣтствуетъ нашихъ братьевъ великаго народа славянскаго. Будущность за нами.

Загребъ, 21-го мая. Дашкову, президенту этнографической выставки въ Москвѣ. „Коло“, подымая свое символическое знамя, благословенное единствомъ, привѣтствуетъ своихъ московскихъ братьевъ и протягиваетъ имъ руку, для закрѣпленія могущественнаго единства славянскаго. Кресичъ.

Букарештъ, 25-го мая. Нижеподписавшіеся члены болгарской общины почтительнѣйше просятъ соблаговолить поздравить братьевъ-Славянъ съ праздникомъ достопамятныхъ и столь для насъ всѣхъ милыхъ свв. апостоловъ Кирилла и Меѳодія. Георгіевичъ, докторъ Протичъ, докторъ Базиліяди и докторъ Атанасполь.

Крижевацъ, 22-го мая. Дашкову, въ Москву, въ Россію. Банкетъ, собравшійся въ Крижевцѣ, имѣетъ честь привѣтствовать всѣхъ Славянъ, собравшихся къ этнографической выставкѣ. Бибановичъ.

Мюнхенгрецъ, 26-го мая. Чешской депутаціи. Собравшимся братьямъ славянскимъ громкая *слава!* За успѣхъ взаимности славянской. *Ура!* Народовцы Мнихова Городища.

Илемницы. Пѣвческое общество илемницкое соединенному славянству *слава!* Франтишекъ Бартошъ председатель. Эдуардъ Лушпе секретарь.

Серевъ (въ Македоніи). Профессору Попову. Привѣтствую братьевъ Славянъ, собравшихся во едино въ священной Москвѣ и извѣщаю ихъ объ открытіи весьма древней эпопеи на болгарскомъ языкѣ „Женитьба Орфея." Археологъ болгарскій и сербскій Стефанъ Верковичъ.

XII.

19-го мая въ собраніи Петербургской городской общей думы, члены ея, выразили самое теплое сочувствіе къ той встрѣчѣ, которою было ознаменовано прибытіе въ Петербургъ славянскихъ гостей,—и дума назначила отъ города 4,500 р. для устройства такого же родственнаго пріема Славянамъ и на обратномъ ихъ пути изъ Москвы. Сумма эта предоставлена въ распоряженіе особаго комитета, учредившагося по пріему Славянъ. До тѣхъ поръ всѣ издержки по пріему Славянъ впродолженіе восьми дней, проведенныхъ ими въ Петербургѣ, покрывались сборомъ пожертвованій отъ частныхъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ классамъ общества; городская дума въ этомъ не участвовала. Теперь же и она присоединилась къ общему движенію, принося и свою богатую лепту отъ имени города Петербурга. Не зависимо отъ этого, петербургскій комитетъ по пріему Славянъ, имѣя въ виду предложить дорогимъ гостямъ разные подарки книгами, гравюрами, фотографіями, равно какъ и приношеніями въ пользу школъ, матицъ и другихъ учрежденій, пригласилъ общество къ дальнѣйшимъ пожертвованіямъ, которыя и принимаются въ книжныхъ магазинахъ И. И. Глазунова, Я. А. Исакова, Д. Е. Кожанчикова и въ кладовой г. Печаткина (въ гостиномъ дворѣ, по банковской линіи, № 30).

Славянскіе гости начали съѣзжаться въ Петербургъ понемногу. 22 го мая, въ понедѣльникъ, въ 9 часовъ утра, пріѣхали изъ Москвы: Палацкій-сынъ, Гамерникъ, Кутскій, Топинка, Звѣржина, Фуксъ и Матушъ. Всѣ они спѣшили возвратиться домой призываемые собственными дѣлами, а Палацкій-сынъ, состоя комисаромъ на парижской выставкѣ, спѣшилъ въ Парижъ; онъ уѣхалъ изъ Петербурга, на Верж-

болово въ тотъ же день въ 6 часовъ вечера, а остальные отправились на Варшаву съ поѣздомъ варшавской дороги въ часъ пополудни.

На другой день, тотчасъ по пріѣздѣ изъ Москвы въ часъ пополудни уѣхали, изъ Петербурга въ Варшаву еще нѣкоторые изъ славянскихъ гостей, неимѣвшихъ возможности продолжать свое пребываніе въ Россіи, вслѣдствіе зовущихъ ихъ на родину личныхъ дѣлъ. Это были: каноникъ Радлинскій (словакъ); докторъ Юлій Грегръ (чехъ), редакторъ газеты „Národní Noviny“; докторъ Скрейшовскій (чехъ), издатель и владѣлецъ типографіи въ которой печатается газета его брата „Politik“; Нѣмецъ (изъ Сербіи). Между прочимъ каноника Радлинскаго призывала на родину близость праздника Св. Духа, справляемаго съ особымъ торжествомъ въ церкви, при которой онъ состоитъ священникомъ. Скрейшовскаго звали его издательскія и типографскія дѣла.

24-го мая вечеромъ, въ 6 часовъ, выѣхали въ Варшаву Радакъ и Воличъ. Сверхъ того возвратились изъ Москвы, хорватъ Лукшичъ (литераторъ) тотчасъ же уѣхавшій въ Вѣну; сербъ Тодоровичъ (художникъ) и чехъ Мюллеръ (докторъ философіи), пока оставшіеся въ Петербургѣ. Вновь изъ за границы пріѣхали въ Петербургъ два черногорскіе сенатора и воеводы Илья Пламенацъ и Петръ Вукотичъ, присоединившіеся къ остальнымъ славянскимъ гостямъ и выѣхавшіе изъ Петербурга 25-го мая въ Москву на этнографическую выставку. Сверхъ того пріѣхалъ въ Петербургъ извѣстный чешскій агентъ по вопросу о переселеніяхъ Алоизій Карешъ, изъ Бремена. До сихъ поръ онъ занимался устройствомъ эмиграціи Славянъ въ Америку, теперь же думалъ хлопотать о направленіи славянской эмиграціи въ Россію, для чего съѣздилъ и въ Москву.

25-го мая, пріѣхали изъ Москвы: докторъ Ценова (кашубъ), Павловичъ (сербъ), отправившійся въ тотъ же день на родину; докторъ правъ Ичинскій профессоръ Матковичъ (ученикъ знаменитаго Ригера), Котуръ, Мирко Бедековичъ, юристъ, и купецъ Мусулинъ. Въ тотъ же день собравшіеся въ Петербургѣ Славянѣ посѣтили выставку картинъ въ ху-

дожественномъ клубѣ, потомъ отправились на постоянную выставку общества поощренія художниковъ, гдѣ особенно любовались художественными бронзовыми группами и фигурами Либириха; особенно же заняли ихъ вниманіе недавно выставленныя картины Айвазовскаго: 1) „Взрывъ греческаго монастыря Аркадіонъ на островѣ Кандіи“; 2) „Портретъ архимандрита Гавріила“ (сдѣланный съ фотографіи), взорвавшаго монастырь на воздухъ; 3) фрегатъ „генералъ-адмиралъ“, спасающій семейства кандіотовъ, и картины другихъ русскихъ художниковъ: Соколова, Резанова, Джогина, изображающія русскіе виды и картины изъ русской жизни. Съ выставки Славяне поѣхали въ домъ графа С. Г. Строганова. Самъ графъ пожелатъ показать гостямъ свои драгоцѣнныя собранія картинъ, рѣдкостей и изящныхъ произведеній, въ числѣ которыхъ находятся: замѣчательнѣйшая колекція иконъ, расположенныхъ по тремъ главнымъ эпохамъ: 1) письма новогородскаго; 2) письма московскаго монастырскаго и 3) письма строгоновской школы; кубокъ работы Бенвенуто Челлини; чаша, принадлежавшая патріарху Филарету Никитичу; первая лошадь, сдѣланная извѣстнымъ нашимъ скульпторомъ Клотомъ, и пр., и пр. Послѣ того, славяне посѣтити картинную галерею покойнаго Ф. И. Прянишникова, состоящую исключительно изъ произведеній русской живописи, и потому особенно интересовавшую нашихъ гостей. Наконецъ, осматривали дворецъ великой княгини Маріи Николаевны, въ которомъ собраны какъ извѣстно, превосходныя картины и статуи, и музей, составленный изъ вещей, принадлежавшихъ Наполеону I, какъ, напримѣръ, палатка, отбитая у мамелюковъ въ Египтѣ; сабля, бывшая на Наполеонѣ въ сраженіи при Маренго. Въ этомъ же собраніи сохраняются вещи, принадлежавшія принцу Евгенію Богарне, и пр., и пр.

26-го мая, пріѣхали изъ Москвы: графъ Янковичъ, Медаковичъ и Андрей Синобадъ. Ичинскій, Матковичь, Котуръ, Мусулинъ и Бедековичъ отправились утромъ, въ 8 часовъ, въ Кронштадтъ, гдѣ ихъ взяли на свое попеченіе распорядители комитета, учредившагося въ Кронштадтѣ для пріема Славянъ. Оставшіеся въ Петербургѣ Славяне, узнавъ

о молебствіи въ Исакіевскомъ соборѣ по поводу спасенія жизни Государя, поспѣшили въ соборъ и усердно молились вмѣстѣ съ Русскими. Вечеромъ у нихъ на балконѣ гостиницы „Bille Vue“ гремѣла музыка по поводу того же отраднаго событія; народъ густою толпой окружалъ гостиницу, требуя по нѣскольку разъ народнаго гимна и оглашая воздухъ громкими криками. Оставшіеся въ Петербургѣ Сербы вечеромъ отправили въ Парижъ къ Государю Императору поздравительный адресъ.

27-го мая пріѣхалъ еще изъ-за границы хорватъ *Мишкатовичъ*, переводчикъ Тургеневскихъ повѣстей и разсказовъ на Хорватское нарѣчіе, въ настоящее же время редакторъ газеты *Pozor* и остался въ Петербургѣ.

Наконецъ 28-го мая, въ 11 часовъ утра, всѣ славянскіе гости возвратились изъ Москвы. Въ гостиницѣ „Belle Vue“ ихъ ожидалъ завтракъ, въ теченіи котораго игралъ оркестръ музыки. Нужно ли говорить, подъ какимъ впечатлѣніемъ и въ какомъ настроеніи вернулись Славяне изъ Москвы? Они уѣхали оттуда какъ разъ въ то время, когда въ первопрестольной столицѣ получались одно за другимъ свѣдѣнія о гнусномъ покушеніи Березовскаго.... Несмотря на усталось съ дороги, всѣ славянскіе гости собрались на общій завтракъ въ отели „Belle Vue“, не исключая и маститаго Палацкаго, сильно утомленнаго, но нехотѣвшаго ни за что остаться въ своей комнатѣ. При возглашеніи за завтракомъ тоста за здоровье Государя Императора, Славяне потребовали нашъ народный гимнъ, и спѣли его сами съ величайшимъ одушевленіемъ. Это пѣніе русскаго народнаго гимна повторялось нѣсколько разъ въ теченіи завтрака и всякій разъ сопровождалось громкими криками восторга. Ригеръ сказалъ при этомъ случаѣ рѣчь, въ которой, заявивъ отъ имени всѣхъ Славянъ чувство живѣйшей радости по поводу избавленія Государя Императора отъ руки убійцы, напомнилъ о поздравительной телеграммѣ, посланной Славянами въ Парижъ изъ Москвы, и затѣмъ объявилъ, что, немедленно по возвращеніи въ Петербургъ, Славяне сочли непремѣннымъ долгомъ отправить поздравительную телеграму Государынѣ Императ-

рицѣ въ Царское Село. Слова чешскаго оратора были встрѣчены восторженными восклицаніями.

Послѣ завтрака Славяне присутствовали въ думѣ при благодарственномъ молебствіи. Передъ молебствіемъ, совершавшій богослуженіе протоіерей Владимірской церкви, о. Іоаннъ, сказалъ короткое, но одушевленное слово, въ которомъ сопоставилъ покушеніе 25-го мая съ покушеніемъ 4-го апрѣля. Проповѣдникъ указалъ на видимое дѣйствіе десницы Божіей, охраняющей жизнь Государя и Россію. Въ покушеніи 4-го апрѣля, по словамъ его, десница Божія избрала своимъ орудіемъ смиреннаго крестьянина, и обнаружила свое видимое дѣйствіе только предъ русской столицей и предъ Россіей. Въ покушеніи 25-го мая, совершившемся въ Парижѣ, въ городѣ, почитаемомъ центромъ всего образованнаго міра, божественный промыслъ дѣйствовалъ непосредственно, не избравъ своимъ орудіемъ для спасенія жизни Государя никого, и такимъ образомъ еще осязательнѣе обнаружилъ свое дѣйствіе передъ *всѣмъ міромъ*.

Вечеромъ гости разъѣхались по разнымъ знакомымъ имъ семействамъ, куда они были приглашены. Въ одинъ изъ этихъ домовъ была доставлена слѣдующая телеграмма изъ Москвы, отъ тамошняго генералъ-губернатора князя Долгорукова, на имя членовъ комитета, избраннаго Славянами на время пребыванія въ Россіи, Смоляра и Прудека:

„Государь Императоръ, получивъ поздравительную телеграмму отъ нашихъ гостей-Славянъ, Высочайше повелѣть соизволилъ мнѣ выразить имъ искреннюю благодарность Его Величества. Прошу васъ, какъ членовъ избраннаго славянскими гостями комитета, передать всѣмъ вашимъ товарищамъ Высочайшую благодарность. Генералъ-адъютантъ, московскій генералъ-губернаторъ князь Долгоруковъ.“

29-го мая, Славяне утро провели по усмотрѣнію. Часть ихъ ѣздила осматривать картинную галлерею г. Прянишникова. Нѣкоторые изъ оставшихся въ Москвѣ, пріѣхали въ то утро въ Петербургъ, но не всѣ: Гвидо Манесъ отправившійся опять въ Троицкую Лавру для снятія ея ви-

довъ и Вавра, которому еще предстояло описать Москву для Чеховъ и ближе ознакомить съ русскою наукою и литературою своихъ земляковъ, остались въ Москвѣ на цѣлую недѣлю. Вечеромъ, послѣ обѣда въ Бельвю, лишь немногіе поѣхали въ крѣпость и оттуда прокатиться на острова, едва начинавшіе зеленѣть въ концѣ мая, между тѣмъ, какъ Москву Славяне оставили уже всю въ зелени и въ атмосферѣ іюльскаго жара: отправляясь на острова, одинъ изъ Славянъ запасся даже шубою. Графъ Пучичъ, вмѣсто островов отправился въ Александринскій театръ. Нѣкоторые другіе — по приглашенію въ гости.

Сербы же провели вечеръ вмѣстѣ съ Сербами, проживающими въ Петербургѣ. Описаніе этого вечера было помѣщено въ новосадской газетѣ *Застава*. Изъ нея видно, что въ этомъ вечерѣ принимали участіе: Субботичъ, Политъ, Костичъ, Тодоровичъ, графъ Янковичъ, архимандритъ Ковачевичъ, священники Беговичъ и Кукичъ, купецъ Мусулинъ, студенты Крестичъ и Георгіевичъ. Отъ имени проживающихъ въ Петербургѣ Сербовъ привѣтствовали гостей Сава Груичъ и Д. Гюричъ. Изъ ихъ словъ гости узнали, что въ настоящее время въ петербургскомъ, московскомъ и кіевскомъ университетахъ и въ академіи Троицкой Лавры находится до 40 молодыхъ Сербовъ изъ Австріи Сербіи и Турціи, что они поддерживаютъ между собою сношенія и что другіе Сербы, проживающіе въ Россіи, не чуждаются ихъ общества. Они сохраняютъ также живыя связи съ родиной. Одинъ изъ говорившихъ сообщилъ даже пріѣзжимъ гостямъ, что съ годъ тому назадъ пріѣхалъ въ Россію Хорватъ, прожившій долгое время съ ранняго дѣтства за границей, преимущественно во Франціи и Германіи, почти забывшій родной языкъ свой и походившій на иностранца; но, попавши въ кругъ петербургскихъ Сербовъ, онъ снова возвратился къ родному языку. Изъ пріѣзжихъ гостей говорили на этомъ вечерѣ Георгіевичъ, Крестичъ, Тодоровичъ и Субботичъ. Бесѣда послѣдняго, имѣвшая, по словамъ *Заставы*, характеръ педагогическій и поучительный, принята была общими криками *живіо!* Суб-

ботичъ предложилъ послѣ этого тостъ за сербскій народъ; архимандритъ Ковачевичъ за сербское юношество.

Во вторникъ 30-го мая, съ 8 часовъ утра до 3-хъ пополудни, Славяне осмотрѣли многое изъ того, что̀ Петербургъ можетъ показать особеннаго въ медицинскомъ отношеніи: Медикохирургическую академію, Морской госпиталь, Калинкинскую больницу и т. д. Въ академіи они осматривали отдѣленіе для страждущихъ душевными болѣзнями, библіотеку, анатомическій музей, строящуюся клинику покойнаго Виллие и пр. Между славянскими гостями было не мало медиковъ-спеціалистовъ и потому осмотръ былъ внимателенъ. Библіотека остановила ихъ вниманіе своею полнотою. Многое другое изъ видѣннаго ими, по словамъ одного изъ спеціалистовъ, сравнившаго здѣшнее съ тѣмъ, что онъ видѣлъ въ западной Европѣ, представляетъ зачатки, обѣщающіе блестящее будущее. Послѣ обѣда, не смотря на дождливую погоду, большая часть Славянъ поѣхала въ Павловскъ, гдѣ правленіе царскосельской желѣзной дороги дало въ честь ихъ праздникъ, который былъ блистателенъ въ полномъ смыслѣ этого слова, несмотря на крайне неблагопріятную погоду. Хотя дождь и лилъ ливнемъ съ 5 до 7 часовъ, т.-е. именно въ то время, когда публика должна была собраться въ павловскомъ вокзалѣ, вагоны царскосельской дороги увозили съ каждымъ своимъ поѣздомъ весьма почтенное количество пасажировъ, и къ 8 часамъ, т.-е. ко времени прибытія Славянъ, вокзалъ былъ совершенно полонъ. Для гостей были приготовлены два ряда стульевъ впереди, передъ самою эстрадой, гдѣ помѣщается оркестръ г. Фюрстно. Славяне вошли въ залу посреди всеобщаго движенія сочувствственнаго любопытства. Впереди шли Ригеръ и Головацкій (Палацкій не пріѣхалъ за усталостью и нездоровьемъ). Немедленно раздался гимнъ „Боже, Царя храни!", встрѣченный, разумѣется, восторженно, какъ русскою публикою, такъ и Славянами. Три раза заставляли повторить этотъ гимнъ и всякій разъ окончательные его акорды покрывались громкимъ крикомъ „ура!". За гимномъ послѣдовалъ сербскій маршъ „Радо

иде Србин у војнике“, который былъ принятъ рукоплесканіями и повторенъ по требованію публики. Сербы громко и съ одушевленіемъ вторили звукамъ своей народной пѣсни. Затѣмъ слѣдовали другія пьесы, всѣ на русскія и славянскія темы: *Торжественная увертюра*—Воячека, *Казачекъ* — Дорогомыжскаго, который тоже заставили повторить, *Вальсъ-Фонтазія* графа Толстаго и застольный хоръ изъ оперы *Рогнѣда* Сѣрова. Послѣ окончанія первой части концерта, такъ какъ дождь на время прошелъ, публика вышла на площадку, а Славяне отправились пить чай. Впрочемъ, многіе изъ нихъ тоже разсыпались по площадкѣ, иные (въ томъ числѣ Ригеръ), присоединились къ группамъ русскихъ, пили чай на открытомъ воздухѣ. Въ это время на площадкѣ появились Великій Князь Константинъ Николаевичъ, Великая Княгиня Александра Іосифовна, Его Величество Король Еллиновъ (въ русскомъ мундирѣ), Великая Княжна Ольга Константиновна и Великій Князь Николай Константиновичъ. Ихъ Высочества и Его Величество прошли въ особую, для нихъ устроенную ложу въ вокзалѣ и вскорѣ затѣмъ, по ихъ желанію, имъ были представлены славянскіе гости. Одни собрались около ложи, а нѣкоторые вошли и въ нее, и здѣсь были представлены августѣйшему владѣльцу Павловска и другимъ высокимъ особамъ. Великій Князь Константинъ Николаевичъ привѣтствовалъ Славянъ на русскомъ языкѣ, онъ сказалъ: „Какъ хозяинъ Павловска, я очень радъ видѣть васъ здѣсь; меня радуетъ также, что васъ вездѣ въ Россіи принимали, какъ братьевъ *(Слава!)*, и поэтому я надѣюсь, что вы будете, помнить Россію“ (крики: *истина! истина! Слава! живіо!)*. Затѣмъ, Великій Князь упомянулъ о пріемѣ, которымъ почтилъ Славянъ Государь Императоръ, и сказалъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ чувства своего вѣнценоснаго Брата. Въ заключеніе Великій Князь представилъ Славянамъ своихъ августѣйшихъ дѣтей. Гости отвѣчали громкими криками „слава!“ на привѣтствіе Великаго Князя. Великая Княгиня обратилась къ депутатамъ съ слѣдующими словами: „Намъ было бы весьма жаль не видѣть васъ, господа, предъ вашимъ отъѣздомъ, и мы рады

видѣть васъ здѣсь. Вы въ первый разъ въ Россіи?“ Гости отвѣчали: „въ первый разъ“. Тогда обратился къ нимъ снова Великій Князь Константинъ Николаевичъ: „Мы хотѣли показать вамъ невѣсту и жениха нашего“ (крики: *Слава имъ! Дай имъ Богъ счастья! Живили!*). Затѣмъ гости вышли изъ царской ложи и отправились гулять по саду. Вскорѣ послѣ представленія Славянъ, Ихъ Высочество и Его Королевское Величество удалились.

Между тѣмъ, въ вокзалѣ началась уже вторая часть концерта. Къ третьему нумеру ея, то-есть, къ *Пѣсни гуситовъ*, всѣ Славяне вернулись на свои мѣста... Когда пѣсня гуситовъ была кончена, раздались громкіе крики „слава Славянамъ! слава Палацкому, Ригеру, Головацкому“. Славяне отвѣчали восторженными криками на это привѣтствіе, зала гремѣла отъ рукоплесканій... Потребовали повторенія пѣсни гуситовъ, опять крики, опять громовые аплодисменты. Шесть разъ повторялось исполненіе этой необыкновенно эфектной пѣсни. На четвертомъ повтореніи Чехи не выдержали: сгруппировавшись около оркестра, они запѣли свою народную пѣсню къ великому восторгу публики. За пѣснею гуситовъ и уже сверхъ программы раздался снова „сербскій маршъ“, и настала очередь Сербовъ пѣть. Надо было видѣть, съ какимъ одушевленіемъ исполняли они свою любимую народную пѣсню, на тему которой написанъ этотъ маршъ. Восторгъ и одушевленіе публики все росли и росли, заразительно дѣйствуя даже на самыхъ равнодушныхъ посѣтителей павловскаго вокзала. Потребовали русскій народный гимнъ, всѣ Славяне стройно и громко запѣли его, и вторили музыкѣ всѣ три раза, когда гимнъ повторялся по требованію публики. Затѣмъ раздался финалъ изъ „Жизни за Царя“, принятый общими и единодушными рукоплесканіями. Одушевленіе было всеобщее. Послѣ второй части концерта, публика разсыпалась снова по площадкѣ и продолжала гулять по ней, несмотря на начавшійся дождь.

Между тѣмъ, въ особой обѣденной залѣ, направо отъ концертной, убранной заново необыкновенно изящно по проекту и подъ надзоромъ служащаго при царскосельской

иде Србин у војнике“, который былъ принятъ рукоплесканіями и повторенъ по требованію публики. Сербы громко и съ одушевленіемъ вторили звукамъ своей народной пѣсни. Затѣмъ слѣдовали другія пьесы, всѣ на русскія и славянскія темы: *Торжественная увертюра*—Воячека, *Казачекъ* — Дорогомыжскаго, который тоже заставили повторить, *Вальсъ-Фонтазія* графа Толстаго и застольный хоръ изъ оперы *Рогнѣда* Сѣрова. Послѣ окончанія первой части концерта, такъ какъ дождь на время прошелъ, публика вышла на площадку, а Славяне отправились пить чай. Впрочемъ, многіе изъ нихъ тоже разсыпались по площадкѣ, иные (въ томъ числѣ Ригеръ), присоединились къ группамъ русскихъ, пили чай на открытомъ воздухѣ. Въ это время на площадкѣ появились Великій Князь Константинъ Николаевичъ, Великая Княгиня Александра Іосифовна, Его Величество Король Еллиновъ (въ русскомъ мундирѣ), Великая Княжна Ольга Константиновна и Великій Князь Николай Константиновичъ. Ихъ Высочества и Его Величество прошли въ особую, для нихъ устроенную ложу въ вокзалѣ и вскорѣ затѣмъ, по ихъ желанію, имъ были представлены славянскіе гости. Одни собрались около ложи, а нѣкоторые вошли и въ нее, и здѣсь были представлены августѣйшему владѣльцу Павловска и другимъ высокимъ особамъ. Великій Князь Константинъ Николаевичъ привѣтствовалъ Славянъ на русскомъ языкѣ, онъ сказалъ: „Какъ хозяинъ Павловска, я очень радъ видѣть васъ здѣсь; меня радуетъ также, что васъ вездѣ въ Россіи принимали, какъ братьевъ *(Слава!)*, и поэтому я надѣюсь, что вы будете, помнить Россію“ (крики: *истина! истина! Слава! живіо!)*. Затѣмъ, Великій Князь упомянулъ о пріемѣ, которымъ почтилъ Славянъ Государь Императоръ, и сказалъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ чувства своего вѣнценоснаго Брата. Въ заключеніе Великій Князь представилъ Славянамъ своихъ августѣйшихъ дѣтей. Гости отвѣчали громкими криками „слава!“ на привѣтствіе Великаго Князя. Великая Княгиня обратилась къ депутатамъ съ слѣдующими словами: „Намъ было бы весьма жаль не видѣть васъ, господа, предъ вашимъ отъѣздомъ, и мы рады

няты здѣсь на Руси, какъ родные братья; нашли мы вторую родину, всѣ мы, Сербы, чувствуемъ и цѣнимъ это (крики: *и мы, и мы, всѣ Славяне).* Великая радость настала теперь для всего народа русскаго — любезная Княжна его вступаетъ въ бракъ съ королемъ Еллиновъ. Велика эта радость и для насъ. Бракъ этотъ есть признакъ близкаго разрѣшенія восточнаго вопроса, котораго такъ жаждемъ всѣ мы, заинтересованные въ немъ. И такъ позвольте мнѣ провозгласить здѣсь здравицу за любезную всѣмъ намъ чету и пожелать ей счастливой и долгой жизни!" Долго неумолкали восторженные крики, сопровождавшіе этотъ тостъ; всѣ подходили чокнуться съ говорившимъ, всѣ подходили, но не всѣ дошли, такъ какъ тѣснота была большая. Ригеръ произнесъ тогда слѣдующее: „Братья Славяне! Нѣтъ народа, который бы имѣлъ Государя болѣе мудраго и болѣе справедливаго, нежели какого имѣетъ народъ русскій; волею Русскаго Царя освобождены отъ неволи 20 милл. русскаго народа. Да осѣнитъ Господь Богъ своей десницей Великаго Государя. Но Государь, какъ бы онъ хорошъ не былъ, не можетъ дѣйствовать безъ помощи народа; въ наше время, именно, народы и обязаны помогать всѣми силами своимъ Государямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ должны помогать другъ другу. Мы уѣдемъ изъ Россіи увѣренные въ братскомъ расположеніи къ намъ всего русскаго народа, и повѣрьте, что это сближеніе наше не останется безъ послѣдствій благопріятныхъ, какъ для насъ, такъ и для Руси. Теперь же предлагаю здравицу за весь народъ русскій." Всѣ въ одинъ голосъ грянули: *Слава!*

Затѣмъ началъ говорить Головацкій: „Братья Славяне! произнесъ онъ: Благодаря дирекціи царскосельской желѣзной дороги, мы наслаждались лицезрѣніемъ Государя Императора; теперь, благодаря той же дирекціи, мы видѣли Великаго Князя и его семейство. Принесемте же благодареніе за тѣ труды и заботы, которые перенесла дирекція ради насъ, принесемте ей благодареніе за тотъ пріемъ, который теперь она дѣлаетъ для насъ, и выпьемте бокалъ вина за здравіе дирекціи и за благоденствіе царскосельской желѣзной дороги!" Дружное „ура" было отвѣтомъ на

рѣчь профессора. Затѣмъ всталъ Георгіевичъ и произнесъ слѣдующее: „Господа и братья! Г. Ригеръ провозгласилъ уже здравицу за народъ русскій, и здравица эта пришлась по душѣ всѣмъ намъ; дѣйствительно, велико теперь призваніе народа. Въ былое время народъ былъ презираемъ, его называли массой, чернью, не было воли у народа, не было и интеллигенціи: теперь народъ объявленъ свободнымъ, широкая дорога открыта передъ нимъ и быстро пойдетъ онъ по этой дорогѣ. Народное воспитаніе и образованіе — вотъ великая задача нашего времени, а для этой задачи необходима рука женщины, безъ ея помощи нельзя сладить этого дѣла. Итакъ, первое дѣло наше есть воспитаніе женщины, а для этого надобно, чтобъ она была равноправна и свободна. Позвольте же мнѣ провозгласить здѣсь здоровье тѣхъ людей, которые всецѣло отдались дѣлу женскаго образованія и поставили цѣлью своихъ трудовъ возвысить женщину и дать ей средства вліять на народное дѣло!“ Нельзя себѣ представить тотъ восторгъ, съ которымъ приняты были слова Георгіевича; громкая: „Слава“ не умолкала по крайней мѣрѣ минутъ пять. Затѣмъ сталъ говорить г. Ливчакъ: „Милостивые государи, сказалъ онъ, я сейчасъ получилъ письмо отъ одной русской женщины, и нахожу нужнымъ прочесть его во всеуслышаніе. *(Читаетъ письмо.)* Теперь позвольте мнѣ прибавить еще отъ себя слѣдующее: какъ безъ хозяйки не можетъ существовать семья, такъ вообще безъ женщины не мыслимо существованіе народа; самъ Богъ зналъ это и далъ первому человѣку подругу жизни, Еву; мы всѣ давно сознали эту истину и теперь радуемся, что сестры наши также сознали свое великое призваніе. За ихъ здоровье!“ Новый восторгъ, новые крики; всѣ стали подходить къ немногимъ присутствовавшимъ на ужинѣ дамамъ и чокались съ ними. Баронъ Виллани, поднявшись съ своего мѣста, проговорилъ слѣдующее: „Братья! за взаимность всеславянскую! да царствуютъ между нами миръ и любовь! да направляетъ Господь Богъ каждый нашъ шагъ къ свободѣ и славѣ!“ Оглушительная „слава“ была отвѣтомъ на слова Виллани. Наконецъ сталъ говорить Мудронь: „Мы

слышали, братья, сказалъ онъ, отъ г. Ригера здравицу за народъ русскій; затѣмъ, здравицы стали провозглашаться за отдѣльныя личности; отъ общаго мы перешли къ частному; я снова теперь перейду отъ частнаго къ болѣе общему. Вы знаете, братья, что тамъ свобода, гдѣ мечъ и сила; въ славянскомъ мірѣ этимъ мечомъ, этою силою владѣетъ Русь, по этому я предлагаю выпить за эту силу, за мечъ славянства, за русское побѣдоносное воинство!" Слова эти встрѣчены были съ особеннымъ сочувствіемъ, многіе подходили къ Мудроню, пожимали его руку, чокались съ нимъ.

Поздно встали изъ-за стола пирующіе и весело отправились, чрезъ воксалъ къ приготовленному для нихъ правленіемъ экстренному поѣзду. Толпа павловскихъ жителей провожала ихъ громкими криками *слава!* и радушными привѣтствіями. У многихъ Славянъ были въ петлицахъ цвѣты, данные имъ на память дамами; нѣкоторые даже надѣли на свои шляпы вѣнки изъ зелени и цвѣтовъ. На дорогѣ къ вагонамъ, славянскіе гости, по знаку данному Ригеромъ, запѣли пѣсню; съ пѣсней и музыкой сѣли они въ вагоны и поѣздъ двинулся подъ шумъ радушныхъ прощаній со стороны остававшихся. Ѣхавшія въ Петербургъ на этомъ поѣздѣ дамы любезно бесѣдовали съ гостями. На петербургской станціи ихъ ожидала опять музыка и дружескія прощанія.

31-го мая, Славяне раздѣлились на отдѣльные группы и осматривали что кому было болѣе по душѣ. Часть ихъ отправилась въ Смольный монастырь, осматривать богадѣльню для престарѣлыхъ женщинъ; другіе поѣхали въ Ботаническій садъ. Наконецъ третья группа отправилась осматривать педагогическую библіотеку военно-учебныхъ заведеній и музей находящійся при ней. Въ педагогическую библіотеку отправились: Миличевичъ, Гудецъ, Богоровъ, Молчанъ, Гура и Ковачевичъ. Какъ видимъ, тутъ были представители всѣхъ западныхъ и южныхъ славянскихъ племенъ.

Осмотръ былъ начатъ съ музея. Еще далеко не пополненный всѣмъ тѣмъ, что предположено собрать въ него,

этотъ существующій лишь полтора года музей уже теперь представляетъ очень значительную, — а въ Россіи единственную по размѣрамъ — коллекцію пособій при обученіи, и преимущественно нагляднομъ. Онъ будетъ значительно пополненъ къ осени этого года, когда изъ Парижа и другихъ городовъ получится все, что благодаря нынѣшней всемірной выставкѣ, на которой педагогическій отдѣлъ не пренебреженъ, окажется необходимымъ для русскаго педагогическаго музея, какъ дополненіе. Славянъ поразила масса рисунковъ, атласовъ и чертежей съ англійскимъ, нѣмецкимъ и другими иностранными текстами. Гура замѣтилъ, что для Чехіи печатаются великолѣпные естественно-историческіе атласы въ Нюрнбергѣ и Веймарѣ, но непремѣнно съ чешскимъ текстомъ, иначе и самые атласы были бы не нужны Чехамъ. Миличевичъ сказалъ, что въ Бѣлградѣ выписываютъ клише рисунковъ изъ-за границы и затѣмъ на мѣстѣ присоединяютъ къ рисункамъ сербскій текстъ.

Въ библіотекѣ Славяне подробно разсматривали каталоги, ландкарты, педагогическіе журналы. Миличевичъ обратилъ особенное вниманіе на брошюры о воспитаніи и училищахъ въ Россіи и основательно пересматривалъ ихъ. Почти у каждаго изъ посѣтителей была въ рукахъ записная книжка и карандашъ: по мѣрѣ осмотра, они дѣлали замѣтки для себя. Гудецъ выписалъ себѣ рядъ грамматикъ русскаго языка. Словенская матица хочетъ издать русскую грамматику на словенскомъ нарѣчіи, и эта справка для нея была необходима. Библіотекарь Н. И. Константиновичъ, отвѣчая на рядъ вопросовъ со стороны Славянъ, гдѣ могутъ быть пріобрѣтены тѣ и другія книги, обязательно замѣтилъ гостямъ, что многія трудности по выпискѣ русскихъ книгъ легко могутъ быть избѣгнуты, если выписывающіе книги Славяне будутъ обращаться прямо къ нему (г. Константинову, въ Педагогическую библіотеку, въ Петербургъ), такъ какъ вскорѣ библіотека явится, при посредствѣ своего складочнаго педагогическаго депо книгъ постояннымъ коммиссіонеромъ для лицъ желающихъ пріобрѣтать такія книги, и будетъ дѣлать покупающимъ скид-

ку 15% съ магазинныхъ цѣнъ. Это предложеніе было передано Славянамъ, осматривавшимъ библіотеку, для сообщенія всѣмъ остальнымъ ихъ соплеменникамъ. Такимъ образомъ, петербургская педагогическая библіотека можетъ сдѣлаться посредницею между Славянами за границей и русскимъ педагогическимъ міромъ.

Въ тотъ же день Славянскіе врачи посѣтили медико-хирургическую академію, которую осматривали въ подробности и съ величайшимъ вниманіемъ. Впечатлѣніе оставленное на нихъ этимъ осмотромъ, было какъ нельзя болѣе благопріятно. Особенно восторженно отзывались они о богатствѣ и прекрасномъ составѣ академической медицинской библіотеки. Что касается Палацкаго, Ербена, Шафарика и другихъ гостей, интересовавшихся археологическими изысканіями, то они провели часть утра у академика А. А. Куника.

Обѣдали гости въ гостиницѣ „Belle Vue" за исключеніемъ славянскихъ журналистовъ, приглашенныхъ членами редакціи „Голоса" на обѣдъ въ гостиницѣ Донона. Обѣдъ этотъ не имѣлъ торжественнаго характера: на немъ не было ни заранѣе обдуманныхъ рѣчей, ни заранѣе составленныхъ тостовъ; представители славянской и русской журналистики дружески бесѣдовали между собой.

Затѣмъ происходило засѣданіе географическаго общества, на которомъ присутствовали Славяне; оно было очень оживлено. Послѣ привѣта гостямъ отъ имени членовъ, былъ прочтенъ г. Семеновымъ очеркъ, цѣлью котораго было представить славянскимъ посѣтителямъ общій географическо-статистическій обзоръ Россіи; а г. Бестужевъ-Рюминъ прочелъ рѣчь: *„О колонизаціи велико-русскаго племени."* Эта рѣчь начиналась слѣдующими словами: „Посѣтители московской этнографической выставки поражаются обиліемъ разноплеменныхъ народовъ, представители которыхъ собраны и разставлены въ порядкѣ въ зданіи манежа. Неужели Россія такое же сбродное государство, какъ Австрія, какъ Турція? спрашиваетъ себя невольно посѣтитель. Нѣтъ! одного взгляда на этнографическую карту достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что надъ всѣмъ этимъ

разнообразіемъ племенъ господствуетъ не только силою своего государства, не только своимъ умственнымъ превосходствомъ, но и самою массою своей одно племя—*Русское*. Всѣ же эти племена собраны какъ бы для того, чтобы служить трофеями мирныхъ побѣдъ все пресуществляющаго въ себѣ *славянскаго духа* этого великаго историческаго племени, — побѣдъ свидѣтельствующихъ его всемірно-историческое призваніе. Племена эти — или остатки первобытныхъ доисторическихъ жителей края, или осадки народныхъ волнъ, которыя, смѣняя одну другою, выкидывали въ Европу смежныя съ нами степи Азіи. Тяжелая, трудная задача выпала на долю сѣверному отдѣлу русскаго племени, тому отдѣлу, который создалъ зерно объединенія всероссійскаго и котораго — мы вѣримъ въ то — ждетъ въ будущемъ великая участь послужить высокому дѣлу умственнаго и нравственнаго объединенія еще невѣдомаго міра — *славянскаго* *)“.

Но сущность засѣданія составили завязавшіеся послѣ разговоры между русскими членами общества и посѣтителями и славянскими гостями. Говорили, между прочими, Палацкій, Ригеръ и Субботичъ. Палацкій коснулся прежнихъ и нынѣшнихъ судебъ Новгорода. Ригеръ сдѣлалъ запросъ членамъ общества: въ какой степени было бы удобно направить чешскую эмиграцію, вмѣсто Америки, въ южную Россію? Этотъ вопросъ заинтересовалъ многихъ и повелъ къ болѣе или менѣе положительнымъ выводамъ. Это былъ вопросъ, уже разъ затронутый г. Жеребцовымъ, на засѣданіи въ московскомъ университетѣ при пріемѣ Славянъ. Затѣмъ Ригеръ, котораго, какъ экономиста, не могутъ не интересовать торговыя и промышленныя отношенія Чехіи къ Россіи, спросилъ, не было ли бы выгоднѣе чешскому рынку закупать свои запасы льна не въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ это дѣлалось до настоящаго времени, а въ южной Россіи. Послѣ того разговоръ перешелъ къ торговой роли Петербурга, и поднятъ былъ вопросъ: не было ли бы въ

---

*) Рѣчь К. Н. Бестужева-Рюмина напечатана въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1867 годъ, въ № 6.

интересахъ Россіи оттянуть часть торговаго движенія отъ Балтійскаго моря къ Черному. Тутъ мнѣнія раздѣлились, и В. И. Ламанскій съ жаромъ отстаивалъ Петербургъ, какъ торговый центръ, потому что лишить Петербургъ его значенія, значило бы лишить славянство важной точки опоры на томъ морѣ, которое Нѣмцы давно уже пытались сдѣлать нѣмецкимъ озеромъ, въ чемъ едва было и не успѣли. Только такой приливъ русской жизни къ Балтійскому морю, какой былъ вызванъ основаніемъ Петербурга, далъ славянскому элементу возможность отстоять одно изъ важныхъ для него морей противъ Нѣмцевъ. — Субботичъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній объ общей славянской этнографіи, и затѣмъ, по свидѣтельству новосадской газеты *Застава*, сказалъ слѣдующее: „Можетъ быть и трудно создать одну общеславянскую литературу; но мы южные Славяне, должны всячески трудиться, чтобы Болгары, Сербы, Хорваты и Словенцы приняли одинъ литературный языкъ, слились въ одной литературѣ. Вы, братья Русскіе, должны оказать свое содѣйствіе, чтобы и западные Славяне соединились между собой однимъ литературнымъ языкомъ. Такимъ образомъ возникли бы лишь три славянскія письменности: сѣверная, западная и южная."

Послѣ засѣданія Географическаго Общества многіе изъ Славянъ отправились въ Общество поощренія частнаго труда, гдѣ давался для нихъ концертъ и вечеръ. Програма концерта состояла почти исключительно изъ однѣхъ русскихъ и славянскихъ піесъ, или, вѣрнѣе сказать, пѣсенъ, потому что, кромѣ увертюры изъ „Рюи Блазъ" Мендельсона, да „Invitation à la drase" Вебера, которыми начинались первая и вторая часть концерта, другихъ нумеровъ инструментальной музыки не было вовсе.

Славяне пріѣхали уже послѣ первой части концерта. Какъ и въ прошлое посѣщеніе Общества поощренія частнаго труда, они были встрѣчены прекрасною хозяйкою вечера въ русскомъ костюмѣ и кокошникѣ. Палацкій пріѣхалъ еще позже. Появленіе Славянъ сопровождалось громкими рукоплесканіями и криками многочисленной публики „слава!" Во второй части концерта на Славянъ и на публику

произвели особенно сильное впечатлѣніе славянскія пѣсни, прекрасно исполненныя хоромъ любителей, и два русскіе романса, пропѣтые съ замѣчательнымъ вкусомъ и искусствомъ г-жею Леонтьевою. Концертъ кончился гимномъ „Боже, Царя храни," встрѣченнымъ восторженными криками „ура" и повтореннымъ нѣсколько разъ по требованію публики.

Послѣ концерта Славяне были приглашены на ужинъ, въ которомъ участвовали по подпискѣ и многіе изъ гостей, собравшихся на концертъ. Тосты, какъ всегда, начались здоровьемъ Государя Императора, Государыни Императрицы и всего царствующаго дома, на которые ужинавшіе отвѣчали громовымъ „ура." Затѣмъ слѣдовалъ тостъ „за славянскихъ гостей," принятый съ восторгомъ. Изъ Славянъ говорили Браунеръ, баронъ Виллани (Чехи), Мудронь (Словакъ) и нѣкоторые другіе. Кромѣ того, были еще рѣчи распорядителей вечера, отличавшіяся горячностью и задушевностью. Приводимъ изъ этихъ рѣчей рѣчь г. Столпянскаго:

„Дорогіе гости! Вы, находясь въ нашихъ столичныхъ городахъ, видѣли, съ какимъ участіемъ и любовью приняли васъ наши собраты — передовые люди мысли и науки. Они знаютъ васъ и ваши страны, думаютъ объ нихъ и сочувствуютъ ихъ судьбамъ; но въ нашемъ обществѣ, которое вы осчастливили своимъ посѣщеніемъ, нѣтъ людей науки— здѣсь члены общества имѣютъ частныя занятія, и у многихъ изъ нихъ еще не сошли съ рукъ мозоли отъ обязательнаго труда; но — это общество и весь сельскій людъ нашего обширнаго отечества знаетъ о васъ. Знаетъ онъ изъ разсказовъ своихъ собратовъ, проходившихъ чрезъ ваши страны или съ оружіемъ въ рукахъ, или съ простою молитвою въ сердцѣ, странствуя въ Почаевъ и еще далѣе въ страну родную, но подъ чуждою властью; они говорили намъ, что тамъ, гдѣ-то далеко, въ Нѣмечинѣ, живутъ наши братья, говорятъ понятнымъ намъ языкомъ; деревни ихъ — наши деревни; села ихъ, Божіе храмы такіе же, какъ у насъ, и эти-то разсказы соединяютъ нашихъ селянъ съ вашими селянами и не даютъ забывать о вашихъ селя-

нахъ. Но это знаніе былинное, какъ всегда народное знаніе. Оно, какъ бы зародышъ въ зернѣ, ждетъ благопріятныхъ условій, чтобъ развиться въ плодъ. Дорогіе гости, отъ васъ, какъ вѣстниковъ науки, и отъ нашихъ представителей мысли, много зависитъ, чтобъ знанія нашихъ селянъ о вашихъ селянахъ и обратно развились вполнѣ, какъ о сынахъ одной матери — славянства; а потому выпьемъ за развитіе знанія другъ о другѣ въ народѣ и за содѣйствіе ваше въ этомъ дѣлѣ."

Хозяйка вечера, въ своемъ русскомъ костюмѣ, сидѣла возлѣ Палацкаго. Послѣ ужина Палацкій, Головацкій и нѣкоторые другіе изъ Славянъ уѣхали, а молодежь осталась танцовать до утра.

1-го іюня, въ $8\frac{1}{2}$ часовъ утра всѣ Славяне, за исключеніемъ Палацкаго, отправились изъ гостинницы „Belle vue", на англійскую набережную, гдѣ ожидали ихъ предложенные для этой поѣздки морскимъ вѣдомствомъ два военные парохода, изъ которыхъ пошелъ, однако, только одинъ, потому что Славяне изъявили желаніе ѣхать всѣ вмѣстѣ и помѣстились на пароходѣ экипажа-гвардіи „Онега". На пароходѣ игралъ хоръ музыки 8-го флотскаго эпикажа, который встрѣтилъ гостей сербскимъ маршемъ. Вмѣстѣ съ Славянами отправились на „Онегѣ" и члены петербугскаго комитета для пріема славянскихъ гостей, приглашенные на обѣдъ въ Кронштадтъ членами тамошняго комитета. Любезные офицеры „Онеги", ознакомившись весьма скоро со многими изъ Славянъ, пригласили ихъ пить чай въ свою каюту, а за чаемъ поднялся оживленный разговоръ. Во все время поѣздки хоръ 8-го флотскаго экипажа игралъ разные марши и танцы. На палубѣ парохода также шла оживленная бесѣда. Славяне съ любопытствомъ осматривали въ бинокли и зрительныя трубки окрестности и восхищались видомъ залива.

Когда „Онега" приблизилась къ восточному кронштадтскому рейду, на встрѣчу ей подошелъ пароходъ съ членами кронштадтскаго комитета; громкіе крики „слава!" раздавались одновременно на обоихъ пароходахъ, которые тотчасъ же остановили ходъ. Члены кронштадтскаго коми-

тета спустились въ катеръ и перешли на „Онегу“. Во главѣ ихъ былъ кронштадтскій городской голова, Ф. С. Степановъ, въ мундирномъ кафтанѣ и съ хлѣбомъ-солью въ рукахъ. Славяне сгруппировались у праваго трапа „Онеги“, выдвинувъ впередъ для пріема хлѣба-соли профессора Головацкаго, къ которому и обратился голова съ слѣдующимъ короткимъ привѣтствіемъ въ чисто-народномъ вкусѣ: „Братья Славяне, граждане города Кронштадта хлѣбъ-соль вамъ подносятъ и пировать васъ съ ними просятъ!“ За этимъ привѣтствіемъ одинъ изъ членовъ комитета, капитанъ 1-го ранга, весь завѣшанный рускими и иностранными орденами, привѣтствовалъ Славянъ отъ имени русскихъ моряковъ. Славяне отвѣчали на привѣтствія криками „слава!“ и „живіо!“ да дружескими объятіями и рукоплесканіями.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что члены кронштадтскаго комитета были украшены особыми, весьма удачно придуманными, значками, состоявшими изъ двухъ трехцвѣтныхъ, перекрещенныхъ андреевскимъ крестомъ, лентъ съ золотымъ якоремъ посрединѣ.

Перешедшіе на „Онегу“ члены кронштадтскаго комитета остались на этомъ пароходѣ, который и двинулся впередъ на малый и большой рейды для осмотра судовъ и фортовъ. По мѣрѣ того какъ „Онега“ проходила передъ военными кораблями, на рейдахъ расположенными, команда этихъ судовъ поднималась на ванты, а офицеры собирались на мостики и юты и оттуда привѣтствовали Славянъ маханіемъ шапокъ и громкими криками „слава,“ на которые съ „Онеги“ отвѣчали, конечно, такими же криками.

На восточномъ рейдѣ, когда проходили мимо парохода-фрегата „Олафъ“, вся команда была послана по вантамъ и встрѣчала Славянъ восторженными криками „ура!“. Зрѣлище было великолѣпное; этого не ожидали и потому эфектъ былъ полный. Когда встрѣчались военные катера и шлюпки, повсюду весла брались на валекъ и матросы привѣтствовали гостей кликами, на которые Славяне отвѣчали тѣмъ же. Въ купеческой гавани, на стѣнкѣ стояло множество народа, встрѣчавшаго „Онегу“ съ восторгомъ. На

по вантамъ, въ тотъ мо-
о него. Славяне остались
вались ловкостью матро-
брались на самый верхъ, а
кошки, цѣпляясь за ванты.
обычаями русскаго военнаго
та высылка команды на ван-
мачтъ) была совершенно осо-
о расточаемою и чуть ли не въ
частнымъ лицамъ.
шой рейды, „Онега“ подошла къ
по программѣ былъ первою досто-
ронштадта, какую слѣдовало осмо-
пристани гостей встрѣтили офицеры,
ртиллерійской командѣ форта: во внут-
а собрана вся эта команда, привѣтство-
криками „слава“ и маханіемъ шапокъ, а
ная кружокъ, въ которомъ раздались уда-
шла пляска... Славянѣ едва могли оторвать
лища, которое, какъ и вообще всевозможныя
него кореннаго народнаго быта, интересовало
ней степени.
во форта показало Славянамъ всѣ подробности
чательнаго сооруженія. Ихъ провели по всѣмъ
форта, объясняли способъ сосредоточенныхъ при-
и поправки уклоненія въ полетѣ, а также и спо-
аряженія пушекъ съ казенной части снарядовъ изъ
ныхъ орудій. При видѣ громадныхъ орудій и гроз-
снарядовъ, лица Славянъ какъ-то особенно оживля-
: видно было, что они радовались, убѣждаясь, какими
ущественными средствами обороны обладаетъ страна,
которую они возлагаютъ столько надеждъ въ будущемъ.
Они шутили, острили, гладили пушки рукою, точно лаская
ихъ, и т. д. Начальникъ форта со всею командой встрѣтилъ гостей на пристани, причемъ клики „ура!“ безпрерывно раздавались съ обѣихъ сторонъ. Начался осмотръ форта, дивились громадности пушекъ, количеству ихъ, крѣпости стѣнъ, не оставили безъ вниманія малѣйшихъ мелочей, любовались,

наконецъ, прекраснымъ видомъ съ вышки на Кронштадтъ и берега Финскаго залива; любезные офицеры форта не покидали ни на минуту гостей, всюду ихъ водили, все объясняли съ необыкновенною готовностью, и, совершенно очаровавъ Славянъ, проводили ихъ, наконецъ, до пристани, гдѣ всѣ снова сѣли на пароходъ. Команда во все время осмотра распѣвала русскія пѣсни, что доставляло не малое удовольствіе гостямъ.

Долго бы оставались Славяне на фортѣ, еслибъ члены комитетовъ кронштадтскаго и петербургскаго не торопили ихъ, зная, что впереди предстоитъ еще много разныхъ достопримѣчательностей и что все время до обѣда разсчитано заранѣе.

Простившись съ любезнымъ начальствомъ форта, Славяне снова сѣли на „Онегу" и отправились къ внутренней брандвахтѣ, гдѣ ихъ ожидали приготовленные заранѣе и щегольски убранные катера. На этихъ катерахъ они отправились по гавани въ новые доки. У доковой пристани ихъ ждали оркестръ музыки и толпа рабочихъ, привѣтствовавшая ихъ криками: „слава!" и маханіемъ шапокъ. Дойдя до спуска въ строющіеся доки, Славяне остановились пораженные необыкновенно величественнымъ зрѣлищемъ, которое представляетъ это гигантское сооруженіе. Подъ ихъ ногами разстилалось громадное углубленіе, выложенное по бокамъ каменными уступами, до половины еще недоконченное и напоминающее своимъ видомъ раскопки какого-нибудь древняго города. „Точно въ Помпеѣ!", говорили Славяне, бывшіе въ Италіи.

Въ докахъ, въ нарочно устроенной палаткѣ, ожидала Славянъ обильная закуска. Подали шампанскаго и начались тосты. Членъ-распорядитель кронштадтскаго комитета, капитанъ-лейтенантъ Недѣльковичъ (одинъ изъ редакторовъ „Кронштадтскаго Вѣстника"), сказалъ короткую, одушевленную рѣчь о значеніи вновь строющагося русско-славянскаго дока: „Дорогіе братья, Славяне, мы находимся теперь въ новомъ русскомъ, славянскомъ докѣ, который строится русскимъ почетнымъ гражданиномъ Русановымъ и нашими русскими инженерами. Позвольте же по-

желать мнѣ, чтобъ докъ этотъ возрасталъ и былъ приведенъ къ окончанію какъ можно скорѣе, чтобъ здѣсь долго строились суда русскаго, славянскаго флота, чтобъ флотъ этотъ былъ господствующимъ на водахъ всего міра, чтобъ со славою вводились сюда и выводились отсюда корабли всего славянскаго міра!"

Головацкій предложилъ тостъ за строителя дока и подрядчика производимыхъ въ немъ работъ, г. Русанова. Сербы пропѣли имъ многая лѣта. Затѣмъ Головацкій, Ливчакъ, Павлевичъ и Политъ, взявъ бокалы, вышли изъ палатки къ собравшимся рабочимъ и предложили тостъ за ихъ здоровье. Надо было видѣть радостное изумленіе рабочихъ, когда они услыхали отъ гостей русскую рѣчь: они разразились громкими криками *слава!* окружили гостей и съ нѣкоторыми изъ нихъ цѣловались по братски. Потребованъ былъ гимнъ, исполненный оркестромъ и сопровождаемый громкимъ „ура!" Одинъ изъ посѣтителей г. Ольхинъ, выступивъ за двери палатки, произнесъ обратившись, къ Славянскимъ гостямъ: „Братья! Я предлагаю выпить за здоровье рабочихъ русскихъ, камень за камнемъ воздвигающихъ нашу славу!" Здравица эта была принята съ восторгомъ рабочіе отвѣчали на нее кликами: они повидимому поняли чувство, вызвавшее это братанье съ ними господъ въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Они радостно отвѣчали объятіями на объятія, многіе изъ нихъ плакали, а когда, вслѣдъ затѣмъ, Славяне и члены комитетовъ пошли изъ доковъ, они ринулись за ними бѣгомъ, бросая вверхъ шапки и крича „слава!" и „ура!". Одинъ изъ депутатовъ, православный священникъ, благословилъ рабочихъ, и надо было видѣть, что сдѣлалось съ ними: болѣе пяти сотъ человѣкъ бросились за благословившимъ безъ шапокъ, провожая его восторженными кликами.

Изъ доковъ Славяне на шлюпкахъ отправились осматривать стоявшіе на гавани мониторы и броненосныя суда. Они приставали къ монитору „Броненосецъ" и къ панцырному фрегату „Севастополь", которые и были показаны имъ въ подробностяхъ. На „Броненосцѣ" командиръ этого монитора, капитанъ-лейтенантъ Купріяновъ, показалъ имъ

[illegible] объяснялъ механизмъ вра-
[illegible] громадныя орудія, бросаю-
[illegible] способъ прицѣла этихъ ору-
[illegible] „Севастополь“ Славянамъ
[illegible] капитанъ этого судна
[illegible] батареи, стрѣляетъ самъ
[illegible] борта. Это достигается слѣдую-
[illegible] каждаго орудія проведена
[illegible] съ гальваническою батарею,
[illegible] ованной вышкѣ на палубѣ, гдѣ
[illegible] этой же вышкѣ устроенъ осо-
[illegible] по которому капитанъ опредѣ-
[illegible] на извѣстную цѣль и передаетъ
[illegible] по телеграфу. Въ палубахъ прицѣ-
[illegible] внутри, т.-е. прицѣлы пушекъ наво-
[illegible] особой горизонтальной рейки,
[illegible] Затѣмъ только открываются мас-
[illegible] и команда отходитъ въ сторону.
[illegible] приводитъ въ сообщеніе прово-
[illegible] батареи, и токъ ея, проведенный къ
[illegible] орудій, производитъ залпъ. Эти
[illegible] всѣмъ, остроумныя изобрѣтенія при-
[illegible] восторгъ. Они прокричали „славу“ пан-
[illegible] „Севастополь“. На этомъ фрегатѣ имъ
[illegible] начальникъ кронштадской артиллеріи,
[illegible] одинъ изъ извѣстнѣйшихъ севасто-
[illegible]

[illegible] „Севастополя“, Славяне сѣли снова въ ка-
[illegible] на знаменитый кронштадтскій пароход-
[illegible] изъ первыхъ въ мірѣ по своей громад-
[illegible] ствующихъ въ немъ машинъ. Этотъ превос-
[illegible] показанъ имъ во всѣхъ подробностяхъ
[illegible] впечатлѣніе, доходившее до недоумѣ-
[illegible] Славяне сѣли въ приготовленные для нихъ
[illegible] которыхъ легко было узнать по трех-
[illegible] на шляпахъ, и отправились осматри-
[illegible] новое адмиралтейство и штурманское
[illegible] они были встрѣчены директоромъ

его въ праздничной формѣ и всѣми служащими, и обошли всѣ комнаты очень сожалѣя, что не могутъ видѣть воспитанниковъ, находящихся уже на судахъ.

Изъ училища всѣ поѣхали въ городскую думу. Здѣсь принималъ ихъ и привѣтствовалъ городской голова, а затѣмъ пригласилъ ихъ въ думскую церковь, гдѣ уже собралась многочисленная публика и кронштадтское духовенство. Царскія врата алтаря были открыты, и изъ нихъ вышелъ на встрѣчу Славянамъ протоіерей кронштадтской соборной церкви въ эпитрахили. Пригласивъ архимандрита Ковачевича и православныхъ славянскихъ священниковъ, а равно и уніатскаго священника Головацкаго въ алтарь, гдѣ они приложились къ кресту, протоіерей снова вышелъ къ Славянамъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ привѣтствовалъ ихъ въ нѣсколькихъ словахъ, которыя заключилъ желаніемъ успѣха дѣлу славянскаго единенія и молитвою за него. Всѣ отвѣтили въ одинъ голосъ „аминь!"

Изъ думы, около которой собралась громадная толпа народа, Славяне отправились по Господской Улицѣ (Невскому Проспекту Кронштадта) въ морское собраніе. Вся улица на ихъ пути была изукрашена флагами. У собранія тоже стояла толпа народа. Такъ какъ въ одномъ зданіи съ морскимъ собраніемъ помѣщается кронштадтская библіотека, то славянскіе гости и были сначала приглашены туда библіотекаремъ, капитанъ-лейтенантомъ Недѣльковичемъ, который въ короткой рѣчи объявилъ, что кронштадтская морская *читальница*, въ воспоминаніе посѣщенія Славянъ, избираетъ ихъ своими почетными членами и подноситъ каждому изъ нихъ по экземпляру своихъ каталоговъ. „Билеты на званіе членовъ и каталоги", сказалъ г. Недѣльковичъ, „будутъ доставлены вамъ, когда я получу именной списокъ всѣхъ славянскихъ гостей". Затѣмъ, Славяне были приглашены вписать свои имена въ особый приготовленный для этого альбомъ.

Изъ библіотеки гости поднялись въ собраніе по лѣстницѣ, устланной коврами, уставленной цвѣтами, украшенной аллегорическими изображеніями русскихъ морей. Подписи на этихъ изображеніяхъ передавали старыя русскія

названія морей, а не ихъ нынѣшнія, именно: Балтійское Море называлось Варяжскимъ, Каспійское — Хвалынскимъ и т. д.

Зала собранія была убрана съ большимъ вкусомъ. Прямо противъ входа на аркѣ, поддерживающей хоры, красовался огромный трофей изъ самыхъ разнообразныхъ (сигнальныхъ) флаговъ, которые были, однако, такъ подобраны, что представляли сочетаніе только *трехъ* цвѣтовъ: бѣлаго, синяго и краснаго. На этихъ флагахъ были прикрѣплены гербы всѣхъ славянскихъ земель, надъ которыми высился россійскій императорскій гербъ, а надъ нимъ помѣщалась хоругвь Кирилла и Меѳодія. Эта хоругвь была заказана кронштадтскимъ комитетомъ нарочно и предназначалась послѣ празднества кронштадтской соборной церкви. На столѣ передъ этимъ трофеемъ, гдѣ долженъ былъ помѣститься городской голова и главные славянскіе гости, стоялъ небольшой трофей изъ хоругви Кирилла и Меѳодія, русскаго военнаго и русскаго купеческаго флаговъ (въ миніатюрѣ).

На противоположной стѣнѣ, посреди другаго трофея, изъ такихъ же флаговъ, стояло изображеніе гребной галеры, этого прототипа судовъ славянскаго флота. По бокамъ этого изображенія красовались имена двухъ южныхъ Славянъ, достигшихъ адмиральскаго званія въ русской морской службѣ.

Налѣво отъ входа въ залу, опять-таки въ трофеѣ изъ флаговъ трехъ цвѣтовъ, помѣщался огромный красный щитъ въ видѣ герба; надъ щитомъ въ красной же лентѣ серебряными буквами сверкала надпись изъ Нестора „Славянскъ языкъ единъ бѣ"; на самомъ щитѣ были слѣдующія надписи:

Иностранецъ иноземецъ
Насъ разрознилъ, разлучилъ (Тютчевъ).

Затѣмъ:

Вскричатъ орлы, и цѣпь насилья
Железнымъ клювомъ расклюютъ, (Хомяковъ).

И наконецъ:

Народы не гасноу (Ганка).

Противъ этого щита, на правой стѣнѣ отъ входа, виднѣлся портретъ Государя Императора, окруженный цвѣтами и зеленью. На столахъ тоже стояли букеты цвѣтовъ и тропическія растенія. Передъ каждымъ приборомъ лежала очень изящная карточка обѣда, повторенная фотографическимъ снимкомъ съ рисунка г. Одинцова. Карточка эта изображала два паруса, марсель и гротъ; на четырехъ нокахъ (концахъ) рей, поддерживающихъ эти паруса помѣщаются четыре фигуры: внизу русскаго матроса и мужика, вверху двухъ славянъ. Эти четыре фигуры держатъ концы двухъ канатовъ, связанныхъ символическимъ узломъ, эмблемою славянскаго единенія. Надъ парусомъ — фигура Нептуна, надъ нею два амура, поддерживающіе ленту, посреди которой помѣщается надпись 1867, а по обоимъ бокамъ этой цифры „слава"; подъ парусомъ гербъ Кронштадта, по бокамъ его опять два амура верхомъ на вершинахъ, вытягивающіе шкоты марселя. Выше, въ фонѣ, видъ кронштадскаго рейда и города Кронштадта съ птичьяго полета. На парусахъ надписи: *на гротѣ*: „Россіяне, сербы, галичане, руссы угорскіе, чехи, моравы, силезцы, словаки, хорваты, словенцы, поляки, далматы, иллирійцы, словенцы, болгары"; *на марселѣ* съ одной стороны карта обѣда; съ другой программа музыки.

Обѣдъ начался по русскому обычаю, благословеніемъ хлѣба, которое совершилъ протоіерей церкви штурманскаго училища. Бокалы запѣнились со втораго же блюда; адмиралъ Лесовскій обратился къ присутствующимъ съ слѣдующею здравицею: „Дорогіе гости наши и братья Славяне и мы, Русскіе! За здоровье Государя Императора!" Потрѣбованъ былъ гимнъ, который повторенъ три раза. Вслѣдъ затѣмъ была отправлена на имя министра внутреннихъ дѣлъ депеша слѣдующаго содержанія: „граждане города Кронштадта всѣхъ сословій, вмѣстѣ съ посѣтившими ихъ славянскими гостями, благословя Провидѣніе за спасеніе драгоцѣнной жизни Государя Императора, имѣютъ счастіе пить за здоровье Его Императоскаго Величества". Затѣмъ городскимъ головою предложенъ былъ тостъ за здоровье Государыни Императрицы и всего Царствующаго Дома.

Послѣ того говорилъ М. А. Петровъ: „Привѣтствую васъ, дорогіе гости наши! Сердце до-сихъ-поръ говорило намъ, что вы намъ не чужіе; если и раздѣляла насъ исторія, то, слыша рѣчь вашу, понятную намъ, родную, мы должны сказать въ одинъ голосъ, что вы намъ родные, безцѣнные братья. Всѣ мы благодаримъ васъ за драгоцѣнный подарокъ, сдѣланный вами намъ своимъ пріѣздомъ; день этотъ навѣки останется въ нашей памяти и будетъ запечатлѣнъ въ нашихъ сердцахъ. Позвольте пожелать вамъ успѣха во всѣхъ вашихъ помыслахъ, во всѣхъ дѣлахъ вашихъ. Да сопутствуетъ вамъ слава"!

Ригеръ отвѣчалъ: „Братья Славяне! Мы посѣтили теперь обѣ столицы огромнаго царства Русскаго. Царство Русское было сначала затворено отъ Европы, ему потребовалось прорубить въ эту Европу окно, и вотъ окно прорублено. Глядитъ на Европу колоссъ россійскій въ это окно, и голова его защищена непроницаемымъ шлемомъ; шлемъ этотъ на могучей головѣ Руси — есть Кронштадтъ *(слава!)* Всѣ мы, Славяне, видя, какъ развивается и возрастаетъ флотъ русскій, радовались отъ души; теперь онъ уже сталъ на высокую ступень, и мы желали бы, чтобъ онъ не переставалъ возрастать и усиливаться на страхъ врагамъ и на честь народу Русскому:

Потомъ говорилъ Политъ: „Милостивые государи и дорогіе братья! Когда мы вступили на русскую землю, мы были изумлены огромностью ея и богатствомъ: на всякомъ шагу мы встрѣчали самый радушный братскій пріемъ; но самое пріятное впечатлѣніе въ насъ оставитъ пріемъ здѣшній. Мы видѣли здѣсь славный флотъ русскій, который имѣетъ для насъ громадное значеніе: тотъ, кто обладаетъ сильнымъ флотомъ, можетъ распространить свою силу по всему свѣту. Мы, Сербы, жалѣемъ, что обстоятельства заставили Русь уничтожить сильный флотъ черноморскій: великія дѣянія его глубоко врѣзались въ памяти нашей, и мы не теряемъ надежды, что скоро онъ будетъ возстановленъ. Итакъ, за славный флотъ русскій, дай Богъ, чтобъ онъ снова показался на Черномъ морѣ на освобожденіе южныхъ славянъ!"

Рѣчь эта вызвала долгіе и оглушительные крики; всѣ подходили къ говорившему, чокались съ нимъ и цѣловались.

Затѣмъ всталъ Браунеръ.

„Господа! говорилъ онъ, на пути нашемъ къ вамъ мы проѣхали чуть-ли не полсвѣта и, наконецъ, достигли вашего города, который былъ завоеванъ великимъ геніемъ Петра Великаго у моря; основаніемъ этого города Русь заставила трепетать Европу, и тутъ-то конецъ нашего пути къ вамъ. Мы пришли къ вамъ, собравшись со всѣхъ концовъ славянскаго міра, пришли безъ написанной програмы, но програму эту мы принесли въ сердцахъ нашихъ гдѣ она начертана перстомъ самаго Бога; статутъ нашъ: познаніе самихъ себя, познанье всѣхъ живущихъ въ славянскомъ мірѣ, единенье духомъ единымъ. Итакъ нельзя сказать, чтобъ у насъ не было никакой программы, никакой двигающей идеи, во имя которой мы съѣхались; мы свидѣлись, познали другъ друга какъ братьевъ, и насъ утѣшаетъ и радуетъ теперь мысль о блестящей будущности великой идеи, соединившей насъ, идеи братства славянскаго. Мы видимъ зачатки лишь, но добрые зачатки непремѣнно приносятъ плодъ — такова и судьба нашего единенія. Идея славянскаго братства живила насъ, она привела насъ сюда и еще сильнѣе возгорѣлась, когда мы свидѣлись. Итакъ, братья, выпьемъ за здоровье и славу милліоновъ сердецъ славянскихъ, которыя дышатъ единымъ духомъ и братской любовью!“

Зала была потрясена криками, восторгъ былъ полный. Г. Макаровъ произнесъ:

„Слава Богу, наконецъ дождались мы минуты сближенія съ братьями нашими. Пріѣздъ вашъ, дорогіе гости, какъ вы могли сами убѣдиться, нашелъ сочувствіе во всѣхъ русскихъ, онъ есть признакъ перваго соединенія послѣ слѣдовавшихъ за св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, тяжкихъ для всего славянства, временъ. Но что же показало это возобновленное единеніе славянства, какъ не живучесть его, какъ не то, что ничто не можетъ убить духъ славянскій, что, напротивъ того, послѣ несчастій онъ возстаетъ съ новою силою, что превозмочь его нельзя. Пусть же не скрывается болѣе это единеніе, пусть проявится оно предъ всѣмъ ми-

ромъ, пусть одна общая литература говоритъ объ общихъ дѣлахъ нашихъ, пусть во всемъ мірѣ славянскомъ всякій получитъ личную гражданскую свободу, пусть безбоязненно можно будетъ намъ протянуть другъ другу руки! За сліяніе славянства! Ура!"

Оглушительное „ура!" разнеслось по залѣ.

Священникъ А. А. Лебедевъ сказалъ: „Мы слышали сейчасъ о единеніи всего славянства, о союзѣ научномъ, основанномъ на истинѣ. Великій, святой и сильный союзъ! Какое дивное зрѣлище представлялъ бы стомилліонный народъ славянскій, поселенный на неизмѣримомъ пространствѣ! Сколько бы опыта внесено было въ міръ этимъ единеніемъ! Сколько великихъ дарованій явилось бы для науки! Мысль великая, но не близкая! Братья! Заря этого единенія уже взошла, выкатится изъ-за горизонта и все ядро солнечное. Благословимте же, братья, память великихъ дѣятелей славянства, работавшихъ всю свою жизнь для этой цѣли: благословимъ память св. Кирилла и Меѳодія, великихъ просвѣтителей нашихъ, которые дали намъ завѣтъ единенія; благословимъ память Гуса и Іеронима Пражскаго мучениковъ за вѣру; благословимъ память Коперника, Шафарика, Ганки, Коллара, Крижанича, Кирѣевскаго, Хомякова, Шевырева, и еще одного моряка, заботившагося всю жизнь свою о русской народности, а слѣдовательно и о славянствѣ, адмирала Шишкова; вѣчная память всѣмъ отжившимъ подвижникамъ славянской науки! Слава и честь и долгоденственное здравіе всѣмъ современнымъ дѣятелямъ ея! И всѣмъ ученымъ и литераторамъ славянской семьи, сочувствующимъ и содѣйствующимъ общему единенію Славянъ въ мысли и наукѣ. Слава! Слава! Слава!"

Здравица эта принята была всѣми съ восторгомъ. Затѣмъ говорили еще гг. Виллани и Иваницкій; потомъ Мудронь: „Дозвольте, братья, сказать мнѣ короткое слово. Всѣ здравицы, которыя мы провозглашаемъ, мы провозглашаемъ ихъ изъ нѣкотораго эгоизма. Мы пьемъ за славянство, за единеніе — въ то же время мы пьемъ за себя самихъ. Здравица, которую я имѣю предложить сейчасъ, вытекаетъ изъ того же источника. Славянство похо-

дитъ на огромное дерево, съ безчисленнымъ количествомъ вѣтвей сильныхъ и живучихъ. Дозвольте, братья, предложить мнѣ здравицу за человѣка, который исходилъ край Карпатскій, человѣка, который жизнь свою посвятилъ обслѣдованію, уходу и поддержанію вѣтвей огромнаго дерева славянскаго, за профессора Владиміра Ивановича Ламанскаго!“

Всѣ чокались съ гг. Мудронемъ и Ламанскимъ, всѣ отнеслись къ этой здравицѣ съ сочувствіемъ.

Директоръ кронштадтской гимназіи, г. Янишъ сказалъ: „Въ центрѣ Русскаго Царства состоялось великое дѣло — этнографическая выставка. Выставка эта показала, какъ устойчива натура славянская въ борьбѣ съ инородными элементами, какъ пересоздаетъ и поглощаетъ она эти чуждые элементы. Мысль учредить этнографическую выставку въ Москвѣ родила мысль пригласить туда остальныхъ Славянъ, родныхъ намъ по крови и духу, чтобъ они могли полюбоваться плодами цивилизаціи и побѣдою русскаго племени надъ чуждыми племенами. Сочувствіе нашего народа къ вамъ, и пріемъ, оказанный вамъ всюду, доказали всему міру, что духъ славянскій всегда единъ и всегда останется единымъ и вѣрнымъ самому себѣ! Нельзя угадать будущности нашего единства, но самъ Богъ охраняетъ наше племя и велика его будущность, а съ тѣмъ вмѣстѣ блестяща и будущность славянскаго единства.“

Крестичъ говорилъ: „Милостивые государи и дорогіе братья! Непоставьте мнѣ въ укоръ, что я, младшій братъ и депутатъ, беру на себя смѣлость сказать вамъ нѣсколько словъ. То, что хочу сказать я, идетъ отъ чистаго сердца. Прошелъ уже мѣсяцъ, какъ мы вступили на братскую землю русскую; какія препятствія намъ ни дѣлала Австрія, какъ только ни мѣшала намъ она свидѣться съ вами и передать вамъ наши желанія и надежды? Все тщетно — мы свидѣлись. Любовь ваша къ намъ, мы удостовѣрились въ томъ, чисто-славянская. Еще не прошелъ годъ, какъ народъ русскій съ любовью принималъ пріѣхавшихъ къ нему свободныхъ Американцевъ. Мы, братья, не пришли къ вамъ изъ-за какихъ-либо выгодъ, не съ задней мыслью прибыли мы

сюда на Русь, а изъ-за братской любви къ вамъ; мы пришли къ вамъ, какъ въ XII вѣкѣ ходили въ Іерусалимъ христіане, какъ въ Мекку и до сихъ поръ ходятъ мусульмане; мы одна кровь и одно тѣло съ вами, пришли на Русь, какъ въ обѣтованную землю, и вотъ насталъ горькій часъ разлуки, — но разлука эта не на вѣки, мы не прощаемся съ вами навсегда, мы говоримъ вамъ „до свиданья.“ Господа! Крови славянской присуща идея свободы, не одни Поляки любятъ ее, всѣ Славяне любятъ и ищутъ того же. Выпьемъ же, братья, за развитіе славянской свободы, да разовьется русскій флотъ на Черномъ морѣ, флотъ русскій — предвѣстникъ близкой свободы; да разовьется флагъ русскій и въ самыхъ Дарданеллахъ! *(Подойдя и взявъ въ руки маленькую хоругвь)* Да разовьется эта хоругвь въ самой св. Софіи! Дай Богъ, чтобъ исполнилось это желанье!“

Оглушительные крики раздались по всей залѣ; ораторъ былъ окруженъ, его цѣловали, обнимали и жали ему руки.

М. А. Петровъ прибавилъ: „Господа! Сегодня мы собрались, чтобы болѣе близкимъ, личнымъ обмѣномъ мыслей запечатлѣть единство братскаго душевнаго настроенія между нами, Славянами России, и вами, дорогіе гости, Славянами западными, — чтобы запечатлѣть обѣщаніе взаимнаго вспомоществованія на поприщѣ духовнаго и нравственнаго развитія. Единство мысли и слова и, неразлучнаго ихъ послѣдствія, дѣла — плодотворно и въ обществѣ изъ двухъ, трехъ человѣкъ. Добрыя послѣдствія единства милліоновъ людей неисчислимы, и что̀ еще важно, это то, что въ послѣднемъ случаѣ они сокрушатъ всѣ препятствія, нераздѣльныя съ каждымъ добрымъ начинаніемъ. Для насъ, Славянъ, дѣло объединенія мысли легко уже въ силу родства нашего происхожденія и родства нашихъ нарѣчій. Говоря о родствѣ нарѣчій, я долженъ пожелать полнаго то̀ждества ихъ для насъ Славянъ въ произведеніяхъ литературныхъ. При выборѣ такого нарѣчія, безъ сомнѣнія, обратятъ вниманіе на то, что русское нарѣчіе 73 милліоновъ народа — нарѣчіе, которое достаточно сохранилось отъ вліянія неславянскихъ языковъ. Но и самая раздѣльность нашихъ нарѣчій говоритъ за наше объединеніе! Да, если мы хо-

тимъ сохранить нашу народную самобытность, то должны общими силами отстаивать и блюсти нашъ языкъ, хранитель нашихъ бытовыхъ отличій, отъ всякихъ вліяній, со стороны чуждыхъ намъ говоровъ.

„Послѣдствіемъ такого пуризма въ языкѣ будетъ прекращеніе дальнѣйшаго хода раздѣла нашихъ нарѣчій, а замѣнъ вошедшихъ иностранныхъ словъ словами изъ народной рѣчи возсоздастъ языкъ чисто-славянскій.

„Но главное, братья Славяне, да будемъ навсегда такъ дороги и близки другъ другу какъ въ настоящія минуты, и тогда все остальное желаемое исполнится намъ. И слава и слово Славянъ возрастутъ, расширятся и принесутъ добрые плоды.“

Потомъ говорилъ Ливчакъ: „Братья Славяне! Изъ всего того, что, мы видѣли на Руси, мы убѣдились сколько труда, сколько жертвъ потребовалось русскому народу, чтобъ отстоять свою самостоятельность. Но, спасая себя, русскій человѣкъ спасъ вмѣстѣ съ тѣмъ и все славянство. Если въ общественной жизни мы болѣе почитаемъ тѣхъ, кто больше сдѣлалъ для общества, то отдѣльныя народности извѣстнаго племени должны наиболѣе почитать ту народность изъ среды своей, которая наиболѣе сдѣлала для общаго, племеннаго дѣла, которая для этого дѣла принесла наиболѣе жертвъ. Такою народностью, въ составѣ племени славянскаго, должна быть признана народность русская, и потому слава русскому народу!“

Есенскимъ провозглашена была здравица за дамъ русскихъ, а Шафарикъ сказалъ слѣдующее потому же поводу:

„На Руси нашли мы братскую любовь и полное сочувствіе. Издавна пробуждена была славянская идея на Руси; давно Бодянскій, Срезневскій, Погодинъ распространяли знаніе славянскаго міра и любовь ко всему славянскому; жены и матери русскія научали дѣтей своихъ любить славянство, и славянская идея всасывалась дѣтьми съ молокомъ ихъ матерей; женщины русскія мыслятъ по-славянски и любовь къ славянству переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Во здравіе же и славу матерей, женъ и дочерей русскихъ!“

Всѣ обратились при этомъ къ хорамъ, гдѣ было нѣсколько дамъ, и привѣтствовали послѣднихъ кликами. Послѣ этого г. Майковъ прочелъ свой экспромптъ:

Русскій славный богатырь
Только вникъ, гдѣ право дѣло —
Размахнется во всю ширь,
Хоть на чорта вскочитъ смѣло.
Самъ смиренъ, и тихъ, и благъ,
Не глядитъ головорѣзомъ,
Но что скажетъ на словахъ,
То ужъ вырубитъ желѣзомъ.

Обѣдъ окончился и была пропѣта молитва. Затѣмъ сталъ говорить Ригеръ:

„Съ самаго нашего вступленія на русскую землю и вплоть до сихъ поръ, всюду мы были встрѣчаемы съ такимъ сердечнымъ расположеніемъ, съ такою любовью, что пребываніе наше на Руси будетъ намъ навсегда памятнымъ; такой же радушный, сердечный пріемъ встрѣтили мы и здѣсь, въ Кронштадтѣ; позвольте же, господа, поблагодарить васъ отъ души за этотъ пріемъ и за вашу любовь къ намъ. Мы видѣли, что самъ народъ русскій сочувствуетъ намъ и любитъ насъ. Теперь, во имя человѣчности и свободы, мы соединимъ свои силы, будемъ работать въ пользу міровой цивилизаціи, распространимъ ея границы, но не будемъ уничтожать и пожирать другихъ народовъ: они сами сольются съ нами и принесутъ свою лепту на общее дѣло. Примите же мою здравицу за весь народъ русскій, да дастъ ему Богъ счастливую будущность на вѣки!“

Наконецъ всталъ г. Скворцовъ и сказавъ, что вечеръ этотъ долженъ окончиться дѣломъ, а не только словами, предложилъ приступить къ подпискѣ въ пользу русскаго театра во Львовѣ, въ Галиціи, который страшно стѣсненъ Поляками и Нѣмцами. Предположеніе было съ восторгомъ принято, и черезъ полчаса подписка принесла до 420 рублей.

Между тѣмъ, приготовлялся самый торжественный эпизодъ этого дня. Хоругвь Кирилла и Меѳодія вдругъ заколыхалась на томъ мѣстѣ, гдѣ была прикрѣплена; всѣ подняли голову и увидѣли Полита и Павлевича (русскій изъ

Галиціи), поднимавшихъ эту хоругвь. Черезъ нѣсколько минутъ орифламма славянскаго духовнаго единства явилась въ залѣ, откуда сопровождаемая огромнымъ числомъ присутствовавшихъ и хоромъ пѣвчихъ, была вынесена на площадку передъ морскимъ собраніемъ. Пѣвчіе пѣли „Спаси, Господи, люди твоя!“ Подойдя къ огромной толпѣ простого народа, собравшейся на этой площадкѣ, несшіе хоругвь остановились, и Политъ и за нимъ Павлевичъ привѣтствовали народъ короткими, но энергическими рѣчами порусски. Толпа имъ отвѣчала громкими криками „ура!“, киданьемъ вверхъ шапокъ и проч.

Обойдя народную толпу, несшіе хоругвь и всѣ спустившіеся съ ними на улицу пошли къ кронштадтской соборной церкви; народъ повалилъ за ними, и черезъ нѣсколько шаговъ вдругъ, по внезапному движенію, многіе изъ Славянъ взяли подъ руки шедшихъ рядомъ съ ними лицъ изъ простонародья... Ихъ примѣру послѣдовали и другіе участники обѣда; чорные фраки и военные мундиры смѣшались съ сермяжными кафтанами, и импровизованное шествіе достигло въ этомъ видѣ церкви, куда посреди толпы, собравшейся на паперти и наполнившей церковь, внесена была хоругвь. Здѣсь, на ступеняхъ алтаря, уже стоялъ соборный протоіерей. Онъ принялъ хоругвь, осѣнилъ ею три раза и затѣмъ началъ говорить дрожащимъ голосомъ. Онъ говорилъ о великомъ значеніи просвѣтителей славянства, о ихъ приснопамятныхъ трудахъ и заключилъ словами:

„Народъ славянскій! Мы праздновали сейчасъ праздникъ нашего соединенія; да будетъ хоругвь эта памятникомъ этого соединенія и благословитъ насъ Славянъ Богъ нашъ, во славу имени своего во вѣки вѣковъ. Аминь“. „Аминь, аминь!“ повторили десятки голосовъ.

Затѣмъ, высоко поднявъ хоругвь, протоіерей провозгласилъ многолѣтіе Государю, а за нимъ многолѣтіе „русскому народу и всѣмъ славянскимъ племенамъ.“ Возгласы эти сопровождались пѣніемъ пѣвчихъ „многая лѣта“. Въ заключеніе протоіерей снова троекратно осѣнилъ народъ хоругвью, приложился къ изображеннымъ на ней ли-

камъ святыхъ просвѣтителей славянства и протянулъ хоругвь къ народу... Точно заранѣе подготовленные къ этой совершенно неожиданно сложившейся, потрясающей сценѣ, всѣ присутствующіе стали прикладываться къ хоругви и затѣмъ выходили медленно изъ церкви.

Было уже около половины девятаго — Славянамъ и петербургскимъ гостямъ пора было собираться домой. Между тѣмъ, главный командиръ Кронштадта, вице-адмиралъ Лесовскій, звалъ дорогихъ гостей къ себѣ на вечеръ. Несмотря на все желаніе воспользоваться этимъ любезнымъ приглашеніемъ, большинство Славянъ, утомленныхъ до нельзя, и впечатлѣніями дня и осмотромъ кронштадтскихъ достопримѣчательностей, должны были отказаться отъ приглашенія и отправились на пароходъ „Онегу", ожидавшій ихъ все время у петербургской пристани. Нѣкоторые впрочемъ (Политъ, Ливчакъ, Паулевичъ, Крестичъ и Лай), остались и отправились на вечеръ къ адмиралу Лесовскому, гдѣ собралось многочисленное и блестящее общество и гдѣ они протанцовали до утра.

Остальные Славяне отправились въ Петербургъ въ половинѣ десятаго и прибыли къ англійской набережной въ началѣ двѣнадцатаго, измученные, усталые, но довольные до нельзя проведеннымъ ими въ Кронштадтѣ днемъ и любезностью кронштадтскаго общества. Политъ, Ливчакъ, Лай, Павлевичъ и Крестичъ прибыли въ Петербургъ на другой день къ четыремъ часамъ утра. Ихъ все время ожидалъ другой военный пароходъ.

Погода необыкновенно благопріятствовала кронштадтскому празднику. Въ то время какъ въ Петербургѣ шолъ дождь, въ Кронштадтѣ все время ярко свѣтило и грѣло совершенно лѣтнее солнце.

2-го іюня, нѣкоторые изъ славянскихъ гостей (въ числѣ 12 человѣкъ) ѣздили взглянуть на Петергофъ, несмотря на неблагопріятную погоду (весь день, шолъ мелкій дождь) и возвратились вечеромъ. Оставшіеся въ городѣ обѣдали дома, т.-е. въ гостинницѣ. За обѣдомъ кто-то сказалъ, что сегодня день рожденія Палацкаго (ему исполнилось 69 лѣтъ); тотчасъ же явилось шампанское, провозглашенъ тостъ въ

честь Палацкаго, сказано ему однимъ изъ русскихъ ученыхъ, тутъ же присутствовавшимъ, краткое привѣтствіе, и всѣ дружнымъ хоромъ пропѣли ему *многолѣтіе*.

Сенаторы и воеводы черногорскіе, Вукотичъ и Пламенецъ, въ этотъ же день посѣтили Сергіевскую пустынь, гдѣ они обѣдали за монашескою трапезой. Архимандритъ пустыни показалъ имъ съ величайшею готовностью всѣ достопримѣчательности обители. Пламенацъ и Вукотичъ познакомились у отца архимандрита съ находившимися у него въ гостяхъ, между прочимъ съ А. С. Норовымъ.

Въ тотъ же день данъ былъ профессорами медикохирургической академіи и нѣкоторыми изъ петербургскихъ врачей обѣдъ въ честь медиковъ, находившихся въ числѣ славянскихъ гостей: Шафарика, Радивоевича, Богорова, Дучмана и Георгіевича. Кромѣ того на этотъ же обѣдъ попалъ и докторъ правъ, сербскій поэтъ Лаза Костичъ. Подробное описаніе происходившаго за этимъ обѣдомъ помѣщено было въ новосадской газетѣ *Застава*. Г. Пеликанъ предложилъ тостъ за процвѣтаніе медицины у Славянъ и взаимности между славянскими медиками: „Вамъ всѣмъ извѣстно, говорилъ онъ между прочимъ, что еще недавно одинъ изъ извѣстнѣйшихъ между нѣмецкими анатомами провозгласилъ, что славянскій черепъ будто бы показываетъ, что мы не способны ни къ какому высшему духовному отправленію, ни къ какимъ нѣжнымъ возвышеннымъ чувствамъ. Мнѣ стоитъ только упомянуть имена: Снядецкаго, Шкоды, Рокитанскаго, Пуркинье, Гамерника *(почемужъ—не Пирогова?)* чтобъ опровергнуть первое обвиненіе; а что касается втораго, то какъ же называется то грубое чувство, которое соединило здѣсь насъ изъ столь далекихъ странъ? Эти господа забываютъ, что ужь давно насталъ вѣкъ анатоміи микроскопической. Кто знаетъ, нѣтъ ли, кромѣ уже извѣстныхъ нервовъ, еще нерва братской любви?“... Отъ имени славянскихъ гостей благодарилъ петербургскихъ врачей Шафарикъ, прибавившій въ концѣ своей рѣчи: „Мы рады, что своими глазами могли убѣдиться въ томъ, что медицинскія учрежденія въ Россіи не уступаютъ ни въ чемъ такимъ же заведеніямъ въ европейскихъ державахъ.“

Далѣе говорилъ Георгіевичъ о важности естественныхъ наукъ для народнаго образованія и благосостоянія. Костичъ, въ качествѣ стихотворца, пересчиталъ нѣкоторыхъ изъ величайшихъ поэтовъ, бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и знатоками природы; онъ предложилъ тостъ за союзъ поэзіи съ медициной. Затѣмъ, говорилъ г. Гагаринъ объ исторіи медицины въ Россіи и о постепенномъ освобожденіи Русскихъ въ этомъ отношеніи отъ опеки иностранцевъ. Затѣмъ говорилъ г. Трапъ по-латыни за процвѣтаніе и совершенствованіе всѣхъ славянскихъ народовъ. Ему отвѣчалъ Шафарикъ также латинскою импровизаціей. Послѣ обѣда пропѣто было „Gaudeamus igitur."

Что касается поѣздки въ Петергофъ нѣкоторыхъ изъ славянскихъ гостей, то она устроилась по выраженному ими, послѣ возвращенія изъ Кронштадта, желанію. Благодаря любезности и предупредительности всѣхъ завѣдывающихъ петергофскими управленіями, гостямъ удалось осмотрѣть, болѣе или менѣе подробно царскіе дворцы, церкви, фонтаны и гранильную фабрику. Простота жилища русскаго Государя и Его царственной семьи, богатство параднаго дворца, чисто семейный, русскій характеръ *фермы*, бюсты дѣтей Государя, словомъ, вся эта святыня тихой, семейной, но въ то же время царственной жизни произвели теплое, отрадное впечатлѣніе, на каждаго гостя.

Монплезиръ, носящій до сихъ поръ отпечатокъ руки Великаго Петра, пробудилъ, такъ сказать, историческое чувство гостей. Простая, незатѣйливая кухня съ ея желѣзною, луженою посудою, съ ея двумя только котелками для приготовленія царскаго обѣда, съ ея почтенными скляницами для анисовки, царская спальня съ полуистлѣвшими наволочками и халатами царя — все это такъ и дышало, такъ и вѣяло эпохою петровскихъ реформъ, а вмѣстѣ началомъ новой русской жизни. Нѣкоторые съ благоговѣніемъ цѣловали одежду Петра Великаго. Гранильная фабрика съ ея богатымъ собраніемъ минераловъ, съ ея мозаичными работами надолго заняла и задержала гостей, невидавшихъ до сихъ поръ (по ихъ собственному отзыву) ничего подобнаго. Радовались они, что Россія обладаетъ такими

минеральными богатствами, радовались, что у нея есть такая замѣчательная фабрика, и еще болѣе радовались, что всѣ мастера русскіе люди! Вмѣстѣ съ тѣмъ и удивлялись: какъ это русскіе молчатъ о своихъ богатствахъ, о своихъ достопримѣчательностяхъ и нигдѣ ничего о нихъ не скажутъ.

Обѣдали въ мѣстной гостинницѣ и за этимъ обѣдомъ протопресвитеръ Милютиновичъ, провозглашая здравицу, привѣтствовалъ въ лицѣ г. Менчугова всѣхъ петергофскихъ начальниковъ, такъ любезно показавшихъ все, что позволило время, и всѣхъ жителей. Затѣмъ, г. Терентьевъ сказалъ слѣдующую рѣчь: „Братья! Вотъ вчера вы видѣли Кронштадтъ, его гранитныя и его желѣзныя глыбы, видѣли вы нашъ броненосный и молніеносный фрегатъ „Севастополь"; сегодня вы видѣли богатство нашихъ царей. Но не въ томъ наша сила, не въ томъ наше богатство. Наша сила, наше богатство—въ вѣрѣ, надеждѣ, любви и преданности: крѣпка наша вѣра въ будущность Россіи; тверда наша надежда на промыслъ Божій; непоколебима наша любовь къ отечеству; неизмѣнна наша предданность Царю. Вотъ наша четырехъ-слойная броня... И не пробьетъ эту броню никакое англійское ядро, никакое ядро всезаѣдающей нѣмечины, никакая бомба всерастлѣвающей латинщины! Увезите же съ собою, братья, и нашу вѣру, и нашу надежду, и нашу любовь, и нашу преданность. Да разовьются они во всѣхъ славянскихъ сердцахъ во славу Славянства!" Крики „живіо" и „слава" перешли скоро въ громогласное „многая лѣта". Г. Комаровъ, отъ имени жителей Петергофа, привѣтствовалъ славянскихъ братьевъ. Въ отвѣтъ на это, о. Данило, сказалъ нѣсколько сочувственныхъ словъ, выразивъ сожалѣніе, что гостямъ не удалось ближе познакомиться съ представителями петергофскаго общества.

Послѣ обѣда гости осмотрѣли собственную Его Величества дачу, гдѣ вниманіе ихъ было привлечено необыкновенно тонкою и изящною рѣзьбою по дубу. Время не позволило осмотрѣть остальныхъ дачъ-дворцовъ царской фамиліи и къ 10-ти часамъ вечера гости возвратились въ Петербургъ, весьма довольные своею прогулкою.

3-го іюня, въ 11 часовъ, всѣ Славяне сошлись въ столо-

вой гостинницы „Belle-Vue,“ къ послѣднему своему общему завтраку въ Петербургѣ. Подали шампанское, и маститый Палацкій первый далъ сигналъ къ рѣчамъ и здравицамъ. Онъ говорилъ взволнованнымъ голосомъ. Вспоминая радушный пріемъ, сдѣланный Славянамъ въ Россіи, и сочувствія къ нимъ Русскихъ всѣхъ классовъ общества, онъ сказалъ, что поѣздка Славянъ еще болѣе убѣдила ихъ въ величіи и могуществѣ народа, а затѣмъ предложилъ здравицу за „великій русскій народъ!“ Славяне и присутствовавшіе на завтракѣ Русскіе съ восторгомъ приняли тостъ чешскаго патріарха, столовыя гремѣли отъ криковъ *слава! живіо!* Какъ бы въ отвѣтъ на эту здравицу, одинъ изъ присутствовавшихъ русскихъ, г. Терентьевъ (уланскій офицеръ), сказалъ короткую, но энергическую рѣчь, въ которой утверждалъ, что сочувствіе русскаго народа къ Славянамъ готово выразиться не только на словахъ, но и на дѣлѣ. „Братья! говорилъ онъ, всѣ мы здѣсь братья, и не только тѣ, которые здѣсь присутствуютъ, но и тѣ изъ васъ, которые остались дома — такіе же братья намъ, какъ и вы. Намъ извѣстны наши обязанности въ отношеніи къ вамъ; много враговъ есть у славянства — и я, какъ солдатъ славянскій, говорю вамъ: tu me defendas calamo, ego te defendam gladio.“

Опять всталъ Палацкій, и напомнивъ о милостивомъ пріемѣ, сдѣланномъ Славянамъ Государемъ Императоромъ, предложилъ тостъ за „Освободителя 20-ти милліоновъ русскаго народа, преобразователя гражданской жизни Россіи, за милостиваго, благодушнаго и великаго Царя Русскаго Александра Николаевича“. Раздались громкіе крики *слава!* Славяне встали и запѣли „Боже Царя храни.“

Затѣмъ поднялся Субботичъ, такъ выразившій общую мысль своихъ сотоварищей по путешествію:

„Господа! Мы пріѣхали на Русь и нашли ее такою большою, такою большою, что нельзя ее называть государствомъ, а цѣлымъ міромъ; мы нашли Петербургъ и Москву такими городами, что нѣтъ имъ подобныхъ; мы нашли Кронштадтъ такою крѣпостію, что нѣтъ ей подобной; мы нашли народъ Русскій такимъ великимъ, больше котораго

нѣтъ на цѣломъ свѣтѣ; мы нашли здѣсь такую любовь, что нѣтъ ей подобной. Придите и вы, братія, къ намъ: не найдете вы у насъ ни такихъ городовъ, ни такого богатства, но найдете въ насъ горячо любящихъ насъ братьевъ; все у насъ еще въ початкѣ; но сердцу нашему нигдѣ не найдете подобнаго: оно вполнѣ предано вамъ.“

Затѣмъ Головацкій припомнилъ радушный и богатый пріемъ, сдѣланный Славянамъ въ Петербургѣ комитетомъ, заботами котораго гости не только были во всемъ обезпечены, но еще и жили роскошно, и предложилъ здравицу за членовъ петербургскаго комитета. Славяне загремѣли *слава! живіо!* и бросились и обниматься съ членами комитета.

Послѣднее слово сказалъ профессоръ В. И. Ламанскій: „Милостивые государи! Давно зародилось у насъ на Руси направленіе, съ которымъ вы имѣли теперь случай ближе познакомиться; направленіе это полагаетъ, что не только Европа, но и славянство имѣетъ свои цѣли, свои задачи, что нельзя мѣшать наши интересы съ европейскими, когда мы имѣемъ свои. Про это направленіе говорили, что его адепты—фантасты, славянофилы, что Славяне не сочувствуютъ Россіи, что славянство вовсе не льнетъ къ ней, а, напротивъ того, бѣжитъ отъ нея; пріѣздъ вашъ сюда достаточно доказалъ всѣмъ и каждому, что фантасты были правы, славянство не бѣжитъ отъ Россіи; вы видѣли теперь сами, что сочувствуетъ вамъ не отдѣльная кучка людей, а цѣлая Россія: славянскій вопросъ изъ книгъ, изъ кабинетовъ перенесенъ на улицы, на площади, въ храмы, въ театры; вопросъ этотъ сдѣлался теперь всерусскимъ, всеевропейскимъ. Благодаримъ васъ, что вы дали намъ возможность принять участіе въ великомъ историческомъ событіи. Сочувствіе, которое вы встрѣтили здѣсь, я полагаю не останется безъ пользы и для васъ. Грусть и печаль теперь въ сердцѣ нашемъ, дай же Богъ, чтобъ она была услаждена сладостью скораго свиданія.“

Слова В. И. Ламанскаго были встрѣчены восторженными криками и рукоплесканіями.

Настала минута разставанья; пошли объятія, поцалуи...

———

На станціи варшавской желѣзной дороги собралась огромная толпа народа, толпившаяся и за рѣшоткою и у самыхъ вагоновъ, куда допущены были лица, провожавшія Славянъ. Оркестръ музыки игралъ все время; Славяне обмѣнивались послѣдними привѣтствіями съ знакомыми и незнакомыми. На прощаньи, они говорили всѣмъ „ты," и это вышло такъ естественно, что и имъ отвѣчали тѣмъ же дружескимъ мѣстоименіемъ... Въ послѣднія минуты архимандритъ Ковачевичъ обратился къ присутствовавшимъ съ слѣдующими словами:

„Братья! настало горькое время разлуки, но разлуки лишь тѣлесной, а не духовной; сердца наши остаются здѣсь, между вами. Мы передадимъ ваше расположеніе, вашу братскую любовь братьямъ, дѣтямъ и внукамъ; въ церквахъ повѣдаемъ мы о ней. Да примкнетъ языкъ мой къ гортани моей, если всѣ мы не будемъ помнить общей матери нашей—Россіи. Съ Богомъ, братья, да воздастъ Онъ вамъ за то благое, что̀ мы видѣли отъ васъ."

Поѣздъ двинулся при звукахъ славянскаго марша и крикахъ *слава!* Славяне высовывались изъ оконъ, жали руки знакомымъ и незнакомымъ... Когда славянскіе вагоны, прицѣпленные въ концѣ поѣзда, достигли выхода изъ дебаркадера, гдѣ обыкновенно собирается простой народъ, въ толпѣ этого народа загремѣло *слава!*"

Нѣсколько дней спустя по отъѣздѣ славянскихъ гостей изъ Россіи въ прусской министерской газетѣ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, напечатаны были слѣдующія заявленія, достойныя похвалы по откровенности, съ какою они высказаны:

„Очень естественно, что вѣнскіе журналы, даже и послѣ прощальныхъ рѣчей, произнесенныхъ возвращающимися на родину славянскими гостями Россіи, не хотятъ вѣрить, чтобы московскій съѣздъ не имѣлъ политической цѣли, и чтобы Германія въ особенности не имѣла повода быть насторожѣ въ виду усилившагося движенія славянства. Но мы, какъ уже сказали однажды, не можемъ раздѣлять это опасеніе. Панславизмъ невозможенъ въ той формѣ, въ какой его опасаются вѣнскіе журналы, столько же невозмо-

женъ, какъ напримѣръ, основанный на одномъ только единствѣ происхожденія союзъ германскихъ племенъ противъ какого-нибудь другаго народнаго племени. И хотя Славяне, повинуясь современному потоку, также какъ и другіе, поднимаютъ знамя своей національности и въ чувствѣ духовной сопринадлежности другъ къ другу, намѣреваются дальнѣйшее развитіе славянской культуры утвердить на основѣ національной, однако въ этомъ не содержится никакой угрозы другимъ націямъ. И именно со стороны Нѣмцевъ, которые то и дѣло толкуютъ объ универсальности нѣмецкой культуры и о необходимости для ея развитія истиннаго нѣмецко-національнаго духа, было бы несправедливо, еслибъ они при первомъ движеніи національнаго чувства у другихъ народовъ тотчасъ видѣли въ немъ опасность для себя, незаконное посягательство со стороны сосѣдей, тогда какъ изъ этого слѣдовало бы извлечь одно только поученіе, именно что чѣмъ сильнѣе національная жизнь развивается у всѣхъ народовъ, тѣмъ болѣе каждый патріотъ долженъ заботиться о національномъ объединеніи собственнаго народа, какъ о самомъ прочномъ оборонительномъ средствѣ противъ внѣшнихъ опасностей, — и содѣйствовать этому объединенію всѣми мѣрами, жертвуя ему всякими своекорыстными интересами."

Съ своей стороны славянскіе гости, передъ выѣздомъ изъ Россіи, сочли долгомъ обратиться съ прощальнымъ словомъ ко всѣмъ Русскимъ, принявшимъ ихъ съ такимъ братскимъ радушіемъ. Вотъ оно:

„Мы, Славяне, прибывшіе, какъ гости, на этнографическую выставку, чувствуемъ необходимость откровенно высказать теперь, въ минуту разставанья, волнующія насъ мысли и чувствованія. Императорское Общество Любителей Естествознанія, устроивъ этнографическую выставку *русскаго государства и всего славянскаго міра*, пригласило насъ придти, познакомиться съ нею и воспользоваться ею. Нашли мы дѣло вполнѣ удавшееся, исполненное съ большимъ знаніемъ, трудомъ и пожертвованіями; дѣло важное съ научной точки зрѣнія, полагающее доброе начало дальнѣйшимъ трудамъ, которые такъ необходимы намъ, всѣмъ Славянамъ; дѣло дѣйствительно, превосходное, особенно замѣчательное и достойное уваженія какъ тѣмъ, что оно первое, единственное въ своемъ родѣ, такъ и по неисчислимымъ препятствіямъ и недостатку времени при его исполненіи.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ — и это цѣнимъ мы нисколько не менѣе — мы, сыны различныхъ племенъ славянскихъ, трудящіеся преимущественно надъ ихъ образованіемъ, нашли пріятный случай взаимно узнать другъ друга, узнать ближе свою *родственную связь* и потребность посвящать болѣе заботъ тому дѣлу, которому всѣ мы должны желать какъ можно болѣе быстраго и стойкаго успѣха вообще и особенно въ кругу науки; мы высказали другъ другу свои чувства, свои братскіе совѣты, свои желанія, свои надежды.

„Такимъ образомъ, какъ наше посѣщеніе Россіи подало нашимъ братьямъ возможность узнать во многомъ насъ и наши народныя стремленія, такъ и намъ посчастливилось ближе узнать Русь, посредствомъ сближенія какъ съ передовыми ея людьми, такъ и вообще съ народомъ.

„Мы узнали народъ чисто-славянскій въ чувствахъ своихъ и своемъ бытѣ,—народъ, въ которомъ уже мощно пробудились и съ каждымъ днемъ мощнѣе развиваются сознаніе кровнаго родства съ нами и братское къ намъ сочув-

ствіе: народъ *великій*, не только великій по числу, но и по успѣхамъ образованности, которые онъ сдѣлалъ въ такое короткое время и при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ,— великій и по высокому пониманію значенія своего въ исторіи человѣчества, и по прекраснымъ, твердымъ основаніямъ, полагаемымъ имъ къ возвышенію своей образованности и всесторонняго своего преуспѣянія.

„При этой нашей встрѣчѣ почувствовалась и созналась вообще потребность, чтобы славянскіе народы далѣе уже не расходились и, по крайней мѣрѣ, въ наукѣ и въ кругахъ просвѣщенныхъ все болѣе сближались между собою, живою мѣною своихъ мыслей и трудовъ и взаимною помощью лелѣя общее сокровище самородной славянской образованности.

„Во всемъ этомъ нѣтъ никакого политическаго направленія; эти стремленія не суть и не должны быть для другихъ народовъ опасны. Общая образованность можетъ только выиграть отъ того, что молодые народы, въ полнотѣ своей силы и пламеннаго вдохновенія, возьмутся вмѣстѣ за общее дѣло, одни другихъ пробуждая, и что къ увѣнчаннымъ ветеранамъ человѣческой образованности присоединятся сомкнутымъ строемъ новые, рьяные, славолюбивые воины за свободу, человѣчность и просвѣщеніе.

„По своему народному характеру, Славяне не обыкли дѣлать кривды и обиды другимъ: они за любовь и за соблюденіе ихъ правъ всегда съ радостью и признательностью отплачиваютъ любовью и уваженіемъ правъ другаго. Зная однако, на опытѣ, какъ мало у насъ друзей въ Европѣ, мы всѣ чувствуемъ нужду взаимно любить другъ друга, взаимно поддерживать другъ друга, какъ истые братья, и не забывать другъ о другѣ въ годину опасности.

„Въ этой увѣренности, разлучаясь съ Россіею, всѣ мы чувствуемъ великій и пріятный долгъ поблагодарить весь народъ русскій за пріемъ, оказанный намъ, гостямъ славянскимъ, на этнографической выставкѣ, пріемъ, въ которомъ выразилось сердечное, братское сочувствіе, поблагодарить и за старо-славянскую хлѣбъ-соль, нигдѣ не выражающуюся такъ великолѣпно.

„Всего прежде повергаемъ нашу глубокую признательность къ стопамъ Великаго Отца Россіи, безсмертнаго Освободителя народа, Императора Александра Николаевича и Ея Императорскаго Величества Императрицы Маріи Александровны, которые такъ милостиво удостоили насъ привѣтствіемъ, какъ братьевъ на родной землѣ. Приносимъ нашу почтительную признательность Его Императорскому Высочеству Великому Князю Владиміру Александровичу, почетному президенту этнографической выставки, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу и всему Царскому роду. Приносимъ нашу благодарность Московскому Обществу Любителей Естествознанія, университетамъ С.-Петербургскому и Московскому, комитетамъ для принятія гостей славянскихъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кронштадтѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; головамъ и думамъ: Петербурга, Москвы, Кронштадта, Твери, Пскова, Новгорода, Царскаго Села, Сергіевскаго посада у Троицкой лавры, обществамъ учоныхъ, общественнымъ собраніямъ и всѣмъ, всѣмъ, отъ которыхъ шли незабвенныя намъ свидѣтельства братскаго расположенія.

„Да благословитъ Господь Богъ народъ Русскій, его всевозможные успѣхи и его славу!"

(Слѣдуютъ подписи.)

Петербургъ, 2-го (14-го) іюня 1867 года.

ДОПОЛНЕНІЯ и ПОПРАВКИ.

Къ главѣ VI, *стр. 111*: Четвертое изданіе, принадлежащее Ценовѣ, имѣетъ такое заглавіе Sto frantovek z polndnjovéj częścj pomorza Kaszubśkjego, osoblivje z zjemj Svjeckjéj, Krajni, Koczevja i Borów (всего 80 стр.). Это не что иное какъ *Сборникъ народныхъ Кашубскихъ пѣсенъ шутливаго содержанія,* родъ польскихъ *фражекъ, жартовъ.* Подъ каждой пѣсней показано мѣсто, въ которомъ она записана.

Къ главѣ VI, *стр. 142*: Въ Россію пріѣзжалъ не *Коломанъ,* а *Мирко* Бедековичъ.

Къ главѣ VI, *стр. 142:* Изъ политическихъ брошюръ Данилы наиболѣе извѣстны: 1) *L'autonomia della Dalmazia,* considerazioni del sacerd. Giovanni Danilo, prof. ginnasiale. Zara, 1861; 2) *Sulla civiltà in Dalmazia* letterà dell' Ab. Giovanni Danilo, prof. ginnasiale, al signor Vincenzo Duplancich (Trieste, 1861), въ отвѣтъ на брошюру послѣдняго Della civiltà italiana e slava in Dalmazia. Кромѣ того Данило былъ редакторомъ хорватскаго юридическаго журнала *Pravdonoša* (1851 — 52), съ № 26 до конца изданія, и помѣстилъ въ немъ „Статутъ княжества Полички“ (1851, №№ 28, 30, 32. 34, 36, 37; 1852, №№ 2, 5, 8, 13, 15, 16, 18).

Къ главѣ VI, *стр. 150*: Богоровъ получилъ гимназическое образованіе въ Одессѣ, а университетское въ Вѣнѣ и Парижѣ; извѣстенъ какъ редакторъ: *Журнала за наука, занаятъ (промыслъ) и торговія,* издававшагося въ Пловдивѣ, и какъ редакторъ литературнаго журнала: *„Български книжицы.“*

Къ главѣ VII, *стр. 153:* Послѣ рѣчи Браунера, при встрѣчѣ Славянскихъ гостей на границѣ, М. И. Скворцовъ сказалъ слѣдующую рѣчь:

„На мою долю, господа, выпало большое счастіе встрѣтить Васъ здѣсь отъ лица Варшавскаго Русскаго Общества. Какъ Москвичъ по происхожденію, какъ бывшій студентъ Московскаго университета, обязанный всѣмъ послѣднему, я васъ привѣтствую отъ имени матушки Москвы и дорогаго всѣмъ намъ, Славянамъ, Московскаго университета, устроившаго этнографическую выставку. Вѣдь эта выставка дала намъ возможность, едвали не въ первый разъ во все историческое

бытіе Славянъ, стать братски лицомъ къ лицу. Вѣдь ей я обязанъ, что могу сказать: „добро пожаловать, братья, въ бѣлокаменную.“ Сказать это здѣсь, на рубежѣ обширнаго Русскаго Царства, сказать на Карпатахъ, отдѣляющихъ насъ другъ отъ друга, сказать, что между славянскими сердцами, есть только *безграничная* любовь другъ къ другу, есть только безпредѣльное братство по крови, языку и обще славянскимъ оригинальностямъ, я считаю за высоко нравственное наслажденіе....

„И что же значатъ эти Карпаты при быстро возвышающейся силѣ знанія, силѣ общеславянскаго физіологическаго тяготѣнія другъ къ другу, а въ этотъ моментъ къ матушкѣ Москвѣ? Не будутъ ли громадные памятники природы, эти мрачные свидѣтели постоянныхъ вѣковыхъ славянскихъ между собою раздоровъ, съ этой торжественной минуты перваго личнаго обмѣна нашихъ общихъ симпатій, свидѣтелями конца столь гибельныхъ столкновеній, столь несчастныхъ недоразумѣній? И не будетъ ли граница свидѣтелемъ начала взаимнаго славянскаго согласія, твердаго міра, правды и благоденствія всѣхъ племенъ славянскихъ? Поднимемъ же здѣсь на рубежѣ съ благоговѣніемъ высоко бокалы въ честь великаго будущаго общеславянскаго братства, выпьемъ за матушку Москву съ ея этнографическою выставкою и за дальнѣйшій успѣхъ взаимныхъ Славянскихъ дѣятелей въ этомъ направленіи.“

Къ главѣ VII, *стр. 154:* На станціи желѣзной дороги близь города Петрокова Славянскіе гости были встрѣчены Коммиссіей по крестьянскимъ дѣламъ и многими другими лицами изъ русскихъ.

Къ главѣ VII, *стр. 168*: Во встрѣчѣ славянскихъ гостей на Гродненской станціи большое участіе приняли дамы, угощавшія путешественниковъ чаемъ и предложившія имъ цвѣты. Особенно былъ тронутъ этимъ пріемомъ Я. Ф. Головацкій, которому Е. О. Бѣленкова поднесла букетъ отъ общества Гродненскихъ дамъ и сказала сердечное привѣтстіе въ нѣсколькихъ словахъ. На предложенный за шампанскимъ тостъ за здоровье гостей отвѣчалъ Браунеръ, предложившій тостъ за славянскихъ дамъ.

Къ главѣ VII, *стр. 176*: При встрѣчѣ славянскихъ гостей на Псковской станціи желѣзной дороги, дамы также принимали большое участіе. Въ числѣ привѣтствій, въ изданномъ у Чеховъ описаніи путешествія въ Россію *(Pout Slovanuv do Ruska roka 1867 a její vyznam)*, упоминается привѣтствіе губернскаго предводителя князя Шаховскаго, который сказалъ: „Господа! Посѣщеніе дорогихъ гостей нашихъ наполняетъ насъ великою радостью. Увѣряемъ васъ нашею братскою любовью, что наша старославянская столица Москва и Петербургъ яснѣе вамъ выразятъ, что Русскіе — народъ славянскій, любя-

щій своихъ братьевъ Славянъ.“ На это отвѣчалъ Палацкій: „Благодаримъ васъ за вашу любовь, и будемъ помнять о ней во всю жизнь. Самый уже пріѣздъ нашъ свидѣтельствуетъ лучше всего о томъ, что мы питаемъ къ вамъ братскую любовь, равную той, съ какою вы насъ встрѣчаете.“ Послѣ тоста, предложеннаго гостями въ честь русскихъ дамъ, г-жа Окунева предложяла тостъ за женъ славянскихъ гостей, а Головацкій — за жителей Пскова.

Къ главѣ VIII, *стр. 203:* Рѣчь, сказанная на Кирилло-Меѳодіевскомъ всеславянскомъ праздникѣ, 11-го мая 1867 года, въ С.-Петербургѣ, окружнымъ протопресвитеромъ Урошемъ Милютиновичемъ, весьма замѣчательная по языку своему, напоминающему церковно-славянскій, была недавно напечатана въ *„Духовной Бесѣдѣ“ №* 28. Перепечатываемъ ее здѣсь:

„Какъ-что мати приходящаго къ ней, удаленнаго и отъ много лѣтъ невиданнаго, сына своего съ презѣльною радостію въ матерняя своя объятія воспріемлетъ: тако прямо воспрія и пріемлетъ насъ, юго-западныя славяны, великая славянская мати Руссія.

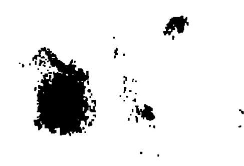
„На всякой бо вящшей станціи и на всякомъ почти мѣстѣ, камо ни пріидохомъ и гдѣ ни явихомся, явися въ той часъ предъ нами громогласное симпатичное энтузіазма восклицаніе, явися искренно презѣльныя братскія любве стремленіе; явися же и тщательнѣйшаго гостепріимства и угощенія безпримѣрна молва. Самая нѣка невидима сила, видяшеся управляла сердцами насъ единородныхъ братій.

„И по истинѣ, если оставимъ нынѣшню бытность и возвратимся назадъ на удаленнѣйшу прошлость, на оную сирѣчь прошлость, которая старша отъ повѣстницы есть и въ предѣлахъ гаданій находится,.. то видимъ, како́перви праотцы наши изъ предѣловъ Руссіи произошли и, скотопасенію отдани бывше, еще тогда расширилися были отъ Ледовитаго моря до Ядранскаго (Адріатическаго) и отъ Чернаго до Бѣлаго, отъ горъ же Уральскихъ до Альпійскихъ. Всю тую часть земли, еще въ тое престарое время они въ обиталище свое имѣяху. Видимъ ктому, да ови отъ праотцевъ нашихъ, которые посредѣ земли тоя живяху и, свободни движущеся, сѣмо и тамо скитахуся и братъ отъ брата разсѣявахуся, — имя получиша „Скити“ и „Разсѣяни“; откуду Россіяне, Русси и Расси; откуду и мы, сербы, до сего дне называемся отъ венгровъ и нѣмцевъ „Рацы и Райцы“. Вопреки же, ови праотцы перви наши, котори на краехъ земли славянскія живяху и котори, отъ сосѣднихъ чужихъ племенъ нападани бывше, дабы отпоръ имъ дати могли, принуждени быша во едино собиратися, — названи суть „Собыри, Сабри и Сорабы, — противуположно отъ „Разсѣяни“; откуду и днесь суть „Серби и Сорабы“, откуду и на сѣверѣ славянстѣмъ „Сибирія“ а на юзѣ „Сербія“. Еще же ови отъ нашихъ праотцевъ, кото-

ри въ ближайшемъ сосѣдствѣ германовъ живяху, прозвашася „Словени и Словенцы", яко слово едино съ прочи славяни имѣяху; прозвашася же тако противоположительнѣ имени „Нѣмецъ" иже языка не разумѣвающе славяни за нѣма держаху. Видимъ далѣе, въ тѣхъ же предѣлѣхъ гаданій, и тое, что хотя тако въ древнѣйшая времена славяни подъ разными именами быша, ничѣмъ меньше—они составляху одинъ и тойже народъ славянскій и на единой и той частп земли вси нераздѣльно, *компактъ* тако рещи, живяху. И перви убо быша Волсцы, латинское племя, нынѣшни Власи, прозвани въ послѣдня времена „Романи" (котори отъ римлянъ побѣждени бывше, и дабы имъ безопасными отъ нихъ сотворитеся, прогнани быша изъ отчизни ихъ; котори же, пришедши въ землю славянскую, поселишася на лѣвей странѣ славянскаго Дуная, — въ утробѣ убо славянской), — тіи перви тѣмъ раздѣлиша единъ и той же славянскій народъ на сѣверныя и южныя славяни; тѣмъ же и даша поводъ римлянамъ, да южныялаэ вяни „Иллирами" прозовутъ, яко ихъ выну съ *лирою* за скоты своими ходящія видяху. Послѣ того поселенія Волсковъ въ пятомъ столѣтіи, пріидоша Уни, монгольское племя, подъ вождемъ своимъ Аттилою, — и тѣхъ знатная часть оста въ утробѣ славянской. Послѣди же, при краю девятаго вѣка, пріидоша Венгри, подъ вождемъ своимъ Арпадомъ; и тіи, вселившеся во утробу славянскаго народа, конечно раздѣлиша той въ южныя и сѣверныя славяны.

„Вси убо тіи дѣлиша и раздѣлиша насъ, единоутробную братью; но раздѣлиша насъ точію тѣлеснѣ. Не могоша бо раздѣлити единородную кровь нашу славянску. Не могоша раздѣлити ни единороднаго языка нашего славянскаго. Не могоша же раздѣлити совсѣмъ и уничтожити ни единомыслія и единодушія нашего славянскаго. Ово оста во многихъ странахъ юга въ союзѣ сѣвера цѣло и неповрежденно; точію же на краехъ оныхъ земли славянскія, которіи быша ближайши Риму, — оному гордому подчинителю и угнетателю чужихъ племенъ, единомысліе и единодушіе наше славянское пострада.

„И во истину, какъ-что Просвѣщеніе христіанское (то есть, Просвѣтитель міра — Христосъ Господь), съ небесе на землю пришедше, отъ ненависти іудеевъ пострада, распято, умерщвлено и во гробъ низведеся: тако и единомысліе и единодушіе наше славянско отъ зависти римлянъ пострада и умерщвлено, аки во гробѣ лежаще. Но какъ-что Просвѣщеніе христіанское оживе и воста изъ гроба: тако и единомысліе и единодушіе наше славянское днесь нача оживати и воскресати. И далъ бы Господь Богъ, да какъ-что просвѣщеніе христіанское успѣ во благо всего рода человѣческаго, во спасеніе того временное и вѣчное: тако дабы и единомысліе и единодушіе наше славянско предуспѣло

во славу самаго того Просвѣщенія христіанскаго, во славу премудрости и правды Божіей!

„Тѣмъ, въ союзѣ желанія того теплѣйшаго, еще желаю, да дастъ Господь великой славянской матери-Руссіи и нарочитымъ сыновомъ ея — Руссомъ, молитвами святыхъ, днесь прославляемыхъ, учителей нашихъ славянскихъ, Кирилла и Меѳодія, — которыхъ языкомъ я, удаленъ сый, счастіе имѣю возгласить настоящій *тоастъ*, прямо въ день памяти ихъ, здѣ, въ Петроградѣ, и посредѣ всѣхъ племенъ славянскихъ,—да дастъ, глаголю, Господь Богъ вамъ, велика и предрага братья Русси, за всяку вашу братску любовь, за ваше всякое прями къ намъ, меньшей братіи своей, указуемое и указатися имущее, усердіе, благодѣяніе же и помощь,—стократное воздаяніе, да дастъ вамъ отъ тука земнаго и отъ росы небесныя свыше всякое изобиліе, да можете всегда преподавати и требующимъ, да дастъ вамъ, малымъ и великимъ. здравіе, долгоденствіе, спокойную во всемъ жизнь и надъ всѣми враги славянскими побѣду и одолѣніе — на многая лѣта!!!"

Къ главѣ VIII, *стр. 236:* Рѣчь г. Иваницкаго такъ передана въ брошюрѣ *„Pout Slovanuv do Ruska"* (стр. 46):

„Милые братья Славяне! Послѣ тысячелѣтняго существованія русскаго государства дожили мы до такой великой и священной минуты, когда раздѣленные различные славянскіе народы, какъ бы чудомъ, вопреки всѣхъ препятствій, на зло своихъ недоброжелателей и враговъ сошлись наконецъ вмѣстѣ *(Ура!)*. Какъ описать тотъ восторгъ, которымъ наполняетъ насъ это событіе? Россія прожила тысячу лѣтъ и не даромъ проливала во все это время свою кровь за драгоцѣнную самостоятельность и за свое величіе; она достигла силы и могущества, давшихъ ей первое мѣсто между всѣми славянскими народами. Но къ сожалѣнію, при своемъ внѣшнемъ возрастаніи Россія до сихъ поръ въ своихъ внутреннихъ интересахъ, въ дѣлѣ просвѣщенія и науки, была во власти своихъ же непріятелей Нѣмцевъ. Они втѣснились къ намъ и подъ предлогомъ цивилизаціи искажали и омрачали дорогой для насъ языкъ нашъ. Они не служили намъ, но дѣйствовали противъ насъ, на пагубу нашего народнаго духа. Но мы ужъ невѣримъ въ нѣмецкую науку *(Слава! живіо!)* Вы, Чехи имѣете не мало ученыхъ и славянскихъ мужей, вы народъ просвѣщенный, вы должны занять у насъ то мѣсто, которое занимали до сихъ поръ Нѣмцы. Вы же знаете и понимаете наши славянскіе интересы; а Нѣмцы дѣлали карикатуру изъ Славянской Россіи! За духовное соединеніе всѣхъ славянскихъ племенъ! Ура!" *(громкія и продолжительныя рукоплесканія).*

Къ главѣ IX, *стр. 331:* Приводимъ здѣсь текстъ того привѣта съ которымъ студенты московскаго университета обратились къ рус-

скимъ студентамъ львовскаго университета, къ сербскимъ бѣлградскаго, къ чешскимъ пражскаго и южно-славянскимъ вѣнскаго:

„Братья Славяне!

„На скромную этнографическую выставку съѣхались въ Москву со всѣхъ сторонъ обширной славянской земли писатели, ученые частные люди. Они увидѣли ту братскую любовь, ту родственную преданность, которую питаетъ къ вамъ весь русскій народъ. Мы же студенты, привѣтствуемъ васъ нашихъ братій по языку и по племени, нашихъ товарищей по наукѣ.

„Изслѣдованія славянскихъ и русскихъ ученыхъ положили основаніе духовному единенію Славянъ. Намъ, молодому поколѣнію, остается развить и осуществить эту мысль. Когда она разовьется и охватитъ весь славянскій міръ, тогда не будетъ страшенъ для него гнетъ Турокъ, Мадьяръ или Нѣмцевъ.

„Всѣ Славяне, несмотря на различіе общественнаго положенія должны чувствовать себя прежде всего членами одной семьи. Но чтобы это сознаніе покоилось на твердыхъ основаніяхъ оно должно, чрезъ просвѣщеніе, проникнуть во всѣ слои народа, войдти въ его плоть и кровь: единство литературнаго языка одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ къ тому средствъ.

„Наша обязанность всѣми силами содѣйствовать достиженію этой великой цѣли; мы твердо вѣримъ что пріидетъ то счастливое время-что оно не далеко, когда весь славянскій міръ, несмотря на различіе государствъ и правительствъ, составитъ одно цѣлое по духу, по языку, наукѣ. Тогда славянское племя вполнѣ займетъ подобающее ему мѣсто среди другихъ образованныхъ народовъ тогда оно поистинѣ назовется народомъ Славы!“—Москва 23-го мая (4-го іюня) 1867 года.

Къ главѣ XI, *стр. 406:* Вопреки ожиданіямъ, нѣкоторые изъ славянскихъ гостей пострадали за свою поѣздку въ Россію. Такъ: Суботичъ потерялъ свое мѣсто въ высшемъ судилищѣ хорватскомъ и при отставкѣ не получилъ даже пенсіи; у Полита отнято было право адвокатуры; Матія Мaяръ подвергнутъ денежной пенѣ епископомъ Цѣловца (Klagenfurt); у Владана Георгіевича бѣлградскій министръ Цукичъ отнялъ правительственную стипендію за „рѣчи, унижавшія достоинство сербскаго правительства,“ которыя онъ будто бы произнесъ въ Россіи. Такъ поступали власти. Славянское же населеніе радушно привѣтствовало гостей, возвратившихся изъ Россіи. Такъ для барона Виллани устроены были жителями города Бенешова, при его въѣздѣ, тріумфальныя арки, дана была серенада и произнесено нѣсколько благодарственныхъ рѣчей. Субботичу также устроена была серенада и овація, причемъ его бюстъ былъ поставленъ на той же площади, гдѣ красуется памятникъ бану Елачичу. Членъ общества для

изученія южно-славянской исторіи и языка Матковичъ, читавшій въ обществѣ докладъ о выставкѣ, встрѣченъ былъ криками: *живіо!* Головацкаго посѣтили русскіе слушатели львовскаго университета и благодарили его за рѣчь, произнесенную имъ на обѣдѣ 11-го мая въ Петербургѣ, въ которой „онъ такъ вѣрно передалъ вѣрованія и надежды трехмилліоннаго русскаго населенія Австріи.“ Головацкій передалъ галицкимъ студентамъ привѣтъ отъ московскихъ. Такой же привѣтъ переданъ былъ Шафарикомъ бѣлградскимъ студентамъ, которые отвѣчали адресомъ къ московскимъ студентамъ и приглашеніемъ посѣтить „скупштину сербской омладины“, которая должна была произойдти въ Бѣлградѣ въ первой половинѣ августа. Нѣкоторые изъ московскихъ студентовъ приняли это приглашеніе. Къ числу другихъ результатовъ славянскаго съѣзда должно отнести большее рвеніе, съ какимъ стали изучать вообще въ славянскихъ земляхъ, а въ чешскихъ въ особенности, русскій языкъ и литературу и все что касается Россіи. Читателямъ нашимъ остается слѣдить за газетными извѣстіями о такомъ движеніи Славянъ. Надо желать, чтобы русское общество было въ уровень съ тѣмъ положеніемъ, до котораго возвышаютъ его обще-славянскія стремленія.

Къ главѣ XI, *стр. 410:* Въ засѣданіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, 14-го іюля сего года, былъ представленъ Обществу отчетъ распорядительнаго комитета по устройству этнографической выставки.

Въ кассу комитета поступило:

1) Отъ продажи билетовъ для входа на выставку. (Всѣхъ билетовъ было продано 83.048).	43.078 р. — к.
2) Изъ суммы министерства государственныхъ имуществъ по Высочайшему повелѣнію...........	2.000 „ — „
3) Отъ разныхъ учрежденій и лицъ на исполненіе манекеновъ..	435 „ — „
Всего....	45.513 р. — к.

Сверхъ поступившихъ суммъ, г. предсѣдатель комитета выставки, Василій Андреевичъ Дашковъ, предложилъ 10-го мая 1865 г. *тринадцать тысячъ* и въ декабрѣ 1866 г. еще *пять тысячъ* рублей. Этотъ капиталъ расходовался до открытія выставки и былъ возвращенъ В. А. Дашкову изъ суммы сбора.

На устройство выставки были произведены слѣдующіе расходы:

1) На пріобрѣтеніе костюмовъ и этнографическихъ предметовъ въ Россіи.........................	1.304 р. 56 к.

2)	— — въ славянскихъ земляхъ......	3.664 р. 95 к.
3)	Транспортныхъ и почтовыхъ.................	1.472 „ 10 „
4)	Типографскихъ................................	1.235 „ 65 „
5)	На исполненіе манекеновъ.....................	12.401 „ 13 „
6)	На устройство ботаническаго отдѣла...........	3.249 „ 62 „
7)	На архитектурное устройство выставки........	9.089 „ 50 „
8)	На декоративныя принадлежности..............	1.897 „ 40 „
9)	Уплачено артельщикамъ, жандармамъ, разнымъ рабочимъ, музыкантамъ и пр..................	5.259 „ 43 „
10)	Израсходовано комитетомъ на командировки...	660 „ — „
11)	Израсходовано на канцелярію.................	411 „ 27 „
12)	Уплачено московскому 1-й гильдіи купцу Ананову вслѣдствіе требованія его за потертые ковры.	220 „ — „
	Всего...	40.865 р. 61 к.

Кромѣ означенныхъ расходовъ, Обществу предстоитъ еще покрыть расходъ на присужденныя медали и нѣкоторыя другія текущія выдачи.

Представивъ Обществу наличный остатокъ........ 4.647 р. 39 к.

Распорядительный комитетъ въ своемъ отчетѣ указалъ на слѣдующіе результаты, достигнутые выставкою:

1) Доходъ выставки далъ возможность комитету возвратить Василію Андреевичу Дашкову вполнѣ тотъ капиталъ въ 18.000 р., который ссудилъ г. предсѣдатель комитета Обществу, и съ которымъ комитетъ началъ свою дѣятельность. Часть этого капитала В. А. Дашковъ пожелалъ употребить на предложенное имъ изданіе: „Описаніе выставки и музея“ и на предложенный имъ для конкурса три преміи.

2) Съ помощью выставки, Общество пріобрѣло въ собственность обширную этнографическую коллекцію, которую передать въ собственность московскаго публичнаго музея съ наименованіемъ ея „Дашковскимъ этнографическимъ музеемъ, устроеннымъ при содѣйствіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія при Московскомъ унивевситетѣ.“

Эта коллекція, содержащая 288 манекеновъ, до 450 костюмовъ, до 1.000 нумеровъ предметовъ домашняго быта, орудій и моделей и до 1.600 рисунковъ и фотографій, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по выставкѣ и уплатою основнаго капитала, остается внѣ всякихъ матеріальныхъ затратъ. Цѣнность ея по приблизительному, самому умѣренному разсчету, превышаетъ 50.000 руб.

3) На выставкѣ была устроена и антропологическая коллекція Общества, которая передана въ настоящее время въ собственность Московскаго университета. Эта коллекція, вмѣстѣ съ курганною, содер-

жить до 600 череповъ и костяковъ, 80 муммифицированныхъ мозговъ и 23 антопологическихъ снаряда. На устройство этой коллекціи А. П. Богдановъ употребилъ до 2.000 р., а Общество назначило изъ сбора съ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ мартѣ и апрѣлѣ, около 600 р.

4) Вмѣстѣ съ антропологическою коллекціей было составлено и археологическое собраніе, заключающее древности изъ кургановъ и орудій доисторическаго вѣка, въ числѣ болѣе 300 нумеровъ.

5) Далѣе комитетъ, имѣя въ виду, что этнографическій альбомъ Павлова, удостоенный награды отъ Географическаго Общества, составитъ весьма важное обогащеніе для публичнаго музея, нашелъ особый фондъ въ 750 руб. для уплаты г. Павлову.

и 6) Наконецъ комитетъ озаботился устройствомъ на выставкѣ лотереи-аллегри, сборъ съ которой предназначался въ пользу недостаточныхъ студентовъ Московскаго университета. Собранная сумма 602 р. 20 к. передана г. инспектору студентовъ.

